АЛЬБЕРЪ ТОМА и ЖАНЪ ЖОРЕСЪ.

Исторія Второй Имперіи.

Съ предисловіемъ **Шарля Андлера.**

Переводъ съ французскаго
Ю. М. СТЕКЛОВА.

БИБЛІОТЕКА
ИМ. ДЕРЯГИНА
МОСКВА
ПРОТИВЪ МАЛЕНКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книжный складъ „ПРОВИНЦІЯ“.

С.-Петербургъ, Екатерининская 4.

Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи т. I—75 к.
Эритье. Исторія франц. революціи 48 г. и второй респ. со мног. иллюстр.—1 р. 50 к.
Ренаръ. Республика 48 г. во Франціи.—1 р. 50 к.
Жеффруа. «Заключенный». (Жизнь и револ. дѣят. О. Бланки).—80 коп.
Лозинскій. Исторія второй франц. республики.—2 р. 50 к.
Эфруси. Великая революція во Франціи.—35 к.
Жоресъ. Исторія великой французск. револ. т. I.—2 р. 50 к.
Оларъ. Политическая исторія велик. франц. револ.—2 р. 50 к.
Бахъ. Австрія въ первую половину XIX в. (Австр. революція).—2 руб.
Блоссъ. Великая французская революція.—65 к.
Блоссъ. Исторія германской революціи.—1 р. 50 к.
Лиссагарэ. Исторія Коммуны.—70 коп.
Іеккъ. Интернаціоналъ.—80 к.
Мижуевъ. Исторія американской демократіи.—1 р.
Тарле. Исторія Италіи въ новое время.—1 р.
Бойзенъ. Новая Зеландія.—30 к.
Парвусъ. Въ рядахъ германской соціалъ-демократіи.—1 р.
Вейль. Исторія соціальнаго движенія во Франціи.—1 р. 80 к.
Луи Бланъ. Исторія французской революціи.—3 р.
Штернъ. Исторія революціи въ Англіи.—2 р.
Кеннанъ. Сибирь и ссылка.—60 коп.
Ключевскій В. Русская исторія т. I, II и III по 2 р. 50 к.
Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры 4 книги 4 р. 25 к.
Выборгскій процессъ.—1 р. 50 к.
Сватиковъ. Общественныя движенія въ Россіи.—60 к.
Кропоткинъ. Записки революц.—1 руб.
Степнякъ. Подпольная Россія.—1 руб.

Книжный складъ „ПРОВИНЦІЯ“ ставитъ своей задачей выполненіе всевозможныхъ требованій на книги со стороны провинціальныхъ заказчиковъ.

Складъ принимаетъ заказы на составленіе новыхъ и пополненіе существующихъ библіотекъ: городскихъ, общественныхъ, частныхъ, школьныхъ, народныхъ и т. д.

По соглашенію съ библіотеками, книжными магазинами и частными лицами складъ высылаетъ новыя книги по всѣмъ или опредѣленнымъ отраслямъ.

Библіотекамъ и учебнымъ заведеніямъ дѣлается скидка по соглашенію.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

(1789—1900).

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

ЖАНА ЖОРЕСА.

Томъ X.

Вторая Имперія

(1852—1870)

АЛЬБЕРА ТОМА

(съ предисловіемъ **Шарля Андлера**).

Въ переводѣ **Ю. Стеклова.**

Томъ XI.

Франко-Прусская война

ЖАНА ЖОРЕСА.

Въ сокращенномъ переводѣ **Ю. Стеклова.**

Книгоиздательство „Даль".

1908.

7422 „Т-во Художеств. Печати", Спб., Ивановская, 14.

Предисловіе.

Изъ любезности къ старшимъ товарищамъ, уступившимъ ему свое мѣсто въ ряду сотрудниковъ «Соціалистической Исторіи» [1]), и съ присущей ученому скромностью Альберъ Тома просилъ меня и Люсьена Герра замолвить за него словечко передъ публикой. Онъ и не подозрѣваетъ, что оправдываться приходится не столько ему, сколько намъ, такъ какъ слово-то нарушили мы. Развѣ сильная книга, которую онъ намъ подарилъ, не говоритъ въ его пользу гораздо громче, чѣмъ это можемъ сдѣлать мы? Спеціалисты-историки и партійные товарищи знали, что онъ обладаетъ выдающейся трудоспособностью и проницательностью, но никогда эти способности не проявились въ болѣе рельефной формѣ. Задачу, которую намъ, вѣроятно, не удалось бы благополучно довести до конца, даже если бы наши профессіональныя занятія не помѣшали намъ взяться за эту работу, онъ выполнилъ въ самое короткое время, выполнилъ солидно и оригинально. И извиняясь передъ читателями въ неисполненіи принятаго на себя обязательства, мы въ то же время съ удовольствіемъ констатируемъ, что могли расчитывать на такого добросовѣстнаго замѣстителя, столь увѣренно владѣющаго пріемами историческаго изслѣдованія и столь счастливаго въ своихъ изысканіяхъ.

Выполненная имъ работа заслуживаетъ особенной похвалы, если имѣть въ виду, что отчасти она была неосуществима. Исторія составляется путемъ послѣдовательной сводки сырого матеріала; она предполагаетъ наличность обширныхъ изслѣдованій по первоисточникамъ и сводокъ въ видѣ многочисленныхъ монографій. И вотъ у насъ до сихъ поръ нѣтъ еще бо̀льшей части такихъ монографій относительно Второй Имперіи. Исторію рабочаго класса можно ясно понять только путемъ изученія общей соціально-экономической исторіи. Для этой цѣлостной исторіи соціальной жизни въ эпоху Второй Имперіи отсутствуютъ еще подготовительныя работы, и даже для политической исторіи намъ не хватаетъ труда Шарля Сеньобоса, который когда-нибудь, безъ сомнѣнія, снова возьмется за эту работу.

Для пониманія періода, характеризующагося кореннымъ переворотомъ въ области промышленныхъ методовъ, техники и дисциплины, для насъ прежде всего была бы необходима подробная исторія техническаго

1) Предлагаемое сочиненіе А. Тома „Исторія Второй Имперіи“ представляетъ X томъ выходящей подъ редакціею Жана Жореса серіи монографій подъ общимъ заглавіемъ Соціалистическая Исторія (XIX вѣка). Первоначально предполагалось, что „Исторію Второй Имперіи“ напишутъ Шарлъ Андлеръ и Люсьенъ Герръ.—*Прим. пер.*

прогресса. Альберъ Тома могъ внимательно изучить отчеты о Всемірныхъ Выставкахъ, для того чтобы придти къ тому выводу, что пролетаризація массъ въ общемъ совершалась въ такомъ же направленіи, какъ это описано Карломъ Марксомъ для Англіи. Но нужно было не только описать съ точки зрѣнія ихъ технической новизны явленія разсматриваемаго періода, новую металлургическую промышленность, усовершенствованія паровой машины и ткацкаго станка, поразительное развитіе рабочихъ машинъ, изобрѣтеніе турбинъ, въ сильнѣйшей степени увеличившее утилизацію двигательной силы воды, начавшееся промышленное примѣненіе динамическаго электричества и т. п.; слѣдовало кромѣ того разсмотрѣть, какія изъ этихъ новыхъ изобрѣтеній дѣйствительно получили практическое примѣненіе въ національной промышленности и къ какимъ измѣненіямъ въ распредѣленіи рабочихъ силъ, къ какимъ перемѣнамъ въ повседневной фабричной жизни, въ вознагражденіи труда и въ производствѣ они привели. Голаго подсчета утилизируемыхъ въ французской индустріи паровыхъ силъ, какой напримѣръ приводится въ «Статистикѣ Франціи», здѣсь недостаточно. Спеціальные экономическіе журналы также не дали точнаго изслѣдованія этихъ важнѣйшихъ соціальныхъ проблемъ. Въ этомъ отношеніи необходимы были бы монографическія обслѣдованія отдѣльныхъ фабрикъ и отраслей промышленности, предполагающія изученіе частныхъ архивовъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ фабричныхъ заведеній и точное ознакомленіе со всей ихъ отчетностью. Нѣкоторыя промышленныя компаніи, какъ напримѣръ Лотарингская и Мюльгаузенская, помѣстили въ своихъ бюллетеняхъ краткіе очерки мѣстной фабричной исторіи. Мы еще не видали примѣра, чтобы французскіе фабриканты допускали такія основательныя обслѣдованія, какъ тѣ, какія неоднократно производились въ Германіи за счетъ Круппа или Сименса и Гальске; Жоресу пришлось нѣкогда набросать исторію дома Казимиръ-Перье въ залѣ окружного суда. Точно такъ же статистика заработной платы и цѣнъ на съѣстные припасы, которую съ такой тщательностью и строгой методой ведетъ французскій Департаментъ Труда (Office du Travail), нуждается въ дополненіяхъ ретроспективными изслѣдованіями по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности и по отдѣльнымъ городамъ; и весьма желательно, чтобы почаще появлялись такіе труды, какъ работа Симіана о «Заработной платѣ французскихъ углекоповъ» въ XIX вѣкѣ.

Что поражаетъ при ознакомленіи съ многочисленными муниципальными монографіями, которыми мы располагаемъ, такъ это отсутствіе глубокаго интереса къ соціальнымъ вопросамъ. Въ интересахъ дѣла вовсе не требуются непремѣнно монографическія описанія мелкихъ городковъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности; можно только пожалѣть о томъ, что Понтуазъ, Алансонъ, Грэ и сотня столь же важныхъ городовъ имѣютъ свою исторію, въ то время какъ Марсель и Ліонъ ея не имѣютъ. Но сопоставляя историческія описанія множества мелкихъ поселковъ, можно составить себѣ точное представленіе о жизненномъ обиходѣ народной массы. У большинства историковъ, даже у самыхъ извѣстныхъ, преобладали археологическіе интересы; измѣненія въ направленіи улицъ, исторія монастырей и крупныхъ публичныхъ церемоній поглощаютъ, напримѣръ, все вниманіе заслуженнаго историка Камилла Жульяна, посвятившаго обширную монографію городу Бордо. А какъ отразились новые торговые договоры 1860 года, проникнутые фритредерскимъ духомъ, на

экономическомъ развитіи крупныхъ городскихъ центровъ; какое примѣненіе получилъ декретъ Персиньи отъ 1852 года, разрѣшавшій коммунамъ вводить у себя добавочное обложеніе, и какъ это и безъ того крайне ограниченное «самоуправленіе» на каждомъ шагу нарушалось префектами-усмирителями; какъ введена или завершена была организація муниципальныхъ службъ, какія при этомъ установлены были условія труда и заработной платы — всѣ эти вопросы не пытался освѣтить ни одинъ историкъ. Пользуясь изданіями различныхъ муниципальныхъ предпріятій такого сложнаго города, какъ Парижъ или Ліонъ, можно было бы возстановить нѣкоторыя важныя черты общественной жизни этихъ крупныхъ центровъ. Для остальныхъ необходимо изученіе мѣстныхъ архивовъ; а между тѣмъ французскіе областные историки еще не достаточно воспитались въ смыслѣ проявленія надлежащаго интереса къ соціальной дѣйствительности, а дѣло пробужденія этого интереса, удачно осуществляемое новѣйшими спеціалистами по исторіи экономическаго быта въ французскихъ университетахъ, еще не сдѣлало такихъ успѣховъ, чтобы общая исторія могла уже воспользоваться спеціальными работами, которыя пока имѣются въ очень незначительномъ числѣ, мало связаны одна съ другой и не доведены еще до періода Второй Имперіи.

А между тѣмъ въ матеріальномъ отношеніи развитіе муниципальной жизни никогда не совершалось съ такой интенсивностью, какъ въ эпоху Второй Имперіи, которая для большинства французскихъ крупныхъ городовъ была эрой процвѣтанія и быстраго преобразованія. «Османизмъ» былъ не только парижскимъ явленіемъ; въ Ліонѣ, Бордо, Марселѣ, Руанѣ, Шербургѣ и Гаврѣ также произведены были обширныя строительныя работы. Эти работы были необходимы и въ значительной своей части имѣли производительный характеръ. Онѣ отвѣчали потребности въ гигіенѣ и въ комфортѣ, новымъ потребностямъ обращенія и плаванія быстроходныхъ и крупныхъ судовъ; теперь эти потребности признаны безспорными. Указанныя работы предполагали облеченіе коммунъ широкимъ правомъ отчужденія; а это право (хотѣли-ли того его иниціаторы или нѣтъ), наперекоръ всякому чиновничьему надзору, съ этого момента создавало почву для новой системы муниципальнаго хозяйства и для контроля общественной власти надъ частной собственностью. Временные бараки этихъ крупныхъ общественныхъ предпріятій составили, какъ бы національныя мастерскія Второй Имперіи. Конечно, эта новая организація не свободна была отъ стремленія обуздать рабочихъ путемъ доставленія имъ работы, отъ той старой полицейской тенденціи, которая навсегда дискредитировала лицемѣрное основаніе національныхъ мастерскихъ въ 1848 году. Но во-первыхъ, эта организація во время Второй Имперіи была не безплодной, а производительной, а затѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ своемъ стремленіи залучить на свою сторону рабочихъ правительство Второй Имперіи нашло нѣкоторые способы, дающіе возможность ослаблять временную безработицу путемъ организаціи общеполезныхъ работъ.

Карлъ Марксъ уже отмѣтилъ, что голоса, упрочивавшіе Имперію, принадлежали крестьянамъ. Заботливое отношеніе императора къ сельскому населенію неоднократно проявлялось въ его рѣчахъ; а между тѣмъ въ дѣйствительности Вторая Имперія почти ничего не сдѣлала для крестьянства. Правительство старалось увеличить число сельскохозяйственныхъ обществъ; не слѣдуетъ также игнорировать значеніе осуши-

тельныхъ работъ въ Ландахъ, которыя сократили негодную для обработки площадь Гасконской области съ 283.000 гектаровъ до 9.500; коневодство сдѣлало за разсматриваемый періодъ замѣтные успѣхи. Но сельскохозяйственные синдикаты, которымъ префекты слишкомъ явно покровительствовали, не процвѣли. Власти недовѣрчиво относились къ праву собраній, даже если они ставили себѣ цѣлью исключительно обсужденіе чисто экономическихъ вопросовъ; еще въ 1869 году министерство не разрѣшило съѣзда винодѣловъ. Не разъ случалось, что префекты считали своимъ долгомъ запрещать уборку хлѣба, когда, по ихъ мнѣнію, жатва еще не созрѣла. Запрещалось проходить граблями по сжатому полю, для того чтобы бродячіе нищіе могли собирать оставшіеся колосья. Графъ Эстерно въ своемъ сочиненіи о «Привиллегированныхъ стараго и новаго режима» собралъ цѣлый рядъ пикантныхъ анекдотовъ, характеризующихъ комическія крайности правительственнаго отеческаго попеченія; а крестьяне, которымъ правительственные агенты съумѣли внушить паническій страхъ передъ рабочими, «стремящимися къ дѣлежу имуществъ», безропотно терпѣли вмѣшательство власти, охранительницы порядка, въ область самыхъ мелочныхъ частныхъ интересовъ. Впрочемъ, изъ 714 милліоновъ, помѣщенныхъ «Поземельнымъ Кредитомъ» въ недвижимыя имущества за 1852—1864 годы, онъ затратилъ половину на переустройство Парижа и только 57 милліоновъ ссудилъ сельскохозяйственнымъ предпріятіямъ. Деревенскій отходъ отнималъ у земледѣлія рабочія руки и вмѣстѣ съ тѣмъ велъ къ вздорожанію рабочихъ силъ. Скоропалительное переустройство большихъ городовъ, а также умопомрачительный ростъ промышленности содѣйствовали ухудшенію положенія французскаго земледѣлія. Крупные землевладѣльцы массами скупали участки задолженныхъ крестьянъ, а французскіе законы о регистраціи сдѣлокъ и высокія пошлины на отчуждаемыя имущества привели къ тому, что въ одномъ только 1862 году продано было на 2 милліарда франковъ крестьянской земли, причемъ расходы по совершенію купчихъ крѣпостей составляли 214 милліоновъ. Можно смѣло утверждать, что Имперія держалась главнымъ образомъ мужицкой темнотой, которая искусно поддерживалась организаціей народнаго образованія, отданнаго въ руки монашескихъ орденовъ.

Чѣмъ объясняется то обстоятельство, что рабочій классъ, который обхаживался Имперіей въ такой же мѣрѣ, въ какой крестьянство ею игнорировалось, первый взбунтовался и въ сущности никогда даже не соглашался заключить съ господствовавшимъ порядкомъ хотя бы временное перемиріе? Здѣсь особенно ясно обнаруживается, что императорское правительство чувствовало себя довѣреннымъ той промышленной буржуазіи, которая также желаетъ имѣть въ своемъ распоряженіи могучіе рабочіе батальоны, но хочетъ имѣть ихъ дисциплинированными, и которая не можетъ слишкомъ щедро ихъ оплачивать подъ страхомъ собственнаго разоренія. Политическій антагонизмъ между рабочими и Имперіей былъ просто выраженіемъ классоваго антагонизма между ними и хозяевами-капиталистами. Напрасно правительство основывало больницы, ясли, ночлежные дома, «экономическія кухни», поощряло городскія думы открывать дешевыя бани, строило на казенный счетъ рабочіе поселки въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ въ Парижѣ или «Наполеоновскій городокъ» въ Лиллѣ; напрасно субсидируемые театры давали даровыя представленія въ табельные дни; напрасно «Большое Парижское Кафе», от-

крытое у воротъ Сенъ-Дени съ пособіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, предоставляло рабочему возможность выпивать свой стаканчикъ по дешевой цѣнѣ при свѣтѣ роскошныхъ люстръ—рабочій классъ принималъ эти милости какъ должное, но не чувствовалъ за нихъ никакой благодарности къ правящимъ сферамъ. Внимательное изслѣдованіе, произведенное Альберомъ Тома со всей той точностью, какая только доступна для насъ въ настоящее время, показываетъ, что даже въ этотъ блестящій періодъ славнаго и быстраго расцвѣта крупнаго капитализма, опиравшагося на новыя механическія и химическія открытія, положеніе рабочаго класса не только не улучшалось, а скорѣе ухудшалось. Тома почерпаетъ въ писаніяхъ экономистовъ, преданныхъ правительству Имперіи, признаніе растущей пролетаризаціи массъ. Правда, размѣръ заработной платы повышался, но вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ и квартиръ перевѣшивало ростъ номинальной заработной платы (стр. 169 и слѣд.), а годичный бюджетъ рабочаго сводился растущимъ дефицитомъ или сокращеніемъ сбереженій. Императорскій режимъ, всегда игнорировавшій крестьянъ, не сдержалъ своихъ обѣщаній рабочему классу въ силу естественно-необходимаго дѣйствія капиталистической системы. Въ концѣ концовъ онъ обанкротился даже съ точки зрѣнія самого капитализма, доведя страну до послѣдней военной авантюры, взвалившей на всю націю бремя колоссальнаго долга, доставившей непріятелю милліарды, въ которыхъ тотъ нуждался для оплаты расходовъ по своей новой желѣзнодорожной сѣти и новой административной организаціи, и обезпечившей экономическое преобладаніе Германіи на континентѣ.

Главная оригинальная сторона сочиненія Альбера Тома заключается въ описаніи причинъ растущей вражды рабочаго класса къ Имперіи, описаніи, составленномъ по большей части на основаніи неизвѣстныхъ документовъ. Съ перваго же момента либеральная оппозиція расчитываетъ на рабочихъ; проповѣдь Эмиля Жирардэна 3 декабря 1851 г. начинается съ пролетарскаго боевого принципа, съ идеи «всеобщей забастовки» (стр. 11). Эта форма борьбы «со скрещенными на груди руками», «изоляціи» и «пустоты», съ помощью которой рабочіе въ настоящее время намѣреваются довести до смерти отъ истощенія буржуазный строй, если онъ будетъ отказывать имъ въ необходимыхъ правахъ, впервые выдвинута была либеральнымъ буржуа, если даже справедливо, что Бастелика, независимо отъ Жирардэна, пришелъ къ той же мысли въ эпоху Интернаціонала (стр. 336). И такими открытіями, крайне важными для исторіи идей, переполнена книга Тома.

Зато я, пожалуй, не позволилъ бы себѣ столь опредѣленно высказаться относительно поведенія рабочихъ въ день 2 декабря, какъ это сдѣлалъ онъ. Точность приводимыхъ имъ фактовъ тщательно провѣрена, но толкованіе этихъ фактовъ можетъ подлежать спору. Я, конечно, не думаю, чтобы рабочіе въ большинствѣ симпатизировали государственному перевороту, но они чувствовали вполнѣ естественное отвращеніе къ реакціонному парламенту Второй Республики. Далѣе, совершенно справедливо, что послѣ государственнаго переворота немедленно начался расцвѣтъ въ дѣловой сферѣ; можно привести такой промышленный центръ (напримѣръ, Мюльгаузенъ), гдѣ самыя крупныя текстильныя фабрики были сразу спасены отъ банкротства, а положеніе въ нѣсколько мѣсяцевъ улучшилось настолько, что сдѣлалось прямо блестящимъ. Отмѣченное Карломъ Марксомъ общее явленіе, повидимому, оправдалось

на Франціи 1851 года: революція возможна только въ эпохи экономическаго кризиса; но при возобновленіи хорошихъ дѣлъ рабочіе не возстаютъ. Опасный моментъ экономическаго кризиса прошелъ въ 1849 году, и если нѣкоторая заминка продолжалась вплоть до 1851 г., когда начало уже вырисовываться оживленіе въ дѣлахъ, то именно этой заминкѣ положилъ конецъ государственный переворотъ, «обезпечивъ порядокъ».

Альберъ Тома сообщаетъ новые интересные факты относительно дней 2—4 декабря и относительно послѣдовавшихъ затѣмъ волненій въ провинціи. Онъ напоминаетъ, какъ распредѣлялись по профессіямъ люди, убитые во время обстрѣла бульваровъ, и даетъ болѣе точную статистику корпорацій, къ которымъ принадлежали лица, осужденныя военными комиссіями. Конечно, старыя революціонныя корпораціи, какъ сапожники, столяры, портные и ткачи, доставляютъ славный контингентъ мятежниковъ; но вѣдь все это какъ разъ «ремесленники», «рабочіе» въ старомъ смыслѣ этого слова, а пролетаріи, работающіе въ угольныхъ копяхъ, на металлургическихъ заводахъ и въ крупной текстильной промышленности, проявляютъ полное бездѣйствіе. Какой глубокій интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи произведенный Альберомъ Тома анализъ отчетовъ, доставлявшихся генеральными прокурорами (стр. 87 и слѣд.)! Эти чиновники съ изумленіемъ констатируютъ, что рабочій классъ «зараженъ гангреной соціализма» (стр. 90), несмотря на «небывалый расцвѣтъ промышленности». Но рабочій классъ, сохранившій вѣрность своимъ убѣжденіямъ, при всемъ томъ безмолвствуетъ. Онъ знаетъ, что противъ него стоитъ не только большинство крестьянскихъ и буржуазныхъ голосовъ, но и вооруженная сила, звѣрство которой онъ испыталъ на себѣ въ іюньскіе дни; наконецъ, онъ связанъ по рукамъ и ногамъ экономической необходимостью, которая господствуетъ надъ нимъ.

Но какими вѣрованіями жилъ рабочій классъ? Здѣсь Тома повелъ изслѣдованіе дальше г. Чернова. Онъ нашелъ въ тайныхъ обществахъ, гонимыхъ полиціей, въ манифестахъ, тайкомъ составлявшихся въ мастерскихъ, явные пережитки идей Бабэфа, Кабэ и Бланки (стр. 158 и слѣд.). Роль этихъ отжившихъ свое время ученій заключалась въ томъ, что они поддерживали въ пролетаріатѣ его надежды и обманывали нетерпѣніе ожиданія вплоть до того момента, когда въ измѣнившейся экономической и политической средѣ могли выработаться новые методы и новая доктрина. Изученіе этого процесса идейно-организаторскихъ новообразованій и составляетъ основную оригинальность труда Альбера Тома. Въ эти годы глухого раздраженія растетъ классовое чувство, въ безконечной степени болѣе ясное и опредѣленное. За эти двадцать лѣтъ рабочій классъ рѣзко отмежевывается отъ буржуазнаго радикализма; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣтаетъ новый навыкъ къ широкимъ и медленнымъ обходнымъ движеніямъ, которыя одни только способны будутъ сжать въ своихъ побѣдоносныхъ объятіяхъ непріятеля. Несомнѣнно, пролетаріатъ еще не распрощался окончательно съ бланкистской тактикой, которая въ дни Коммуны должна была доставить ему послѣдній и иллюзорный частичный успѣхъ. Но уже и самъ Бланки научился искусству выжиданія. Въ 1869 г. (стр. 314), когда правительство провоцировало палату, партійные дѣятели одно время высказываютъ сожалѣніе по поводу неудачи «дня» 26 октября 1869 г. Но они избѣгаютъ «частичныхъ вспышекъ», стараясь сберечь силы для интегральной ре-

волюціи; а 12 февраля 1870 г., когда Рошфоръ возвращается съ похоронъ Виктора Нуара во главѣ двухсотъ-тысячной толпы и въ рѣшительный моментъ избѣгаетъ столкновенія съ войсками, собранными для разстрѣла народа, самъ Варлэнъ выражаетъ ему одобреніе за то, что онъ не послалъ на бойню лучшихъ солдатъ революціи (стр. 349).

Методъ, примѣненный новымъ соціалистическимъ движеніемъ, имѣлъ три стороны: экономическую, политическую и военную. Но во всѣхъ трехъ областяхъ—экономіи, внутренней политики и внѣшней политики этотъ методъ проникнутъ строго классовымъ чувствомъ, фанатизмъ котораго оправдывается тѣмъ, что соціализмъ сознаетъ себя единственнымъ носителемъ гарантій общеевропейскаго освобожденія. Этотъ методъ заключается въ тріединой тактикѣ: 1° Экономически—это всеобщая стачка, а ея подкладка — организація массъ, ихъ массовое выступленіе на защиту собственныхъ интересовъ, новый синдикализмъ; 2° Политически—это, смотря по условіямъ момента, массовое воздержаніе отъ подачи голоса, когда дѣло идетъ объ избѣжаніи политическихъ компромиссовъ съ буржуазнымъ республиканизмомъ, безплоднымъ по существу и уже проявившимъ свою испорченность въ своихъ избирательныхъ пріемахъ; а вскорѣ послѣ того—это массовая демонстрація въ видѣ рабочей кандидатуры; 3° Въ области внѣшней политики—это стачка народовъ противъ войны, а обратная сторона этой тактики—это массовое выступленіе съ оружіемъ въ рукахъ, когда дѣло идетъ о спасеніи свободы отъ опасности, угрожающей ей извнѣ.

Этотъ методъ не былъ выработанъ по какой нибудь теоретически предвзятой формулѣ; событія дѣйствительной жизни по частямъ навязали его практикамъ движенія, стремившимся къ достиженію конкретныхъ результатовъ, да притомъ далеко не всѣ сразу признали эту тактику въ цѣломъ. Я, думается, не впаду въ преувеличеніе, если скажу, что до Альбера Тома никто такъ глубоко не изслѣдовалъ этого процесса, въ теченіе котораго ощупью вырабатывался новый, основанный на опытѣ соціализмъ. Въ дѣлѣ этого изслѣдованія существенную помощь оказало автору его знакомство съ синдикализмомъ. Цѣлый рядъ извѣстныхъ или неизвѣстныхъ, но до сихъ поръ оставлявшихся безъ вниманія документовъ выступили благодаря ему въ своемъ истинномъ свѣтѣ; выяснилось, что между 1860 и 1870 гг. рабочій классъ насквозь перевоспитался подъ вліяніемъ «классовой борьбы», которая отнынѣ велась съ сознаніемъ, въ значительной мѣрѣ свободнымъ отъ туманнаго гуманитаризма. Новые теоретики, разгадавшіе эту «тайну парижскаго народа» или, вѣрнѣе, всего рабочаго класса, Корбонъ, Компаньонъ, Венсаръ, только въ наши дни достигли заслуженной ими извѣстности. Альберъ Тома извлекъ изъ ихъ сочиненій все, что выясняетъ намъ развитіе классоваго сознанія, которое въ 60-ые годы содѣйствовало моральному перерожденію рабочаго населенія. Онъ пользуется свидѣтельствомъ буржуазныхъ наблюдателей вродѣ Одигана, проницательныя заключенія котораго говорятъ о томъ же. И здѣсь генеральные прокуроры доставляютъ ему новый матеріалъ для доказательства своей мысли. Интересно видѣть, какъ общества взаимнаго вспомоществованія въ эпоху полной отмѣны права союзовъ и коалицій берутъ на себя роль отсутствующихъ синдикатовъ (стр. 182—185). Встрѣча французовъ съ англійскими трэдъ-юніонистами въ 1863 г., давшая толчокъ къ основанію Интернаціонала, содѣйствовала дальнѣй-

шему укрѣпленію чувства пролетарской солидарности. Проводившіяся въ этомъ духѣ стачки сначала, въ 1864 году, привели къ отмѣнѣ закона о коалиціяхъ, а затѣмъ въ 1869 г. рабочее движеніе въ своемъ естественномъ развитіи приводитъ къ идеѣ всеобщей забастовки, нѣкогда промелькнувшей въ умѣ Эмиля Жирардэна (стр. 336).

Главнымъ теоретикомъ политической борьбы былъ Прудонъ. Можно сказать, что сочиненіе, содержащее справедливую оцѣнку этого богатаго, неустойчиваго, но изобрѣтательнаго ума, еще не написано. Но изъ разсужденій Альбера Тома, несмотря на всѣ его оговорки, явствуетъ, что никогда Прудонъ не проявлялъ такой проницательности, какъ въ этотъ періодъ, когда, окончательно отдѣлавшись отъ утопизма и цѣликомъ занявшись тактическими проблемами, онъ писалъ свое главное произведеніе («О политической зрѣлости рабочаго класса») и выяснялъ различіе политической конъюнктуры, которое, смотря по условіямъ момента, превращаетъ массовый бойкотъ выборовъ или массовое голосованіе за чисто рабочую кандидатуру въ энергичнѣйшее средство пропаганды, которымъ располагаетъ рабочій классъ, достигшій самосознанія и старающійся не скомпрометтировать себя ни пошлыми избирательными дрязгами, ни случайными сдѣлками съ непостояннымъ и склоннымъ къ предательству буржуазнымъ либерализмомъ. Ниже (стр. 208—215) читатель прочтетъ «Манифестъ Шестидесяти», обнародованный въ 1864 году и впервые приведенный цѣликомъ у Альбера Тома. Этотъ документъ показываетъ, какъ прудонистскія идеи, изъ которыхъ вытекалъ «Манифестъ», способны были видоизмѣняться и углубляться благодаря сближенію съ передовыми рядами пролетаріата; онъ является какъ бы первой хартіей, которую далъ себѣ рабочій классъ съ цѣлью засвидѣтельствовать свою новую политическую зрѣлость.

Альберу Тома пришлось порыться въ коллекціяхъ множества газетъ для того, чтобы установить преемственность идей, изъ сочетанія которыхъ сложилось соціалистическое міровоззрѣніе этого реалистическаго поколѣнія. «L'Avenir National», «L'Opinion Nationale», «L'Electeur», «Le Réveil», «La Lanterne», «La Marseillaise», «Le Courrier Français», «La Rive Gauche» были только наиболѣе извѣстными изъ органовъ, выражавшихъ взгляды передовыхъ рабочихъ или республиканцевъ. Теперь міросозерцаніе пролетаріата уже не вырабатывается, какъ во времена утопизма, подъ вліяніемъ великихъ соціалистическихъ системъ, придуманныхъ выдающимися мыслителями. Только совокупныя усилія всѣхъ рабочихъ организацій, какъ въ идейной, такъ и въ практической области, способны справиться съ многосторонними потребностями борьбы, овладѣть которыми уже не можетъ умъ отдѣльнаго человѣка, какъ бы глубокъ и всеобъемлющъ онъ ни былъ.

Идея «стачки народовъ противъ войны», пущенная въ 1866 году газетами «Courrier Français» и «Rive Gauche», представляетъ одну изъ тѣхъ мыслей, которыя возникаютъ въ повышенной атмосферѣ народныхъ собраній и которыя впослѣдствіи осуществляются согласованными усиліями широкихъ массъ; и любопытно, что поставленная въ обстановку того времени и объясняемая тѣми мотивами, которые выдвинули ее наканунѣ битвы при Садовѣ, эта идея, столь гонимая въ наши дни, выступаетъ передъ нами во всемъ блескѣ человѣческаго благородства. То ученіе, которое за послѣднее время получило названіе «эрвеизма», стихійно сложилось въ 1866 году. Но сюда необходимо привнести соотвѣтствен-

ную поправку и не забывать, что рабочіе (стр. 255), отъ имени которыхъ говорили Верморель и Альберъ Ферме, первыми поспѣшили зачислиться въ маршевые батальоны и что они одни серьезно отнеслись къ національной оборонѣ въ то самое время, когда правящіе классы, опасаясь за свои матеріальные интересы, уже мирились съ непріятелемъ. Слѣдуетъ всегда напоминать буржуазіи, что единственными орудіями, не выданными нѣмецкой арміи, были пушки Коммуны. «Въ силу своеобразнаго поворота,—какъ замѣтилъ Левердэ въ своемъ памфлетѣ «Конецъ сильной власти»,—первоначальные сторонники мира превратились впослѣдствіи въ самыхъ ярыхъ партизановъ войны до послѣдней капли крови». Столь же естественно, что именные списки этихъ маршевыхъ батальоновъ, гдѣ фигурировали наиболѣе извѣстные члены Интернаціонала, превратились въ рукахъ майскихъ усмирителей въ списки подозрительныхъ лицъ. Рабочіе 1871 года не думали, что у пролетаріевъ нѣтъ отечества; они только полагали, что отечество рабочихъ въ моральномъ отношеніи отличается отъ того отечества, которое защищаетъ буржуазія.

Для созданія активной и могучей организаціи новаго соціализма потребовалась продолжительная выучка. Профессіональная группировка по мастерскимъ или въ обществахъ взаимопомощи, объединенныя кассы предусмотрительности составляютъ опытное поле, на которомъ рабочіе изо дня въ день знакомятся съ трудными сторонами и дисциплиной экономической солидарности. Интернаціоналъ исполнялъ функцію высшаго руководства, «революціоннаго мастерства», по выраженію Бастелика (стр. 355). Какимъ образомъ тогдашніе соціалистическіе дѣятели, несмотря на всѣ полицейскія придирки, съумѣли установить связь между секціями Интернаціонала и связать между собою различныя федераціи; какъ они временно съумѣли путемъ личныхъ связей осуществить объединеніе экономической, синдикальной организаціи съ политической, объединеніе, казавшееся невозможнымъ въ виду массы предубѣжденій, — вотъ вопросы, окончательно рѣшенные предлагаемой книгой Тома́. Притомъ автору неожиданно повезло: онъ могъ сопоставить документы, съ такой тщательной заботливостью опубликованные Джемсомъ Гильомомъ, съ драгоцѣнной неизданной перепиской, находящейся въ распоряженіи Альбера Ришара. Остается только пожелать, чтобы сама эта переписка была опубликована цѣликомъ и чтобы всѣ лица, располагающія документами, исходящими отъ дѣятелей того времени, ознакомили съ ними публику. Кромѣ того французская соціалистическая партія рано или поздно должна завести свой архивъ, какимъ уже обладаетъ нѣмецкая соціалъ-демократія. «Соціалистическая Исторія» неизбѣжно будетъ имѣть пробѣлы, если она будетъ закончена безъ такого подспорья. Но и въ своемъ настоящемъ видѣ она полна поучительнаго и бодрящаго значенія. Соціалистическая партія не можетъ не отдать себѣ отчета въ томъ, что ея историческая культура въ значительной степени развила въ ней способность сознательнаго отношенія къ дѣйствительности, а одной изъ самыхъ выдающихся чертъ, которыми научный соціализмъ отличается отъ стараго утопизма, является то новое сознаніе исторической необходимости и историческихъ возможностей, которое выработалось въ результатѣ критическаго изученія революціонной традиціи пролетаріата. Самые шансы на осуществленіе конечныхъ цѣлей соціализма представляются значительно возросшими при изученіи пути, пройденнаго пролетаріатомъ, причемъ съ очевидностью выясняется, что пролетаріатъ ускоряетъ свое по-

ступательное движеніе по мѣрѣ того, какъ онъ его исправляетъ. Еслибы сочиненіе Альбера Тома́ даже ничѣмъ другимъ и не было, кромѣ какъ источникомъ убѣдительной пропаганды, самопроизвольно вытекающей изъ объективнаго изложенія фактовъ и проникающей лучами живой надежды его книгу, то уже одно это вознаградило бы автора за затраченныя имъ усилія и сдѣлало бы его книгу трудомъ, имѣющимъ значеніе не безплодной эрудиціи, а полезной соціалистической работы.

ШАРЛЬ АНДЛЕРЪ.

Исторія Второй Имперіи.

АЛЬБЕРЪ ТОМА.

ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ

(1852—1870).

ГЛАВА I.

Отъ Елисейскаго дворца до Тюильрійскаго.

Государственный переворотъ 2-го декабря 1851 года былъ логическимъ послѣдствіемъ продолжительной борьбы, начавшейся въ срединѣ 1850 г. и ребромъ поставившей вопросъ: кому достанется власть надъ Франціей,—монархистамъ или бонапартистамъ, парламентскому большинству или президенту?

Относящіеся сюда факты достаточно извѣстны. Мы ограничимся характеристикой первыхъ шаговъ новаго режима въ эти печальные дни, первыхъ дѣйствій Второй Имперіи, своеобразную эволюцію которой мы намѣрены описать.

Какъ извѣстно, самому осуществленію государственнаго переворота предшествовалъ цѣлый рядъ подготовительныхъ шаговъ, предпринятыхъ президентомъ и его сообщниками. Они выработали весьма искусный и всесторонне обдуманный планъ дѣйствій.

Со времени октябрьскаго министерскаго кризиса министерство находилось уже въ рукахъ друзей и сообщниковъ Луи-Наполеона: Сентъ-Арно получилъ портфель военнаго министра; Мопа, префектъ Верхней Гаронны, занялъ постъ префекта полиціи вмѣсто Карлье (извѣстно, какъ послѣдній понималъ требованіе закона о гарантіи интересовъ подсудимыхъ). Армія подверглась надлежащей обработкѣ: генералъ Маньянъ, получившій съ 15 іюля постъ главноначальствующаго парижскаго гарнизона, привлекъ на сторону принца высшихъ офицеровъ, находившихся подъ его начальствомъ; остальное довершили банкеты Елисейскаго дворца. Записка, представленная 15 сентября военнымъ министерствомъ, сообщала подробныя свѣдѣнія о настроеніи офицерства и войскъ. Президентъ располагалъ арміей, полиціей и чиновничествомъ, то есть всѣми силами, которыя въ централизованномъ государствѣ обезпечиваютъ успѣхъ государственному перевороту. Наконецъ, представился благопріятный моментъ. Президентъ въ своемъ посланіи къ Національному Собранію предложилъ отмѣнить законъ 31 мая 1850 года; этотъ шагъ могъ заставить общество забыть о томъ, что именно правительство Бонапарта, его же собственное министерство въ свое время взяло на себя иниціативу этого изуродованія всеобщаго избирательнаго права. Въ сумятицѣ, поддерживаемой искусно распространяемыми слухами о заговорѣ роялистовъ, предложеніе квесторовъ «дало, по выраженію Маньяна, Елисейскому Дворцу сто очковъ впередъ» передъ большинствомъ Собранія. А съ другой стороны, уже одно то обстоятельство, что это предложеніе было отвергнуто, въ значительной степени способствовало успокоенію встревоженнаго общественнаго мнѣнія, опасавшагося государственнаго переворота.

Бывшій карбонарій, организовавшій, по вѣрному замѣчанію Чернова, «тайное сообщество на верхахъ государственной машины», могъ теперь попытать счастья.

И вотъ, въ ночь съ 1 на 2 декабря отрядъ летучихъ жандармовъ занялъ Національную Типографію. Наборщики, окруженные каждый двумя полицейскими агентами и оказавшіеся первыми невольными нарушителями закона, принуждены были приступить къ набору прокламацій. Тѣмъ временемъ Віейэра приказалъ испортить барабаны національной гвардіи. А Мопа вмѣстѣ со своими сорока полицейскими комиссарами, которые всѣ безъ исключенія обнаружили величайшую готовность растоптать ногами конституцію, отдавалъ приказы объ арестахъ.

Съ утра дворецъ Національнаго Собранія былъ занятъ военной силой; 25.000 пѣхотинцевъ, 6.000 кавалеристовъ и артиллеристовъ расположились между палатой и Елисейскимъ дворцомъ. Квесторъ Національнаго Собранія Базъ, генералъ Шангарнье, генералъ Бедо, генералъ Ламорисьеръ, генералъ Кавеньякъ и Тьеръ были арестованы до разсвѣта. Той же участи подверглись республиканскіе депутаты: Шаррасъ; Грешо, честный и смѣлый ліонскій рабочій, который нѣкогда одинъ голосовалъ вмѣстѣ съ Прудономъ; поручикъ Валантэнъ; каменщикъ Мартэнъ Надо, представитель Крёзскаго департамента; Бонъ; Шола; Лагранжъ; Міо; Роже (изъ Сѣвернаго департамента). Наконецъ, арестованы были люди изъ народа, извѣстные своей горячей преданностью республиканскимъ идеямъ, „партійцы“, внушавшіе опасенія, какъ возможные „вожди баррикадъ“. Въ тюрьму Мазасъ заключено было семьдесятъ восемь человѣкъ. Къ семи часамъ утра 8 декабря работа полиціи была закончена.

Къ тому же времени расклейщики изъ префектуры полиціи кончали расклейку афишъ, развѣшенныхъ на всѣхъ парижскихъ стѣнахъ и извѣщавшихъ публику о совершившемся государственномъ переворотѣ [1]).

Во первыхъ—декретъ, сообщавшій, что Національное Собраніе распущено, всеобщее избирательное право возстановлено, а законъ 31 мая отмѣненъ, и созывавшій французскій народъ въ свои комиціи для новыхъ выборовъ отъ 14 до 21 декабря. Во вторыхъ—прокламація президента Республики, воззваніе къ народу.

Это воззваніе необходимо разсмотрѣть. Если только Луи-Наполеонъ дѣйствительно имѣлъ свой собственный взглядъ на государственный переворотъ, который онъ впослѣдствіи принужденъ былъ измѣнить или отвергнуть подъ вліяніе событій и политической борьбы различныхъ общественныхъ классовъ, то искать выраженія этого взгляда мы должны именно въ этомъ воззваніи, составленномъ до того времени, какъ успѣли выясниться всѣ послѣдствія сдѣланнаго имъ шага.

Прежде всего президентъ старается оправдать роспускъ Собранія. „Собраніе, которое должно было служить самою твердою опорою порядка, сдѣлалось очагомъ заговоровъ. Патріотизмъ трехсотъ его членовъ не въ силахъ былъ парализовать этихъ пагубныхъ стремленій. Вмѣсто того, чтобы вырабатывать законы въ общихъ интересахъ, оно ковало оружіе для гражданской войны... Я распустилъ его и призываю весь народъ разсудить меня съ нимъ“.

---

[1]) *G. Renard.* La Deuxième RépuBlique (Вторая Республика), стр. 219 и слѣд.

Далѣе президентъ требуетъ отъ народа предоставленія ему болѣе широкихъ полномочій. „Конституція,—говоритъ онъ,—какъ вамъ извѣстно, была составлена съ завѣдомой цѣлью напередъ ослабить ту власть, которую вы собирались мнѣ вручить. Шесть милліоновъ голосовъ были громкимъ протестомъ противъ этой конституціи, и тѣмъ не менѣе я вѣрно соблюдалъ ее".

Но основные законы перестали соблюдаться именно тѣми, кто постоянно на нихъ ссылается; эти люди, „уже погубившіе двѣ монархіи", хотятъ связать руки президенту, для того чтобы низвергнуть Республику. Вотъ почему президентъ для сохраненія Республики и для спасенія страны обращается къ народу за новыми полномочіями. Онъ проситъ у страны „дать ему возможность выполнить великую задачу, возложенную на него". Эта задача, эта миссія „заключается въ томъ, чтобы закончить эру революцій путемъ удовлетворенія законныхъ нуждъ народа и охраненія его отъ вліянія разрушительныхъ страстей. Она состоитъ главнымъ образомъ въ созданіи такихъ учрежденій, которыя переживаютъ людей и которыя способны послужить твердымъ основаніемъ для чего-либо прочнаго".

Необходимо съ помощью новой конституціи создать устойчивую власть.

Поэтому основныя положенія этой конституціи должны сводиться къ слѣдующему:

1) Отвѣтственный глава государства, избираемый на десять лѣтъ;

2) Министры, зависящіе только отъ исполнительной власти;

3) Государственный Совѣтъ, составленный изъ самыхъ выдающихся людей, подготовляющій законопроекты и поддерживающій ихъ во время обсужденія въ Законодательномъ Корпусѣ;

4) Законодательный Корпусъ, обсуждающій и вотирующій законы, избираемый всеобщимъ голосованіемъ, но безъ системы избирательныхъ списковъ, извращающей выборы;

5) Второе Собраніе, составленное изъ всѣхъ знаменитостей страны, которое должно служить уравновѣшивающимъ элементомъ, хранителемъ основныхъ законовъ и общественныхъ вольностей".

Какъ читатель видитъ, это система Консульства. Воззваніе открыто это признаетъ. И дѣйствительно,—говоритъ воззваніе, — развѣ эта система не обезпечила Франціи „спокойствіе и благосостояніе"? Принимая ее, народъ будетъ знать, за что и за кого онъ вотируетъ. Онъ подастъ голосъ за сильное правительство, какимъ было правительство перваго Бонапарта. „Если вы думаете,—говоритъ президентъ въ заключеніе,— что то дѣло, символомъ котораго является мое имя, то есть— возрожденіе Франціи революціей 1789 года и организація ея императоромъ, по прежнему остается вашимъ дѣломъ, заявите это во всеуслышаніе, предоставивши мнѣ тѣ полномочія, которыхъ я отъ васъ требую. Тогда Франція и Европа будутъ предохранены отъ анархіи, всѣ препятствія будутъ устранены, столкновенія частныхъ интересовъ исчезнутъ, ибо всѣ станутъ уважать въ рѣшеніи народа велѣніе Провидѣнія".

Затѣмъ слѣдовало воззваніе президента къ арміи, заявлявшее объ особенной благосклонности Наполеона Бонапарта къ солдатамъ: «Мы связаны,—говорилъ онъ имъ,—нерасторжимыми узами. Ваша исторія есть

въ то же время и моя исторія. Въ прошломъ у насъ съ вами общая слава и общія несчастія; въ будущемъ у насъ съ вами будутъ общее желаніе и одинаковая рѣшимость доставить Франціи покой и величіе».

Этотъ ансамбль довершался прокламаціей префекта полиціи къ жителямъ Парижа, которая приглашала ихъ соблюдать порядокъ. «Имѣйте довѣріе къ человѣку, которому шесть милліоновъ голосовъ вручили высшій постъ въ государствѣ. Когда онъ обращается ко всему народу съ приглашеніемъ высказать свою волю, одни только бунтовщики способны чинить этому помѣху. Въ виду этого всякая попытка произвести безпорядокъ будетъ немедленно подавлена самыми рѣшительными средствами».

Таковъ былъ этотъ государственный переворотъ. Какъ по формѣ, такъ и по существу онъ стремился быть точной копіей 18-го брюмера. Подобно тому какъ брюмеръ позволилъ первому Наполеону организовать возрожденную Францію, декабрь долженъ былъ дать возможность второму, облеченному въ свою очередь сильной властью, организовать республиканскую Францію 1848 года.

И дѣйствительно, по замыслу президента декабрьскій переворотъ долженъ былъ обезпечить ему болѣе вѣрный и болѣе полный успѣхъ, чѣмъ даже 18-ое брюмера. Новый государственный переворотъ, совершенный племянникомъ великаго императора, долженъ былъ послужить новымъ блестящимъ подтвержденіемъ наполеоновской идеи. И развѣ эта наполеоновская идея, которая, какъ это доказывалось въ его старой брошюрѣ, заключалась въ «возстановленіи потрясеннаго французскаго общества... въ примиреніи порядка и свободы, правъ народа и принципа власти», [1]) не должна была объединить вокругъ себя всю націю безъ исключенія?

Сильная и устойчивая власть, «обезпечивающая спокойствіе гражданъ и позволяющая расчитывать на будущее» [2]); правительство, способное творить добро, уничтожить пауперизмъ и мирно разрѣшить проблему бѣдности,—развѣ это не то, чего желали всѣ кассы общества и что одинъ только Наполеонъ въ силахъ былъ совершить? Развѣ финансовая аристократія, отмѣчавшая повышеніемъ биржевого курса каждую побѣду исполнительной власти, не свидѣтельствовала этимъ, что она видитъ въ немъ «бодраго стража порядка»? Развѣ вся провинціальная промышленная буржуазія не жаждала полнаго прекращенія парламентскихъ споровъ, хотя бы и затѣваемыхъ партіей порядка, и развѣ роспускъ Собранія не обезпечивалъ ей навсегда политическаго спокойствія? Генеральные Совѣты, засѣданія которыхъ происходили съ 25 августа, почти единодушно высказались въ пользу пересмотра конституціи, то есть за продолженіе полномочій Луи-Наполеона. А мелкіе буржуа, мелкіе ремесленники и мелкіе торговцы по своему невѣжеству и ограниченности обвиняли парламентскихъ дѣятелей, политикановъ и пустозвоновъ, въ промышленномъ застоѣ, который далъ имъ себя сильно почувствовать въ теченіе большей части 1851 года. Конечно, неурожай хлопка, недоборъ шелка-сырца и дороговизна шерсти играли, какъ это показалъ Марксъ, гораздо большую роль въ торговой депрессіи, чѣмъ партійные раздоры

---

[1]) Des idées napoléoniennes. Предисловіе.
[2]) Rêveries politiques.

или даже конфликты между законодательной и исполнительной властью; но французскіе лавочники не въ состояніи были распознать истинныя причины своего затруднительнаго положенія. По ихъ убѣжденію, «всякому прогрессу и всякой серьезной дѣловой дѣятельности» мѣшали «демагоги» или „галлюцинаты монархизма“; и когда, наперекоръ обѣимъ этимъ партіямъ, президентъ обѣщалъ имъ «спокойствіе въ будущемъ», то онъ, какъ это имѣло мѣсто во время раздачи наградъ за Лондонскую выставку, вызывалъ яростные аплодисменты.

Кто же въ такомъ случаѣ могъ оказать сопротивленіе? Республиканцы? Соціалисты? Не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ пропаганда, принявшая постепеновскій и легальный характеръ и вдохновлявшаяся надеждой на колоссальный избирательный успѣхъ въ 1852 году, значительно усилила ихъ вліяніе въ странѣ. Они вербовали сторонниковъ и привлекали къ себѣ симпатіи среди всѣхъ классовъ общества. Всѣ искреннѣе буржуазные демократы, которые съ глубокой тоской взирали на іюньскую междоусобную брань и которымъ, особенно въ провинціи, пришлось испытать на себѣ всю тяжесть реакціи, усиливавшейся изо дня въ день, всѣ они примкнули къ рабочему классу, къ соціальнымъ демократамъ. Это прекрасно выяснилъ Черновъ въ драгоцѣнномъ сборникѣ документовъ, опубликованныхъ имъ въ своемъ сочиненіи о „Тайныхъ Обществахъ и Союзахъ во время Второй Республики“. Во многихъ центрахъ между рабочими и буржуа произошло сближеніе; пропаганда велась общими силами, и неопредѣленное тяготѣніе къ соціальному республиканизму или умѣренному соціализму постепенно вытѣснило прежнія абсолютныя системы, въ которыхъ еще недавно выражалась во всей своей суровости борьба классовъ. Въ борьбѣ противъ растущей консервативной реакціи прогрессивные республиканцы и соціалисты подали другъ другу руки. Ихъ пропаганда велась съ такимъ усердіемъ, что республиканскія или, какъ выражались сознательно путавшіе прокуроры, соціалистическія идеи проникли даже въ армію, преимущественно въ спеціальныя воинскія части.

Луи-Наполеонъ все это зналъ. Но онъ зналъ также, что за послѣдніе два года его чиновники, префекты, су-префекты, судьи и генеральные прокуроры тоже не сидѣли сложа руки. По большей части вѣря въ его счастливую звѣзду, они съ 1849 года энергично принялись за работу. Въ то время какъ демократія пыталась организоваться мирными путями, въ то время какъ республиканцы, занявшись незамѣтной, но усердной работой, въ теченіе долгаго времени остававшейся даже въ тѣни, старались основывать всевозможные союзы, чины судебнаго вѣдомства и администраціи, опираясь на декретъ 28 іюля 1848 года о собраніяхъ и клубахъ, систематически смѣшивали союзы и клубы, общества взаимопомощи и тайныя общества и яростно преслѣдовали всякій союзъ, заподозрѣнный въ республиканскомъ характерѣ, обвиняя его въ тайныхъ происках. Если только какое-либо общество могло бы, по мнѣнію администраціи, оказаться опаснымъ въ моментъ «кризиса», противъ него (и въ этомъ-то президентъ былъ увѣренъ) заблаговременно открывалась травля, и оно неминуемо закрывалось.

Наконецъ, если и допустить, что въ отдѣльныхъ мѣстахъ могло-бы вспыхнуть безплодное сопротивленіе, могло ли бы оно встрѣтить въ странѣ какой-либо откликъ? Развѣ съ 1849 года бонапартистскія газеты

не успѣли обработать общественное мнѣніе въ желательномъ для президента духѣ, развѣ имъ не удалось запугать общество таинственнымъ краснымъ призракомъ, и развѣ въ этотъ моментъ политической растерянности и опьяненія этотъ призракъ не рисовался разстроенному воображенію обывателя во всѣхъ углахъ горизонта? Le Napoléon (Наполеонъ), Le 10 Décembre (10 декабря), Le Constitutionnel (Конституціоналистъ), Le Pays (Страна), Le Pouvoir (Власть), La Patrie (Отечество), всѣ эти газеты, вѣрно служившія честолюбивымъ замысламъ президента, хорошо выполнили поставленную себѣ задачу. Революціонные кружки были совершенно дискредитированы, а благоразумные и умѣренные республиканцы, подобно своимъ предшественникамъ начала XIX вѣка, не замедлили вскорѣ примкнуть къ сильной власти новаго Наполеона.

Принцъ могъ расчитывать, что и рабочихъ ему удастся сразу привлечь на свою сторону: для этого, думалъ онъ, достаточно будетъ провести нѣсколько соціальныхъ реформъ, которыя республика имъ обѣщала, но не сумѣла дать. Что же касается крестьянъ, то они были твердой опорой Бонапарта. Именно ихъ представителемъ онъ главнымъ образомъ и являлся съ 10 декабря 1848 года; именно они, руководимые неотвязной мыслью, что спасти ихъ можетъ только Наполеонъ, дали ему подавляющее большинство голосовъ; имѣнно ихъ мечту онъ собирался осуществить, когда стремился установить сильное правительство, воочію обнаружить безсиліе крамольниковъ и разъ навсегда положить конецъ всѣмъ этимъ парламентскимъ конфликтамъ, которые только волновали страну.

Да, принцъ-президентъ былъ убѣжденъ, что разогнавши Собраніе, возстановивъ всеобщее избирательное право и потребовавъ у народа сильной власти, онъ сплотитъ вокругъ себя всю страну, онъ былъ увѣренъ, что вся Франція будетъ привѣтствовать его смѣлый государственный переворотъ. А если найдутся охотники оказать сопротивленіе, то для этого имѣется Мопа, имѣется Морни, вся администрація и вся армія. Когда Бланки незадолго до того пытался произвести насильственный переворотъ, то онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни арміи, ни полиціи, ни почты; при первой же попыткѣ овладѣть центральной властью Бланки всегда терпѣлъ пораженіе. Онъ же, Наполеонъ, обладаетъ центральной властью: значитъ, въ конечномъ счетѣ побѣда обезпечена за нимъ.

А между тѣмъ декабрь далеко не оказался тѣмъ апоѳеозомъ, о которомъ мечталъ племянникъ императора. Пришлось пустить въ ходъ армію; и Морни, которому страстно хотѣлось учинить кровопролитіе, могъ свободно осуществить свой планъ городской войны.

Утромъ 2-го декабря парижскій народъ читалъ афиши Бонапарта. Многіе, безъ сомнѣнія, приняли ихъ въ серьезъ: всеобщее избирательное право возстановлено, монархическое большинство разогнано, а республика сохранена! Толпа, довольно индифферентно относившаяся къ политической жизни, могла чувствовать себя даже удовлетворенной, а нарушеніе законности мало ее трогало. Впрочемъ, чего только народъ не перевидалъ за послѣдніе три года? «Чисто обдѣлано!» — таковъ былъ почти единодушный приговоръ относительно средствъ, употребленныхъ президентомъ. По существу же народная масса видѣла во всемъ этомъ

происшествіи просто новый эпизодъ борьбы между президентомъ и Собраніемъ. А паденіе монархическаго большинства, обыкновенно топтавшаго ногами все то, что дорого было рабочему классу, было даже по сердцу трудящейся массѣ.

Таково было первое впечатлѣніе народныхъ массъ, по крайней мѣрѣ таково было преобладающее настроеніе; въ значительной мѣрѣ это настроеніе не измѣнилось и въ ближайшіе дни.

Либеральная буржуазія, средній классъ враждебно относился къ надвигавшейся военной диктатурѣ. Но что могла она предпринять при пассивности рабочихъ, обыкновенно поднимавшихся первыми? Національная гвардія, которая могла бы собраться самовольно и, несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, сдѣлать попытку сопротивленія, нигдѣ не показывалась. Республиканскія газеты не могли выйти, и ужъ конечно не рѣшеніе Собранія, потерявшаго всякій кредитъ, могло поднять народъ.

Какъ мы видѣли, значительное число депутатовъ собралось съ утра въ мэріи X-го округа. Собраніе въ свою очередь объявило Луи-Наполеона низложеннымъ, выслушало чрезвычайно благородныя заявленія нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, но отказалось издать призывъ къ оружію и покорно дало себя арестовать и отвезти въ казарму на набережной д'Орсэ. Многіе обыватели при видѣ проходившихъ депутатовъ кричали изъ оконъ: «да здравствуетъ Собраніе! Да здравствуетъ Конституція! да здравствуетъ Республика!» Но и они, безъ всякаго сомнѣнія, ждали, чтобы инициативу борьбы взяли на себя, какъ обыкновенно, рабочія предмѣстья.

Въ теченіе этого дня республиканцы устроили нѣсколько собраній; утромъ у Кремье, затѣмъ у Копана, въ ресторанѣ Бонваллэ, у Белэ и наконецъ у своего коллеги Лафона (изъ департамента Ло) на набережной Жемапъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Викторъ Гюго, признавали необходимымъ немедленно подать сигналъ къ сопротивленію. Большинство предпочитало выжидать событій. Народъ,—говорили они,—увидѣлъ въ государственномъ переворотѣ только возстановленіе всеобщаго избирательнаго права и призывъ къ національному суверенитету; требуется, по крайней мѣрѣ, нѣсколько часовъ, чтобы онъ успѣлъ одуматься и возстать. Составлено было нѣсколько прокламацій. Вечеромъ былъ избранъ комитетъ сопротивленія, въ которой вошли Викторъ Гюго, Карно, Жюль Фавръ, Мишель (изъ Буржа), Мадье-Монжо, Шельхеръ и Флоттъ. Комитетъ, собравшись въ полночь у Курнэ, рѣшилъ поднять на слѣдующее утро вооруженное возстаніе. Въ виду того, что нѣсколько рабочихъ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья увѣрили депутатовъ, что предмѣстье поднимется, если сигналъ будетъ данъ представителями Горы, нѣкоторые изъ послѣднихъ назначили себѣ свиданіе на слѣдующее утро въ соціалистическомъ ресторанѣ Руазенъ.

Вечеромъ 2 декабря республиканцы имѣли нѣкоторое основаніе считать положеніе далеко не безнадежнымъ. Такъ, напримѣръ, они могли узнать, что президентъ, встрѣченный бурными привѣтствіями войскъ, окружавшихъ Елисейскій дворецъ, наткнулся противъ своего ожиданія на довольно холодный пріемъ со стороны парижскаго населенія. Вечеромъ на улицахъ, на большихъ бульварахъ и въ Латинскомъ кварталѣ собирались довольно большія группы, съ одушевленіемъ и гнѣвомъ

внимавшія разсказамъ депутатовъ. Въ богатыхъ кварталахъ, въ особенности на Итальянскомъ бульварѣ, элегантная толпа шумно выражала свою вражду къ президенту. Но что предприметъ на слѣдующій день народъ, вотъ въ чемъ заключался главный вопросъ.

Утромъ 3-го декабря стояла пасмурная, дождливая погода. Лавки открывались вяло и поздно. Войска заняли свои вчерашнія позиціи. „Монитёръ“ опубликовалъ списокъ членовъ Совѣщательной Комиссіи, учрежденной президентомъ. Сюда входили нѣкоторые члены консервативнаго большинства, поддерживавшіе его политику въ Національномъ Собраніи; однако нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Леонъ Фоше, отказались содѣйствовать президенту въ дѣлѣ нарушенія законовъ.

Въ Елисейскомъ дворцѣ ночь прошла въ довольно скверномъ и тревожномъ состояніи. Посѣтителей наканунѣ было немного, и среди близкихъ къ принцу людей нѣкоторые трусили. Самъ Мопа, основываясь на донесеніяхъ своихъ агентовъ, приписывалъ соціалистамъ ужасные планы! Къ счастью, здѣсь находился Морни: рѣшительный и хладнокровный, какъ настоящій игрокъ, онъ старался успокоить боязливыхъ, давалъ наставленія Мопа и указывалъ Маньяну, какой слѣдуетъ держаться тактики и какія предпринять операціи. По его мнѣнію, не слѣдовало разсылать патрулей, а предоставить исключительно полиціи слѣдить за толпой и разгадывать ея замыслы; мелкихъ стычекъ не допускать: тактика мятежниковъ, которой они слѣдовали въ іюлѣ и февралѣ, сводится къ утомленію войскъ, чтобы тѣмъ легче справиться съ ними на третій день. Необходимо,—говорилъ министръ,—«дать инсургентамъ возможность развернуть свои силы, построить серьезныя баррикады, а затѣмъ раздавить врага и совершенно его уничтожить».

...«Вести городскую войну можно только путемъ полнаго воздержанія, окружая кварталъ и беря его голодомъ или подавляя его ужасомъ». Таково содержаніе депешъ, которыя онъ посылалъ Маньяну. Морни хладнокровно предусматривалъ возможность форменной войны; онъ ждалъ ея, а въ крайнемъ случаѣ готовъ былъ даже ее провоцировать, такъ какъ она была ему нужна.

Итакъ, съ утра 3 декабря народные представители, которые назначили себѣ свиданіе въ залѣ Руазенъ, двинулись по Сентъ-Антуанскому предмѣстью; еще наканунѣ многіе рабочіе прекратили работы; изъ ихъ рядовъ раздавались гнѣвныя восклицанія. Но что они могли подѣлать? «Насъ обезоружили въ іюнѣ,—отвѣчали они депутатамъ,—во всемъ предмѣстьѣ нѣтъ ни одного ружья». А такъ какъ сопротивленіе было физически невозможно, то они сравнительно легко склонялись къ тому убѣжденію, что оно и безполезно: развѣ всеобщее избирательное право не возстановлено? и развѣ режимъ, начавшійся такой мѣрой, можетъ привести къ абсолютизму и къ Имперіи? Въ Венсенъ отправляли народныхъ представителей, арестованныхъ въ мэріи X-го округа; это зрѣлище дало монтаньярамъ возможность обратиться къ толпѣ съ зажигательными рѣчами. Сдѣлана была попытка отбить арестованныхъ у конвоя, но они сами просили не дѣлать этого. «Вы видите, что съ этими людьми ничего нельзя подѣлать»,—сказалъ, обращаясь къ Курнэ, одинъ рабочій, схватившій было подъ уздцы лошадей.

Около 9 часовъ утра группа республиканскихъ депутатовъ и ихъ

друзей вышли изъ залы Руазенъ. Надѣвши свои шарфы, они двинулись по главной улицѣ предмѣстья съ возгласами: «Къ оружію! на баррикады! да здравствуетъ республика! да здравствуетъ конституція!» Къ нимъ присоединилось около сотни рабочихъ, масса же не трогалась съ мѣста, если даже не оставалась совершенно безучастной. Построена была непрочная баррикада, для защиты которой имѣлось 22 ружья, отобранныхъ у солдатъ. Вскорѣ подошли войска въ количествѣ трехъ ротъ пѣхоты: сопротивляться имъ было безумiемъ, и нѣкоторые изъ защитниковъ баррикады удалились. 8 народныхъ представителей остались; это были: Боденъ, Брилье, Брюкнеръ, Флоттъ, Дюлакъ, Мэнь, Малардье и Шельхеръ.

Семеро изъ нихъ направились къ солдатамъ; Шельхеръ обратился къ офицерамъ съ требованiемъ оказать содѣйствiе тѣмъ, кто протестуетъ противъ нарушенiя законовъ страны. Офицеры приказали войскамъ двинуться впередъ. Солдаты начали толкать депутатовъ. Со стороны баррикады загремѣлъ выстрѣлъ, на который первая шеренга солдатъ отвѣтила общимъ залпомъ. Боденъ, стоявшiй на баррикадѣ во весь ростъ, упалъ, сраженный на смерть; вмѣстѣ съ нимъ палъ одинъ рабочiй. Буржуазiя прославляла героизмъ перваго; она забыла про второго, вѣроятно въ то время, когда она, какъ это случилось впослѣдствiи, начала обвинять рабочiй классъ въ томъ, что онъ 2 декабря предалъ республику. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она забыла, что Боденъ былъ проникнутъ соцiалистическими идеями, что онъ былъ другомъ и ученикомъ стараго Тэста; она закрывала глаза на то, что Боденъ былъ достойнымъ представителемъ того поколѣнiя 1852 года, для котораго соцiальныя преобразованiя были неразрывно связаны съ политической свободой.

Послѣ гибели Бодена остальные депутаты удалились; ихъ тепло встрѣчали, ихъ привѣтствовали, но и только. Народъ не откликнулся на ихъ призывъ къ оружію.

Однако, послѣ полудня, когда извѣстiе о смерти Бодена распространилось, парижское населенiе начало волноваться. Въ рабочихъ кварталахъ, особенно въ классическомъ кварталѣ баррикадъ и возстанiй, на улицахъ Гренета, Транснонэнъ, Бургъ-Л'аббе и Бобуръ, начали появляться наскоро построенные баррикады. Въ Бельвилѣ благодаря призывамъ и афишамъ Мадье-Монжо и Жюля Бастида, населенiе повидимому готово было начать сопротивленiе. Другiе афиши, въ которыхъ можно было узнать стиль Виктора Гюго, напоминали арміи о ея традицiи, а народу о его революцiонномъ долгѣ.

Одна группа проявляла, казалось, особенно энергичную дѣятельность; въ этой полубуржуазной, полурабочей группѣ можно было замѣтить депутата Жюля Леру, типографщика Демулена, политическаго эмигранта Густава Накэ, который поспѣшилъ пріѣхать изъ Лондона съ рискомъ быть узнаннымъ на границѣ, Бокке, Нетри и нѣсколько делегатовъ отъ рабочихъ корпорацiй. Въ особой афишѣ, подписанной „Центральнымъ Комитетомъ Корпорацiй“, они напоминали народу объ изуродованiи всеобщаго избирательнаго права въ 1850 году и о тѣхъ надеждахъ, которыя они возлагали на 1852 годъ. Они рѣзко нападали на человѣка, который подъ предлогомъ возвращенiя народу его правъ пытался установить военную диктатуру и который для спасенiя Республики бросалъ въ тюрьму республиканцевъ. „Онъ зоветъ народъ на выборы и объявляетъ его въ осадномъ положенiи; онъ мечтаетъ о какомъ-то

коварномъ фокусѣ, который далъ бы ему возможность отдать избирателя подъ надзоръ полиціи, состоящей у него на жалованьѣ... Онъ готовъ, по его словамъ, отказаться отъ власти и заключаетъ 25-милліонный заемъ, угрожая такимъ образомъ въ будущемъ повышеніемъ налоговъ, которые косвенно посягаютъ на существованіе бѣдняка".

Этотъ манифестъ можно было-бы признать болѣе или менѣе прямымъ выраженіемъ народной мысли, такъ какъ онъ былъ написанъ сознательными рабочими; но что поражаетъ въ немъ, такъ это полное отсутствіе чисто рабочаго и соціалистическаго содержанія. Рабочіе, выступая на защиту Республики въ 1851 году, какъ будто перестали понимать ея значеніе для ихъ собственнаго освобожденія. Вотъ еще одинъ результатъ іюньскихъ дней: въ 1851 году Республика уже не представляется средствомъ и орудіемъ освобожденія рабочаго класса; передовые рабочіе готовы, повидимому, удовольствоваться кое-какими неопредѣленными соціальными реформами. Рабочіе, выступавшіе 2 декабря, выступали исключительно въ качествѣ республиканцевъ; въ самой защитѣ Республики они уже не замѣчали своего классового интереса.

Какъ бы тамъ ни было, послѣ полудня 3 декабря въ перспективѣ вырисовалась возможность активнаго сопротивленія. Мопа, тревога котораго росла съ минуты на минуту, могъ констатировать, что „Елисейскій дворецъ не имѣетъ за себя народныхъ симпатій", что „нигдѣ не замѣчается никакого энтузіазма", и готовъ былъ вѣрить самымъ нелѣпымъ слухамъ. Морни и Сентъ-Арно принимали свои мѣры: въ три часа парижане узнали изъ новыхъ афишъ, что скопища будутъ разсѣиваться силой и что „всякій, кто будетъ взятъ при постройкѣ или защитѣ баррикады или съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ разстрѣлянъ". Впервые во время гражданскихъ войнъ Франція видѣла министра, заранѣе постановлявшаго, что всякій, взятый при постройкѣ баррикады, подвергнется разстрѣлянію.

Даже не давая себѣ труда срывать афиши, приговаривающія ихъ къ смерти, республиканцы взялись за оружіе. Въ 4 часа раздались первые выстрѣлы.

Вечеромъ войска взяли баррикады, построенныя на всѣхъ уличкахъ, расположенныхъ между улицей Тампль и улицей Рамбюто; баррикады были немедленно взяты обратно. Около 9 часовъ потребовалось настоящее сраженіе, чтобы снова отобрать бирикады на улицѣ Бобуръ; здѣсь были захвачены 60 или 80 республиканцевъ, причемъ многихъ разстрѣляли на мѣстѣ. Въ Латинскомъ кварталѣ волновались студенты. На бульварахъ отъ Шоссе-д'Антенъ до фобурга Тампль, несмотря на патрули и на кавалерійскія аттаки, каждый разъ собирались все новыя скопища. Немногія лица, которыя въ толпѣ позволяли себѣ одобрительно отзываться о президентѣ, подвергались угрозамъ и даже насиліямъ. Неблагопріятныя для Елисейскаго дворца извѣстія, во многихъ случаяхъ совершенно невѣрныя, встрѣчались съ восторгомъ. Когда полковникъ Рошфоръ во главѣ двухъ эскадроновъ проѣзжалъ по бульварамъ, чтобы обезпечить свободное по нимъ движеніе, его встрѣчали криками „да здравствуетъ Роспублика!". У Шато-д'О толпа кричала: „да здравствуетъ Національное Собраніе! Долой измѣнниковъ". Здѣсь полковникъ аттаковалъ толпу и усѣялъ мостовую трупами. Съ наступленіемъ ночи мятежъ гремѣлъ повсюду, подобно далекой грозѣ, надвигающейся со всѣхъ

сторонъ горизонта. „Отъ 7 часовъ до полуночи,—разсказывалъ впослѣдствіи бывшій членъ Учредительнаго Собранія К. Дюррье,—ко мнѣ снова вернулась надежда".

Въ обоихъ вражескихъ лагеряхъ собрались военные совѣты. Тотъ, который состоялся въ Елисейскомъ дворцѣ, носилъ рѣшительный характеръ. Армія оказалось надежной. Морни удалось провести свой планъ: рѣшено было раздавить всякое сопротивленіе. А республиканцы, собравшись у Ландрена, а затѣмъ у Мари, могли постановить только одно: принять дѣятельное участіе въ начавшемся наконецъ сопротивленіи.

Но это собраніе республиканцевъ, состоявшееся вечеромъ 3 декабря, интересно тѣмъ, что на немъ впервые предложено было примѣнить всеобщую забастовку съ политической цѣлью. Это предложеніе сдѣлано было не рабочимъ, а человѣкомъ, котораго можно признать однимъ изъ самыхъ живыхъ и изобрѣтательныхъ умовъ XIX столѣтія. Эту мѣру предложилъ знаменитый журналистъ Эмиль Жирардэнъ: при болѣе глубокомъ размышленіи она вовсе не кажется такой безсмысленной, какой ее сочли присутствовавшіе на собраніи республиканцы, Гарнье-Пажесъ, Мари, Жюсь Бастидъ и Викторъ Гюго.

Заимствуемъ у Виктора Гюго описаніе этого инцидента: онъ этого стоитъ. Эмиль Жирардэнъ отказался напечатать какую бы то ни было прокламацію, содержащую призывъ къ оружію и къ насильственнымъ дѣйствіямъ; но когда со всѣхъ сторонъ посыпались протесты, „тогда онъ намъ заявилъ,—говоритъ Гюго,—что онъ съ своей стороны также намѣренъ выпустить прокламаціи, но не въ такомъ духѣ, какъ наши. По его мнѣнію, бороться съ Луи-Банапартомъ слѣдуетъ не оружіемъ, а пустотой. Изъ вооруженной борьбы онъ выйдетъ побѣдителемъ; съ помощью пустоты онъ будетъ побѣжденъ. Онъ заклиналъ насъ помочь ему изолировать „низложеннаго 2 декабря". Образуемъ вокругъ него пустоту,—воскликнулъ онъ. Провозгласимъ всеобщую забастовку! Пусть купецъ перестанетъ продавать, потребитель покупать, пусть рабочій перестанетъ работать, мясникъ убивать, булочникъ печь, пусть все станетъ вплоть до Національной Типографіи, такъ чтобы Луи-Бонапартъ не могъ найти наборщика для набора „Монитёра", печатника для его печатанія, расклейщика для его разноски! Изолируемъ этого человѣка, оставимъ его въ одиночествѣ, создадимъ вокругъ него пустоту!... И только, скрестивши вокругъ него руки на груди, мы низвергнемъ его. Напротивъ, начните стрѣлять, и вы его укрѣпите. Армія пьяна, народъ растерялся и ни во что не вмѣшивается, буржуазія боится призидента, боится народа, боится васъ, боится всѣхъ! Побѣда невозможна. Какъ храбрые люди, вы смѣло идете впередъ и рискуете своими головами. Этотъ героизмъ, допустимъ. Но это не политично. Что касается лично меня, то я не стану печатать призыва къ оружію и отказываюсь сражаться. Организуемъ всеобщую забастовку!".

Тотъ же самый фактъ разсказалъ Тено въ своемъ сочиненіи „Парижъ въ декабрѣ 1851 года". Онъ даже опредѣленно приводитъ слова: всеобщая забастовка (grève générale). Мы не станемъ приводить тѣхъ слишкомъ легкихъ и слишкомъ упрощенныхъ возраженій, которыя сдѣлалъ тогда Жюль Фавръ: „нельзя одновременно остановить всѣ работы, всегда найдется мясникъ, который будетъ бить скотъ, и проч."... Съ тѣхъ поръ всеобщая забастовка подверглась

подробному обсужденію и противъ нея были выставлены болѣе многочисленныя возраженія. Не будемъ говорить также о личныхъ свойствахъ человѣка, внесшаго это предложеніе: подобно принцу Наполеону, сыну принца Жерома, который также явился на это вечернее собраніе, Жирардэнъ, если вѣрить „Воспоминаніямъ“ Белэ, былъ встрѣченъ холодно и съ недовѣріемъ.—Съ исторической точки зрѣнія мы должны отмѣтить два пункта.

Предложеніе Жирардэна прежде всего объяснялось его знакомствомъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. 2 декабря нельзя было возстановить солдатъ противъ правительства: войска, опьяненныя водкой и бонапартистскимъ энтузіазмомъ, были преданы президенту душой и тѣломъ. Въ то же время буржуазія охвачена была страхомъ передъ бунтомъ, передъ революціей, передъ надвигавшимся 1852 годомъ. Наконецъ, идея всеобщей забастовки, какъ она рисовалась Жирардэну, вполнѣ отвѣчала тогдашнему настроенію народныхъ массъ, въ которомъ ненависть тѣсно переплеталась съ унынiемъ. Но съ другой стороны, всеобщая забастовка не только рабочихъ-производителей, но и торговцевъ, однимъ словомъ, пріостановка всей общественной жизни была невозможна не только въ виду слабой организованности рабочаго класса, но и главнымъ образомъ въ виду отсутствія общаго всей націи чувства единодушнаго негодованія противъ виновника государственнаго переворота. Призывъ къ оружію, исходившій отъ республиканцевъ, не встрѣтилъ отклика не потому, что это былъ призывъ къ вооруженному возстанію, а потому, что боевые элементы парижскаго населенія были дезорганизованы и неспособны къ активному выступленію; новое средство борьбы, а именно всеобщая забастовка, на этотъ разъ также неминуемо закончилась бы неудачей, именно благодаря неопредѣлившемуся общественному настроенію.

Исходъ борьбы былъ рѣшенъ въ четвергъ 4 декабря. Мопа распорядился расклеить съ утра знаменательную прокламацію. «Прохожимъ запрещается останавливаться на улицахъ. Всякія скопища будутъ разгоняться силой безъ предупрежденія. Пусть мирные граждане остаются у себя дома». Президентъ рѣшилъ показать свои когти!

Съ утра на бульварахъ собралась огромная взволнованная толпа, потрясаемая самыми нелѣпыми и ложными слухами. Въ толпѣ преобладали рабочіе; за истекшіе два дня республиканскія чувства снова овладѣли сердцами, и настроеніе измѣнилось къ лучшему. Отъ Шато-д'О до бульвара Боннь-Нувелль, а также по всѣмъ узкимъ улицамъ, ведущимъ отсюда къ Сенѣ, высились баррикады. Въ мэріи V округа на улицѣ Фобургъ Сенъ-Мартэнъ нашлось триста ружей. Отъ Монмартрскаго бульвара до улицы Шоссе д'Антэнъ, въ кварталѣ, который въ послѣдующія эпохи не обнаруживалъ особыхъ симпатій къ народнымъ движеніямъ, царило сильное возбужденіе. «Желтыя перчатки»,—какъ ихъ окрестили бонапартистскіе историки, возмущенные тѣмъ, что они въ тотъ день выступили противъ президента (читай: интеллигентная и зажиточная молодежь, вышедшая изъ парижской мелкобуржуазной среды),—громко выражали свое негодованіе противъ виновниковъ государственнаго переворота и бранили проходившихъ мимо офицеровъ. Наконецъ, на лѣвомъ берегу Сены волновались студенты; лишенные возможности пробраться черезъ мосты, занятые солдатами, они въ безсильномъ гнѣвѣ

строили баррикады на улицахъ Ла-Гарпъ, Матюренъ-Сенъ-Жакъ и Дофинъ. «Теперь пусть только одинъ полкъ проявитъ колебаніе или пусть выступитъ одинъ легіонъ (національной гвардіи),—воскликнулъ Жюль Фавръ,—и Луи-Наполеонъ погибъ»! А Мопа телеграфировалъ безстрастному Морни: «Въ настоящій моментъ допустить дальнѣйшее скопленіе толпы было бы крайне неблагоразумно. Наступилъ моментъ для нанесенія рѣшительнаго удара. Необходимы трескъ и дѣйствіе артиллерійскихъ орудій, и необходимы сейчасъ же». Морни тоже находилъ моментъ удобнымъ, но по нѣсколько инымъ соображеніямъ.

Около двухъ часовъ войска начали передвигаться. Генералу Маньяну приказано было снести баррикады, но вмѣстѣ съ тѣмъ «хорошенько ударить въ сторону бульваровъ» по «желтымъ перчаткамъ». Баррикады передъ театромъ Жимназъ, а затѣмъ на улицѣ Сенъ-Дени были взяты. Республиканцы потерпѣли жестокій уронъ; одни пали въ бою, другіе были захвачены и нѣкоторые изъ нихъ (этому можно повѣрить) разстрѣляны на мѣстѣ. Всѣ забаррикадированные кварталы были охвачены кольцомъ войскъ, методически подвигавшихся впередъ.

Часа въ три по бульварамъ неожиданно загремѣли ружейные залпы. Зачѣмъ понадобилась эта пальба? Противъ какого непріятеля была она направлена? На эти вопросы исторія до сихъ поръ не дала отвѣта. Бонапартистскіе историки были скупы на детали; другимъ же, писавшимъ впослѣдствіи, трудно было возстановить истину. Съ тѣхъ поръ сдѣлалось извѣстно (объ этомъ писалъ докторъ Веронъ въ своихъ «Запискахъ парижскаго буржуа», т. VI, стр. 208—209), что Морни телеграфировалъ генералу Маньяну: «Я собираюсь закрыть бульварные клубы. Хорошенько ударьте въ ту сторону». Поскольку безпристрастныя наблюденія позволяютъ точно установить факты, дѣло происходило такимъ образомъ.

Въ три часа войска стояли или медленно двигались по бульварамъ. Ихъ окружала недружелюбно настроенная толпа любопытныхъ; по временамъ изъ толпы раздавались враждебные возгласы, слышались насмѣшливыя замѣчанія и остроты по адресу солдатъ,—и это все! Но солдаты находились въ возбужденномъ состояніи; ихъ угнетали воспоминанія іюньскихъ дней; ихъ давилъ тягостный кошмаръ ужасной «войны черезъ окна»; нервы ихъ были слишкомъ натянуты; сравнительно изобильная пища и щедрая раздача спиртныхъ напитковъ, безъ сомнѣнія, также способствовали этому ненормальному возбужденію. Внезапно въ первыхъ рядахъ колонны раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Кто произвелъ ихъ?—этотъ вопросъ такъ и остался невыясненнымъ. Не слѣдуетъ только забывать, что голова военной колонны находилась, по выраженію Тэно, въ непріятельской области: незадолго до того произошла стычка у воротъ Сенъ-Дени... На эти выстрѣлы передніе ряды солдатъ сразу отвѣчаютъ залпами; «толпа вздрагиваетъ словно отъ электрической искры. Солдаты больше не сомнѣваются: стрѣльба изъ оконъ началась! И вотъ одинъ взводъ за другимъ стрѣляетъ по группамъ прохожихъ, по зрителямъ, стоящимъ на балконахъ и въ окнахъ, осыпая пулями этихъ мнимыхъ враговъ»! По словамъ одного англійскаго наблюдателя, вдоль бульваровъ какъ бы «прокатилась огненная волна». Испуганная толпа, ища убѣжища, устремляется

подъ градомъ пуль въ ближайшіе переулки и въ ворота домовъ. Нѣкоторые офицеры пытаются остановить побоище, но не могутъ уже совладать со своими солдатами. Все это продолжалось минутъ 15—20. Затѣмъ большая часть пѣхоты (это была бригада Канробера) двинулась по Фобургу Сенъ-Мартэнъ. Вслѣдъ за этимъ раздавались еще отдѣльные выстрѣлы; оставшіеся на бульварахъ солдаты продолжали разстрѣливать всякаго, кто показывался на пустынной улицѣ. Паника, наступившая такъ кстати, уступила мѣсто совершенно открытымъ убійствамъ.

Эта чудовищная бойня произвела удручающее впечатлѣніе, на которое и разсчитывалъ Морни. Активно-революціонное настроеніе, съ такой силой нароставшее въ теченіе всего дня 4 декабря, было подавлено. Уцѣлѣвшіе баррикадные бойцы и народные представители, пытавшіеся возобновить свою агитацію 5 декабря, не могли увлечь за собой населенія, скованнаго ужасомъ. Толпа въ мрачномъ молчаніи стояла передъ грудой труповъ, свезенныхъ съ бульваровъ и выставленныхъ на улицѣ Бержеръ. Совѣтники президента могли быть спокойны: республиканскій Парижъ былъ побѣжденъ, Наполеонъ торжествовалъ.

Его торжество уже стоило многихъ жизней: префектъ полиціи показывалъ, что труповъ было 175; директоръ санитарнаго отдѣла клялся «передъ Богомъ и людьми», что ихъ было 191; «Монитёръ» отъ 30 августа 1852 г. насчитывалъ ихъ 380. Собранныя историками серьезныя свидѣтельства даютъ основаніе подозрѣвать, что это первое кровопусканіе обошлось парижскому населенію еще дороже. Съ другой стороны, при защитѣ интересовъ Луи-Наполеона погибло 27 солдатъ и около 180 было ранено; (однѣ эти голыя цифры краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о рѣшимости тѣхъ 1.000 или, самое большее, 1.200 человѣкъ, которые дрались на баррикадахъ.)

Кто были эти люди? Буржуа? Рабочіе? Были ли это умѣренные республиканцы, смѣло выступившіе на защиту конституціонныхъ свободъ, или соціалисты, разглядѣвшіе въ демагогіи президента злѣйшую форму реакціи? Мы постарались внимательно прослѣдить всѣ проявленія рабочей и соціалистической мысли въ теченіе этихъ трехъ боевыхъ дней; но мы не замѣтили никакихъ слѣдовъ спеціально соціалистическихъ тенденцій. Таковъ историческій законъ французской демократіи: въ теченіе всего періода реакціи, наступившей вслѣдъ за Іюньскими днями, республиканская партія, ослабленная и захлеснутая волной, успѣла еще разъ снова собраться съ силами; рабочіе чувствовали, что имъ нельзя враждебно выступать противъ буржуазныхъ республиканцевъ и снова добиваться немедленнаго осуществленія своихъ соціальныхъ требованій; въ свою очередь буржуазные демократы готовы были сдѣлать рабочимъ широкія уступки, для того чтобы добиться нужной имъ поддержки съ ихъ стороны. Различные общественные элементы готовы были объединить свои усилія: предстояла слишкомъ суровая непосредственная борьба.

Но правда ли, что рабочій классъ 2 декабря предалъ Республику? Во время второй Имперіи, да и впослѣдствіи, находилось не мало республиканцевъ, склонныхъ упрекать рабочихъ въ такомъ предательствѣ и даже обвинять ихъ въ попустительствѣ государственному перевороту или въ тайномъ его одобреніи.

Въ своей недавно вышедшей книгѣ о «Республиканской партіи во время Второй Имперіи» Черновъ собралъ цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ нѣчто совершенно обратное. Онъ снова разсмотрѣлъ списки убитыхъ, составленные директоромъ санитарнаго отдѣла, Требюше, и напомнилъ, что въ числѣ 158 труповъ 101 принадлежали рабочимъ. Онъ приводитъ выдержки изъ корреспонденцій, помѣщавшихся въ газетѣ Journal de Genève, изъ которыхъ явствуетъ, что агитація 2 и 3 декабря исходила изъ рабочихъ предмѣстій. По вѣрному его замѣчанію, оффиціозные публицисты Елисейскаго дворца, Кассаньякъ и Ко, были живо заинтересованы въ томъ, чтобы внушить массѣ парижскаго населенія ту мысль, будто установленію бонапартовскаго правительства, глубоко преданнаго народу, сопротивлялись аристократы, «желтыя перчатки». Черновъ могъ бы еще сильнѣе подчеркнуть то обстоятельство, что всѣ видные агитаторы, всѣ любимые вожди парижскихъ рабочихъ, способные увлечь за собой массу, начиная съ іюньской рѣзни и вплоть до утра 2 декабря, подвергались систематическимъ преслѣдованіямъ, ссылались или заключались въ тюрьмы. И тѣмъ не менѣе, несмотря на все свое одиночество, вся энергичная рабочая молодежь нашла въ себѣ достаточно мужества для того, чтобы ринуться въ бой. «Этого достаточно,—заключаетъ г. Черновъ,—для того, чтобы въ корнѣ подорвать утвержденіе, старающееся выставить рабочихъ сторонниками бонапартизма».

Необходимо, впрочемъ, сдѣлать одну оговорку. Могутъ привести слѣдующій эпизодъ: 2 декабря инсургенты, напавшіе на военный караулъ у мэріи V-го округа, въ свою очередь подверглись нападенію рабочихъ. Прудонъ часто съ горечью цитировалъ слѣдующія слова одного рабочаго: «Барбесъ требовалъ для насъ одного милліарда отъ богачей. Бонапартъ намъ его дастъ». Слѣдуетъ также припомнить то колебаніе, которое обнаружили утромъ 3 декабря рабочіе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. А Белэ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ приводитъ отвѣтъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ пытался возбудить къ сопротивленію: «Теперь насталъ для васъ, буржуа, чередъ показать себя. Что вы сдѣлали для насъ за послѣдніе 18 мѣсяцевъ? Вы попытались отнять у насъ всеобщее избирательное право“ (стр. 239).

Можно, кажется, съ достовѣрностью утверждать, что всѣ активные и сознательные рабочіе единодушно настроены были противъ президента. Несмотря на совершенно естественное озлобленіе, которое они питали къ умѣреннымъ республиканцамъ, разгромившимъ ихъ силы, они оказали сопротивленіе государственному перевороту. Но теперь они уже не въ состояніи были, какъ это удалось имъ въ 1848 г., увлечь за собой робкихъ, индифферентныхъ и безсознательныхъ товарищей — однимъ словомъ, массу, составляющую большинство и своимъ напоромъ придающую партіямъ силу. Политическія событія послѣднихъ лѣтъ убили всякое довѣріе въ сердцахъ этой массы, снова впавшей въ прежнее состояніе безразличія, а незадолго до того возобновившаяся республиканская пропаганда еще не успѣла вдохнуть въ нее новыя надежды. И ужъ во всякомъ случаѣ не политическія тревоги парижскихъ мелкихъ буржуа могли толкнуть рабочую массу къ активному выступленію. Но какъ бы тамъ ни было, не республиканской буржуазіи упрекать рабочихъ-соціалистовъ въ измѣнѣ дѣлу Республики: всѣ политически смѣлые и актив-

ные элементы рабочаго класса—а только о таковыхъ и можетъ идти рѣчь—находились въ первыхъ рядахъ борцовъ.

Разъ Парижъ былъ побѣжденъ, то по установившейся традиціи и провинціи суждено было раздѣлить ту же участь. Ужъ если прежнія революціи, восторжествовавши въ Парижѣ, затѣмъ не встрѣчали во всей Франціи почти никакого сопротивленія, то это въ еще гораздо большей степени примѣнимо къ государственному перевороту, да еще столь умно и долго подготовлявшемуся, какъ этотъ. Въ данномъ случаѣ консервативные элементы, составлявшіе опору принца-президента, должны были обезпечить ему въ провинціи блестящій успѣхъ. А если еще за нѣсколько мѣсяцевъ до того тамъ и существовали въ незначительномъ числѣ тайныя республиканскія и „коммунистическія“ общества, то они состояли подъ такимъ строгимъ надзоромъ и подвергались такимъ суровымъ преслѣдованіямъ, что естественно могли оказать только тщетное противодѣйствіе.

Сопротивленіе провинціи было полной неожиданностью для принца и его приближенныхъ. Въ дюжинѣ сѣверо-восточныхъ и центральныхъ департаментовъ вспыхнули возстанія, а въ двадцати другихъ произошли довольно сильныя волненія.

Крупные города не шелохнулись. Они слишкомъ бдительно охранялись, такъ какъ правительство предусматривало возможность движенія именно въ крупныхъ центрахъ. Но деревни! крестьяне! шесть милліоновъ бонапартистскихъ голосовъ! Кто бы могъ подумать, что именно среди этой массы вспыхнетъ такое ярое сопротивленіе?

Сѣверъ остался недвижимъ. По полученіи извѣстія о государственномъ переворотѣ нѣсколько эмигрантовъ, бѣжавшихъ послѣ дѣла 13 іюня 1849 г., пробрались во Францію, но, холодно встрѣченные населеніемъ, ушли обратно за-границу. Въ Лиллѣ, Камбрэ и Реймсѣ сдѣланы были попытки произвести манифестаціи, но демонстранты были быстро разсѣяны. Такъ же быстро прекращены были попытки республиканцевъ въ Нанси, Страсбургѣ, Дижонѣ и Шатильонѣ-на-Сенѣ, гдѣ ихъ насчитывалось сравнительно больше. Западные департаменты также не тронулись; только эксъ-министру Труве-Шовелю удалось на три дня поднять городокъ Ла-Сюзъ.

Центральные департаменты издавна славились своимъ республиканскимъ духомъ; какъ извѣстно, реакціонная политика послѣднихъ лѣтъ успѣла даже привести здѣсь къ нѣсколькимъ вспышкамъ. Нѣкоторые изъ этихъ департаментовъ были объявлены на военномъ положеніи. Однако правительству не удалось окончательно подавить всѣ демократическія силы. 4 Декабря въ Орлеанѣ потребовалось вмѣшательство войскъ для ареста депутатовъ Мартэна и Мишо, возбуждавшихъ толпу; 6-го республиканцы и жандармы дрались въ Монтаржи; 7-го въ Боннина-Луарѣ 400 человѣкъ возмутились и разграбили оружіе въ жандармскихъ казармахъ. Въ департаментѣ Алье „соціально-демократическіе“ республиканцы Донжона 4 декабря двинулись на Ла-Палисскую су-префектуру, на короткое время овладѣли ею, но затѣмъ были отброшены и разоружены вечеромъ 5 декабря. Генералъ Эйнаръ наложилъ секвестръ на ихъ имущество: съ 1815 года эта форма репрессіи не примѣнялась во Франціи.

Въ департаментѣ Соны-и-Луары нѣсколько селъ пришли было въ

движеніе, но скоро пали духомъ въ виду бездѣйствія, проявленнаго городомъ Макономъ. Въ департаментѣ Юры волненіе охватило только мѣстечко Полиньи, а французскіе эмигранты, перешедшіе черезъ швейцарскую границу, были арестованы прежде, чѣмъ успѣли поднять горцевъ. Но въ Ньеврскомъ департаментѣ, гдѣ партійныя страсти сильно разгорѣлись, гдѣ населеніе, въ большинствѣ настроенное демократически, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидало наступленія „великаго года обновленія“, т.-е. 1852 года, введенное въ октябрѣ осадное положеніе только довело возбужденіе жителей до крайняго напряженія. Въ Кламеси типографъ Миллело и два его сына, ненавидимые консервативной буржуазіей и съ 3-го декабря ожидавшіе ареста съ минуты на минуту, рѣшили „исполнить свой долгъ“ и протестовать противъ нарушенія конституціи. Вечеромъ 5 декабря вспыхнуло вооруженное возстаніе; крестьяне поспѣшили на помощь къ инсургентамъ. Страсти разгорѣлись до такой степени, что было совершено нѣсколько убійствъ. Эти эксцессы поселили уныніе въ рядахъ умѣренныхъ, а извѣстія, пришедшія изъ Парижа, довершили пораженіе. Въ воскресенье 7 декабря „соціально-революціонный комитетъ“ принужденъ былъ сдаться. А 8 декабря войска разогнали іоннскихъ поселянъ, а также крестьянъ, поспѣшившихъ къ нимъ на помощь изъ сосѣднихъ волостей.

Столь же стихійно возстали юго-западные департаменты. Имъ пришлось въ свое время извѣдать не одну политическую перемѣну, они пережили пылкій республиканскій энтузіазмъ 1848 года и суровую реакцію 1849 года, а съ тѣхъ поръ—новое оживленіе республиканско-демократическаго движенія, вызванное методической и терпѣливой пропагандой. Тулуза была занята сильнымъ гарнизономъ; префектъ Османъ, сторонникъ крутыхъ мѣръ, которому предстояла блестящая карьера, держалъ населеніе Бордо въ ежовыхъ рукавицахъ. Но вся юго-западная область, расположенная между этими двумя крупными центрами, пришла въ движеніе, а департаменты Ло-и-Гаронны и Жеръ возстали почти цѣликомъ. Въ департаментѣ Ло-и-Гаронны Лавардакъ, Брюшъ, Ксентрай и Вильнэвъ послали къ Ажану республиканскіе отряды. Въ Мармандѣ умѣренные республиканцы приняли революціонныя рѣшенія, назначили бывшаго эскадроннаго командира Пейроннэ главнокомандующимъ національной гвардіи своего округа и въ свою очередь организовали республиканскій отрядъ. Страхъ, испытываемый командиромъ Пейроннэ передъ крайними демократами-рабочими, этими „бѣшеными людьми, желавшими забаррикадировать городъ“, помѣшалъ движенію принять болѣе серьезный размахъ. И здѣсь извѣстія, полученныя изъ Парижа, оказали самое расхолаживающее дѣйствіе: конституціонный энтузіазмъ испарился окончательно. 9 декабря отрядъ Пейроннэ былъ распущенъ. Въ департаментѣ Жеръ, гдѣ демократы были достаточно сильны для того, чтобы позволить себѣ роскошь раздѣленія на умѣренныхъ республиканцевъ и соціальныхъ демократовъ, деревни также возстали. Демократы выпустили въ Ошѣ призывъ къ оружію. „Добрые граждане“ деревень поспѣшили въ городъ „для участія въ защитѣ Республики и конституціи“. Къ счастью для Елисейскаго дворца, эта республиканская Вандея лишена была вождей; она распалась послѣ кроваваго столкновенія съ войсками. Съ другой стороны, Мирандъ въ продолженіе трехъ дней оставался въ рукахъ революціонныхъ властей.

Столь же серьезныя волненія произошли на югѣ-востокѣ. Отъ Ліона до Марселя и отъ Перпиньяна до Тулона борьба между «бѣлыми» и «красными» не утихала съ самаго начала XIX вѣка; враждебныя страсти готовы были вспыхнуть во всякій моментъ. Республиканцы инстинктивно чувствовали, что государственный переворотъ сыграетъ въ руку ихъ противникамъ, т. е. бѣлымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что съ 1849 г., т. е. съ тѣхъ поръ, какъ клерикальная реакція позволила роялистамъ поднять голову, борьба получила болѣе острый характеръ. Множество республиканцевъ сгруппировалось вокругъ общества монтаньяровъ; демократы пользовались для цѣлей пропаганды всякимъ удобнымъ случаемъ, собраніями въ кафе и пр. И какъ только первый моментъ растерянности прошелъ, массы возстали. Утромъ 4 декабря власти, ничего не подозрѣвавшія, проснулись при громовыхъ раскатахъ инсурреккціи. За промежутокъ времени съ полуночи до 6 часовъ утра поднялись всѣ окрестныя деревни. Народъ, «снова вступившій въ свои права» въ силу самаго факта нарушенія конституціи, заявилъ су-префекту, что власть его сама собой прекратилась. Въ стычкѣ съ войсками инсургенты потеряли 70 человѣкъ убитыми и ранеными. Убійство двухъ республиканцевъ какими то ненормальными людьми произвело особенно удручающее впечатлѣніе на народную массу и обусловило неудачу движенія. Но вплоть до понедѣльника деревни держались хорошо. Въ Пезенѣ и Капестанѣ произошли сильныя волненія. Наконецъ, въ Бедарьё враждебное отношеніе обывательской масссы къ жандармамъ побудило толпу совершить нѣсколько убійствъ и жестокихъ поступковъ, что развязало руки бонапартистскимъ газетамъ во время послѣдовавшихъ затѣмъ репрессій. Писаки «порядка» воспользовались именно событіями, имѣвшими мѣсто въ Бедарьё и Кламеси, для сочиненія своихъ басенъ и для выраженія своего благороднаго негодованія противъ «жаккеріи 2-го декабря«. Но слѣдуетъ указать на то, что вѣрные своимъ традиціямъ республиканцы Бедарьё немедленно приложили всѣ усилія къ тому, чтобы успокоить возбужденную толпу. Необходимо также отмѣтить тотъ фактъ, что лишь только побѣда какъ будто улыбнулась сторонникамъ конституціи, демократы Безье, не смотря на происшедшее побоище, немедленно вспомнили, что побѣда республиканцевъ должна въ первую голову обезпечить существованіе рабочаго класса. Мы позволили себѣ привести два относящихся сюда и очень характерныхъ факта: вѣдь главная цѣль нашего описанія и заключается въ томъ, чтобы повсюду отыскивать и группировать всѣ проявленія народной и соціалистической мысли въ эти бурные дни, хотя бы они и не отличались особенно опредѣленнымъ характеромъ.

Съ одной стороны, нѣкій гражданинъ Теолье, водворившійся въ мэріи, составилъ слѣдующее воззваніе:

«Граждане,

«Народъ, боровшійся и нынѣ одержавшій побѣду, обязанъ энергично слѣдить за охраной порядка, семьи и собственности.

«Для этой цѣли многіе рабочіе принуждены были оставить свои мастерскія, покинуть своихъ женъ и дѣтей, дабы доказать, что Революція не стремится къ разграбленію или разоренію Родины-Матери!!!

«Въ настоящее время многіе изъ этихъ рабочихъ находятся въ крайней нуждѣ, и единственное средство прекратить ихъ страданія—это хлѣбъ!!!

«Поэтому необходимо, чтобы булочники Бедарьё, располагающіе подходящей мукой, немедленно испекли и снесли въ мэрію весь выпеченный хлѣбъ. Да здравствуетъ Республика!

«Верховный Народъ!»

Съ другой стороны, 6 декабря, т. е. въ тотъ моментъ, когда можно было еще надѣяться на побѣдоносный исходъ республиканскаго возстанія, рабочіе созвали собраніе для обсужденія вопроса о заработной платѣ. Кожевники хотѣли добиться повышенія платы до 10 или 11 франковъ въ недѣлю! Отсюда ясно видно, что въ представленіи всѣхъ тѣхъ людей, которые ждали и подготовляли республиканское возрожденіе 1852 года, форма политическаго устройства (республика) и соціальныя преобразованія по традиціи безсознательно связывались воедино.

10 декабря отрядъ генерала Ростолана принудилъ бедарьескихъ рабочихъ бѣжать и укрыться въ Севеннскихъ лѣсахъ.

Бездѣйствіе Марселя на востокѣ обусловило неудачу широкаго движенія, одновременно охватившаго четыре провансальскихъ департамента: Варъ, Воклюзъ, Устьевъ Роны, Морскихъ и Нижнихъ Альповъ. Марсельскіе рабочіе, собравшись вечеромъ 3 декабря угрожающими группами, ждали только сигнала, но признанные ихъ вожди не подали его. Исторія до сихъ поръ еще не разъяснила тайныхъ причинъ этого бездѣйствія. А между тѣмъ во всѣхъ смежныхъ департаментахъ замѣчались признаки надвигавшагося широкаго протеста противъ государственнаго переворота. Вскорѣ республиканцы, собравшіеся изъ всѣхъ общинъ Варскаго департамента, составили цѣлую армію; конечно, это была нѣсколько шумливая армія, склонная къ театральной помпѣ, однимъ словомъ—провансальская толпа, апплодировавшая красивымъ молодымъ женщинамъ, закутаннымъ въ свои синія накидки и носившимъ фригійскія шапки, толпа, скрашивавшая фарандолой тягости похода, но столь же легко впадавшая въ унынie, какъ и приходившая въ энтузіазмъ. Многіе изъ нихъ все таки доказали, что они способны на героическіе поступки, и пали въ борьбѣ за свое дѣло. Но у нихъ не было командировъ; генералъ-журналистъ Камиллъ Дютэй проявилъ полнѣйшую неспособность. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ армія повстанцевъ была разбита, и ужасъ сковалъ сердца.

5 декабря, также безъ колебанія и предварительнаго обсужденія, возстала съ грознымъ единодушіемъ большая часть департамента Нижнихъ Альповъ. Адвокаты, врачи и нотаріусы съ ружьями на плечѣ стали во главѣ крестьянскихъ отрядовъ и двинулись на префектуру въ Динь. Не было семьи, которая не послала хотя бы одного своего члена въ революціонную армію. Изъ Форкалькье выступило въ походъ 3,000 человѣкъ. Въ воскресенье 7 декабря республиканцы при общемъ энтузіазмѣ овладѣли Динемъ. Полагая, что весь югъ охваченъ возстаніемъ, имѣющимъ своимъ центромъ Марсель, и что теперь по всей странѣ начнется борьба за Республику, они приступили къ организаціи департа-

мента. Они хотѣли, чтобы департаментъ Нижнихъ Альповъ въ состояніи былъ выставить свой контингентъ людьми и принять участіе въ финансовыхъ расходахъ на предстоявшую страшную борьбу. По примѣру дѣятелей 1789 г., они перестроили всю департаментскую организацію въ республиканскомъ и революціонномъ духѣ. Болѣе того, идя на встрѣчу пожеланіямъ крестьянства, они дали ему то, чего оно тщетно ждало и надѣялось получить отъ Республики: отмѣну налога на спиртные напитки. Но увы! Парижъ снова былъ побѣжденъ; Марсель не возсталъ; а войска подходили все ближе. Упорное сопротивленіе лѣсничаго Айо не могло помѣшать торжеству президента. И здѣсь съ помощью террора удалось возстановить порядокъ.

То же самое произошло въ демократическихъ департаментахъ Ардешъ и Дромъ: эта область находилась въ осадномъ положеніи со времени раскрытія Ліонскаго заговора, но не смотря на секвестры, судебные процессы и заочные приговоры, республиканцы здѣсь не переводились; хоронясь въ чащѣ лѣсовъ, они выжидали наступленія 1852 года! Въ этихъ селахъ, гдѣ царила согласная товарищеская жизнь и гдѣ жители, „не зная расколовъ и дрязгъ, раздиравшихъ ихъ партію въ другихъ мѣстахъ“, въ блаженной наивности называли себя просто республиканцами, жизнерадостное и пылкое движеніе протеста всѣми своими чертами и проявленіями напоминало великое движеніе Федерацій, которое также зародилось здѣсь и отсюда распространилось на всю Францію. Не наступилъ ли уже вожделѣнный 1852 годъ? Кто не повѣрилъ бы этому при видѣ пламенныхъ толпъ, двигавшихся по полямъ? Но увы! онѣ остались одинокими. Дромскіе и Ардешскіе повстанцы не встрѣтили поддержки со стороны остальныхъ республиканцевъ, какъ это случилось нѣкогда. Марсель не шелохнулся! Ліонъ также не тронулся! Что же могли сдѣлать демократы деревушки Крестъ или Лоріоль, предоставленные собственнымъ силамъ? Крестьяне вернулись въ свои избы и разбрелись по своимъ лѣсамъ, куда по ихъ слѣдамъ двинулись преслѣдовавшія ихъ войска.

Таковъ былъ характеръ этого движенія. Набросанная нами нѣсколько детальная картина позволяетъ намъ выдѣлить основныя его черты. Это было стихійное и неожиданное возстаніе деревень, увлеченныхъ республиканско-демократическими идеями. Въ крупныхъ революціонныхъ центрахъ, гдѣ правительство разсчитывало натолкнуться на сопротивленіе, гдѣ дѣйствовало осадное положеніе и гдѣ сосредоточена была масса войскъ, республиканцы не могли предпринять никакихъ активныхъ выступленій. Но въ деревняхъ они возстали. Тщетно президентъ заявлялъ о возстановленіи всеобщаго избирательнаго права и объ отмѣнѣ закона 31 мая 1850 года; республиканцы инстинктивно чувствовали, что государственный переворотъ, усиливавшій власть Луи-Бонапарта, неизбѣжно обратится противъ нихъ. Они прекрасно знали, что именно президентъ, его правительство и чиновники въ теченіе цѣлаго года преслѣдовали республиканскихъ дѣятелей, разрушали ихъ общества, парализовали ихъ пропаганду и не оставляли для нихъ другого исхода, кромѣ надежды на избирательный реваншъ въ 1852 г. Они знали, что на мѣстахъ, въ своей борьбѣ съ крупными собственниками, попами и реакціонерами, они всегда встрѣчали на сторонѣ своихъ противниковъ агентовъ правительства, его комиссаровъ, префектовъ и генеральныхъ

прокуроровъ. Они понимали, что государственный переворотъ наносилъ смертельный ударъ ихъ послѣдней надеждѣ; и они выступили на защиту конституціи, которая имѣла уже то преимущество, что позволяла имъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться на лучшее будущее. Истинный характеръ государственнаго переворота выяснился для провинціальнаго населенія благодаря мѣстнымъ конфликтамъ послѣднихъ лѣтъ, начиная съ 1848 года.

Послѣ всѣхъ репрессій 1850 и 1851 гг., послѣ систематической травли республиканскихъ и рабочихъ организацій, Луи-Наполеонъ счелъ умѣстнымъ выступить 2 декабря въ роли умиротворителя. При этомъ онъ находилъ еще возможнымъ расчитывать чуть ли не на единодушное признаніе. Изданный 2 декабря декретъ приглашалъ все населеніе къ 14 декабря публично выразить свою солидарность съ государственнымъ переворотомъ: открытой подачей голосовъ французскій народъ долженъ былъ во всеуслышаніе заявить, что онъ желаетъ сохранить власть въ рукахъ Луи-Наполеона Бонапарта. Но 4 декабря открытая вотировка была замѣнена тайнымъ голосованіемъ; 6 декабря Морни согласился не требовать «отъ чиновъ судебнаго вѣдомства и другихъ правительственныхъ учрежденій открытаго выраженія солидарности съ недавно принятыми политическими и судебными мѣрами». Творцы государственнаго переворота вдругъ узнали, что ихъ лицемѣрная политика послѣднихъ мѣсяцевъ, ихъ усилія возстановитъ народъ противъ его демократическихъ представителей или внушить ему органическое отвращеніе къ самой идеѣ народнаго представительства пока еще не принесли всѣхъ своихъ плодовъ. Для того чтобы сохранить свои позиціи, имъ теперь предстояло въ большей степени, чѣмъ когда либо, искать опоры въ правой, въ консерваторахъ, клерикалахъ, сторонникахъ порядка, во всѣхъ партизанахъ соціальнаго мира. Итакъ, приходилось еще потерпѣть и продолжать политику репрессій, прежде чѣмъ приступить къ настоящей имперіалистской, цезаріанской и наполеонистской политикѣ и снискать расположеніе народа, готоваго удовлетвориться правительственными попеченіями.

Въ дни юности Луи-Наполеонъ могъ мечтать о демократической, рабочей и республиканской имперіи, каковой бонапартистская легенда предстаавляла Первую Имперію. На дѣлѣ же онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ шелъ рука объ руку только съ консерваторами и католиками; именно съ ихъ помощью ему удалось добраться до власти и, если онъ разошелся съ большинствомъ Собранія, то лишь для того, чтобы ни съ кѣмъ не дѣлиться добычей и цѣликомъ сохранить ее для себя одного. Но республиканцы прекрасно понимали истинное положеніе вещей: они видѣли, что Наполеонъ, несмотря на декабрьскую размолвку, правитъ государствомъ совмѣстно съ ихъ противниками. Во всякомъ случаѣ по отношенію къ консерваторамъ онъ связанъ былъ извѣстными обязательствами. И генеральные прокуроры, префекты и вообще всѣ правительственные агенты, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не прекращавшіе травли демократовъ, такъ и поняли дѣло. Съ первыхъ же дней послѣ государственнаго переворота, извѣстіе о которомъ повергло все общество въ тревожное состояніе, они старались успокоить консерваторовъ, разъяснить имъ

ту опасность, которой имъ угрожаетъ грядущее торжество республиканцевъ. Самый фактъ сопротивленія, оказаннаго нѣсколькими возставшими департаментами, въ ихъ рукахъ обратился въ аргументъ, которымъ они не преминули ловко воспользоваться. Предстояло еще усмирить бунтовщиковъ; и на этотъ разъ правительство не погнушалось открыто использовать мѣстные счеты и страхи въ цѣляхъ репрессіи. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ докладъ генеральнаго прокурора Ріомскаго апелляціоннаго суда отъ 4 декабря; этотъ докладъ цитируется у Чернова (loc cit., стр. 56). «Нѣсколько почтенныхъ гражданъ,—пишетъ онъ,—явились ко мнѣ съ вопросомъ, отнесусь ли я одобрительно къ собранію сторонниковъ порядка, созванному съ тѣмъ, чтобы столковаться о мѣрахъ защиты въ случаѣ нападенія со стороны демагоговъ? Я не только отвѣтилъ, что вполнѣ одобряю эту мѣру, но даже послалъ на это собраніе двухъ своихъ помощниковъ съ просьбой заявить, что старшій товарищъ прокурора... желаетъ записаться въ списокъ добровольцевъ, и что въ случаѣ надобности я лично не премину стать во главѣ ихъ съ ружьемъ въ рукахъ».

Консерваторы и партизаны порядка, собравшіеся вокругъ представителей власти съ ружьями въ рукахъ для борьбы съ республиканцами и рабочими-соціалистами—вотъ къ какой группировкѣ силъ привелъ въ конечномъ счетѣ государственный переворотъ. Уже по прошествіи сорока восьми часовъ созданное имъ правительство показало свою настоящую физіономію,—и эта дѣйствительность сильно отличалась отъ наполеонистскихъ мечтаній.

* * *

Въ свое время Луи-Наполеонъ могъ сколько угодно фантазировать на тему о сильномъ и благодѣтельномъ правительствѣ, о соціальныхъ реформахъ, народномъ благоденствіи и императорской славѣ. Теперь же его главной, можно сказать, единственной задачей сдѣлалась забота о самосохраненіи.

Первая же недѣля декабря показала, что непримиримые республиканцы располагаютъ еще значительными силами; обнаружилось, что въ обширныхъ областяхъ имѣется въ наличности крестьянская оппозиція, группирующаяся вокругъ мѣстныхъ именитыхъ людей, врачей, нотаріусовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ Необходимо было прежде всего покончить съ этой активной оппозиціей и довершить разгромъ республиканскихъ силъ.

Правительство прекрасно знало, какой методъ слѣдуетъ примѣнить въ данномъ случаѣ. Послѣ государственнаго переворота ему оставалось только продолжать ту тактику, которую оно начало практиковать за нѣсколько лѣтъ до того. Прежде всего нужно было дать руководящія указанія подкупленной правительствомъ и получавшей отъ него директивы прессѣ, которая должна была внушить индифферентной и трусливой обывательской массѣ, что въ послѣднее время ей угрожала величайшая опасность. Она должна была убѣдить публику, что если пре-

зидентъ совершилъ государственный переворотъ, то лишь для того, чтобы спасти общество отъ угрожавшихъ ему соціалистическихъ происковъ, отъ соціальной революціи и анархіи. Эта благодарная задача для преемниковъ Ромье была значительно облегчена тѣми немногочисленными убійствами, которыми сопровождалось движеніе протеста: эти эксцессы доставили имъ удобный предлогъ для утвержденія, что деревнямъ угрожала ужасная жаккерія, предотвратить которую съумѣло только правительство президента.

Силясь убѣдить парижское населеніе, будто бойня на бульварахъ имѣла цѣлью покарать «желтыя перчатки», т. е. аристократовъ—враговъ рабочаго класса и Луи-Наполеона, эти журналисты охраннаго отдѣленія вмѣстѣ съ тѣмъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ расписывали передъ крестьянствомъ гибельные замыслы тайныхъ обществъ и старались его запугать фантастическими выдумками о преступленіяхъ, совершенныхъ революціонерами. Газеты Patrie и Constitutionnel разсказывали, что въ Кламеси революціонеры распороли брюхо убитому жандарму и выпустили ему кишки; въ другомъ мѣстѣ они отпилили кисти рукъ какому то сторонніку порядка; и повсюду повстанцы якобы насиловали попадавшихся имъ женщинъ.

„Жаккерія, — повѣствовалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя де-ла-Героньеръ въ своихъ „Политическихъ Жизнеописаніяхъ“ (Наполеонъ III, стр. 176),—подняла свое знамя. Банды убійцъ наводнили деревни, нападали на города, врывались въ частныя жилища, грабили, жгли, убивали, совершая повсюду гнусныя и ужасающія преступленія, отодвинувшія насъ назадъ къ худшимъ временамъ варварства. Это ужъ былъ не фанатизмъ, безъ котораго не обходится, къ сожалѣнію, партійная борьба; это былъ каннибализмъ, который далеко оставлялъ за собой все, что могло придумать самое смѣлое воображеніе“. А „Patrie“ помѣстила обширный отчетъ о „демагогическомъ“ движеніи до 2 декабря, перечислявшій тайныя общества, существованіе которыхъ въ странѣ было дѣйствительно установлено или просто сочинено генеральными прокурорами, и оправдывала всѣ репрессивныя мѣры, которыя правительство собиралось принять противъ демагоговъ, соучастниковъ или зачинщиковъ этихъ безпорядковъ. Прикрываясь оффиціальной легендой, по которой выходило, что государственный переворотъ былъ предпринятъ исключительно въ цѣляхъ спасенія общества, полиція, суды и префекты дѣятельно принялись за подавленіе крамолы.

Настали черные дни политическихъ гоненій. Можно сказать, что на протяженіи всей французской исторіи не встрѣчается другого такого періода; вся тогдашняя республиканская партія, огуломъ взятая подъ подозрѣніе въ соціалистическихъ стремленіяхъ, подверглась неслыханной травлѣ, преслѣдованіямъ и насиліямъ. Въ высшей степени характерно то обстоятельство, что тогдашніе республиканцы преслѣдовались въ качествѣ демагоговъ и красныхъ, въ качествѣ сторонниковъ соціальнаго переворота и раздѣла имуществъ. Дѣятели 2-го декабря прекрасно понимали, что страхи, порожденные событіями 1848 года, еще не изгладились.

Тридцать два департамента были объявлены въ осадномъ положеніи. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходили возстанія, примѣнены были ужасныя репрессіи. Начальники военныхъ командъ, посланныхъ

для преслѣдованія инсургентовъ въ окрестностяхъ Кламеси, получили приказъ разстрѣливать всякаго, взятаго съ оружіемъ въ рукахъ, и стрѣлять по всякому, кто сдѣлаетъ попытку бѣжать отъ солдатъ; во всѣхъ лѣсахъ, окружающихъ упомянутый городокъ, пѣхотой устроена была облава. Въ департаментахъ Жеръ, Геро, Дромъ и Варъ по деревнямъ размѣщены были летучія военныя команды, рыскавшія по всѣмъ направленіямъ. Въ своей омерзительной работѣ войска, полиція и суды встрѣчали поддержку среди обывателей: у однихъ такое поведеніе объяснялось страхомъ, у другихъ злопамятствомъ и вообще желаніемъ свести старые счеты. „Одна половина Франціи доноситъ на другую“,— писала Жоржъ Зандъ въ это зловѣщее время.

Но для правительства дѣло шло не только о подавленіи безпорядковъ; ему нужно было во что бы ни стало уничтожить республиканцевъ. Къ этой-то цѣли оно и стремилось. 8 декабря, въ тотъ самый день, когда президентъ въ особомъ воззваніи поздравлялъ себя съ прекращеніемъ смуты и приглашалъ гражданъ къ избирательнымъ урнамъ, опубликованъ былъ декретъ, дававшій администраціи право ссылать въ Кайенну въ порядкѣ охраны, т. е. безъ судебнаго разбирательства, лицъ, въ прежнее время осужденныхъ судомъ и скрывшихся изъ назначеннаго имъ мѣстожительства, а также лицъ, признанныхъ виновными въ принадлежности къ тайнымъ сообществамъ. Въ виду того, что благодаря реакціи двухъ послѣднихъ лѣтъ республиканцы принуждены были прибѣгать къ тайной пропагандѣ своихъ идей, а также въ виду свободнаго и произвольнаго толкованія закона, которое позволяла себѣ администрація, мало кто изъ убѣжденныхъ республиканцевъ могъ теперь быть увѣренъ въ своей безопасности. Вдобавокъ министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ отъ 10 декабря ставилъ на видъ своимъ агентамъ, чего собственно онъ отъ нихъ требуетъ.

«Эти презрѣнные субъекты,—говорилъ онъ,—по большей части извѣстны всѣмъ; они не должны пользоваться пагубной безнаказанностью, которая поощряетъ къ мятежу и гражданской войнѣ. Законъ относитъ къ тайнымъ сообществамъ всѣ политическіе союзы, не выполнившіе формальностей, установленныхъ декретомъ 28 іюля 1848 года. Посему, въ случаѣ обнаруженія сборищъ такого рода, вы должны принять самыя строгія мѣры противъ ихъ участниковъ. Находящіеся въ Парижѣ главные комитеты обыкновенно посылаютъ въ департаменты комиссаровъ, которымъ поручается основывать пропагандистскіе центры и сбивать съ толку общественное мнѣніе. Эти опасные агенты должны быть подвергаемъ задержанію и заключенію въ тюрьму, какъ только вы узнаете объ ихъ присутствіи. Нѣкоторыя коммуны находятся подъ игомъ у такихъ господъ, которые обязаны своей ролью заправилъ только внушаемому ими страху. Обыски и выемки, произведенные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вѣроятно должны будутъ доставить доказательства ихъ принадлежности къ тайнымъ сообществамъ. Имъ придется подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ своего положенія. Многіе рецидивисты и поднадзорные служатъ тяжкимъ бременемъ для общинъ, въ которыхъ они водворены. Вы назначите имъ новое мѣстожительство, гдѣ ихъ пребываніе не повлечетъ

за собой никакихъ неудобствъ Въ случаѣ самовольной отлучки изъ отведеннаго имъ мѣстожительства вы сдѣлаете распоряженіе о взятіи ихъ подъ стражу. Наконецъ, вы соблаговолите припомнить, что декретъ отъ 8 декабря даетъ вамъ въ руки оружіе, которымъ вы можете пользоваться безъ колебаній по отношенію ко всѣмъ личностямъ, подпадающимъ подъ дѣйствіе этой высокой мѣры государственной охраны».

Вооруженные такими полномочіями, представители власти могли приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. По буквѣ декрета 1848 года, тайными обществами признавались всѣ незаконные союзы или даже неразрѣшенныя собранія. По совѣту нѣсколькихъ прокуроровъ преслѣдованія противъ инсургентовъ и преслѣдованія противъ членовъ тайныхъ обществъ были даже на скорую руку связаны воедино. Обыски и доносы посыпались со всѣхъ сторонъ.

Аресты производились безъ счета. Въ Парижѣ къ вечеру 4 декабря число ихъ достигло 2.133, и по крайней мѣрѣ столько же арестовъ было произведено въ слѣдующіе дни. Арестованные «были набиты въ тюрьмахъ, какъ сельди въ бочкѣ». Въ Иври, гдѣ заключенъ былъ Демосѳенъ Оливье, «окна настолько узки, что даже днемъ можно читать только съ большимъ трудомъ; воздуха не хватаетъ; пыль, поднимающаяся отъ тощей вязанки соломы, служащей намъ постелью, дѣйствуетъ на легкія подобно углекислотѣ. Мы покрыты насѣкомыми, избавиться отъ которыхъ нѣтъ никакой возможности; вслѣдствіе этого у большинства заключенныхъ на тѣлѣ появилась гнойная сыпь». Облавы, организованныя въ провинціи, повлекли за собой такое множество арестовъ, что власти не знали, куда дѣвать арестованныхъ, и спрашивали указаній, что съ ними дѣлать. Въ Оксеррѣ арестный домъ, казармы и еще одно зданіе были совершенно переполнены заключенными.

Тюремное заключеніе, высылка во внутреннія мѣстности, изгнаніе и наконецъ ссылка въ Гвіану или въ Алжиръ на основаніи декрета 8 декабря—таковы были кары, которыя ждали этихъ узниковъ.

9 января 1852 года вышли декреты, направленные противъ членовъ распущеннаго Собранія. Восемнадцать изъ нихъ были „временно удалены“ изъ предѣловъ Франціи, въ томъ числѣ шесть республиканцевъ, среди которыхъ находился Эдгаръ Кинэ; 66 человѣкъ (все монтаньяры) были „изгнаны“ съ предупрежденіемъ, что они подвергнутся ссылкѣ въ случаѣ самовольнаго возвращенія во Францію. Наконецъ, пять депутатовъ подлежали ссылкѣ въ Гвіану: одинъ изъ нихъ, Матэ, бѣжалъ; троимъ, Марку Дюфрессу, Греппо и Ришардэ, благодаря заступничеству Жоржъ Зандъ, ссылка была замѣнена изгнаніемъ; одинъ только Міо былъ сосланъ въ Алжиръ.

Циркуляромъ отъ 3 февраля учреждены были смѣшаннныя комиссіи, которыя должны были довершить терроризированіе страны.

Этотъ циркуляръ, въ цѣляхъ скорѣйшаго разгрома республиканскихъ силъ, просто придалъ законодательную форму административной практикѣ послѣднихъ мѣсяцевъ. Фактически за послѣднее время въ каждомъ крупномъ центрѣ прокуроръ, префектъ и генералъ совмѣстными трудами искореняли крамолу: смѣшанная комиссіи объединяла ихъ юридически. Этотъ чиновничій трибуналъ вершилъ судъ и расправу при закрытыхъ дверяхъ, безъ свидѣтелей и защитниковъ, основы-

ваясь исключительно на доносахъ и свѣдѣніяхъ, доставленныхъ властями. На головы инсургентовъ, членовъ тайныхъ обществъ, подозрительныхъ лицъ или же просто людей, подавшихъ отрицательный бюллетень во время плебисцита, посыпались самыя разнообразныя кары: ссылка, изгнаніе, прикрѣпленіе къ опредѣленному мѣстожительству, высылка, отдача подъ надзоръ полиціи. По признанію оффиціальныхъ документовъ, 2.804 человѣка было водворено въ опредѣленныхъ пунктахъ съ воспрещеніемъ отлучки, 1.545 выслано или изгнано, 9.530 сослано въ Алжиръ, 239 въ Кайенну и 5.450 отдано подъ надзоръ полиціи. Но сколько еще несчастныхъ пострадало отъ военныхъ судовъ и иныхъ трибуналовъ? И какія кары постигли тѣхъ арестованныхъ, дѣла которыхъ не были разсмотрѣны до истеченія мѣсячнаго срока (срокъ функціонированія смѣшанныхъ комиссій)?

Приговоры смѣшанныхъ комиссій сохраняются въ Національномъ Архивѣ. Это мрачныя страницы. Въ своемъ сочиненіи «Исторія Второй Республики» (стр. 224) Жоржъ Ренаръ цитируетъ документы, опубликованные Леономъ Гюйономъ. Въ своемъ трудѣ о «Республиканской партіи во время Второй Имперіи» Черновъ помѣстилъ другіе документы, въ частности нѣсколько рѣшеній смѣшанной комиссіи Шерскаго департамента. Мы должны привести ихъ для того, чтобы пролетаріатъ помнилъ и зналъ, какимъ преслѣдованіямъ и подъ какими предлогами подвергались въ то время республиканцы и соціалисты.

На 55 ремесленниковъ и крестьянъ мѣстечка Мэйянъ (Сентъ-Аманскаго округа) сдѣланъ былъ доносъ, «какъ на людей опасныхъ и сильно скомпрометированныхъ своими происками и ревностной пропагандой». Нѣкоторыхъ признаній, вырванныхъ у запуганныхъ крестьянъ, оказалось достаточно для того, чтобы предать ихъ суду по обвиненію въ образованіи тайныхъ сообществъ. Вотъ нѣкоторые изъ постановленныхъ приговоровъ:

Піа, Жакъ, горшечникъ изъ Нуарлака, 33 лѣтъ, женатъ, имѣетъ 4 дѣтей, не умѣетъ ни читать, ни писать. Допрашивался въ качествѣ обвиняемаго, но оставленъ на свободѣ. Членъ тайнаго общества, принадлежалъ къ десятку Латта. Сознался. Очень бѣденъ. До сихъ поръ былъ извѣстенъ, какъ честный человѣкъ. Въ частной жизни поведенія безукоризненнаго. Однако при первыхъ допросахъ нагло лгалъ передъ судьями: пять лѣтъ ссылки въ Ламбессу.

Антуанъ Пти, по прозвищу Мажо, поденщикъ въ Мэйянѣ, холостъ, не умѣетъ ни читать, ни писать. Допрашивался въ качествѣ свидѣтеля. Членъ десятка Латта. Сознался. Человѣкъ безвольный, почти идіотъ. Тѣмъ не менѣе зловредный субъектъ: пять лѣтъ Ламбессы.

Веланъ, Жанъ-Франсуа, каменоломъ въ Мэйянѣ, 40 лѣтъ, женатъ, 5 дѣтей. Не умѣетъ ни читать, ни писать. Допрашивался въ качествѣ свидѣтеля. Членъ десятка Ж.... Сознался. Чрезвычайно жалкій человѣкъ, пьяница, болтунъ, но не злой: 5 лѣтъ Ламбессы.

Дебуассъ, Рожеръ, каменоломщикъ въ Мэйянѣ, 35 лѣтъ, женатъ, имѣетъ одного ребенка, не умѣетъ ни читать, ни писать. Допрашивался въ качествѣ свидѣтеля. Членъ десятка Ж.... Сознался, типъ фанатика-соціалиста. Человѣкъ сварливый, злой, дѣятельный, но безъ иниціативы: 7 лѣтъ Ламбессы (этотъ получилъ на два года больше предыдущихъ, безъ сомнѣнія, благодаря наклеенному на него соціалистическому ярлыку).

Саллэ, Шарль, крестьянинъ изъ Сенъ-Ромба, коммуны Мэйянъ, 37 лѣтъ, женатъ, имѣетъ ребенка, не умѣетъ ни читать, ни писать. Допрашивался въ качествѣ свидѣтеля. Сознался. Происходитъ изъ честной семьи. Пьяница и человѣкъ дурного характера. Считается неопаснымъ: 5 лѣтъ Ламбессы.

Роже, Августъ, чернорабочій въ Мэйянѣ, 24 лѣтъ, холостъ, не умѣетъ ни читать, ни писать. Допрашивался въ качествѣ свидѣтеля. Членъ десятка Ж.... Сознался. Незаконнорожденный. Глуповатый и безвредный парень: 5 лѣтъ Ламбессы.

Фультье, Жильберъ, слесарь въ Мэйянѣ, бывшій мэръ этой коммуны, 38 лѣтъ, женатъ, 5 дѣтей, умѣетъ читать и писать. Привлекался въ качествѣ обвиняемаго и взять подъ стражу. По всей вѣроятности, сотникъ. Ярый и фанатическій соціалистъ. Рѣзкаго характера, преданъ пьянству. Довольно интеллигентенъ, однако считается честнымъ человѣкомъ. Вѣчный заговорщикъ. Въ 1834 году привлекался по дѣлу Сенъ-Мерри (возстаніе), но былъ выпущенъ на свободу; въ 1848 году обвинялся въ ношеніи мятежныхъ эмблемъ, но былъ оправданъ. Участвовалъ въ старомъ обществѣ Правъ Человѣка. Организовалъ тайное сообщество въ Мэйянѣ. Самъ принялъ въ него почти всѣхъ членовъ, человѣкъ крайне опасный. Онъ-то и погубилъ коммуну Мэйянъ: 10 лѣтъ Кайенны.

Жуанно, Денисъ, каменоломщикъ въ Мэйянѣ, 51 года, женатъ, имѣетъ одного ребенка, умѣетъ читать и писать. Допрашивался въ качествѣ обвиняемаго, но арестованъ не былъ. Десятникъ. Сознался. До сихъ поръ считался совершенно порядочнымъ и мягкимъ человѣкомъ, но разстройство его дѣлъ толкнуло его въ объятія Фультье, преданнымъ лейтенантомъ котораго онъ сдѣлался. Теперь же онъ считается крайне испорченнымъ человѣкомъ, скрывающимъ подъ маской напускного добродушія самыя низменныя страсти. Однако задолго до начала нашего дознанія началъ выражать сожалѣніе въ томъ, что участвуетъ въ тайномъ обществѣ. Въ настоящее время, повидимому, глубоко раскаивается: 5 лѣтъ Ламбессы.

Рено, Клодъ, чернорабочій въ Мэйянѣ, 22 лѣтъ, холостъ, умѣетъ читать и писать. Допрашивался въ качествѣ свидѣтеля. Членъ десятка Латта. Сознался. Происходитъ изъ очень порядочной семьи, единственная опора своей слѣпой матери. Считается неспособнымъ на зло. Но часто фигурировалъ при церемоніяхъ пріема новыхъ членовъ: 5 лѣтъ Ламбессы.

Омклеркъ, Жозефъ, литейщикъ въ Мэйянѣ, 40 лѣтъ, женатъ, имѣетъ трехъ дѣтей, не умѣетъ ни читать, ни писать. Свидѣтель. Членъ десятка Жуанно. Сознался. Прекраснѣйшіе отзывы о его прошломъ. Безупреченъ въ частной жизни, поддался увлеченію по трусости. Оправданъ. Высѣчь на площади какъ труса....“

Итакъ, члены смѣшанныхъ комиссій 1852 года отрываютъ отъ своихъ семей и посылаютъ на 5 лѣтъ въ Ламбессу безграмотныхъ крестьянъ, людей, которыхъ они сами признали „неспособными на злое дѣло“ или „неопасными“ или „безвредными“ молодыми людьми. Но они республиканцы, они соціалисты, и могутъ заразить деревню. Комиссарамъ поручено выполоть сорную траву и распространить повсюду спасительный страхъ. Никогда партія не подвергалась такимъ жестокимъ

преслѣдованіямъ, никогда законные палачи не обнаруживало подобнаго садизма. Послѣдняя черточка достаточно ихъ характеризуетъ: не будучи въ состояніи осудить своихъ жертвъ, они собираются с ѣ ч ь ихъ на площади.

Въ департаментѣ Геро на 60 тысячъ республиканцевъ (да! на 60.000!) сдѣланъ былъ доносъ, какъ на членовъ тайныхъ обществъ. Правительство отступило передъ массовой ссылкой; но 2.066 человѣкъ все-таки пострадало. Власти до того увлеклись, что въ число крамольниковъ попали даже бонапартисты. „Ваше Превосходительство понимаетъ,—писалъ министру внутреннихъ дѣлъ префектъ департамента Геро, — сколько невольныхъ ошибокъ или безполезныхъ жестокостей приходится на 2.066 обвинительныхъ приговоровъ, вынесенныхъ смѣшанными комиссіями въ этомъ департаментѣ, если принять во вниманіе, что большинство мѣстныхъ властей состоитъ здѣсь изъ легитимистовъ, и что здѣсь развилась настоящая эпидемія доносовъ“. Принося извиненія за бонапартистовъ, префектъ въ то же время невольно признаетъ, что по отношенію къ республиканцамъ дѣйствовалъ крайній произволъ.

Въ серединѣ марта дѣятельность смѣшанныхъ комиссій была закончена. Тюрьмы опустѣли. Тогда правительство послало въ провинцію комиссаровъ, которымъ разрѣшено было принимать мѣры кротости: Кантенъ-Бошаръ былъ посланъ на юго-востокъ, Канроберъ—въ центръ, Эспинасъ—на юго-западъ. Они почти не воспользовались предоставленной имъ властью: Эспинасъ въ своемъ отчетѣ даже заявилъ, что репрессія была еще очень слаба, и что милосердіе не пользуется популярностью среди населенія. По даннымъ одного документа, найденнаго въ 1870 году въ Тюильрійскомъ дворцѣ, всего было арестовано 26.642 человѣка; изъ нихъ освобождено только 6.500, 5.108 отдано подъ надзоръ полиціи, 15.033 осуждены, изъ нихъ 9.530 сослано въ Алжиръ, 239 въ Кайенну и 2.804 водворены безъ права выѣзда въ провинціальныхъ городахъ.

Эти ссыльные и узники, по выраженію Жоржъ-Зандъ, составляли соль французской націи. Съ ихъ устраненіемъ широкія массы снова впали въ состояніе индифферентизма и покорности. Впрочемъ, правительство умѣло ихъ обуздывать, какъ оно это уже доказало.

Во время выборовъ, при плебисцитѣ и иныхъ избирательныхъ кампаніяхъ за республиканцами установленъ былъ самый строгій надзоръ. Даже воздержаніе отъ голосованія, эта крайняя форма протеста, связано было съ извѣстнымъ рискомъ. За такую продерзость пострадалъ народный учитель мѣстечка Фонтенэ въ Іоннскомъ департаментѣ. Болѣе того: правительство имѣло своихъ заложниковъ, такъ называемыхъ п о д о з р и т е л ь н ы х ъ, за которыми полиція особенно бдительно слѣдила и которыхъ оно подвергала аресту всякій разъ, когда въ странѣ начиналось какое-нибудь волненіе, или просто во время проѣзда принца-президента. Республиканская пресса была, конечно, скована по рукамъ и ногамъ. Газеты должны были погибнуть или перейти въ бонапартистскій лагерь. Республиканскіе профессора, должностныя лица судебнаго вѣдомства, однимъ словомъ, всѣ оффиціальныя лица, заподозрѣнныя въ симпатіяхъ къ исчезнувшему режиму, были лишены своихъ должностей. „Лойяльность сдѣлалась основнымъ условіемъ довѣрія и милости со стороны государства.“ Въ продолженіе всего 1852 года префекты въ своихъ отчетахъ указываютъ на чиновниковъ, заслуживающихъ увольненія: одинъ

за то, что пропустилъ церковную службу; другіе за то, что не оказываютъ дѣятельной поддержки Имперіи; или какой-нибудь орлеанистскій генералъ въ Тулузѣ, за то, что «не принимаетъ никакихъ мѣръ для привитія ввѣреннымъ ему войскамъ наполеоновскаго духа». Нѣсколько черточекъ окончательно покажутъ истинный характеръ новаго режима. Одинъ республиканецъ былъ приговоренъ къ 6-тимѣсячному тюремному заключенію за продажу кошельковъ, на которыхъ вытиснены были портреты Кошута и Ледрю-Роллэна. Другихъ таскали въ полицію для объясненія по поводу того, что они заказали рабочему стаканы, на которыхъ поручили ему выгравировать бюстъ республики съ фригійскимъ колпакомъ на головѣ; третій привлекался за ношеніе краснаго галстуха. Нечего и говоритъ, что согласно практикѣ, установившейся еще до государственнаго переворота, рабочіе союзы, кооперативныя товарищества, общества сопротивленія и взаимопомощи состояли подъ неослабнымъ надзоромъ полиціи, подвергались непрерывнымъ преслѣдованіямъ или совершенно закрывались, какъ республиканскія гнѣзда.

Подавляя такимъ образомъ активную оппозицію, Луи-Наполеонъ старался въ тоже время укрѣпить и развить свою правительственную систему.

Во время плебисцита 21 декабря 7,439,216 „да“ противъ 640,737 „нѣтъ“ и 36,880 пустыхъ бюллетеней одобрили государственный переворотъ. Такъ какъ въ основу избирательныхъ списковъ положены были списки 1849 года, въ которые занесено было 9,618,057 избирателей, то отсюда ясно, что, несмотря на все полицейское давленіе, около 1,500,000 избирателей воздержались отъ голосованія. Въ Парижѣ въ выборахъ приняло участіе 216,693 человѣка: 132,981 сказали „да“, 80,691—„нѣтъ“, 3,021 подали пустыя записки; 75,102 избирателя воздержались отъ голосованія: такимъ образомъ, число утвердительныхъ записокъ оказалось меньше половины числа внесенныхъ въ списки избирателей.

31 декабря 1851 года Барошъ торжественно представилъ президенту извлеченіе изъ журнала Совѣщательной Комиссіи, которой поручено было произвести подсчетъ голосовъ. Онъ заявилъ, что Франція довѣряетъ „мужеству и высокому разуму“ принца, который потребовалъ отъ нея сильной власти. И онъ приглашалъ президента осуществить свою благородную мысль: „благоразумную и упорядоченную свободу, сильную и пользующуюся всеобщимъ уваженіемъ власть“.

На это Луи-Наполеонъ отвѣтилъ:

„Франція дала свой отвѣтъ на лойяльный призывъ, съ которымъ я къ ней обратился. Она поняла, что я отступилъ отъ законности лишь для того, чтобы вернуться къ праву. Свыше 7 милліоновъ голосовъ высказались въ мою пользу, оправдывая такимъ образомъ актъ, который не имѣлъ иной цѣли, кромѣ избавленія Франціи и Европы отъ многихъ, быть можетъ, лѣтъ смуты и бѣдствій...“ И дальше: „я надѣюсь обезпечить судьбу Франціи путемъ созданія учрежденій, которыя въ одно и тоже время отвѣчаютъ и демократическимъ инстинктамъ французской націи, и всеобще выраженному теперь желанію имѣть отнынѣ сильную и авторитетную власть“.

На этихъ принципахъ основана была новая конституція, данная Франціи 14 января 1852 года. Она проникнута была, какъ объ этомъ

заранѣе заявляло воззваніе отъ 2 декабря, духомъ „системы, созданной первымъ консуломъ», той системы, которая „однажды уже доставила Франціи спокойствіе и благосостояніе“. Вся исполнительная власть вручалась президенту, избранному на 10 лѣтъ. При немъ состояли три учрежденія: Государственный Совѣтъ, члены котораго назначаются президентомъ и который вырабатываетъ законопроекты; Законодательный Корпусъ, выбираемый всеобщей подачей голосовъ, который обсуждаетъ и вотируетъ законы и государственную роспись; „второе собраніе“, Сенатъ, члены котораго назначаются президентомъ и который играетъ роль „хранителя основныхъ законовъ и общественныхъ вольностей“.

На этотъ разъ президентъ добился сильной власти; болѣе того, онъ добился всей полноты власти. Онъ назначалъ чиновниковъ на всѣ должности, объявлялъ войну, онъ одинъ велъ переговоры съ иностранными государствами и заключалъ договоры, онъ рѣшалъ вопросъ о введеніи осаднаго положенія, ему же одному принадлежало право законодательной иниціативы. Палата, всѣ члены которой должны были приносить присягу на вѣрность президенту, могла только обсуждать представленные ей законопроекты. Министры назначались президентомъ и зависѣли только отъ него; отвѣтственность министровъ была уничтожена. Отвѣтственнымъ былъ только президентъ, но не передъ какимъ-нибудь конкретнымъ государственнымъ учрежденіемъ, а только передъ народомъ, сюзереномъ въ теоріи, который во время плебисцитовъ своими «да» или «нѣтъ» выражалъ свое одобреніе или неодобреніе правительственной политикѣ.

Такимъ образомъ новая система была возстановленіемъ Консульства, съ той лишь разницей, что конституція 1852 года допускаетъ палату, непосредственно избираемую народомъ, что она сохраняетъ и даже кладетъ въ основу новаго режима всеобщее избирательное право, это завоеваніе 1848 года. Всеобщее голосованіе могло быть извращено, придавлено, осквернено, но все-таки сторонники сильной власти не посмѣли его уничтожить; благодаря ему суждено было возродиться свободѣ, оно впослѣдствіи послужило знаменемъ, вокругъ котораго вскорѣ начали собираться республиканцы.

Но въ данный моментъ властно царила диктатура. Въ то время какъ Морни поручаетъ префектамъ организовать всеобщее голосованіе и объясняетъ имъ, какъ слѣдуетъ „съ умомъ“ производить избирательныя дѣленія, въ то время какъ онъ учитъ ихъ превращать въ чистую фикцію всѣ гарантіи, предоставленныя народу конституціей, принцъ-президентъ, даже не дожидаясь ткрытіяо Законодательнаго Корпуса, спѣшитъ, на основаніи предоставленнаго ему права, наиздавать какъ можно больше декретовъ, имѣющихъ силу закона. Онъ хочетъ какъ можно скорѣе завершить дѣло 2 декабря.

Дѣятельность, проявленная принцемъ-президентомъ въ эти мѣсяцы диктатуры, чрезвычайно любопытна. Колеблясь между своими фантастическими планами и сложной дѣйствительностью, созданной государственнымъ переворотомъ и оказаннымъ ему сопротивленіемъ, сгарая желаніемъ привлечь на свою сторону рабочій классъ и развратить даже его передовые элементы и вмѣстѣ съ тѣмъ принужденный дѣйствовать въ угоду Монталамберу и клерикаламъ, которые по своей сущности и по всей исторіи послѣднихъ лѣтъ составляютъ вѣрную опору его правле-

нія, онъ сыплетъ мелкими реформами и старается дать удовлетвореніе всѣмъ классамъ, привлечь къ себѣ всѣ симпатіи и, подавивши „анархистовъ“, сдѣлаться дѣйствительно народнымъ принцемъ, любимцемъ всей націи. Онъ надѣется на то, что съ искорененіемъ крамолы масса одобритъ его и полюбитъ. Онъ хочетъ до открытія палатъ, такъ сказать, дать странѣ желательное ему направленіе и наглядно продемонстрировать, какой характеръ будетъ имѣть его правленіе. И вотъ почему онъ какъ изъ рога изобилія сыплетъ декретами, пытающимся разрѣшить всѣ текущіе вопросы, во многихъ случаяхъ стараясь при этомъ использовать тѣ законопроекты, которые были подготовлены Національнымъ Собраніемъ, но которые оно не успѣло провести въ виду того, что силы его были парализованы борьбой съ президентомъ. Многіе изъ этихъ декретовъ сохранили свою силу, но въ общемъ они носятъ крайне мизерный и робко-реформаторскій характеръ, причемъ нѣкоторыя изъ ихъ постановленій продиктованы не столько искреннимъ и смѣлымъ стремленіемъ къ прогрессивнымъ преобразованіямъ, сколько погоней за популярностью и своекорыстными династическими расчетами.

Среди этихъ декретовъ-законовъ періода диктатуры многіе преслѣдуютъ вполнѣ опредѣленную цѣль—въ первую голову довершить покореніе націи. Этому не слѣдуетъ, конечно, удивляться.

Прежде всего идетъ закрытіе рабочихъ союзовъ, политической дѣятельности которыхъ правительство продолжаетъ опасаться по прежнему; затѣмъ префектамъ предоставлено право разрѣшать открытіе питейныхъ заведеній или закрывать ихъ въ зависимости отъ политической благонадежности ихъ владѣльцевъ; нотаріусамъ, стряпчимъ и адвокатамъ, заподозрѣннымъ во враждебномъ отношеніи къ новому режиму, приказано продать свои конторы; національная гвардія распущена; возстановлено министерство полиціи, во главѣ котораго поставленъ Мопа; Ліонскій округъ объявленъ на положеніи усиленной охраны; наконецъ, девизъ „свобода равенство, братство“ объявленъ подъ опалой, а деревья свободы срублены.

Декретомъ 17 февраля вводится новое положеніе о печати. Для газетъ устанавливается система предварительнаго разрѣшенія, обязательный залогъ и штемпельный сборъ. За неугодныя правительству статьи помѣстившія ихъ газеты получаютъ предостереженія, а нѣсколько предостереженій влекутъ за собой закрытіе органа.

9 марта наступаетъ очередь Университета. Отнынѣ право, назначенія и увольненія профессоровъ принадлежитъ одному лишь правительству, которое назначаетъ также и Высшій Совѣтъ.

Всѣ высшія государственныя учрежденія должны подчиняться верховной власти, и всѣ чиновники обязаны доказать свою вѣрность. Къ тому же президентъ долженъ доставить теплыя мѣстечки своимъ креатурамъ, и многіе изъ нихъ точатъ зубы на добычу. Декретъ 1 марта, понижающій предѣльный возрастъ для уходящихъ въ отставку судей, уже далъ возможность удовлетворить алчные аппетиты нѣкоторыхъ сторонниковъ Бонапарта.

Но кромѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій, преслѣдовавшихъ цѣли репрессіи или усиленія правительственной власти, приняты были нѣкоторыя другія мѣры, которыя занимали, а подчасъ и поражали общественное мнѣніе. Декретъ, помѣченный 23 января, постановлялъ, что всѣ

владѣнія Орлеанскаго дома, т. е. личное имущество, переданное Луи-Филиппомъ своимъ сыновьямъ на основаніи дарственной записи 7 августа, должны быть возвращены націи. Изъ этихъ владѣній, 10 милліоновъ должны были поступить въ пользу обществъ взаимопомощи, 10 милліоновъ предназначались на улучшеніе рабочихъ жилищъ, 10 милліоновъ шли на учрежденія Поземельнаго Кредита и, наконецъ, 5 милліоновъ поступали въ пенсіонную кассу священниковъ, потерявшихъ способность къ труду. Вѣрная союзница принца, церковь, тоже должна была такимъ образомъ получить свою долю пирога.

Поднялись вопли о скандалѣ. Четыре министра, четыре ближайшихъ наперсника императора, разыграли лицемѣрную комедію: Морни, Руэръ, Фульдъ и Мань подали въ отставку. Возмущенный Монталамберъ и Мородъ вышли изъ Совѣщательной Комиссіи; нѣсколько членовъ Государственнаго Совѣта протестовали и понесли наказаніе. Въ салонахъ повторялась мѣткая острота г-жи Дюпэнъ, сказавшей: „это первый полетъ орла“ (игра словъ: vol по французски означаетъ „полетъ“ и „кражу“).

Къ счастью для себя, принцъ-президентъ имѣлъ въ своемъ активѣ нѣсколько другихъ декретовъ. Онъ хотѣлъ играть роль великаго инициатора въ торгово-промышленной области. Первый опытъ въ этомъ направленіи онъ сдѣлалъ въ 1852 году. Онъ передалъ въ руки частныхъ предпринимателей Ліонскую желѣзную дорогу; проведены были новыя линіи для расширенія сѣверной желѣзнодорожной сѣти; Страсбургская линія была закончена и продолжена; наконецъ, были проведены новыя телеграфныя линіи.

c) 28 февраля опубликованъ былъ декретъ, опредѣлявшій въ основныхъ чертахъ дѣятельность учрежденій Поземельнаго Кредита. Другіе декреты регламентировали дѣятельность ломбардовъ и обществъ взаимопомощи.

d) 14 марта произведена была крупная операція: конверсія ренты. Изданный въ этотъ день декретъ ставилъ передъ владѣльцами $5^0/_0$-ныхъ бумагъ (ихъ тогда насчитывалось 1.031) альтернативу: или получить обратно стоимость акцій al pari или обмѣнять ихъ на бумаги одинаковой номинальной цѣны, но приносящихъ только $4^1/_2{}^0/_0$. Министръ финансовъ Бино сумѣлъ вызвать повышеніе другихъ цѣнныхъ бумагъ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе нѣкотораго времени можно было опасаться кризиса, но съ помощью банкировъ удалось поднять биржевой курсъ.

e) Наконецъ, послѣднее мѣропріятіе, свидѣтельствовавшее о всемогуществѣ диктатора, выразилось въ томъ, что государственная роспись на 1852 годъ была установлена декретомъ президента. Законодательное Собраніе свело роспись балансомъ въ 1 милліардъ 447 милліоновъ. Президентъ увеличилъ эту цифру до одного милліарда 513 милліоновъ.

Несмотря на усталость большинства и на политическое безразличіе широкихъ слоевъ населенія, всѣ эти декреты возбудили въ странѣ насмѣшливое любопытство. Въ иныхъ же случаяхъ они поселяли тревогу.

Изъ своей тюремной кельи, гдѣ впрочемъ ему жилось довольно недурно, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одиночествѣ, созданномъ для него отрицательнымъ отношеніемъ всѣхъ партій, прозорливый Прудонъ наблюдалъ развертывавшіяся на его глазахъ событія, стараясь разглядѣть грядущій путь принца. Въ это-то время онъ написалъ свою

странную книгу «Révolution sociale demontrée par le Coup d'Etat». Въ то время, какъ республиканцы и соціалисты съ негодованіемъ нападали на декабрьское преступленіе, въ то время, какъ Викторъ Гюго клеймилъ Наполеона Малаго, Прудонъ старался разгадать темную игру, которая велась въ Елисейскомъ дворцѣ, и пытался даже дать въ руки игрокамъ лишній козырь. Хочетъ-ли онъ этого или нѣтъ,—разсуждалъ онъ,—принцъ-президентъ является человѣкомъ соціальной революціи, преемникомъ революціи 48 года. Движеніе 1848 года было настолько глубокимъ, невозможность современнаго строя выяснилась въ настоящее время настолько, требованія народа достигли такой силы, что Луи-Наполеонъ принужденъ будетъ совершить соціальную революцію, заимствовать у соціальной республики ея идеи и воплотить ихъ въ жизнь. «Поэтому пусть онъ смѣло признаетъ свое роковое назначеніе, пусть водворитъ на мѣсто креста масонскую эмблему; уровень, наугольникъ и отвѣсъ. Таковъ знакъ новаго Константина, которому обѣщана побѣда: симъ побѣдиши! Пусть декабрьскій переворотъ, вытекшій изъ ложнаго положенія, созданнаго для него тактикой партій, осуществляетъ, развиваетъ и безотлагательно организуетъ тотъ принципъ, который долженъ придать ему жизнеспособность: анти-христіанизмъ, т. е. антитеократію, анти-капитализмъ, анти-феодализмъ; пусть онъ вырветъ изъ подъ вліянія церкви, т. е. изъ низшей стадіи развитія, и пусть превратитъ въ людей этихъ пролетаріевъ, великую армію всеобщаго голосованія, крещеныхъ чадъ Бога и церкви, которые одинаково нуждаются въ знаніяхъ, трудѣ и хлѣбѣ. Въ этомъ заключается его мандатъ, въ этомъ его сила.

«Сдѣлать гражданъ изъ рабовъ земли и машины; превратить вѣрующихъ олуховъ въ мудрецовъ; создать изъ прекраснѣйшей расы цѣлый народъ; затѣмъ съ помощью этого обновленнаго поколѣнія революціонизировать Европу и весь міръ—или я самъ настолько обалдѣлъ отъ цивилизаціи, какъ и христіанскій Богъ, или же здѣсь передъ нами задача, способная удовлетворить тщеславіе цѣлаго десятка Бонапартовъ» (стр. 115—116).

Прудона отнюдь не интересуетъ нравственность декабрьскаго героя. Конечно, онъ нарушилъ свою клятву; конечно, установленный имъ порядокъ насквозь проникнутъ деспотизмомъ, произволомъ и развращеніемъ совѣсти. И Прудонъ понимаетъ, что нѣкоторые люди могутъ протестовать; онъ за это ихъ и не порицаетъ. Но лично онъ хочетъ изслѣдовать новый режимъ въ качествѣ историка; онъ хочетъ предугадать его судьбу, составить его гороскопъ; и онъ утверждаетъ, что этотъ режимъ можетъ удержаться лишь въ томъ случаѣ, если онъ откроетъ эру революціонныхъ преобразованій.

«Предположимъ,—пророчески продолжаетъ онъ,—предположимъ, что современному порядку вещей предстоитъ продолжительное существованіе. Одно изъ двухъ: или онъ сблизится съ демократіей и примкнетъ къ революціонному движенію, первымъ дѣломъ котораго будетъ вычеркнутъ католицизмъ изъ числа учрежденій страны, или-же онъ упорно будетъ продолжать начатую имъ тактику, а въ такомъ случаѣ, не будучи въ состояніи противопоставить дѣятельности враждебныхъ партій ничего, кромѣ церкви съ арміей, онъ принужденъ будетъ дѣлать своей союзницѣ одну уступку за другой и постепенно принести ей въ жертву послѣдніе остатки сохраненныхъ конституціей свободъ.

«Тогда-то снова загремитъ противъ церкви кличъ Вольтера: «раздавите гадину!..» (стр. 128).

Церковь или демократія, католицизмъ или соціализмъ—между этими двумя полюсами постоянно должна будетъ колебаться политика Второй Имперіи. «Необходимость», «сила вещей», какъ говоритъ Прудонъ, или, скажемъ лучше, первыя демократическія попытки 1848 года, республиканскія традиціи и въ особенности развитіе рабочаго класса властно диктуютъ правительству все болѣе и болѣе опредѣленную народную политику. Но Луи-Наполеонъ заключилъ союзъ съ реакціонными партіями, съ тѣми классами, привилегіямъ которыхъ угрожаетъ народное движеніе; онъ основалъ свою власть на силѣ, и эту силу онъ пустилъ въ ходъ противъ народныхъ партій. Всѣ его мѣры въ пользу народной массы, всѣ дарованныя имъ свободы, всѣ вводимыя имъ матеріальныя улучшенія неизбѣжно должны были обратиться противъ него. Прудонъ, забывая пріемы, пущенные въ ходъ героемъ 2 декабря, можетъ мечтать о дѣятельности соціалистическаго Цезаря, обусловленной историческимъ предопредѣленіемъ, онъ можетъ даже попытаться, преодолѣвая свое отвращеніе, косвеннымъ образомъ воздѣйствовать на Елисейскій дворецъ. Ходъ событій ясно показываетъ ему, что въ совѣтѣ принца одерживаетъ верхъ направленіе ультрамонтанской газеты L' Univers, что «въ Елисейскомъ дворцѣ большинство принадлежитъ орлеанистамъ и іезуитамъ» (іюль 1852 года, «Переписка», IV, 295), и что принцъ-президентъ не только не понимаетъ своего предназначенія, но и увлекается болѣе или менѣе смѣхотворнымъ подражаніемъ своему дядѣ. Принцъ твердо намѣтилъ себѣ путь: «порядокъ будетъ возстановляться въ теченіе десяти, пятнадцати или двадцати лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока созрѣвшее общественное мнѣніе и сила вещей снова не опрокинутъ правительства». Герой 2-го декабря рѣшительно не способенъ сдѣлаться творцомъ соціальной революціи. Великому соціалисту не понадобилось много времени для того, чтобы признать эту истину.

Да и какъ Луи-Наполеонъ могъ сдѣлаться такимъ героемъ?

Какимъ образомъ человѣкъ, пытавшійся обмануть и одурачить всѣ классы общества, могъ открыть эру преобразованій, которыя рисковали задѣть столько разнообразныхъ интересовъ? Суровый реалистъ Марксъ съ своей стороны прекрасно выяснилъ это уже въ тотъ періодъ диктатуры, когда новый режимъ только расправлялъ свои крылья. И дѣйствительно, на замѣчательныхъ страницахъ, которыми заканчивается его брошюра „18 брюмера Луи-Бонапарта“, Марксъ доказываетъ, что Наполеонъ былъ истиннымъ представителемъ мелкихъ парцельныхъ крестьянъ, а отнюдь не представителемъ рабочаго класса, который онъ старался привлечь на свою сторону, пытаясь улучшить въ рамкахъ буржуазнаго строя положеніе низшихъ классовъ, но будучи въ то же время неспособенъ опереться исключительно на эти классы, стараясь щадить средній классъ, который онъ лишилъ политическаго значенія, и отдавая государство и всѣ жизненные рессурсы націи во власть финансоваго феодализма, интересы котораго противоположны интересамъ эксплуатируемыхъ классовъ. Атаманъ шайки сутенёровъ, какой и было «Общество 10 декабря», не только не понимаетъ исторической эволюціи, какъ она рисуется передъ Прудономъ, но и не помышляетъ ни о чемъ иномъ, какъ о сохраненіи своей власти и превращеніи всей

Франціи въ одну обширную бонапартистскую кліентеллу. „Бонапарту,—говоритъ Марксъ,—хотѣлось бы играть роль патріархальнаго благодѣтеля всѣхъ классовъ. Но онъ не можетъ дать что либо одному классу, не отнимая у другого. Подобно герцогу Гизу, слывшему во времена Фронды самымъ обязательнымъ человѣкомъ во Франціи, потому что онъ превратилъ всѣ свои имѣнія въ долговыя обязательства своихъ сторонниковъ на себя,—и Бонапартъ хотѣлъ бы быть самымъ обязательнымъ человѣкомъ во Франціи и превратить всю собственность, весь трудъ Франціи въ долговое обязательство на себя лично. Ему хотѣлось бы украсть всю Францію, чтобы затѣмъ подарить ее Франціи же".

Въ этихъ словахъ заключается вѣрная характеристика всей соціальной политики Второй Имперіи, выраженная въ той рѣзкой полемической формѣ, которую такъ любилъ Марксъ. Въ основѣ этой политики лежитъ неотвязная забота: желаніе управлять государствомъ на началахъ абсолютизма и въ то же время къ общему удовольствію, стремленіе поочередно привлечь на свою сторону всѣ классы общества и купить ихъ матеріальными выгодами; и уже въ колеблющейся и нерѣшительной политикѣ перваго періода совершенно ясно проступаютъ всѣ эти черты.

Къ 28 марта 1852 года диктатура выполнила свою задачу, и осадное положеніе было повсюду снято. На слѣдующій день открылись засѣданія высшихъ государственныхъ учрежденій. Теоретически начиналась эра новаго режима.

Мы уже говорили о правахъ, предоставленныхъ Сенату, Государственному Совѣту и Законодательному Корпусу. Въ собраніи принцевъ, кардиналовъ, генераловъ, адмираловъ и маршаловъ, получившемъ названіе Сената, предсѣдательствовалъ старый Жеромъ Бонапартъ, бывшій Вестфальскій король. Прежній министръ президента (въ 1850 году) Барошъ, обвинитель инсургентовъ 15 мая передъ Буржскимъ Верховнымъ Судомъ, обвинитель инсургентовъ 13 іюня передъ Версальскимъ Верховнымъ Судомъ, низкопоклонствовавшій и заискивавшій передъ высшими рѣзкій и грубый съ низшими и побѣжденными, руководилъ работами Государственнаго Совѣта. Его товарищемъ былъ овернскій дворянинъ Руэръ, въ теченіе 15 дней протестовавшій противъ декрета 22 января, а затѣмъ въ видѣ возмѣщенія за утраченный министерскій портфель получившій постъ предсѣдателя законодательной секціи Государственнаго Совѣта. Въ Законодательномъ Корпусѣ дѣйствовалъ Билло, продѣлавшій эволюцію отъ соціализма и «права на трудъ» къ абсолютизму.

Выборы въ Законодательный Корпусъ состоялись въ февралѣ. Морни могъ похвастать искусной подготовкой избирательной кампаніи. Циркуляромъ отъ 8 января онъ обратилъ вниманіе префектовъ на «людей, окруженныхъ общимъ уваженіемъ, болѣе заботящихся объ интересахъ страны, чѣмъ о борьбѣ партій, сочувствующихъ страданіямъ трудящихся классовъ и благотворнымъ употребленіемъ своего состоянія снискавшихъ заслуженное вліяніе и почетъ». Затѣмъ въ новомъ циркулярѣ отъ 20 января министръ внутреннихъ дѣлъ излагалъ точку зрѣнія главы государства.

«Человѣкъ, составившій себѣ состояніе своимъ трудомъ, промысломъ или сельскимъ хозяйствомъ, улучшившій положеніе своихъ рабочихъ и сдѣлавшій благородное употребленіе изъ своего имущества, заслужи-

ваетъ предпочтенія передъ такъ называемымъ политическимъ дѣятелемъ: ибо онъ внесетъ практическій духъ въ законодательную работу и поможетъ правительству въ предпринятомъ имъ дѣлѣ умиротворенія и преобразованія».

Кромѣ того Морни рекомендовалъ своимъ агентамъ дѣйствовать не путемъ интригъ, а оффиціально, съ помощью рѣчей и афишъ. Кандидаты оппозиціи подлежали цензурѣ префектовъ, а избирательный бюллетень въ случаѣ надобности можно было разсматривать какъ предметъ разносной торговли.

Нечего удивляться, что оффиціальные кандидаты избраны были почти единогласно. Обезсиленные и гонимые республиканцы подумывали о полномъ воздержаніи отъ голосованія, такъ какъ, по ихъ словамъ, участіе въ выборахъ равносильно было признанію законнаго характера за существующимъ строемъ; фактически же эта тактика объяснялась разгромомъ республиканскихъ силъ. Однако, въ двухъ крупнѣйшихъ демократическихъ центрахъ они не могли примириться съ такимъ рѣшеніемъ. Въ Парижѣ избраны были Кавеньякъ и Карно, въ Ліонѣ—Генонъ.

Эти депутаты не соглашались присягнуть виновнику государственнаго переворота и послали коллективную отставку. «Парижскіе и Ліонскіе избиратели,—писали они,—нашли насъ въ нашемъ одиночествѣ или въ нашемъ изгнаніи; мы благодаримъ ихъ за ту мысль, что наши имена сами по себѣ являются протестомъ противъ уничтоженія общественныхъ вольностей и противъ свирѣпаго произвола; но избиратели не хотѣли посылать насъ для дѣйствительнаго участія въ засѣданіяхъ Законодательнаго Корпуса, въ компетенцію котораго не входитъ возстановленіе нарушеннаго права; мы отвергаемъ безнравственную теорію умолчанія и заднихъ мыслей».

Итакъ, республиканцы не пришли нарушать ученыхъ дебатовъ высокаго собранія; составлявшіе его богатые дѣльцы, крупные фабриканты и землевладѣльцы могли спокойно заняться „дѣлами“. Четырехъ писателей, преданныхъ слугъ своего господина, Гранье - де - Кассаньяка, доктора Верона, де-ла-Героньера и Бельмонтэ, достаточно было для приданія этому собранію извѣстнаго лоска. Можно сказать, что только Монталамберъ напоминалъ о парламентскихъ традиціяхъ въ этомъ собраніи лакеевъ.

Сессія продолжалась три мѣсяца (29 марта—28 іюня). Бюджетъ сплавленъ былъ въ теченіе одного засѣданія. Остальное время ушло на кой-какіе дебаты о реформѣ монетной системы, объ административной высылкѣ, табачной монополіи и о неосуществимыхъ экономіяхъ.

Этотъ первый опытъ свидѣтельствовалъ о томъ, что префекты, генералы и судьи потрудились не напрасно. Идеологія дѣйствительно умерла; а масса французовъ теперь любила только своего принца и гешефты.

Еще нѣсколько праздниковъ, еще нѣсколько рѣчей, и зданіе должно было наконецъ увѣнчаться. 16 октября принцъ началъ свою поѣздку по департаментамъ. Въ цѣломъ рядѣ рѣчей въ Эльзасѣ, въ центрѣ и на югѣ онъ снова сулилъ населенію внутреннее спокойствіе и внѣшній миръ. Буржуа, крестьяне и даже рабочіе кричали: „да здравствуетъ императоръ!“ А въ Бордо онъ самъ произнесъ вѣщія слова: „Имперія—это миръ!“

Если Имперія—это миръ, то кто же теперь станетъ возражать противъ ея возстановленія? Пусть же Наполеонъ снизойдетъ къ пожеланіямъ всего народа: объ этомъ во время празднества, устроеннаго по возвращеніи изъ провинціи, просилъ принца одинъ изъ февральскихъ баррикадныхъ борцовъ Берже, префектъ Сенскаго департамента. Пусть онъ возложитъ на себя корону безсмертнаго основателя династіи Бонапартовъ. „Только съ титуломъ императора вы въ состояніи будете выполнить блестящія обѣщанія великолѣпной программы, съ которой изъ Бордо вы обратились къ чутко внимавшей Европѣ". Хорошо вышколенная толпа наполнила улицы; тріумфальныя арки привѣтствовали „Наполеона III". Для дальнѣйшихъ колебаній не было мѣста: необходимо было уступить „стихійному движенію націи, возносящему принца на императорскій тронъ".

Созванъ былъ Сенатъ, который одинъ только могъ измѣнять конституцію подъ тѣмъ условіемъ, что народъ одобритъ это измѣненіе. 7 ноября онъ возстановилъ „императорское достоинство въ лицѣ Луи-Наполеона-Бонапарта".

20 ноября народъ одобрилъ это постановленіе, „несмотря на маневры всѣхъ партій, пытавшихся помѣшать такому голосованію", какъ невинно заявилъ „Монитёръ". Подсчетъ поданныхъ во время плебисцита голосовъ далъ 7.839.000 „да" и 253.000 „нѣтъ". Сенатъ ратификовалъ народную волю. Ученый Тролонъ на основаніи салическаго закона выработалъ порядокъ престолонаслѣдія въ императорской семьѣ. А вечеромъ 1-го декабря члены высшихъ государственныхъ учрежденій въ своихъ 200 каретахъ, окруженныхъ факелоносцами, явились торжественно привѣтствовать императора въ замкѣ Сенъ-Клу.

Фактически имперія была уже установлена задолго до того.

ГЛАВА II.

Расцвѣтъ Имперіи.

Къ моменту воцаренія Наполеона III система Второй Имперіи въ своихъ существенныхъ чертахъ уже опредѣлилась. Декреты-законы и плебисциты придали оффиціальную санкцію новому строю, заблаговременно подготовленному еще въ эпоху президенства и осуществленному съ помощью насилія во время государственнаго переворота. Въ основѣ этого режима лежала столь усовершенствованная организація, что вопреки даже «логическому ходу вещей», вопреки новымъ привычкамъ, начавшимъ было складываться подъ вліяніемъ демократіи, вопреки историческимъ традиціямъ, новый строй казался способнымъ продержаться въ теченіе очень долгаго времени и допустить дальнѣйшее развитіе націи въ своихъ рамкахъ. Вторая Имперія, возникшая какъ продуктъ искусственнаго подражанія и преднамѣреннаго творчества, какъ созданіе ловкаго честолюбца, который сумѣлъ использовать къ своей выгодѣ живучія національныя традиціи народа и тревогу партіи порядка, эта Имперія, въ возможность которой не хотѣли вѣрить даже люди, понимавшіе, что она явится конечнымъ результатомъ политики президента, признана была всей націей и своими успѣхами часто повергала въ уныніе стойкихъ эмигрантовъ, не переставшихъ мечтать о ея низверженіи.

Необходимо дать характеристику тѣхъ мѣропріятій, которыя обусловили возможность этого историческаго парадокса.

Прежде всего здѣсь играла главную роль та политическая и административная централизація, которая даетъ правительству возможность руководить по своему произволу общественнымъ мнѣніемъ, прессой, всѣми высшими государственными учрежденіями и всѣми мнимо-парламентскими собраніями.

Какъ мы видѣли, конституція 1852 года сохранила палату, избираемую на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Эта палата ежегодно собиралась въ Парижѣ на сессію, продолжавшуюся 3 мѣсяца; ей принадлежало голосованіе государственной росписи и законовъ. Но она совершенно не пользовалась правомъ законодательной иниціативы. Надъ нею и выше нея стоялъ Государственный Совѣтъ. Депутаты не могли предложить ни одного законопроекта, ни даже вносить поправки къ проектамъ правительства. Ни одинъ законопроектъ не доходилъ до Бурбонскаго дворца, не будучи предварительно одобренъ Государственнымъ Совѣтомъ. Если въ палатѣ неожиданно обнаруживалось какое-нибудь сопротивленіе, тѣ-же члены Государственнаго Совѣта являлись въ палату и со всѣмъ авторитетомъ, который имъ придавали престижъ заступниковъ правительства или спеціальная компетентность, навязы-

вали эти законопроекты землевладѣльцамъ, промышленникамъ и правительственнымъ агентамъ, составлявшимъ палату депутатовъ.

Въ области бюджетныхъ вопросовъ средніе порядочные люди могли бы все-таки принести странѣ извѣстную пользу путемъ добросовѣстнаго и тщательнаго разсмотрѣнія росписи. Но правительство приняло противъ этого свои мѣры. Палата вотировала бюджетъ, но сразу крупными отдѣлами, по цѣлымъ министерствамъ; и достаточно было малѣйшаго переноса ассигновокъ изъ одного отдѣла въ другой для того, чтобы сдѣлать и это голосованіе чисто призрачнымъ. Одно время нѣкоторые депутаты, серьезно относившіеся къ своимъ мандатамъ и къ своему долгу, начали было выражать недовольство чрезмѣрной высотой мѣстныхъ повинностей; правительство дало имъ понять, что для болѣе яркаго проявленія своихъ заботъ о прогрессѣ и общемъ благосостояніи оно нуждается въ томъ, чтобы позволить коммунамъ и департаментамъ брать на себя такія обязательства. Депутаты, не менѣе бережно относившіеся къ «интересамъ династіи», чѣмъ само правительство, больше не настаивали.

Да если бы они и захотѣли настаивать, то имъ чрезвычайно трудно было бы это сдѣлать. Дебаты происходили подъ бдительнымъ надзоромъ агента императора, подъ руководствомъ президента, назначеннаго имъ и проникнутаго его взглядами: сначала этотъ постъ занималъ Билло, а впослѣдствіи, съ конца 1854 года, самъ Морни, бывшій герой государственнаго переворота, собственной персоной. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣдній былъ мастеромъ дрессировать депутатовъ: то обольстительный, то высокомѣрный, то зубоскалъ-денди, то компетентный финансистъ, онъ постепенно забралъ въ руки все собраніе вообще и каждаго изъ его членовъ въ отдѣльности. Онъ окончательно изгналъ изъ Законодательнаго Корпуса тотъ привкусъ парламентаризма, который въ началѣ иногда еще появлялся, когда слово бралъ Монталамберъ. Онъ пріучилъ всѣхъ этихъ людей разговаривать и бесѣдовать о государственныхъ дѣлахъ (приносила ли эта бесѣда какіе-либо плоды или нѣтъ), не интересуясь общественнымъ мнѣніемъ и не гоняясь за популярностью.

Впрочемъ и здѣсь правительство заблаговременно приняло мѣры предосторожности. Палата не могла сдѣлаться трибуной для огласки какихъ-либо фактовъ или для пропаганды какихъ-либо идей. Правда, засѣданія ея были публичны, но число посѣтителей было крайне ограничено; и вдобавокъ никто не имѣлъ права печатать подробнаго отчета о ея засѣданіяхъ. Всѣ газеты помѣщали только коротенькій отчетъ, излагавшій содержаніе произнесенныхъ рѣчей; и достаточно было требованія 5 членовъ для того, чтобы палата обязана была объявить свое засѣданіе закрытымъ. Работы Законодательнаго Корпуса не должны были давать пищи «партійному духу газетъ».

Таково было это удивительное собраніе. Теперь читатель понимаетъ, почему лозунгъ бойкота выборовъ въ теченіе долгаго времени пользовался популярностью среди республиканскихъ кружковъ. Однако исторія показала, что представительныя собранія, даже почти совершенно безправныя, даже самыя вѣроломныя и безсильныя, сохраняли, несмотря на всѣ ограничительныя мѣры, какую-то притягательную силу и что въ эпохи реакціи хотя бы самая слабая оппозиція, проявляемая народнымъ представительствомъ, концентрировала вокругъ себя всѣ живыя силы націи. Вторая Имперія также могла опасаться такой случайности.

Но и здѣсь правительство Наполеона III сумѣло принять мѣры предосторожности.

Всѣ граждане пользовались избирательнымъ правомъ. Было заявлено, что конституція основана на всеобщемъ избирательномъ правѣ, а для облегченія подачи голосовъ правительство даже замѣнило выборы по кантонамъ и по избирательнымъ спискамъ одноименными выборами и голосованіемъ по отдѣльнымъ коммунамъ. Но правительство оказывало сильнѣйшее давленіе на выборы. Во-первыхъ, оно рекомендовало избирателямъ своего оффиціальнаго кандидата, афиши котораго печатались на бѣлой бумагѣ и на государственный счетъ. Префекты, слѣдуя совѣтамъ, преподаннымъ въ 1852 году самимъ Морни, и выступая открыто, а не дѣйствуя путемъ интригъ, поддерживали этого благонамѣреннаго кандидата и разъясняли избирателямъ его достоинства, равно какъ и недостатки его конкуррентовъ. Вотировать за этого оффиціальнаго кандидата значило, какъ тогда говорилось, снова вотировать за императора, такъ что каждые выборы превращались какъ-бы въ повтореніе плебисцита. Приведемъ одинъ изъ сотни примѣровъ губернаторской рекомендаціи. Вотъ письмо Фужерскаго су-префекта, написанное въ 1859 году въ пользу оффиціальнаго кандидата Дальма (Таксиль Делоръ, «Исторія Второй Имперіи», II, стр. 612).

«Милостивый Государь, господинъ Мэръ,

«Завтра открываются выборы.

«Имѣю честь напомнить Вамъ, что вы должны открыть ихъ немедленно послѣ первой обѣдни; что на столѣ передъ вами должно находиться извѣстное количество бюллетеней съ именемъ господина Дальма и никакихъ другихъ; важно, чтобы у входовъ въ мэрію разставлены были толковые и надежные люди, снабженные бюллетенями съ именемъ Дальма, для того-чтобы предостеречь избирателей вашей коммуны, извѣстныхъ своею благонамѣренностью, отъ ошибокъ и обмана.

„Въ продолженіе обоихъ дней выборовъ въ вашемъ распоряженіи будетъ находиться дорожный мастеръ.

„Имѣются три кандидата:

„Господинъ Дальма, секретарь, вице-директоръ Императорскаго Кабинета, кандидатъ правительства;

„Господинъ Лэ-Безельмъ де Шансавэнъ;

„Господинъ Дрео, зять Гарнье-Пажеса, основателя республики 1848 г., одного изъ тѣхъ, которые ввели 45-ти сантимный налогъ, о чемъ вы, конечно, не забыли.

„Господинъ Дальма представляетъ принципъ преданности правительству, авторитету, порядку, и онъ способенъ въ виду своего положенія споспѣшествовать удовлетворенію разнообразныхъ интересовъ округа.

„Господинъ Дрео представляетъ республику, соціализмъ, нищету!

„Занимая середину между этими двумя противоположными кандидатурами, кандидатура почтеннаго господина Ле-Безельма должна стушеваться передъ угрожаемыми интересами порядка и общества.

„Содѣйствуйте, милостивый государь господинъ Мэръ, тому, чтобы избиратели массой вотировали за господина Дальма, кандидата прави-

тельства; и вашимъ просвѣщеннымъ и патріотическимъ поведеніемъ вы послужите одновременно и Императорскому правительству, и общимъ интересамъ страны.

Фужерскій су-префектъ,
Тиль".

Таковъ былъ общій тонъ, въ данномъ случаѣ только нѣсколько болѣе рѣзкій. Во время обсужденія этихъ выборовъ въ Законодательномъ Корпусѣ Барошъ побѣдоносно напомнилъ объ основномъ принципѣ режима: „Всеобщее избирательное право, оставленное безъ руководства и отданное въ жертву мѣстнымъ страстямъ, можетъ сдѣлаться серьезной опасностью".

Понятно, что кандидаты оппозиціи въ своей избирательной кампаніи должны были наталкиваться на величайшія трудности. Избирательныя собранія запрещались подъ тѣмъ предлогомъ, что они нарушаютъ свободу избирателя. Расклейка афишъ зависила отъ разрѣшенія префекта, который, конечно, могъ и не дать его. Наконецъ, не допускалась даже свободная раздача бюллетеней, такъ какъ кассаціонный судъ постановилъ, что избирательный бюллетень, подобно книгѣ, подлежитъ закону о разносной торговлѣ печатными произведеніями, причемъ до выхода въ свѣтъ опредѣленное количество экземпляровъ должно быть представлено извѣстнымъ правительственнымъ учрежденіямъ. Смѣльчаки, отваживавшіеся раздавать избирательные бюллетени, рисковали подвергнуться преслѣдованію за упорное коснѣніе въ „своей старой революціонной маніи, прикрывающейся разноской бюллетеней".

Выборы происходили подъ руководствомъ мэровъ. А какъ мы знаемъ, съ 1852 года всѣ мэры назначались правительствомъ. Подача голосовъ происходила въ теченіе двухъ дней; въ деревняхъ съ наступленіемъ вечера перваго дня мэръ уносилъ урну съ избирательными записками къ себѣ на домъ. Въ городахъ рабочіе, отлично знакомые съ ухватками администраціи, подавали голоса только на второй день. Въ деревняхъ же, гдѣ крестьяне совершенно не привыкли ходить на выборы, исходъ голосованія всецѣло зависѣлъ отъ мэра. И конечно, послѣдній не могъ поступать наперекоръ интересамъ правительства, которое его назначило на занимаемый имъ постъ. Провалъ Мижона, прежняго оффиціальнаго кандидата, оставленнаго правительствомъ въ 1857 году на произволъ судьбы, повлекъ за собою судебный процессъ, бросившій нѣкоторый свѣтъ на избирательные нравы того времени. Мэръ, заставляющій избирателей подавать свои голоса въ кабачкѣ, гдѣ онъ торгуетъ напитками; зуавъ, захватывающій избирательную урну; дѣти, вотирующія за своихъ отцовъ, и обратно; су-префектъ, объявляющій прежняго оффиціальнаго кандидата „негоднымъ лакеемъ, котораго прогоняютъ безъ объясненій",—вотъ нѣкоторыя пикантныя черточки тогдашнихъ выборовъ.

Эта картина дополнялась хитроумной избирательной географіей. Избирательные округа устанавливались не закономъ, а простымъ административнымъ распоряженіемъ, составлявшимся черезъ каждые 5 лѣтъ исключительно въ интересахъ правительства. Отдѣльные кантоны (волости) и станы соединялись съ такимъ расчетомъ, чтобы обезпечить успѣхъ оффиціальнаго кандидата. Города произвольно кромсались на

части, и присоединеніе этихъ разрозненныхъ кусковъ къ сельскимъ кантонамъ даваго возможность потопить рабочихъ-республиканцевъ въ массѣ вѣрноподданныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, не только оппозиція въ Законодательномъ Корпусѣ легко приводилась въ состояніе полнѣйшаго безсилія, но и вообще при господствѣ описанныхъ избирательныхъ порядковъ было крайне сомнительно, чтобы какой-нибудь оппозиціонный депутатъ могъ пробраться въ Законодательный Корпусъ. Во Франціи имѣлась еще тѣнь парламента, говорильня „порядочныхъ“ людей; но парламентской жизни уже не было. Какъ сказалъ Наполеонъ III на слѣдующій день послѣ государственнаго переворота австрійскому посланнику фонъ-Гюбнеру, онъ ничего не имѣлъ противъ крещенія водой всеобщаго голосованія, но у него не было никакой охоты держать всю жизнь „ноги въ водѣ“ (Von Hübner, „Neuf ans de souvenirs“, I, 53). И хитрый представитель стараго реакціоннаго государства могъ съ чувствомъ удовлетворенія констатировать «крушеніе парламентаризма» (стр. 49).

Вмѣстѣ съ парламентской свободой фактически была уничтожена также и свобода печати. Конечно, органы политической прессы не были закрыты; они даже не были, какъ это случилось въ 1815 году, подчинены предварительной цензурѣ. Залогъ, хотя и удвоенный съ 1852 года и достигшій цифры 50.000 франковъ для Парижа, оставался еще ниже залога, требовавшагося въ 1819 году. Но декретъ отъ 17 февраля 1852 года установилъ умно обдуманную систему, способную достигнуть той же цѣли, что и прежніе законы.

Для основанія газеты необходимо было сначала получить предварительное разрѣшеніе: отнынѣ ни одинъ періодическій органъ не могъ возникнуть безъ дозволенія правительства. Принята была новая неслыханная мѣра: только министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ право назначать главнаго редактора, по предложенію издателей газеты, и увольнять его. Всѣ перемѣны въ персоналѣ газеты: смѣна завѣдующаго, управляющаго и сотрудниковъ, не могли происходить безъ разрѣшенія того же министра. Залогъ, какъ мы сказали, былъ повышенъ, равно какъ и штемпельный сборъ; а это двойное увеличеніе расходовъ отнынѣ сильно затрудняло изданіе дешевыхъ политическихъ газетъ.

Тѣмъ же декретомъ 1852 года газеты подчинены были административной юрисдикціи. Отнынѣ проступки, совершенные путемъ печати, должны были разсматриваться или, вѣрнѣе, караться уже не судомъ присяжныхъ, а судомъ исправительной полиціи. Одинъ обвинительный приговоръ, полученный въ теченіе года за преступленіе, совершенное путемъ печати, или два обвительныхъ приговора за проступки и мелкія правонарушенія по праву влекли за собой закрытіе газеты. Болѣе того, правительство могло сразу прекратить періодическое изданіе въ порядкѣ охраны; для этого достаточно было особаго декрета главы государства, опубликованнаго въ „Собраніи законовъ“.

Но самымъ замѣчательнымъ нововведеніемъ была система предостереженій и пріостановокъ. Если какая-нибудь статья не нравилась администраціи, то газета получала предостереженіе отъ префекта; послѣ двухъ предостереженій газета могла быть пріостановлена простымъ постановленіемъ министра.

Наконецъ, правительство могло вмѣшиваться даже въ составленіе

газеты. Не только запрещено было помѣщать отчеты о судебныхъ процессахъ по дѣламъ печати и о засѣданіяхъ Законодательнаго Корпуса, не только воспрещалось опубликованіе ложныхъ извѣстій, т. е. извѣстій, непріятныхъ для правительства, но и всѣ безъ исключенія газеты обязаны были даже помѣщать на своихъ столбцахъ правительственныя сообщенія.

Посмотримъ теперь, какъ администрація воспользовалась оружіемъ, которое законъ далъ ей въ руки. Съ 1852 до 1853 года Мопа и префекты дали газетамъ 91 предостереженіе. Эти предостереженія дѣлались по самымъ удивительнымъ поводамъ. Они давались за „рѣзкую критику декрета 29 марта 1852 года относительно сахароваренаго производства“; за выраженіе сомнѣнія по поводу правдивости одной замѣтки, помѣщенной въ „Монитёрѣ“; за „сужденіе, выходящее изъ предѣловъ приличной и умѣренной критики“; за статью, „нарушающую требованія хорошаго вкуса“ и т. п... Какой-то евангелическій священникъ написалъ въ протестантской религіозной газетѣ: „недавно въ Эдинбургѣ 5 человѣкъ отреклись отъ лжеученій римскаго католицизма“; за это финистэрскій префектъ далъ газетѣ предостереженіе. Газета „Луарскій Маякъ“ получила предостереженіе за слѣдующую фразу: „Императоръ произнесъ рѣчь, которая, по сообщенію агентства Гаваса, вызвала неоднократные крики: „да здравствуетъ императоръ!“, такъ какъ допущенная газетой „форма сомнѣнія неприлична, въ виду яркаго энтузіазма, вызваннаго словами императора“. Мы могли бы привести множество подобныхъ мотивировокъ. И эту-то систему правительство и его сторонники называли „обузданіемъ прессы безъ ея стѣсненія“. По ихъ собственному признанію, они карали даже „скрытыя нападки“, а также статьи, въ которыхъ проявлялась „враждебная тенденція“. Мы не станемъ рѣшать, что преобладаетъ въ этомъ признаніи, безсознательность или цинизмъ. Пресса очутилась во власти префекта, и теперь правительству не трудно было надлежащимъ образомъ обрабатывать и извращать общественное мнѣніе.

Какъ бы желая переполнить чашу лицемѣрія, правительство рѣшило, что каждая партія можетъ издавать свою газету, но только подъ его строжайшимъ надзоромъ. Газетамъ „Le Constitutionnel“, „La Patrie“ и „Le Pays“ предоставлялась честь защищать правительство. Впрочемъ, эту же задачу взялъ на себя „Монитёръ“, который умѣлъ сочетать печатаніе оффиціальныхъ документовъ съ защитой правительственной политики. Но крупный финансистъ Миресъ и его товарищи по биржѣ стремились къ выгоднымъ гешефтамъ, и утилизація оффиціозной прессы также должна была занять свое мѣсто въ ихъ спекуляціяхъ. Газеты „Le Constitutionnel“ и „Le Pays“ освятили союзъ правительства съ верхами финансоваго міра, а бывшій демократъ Артуръ де-ла-Героньеръ взялъ на себя роль главнаго редактора.

„Le Journal des Débats“ подъ редакціей Армана Бертона защищалъ орлеанизмъ; „La Gazette de France“ и „L' Union“ довольно свободно развивали свои отнынѣ безобидныя теоріи божественнаго права, сочетаемаго съ всеобщимъ голосованіемъ; а „L' Assemblée Nationale“ представляла компромиссъ между различными направленіями. Двѣ газеты, „Le Siècle“ Гавэна и „Шаривари“ были республиканскими или считались таковыми; а „L' Univers“ являлся главнымъ органомъ католиче-

ской партіи. По правдѣ сказать, послѣдній не могъ особенно хвалиться своимъ безмятежнымъ существованіемъ: «L' Univers“ ползалъ на колѣняхъ передъ Имперіей, вышедшей изъ государственнаго переворота», а его редакторъ въ интересахъ побѣды порядка торжественно привѣтствовалъ объединеніе обѣихъ армій: „одной, составленной изъ четырехсотъ тысячъ воиновъ, полныхъ чувства повиновенія и юношеской бодрости, вѣрящихъ въ старую честь своего знамени; и другой, которой не было въ распоряженіи Наполеона I и которая ни въ одной странѣ никогда, пожалуй, не достигала такого расцвѣта и красоты,—арміи милосердія, состоящей изъ 40 тысячъ священниковъ и 50 тысячъ монахинь“. Конечно, такіе принципы Луи Вейо могъ высказывать совершенно свободно: деспотизмъ императора съ первыхъ же дней своего существованія не имѣлъ „болѣе безстыднаго апологета“.

Но зато существованіе республиканской газеты въ такую эпоху, когда вожди партіи и даже простые ея рядовые были расшвыряны по заграничнымъ городамъ и каторжнымъ тюрьмамъ, когда республика и соціализмъ, сваленные въ одну кучу, подвергались преслѣдованіямъ и гоненіямъ вплоть до самыхъ захолустныхъ угловъ, это существованіе представляетъ загадку, которую необходимо объяснить.

А между тѣмъ секретъ открывается очень просто: существованіе Siècle'я было выгодно для правительства въ его игрѣ съ общественнымъ мнѣніемъ. 2 декабря газета была спасена, кажется, благодаря заступничеству Морни, ссылавшагося на интересы ея акціонеровъ. Но и руководитель газеты Гавэнъ, человѣкъ хитрый и осторожный, — „наполовину нормандецъ, наполовину бонапартистъ, и въ еще большой степени нормандецъ, чѣмъ бонапартистъ“, какъ говаривалъ Пессаръ,— бывшій членъ династической лѣвой во время Іюльской Монархіи, примкнувшій къ республикѣ послѣ побѣды революціи 1848 года, съ своей стороны очень подходилъ къ роли представителя какъ разъ такой оппозиціи, какую правительство должно было терпѣть. Само собой разумѣется, что эта умѣренно конституціонная оппозиція была не по нутру крайнимъ республиканцамъ; на другой день послѣ государственнаго переворота 2 декабря Кавеньякъ, членъ ревизіонной комиссіи при газетѣ, подалъ въ отставку; многіе же прямо обвиняли Гавэна въ предательствѣ. Въ дѣйствительности же онъ не могъ заходить дальше, не рискуя закрытіемъ газеты: въ 1857 году онъ получилъ три предостереженія и, если газета могла еще продержаться, то лишь вопреки клерикальнымъ вліяніямъ при дворѣ. Въ концѣ 1858 года Гавенъ для спасенія своей газеты долженъ былъ прибѣгнуть къ ходатайству въ придворныхъ сферахъ. Вейо говорилъ: „Le Siècle живетъ подъ покровительствомъ полиціи, а L' Univers подъ ея надзоромъ“. Чтобы получить истину, достаточно переставить въ этой фразѣ названія газетъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что обѣ эти газеты взаимно уравновѣшивали другъ друга къ вящшей выгодѣ императорскаго правительства. Гавэнъ, конечно, главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы его партіи сохранила свой органъ; и дѣйствительно, его сотрудниками были вѣрные республиканцы вродѣ Эженя Пельтана, Луи Журдана и Таксиля Делора. Но въ конечномъ счетѣ плодами ихъ трудовъ больше всего пользовалось правительство. Вѣдь Le Siècle могъ держаться только благодаря высокому покровительству принца Жерома и благожелательству Віейера

и, если это былъ республиканскій органъ, то республиканизмъ его предпредставлялъ собою чистѣйшій анахронизмъ и имѣлъ до-декабрьскій характеръ. Его ученіе, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ Имперія допускала его проповѣдь, сводилось къ республиканизму 1830 года, проникнутому націоналистическимъ духомъ и окрашенному наполеоновской легендой; только такой республиканизмъ на худой конецъ могъ привлечь на сторону новаго режима продолжавшихъ еще упорствовать рабочихъ и крестьянъ; это былъ антиклерикальный республиканизмъ, который могъ послужить для правительства орудіемъ въ борьбѣ съ чрезмѣрными притязаніями духовенства. Съ момента декабрьскаго переворота Имперія заключила союзъ съ церковью, какъ съ оплотомъ порядка; но она хотѣла располагать какимъ нибудь средствомъ защиты отъ этой крайне требовательной союзницы. Siècle былъ такимъ средствомъ, и вотъ почему онъ могъ существовать.

Кромѣ этой газеты и осторожнаго сатирическаго листка „Шаривари“ выходили еще литературные сборники, издававшіеся республиканцами за отсутствіемъ политическихъ органовъ. Въ 1855 году Эженъ Пельтанъ основалъ „L' Avenir“ (Будущность); правительство терпѣло его существованіе въ продолженіе года; и въ теченіе этого времени его сотрудники, какъ Вашро, бывшій профессоръ Нормальной Школы, уволенный въ 1851 году за свою полемику съ о. Гратри; Барни, переводчикъ Канта, и Фредерикъ Моренъ, ліонскій философъ и набожный республиканецъ, помогали ему отстаивать либеральныя идеи отъ растущей наглости клерикальныхъ нападокъ. Журналъ „La Revue de Paris“ (Парижское Обозрѣніе), основанный въ 1854 году, до и послѣ „Будущности“ также предоставлялъ свои страницы республиканскимъ философамъ, историкамъ, вродѣ Эженя Депуа, демократическимъ поэтамъ, вродѣ Лорана Пиша, или государственнымъ людямъ, вродѣ Бастида. Эти благородные умы поддерживали республиканскую традицію въ самыхъ возвышенныхъ и чистыхъ ея проявленіяхъ.

Но что въ конечномъ счетѣ изъ себя представляла и какимъ вліяніемъ могла пользоваться вся эта пресса, скованная по рукамъ и ногамъ полицейскимъ надзоромъ и административнымъ произволомъ? Какую поддержку могла она оказать людямъ, имѣвшимъ несчастье навлечь на себя подозрѣніе полиціи, которая не оставляла ихъ въ покоѣ даже въ частной жизни?

Для того, чтобы получить представленіе о тогдашнемъ положеніи французскихъ обывателей, мы должны спуститься еще ниже по ступенямъ этого ада: за кругомъ парламентскаго холопства и газетнаго рабства мы найдемъ безцеремонное обращеніе администраціи и полиціи съ частными лицами, безпрерывное посягательство на свободу совѣсти и на неприкосновенность личности.

Въ тѣ времена достаточно было простой политической бесѣды, чтобы попасть подъ арестъ въ качествѣ подозрительнаго лица. Администрація могла не бояться гласности и по своему произволу распоряжалась свободой обывателей. Наканунѣ прибытія императора въ какой нибудь городъ, всѣ жители, подозрѣваемые въ республиканскихъ стремленіяхъ, заблаговременно заключались подъ стражу. Привычки, пріобрѣтенныя агентами власти въ первое время послѣ государственнаго переворота, не могли сразу исчезнуть. Слѣжка за республиканцами не пре-

кращалась за порогомъ ихъ квартиры, и порой случалось, что ихъ конфиденціальные разговоры навлекали на нихъ непріятности. Шпіоны проникали повсюду. Арсенъ Гуссэ вывѣсилъ въ фойе Французской Комедіи объявленіе, въ которомъ онъ настоятельно просилъ лицъ, допускаемыхъ въ фойе, воздерживаться отъ всякихъ разговоровъ о дѣятельности правительства. Извѣстенъ анекдотъ про комическаго актера Грассо, который былъ арестованъ за то, что въ одномъ кафе, гдѣ ему пришлось долго дожидаться, замѣтилъ: „Значитъ, здѣсь, какъ и въ Севастополѣ, ничего нельзя добиться".

Правительство умѣло добраться до всѣхъ своихъ «опасныхъ» противниковъ въ ихъ частной жизни и профессіональныхъ занятіяхъ. Люди, состоявшіе на государственной службѣ и подозрѣваемые въ принадлежности къ «враждебнымъ» партіямъ, во всякую минуту должны были ожидать дисциплинарныхъ взысканій и увольненія. Если они занимались торговлей, то ихъ подвергали бойкоту; если они жили какимъ-нибудь ремесломъ, то они переставали находить заказчиковъ; если они занимались медицинской практикой, то теряли своихъ кліентовъ—такимъ могучимъ вліяніемъ пользовались распоряженія, исходящія отъ властей. Нечего и прибавлять, что безработные, подозрѣваемые въ склонности къ республиканскимъ идеямъ, никогда не находили работы у благонамѣренныхъ хозяевъ.

Наконецъ, съ цѣлью уберечь подрастающее поколѣніе и привить всей молодежи чувство горячаго преклоненія передъ могуществомъ императора, Университетъ подвергся тщательной чисткѣ и подчиненъ былъ строжайшему надзору. Въ области борьбы съ либеральными тенденціями педагогической корпораціи, получившей такую прочную организацію во время Іюльской Монархіи, союзъ партіи порядка и правительства порядка, клерикаловъ и декабрьскихъ дѣятелей долженъ былъ сказаться съ особенной силой. Профессора обязаны были приносить вѣрноподданическую присягу; многіе изъ республиканцевъ съ гордостью отказались отъ этого униженія; такіе ослушники увольнялись простымъ административнымъ распоряженіемъ безъ права обжалованія. Въ этомъ отношеніи особенно прославился министръ Фортуль, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія съ 1851 по 1856 годъ. Курсъ философіи былъ замѣненъ въ лицеяхъ курсомъ логики. Преподаваніе закона Божія, которое велось подъ наблюденіемъ мѣстнаго епископа или его делегата, признано было обязательнымъ для всѣхъ пансіонеровъ. Въ 1854 году министръ похвалялся тѣмъ, что ему удалось возстановить «тривіумъ» и «квадривіумъ», подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ средніе вѣка. Военные порядки, заведенные въ гимназіяхъ правительствомъ Первой Имперіи, конечно, поддерживались и получили даже дальнѣйшее развитіе. Это было время, когда всѣ классныя занятія должны были происходить въ одинъ и тотъ же часъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи, когда учителя получили приказаніе сбрить усы для того, чтобы „устранить послѣдніе слѣды анархіи какъ изъ костюма, такъ и изъ нравовъ".

Порабощеніе страны было полное; въ смыслѣ стѣсненія общественной жизни система Второй Имперіи ни въ чемъ не уступала системѣ Первой. Но однѣхъ репрессій недостаточно для того, чтобы управлять государствомъ. Такая система примѣнима только по отношенію къ ни-

чтожному меньшинству или къ народу, окончательно павшему духомъ и подавленному. Наполеонъ III, избранникъ плебисцита, хотѣлъ быть и остаться народнымъ государемъ. Въ странѣ имѣлись опредѣленныя корпораціи и классы, которымъ Вторая Имперія была симпатична, которымъ она давала удовлетвореніе и поддержкой которыхъ она дорожила. Что же касается остальныхъ классовъ, то правительство не теряло надежды привлечь ихъ на свою сторону съ помощью искусной политики.

Прежде всего и главнымъ образомъ оно опиралось на армію, на ту армію, которая подвергалась усиленной обработкѣ во все время президенства, которая совершила государственный переворотъ и укрощала распубликанцевъ по всему лицу Франціи. „Съ нею, съ ея помощью и для нея—должно отнынѣ сдѣлаться ея девизомъ“. Это замѣчаніе заимствовано нами у вышеупомянутаго Гюбнера (стр. 51). И дѣйствительно, этотъ наблюдатель прекрасно подмѣтилъ настоящій характеръ декабрьскаго переворота, который былъ не чѣмъ инымъ, какъ военнымъ пронунціаменто. Правда въ предшествующіе годы многіе полки давали большинство красныхъ. И еще во время государственнаго переворота, 48 часовъ спустя послѣ 2 декабря, при голосованіи арміи 37.359 офицеровъ и солдатъ сказали „нѣтъ“ противъ 303.290 „да“. Четверо артиллерійскихъ офицеровъ, принадлежащихъ къ охранѣ Бурбонскаго дворца, подали отрицательные бюллетени, несмотря на открытое голосованіе. И однако, несмотря на недовольство отдѣльныхъ воинскихъ чиновъ, армія въ цѣломъ не вышла изъ послушанія президенту. Даже республиканскій генералъ Боскэ, сначала потребовавшій увольненія въ отставку, въ концѣ концовъ подчинился. Военные поспѣшнѣе всѣхъ другихъ переходятъ на сторону побѣдителей.

Но если послушная армія даже обезпечивала правительству перевѣсъ физической силы, то вѣдь не на нее, главнымъ образомъ, оно могло расчитывать для увеличенія своей популярности и для привлеченія широкихъ массъ на свою сторону.

На сторонѣ Наполеона III стояло духовенство, а значитъ, и такъ называемое „христіанское общество“.

Былъ-ли самъ творецъ государственнаго переворота религіознымъ человѣкомъ? Католическіе писатели, проводившіе такой взглядъ, принуждены были, какъ напримѣръ Де-ла-Горсъ, признать, что въ его набожности „имѣлись значительные пробѣлы со стороны поступковъ и нравовъ“ (!). Но положеніе партій, роль, которую духовенство играло во все продолженіе Второй Республики, и наконецъ, опять-таки расчитанное подражаніе Наполеону I, возстановителю алтарей,—все толкало новаго императора къ тѣсному союзу съ католической партіей. Церковь сдѣлалась оплотомъ общественнаго порядка, и теперь консерваторы сплотились вокругъ нея, а не вокругъ истрепанныхъ монархическихъ стяговъ. Наполеонъ III и католическая церковь были прочно связаны общими интересами. Уже на слѣдующій день послѣ государственнаго переворота Монталамберъ открыто примкнулъ къ новому правительству. 12 декабря онъ приглашалъ всѣхъ католиковъ признать новую власть „чтобы предотвратить гибель страны“. Съ этого времени L'Univers сдѣлался одной изъ вѣрнѣйшихъ опоръ принца, а духовенство во всеуслышаніе выражало свое одобреніе государственному перевороту.

Въ награду за свое поведеніе оно было осыпано милостями. Побуждаемое своими собственными чиновниками, которые прекрасно сознавали всю важность поддержки со стороны католиковъ въ департаментахъ, правительство не отказывало духовенству ни въ какихъ почестяхъ и привиллегіяхъ. Разрушенные кресты были возстановлены; чиновники приглашались присутствовать на религіозныхъ процессіяхъ; католическимъ миссіямъ выдавались разрѣшенія и оказывалась помощь въ надеждѣ, что ихъ дѣятельность составитъ „серьезное препятствіе для революціонной пропаганды и для развитія демогогическихъ сообществъ". Были случаи увольненія чиновниковъ за то, что они не присутствовали на какой-нибудь церковной службѣ. Пантеонъ былъ возвращенъ католической церкви для цѣлей богослуженія; основаніе новыхъ женскихъ монашескихъ орденовъ было значительно облегчено; жалованье епископамъ было повышено; направленныя противъ религіи сочиненія были изъяты изъ обращенія, и—что было уже прямо неслыханнымъ дѣломъ—духовенство, несмотря на полный разгаръ реакціи, сохранило право свободно собираться на провинціальные съѣзды. „Никогда—какъ это признаетъ Де-ла-Горсъ въ своей „Исторіи Второй Имперіи" (I, 135),—церковь не получала болѣе широкихъ поблажекъ; никогда не прилагалось столько заботъ къ постройкѣ церковныхъ зданій; никогда церковная утварь не обогощалась въ такой степени". Префекты во всѣхъ своихъ рѣчахъ прославляли Провидѣніе и испрашивали благословенія епископа для оффиціальныхъ празднествъ и постныхъ дней. „Бонапартисты,—писалъ Шельхеръ,—взапуски спѣшатъ къ обѣднѣ". И руководимые газетой L'Univers, сельскіе священники также взапуски возносили къ Богу молитвы о здравіи благовѣрнаго императора.

Пользуясь закономъ 1850 года, духовенство наложило свою лапу на молодое поколѣніе. Лакордэръ старался расширить Сорезскую коллегію; Гратри и Петето возстановили конгрегацію Ораторіи. Въ Соборѣ Парижской Богоматери духовныя лица начали обращаться съ рѣчами къ широкой публикѣ. Богадѣльни, убѣжища, ясли, а также посѣщенія нуждающихся на дому монахинями и монахами изъ ордена св. Винтенція-де-Поля, давали возможность воспитывать бѣдняковъ Парижа и другихъ крупныхъ центровъ въ духѣ преданности Богу и императору. Послѣ этого понятны слова Вейо: для католиковъ Имперія дѣйствительно была „даромъ Провидѣнія".

Но наиболѣе яркимъ доказательствомъ органической связи между католической партіей и системой Бонапарта служитъ то обстоятельство, что въ теченіе періода отъ 1852 по 1858 годъ она одна могла открыто выражать свои стремленія и даже позволять себѣ оппозиціонныя выступленія.

И дѣйствительно, въ то время какъ Вейо, его газета L'Univers и демагогически настроенные сельскіе священники пресмыкались у ногъ Цезаря, въ то время какъ вся эта клика, послушная инструкціямъ изъ Рима, прославляла «истинно-католическую власть», тщательно избѣгая малѣйшихъ конфликтовъ съ правительствомъ, чтобы такимъ образомъ не помѣшать производительной работѣ монашескихъ орденовъ,—въ католической партіи нашлись нѣкоторые дѣятели, прекрасно понимавшіе, что они могутъ заговорить болѣе смѣлымъ языкомъ, и что правительство слишкомъ многимъ имъ обязано, а потому не посмѣетъ закрывать имъ рта.

Во главѣ этой оппозиціи стояли основоположники католической партіи во время Іюльской Монархіи и Второй Республики, Монталамберъ и Фаллу. Они присутствовали при рожденіи новаго режима, которое не обошлось даже безъ ихъ серьезной помощи, и вотъ почему они считали себя вправѣ требовать награды.

Завоеванія 1850 года не удовлетворяли этихъ людей. Они добивались новыхъ уступокъ въ интересахъ католической церкви. Въ промежутокъ времени отъ 2 декабря 1851 года до января 1852 года они надѣялись добиться этихъ льготъ отъ принца-президента. Это было время, когда Монталамберъ, какъ онъ говаривалъ, «самъ приглашалъ себя въ Елисейскій дворецъ», время, когда онъ требовалъ, чтобы всѣ высшія учебныя заведенія были отданы въ руки церкви, а органическія статьи отмѣнены. Наполеонъ не пожелалъ капитулировать въ этомъ пунктѣ. Поскольку это допускалось политическими условіями, Монталамберъ своей оппозиціей въ Законодательномъ Корпусѣ и въ печати пытался возбудить общественное мнѣніе, по меньшей мѣрѣ, общественное мнѣніе католическаго міра, для того, чтобы добиться новыхъ серьезныхъ уступокъ католическимъ интересамъ. Но по выраженію Персиньи, «черные люди сдѣлались ручными»; если умнѣйшіе изъ епископовъ, какъ Дюпанлу и Гиберъ, казалось, готовы были послѣдовать совѣтамъ Монталамбера и Фаллу, то Вейо и императорское правительство съумѣли укротить ихъ, возстановивъ противъ нихъ массу низшаго духовенства.

Эта оппозиція могла воздѣйствовать на образованную католическую публику развѣ съ помощью своихъ книгъ и журналовъ вродѣ «Корреспондента». Напрасно Монталамберъ надрывался въ Законодательномъ Корпусѣ; потерпѣвши пораженіе на выборахъ 1857 года, онъ безъ сожалѣнія ушелъ изъ этого «подвала». Въ дѣйствительности Имперія, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ вполнѣ удовлетворяла тогдашнюю католическую массу. Союзъ между нею и этой массой казался прочнымъ. Благодаря этому союзу монархисты и орлеанисты утратили всякое значеніе, а высшее общество, если не столбовая аристократія, примкнуло къ новому режиму. И этотъ союзъ еще усиливалъ вѣрноподданническія чувства крестьянства, если только это было возможно.

И однако всего этого было недостаточно. Моральное успокоеніе всѣхъ консервативныхъ элементовъ при видѣ согласія, царящаго между сильнымъ государемъ и церковью, восторгъ ханжей при видѣ императора, стоящаго у подножія алтаря во время торжественныхъ богослуженій, даже пропаганда сельскихъ священниковъ—все это не могло еще обезпечить новому порядку дѣйствительной популярности въ широкихъ массахъ.

Правительство разсчитывало привлечь на свою сторону и сохранить за собой симпатіи различныхъ классовъ—торговой буржуазіи, рабочихъ и крестьянъ—совершенно другими средствами.

Имперія лишила Францію политической свободы; взамѣнъ послѣдней она поставила себѣ задачей дать удовлетвореніе ея матеріальнымъ интересамъ. Въ этомъ направленіи правительство придерживалось систематической и обдуманной политики, которая заслуживаетъ описанія.

Своими корнями она восходитъ къ той политикѣ, которую практико-

вало министерство Гизо въ періодъ 1840—1848 гг. При такомъ же отсутствіи парламентской жизни тогдашнее правительство провозгласило, что его программа сводится къ «разумному устройству дѣлъ народа» и къ работѣ надъ дѣломъ удовлетворенія «большого общества, здороваго и спокойнаго». Это выраженіе, какъ извѣстно, принадлежитъ Гизо, но оно было бы къ лицу также и Морни.

Да и то сказать, кто такой былъ этотъ Морни, кто такіе были Фульдъ, Мань и Билло, какъ не орлеанисты второго призыва, орлеанисты министерства Гизо? Развѣ Фульдъ, избранный въ 1842 году депутатомъ отъ Тарба и составлявшій вѣрную опору министерства, уже и тогда не стремился къ широкому грюндерству и къ служенію матеріальнымъ интересамъ? Развѣ Мань, протеже генерала Бюжо, не былъ типомъ депутата-чиновника и администратора-дѣльца? Наконецъ, развѣ Билло, адвокатъ изъ городка Ансени, не примкнулъ въ 1847 году къ Гизо? Но самымъ законченнымъ типомъ этого второго политическаго поколѣнія Іюльской Монархіи являлся въ особенности Морни. Сынъ генерала Флаго, выросшій въ изгнаніи, онъ усвоилъ себѣ чисто англійскія привычки. Его промышленная дѣятельность и дѣловыя способности, а также аристократическій дендизмъ доставили ему выдающееся вліяніе среди парижскаго общества. Блестящій уланъ, онъ особенно отличился при осадѣ Константины, но въ 28 лѣтъ лихорадка принудила его покинуть армію. Онъ занялся промышленной дѣятельностью: въ Лиманьѣ онъ засѣвалъ огромныя площади свекловицей, а также эксплуатировалъ сахарорафинадное дѣло. 31 года онъ сдѣлался депутатомъ и выдвинулся въ качествѣ одного изъ самыхъ искусныхъ ораторовъ палаты. Именно онъ спасъ Гизо во время дѣла Притчарда, и взбѣшенный Арманъ Марра при этомъ же случаѣ отозвался о немъ, какъ о „самомъ юномъ и самомъ плѣшивомъ изъ всѣхъ довольныхъ“.

Уже въ то время Морни, поддерживавшій министерство Гизо, предвосхищалъ экономическую политику Второй Имперіи. Сущность этой политики онъ, такъ сказать, загодя формулировалъ въ статьѣ, помѣщенной 1 января 1847 г. въ журналѣ „La Revue des Deux Mondes“. Стремясь, какъ онъ выражался, къ практическимъ результатамъ, онъ заявлялъ, что не столько интересуется соціальными перемѣнами, сколько промышленными преобразованіями и приглашалъ французовъ приступить къ изученію не политическихъ реформъ, порождаемыхъ искусственными потребностями, а вопросовъ чисто матеріальныхъ. Постараемся же,—заключаетъ онъ,—осуществить въ области промышленности, торговли и финансовъ всѣ реформы, способныя послужить благосостоянію широкихъ массъ, и этимъ мы больше сдѣлаемъ для прогресса, чѣмъ самыми чудодѣйственными соціальными преобразованіями. Такова была та доктрина, которую вѣрнѣйшіе сторонники министерства Гизо собирались цѣликомъ осуществить послѣ государственнаго переворота.

Но въ дѣлѣ осуществленія этой политики самую горячую помощь новому правительству готовы были оказать и дѣятели другого пошиба. Я говорю о сенъ-симонистахъ. Если нѣкоторые изъ членовъ сенъ-симонистской школы въ извѣстныя историческія эпохи и выступали въ качествѣ республиканцевъ и демократовъ, то не слѣдуетъ забывать, что въ общемъ и цѣломъ они всегда признавали форму правленія и харак-

теръ конституціи вопросомъ второстепеннымъ. То, чего они требовали прежде всего, то, что ихъ органъ «Кредитъ» объявилъ въ 1849 году программой всякаго прогрессивнаго правительства,—это было расширеніе общественныхъ работъ, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, а также развитіе кредита, который долженъ былъ обезпечить выполненіе этихъ предпріятій. Они ожидали осуществленія этой программы отъ парламентской республики; но когда деспотическое правительство дало имъ обѣщанія въ этомъ смыслѣ, то они примкнули къ нему.

Какъ только отецъ Анфантэнъ замѣтилъ широкій размахъ, который приняло развитіе промышленности, онъ выразилъ свое одобреніе новому режиму. Вскорѣ онъ началъ открыто кокетничать съ Тюильрійскимъ дворцомъ; онъ посвящалъ свои сочиненія императору, а Наполеонъ III отзывался о немъ съ уваженіемъ. Въ промышленной области онъ проявилъ усиленную дѣятельность; ему принадлежитъ иниціатива проведенія желѣзнодорожной линіи въ Ліонъ еще до 1848 г.; онъ же больше всѣхъ содѣйствовалъ окончательному сліянію желѣзнодорожныхъ обществъ Парижъ—Ліонъ и Ліонъ—Средиземное море. Съ такимъ же увлеченіемъ дѣйствовали всѣ члены школы: Полэнъ Талабо фигурировалъ въ первыхъ рядахъ желѣзнодорожныхъ строителей; его другъ Дидіонъ, директоръ Орлеанской компаніи, и Жюльенъ также работали въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Братья Эмиль и Исаакъ Перейры особенно интересовались кредитными учрежденіями. Они содѣйствовали возникновенію Поземельнаго Кредита, а въ цѣляхъ повсемѣстнаго пробужденія духа иниціативы основали Crédit Mobilier (Движимый Кредитъ). Члены сенъ-симонистской школы владѣли еще и другими финансовыми учрежденіями; такъ напримѣръ, Амай управлялъ Кассой Акціонеровъ. Другіе отстаивали новую экономическую политику въ прессѣ: Барро выступилъ въ качествѣ апологета Движимаго Кредита и воспѣвалъ широко развившееся желѣзнодорожное строительство: «Скоро,—восклицалъ онъ,—Европа будетъ имѣть желѣзнодорожную сѣть, протянувшуюся отъ Уральскихъ горъ до Сіерры-Невады; она будетъ питаться однимъ финансовымъ обращеніемъ и дышать общей моральной атмосферой!» Геру писалъ въ La Presse, а затѣмъ редактировалъ L' Opinion Nationale; брошюры же Дюверье возбуждали оживленныя толки, такъ какъ публика утверждала, что онѣ пишутся подъ вліяніемъ императора.

И дѣйствительно, сенъ-симонисты пользовались значительнымъ вліяніемъ въ высшихъ сферахъ. Къ голосу Перейровъ внимательно прислушивались; а Мишель Шевалье былъ любимымъ экономистомъ императора. Нѣкоторые другіе сенъ-симонисты также вращались въ средѣ, окружавшей государя. Однажды, если вѣрить разсказу Максима Дюкана, за столомъ Наполеона III, когда одинъ изъ обѣдающихъ началъ вышучивать сенъ-симонистское ученіе о женщинѣ, другой всталъ и заявилъ: «я сынъ Талабо, сынъ Ламбера, сынъ Анфантена, сынъ Олинда Родрига, сынъ Сенъ-Симона». И разсказчикъ прибавляетъ, что изъ числа присутствующихъ такое-же заявленіе могли сдѣлать еще одинъ сенаторъ и три министра, но они промолчали.

Значитъ-ли это, что они отреклись отъ своихъ идеаловъ и увлеклись моднымъ дѣлежемъ общественнаго пирога? Значитъ-ли это, что те-

перь они интересовались только чинами и крупными доходами, въ то время какъ другіе люди, отчасти также раздѣлявшіе сенъ-симонистскія идеи, страдали въ изгнаніи? Относительно нѣкоторыхъ такое предположеніе, быть можетъ, и справедливо, но не относительно всѣхъ. Многіе изъ сенъ-симонистовъ вполнѣ искренно исповѣдывали то убѣжденіе, что промышленный расцвѣтъ составляетъ основное условіе соціальнаго прогресса. «Промышленность,—писалъ Барро,—является единственнымъ оружіемъ, съ помощью котораго цивилизація дѣлаетъ прозелитовъ.» И если они склонны были разсматривать государственный переворотъ, какъ неизбѣжную необходимость, если они готовы были предать забвенію печальные инциденты, его сопровождавшіе, «такъ какъ меню революцій вообще не очень-то привлекательно», то они по прежнему были убѣждены въ томъ, что, служа Имперіи, они вмѣстѣ съ тѣмъ являются надежными піонерами лучшаго общества. Анфантэнъ писалъ въ 1853 году: «Трибуна и пресса должны на время умолкнуть для того, чтобы одинъ молотъ зазвучалъ тамъ, гдѣ прежде говорилъ порохъ, для того, чтобы человѣкъ начерталъ на землѣ свои желѣзные іероглифы и пересталъ рисовать политическіе ребусы на бумагѣ». Но въ другомъ мѣстѣ онъ прибавлялъ: «духъ спитъ, плоть же бодрствуетъ и трудится... Люди, обращающіеся съ матеріей, обладаютъ физической мощью, у нихъ начинаетъ кружится голова, и въ своей вакханаліи они клянутъ духъ и идею, такъ что можно подумать, что она погибла и вернулась ко Господу. Но эта плутовка все еще здѣсь, она потираетъ руки и тихо шепчетъ: дѣйствуйте, пойте, пляшите и веселитесь. Трудъ и земля, вы даете жизнь; вы творите новый міръ; пусть этотъ міръ рождается, весь покрытый грязью, мы смоемъ ее!» Отецъ предчувствовалъ будущее: неудержимый размахъ промышленнаго развитія увлечетъ міръ гораздо дальше, чѣмъ онъ этого хочетъ, и приведетъ его къ новому общественному укладу.

Кому пойдетъ на пользу промышленное развитіе? Совершается-ли оно къ выгодѣ новаго императора и его «династіи»? Вотъ вопросъ, который задаетъ себѣ Наполеонъ III. Онъ хочетъ быть главнымъ дѣятелемъ этого великаго движенія, ему хочется, чтобы блестящее развитіе промышленности, надъ которымъ усердно работаетъ буржуазія, казалось дѣломъ его рукъ. Мы уже указывали на тѣ мѣры, которыя онъ принялъ въ этой области въ періодъ диктатуры. Но подобно маятнику, онъ, если такъ можно выразиться, качается между двумя группами промышленниковъ, между бывшими орлеанистами и сенъ-симонистами, между Морни и Анфантэномъ. Конечно, ему хотѣлось бы быть коронованнымъ сенъ-симонистомъ и соціалистичекимъ императоромъ, довести до конца промышленное развитіе и обезпечить счастье бѣдныхъ классовъ, къ которымъ онъ питаетъ искреннія симпатіи. Развѣ прогрессъ, котораго хотятъ сенъ-симонисты, не составляетъ предмета его завѣтныхъ мечтаній? «Наполеоновская идея,—говорилъ онъ много лѣтъ тому назадъ,—оживитъ сельское хозяйство; она изобрѣтаетъ новые продукты и заимствуетъ у иностранныхъ государствъ полезныя для земледѣлія новшества. Она срываетъ горы, переплываетъ рѣки, облегчаетъ сношенія и побуждаетъ народы подать другъ другу руки". Подъ вліяніемъ новаго правительства, которое явится „благодѣтельной движущей силой для всего соціальнаго организма", начнется новая эра. Еще недавно онъ заявилъ, что глубокія соціальныя преобразованія его не пугаютъ. Въ

своей брошюрѣ «L'extinction du paupérisme» (Искорененіе бѣдности), вышедшей въ 1844 году, онъ указалъ тѣ способы, съ помощью которыхъ правительство, этотъ единственный покровитель трудящихся классовъ, можетъ улучшить ихъ положеніе. „Богатство страны,—говорилъ онъ,—зависитъ отъ процвѣтанія земледѣлія и промышленности, отъ развитія внутренней и внѣшней торговли, отъ справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія общественныхъ доходовъ". А между тѣмъ всѣ эти источники богатства были во Франціи подорваны, и задача, которую только и можетъ поставить себѣ Наполеонъ, заключается въ возрожденіи индустріи и сельскаго хозяйства. Въ виду этого, претендентъ указывалъ, какимъ образомъ онъ исполнилъ бы эту задачу; онъ признавалъ необходимымъ передать путемъ особаго закона имѣющіеся еще во Франціи 9,190,000 гектаровъ невоздѣланной земли гигантской рабочей ассоціаціи, которой его правительство ссудитъ необходимую сумму; наконецъ, онъ проектировалъ съ помощью цѣлаго ряда систематическихъ мѣропріятій организовать массы, пока еще лишеныя соціальнаго воспитанія, и „создать промежуточный между рабочими и хозяевами классъ, пользующійся признанными закономъ правами и избираемый всей массой рабочихъ. Этимъ промежуточнымъ классомъ будетъ классъ прюдомовъ (свѣдующихъ людей)". Всякій фабрикантъ обязанъ былъ бы на каждые 10 рабочихъ держать одного прюдома, получающаго отъ него двойную заработную плату. „Эти прюдомы играли бы среди рабочаго класса такую же роль, какую играютъ унтеръ-офицеры въ арміи". Тогда повсюду возникли бы земледѣльческія колоніи, напоминающія средневѣковые монастыри, „посреди своекорыстнаго міра, погрязшаго во власти денежнаго феодализма". Безработица была бы уничтожена; промышленная армія, подобно всякой другой, была бы построена на началахъ дисциплины; все народное хозяйство получило бы болѣе интенсивный характеръ, и подобно тому, какъ „торжество христіанства уничтожило рабство, а побѣда французской революціи положила конецъ крѣпостничеству, точно такъ же торжество демократическихъ идей разъ на всегда покончило бы съ пауперизмомъ".

Пожелаетъ ли императоръ осуществить мечту претендента, захочетъ ли онъ быть тѣмъ революціоннымъ государемъ-строителемъ, который «улучшитъ положеніе самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса»? Неизвѣстно; но пусть онъ поостережется, чтобы самимъ содѣйствіемъ промышленному развитію не разбудить политическихъ и соціальныхъ стремленій. Промышленная дѣятельность должна поглотить умы и дать пищу человѣческой энергіи, но она не должна подавать повода ко всякаго рода умствованіямъ. Необходимо улучшить положеніе рабочаго класса, для того чтобы привлечь его на сторону новаго режима; но не слѣдуетъ проводить слишкомъ глубокихъ реформъ, способныхъ возбудить въ немъ дальнѣйшія притязанія. Въ интересахъ династіи слѣдуетъ во время остановиться, регулировать и сдерживать дѣловую энергію общества.

Впрочемъ, съ этой стороны непосредственная опасность, повидимому, не угрожала. Послѣ опыта 1848 года буржуазія, тотъ средній классъ, у котораго отнята была политическая власть, знать ничего не хотѣла кромѣ дѣловыхъ занятій и удовольствій. Рабочій классъ, со времени іюньскихъ дней подвергшійся нѣсколькимъ кровопусканіямъ, не распо-

лагалъ необходимою силой для борьбы за новыя завоеванія. Итакъ, правительство могло смѣло приступить къ политикѣ поощренія промышленности.

Въ этой области за 1852—1856 г.г. достигнуты были замѣчательные успѣхи.

* * *

На первомъ планѣ стояло развитіе кредита. Съ цѣлью пробужденія и поощренія духа предпріимчивости основаны были два крупныхъ учрежденія: „Поземельный Кредитъ“ и „Движимый Кредитъ.“

Декретомъ 28 февраля 1852 года разрѣшалось основаніе Обществъ Поземельнаго Кредита, снабжающихъ землевладѣльцевъ долгосрочными ссудами подъ первую закладную, погашаемыми путемъ годичныхъ взносовъ, и добывающихъ необходимые для нихъ капиталы путемъ выпуска закладныхъ листовъ, обезпеченныхъ гипотекой. На основаніи этого декрета въ Парижѣ открылся Поземельный банкъ, а вскорѣ въ Марселѣ и въ Неверѣ открылись еще два. Но въ скоромъ времени, съ цѣлью обезпечить единство операцій и облегчить обращеніе закладныхъ листовъ, которое могло бы быть затруднено разнороднымъ характеромъ выпусковъ, сдѣланныхъ нѣсколькими банками, правительство задумало придать этому учрежденію характеръ государственнаго предпріятія или, по меньшей мѣрѣ, учрежденія, состоящаго подъ контролемъ государства. Декретомъ 10 декабря 1852 года Парижскій Поземельный Банкъ былъ преобразованъ во Французскій Поземельный Банкъ и получилъ привиллегію производить по всей Франціи операціи по залогу недвижимыхъ имуществъ; правительство разрѣшило ему выкупить Марсельскій и Неверскій банки, выдало ему субсидію въ 10 милліоновъ, но обязало его выдавать ссуды изъ 5% включая сюда и погашеніе. Кромѣ того, декретомъ 31 декабря 1852 года постановлано было, что закладные листы могутъ выпускаться въ обращеніе только по подписаніи ихъ правительственнымъ коммиссаромъ. И наконецъ, это преобразованіе банка закончено было декретомъ отъ 6-го іюля 1854 года, который навязалъ Поземельному Кредиту одного правителя и двухъ товарищей правителя, назначаемыхъ императоромъ. Съ этого момента новое учрежденіе, подобно Французскому Банку, связано было съ государствомъ. Въ 1854 году Поземельный Кредитъ уже выдалъ ссудъ на 50 милліоновъ, преимущественно подъ залогъ городскихъ недвижимостей, и такимъ образомъ въ сильнѣйшей степени содѣйствовалъ преобразованію городовъ и развитію промышленности, а также сельско-хозяйственнымъ ameліораціямъ.

Но особенно способствовалъ основанію и расцвѣту промышленныхъ и торговыхъ предпріятій въ первые годы Имперіи Crédit Mobilier (Движимый Кредитъ). До тѣхъ поръ парижскіе банкирскіе дома Ротшильда, Готингера, братьевъ Маллэ и пр. почти не открывали кредита частнымъ предпринимателямъ и ограничивали свои операціи выдачей краткосрочныхъ ссудъ, учетомъ векселей или арбитражемъ. Въ ноябрѣ 1852 года сенъ-симонисты братья Перейры основали Главное Общество Движимаго Кредита. Новое учрежденіе должно было одновременно быть товариществомъ на вѣрѣ, депозитнымъ, учетнымъ и торговымъ и эмис-

сіоннымъ банкомъ. Пользуясь своими средствами и своимъ кредитомъ, новый банкъ долженъ былъ создавать или поддерживать крупныя предпріятія, принимать участіе въ реализаціи государственныхъ займовъ или въ эмиссіонныхъ операціяхъ крупныхъ обществъ и самостоятельно выпускать облигаціи на сумму, равную удесятеренному его капиталу. Исаакъ Перейръ любилъ восхвалять Лоу, «геніальнаго человѣка, который далъ могучій толчекъ коммерческимъ дѣламъ... и этимъ наглядно показалъ міру, какую могучую силу представляетъ товарищество». Подобно шотландскому банкиру, Перейръ увлекался неограниченнымъ могуществомъ кредита; а Движимому Кредиту суждено было впослѣдствіи пойти ко дну, подобно знаменитому банку, основанному шотландскимъ дѣльцомъ.

Но въ первые годы Имперіи онъ игралъ колоссальную роль. Этотъ банкъ участвовалъ въ проведеніи большей части желѣзнодорожныхъ линій Восточной Сѣти, Большой Центральной, Юго-Западной и Арденской. Въ 1854 году онъ выдалъ ссуду на основаніе Общества улицы Риволи; онъ способствовалъ сліянію 6 газовыхъ компаній Парижа, ссудилъ имъ 10 милліоновъ и благодаря вліянію своихъ директоровъ въ высшихъ сферахъ въ 16 дней добился предоставленія имъ монополіи, связавшей Парижъ на полвѣка (іюль 1855 года). Наконецъ онъ основалъ Компанію Трансъ-Атлантическаго пароходства и, бросивши французскіе капиталы заграницу, содѣйствовалъ постройкѣ желѣзнодорожной сѣти въ Сѣверной Испаніи и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ Движимый Кредитъ выступалъ въ видѣ самой могучей финансовой организаціи, какая когда либо встрѣчалась въ исторіи Франціи. Въ 1855 году онъ роздалъ своимъ акціонерамъ дивидендъ въ размѣрѣ $178^1/_2$ франковъ на акцію. Въ своихъ мечтахъ Перейръ заносился еще выше. Но его удачливость возбуждала зависть, его смѣлость пугала, и вскорѣ Движимому Кредиту пришлось очутиться въ затруднительномъ положеніи.

Французскій Банкъ, со своей стороны, также не остался въ сторонѣ отъ всеобщаго подъема въ дѣловой сферѣ. «Операціи банка,—сообщалъ его директоръ въ 1852 году,—значительно расширились: торговля и промышленность снава пошли полнымъ ходомъ». Декретомъ 28 марта 1855 году банку разрѣшено было выдавать ссуды подъ залогъ желѣзнодорожныхъ облигацій и акцій. Закономъ 9 іюня 1857 года привилегія банка была продолжена до 1897 года; ему разрѣшено было поднять свой учетный процентъ выше 6%. Черезъ 10 лѣтъ послѣ изданія этого закона правительство могло требовать отъ банка, чтобы онъ имѣлъ въ каждомъ департаментѣ, по крайней мѣрѣ, по одному отдѣленію.

Благодаря этимъ мѣрамъ удалось приспособить финансовую организацію къ новому размаху торговли и промышленности. Послѣднему содѣйствовало также развитіе желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей сообщенія.

Въ первые годы Второй Имперіи поглощали капиталы и служили предметомъ спекуляціи, главнымъ образомъ, желѣзно-дорожныя предпріятія, которымъ покровительствовало правительство. Размахъ, данный имъ закономъ 1842 года, постепенно ослабѣлъ, но новое правительство оживило ихъ дѣятельность. Къ 31 декабря 1851 года въ эксплуа-

таціи состояло только 3.627 километровъ рельсовыхъ путей, распредѣлявшихся между 18 мелкими компаніями. Такое дробленіе сопряжено было съ величайшими неудобствами. Расходы по эксплуатаціи достигали такой высоты, что вскорѣ сдѣлались непосильными для линій съ слабымъ товарнымъ движеніемъ; провозныя цѣны и максимальные тарифы поражали своей пестротой; служба была организована отвратительно, а частыя перегрузки стѣсняли свободное развитіе сообщеній. За 1849—51 годы положеніе главныхъ желѣзнодорожныхъ компаній значительно улучшилось; но нѣкоторыя прозябавшія предпріятія, надоѣдавшія государству и вкладчикамъ своей хронической несостоятельностью, повергали капиталистовъ въ уныніе. Ни одинъ предприниматель не хотѣлъ болѣе брать на себя постройку новыхъ линій безъ серьезной субсидіи со стороны государства, и Франція снова отстала въ этомъ отношеніи отъ другихъ странъ.

Императоръ и Морни живо интересовались вопросомъ о дальнѣйшемъ развитіи желѣзнодорожнаго строительства. Черезъ 8 дней послѣ государственнаго переворота вышелъ декретъ, предписавшій постройку круговой желѣзной дороги внутри парижскихъ фортификацій (на правомъ берегу Сены). Въ теченіе всего 1852 года не переставали во множествѣ выдаваться концессіи.

Важнѣйшія мѣры, принятыя Наполеономъ III въ области желѣзнодорожнаго строительства, сводятся къ тремъ основнымъ пунктамъ:

1) Регулярное продленіе концессій на 99 лѣтъ для того, чтобы позволить компаніямъ дать своимъ предпріятіямъ надлежащее развитіе и такимъ образомъ обезпечить ихъ кредитъ.

2) Такъ какъ условія, заключавшіяся до тѣхъ поръ съ различными компаніями, приводили ко всевозможнымъ недоразумѣніямъ, правительство ввело однообразную систему, сводившуюся къ гарантіи процентовъ тѣмъ компаніямъ, которыя не пользовались прочнымъ кредитомъ. Государство гарантировало имъ минимумъ 4% на капиталъ въ теченіе половины срока концессіи.

3) Государство старалось сократить расходы по постройкѣ и эксплоатаціи путемъ созданія желѣзнодорожныхъ сѣтей, причемъ дефицитъ отъ малодоходныхъ линій долженъ былъ покрываться доходомъ съ болѣе производительныхъ линій. Для этой цѣли необходимо было образовать крупныя компаніи, способныя систематически расширять внутреннее товарное движеніе по желѣзнымъ дорогамъ и завязывать сношенія съ заграничными компаніями.

Таковы были основные принципы желѣзнодорожной политики Второй Имперіи. Они быстро принесли плоды. Въ результатѣ цѣлаго ряда концессій и сліяній образовались крупныя желѣзнодорожныя компаніи: Сѣверная, Орлеанская, Парижско-Ліонская и Ліонско-Средиземно-Морская компаніи существовали въ 1852 году; въ 1853 году основаны были: Южная и Большая Центральная компаніи (послѣдняя исчезла къ 1857 г.); въ 1854 году Восточная компанія; въ 1855 году Западная. Къ 1858 г., вслѣдствіе сліянія линій Парижъ-Ліонъ и Ліонъ-Средиземное Море, сложились 6 нынѣ существующихъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ компаній. Къ концу 1858 года длина французской рельсовой сѣти достигла 16.207 километровъ. Довѣріе предпринимателей было настолько велико, что въ 1857 году государство могло выдать концессіи на постройку 2.586

километровъ пути, не обѣщая ни субсидій, ни гарантіи процентовъ. Но заминка 1857 года и затруднительное положеніе концессіонеровъ привели къ тому, что гарантія процентовъ въ размѣрѣ 4%, уже до того предоставленная многимъ компаніямъ, сдѣлалась общимъ правиломъ.

Не вводя особыхъ новшествъ въ области желѣзнодорожной политики, а просто продолжая осуществлять принципъ 1842 года, т. е. принципъ сотрудничества государства и частныхъ капиталовъ, правительство, внушая увѣренность капиталистамъ, планомѣрно расширяло французскую желѣзнодорожную сѣть.

Нельзя отрицать, что подъ вліяніемъ ложнаго взгляда правительство, посвящая все свое вниманіе желѣзнымъ дорогамъ, въ то время недостаточно интересовалось водными путями и шоссейными дорогами. Но зато оно упорядочило и усовершенствовало почтово-телеграфное дѣло; въ 1855 году городъ Мандъ былъ снабженъ электрическимъ телеграфомъ, а это была единственная префектура, которая еще не была связана со столицей.

Снабженная капиталами и опираясь на послѣднія усовершенствованія въ области путей сообщенія, промышленность могла теперь развиваться на просторѣ. Правительство не жалѣло для нея никакихъ льготъ. Законъ о патентахъ былъ усовершенствованъ (31 мая 1856 года); тяжбы, возникавшія между членами торговыхъ компаній, были подчинены консульской юрисдикціи (17 іюля 1856 года). Ликвидація дѣлъ несостоятельныхъ должниковъ была облегчена съ помощью полюбовныхъ соглашеній между банкротомъ и его кредиторами. Точно также были упрощены формальности, касавшіяся обращенія варрантовъ (1858). Наконецъ, Вторая Имперія вернула свободу двумъ промысламъ, которые до тѣхъ поръ были подчинены стѣснительной регламентаціи: хлѣбопеченію и мясному дѣлу. Какъ извѣстно, воспоминаніе о старинныхъ голодовкахъ побудило правительство Консульства поставить оба эти промысла подъ контроль муниципальныхъ властей; это правительство, которое сумѣло использовать въ своихъ интересахъ отчаяніе голодныхъ массъ, прекрасно сознавало, какъ важно для властей нормальное снабженіе населенія хлѣбомъ и мясомъ, но ложно воображало, что этой цѣли можно добиться съ помощью строгаго надзора за мясниками и пекарями. Впослѣдствіи выяснилась безрезультатность такого надзора. Вторая Имперія постаралась назрѣвшей реформой завоевать симпатіи мелкихъ торговцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не возбуждая тревоги въ рабочемъ классѣ. Декретъ 24 февраля 1858 года отмѣнилъ регламентацію и монополію въ области мясного дѣла и объявилъ профессію мясника въ Парижѣ совершенно свободной, подчинивъ ее только требованіямъ санитарнаго надзора. Издавая свой декретъ, правительство не расчитывало на то, что свободная конкурренція приведетъ къ замѣтному пониженію цѣнъ на мясо, но, какъ указывалъ Руэръ въ своемъ докладѣ, сопровождавшемъ декретъ, оно хотѣло положить конецъ исключительнымъ привиллегіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „освободить администрацію отъ той чреватой опасностями отвѣтственности, которую возлагаетъ на нее установленная ею привиллегія, допускающая цѣлый рядъ злоупотребленій и фактически не поддающаяся регламентаціи“.

Хлѣбопекарному промыслу пришлось дольше дожидаться свободы. Воспоминаніе о недавнихъ голодовкахъ еще не изгладилось, а вопросъ

о хлѣбныхъ цѣнахъ живо интересовалъ императорское правительство, которое ни за что не хотѣло прослыть правительствомъ дорогого хлѣба. Генеральные прокуроры постоянно напоминали ему въ своихъ отчетахъ о плохихъ урожаяхъ и о попыткахъ демагоговъ взвалить на Имперію отвѣтственность за народную нужду. Въ виду этого правительство снова занялось регламентаціей хлѣбнаго дѣла, но на этотъ разъ съ особой осторожностью. Въ Парижѣ основана была спеціальная касса для обслуживанія булочнаго производства (27 декабря 1853 года). Механизмъ этого учрежденія не отличался особенной сложностью: въ періодъ недорода цѣна хлѣба удерживалась на уровнѣ 40 сантимовъ за килограммъ, причемъ касса возмѣщала пекарямъ ихъ убытки; въ урожайные годы цѣна хлѣба сохранялась на той же высотѣ, а булочники возвращали кассѣ полученныя отъ нея суммы. За время отъ 1853 до середины 1856 года кассѣ пришлось выдать булочникамъ $53^1/_2$ милліона; а за 1856—1863 годы она ликвидировала свой пассивъ. Но этотъ остроумный механизмъ стоилъ очень дорого: расходы по операціямъ составляли $30^0/_0$ производительно затраченныхъ суммъ. Кромѣ того для правильнаго функціонированія этого механизма пришлось возложить исключительно на кассу «всѣ платежи по закупкѣ хлѣба и муки безъ какихъ бы то ни было изъятій»; а для облегченія контроля пришлось ограничить количество хлѣбопекарныхъ заведеній сначала въ пригородахъ, а затѣмъ и въ самомъ Парижѣ. Вся эта регламентація поставила булочниковъ въ крайне тяжелое положеніе; споры, возникавшіе между пирожниками и булочниками, приготовлявшими сдобный хлѣбъ, все нагляднѣе доказывали необходимость установленія въ этой области новаго порядка. Парижскій префектъ Османъ съ своей стороны мечталъ о замѣнѣ всѣхъ булочныхъ нѣсколькими крупными муниципальными пекарнями. Въ 1857 году этотъ вопросъ былъ внесенъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Рѣшенъ онъ былъ 22 іюня 1863 года, и рѣшенъ въ духѣ свободы. Но касса, средства которой отнынѣ составлялись изъ сборовъ со ввозимой муки, сохранилась, а муниципальныя власти во всѣхъ коммунахъ по прежнему имѣли право устанавливать хлѣбную таксу.

Правительство приняло также цѣлый рядъ другихъ мѣръ, которыя должны были свидѣтельствовать о его заботливомъ отношеніи къ процвѣтанію промышленныхъ предпріятій. Цѣлымъ рядомъ законовъ множество мелкихъ мастерковъ освобождены были отъ патентнаго сбора, а на основаніи закона 4 іюня 1858 года 96.029 ремесленниковъ были вычеркнуты изъ податныхъ списковъ.

Наконецъ, чтобы почтить индустрію, подобно тому, какъ онъ чтилъ религію, императоръ задалъ ей великій праздникъ 1855 года, Парижскую Всемірную выставку. И французскіе промышленники, откликнувшись на его призывъ, поспѣшили засвидѣтельствовать передъ всѣмъ міромъ успѣхи, достигнутые ими съ начала царствованія.

Вся нація была охвачена предпринимательской лихорадкой. Впрочемъ, это явленіе свойственно было не одной только Франціи; послѣ революціонныхъ потрясеній 1848 года оно проявилось во всей Европѣ. Но во Франціи оно отличалось особенно интенсивнымъ характеромъ. Вся буржуазія, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ непримиримыхъ республиканцевъ, пошла навстрѣчу ожиданіямъ государя: дѣла сдѣлались главной ея заботой. Политика наскучила ей; она хотѣла пользоваться

жизнью: а для этого она стремилась наживать деньги. Новыя открытія и ихъ практическое примѣненіе, мобилизація капиталовъ кредитными учрежденіями, милости правительства—все толкало ее къ „предпринимательству“. Лондонъ, который съ начала XIX столѣтія являлся главнымъ рынкомъ для европейскихъ капиталовъ, долженъ былъ уступить первенство Парижу. „Годы отъ 1852 до 1856 были золотымъ вѣкомъ для биржи“. Ни война, ни голодовка, угрожавшая странѣ послѣ неурожая 1853 года и принудившая правительство основать булочную кассу; ни холера, которая съ марта по іюль 1854 года опустошала Парижъ, а затѣмъ провинцію; ни, наконецъ, ужасныя наводненія, вызванныя разливомъ Гаронны, Шера и Алье въ 1854 году и Роны въ 1856 г., не могли затормозить промышленнаго расцвѣта. Болѣе того; займы и обширныя исправительныя работы, вызванныя этими бѣдствіями, казалось, только усилили дѣловую горячку. Развитіе духа предпріимчивости влекло за собой развитіе вкуса къ спекуляціи, а послѣдняя быстро выродилась въ необузданную биржевую игру.

Уже въ 1854 году Прудонъ рѣзко напалъ на нее въ своемъ Руководствѣ биржевого спекулянта. „Для современнаго капитализма,—восклицаетъ онъ,—недостаточно обезпечить себѣ съ помощью своихъ акцій эксплуатацію страны на будущее время. Ему нужно еще путемъ установленія права передачи акцій и превращеніемъ ихъ въ наличныя деньги, осуществить свое владѣльческое право въ настоящемъ; ему нужно, кромѣ того, продавать на наличныя, продавать на срокъ, устраивать нечистыя дѣлишки и играть на биржѣ“ (стр. 389).... „Нечестность царитъ въ нравахъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—а пиратство въ дѣлахъ“.

Но если Прудонъ съ полнымъ основаніемъ отказывался проводить различіе между умѣренной спекуляціей и биржевой игрой финансистовъ, между людьми благоразумными и пройдохами, если онъ обличалъ всю систему „промышленнаго феодализма“, ясно сознавая тѣсную связь между отдѣльными ея сторонами, то другіе пытались отграничить финансовыя операціи отъ тѣхъ моральныхъ привычекъ, которыя онѣ развивали не только въ средѣ высшей буржуазіи, но и во всей націи. И дѣйствительно, развѣ тогда не встрѣчались женщины, которыя обкрадывали своихъ мужей для того, чтобы играть на биржѣ? Въ одной изъ своихъ комедій, которая съ успѣхомъ шла на сценѣ Одеона, Понсаръ заклеймилъ алчность тогдашней буржуазіи и ея увлеченіе биржевой игрой. Императоръ благодарилъ его торжественнымъ письмомъ. „Съ искреннимъ удовольствіемъ,—писалъ онъ ему,—смотрю я на то, какъ вы со всей силой вашего таланта клеймите пагубное увлеченіе биржевой игрой, выступить противъ которой васъ побуждаютъ благороднѣйшія чувства“. И онъ приглашалъ писателя продолжать свою обличительную кампанію. Одинъ членъ судейскаго сословія, Оскаръ де Валлэ, который въ книгѣ, озаглавленной «Les Manieurs d'argent», сравнивалъ современный ему ажіотажъ со спекуляціей, вызванной системой Лоу, получилъ письмо съ аналогичными привѣтствіями. Но всѣ эти торжественныя фразы на практикѣ не приводили ни къ какимъ послѣдствіямъ; и законъ 17 іюля 1856 года, имѣвшій цѣлью ввести въ извѣстныя рамки дѣятельность командитныхъ товариществъ на акціяхъ, оказался совершенно безсильнымъ обуздать спекуляцію.

Конечно, Наполеонъ III могъ опасаться плачевнаго вліянія всей этой биржевой игры на общественную нравственность; подобно Прудону, онъ могъ бояться моральнаго паденія націи и разложенія общества; но политически онъ долженъ былъ чувствовать себя удовлетвореннымъ. Дѣловая горячка убивала въ буржуазіи всякій оппозиціонный духъ. Послѣдняя была слишкомъ занята дѣломъ обогащенія; она чувствовала слишкомъ сильную признательность къ правительству, обезпечивавшему блестящее теченіе дѣлъ, для того, чтобы требовать отъ него хотя бы частички политической власти, которую оно у нея отняло.

Оставался рабочій классъ, тотъ классъ, который совершилъ февральскую революцію, произвелъ іюньское возстаніе и перенесъ декабрьскіе дни. Его вожди находились въ изгнаніи и заточены были въ тюрьмы. Что же предприметъ правительство для привлеченія этого класса на свою сторону? Въ этомъ заключалась самая щекотливая проблема его внутренней политики.

Выше мы уже перечислили нѣкоторыя мѣропріятія наполеоновскаго правительства, въ которыхъ проглядывала его забота о трудящихся классахъ. Оно освободило ремесленниковъ отъ гнета нѣкоторыхъ налоговъ; оно старалось обезпечить рабочимъ дешевый хлѣбъ. Оно доставляло имъ работу въ области широко развившагося желѣзнодорожнаго строительства.

Работы, правильной работы безъ перерывовъ—вотъ, чего долженъ былъ требовать рабочій классъ. Развѣ безработица не была одной изъ самыхъ серьезныхъ причинъ іюньскихъ безпорядковъ и развѣ она не лежала въ основѣ революціоннаго движенія рабочаго класса? Симпатіи рабочихъ можно было навѣрняка завоевать организаціей широкихъ общественныхъ работъ. Еще Наполеонъ I сказалъ: „когда у рабочаго нѣтъ работы, онъ легко дѣлается добычей всякихъ интригановъ и тогда его легко взбунтовать: а я больше боюсь возстанія, вызваннаго безхлѣбьемъ, чѣмъ сраженія съ 200-тысячной арміей“.

Наполеонъ III задумалъ преобразовать Парижъ и другіе крупные города въ интересахъ рабочаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ него. Послѣ государственнаго переворота онъ рѣшилъ приступить къ немедленному осуществленію обширныхъ работъ, давно уже проектировавшихся при прежнихъ правительствахъ, а именно, къ украшенію Центральнаго Рынка и достройкѣ Лувра; мечта о проложеніи въ Парижѣ широкихъ улицъ, соединяющихъ центральные кварталы со всѣми вокзалами и путями сообщенія, все болѣе овладѣвала имъ. Префектъ Сенскаго департамента Берже, „эдилъ стараго времени“, не обнаружилъ достаточной рѣшимости и былъ замѣненъ другимъ. Префектъ Османъ, сторонникъ рѣшительныхъ дѣйствій, смѣлый человѣкъ, обуздавшій соціалистовъ въ Іонскомъ и Варскомъ департаментахъ, былъ переведенъ въ Парижъ: императоръ остановилъ на немъ свой выборъ, какъ на человѣкѣ съ твердой волей и смѣлой иниціативой. И онъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. „Въ этомъ человѣкѣ — говаривалъ Руэръ,—все крупно: и достоинства, и недостатки“. Осману оказана была въ ратушѣ враждебная и недоброжелательная встрѣча; но съ перваго же дня онъ заставилъ съ собою считаться. А затѣмъ онъ приступилъ къ дѣлу.

Онъ хорошо усвоилъ духъ императорской политики; онъ понималъ, что облегчая уличное движеніе, въ особенности вблизи вокзаловъ, пу-

темъ проведенія широкихъ и длинныхъ артерій, правительство лишній разъ докажетъ свое заботливое отношеніе къ дѣловому міру; освобождая отъ загораживавшихъ ихъ построекъ крупныя зданія, дворцы, церкви и казармы, пролагая широкіе, прямые и красивые бульвары и вообще создавая красивый и пріятный для посѣщенія городъ, можно будетъ привлечь иностранцевъ, „которые возмѣстятъ расходы по постройкѣ“. Рабочимъ будетъ обезпечена работа; они получатъ болѣе здоровыя и болѣе веселыя жилища, когда будутъ снесены всѣ загрязненныя улички, пользующіяся дурной славой. Съ другой стороны, проведеніе широкихъ улицъ, неудобныхъ для постройки баррикадъ и неподходящихъ для цѣлей бунта, должно также успокоить буржуазію.

Съ нахальствомъ и смѣлостью, для которыхъ всѣ препятствія нипочемъ, вопреки глухой непріязни администраціи и общественныхъ учрежденій, Османъ выполнилъ эту работу. Денежная сторона вопроса ничуть его не тревожила. „Чрезвычайные расходы,—заявлялъ онъ,—вовсе не составляютъ главной опасности для бюджета; если затраты дѣлаются съ толкомъ, то онѣ не только не разоряютъ, но, наоборотъ, обогащаютъ и влекутъ за собой общій ростъ доходовъ“.

Первое примѣненіе грандіознаго плана Османа выразилось въ проведеніи „большого Парижскаго креста“, двухъ огромныхъ перепендикулярныхъ артерій, которыя должны были пересѣкаться въ самомъ центрѣ столицы; одна изъ нихъ уже намѣчена была проведеніемъ Страсбургскаго бульвара, затѣмъ она переходила въ Центральный бульваръ (вскорѣ переименованный въ Севастопольскій) и дальше перебрасывалась на лѣвый берегъ, протянувшись вплоть до Обсерваторіи; другая шла съ востока на западъ, отъ Тронной заставы до Звѣздной площади: для завершенія ея понадобилось только закончить улицу Риволи. Намъ приходится оставить въ сторонѣ всѣ детали этого предпріятія и всѣ попутно возникшія дополнительныя работы: проведеніе бульвара Османъ, бульвара Мальзербъ въ сѣверо-западныхъ кварталахъ, Маджентскаго бульвара и бульвара Ришаръ-ле-Нуаръ въ сѣверо-восточной части города, исчезновеніе узкихъ уличекъ Ситэ; сносъ зданій, закрывавшихъ Люксембургскій садъ; разбивку парковъ Монсо и Монсури; упорядоченіе ухода за Булонскимъ и Венсенскимъ лѣсомъ; постройку монументальныхъ фонтановъ, церквей и въ особенности центральнаго рынка. Набережныя были перестроены. Въ изрытой подпочвѣ проложены были трубы для канализаціи, водопровода и свѣтильнаго газа. Никогда Парижъ не былъ загроможденъ такой массой строительныхъ матеріаловъ.

Въ тотъ же періодъ и въ духѣ той же политики аналогичному переустройству подверглись всѣ крупные города. Правительство побуждало муниципалитеты заняться этимъ дѣломъ, а новыя промышленныя заведенія, желѣзныя дороги и вокзалы побуждали къ тому же жителей. Въ Марселѣ были закончены и открыты многочисленные доки, постройка которыхъ началась въ 1844 году; церковь Нотръ-Дамъ-де-ля-Гардъ была перестроена, а въ 1858 году приступлено было къ возведенію новаго собора. Къ тому же времени относится постройка префектуры, зданія судебныхъ установленій, биржи и Лоншанскаго дворца. Гаврскій портъ также былъ расширенъ; Ліонъ и Лилль украсились новыми зданіями. Во всѣхъ городахъ проложены были широкіе бульвары.

Всѣ эти обширныя работы обезпечивали зароботокъ рабочему классу, по крайней мѣрѣ, рабочимъ крупныхъ городовъ, нищета которыхъ могла бы снова вызвать революціонное броженіе. Конечно, промышленный расцвѣтъ привелъ къ повышенію цѣнъ на всѣ съѣстные припасы, а установленіе таксы на мясо или дѣятельность булочной кассы не въ силахъ были уменьшить дороговизну жизни. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ результатѣ этихъ перестроекъ рабочимъ все труднѣе становилось находить квартиры по доступной цѣнѣ; но постоянство и интенсивность труда помогали легче переносить разницу между повышеніемъ заработной платы и гораздо болѣе значительнымъ повышеніемъ цѣнъ на съѣстные припасы и квартиры. По этому поводу одинъ историкъ довольно удачно выразился: „Для французской столицы общественныя работы сыграли ту же роль, какую играла въ императорскомъ Римѣ даровая раздача хлѣба“. Ту же цѣль преслѣдовали придворныя церемоніи и празднества, которыя должны были наглядно свидѣтельствовать о блескѣ новаго режима; такъ, по крайней мѣрѣ, утверждалъ „Монитёръ“, доказывая строптивымъ брюзгамъ, что „затраты на какой-нибудь большой балъ возвращаются золотымъ дождемъ на всѣ отрасли промышленности“. Все это дало народу тотъ милліардъ, который нѣкогда обѣщалъ ему Барбесъ. Спѣшимъ прибавить, что онъ зарабатывалъ его въ потѣ лица своего.

Правительство прекрасно сознавало „облагораживающее дѣйствіе труда“. Оно стремилось обезпечить рабочему классу максимумъ возможнаго благосостоянія; но оно знало, что рабочіе нуждаются въ „надзорѣ“ и въ „просвѣщеніи“. Развѣ всѣ революціонныя бѣдствія не являются результатомъ недостаточнаго воспитанія и слабаго надзора? Всѣ мѣры, принятыя второй Имперіей въ области рабочей политики, проникнуты этимъ двойственнымъ характеромъ, духомъ попеченія и покровительства, съ одной стороны, а съ другой—духомъ полицейскаго надзора, враждебнымъ всякому самостоятельному стремленію рабочаго класса къ своему освобожденію. И Прудонъ съ полнымъ основаніемъ утверждалъ, что промышленная Имперія является логическимъ результатомъ промышленнаго феодализма, насквозь пропитаннаго духомъ опеки и эксплуатаціи.

Въ области общественнаго призрѣнія и попеченія правительство проявило довольно широкую иниціативу. „Стремленіе къ облегченію участи людей, страдающихъ и борющихся съ тягостями жизни, всегда присуще было правительству“. Необходимо было доказать справедливость этого утвержденія.

Декретомъ 1852 года была преобразована и упорядочена дѣятельность ломбардовъ; въ Парижѣ открытъ былъ цѣлый рядъ отдѣленій ломбарда. Мы уже упоминали о томъ, что декретъ отъ 22-го января 1852 года, которымъ владѣнія Орлеанскаго дома возвращались націи, отвелъ широкую долю рабочему классу: 10 милліоновъ предназначено было на улучшеніе рабочихъ жилищъ. Въ періоды экономическихъ кризисовъ и неурожаевъ, какъ напримѣръ въ 1853 году, когда общественныхъ работъ не хватало для предохраненія всѣхъ нуждающихся отъ нищеты, правительство покровительствовало или даже само открывало подписки въ пользу бѣдныхъ. Наконецъ, самъ императоръ личными пожертвованіями выказывалъ свою щедрость. Цѣлый рядъ бла-

готворительныхъ учрежденій пользовался помощью и поддержкой правительства. Особыми декретами они ставились подъ покровительство императрицы: такъ, декретомъ 2-го февраля 1853 года ей предоставлено было предсѣдательство надъ родовспомогательными учрежденіями; другимъ декретомъ подъ ея покровительство поставлены были 9 благотворительныхъ учрежденій, управляемыхъ государствомъ. Въ Везинэ и въ Венсенѣ выстроены были два убѣжища для выздоравливающихъ. Въ 1856 году на средства города Парижа основанъ былъ сиротскій домъ имени наслѣднаго принца: это былъ подарокъ, поднесенный по желанію императрицы Парижемъ новорожденному принцу.

Императоръ оказывалъ моральную, а въ случаѣ нужды и матеріальную поддержку тѣмъ фабрикантамъ, которые строили рабочія жилища, основывали при своихъ заведеніяхъ филантропическія учрежденія, пенсіонныя и вспомогательныя кассы, убѣжища и потребительныя лавки. 10-го іюня 1853 года Жанъ Дольфюсъ основалъ „Мюльгаузенское общество рабочихъ жилищъ“, которое въ 13 лѣтъ выстроило свыше 600 домовъ.

Но иниціатива, проявляемая рабочимъ классомъ, встрѣчала уже не столь благосклонный пріемъ. Отчеты прокуроровъ и префектовъ выяснили бывшему президенту, что общества взаимопомощи могутъ послужить организаціонными центрами для республиканцевъ и для противниковъ правительства и что союзы рабочей самообороны легко поддаются увлеченію политикой. Послѣ государственнаго переворота всѣ рабочіе союзы подверглись преслѣдованію; въ Ліонѣ генералъ Кастелянъ закрылъ ихъ всѣ до одного. Потребительныя товарищества, „Хозяйственное Общество“ въ Парижѣ, „Союзъ человѣчества“ въ Лилѣ, „Общество объединенныхъ рабочихъ“ въ Ліонѣ, „Братскій союзъ объединенныхъ тружениковъ“ въ Вуаронѣ и цѣлый рядъ другихъ принуждены были ликвидировать свои дѣла и распродать свой инвентарь. Такимъ же гоненіямъ подверглись производительныя ассоціаціи. По расчету Таксиля Делора, изъ 290 существовавшихъ тогда во Франціи обществъ сохранилось едва-ли 15. И даже общества взаимопомощи не всегда оставлялись въ покоѣ.

Но правительство прекрасно понимало, что совершенно помѣшать рабочимъ основывать союзы въ цѣляхъ взаимопомощи крайне трудно; оно сознавало, что въ своей соціальной политикѣ оно сумѣетъ извлечь величайшія выгоды изъ взаимопомощи, если только оно сумѣетъ ее организовать въ надлежащемъ духѣ.

Не успѣло еще правительство позакрывать подозрительные рабочіе союзы, какъ декретъ 22 января 1852 года, все тотъ же декретъ объ экспропріаціи Орлеанскаго дома, предоставилъ сумму въ 10 милліоновъ изъ конфискованныхъ владѣній на развитіе обществъ взаимопомощи. Но черезъ нѣсколько недѣль, а именно 26 марта, появился другой декретъ, точно опредѣлявшій тѣ условія, какимъ должно было подчиниться большинство этихъ обществъ, желавшихъ обезпечить свое существованіе.

И дѣйствительно, декретъ постановлялъ, что въ каждой коммунѣ, гдѣ это признано будетъ полезнымъ, должно быть основано заботами мэра и священника общество взаимнаго вспомоществованія. Съ этой цѣлью законъ, наряду съ свободными обществами и союзами, за кото-

рыми признавался общеполезный характеръ, вводилъ новую категорію обществъ, заслуживающихъ одобренія. Эти одобренныя общества пользовались крупными преимуществами: безплатнымъ помѣщеніемъ, мебелью и канцелярскими принадлежностями, доставляемыми коммуной, сокращеніемъ похоронныхъ расходовъ для своихъ членовъ, освобожденіемъ отъ штемпельнаго и канцелярскаго сбора, льготными условіями помѣщенія своихъ фондовъ въ сберегательныя и пенсіонныя кассы и правомъ на полученіе субсидій отъ государства. Взамѣнъ этихъ льготъ на нихъ возлагались извѣстныя обязательства, и содержаніе этихъ обязательствъ самымъ яркимъ образомъ вскрываетъ всю подоплеку соціальной политики Второй Имперіи: одобренныя общества должны были оставить за императоромъ право назначенія ихъ предсѣдателей, не вносить въ свои уставы пункта о помощи на случай безработицы и допускать въ свои ряды почетныхъ членовъ.

Смыслъ всѣхъ этихъ постановленій и самъ по себѣ слишкомъ прозраченъ. Но правители Второй Имперіи сами открыто признали его въ поученіе потомству. Во-первыхъ, они полагали, что иниціатива священника должна обезпечить «хорошій результатъ». «Его слово,—говорилось въ одномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ,—обладаетъ достаточнымъ авторитетомъ для того, чтобы объединять и примирять, внушать однимъ необходимость бережливости, а другимъ обязанность пожертвованій. Ставить общества подъ покровительство религіи—это значитъ заимствовать все хорошее, возвышенное и благородное у старыхъ корпорацій, которыя шли подъ церковной хоругвью и носили имя какого нибудь святого».

Съ другой стороны, путемъ назначенія предсѣдателя этимъ обществамъ, государство получало возможность контролировать ихъ, надзирать за ними и руководить ими. Запрещая имъ вносить въ свои уставы пунктъ о помощи безработнымъ, правительство мѣшало имъ уклониться въ сторону профессіональной борьбы и синдикальной дѣятельности, какъ это часто случалось. «Ни въ какомъ случаѣ,—гласилъ циркуляръ отъ 29 мая 1852 года къ префектамъ,—вы не должны допускать внесенія въ уставъ пункта о пособіи на случай безработицы: это условіе не только послужило бы началомъ разрушенія и деморализаціи, такъ какъ оно стремилось бы потворствовать лѣности, возложило бы на трудъ уплату преміи за непредусмотрительность, но оно заключало бы въ себѣ зародышъ всякихъ забастовокъ и надежду на всяческія коалиціи». Наконецъ, путемъ введенія въ ряды обществъ почетныхъ членовъ, платящихъ взносы, но не получающихъ взамѣнъ ничего и являющихся самыми видными дѣятелями и опорами учрежденія, авторы декрета расчитывали добиться сближенія между рабочими и хозяиномъ, между бѣдными и богатыми классами. Съ цѣлью увѣковѣчить зависимое положеніе рабочаго класса, правительство собиралось осуществить пропитанный ложью соціальный миръ. Но казенные экономисты представляли дѣло слѣдующимъ образомъ: «Все то, что способно содѣйствовать соглашенію хозяевъ съ рабочими,—говорилъ Мишель Шевалье,—должно быть встрѣчено съ радостью и признательностью. А между тѣмъ трудно придумать нѣчто болѣе подходящее къ этой цѣли, чѣмъ такое учрежденіе, въ нѣдрахъ котораго буржуа и рабочіе, добровольно собравшись въ значительномъ числѣ, занимались бы

въ качествѣ сотоварищей и сочленовъ дѣлами благотворительности, коими пользовались бы нуждающіеся классы, сами участвующіе въ этомъ дѣлѣ своими взносами».

Филантропія и опека—въ этихъ двухъ словахъ выражалась вся соціальная политика абсолютной Имперіи. Кто не желалъ подчиниться этимъ условіямъ, подвергался преслѣдованію. Въ 1855 году въ одобренныхъ обществахъ насчитывалось уже 66 тысячъ членовъ. Напротивъ, свободныя общества остались въ стаціонарномъ состояніи или даже ослабѣли. Правительство продолжало относиться съ недовѣріемъ къ обществамъ, образовавшимся помимо его участія; оно умѣло пускать въ ходъ статью 291 Гражданскаго Кодекса или законъ 1834 года о союзахъ, для того чтобы уничтожить существующія общества и помѣшать образованію новыхъ. За періодъ 1852—1858 свыше 200 свободныхъ обществъ прекратили свое существованіе.

Тотъ же духъ опеки и недовѣрія проглядываетъ въ обоихъ важнѣйшихъ законахъ этого періода: въ законѣ 1 іюня 1853 года о Совѣтахъ прюдомовъ и въ законѣ 22 іюня 1854 года о рабочихъ книжкахъ.

Въ силу перваго закона Совѣтъ прюдомовъ долженъ былъ состоять не менѣе, чѣмъ изъ 6 членовъ, не считая бюро; прюдомы-хозяева выбирались непосредственно хозяевами, прюдомы-рабочіе — рабочими; избирательное право предоставлялось лицамъ, достигшимъ 25-лѣтняго возраста, работающимъ не менѣе 5 лѣтъ въ данной профессіи и проживающимъ не менѣе трехъ лѣтъ въ одномъ и томъ же округѣ. Но согласно общепринятой системѣ, предсѣдатель Совѣта и его товарищъ не выбирались Совѣтомъ, а назначались императоромъ. Вдобавокъ императоръ могъ назначить на это мѣсто любое лицо, даже не пользующееся избирательнымъ правомъ, а значитъ онъ оставлялъ за собою право посадить на предсѣдательское мѣсто какого-нибудь бывшаго предпринимателя, удалившагося отъ дѣлъ, но готоваго при всякомъ удобномъ случаѣ поддержать «хозяйскій авторитетъ». Наконецъ, секретарь Совѣта назначался префектомъ по предложенію предсѣдателя.

Изданія закона о рабочихъ книжкахъ еще съ 1852 года добивались агенты правительства и въ особенности префектъ полиціи Піетри, которому очень хотѣлось, чтобы принцъ-президентъ воспользовался періодомъ диктатуры для изданія законовъ «безусловно необходимыхъ, но которыхъ нельзя было провести при парламентскомъ режимѣ». Внесенный въ сентябрѣ 1852 года, этотъ законъ былъ принятъ и опубликованъ только въ 1854 году. Онъ объявлялъ рабочую книжку обязательной для всѣхъ рабочихъ обоего пола, трудящихся въ мастерской или на дому, и обязывалъ хозяевъ точно записывать въ своихъ книгахъ время поступленія и ухода рабочихъ и отмѣчать эти даты въ рабочей книжкѣ. Такимъ образомъ, рабочая книжка должна была облегчить задачу полиціи. Но чтобы пойти навстрѣчу желаніямъ рабочихъ и, главнымъ образомъ, чтобы подъ маской либерализма скрыть полицейскій характеръ закона, въ него внесены были другіе пункты, постановлявшіе, что книжка должна выдаваться «всякому рабочему, который ея потребуетъ», безъ всякихъ ограниченій; что она не должна заключать въ себѣ никакихъ лестныхъ или неблагопріятныхъ для ра-

бочаго отмѣтокъ; что по внесеніи надлежащихъ свѣдѣній «книжка выдается рабочему и остается у него на рукахъ», замѣняя въ случаѣ надобности видъ на жительство. Докладчикъ закона Бертранъ заявилъ, что правительство, издавая этотъ законъ, даетъ «новое доказательство своей любви къ рабочему классу», и выражалъ надежду, лестную для самого правительства, что врученіе книжки рабочему «укрѣпитъ чувство симпатіи рабочаго къ книжкѣ и доставитъ ей популярность, какой она до сихъ поръ не пользовалась».

Правительство обманулось въ своихъ расчетахъ: несмотря на нѣкоторыя уступки, полицейскіе замыслы слишкомъ ярко бросались въ глаза. Парижскіе рабочіе оказали закону довольно враждебный пріемъ. Фабриканты, у которыхъ отнималось право хранить книжки у себя, отказывались требовать ее у поступающихъ къ нимъ рабочихъ. А въ провинціи большая часть хозяевъ, рѣдко мѣняющая рабочихъ, не чувствовала въ ней никакой нужды.

Мы не станемъ останавливаться на повседневныхъ полицейскихъ придиркахъ, выпадавшихъ тогда на долю сознательныхъ рабочихъ. Выше мы уже говорили о томъ, какъ администрація и полиція безцеремонно относились къ личности обывателя въ теченіе всего этого періода. Такъ какъ республиканскіе и соціалистическіе кружки съ 1830 года пополнялись главнымъ образомъ городскими рабочими, то послѣдніе подвергались болѣе строгому надзору, чѣмъ какой бы то ни было другой общественный классъ. Императорское правительство слѣдило даже за ихъ нравственностью и умственными запросами. Это было то время, когда генеральный прокуроръ запретилъ газетѣ «Siècle» продолжать печатаніе фельетона, который своимъ описаніемъ оргій могъ возстановить бѣдные классы противъ богатыхъ; когда одинъ не совсѣмъ нормальный рабочій, угрожавшій своему привратнику «новымъ 1793 годомъ и повѣшеніемъ всѣхъ домовладѣльцевъ», былъ приговоренъ къ 4-хмѣсячному тюремному заключенію, несмотря на самые лестные отзывы своего хозяина.

Но всѣ эти мелочи, возмущавшія отдѣльныхъ сознательныхъ республиканцевъ, ничуть не задѣвали индифферентной массы, занятой обширными работами, увлеченной водоворотомъ веселой жизни новаго Парижа, чувствовавшей признательность къ императору и императрицѣ за ихъ щедрость и доброжелательность и снова потерявшей способность понимать тѣхъ, кто мечталъ о болѣе справедливомъ строѣ, и вмѣстѣ съ ними выступить на борьбу за свое собственное освобожденіе.

Вдобавокъ духовенство, вѣрный союзникъ императора, предоставляло къ его услугамъ всѣ находившіяся въ его распоряженіи средства для того, чтобы держать народъ въ темнотѣ и воспитывать изъ него покорныхъ слугъ и для Цезаря, и для Христа. Принцъ-президентъ сказалъ нѣкогда въ Бордо: „я хочу пріобщить къ религіи, къ морали и къ матеріальному довольству ту, пока еще многочисленную часть населенія, которая живя въ странѣ благочестія и вѣры, почти совершенно незнакома съ заповѣдями Христа“. Въ этихъ словахъ заключалась вся программа народнаго просвѣщенія вплоть до министерства Дюрюи. Когда послѣдній черезъ нѣсколько лѣтъ взялъ на себя трудную задачу реформировать народное образованіе, то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ абсолютной Имперіи онъ нашелъ его въ самомъ плачевномъ состояніи: „тысячи ком-

мунъ совершенно не имѣли женскихъ школъ; всѣ мелкія деревушки лишены были какихъ-бы то ни было учебныхъ заведеній; установленіе предѣльнаго количества учениковъ, допускавшихся въ школы безъ платы за право ученія, закрывало двери значительному числу дѣтей учебнаго возраста; другія дѣти рано оставляли школу, рискуя ничему полезному не научиться; школъ для взрослыхъ не было совершенно; сельскихъ библіотекъ также не существовало; на сто новобранцевъ приходилось 27 совершенно безграмотныхъ; народные учителя и учительницы находились въ самомъ жалкомъ положеніи; 5.000 учительницъ получали менѣе 400 франковъ въ годъ; а у нѣкоторыхъ изъ нихъ жалованіе не превышало 65 франковъ; учительницы совершенно не пользовались правомъ на пенсію, а изъ учителей ни одинъ не былъ обезпеченъ пенсіей, размѣръ которой достигалъ бы хотя одного франка въ день".

А между тѣмъ статистическія данныя какъ будто свидѣтельствовали объ извѣстномъ прогрессѣ въ сравненіи съ предыдущимъ періодомъ. Такъ, въ 1850 г. насчитывалось 60.579 начальныхъ школъ, а въ 1863 году—68.761. Но если мы ближе присмотримся къ тому, что скрывалось за этими цифрами, то дѣло нѣсколько измѣнится: мы убѣдимся, что церковь мало по малу кореннымъ образомъ измѣняла характеръ народнаго образованія.

Въ 1850 году насчитывалось 50.267 свѣтскихъ школъ (государственныхъ и частныхъ) и 10.412 церковныхъ (конгрегаціонистскихъ) школъ; въ 1863 году имѣлось 51.555 свѣтскихъ школъ и 17.206 духовныхъ. Итакъ, въ то время, какъ число свѣтскихъ школъ оставалось почти на прежнемъ уровнѣ, число духовныхъ школъ возросло въ огромной пропорціи. Этотъ ростъ, съ одной стороны, несомнѣнно, объясняется развитіемъ женскихъ школъ, которыя почти цѣликомъ находились въ завѣдываніи монахинь, такъ какъ въ нѣкоторыхъ департаментахъ свѣтскихъ учительницъ просто не хватало. Но съ другой стороны, церковь, пользуясь нѣкоторыми предоставленными ей льготами, вела ярую кампанію съ цѣлью „свернуть ко Христу всѣ юныя души" и снова овладѣть народнымъ сознаніемъ. Въ силу закона 1850 года, декрета 4 марта 1852 года и закона 14 іюня 1854 года, коммуны, въ случаѣ открытія вакансіи въ государственной школѣ, имѣли право высказаться за приглашеніе свѣтскаго или духовнаго учителя. Но Конгрегація не зѣвала. Въ монашескихъ школахъ, гдѣ учителя назначалось не администраціей, а пріоромъ ордена, почти никогда не имѣлось свободныхъ вакансій: захворавшій или скомпрометированный учитель немедленно замѣнялся другимъ. Напротивъ, всякій разъ, какъ умиралъ или выходилъ въ отставку народный учитель, конгрегація пускала въ ходъ все свое вліяніе, стараясь воздѣйствовать на мѣстнаго помѣщика, мэра, священника и церковныхъ служекъ, и овладѣвала деревней. Болѣе того, пользуясь широкой терпимостью государства. монахи изъ ордена „Братьевъ христіанскихъ школъ» повсюду открывали свои школы, въ особенности въ промышленныхъ мѣстностяхъ и въ фабричныхъ центрахъ, куда ихъ часто приглашали сами фабриканты, всячески помогавшіе имъ устроиться для того, чтобы съ ихъ помощью усыплять духъ недовольства среди рабочихъ массъ. Предоставленное имъ право брать помощника способствовало

пышному расцвѣту духовныхъ школъ. За 1850—63 годы свѣтскія школы (государственныя и частныя) пріобрѣли 376.080 учениковъ. а монашескія школы—588.000.

Процвѣтаніе Конгрегаціи шло параллельно съ развитіемъ духовныхъ школъ. Въ 1848 году орденъ „Братьевъ христіанскаго ученія“ насчитывалъ 3.690 членовъ; въ 1865 году число ихъ возросло до 7.726. Не менѣе быстро росло количество монахинь; въ періодъ 1839—48 онѣ могли открывать въ среднемъ 360 школъ ежегодно, а въ періодъ 1849—1857 онѣ открывали по 396 школъ въ годъ.

Итакъ, законъ 1850 года принесъ тѣ плоды, которыхъ отъ него ожидала католическая партія: „ужасные мелкіе риторы,“ и эмиссары революціи, т. е. народные учителя съ республиканскими или соціалистическими тенденціями, были выдворены вонъ изъ деревень и крупныхъ промышленныхъ центровъ. Торжество церкви обезпечивало вѣрноподданичество народа и его покорность.

Такимъ образомъ, система Второй Имперіи, эта система, представлявшая смѣсь угнетенія и заискиванія, дополнялась умственнымъ порабощеніемъ народныхъ массъ. Матеріальные интересы удовлетворялись въ предѣлахъ возможнаго, т. е. въ доступной для правительства мѣрѣ: умы же систематически усыплялись. И настолько велика была политическая усталость однихъ и неискоренимый страхъ другихъ, что вся нація примирилась съ этимъ режимомъ. Общественное мнѣніе исчезло, работа общественной мысли замерла. И подавляющее большинство французовъ теперь легко примирялось съ отсутствіемъ свободной печати и парламентской трибуны.

„Люди пьютъ, смѣются, поютъ и пируютъ....“,—восклицалъ поэтъ-мститель, описывая періодъ, наступившій послѣ государственнаго переворота. И эти слова вѣрно выражали тогдашнее настроеніе. „Все спало мертвымъ сномъ,—писалъ впослѣдствіи Пессаръ..—Въ глубокомъ болотѣ, пожирая кувшинчики и квакая въ честь своего императора, спокойно жилъ оскопленный народъ безъ воспоминаній о прошломъ и безъ стремленій къ будущему. Онъ не читалъ ничего и не слышалъ никакого голоса, который пришелъ бы напомнить ему объ его униженіи“. Бывшіе орлеанисты, старые доктринеры и поклонники свободы, которые безъ ненависти, терпѣливо и смиренно съ грустью наблюдали изъ своихъ ученыхъ кабинетовъ за новой Франціей и которымъ осталось одно только жалкое удовольствіе, то есть произнесеніе демонстративныхъ рѣчей при пріемѣ новыхъ членовъ въ Академію: Гизо, Барантъ, графъ Молэ, Сентъ-Олэръ, нарисовали въ своихъ письмахъ мрачную картину этого опустившагося общества. Гизо замѣчалъ вокругъ себя „сытое довольство безъ доброжелательности и безъ упованій“ (11 іюля 1852 г.). „Никто ничего не дѣлаетъ и ни о чемъ не думаетъ“,—снова пишетъ онъ черезъ нѣкоторое время. А Пакье заявляетъ: „нашему бѣдному французскому обществу осталось, кажется, возлагать упованіе только на всеблагое Провидѣніе“. „Въ настроеніи публики,—говоритъ снова Гизо (правда, нѣсколько позже, по случаю Итальянской войны),—не замѣчается никакого интереса къ политикѣ; публика не высказываетъ никакихъ сужденій о войнѣ, она не пытается изслѣдовать ни ея мотивовъ, ни ея послѣдствій; она просто присутствуетъ въ качествѣ наблюдательницы при занятномъ зрѣлищѣ, и веселость, которую она при

этомъ испытываетъ, перевѣшиваетъ чувство тревоги, смутно шевелящейся въ сердцѣ". Принципы исчезли. Правительство пользуется одобреніемъ различныхъ классовъ не въ качествѣ представителя какой-нибудь идеи, а просто потому, что оно способствуетъ расцвѣту въ дѣловой сферѣ. „Но такое радостное настроеніе позволяетъ предусматривать возможность взрыва всеобщаго недовольства при малѣйшей торговой заминкѣ, при малѣйшемъ поворотѣ общественнаго мнѣнія въ другую сторону". Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣднее обстоятельство позволяло побѣжденнымъ старымъ парламентскимъ дѣльцамъ питать нѣкоторыя надежды; но имъ приходится все-таки отмѣтить, что „матеріальные интересы обезпечены хорошо".

Но достаточно ли одного матеріальнаго довольства? Само министерство Гизо, Гизо до его либеральнаго покаянія, доказало обратное. Всѣмъ памятны грозныя слова Ламартина: «Франція скучаетъ». Нельзя допускать, чтобы эта богатая духомъ нація скучала; Францію необходимо развлекать. И вотъ организація развлеченій тоже входитъ въ программу Второй Имперіи: кромѣ хлѣба необходимо доставить народу зрѣлища.

Чтобы занимать праздное общественное мнѣніе, существуетъ дворъ, торжественныя празднества и вся мишура императорскаго блеска. Еще во времена президентства открыта была эра празднествъ. Ясно, что императоръ не можетъ оставить невыполненными обѣщанія президента. Поселившись, подобно своему дядѣ славной памяти, въ Тюильрійскомъ дворцѣ и обезпечивъ себя по его примѣру цивильнымъ листомъ въ 25 милліоновъ, Наполеонъ III рѣшилъ завести себѣ свою знать, высокихъ сановниковъ, однимъ словомъ, настоящій дворъ: маршалы Франціи (фельдмаршалы), великій дворцовый маршалъ, оберкамергеръ, оберъ-шталмейстеръ, оберегермейстеръ и придворный духовникъ окружаютъ его державу ореоломъ величія. Съ блескомъ соединяется изящество. Лишенный возможности сочетаться бракомъ съ какой нибудь принцессой изъ дома Гогенцоллерновъ или Ваза и получившій отказъ на свои предложенія, императоръ женился на дѣвицѣ Евгеніи Монтихо, происходившей изъ испанской дворянской семьи. Новая императрица была хороша собой, она умѣла принимать и вообще отличалась свѣтскими талантами. Чтобы завоевать себѣ популярность, ей слѣдовало бы, пожалуй, быть не такой ярой ультрамонтанкой, но въ разсматриваемое время такихъ требованій къ ней еще не предъявлялось. Празднества занимаютъ вниманіе общества. Въ теченіе зимы 1853 года и весны 1854 года ихъ великолѣпіе даетъ пищу газетчикамъ, ищущимъ матеріала. Въ 1854 году они возобновляются и тянутся безъ перерыва. Кое-кто, конечно, ропщетъ: время-ли теперь задавать балы, можно-ли забывать о войнѣ, холерѣ и наводненіяхъ? „Монитёръ" берется отвѣтить недовольнымъ; при этомъ онъ приводитъ замѣчательный аргументъ: «расходы на большой балъ обратно падаютъ въ видѣ золотого дождя на всѣ отрасли промышленности». Портные, декораторы и садовники соперничаютъ другъ съ другомъ и даже устраиваютъ конкурсы; иностранные гости стекаются со всѣхъ сторонъ въ Тюильрійскій дворецъ къ изумленію зѣвакъ и читателей „Монитёра." Дворъ задаетъ тонъ, и вотъ во всѣхъ префектурахъ начинаютъ танцовать и пировать. Провинціальное „общество" впослѣдствіи еще долго съ сожалѣніемъ вспоминало то славное времячко, когда можно было вдоволь поплясать. Настоящіе аристократы могли сколько

угодно смѣяться надъ чопорной степенностью и всѣмъ тономъ этого двора; ихъ критическія замѣчанія не переступали порога ихъ салоновъ. Общество веселится—и этого довольно.

Но какъ ни разнообразились программы празднествъ, въ концѣ концовъ они бы надоѣли—и вотъ императору приходится дать французамъ послѣднее удовлетвореніе. Онъ долженъ дать имъ то, чего они требуютъ въ теченіе цѣлаго вѣка, то, чего не умѣлъ имъ дать Луи-Филиппъ и чего они ждутъ отъ Наполеона: внѣшнюю славу, удовлетвореніе національнаго самолюбія.

Императору очень хотѣлось добиться единодушнаго одобренія государственнаго переворота отъ всѣхъ великихъ націй; онъ мечталъ также о томъ, чтобы папа короновалъ его въ Парижѣ. Ни того, ни другого онъ не добился. Зато клерикальныя притязанія доставили ему удобный случай прославиться; воспользовавшись благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, онъ выступилъ наконецъ въ роли европейскаго арбитра къ вящщей славѣ французской націи. Внѣшняя политика сыграла слишкомъ важную роль въ судьбѣ Второй Имперіи, чтобы мы могли обойти молчаніемъ ея первые шаги.

* * *

Первый случай для открытаго выступленія въ области международной политики доставила Второй Имперіи внѣшняя политика католической партіи. Новый императоръ могъ въ глубинѣ души предаваться мечтаніямъ о грядущихъ судьбахъ европейскихъ націй. Но въ то время, когда онъ вступалъ на престолъ, когда отдѣльныя государства, настроенныя подозрительно и тревожно, не рѣшались признать его или признавали его только скрѣпя сердце, для него крайне важно было какъ-нибудь не скомпрометировать себя неосторожнымъ шагомъ. Онъ во всеуслышаніе объявилъ, что Имперія преслѣдуетъ исключительно мирныя цѣли, но необходимо было придать этой Имперіи, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеоновской Имперіей, „колоссальное значеніе національнаго величія“, связанное съ ея именемъ. Въ какой формѣ выразится Наполеоновскій реваншъ и какимъ образомъ будутъ наконецъ уничтожены трактаты 1815 года, противъ которыхъ направлена была революція 1830 года и которые къ своему несчастію не сумѣла расторгнуть монархія Орлеановъ? Въ первое время послѣ государственнаго переворота никто не могъ этого предвидѣть, тѣмъ болѣе, что Европа еще не успѣла придти въ равновѣсіе послѣ пережитыхъ ею революціонныхъ потрясеній. Но во Франціи католическая партія требовала награды. Она требовала, чтобы новое правительство во внѣшней политикѣ, какъ и во внутренней, слѣдовало ея взглядамъ. И прежде всего необходимо было уступить ея желанію.

Впрочемъ, она просто требовала дальнѣйшаго продолженія политики, примѣнявшейся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ: вмѣшательство Франціи въ дѣла Римской республики уже ясно показало, въ чьихъ интересахъ дѣйствуетъ французская дипломатія и французское оружіе. Однако на этотъ разъ дѣло шло уже не о Римѣ. Католическій міръ взволнованъ былъ споромъ о святыхъ мѣстахъ. „Поповская свара“!—говорили дипломаты;

а другіе прибавляли, что игра „не стоитъ свѣчъ“. А между тѣмъ она вызвала знаменитую войну.

На основаніи договора 1740 года султанъ предоставилъ Франціи, покровительницѣ латинянъ въ Турецкой Имперіи, охрану святыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ и внѣ его, и католическіе монахи владѣли ими на основаніи безспорнаго права. Но постепенно православные, пользовавшіеся покровительствомъ Россіи, начали въ значительномъ числѣ селиться вокругъ святыхъ мѣстъ; греческіе монахи поддерживали въ цѣлости, а иногда даже реставрировали святыни, покинутыя католиками; султаны же, не заботясь о противорѣчіи, признали также и за ними исключительное право на святыя мѣста. Эти уступки сдѣланы были православнымъ въ 1812, 1816 и 1829 годахъ. Какимъ же образомъ могло случиться, что черезъ 20 или 30 лѣтъ этотъ вопросъ снова выплылъ на свѣтъ Божій?

Удивляться этому можно только въ томъ случаѣ, если не имѣть понятія о томъ широкомъ движеніи, которое охватило католическій міръ въ срединѣ XIX столѣтія, и если забыть о клерикальномъ происхожденіи Второй Имперіи.

Не слѣдуетъ забывать, что съ 1830 года, съ момента вступленія на папскій престолъ Григорія XVI, бывшаго прелата Пропаганды, католическая церковь энергично принялась за расширеніе своего вліянія во всемъ мірѣ и за борьбу на жизнь и на смерть съ либеральными идеями. Въ 1822 году въ Ліонѣ основано было общество для распространенія вѣры, которое ежегодно доставляло 3 милліона на это дѣло: папа понялъ, что это общество представляетъ серьезную силу, и постарался его использовать. Денежныя средства доставлялись также Обществомъ Святого Младенчества, созданнымъ для Китая монсеньеромъ Паризи. Кромѣ того французскіе католики доставили папству обширный контингентъ миссіонеровъ и монахинь: іезуитовъ, доминиканцевъ, лазаристовъ, Отцовъ Святаго Духа, проповѣдниковъ при миссіяхъ, эдистовъ, сестеръ милосердія, дѣвъ Сіона и т. д., которые, особенно въ періодъ 1830—1845 основывали „христіанскія общины“ или епископства во всѣхъ частяхъ свѣта. Лазаристы взяли себѣ Турцію и Персію; орденъ иностранныхъ миссій—Китай; маристы захватили Океанію; а іезуиты Сирію.

Но если новыми ревнителями вѣры сдѣлались главнымъ образомъ французы, если именно они доставляютъ католицизму апостоловъ и денежныя средства, то можетъ ли вся Франція и представляющее ее правительство проявлять индифферентизмъ къ этому дѣлу? Не должна ли пропаганда католицизма итти рука объ руку съ расширеніемъ французскихъ владѣній? Развѣ не въ этомъ заключается традиціонная миссія Франціи, Франціи Людовика Святого и Людовика XIV, этой старѣйшей дщери католической церкви? Старый девизъ Gesta Dei per Francos, „дѣйствіе божества черезъ посредство французовъ“, долженъ снова воплотиться въ жизнь. Уже въ 1841 году Лакордэръ напоминаетъ Франціи о ея призваніи.

Эмиль Буржуа, который въ своемъ „Руководствѣ внѣшней политики“ отмѣтилъ важное значеніе всего этого движенія, сгруппировалъ значительное число относящихся сюда документовъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія относительно намѣреній и взглядовъ католической партіи того времени. «Возблагодаримъ,—писалъ напримѣръ

Корреспондентъ, журналъ, который съ 1803 года велъ кампанію въ пользу распространенія католицизма съ помощью Франціи,—возблагодаримъ правительство за то, что оно поняло, что только религія можетъ доставить величіе государству. Наряду съ этимъ, какое значеніе для католическихъ интересовъ во всемъ мірѣ и для нераздѣльно связанныхъ съ ними интересовъ французской національности можетъ имѣть то обстоятельство, что парламентская сессія обезпечитъ торжество тому или иному политическому дѣятелю?»—«Пусть Франція,—говорилъ тотъ же журналъ,—ищетъ всегда славы Божіей, а при этомъ ея собственная слава навѣрно приложится». Монталамберъ и Фаллу съ 1850 до 1856 года не переставали прославлять великій крестовый походъ, увлекавшій французовъ, а Фаллу восхвалялъ «тотъ великій христіанскій либерализмъ, который французы распространяли по всему свѣту», и который возбуждалъ повсюду столь благородныя надежды.

Вопросъ о святыхъ мѣстахъ, поднятый въ маѣ 1850 года принцемъ-президентомъ въ угоду католикамъ Законодательнаго Собранія, доставилъ послѣднимъ удобный случай развить свои взгляды. «Не слѣдуетъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—принижать этотъ вопросъ до ничтожныхъ размѣровъ мѣстнаго спора. Онъ задѣваетъ религію Франціи и ея вѣрованія. Онъ напоминаетъ ей о славнѣйшихъ традиціяхъ ея исторіи. Ея благосостояніе, ея политика и то мѣсто, которое она занимаетъ въ мірѣ, дѣлаютъ для нея обязательнымъ разрѣшеніе этого вопроса».

Такъ разсуждалъ клерикальный націонализмъ (мы не можемъ подобрать болѣе точнаго термина для характеристики этого направленія). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ націоналистической идеей величія Франціи и національной славы, проявляющейся въ безпрерывномъ вмѣшательствѣ французскаго оружія въ дѣла иностранныхъ государствъ и въ безграничномъ расширеніи французскаго вліянія, мы имѣемъ дѣло съ народной традиціей всей первой половины XIX вѣка, на этотъ разъ отданной въ услуженіе католическимъ притязаніямъ.

Новая власть, пріобрѣтенная Наполеономъ въ результатѣ государственнаго переворота и плебисцитовъ, а съ другой стороны—необходимость для него союза съ католиками должны были возбудить въ послѣднихъ самыя радужныя надежды. И дѣйствительно, развѣ могъ государь, связанный столькими обязательствами по отношенію къ церкви, отказаться отъ поддержки новаго крестоваго похода?

Однако Луи-Наполеонъ надѣялся, что ему удастся удовлетворить католиковъ, не пускаясь въ крестовый походъ. Когда въ началѣ 1852 г. французскому посланнику въ Константинополѣ Лавалетту переданы были три ключа отъ Виѳлеемскаго храма, что обезпечивало православнымъ и католикамъ совмѣстное пользованіе святыми мѣстами, Наполеонъ приказалъ ему удовольствоваться этимъ успѣхомъ. Казалось, что инцидентъ исчерпанъ, но на самомъ дѣлѣ ему суждено было завести новое правительство гораздо дальше, чѣмъ оно того хотѣло.

На сцену выступила Россія. Расширеніе католической пропаганды возбудило соревнованіе православныхъ. Царь почувствовалъ, что онъ долженъ дать какое нибудь удовлетвореніе религіознымъ вѣрованіямъ и національному самолюбію своего народа. Онъ далъ понять Турціи, что не намѣренъ признать уступокъ, сдѣланныхъ ею католикамъ, а турецкое правительство втайнѣ увѣрило его, что оно считаетъ ихъ недѣйствитель-

ными. Это произошло ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ оно сдѣлало эти уступки Франціи (въ мартѣ 1852 года).

Въ сентябрѣ 1853 года въ святыхъ мѣстахъ дѣло чуть было не дошло до рукопашной между латинянами и греками, причемъ каждая сторона ссылалась на противорѣчивыя уступки Турціи. Но турецкій комиссаръ, повидимому, высказался въ пользу католиковъ.

Тогда русское правительство, расчитывая на благожелательный нейтралитетъ торійскаго министерства Англіи, а въ случаѣ нужды и на прямую помощь со стороны Австріи, рѣшилось 1 марта 1852 г. на громкую демонстрацію. Въ Турцію отправленъ былъ чрезвычайный посолъ князь-адмиралъ Меньшиковъ, который высадился въ Константинополѣ съ большой помпой, встрѣченный бурными ликованіями всѣхъ православныхъ, привѣтствовавшихъ въ его лицѣ царя-освободителя. Онъ говорилъ съ оробѣвшими турками повелительнымъ тономъ, низвергнулъ министра Фуада-пашу, который провинился въ томъ, что обманулъ Россію, и вскорѣ представилъ новому министру проектъ договора, по которому Россіи оффиціально предоставлялся протекторатъ надъ всѣмъ православнымъ населеніемъ Турецкой Имперіи (31 марта 1853 года).

До этой выходки Меньшикова правительство Наполеона III считало миръ возможнымъ и въ интересахъ его сохраненія выказывало даже готовность пойти на нѣкоторыя уступки. Въ придворныхъ сферахъ, группировавшихся вокругъ умнаго министра иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люиса, съ презрительной насмѣшкой относились къ трубнымъ звукамъ католическихъ газетъ и рѣшительно отвергали намѣреніе завоевать Іерусалимъ или идти на ссору съ Россіей изъ-за вопроса о святыхъ мѣстахъ. Императору, конечно, очень хотѣлось доставить своимъ католическимъ друзьямъ видимость славы путемъ дипломатическихъ соглашеній, но онъ никакъ не могъ согласиться на войну: обѣщаніе мирной Имперіи было еще слишкомъ свѣжо.

Но могъ ли онъ оставить безъ отвѣта вызовъ, брошенный ему Николаемъ I? Могъ ли онъ, наслѣдникъ наполеоновской традиціи, перенести такой афронтъ? Могъ ли членъ династіи Бонапартовъ допустить посягательство на честь французскаго имени, не утративъ вмѣстѣ съ тѣмъ сразу всей своей популярности? Конечно, нація хотѣла внутренняго порядка и спокойствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ она хотѣла также достойнаго и славнаго международнаго положенія. 20 марта 1853 года Наполеонъ приказалъ своему флоту выйти изъ Тулона и ждать дальнѣйшаго хода событій въ Саламинскихъ водахъ.

Продемонстрировавши такимъ образомъ свою силу и удовольствовавшись этой демонстраціей, онъ предоставилъ французскому посольству продолжать въ Константинополѣ дипломатическіе переговоры и, если возможно, принять мѣры къ мирному улаженію возникшаго конфликта. И дѣйствительно, 18 мая, черезъ нѣсколько недѣль послѣ этой тревоги, можно было еще надѣяться на сохраненіе мира: съ одной стороны, султанъ нѣсколько съузилъ уступки, сдѣланныя католикамъ, съ другой — онъ ограничился гарантіей свободнаго исповѣданія православной вѣры въ Турецкой Имперіи. Католики и православные пошли на взаимныя уступки.

Но черезъ три дня наступилъ разрывъ. Министръ-примиритель былъ низвергнутъ, а замѣнившій его у власти Решидъ-Паша и слышать не

хотѣлъ ни о какихъ уступкахъ. Взбѣшенный Меньшиковъ выѣхалъ обратно въ Петербургъ, а 31 мая Николай I отправилъ Турціи ультиматумъ. Эта восточная буря вызвана была ловкими интригами англійскаго посланника лорда Стратфорда Редклифа, упорно боровшагося съ русскимъ вліяніемъ и увѣрившаго султана, что Англія окажетъ Турціи безусловную поддержку.

Тогда въ исторіи Европы наступилъ замѣчательный моментъ. Объявленіе войны немедленно пробудило всѣ національныя традиціи и всѣ партійныя страсти. Англійское общественное мнѣніе требовало немедленнаго вмѣшательства въ пользу турокъ; во Франціи республиканцы вродѣ Кинэ возмущались тѣмъ, что правительство не принимаетъ мѣръ къ очищенію Дуная отъ русскихъ войскъ; а католики заранѣе потирали руки и восторгались «конфликтомъ, который Провидѣніе подготовило для торжества цивилизаціи и христіанства».

Какъ разъ въ этотъ моментъ европейскіе дипломаты съ французскими во главѣ дѣлали послѣднее отчаянное усиліе для предупрежденія войны! Можно подумать, что они какъ бы смутно предчувствовали тѣ неисчислимыя послѣдствія, которыя эта война должна была имѣть для грядущихъ судебъ Европы.

Воспользовавшись посредничествомъ Австріи, они снова убѣдили Россію взять обратно свой ультиматумъ и признать ноту, предложенную Меньшикову 13 мая. Но напрасно они, опираясь на согласіе Россіи, пытались теперь убѣдить Турцію согласиться на принятіе этой ноты: Решидъ-Паша подстрекалъ султана къ упорному сопротивленію. Въ туркахъ проснулся мусульманскій фанатизмъ; улемы проповѣдывали священную войну; армія была реорганизована. И несмотря на публичное заявленіе своего правительства и на мирныя усилія всей Европы, сэръ Редклифъ, «этотъ зловредный дипломатъ», какъ назвалъ его Тувенель, продолжалъ утверждать, что Англія поддержитъ Турцію. Въ виду этого турецкое правительство заявило, что право покровительства христіанской вѣрѣ во всѣхъ владѣніяхъ султана принадлежитъ исключительно ему одному.

Послѣ этого въ октябрѣ 1853 года началась война. Теперь Россія требовала, чтобы ей предоставленъ былъ протекторатъ надъ всѣми православными подданными султана. Съ самаго начала войны французскій и англійскій флоты, какъ это и предвидѣлъ сэръ Редклифъ, вошли въ Босфоръ для зашиты Константинополя. Франція и Англія не могли допустить посягательства на неприкосновенность Оттоманской Имперіи! 30 ноября турецкій флотъ въ Синопѣ былъ разгромленъ русскимъ флотомъ. Европейское общественное мнѣніе было крайне взволновано этой катастрофой, которая, по его убѣжденію, явно свидѣтельствовала о намѣреніи Россіи уничтожить Турецкую державу. Наполеонъ III почувствовалъ себя задѣтымъ въ своей чести. 20 декабря обоимъ флотамъ, англійскому и французскому, приказано было войти въ Черное море. Еще нѣсколько недѣль продолжались послѣдніе переговоры, и въ началѣ марта 1854 года Франція и Англія объявили Россіи войну. Въ маѣ 1854 года 60 тысячъ англо-французскихъ войскъ высадились въ Галлиполи.

Къ этому моменту прошло ровно четыре года съ тѣхъ поръ, какъ Луи-Наполеонъ поднялъ вопросъ о святыхъ мѣстахъ, и два года съ тѣхъ

поръ, какъ дипломатія Наполеона III, очутившись между русскимъ фанатизмомъ, проснувшимся благодаря ея промахамъ,—съ одной стороны, и англійскими притязаніями—съ другой, пыталась съ помощью почетнаго и даже славнаго мира, но безъ войны выбраться изъ осинаго гнѣзда, въ которое ее завели притязанія католической партіи. Но если французскіе дипломаты, окружавшіе императора, прекрасно сознавали весь рискъ этой войны и колебались, то французское общественное мнѣніе, приниженное и развращенное всей политической системой Второй имперіи, высказывалось за нее. Французы дошли до того, что неспособны были испытывать никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ нелѣпыхъ припадковъ «національнаго самолюбія». «Тщетно,—говоритъ Буржуа,—тщетно мы станемъ искать въ манифестѣ, прочитанномъ по приказу императора 3 марта 1854 года въ Законодательномъ Корпусѣ, хотя бы малѣйшаго указанія на выгоды, подобныя тѣмъ, которыхъ ожидала отъ этого предпріятія Англія». Чтобы оправдать свою затѣю, Наполеонъ III, апеллировалъ къ націоналистическимъ чувствамъ, онъ обращался то къ республиканцамъ, ненавидѣвшимъ русскихъ казаковъ, разрушителей нашей національной славы, вызывая такимъ образомъ одобреніе со стороны Барбеса и Шалена; то къ клерикальнымъ націоналистамъ, съ негодованіемъ взиравшимъ на то, что *ихъ* императоръ отказывается продолжать политику, «которую испоконъ вѣковъ проводили на востокѣ всѣ національныя правительства". Честь націи—таковъ былъ аргументъ, на который ссылался Наполеонъ III, заранѣе учитывавшій всю популярность, которая выпадетъ на долю его правительства. «Нигдѣ,—сказалъ одинъ саксонскій дипломатъ,—нигдѣ внѣшняя политика не зависитъ въ такой степени отъ внутренней, какъ во Франціи, и никто не зналъ этого лучше Наполеона III». Эти слова были сказаны именно въ разсматриваемое время, и никогда они не были такъ вѣрны.

Въ нашу задачу не входитъ описаніе кровавой войны, происходившей тогда въ Крыму. Англія, раскрывая свои карты, предложила Наполеону въ мартѣ 1854 года отправить экспедицію въ Крымъ и Финляндію: для нея дѣло шло объ уничтоженіи морскихъ силъ Россіи, а для наполеоновской арміи это была бы военная прогулка въ поискахъ за славой. — Въ Балтійскомъ морѣ союзный флотъ остановился у Аландскихъ острововъ. Съ другой стороны, войска, высаженныя въ маѣ въ Галлиполи, были перевезены въ Крымъ тол ко въ сентябрѣ. Ряды ихъ были опустошены холерой; и имъ пришлось начать свой «походъ арганавтовъ» глубокой осенью, подъ огнемъ неприступной крѣпости, въ которую русскіе превратили Севастополь. Чтобы подготовить осаду города и обезпечить проведеніе аппрошей, пришлось дать нѣсколько кровопролитныхъ сраженій; при Альмѣ, Балаклавѣ (25 октября) и Инкерманѣ (5 ноября). Тяжесть борьбы съ противниками, защищавшимися съ мужествомъ отчаянія, усугублялась трудностями доставки провіанта и фуража.

Пока на театрѣ войны развертывались военныя дѣйствія, дипломаты не сидѣли сложа руки. Въ іюлѣ 1854 года одно время можно было думать, что Австрія готова принять участіе въ войнѣ со стороны Россіи. Но «удививши весь міръ своей неблагодарностью», она напротивъ принудила царя очистить дунайскія княжества отъ русскихъ войскъ. Она сама замышляла овладѣть ими, и одно время даже казалось, что война грозитъ сдѣлаться всеобщей.

Но тогда на сцену выступилъ Бисмаркъ, въ то время еще мало извѣстный дипломатъ, начинавшій играть вліятельную роль среди приближенныхъ прусскаго короля. Онъ понималъ, что нельзя позволить Австріи, унизившей Пруссію въ Ольмюцѣ и возстановившей свою гегемонію въ Германіи, одержать новыя побѣды на Востокѣ. Въ то время какъ она, по соглашенію съ морскими державами, посылала Россіи нѣчто вродѣ ультиматума, Бисмаркъ сумѣлъ объединить противъ нея всѣ мелкія нѣмецкія государства, враждебно относившіяся къ усиленію Австріи; противопоставивъ ей оппозицію Германскаго союза, онъ принудилъ ее отказаться отъ вмѣшательства въ военныя операціи (октябрь 1854 года). За это русское правительство прониклось признательностью къ Пруссіи, а императоръ французовъ, совершенно не разобравшись во всей этой интригѣ, остался недоволенъ только Австріей. Все это только помогло Пруссіи сразу выдвинуться въ качествѣ великой державы.

Въ то же время въ качествѣ европейской державы выдвинулось еще одно государство. Желаніе раздобыть новыя войска для овладѣнія Севастополемъ, а съ другой стороны, мысль оказать давленіе на Австрію и побудить ее къ войнѣ путемъ обращенія за помощью къ одному изъ ея противниковъ, побудили Англію и Францію обратиться къ Сардиніи съ предложеніемъ союза и присылки своихъ войскъ противъ Россіи. Кавуръ сразу понялъ всю выгоду, которую этотъ союзъ сулилъ его отечеству. Онъ убѣдилъ своего короля рѣшиться на этотъ шагъ, и въ январѣ 1855 года Сардинія подписала договоръ съ морскими державами. Съ помощью англійской субсидіи на востокъ отправленъ былъ сардинскій военный корпусъ.

Тѣмъ временемъ война затянулась: нейтралитетъ Австріи лишилъ союзниковъ возможности произвести необходимую диверсію на Дунаѣ; а осада Севастополя съ каждымъ днемъ становилась все труднѣе и труднѣе. Наполеонъ III негодовалъ противъ Австріи и подумывалъ о ея наказаніи; одно время онъ собирался лично отправиться въ Крымъ, для того чтобы принять командованіе надъ арміей (февраль—мартъ 1855 г.). Съ другой стороны, Друэнъ-де-Люисъ, понимая, что для Франціи крайне невыгодно ссориться съ Австріей и унижать ее передъ лицомъ Пруссіи и Италіи, пытался въ Вѣнѣ добиться возможно скорѣйшаго заключенія мира и убѣдилъ самого императора въ цѣлесообразности этой политики. Одно время въ началѣ мая онъ, казалось, почти успѣлъ добиться своего. Дѣло въ томъ, что во время переговоровъ, происходившихъ съ начала 1854 года, Англія, Франція и Австрія предлагали Россіи слѣдующія условія («четыре пункта»): свобода плаванія по Дунаю; отмѣна русскаго протектората надъ Дунайскими княжествами; отказъ отъ особаго покровительства православному населенію Турецкой Имперіи; ограниченіе русскихъ силъ на Черномъ морѣ. Россія всегда заявляла, что она не можетъ согласиться на послѣдній пунктъ. Въ апрѣлѣ 1855 года Друэнъ-де-Люисъ принужденъ былъ подать въ отставку. Такимъ образомъ, въ силу рѣшенія Наполеона III, Австрія должна была выйти изъ всѣхъ этихъ переговоровъ совершенно униженной.

Но это равносильно было продолженію войны, ложившейся тяжкимъ бременемъ на страну. Императору пришлось потребовать отъ палатъ подкрѣпленія въ 150.000 солдатъ и ассигновки 700 милліоновъ. А между

тѣмъ въ награду за эти жертвы слава приходила довольно туго. Нѣкоторые начинали даже признавать всю эту войну глупой затѣей; императору самому надоѣло дожидаться громкихъ успѣховъ, на которые онъ разсчитывалъ и которые не приходили. Смерть Николая I (въ мартѣ) не ослабила мужества русскихъ, которые продолжали сопротивляться съ прежней энергіей.

Наконецъ, 8 сентября 1855 года союзники послѣ удачнаго штурма овладѣли Севастополемъ. Наперекоръ усиліямъ Кавура и Пальмерстона, Наполеонъ III стоялъ за заключеніе мира; а Австрія снова выступила въ качествѣ посредника между нимъ и Россіей. 16 января 1856 года, послѣ угрозы австрійскаго посланника Эстергази потребовать свои паспорта, царь по совѣту прусскаго короля уступилъ.

Рѣшено было созвать конгрессъ для окончательнаго регламентированія Восточнаго вопроса. Въ виду преобладающей роли, сыгранной французскими дипломатами во время войны и во время переговоровъ, происходившихъ въ Вѣнѣ, конгрессъ состоялся въ Парижѣ.

Такъ какъ переговоры велись уже давно, то конгрессъ успѣлъ выполнить свою задачу легко и быстро. Въ два дня, 28 февраля и 1 марта 1856 года, были приняты два пункта: отмѣна русскаго протектората надъ Дунайскими княжествами и гарантія турецкаго суверенитета европейскими державами. Севастополь и Аландскіе острова возвращены были Россіи, но послѣдней не разрѣшалось впредь возводить тамъ никакихъ укрѣпленій. 4 марта былъ разработанъ самый щекотливый пунктъ: Черное море торжественно было признано нейтральнымъ. Наконецъ, 6 марта установлена была свобода плаванія по Дунаю подъ контролемъ международной комиссіи. Англія добилась своей цѣли, и Пальмерстонъ могъ объявить миръ „хорошимъ, превосходнымъ и выгоднымъ“.

Съ своей стороны, французы и ихъ императоръ также были довольны. Первые радовались тому, что Парижскій конгрессъ вознаградилъ ихъ за униженіе, испытанное въ 1840 году; не безъ чувства гордости они сравнивали новый конгрессъ, на которомъ торжественно предсѣдательствовалъ племянникъ, съ конгрессомъ 1815 года, когда побѣдоносная Европа раздавила Францію Наполеона I и Великой Революціи. Императоръ также былъ счастливъ. 16 марта императрица подарила ему сына, а европейскій миръ, удачно заключенный 30 марта подъ его покровительствмъ, обезпечивалъ будущность его династіи. „Въ нашей національной исторіи,—замѣтилъ одинъ наблюдатель, — были эпохи болѣе славныя съ военной точки зрѣнія, но я не знаю ни одной, когда бы правительство нашей страны окружено было большимъ почетомъ и уваженіемъ иностранныхъ государствъ“.

Теперь вся Европа признала и прославляла Наполеона; и упоенная славой Франція, казалось, забыла про декабрьскіе дни.

* * *

Открывая 16 февраля 1857 года послѣднюю сессію Законодательнаго Корпуса, выбраннаго въ 1852 году, императоръ могъ резюмировать значеніе истекшаго пятилѣтія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Гос-

пода депутаты,—говорилъ онъ,—въ виду того, что эта сессія является послѣдней сессіей вашего призыва, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за преданное и дѣятельное содѣйствіе, которое вы оказывали мнѣ съ 1852 года. Вы провозгласили имперію; вы приняли участіе въ выработкѣ всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ возстановленію порядка и благосостоянія въ странѣ; вы оказали мнѣ энергическую поддержку во время войны; вы раздѣляли мою скорбь въ годину эпидеміи и недорода; вы раздѣляли мою радость, когда небо послало мнѣ славный миръ и любезнаго сердцу моему сына; ваше лойяльное содѣйствіе позволило мнѣ водворить во Франціи режимъ, основанный на пожеланіяхъ и интересахъ народа. Пріучить страну къ новымъ учрежденіямъ было трудной задачей, для выполненія которой требовался истинный патріотизмъ. Замѣнить распущенность трибуны и возбуждающіе споры, приводившіе къ паденію или возвышенію министерствъ, свободными, но спокойными и серьезными преніями, было глубокой заслугой передъ страной и передъ самой свободой, ибо самыми опасными врагами свободы являются увлеченія страсти и рѣзкость выраженій.

„Опираясь на содѣйствіе высшихъ государственныхъ учрежденій и на преданность арміи, опираясь, главнымъ образомъ, на поддержку народа, который знаетъ, что всѣ мои минуты посвящены его интересамъ, я съ надеждой смотрю на будущее нашего отечества. Франція, не нарушая ничьихъ правъ, снова заняла въ мірѣ подобающее ей мѣсто и съ увѣренностью можетъ приступить къ выполненію всѣхъ великихъ дѣлъ, которыя можетъ свершить геній міра. Пусть Господь не оставитъ ее своимъ покровительствомъ, и скоро про нашу эпоху можно будетъ сказать то, что одинъ государственный дѣятель, знаменитый національный историкъ, писалъ о Консульствѣ: „довольство царило повсюду, и всѣ тѣ, въ чьихъ сердцахъ не было мѣста дурнымъ партійнымъ страстямъ, были счастливы общимъ благосостояніемъ“.

Счастливые народы не имѣютъ исторіи. Казалось, что бурная исторія Франціи пріостановила свое теченіе. Казалось, что недавно еще столь дѣятельныя политическія партіи, что противоположные классы, кровавая борьба которыхъ потрясала всѣ сердца въ іюнѣ 1848 года, что рабочія массы, бурно волновавшіяся въ предчувствіи своего будущаго, что всѣ эти буйные элементы сразу успокоились по приказу Наполеона.

Истина же заключалась въ томъ, что въ тотъ моментъ, когда возстановленная республиканская партія начала въ странѣ удачную пропаганду, когда городскіе рабочіе, ознакомившись съ практикой ассоціаціи, могли снова надѣяться на близкое освобожденіе, когда даже крестьяне начали примиряться съ остальными пролетаріями, принцъ-президентъ, искусно играя классовыми страстями и злоупотребивъ довѣренной ему властью, наложилъ свою руку на Францію. Усталость однихъ и страхъ другихъ были настолько велики, что система насилія, угнетенія и лицемѣрныхъ уступокъ, съ помощью которой онъ какъ бы пріостановилъ нормальную эволюцію партій и классовъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Онъ не зналъ другой заботы, кромѣ укрѣпленія своей власти и будущности своей династіи. Чтобы обезпечить будущность своей династіи, онъ подвергъ казнямъ и преслѣдованіямъ республиканцевъ, которые способны были нарушить наполеоновскій миръ. Чтобы обезпечить будущность

своей династіи, онъ старался дать всѣмъ матеріальное удовлетвореніе— буржуазіи хорошія дѣла, рабочимъ обширныя общественныя работы и дешевый хлѣбъ,—онъ старался разжечь въ однихъ предпринимательскую горячку и возбудить въ другихъ опасеніе за свое положеніе. Наконецъ, чтобы обезпечить будущность своей династіи, онъ искалъ славы на поляхъ битвы въ Крыму, разжигалъ національное самолюбіе французовъ и старался использовать честолюбивыя стремленія различныхъ европейскихъ націй.

Но кто можетъ льстить себя надеждой, что ему удастся постоянно обуздывать или направлять въ своихъ интересахъ могучія силы исторіи, классовыя стремленія и національныя надежды? Въ этомъ заключалась трагедія Второй Имперіи. Въ одинъ прекрасный день эти силы въ своемъ стихійномъ развитіи рѣзко обратились противъ династіи, которая претендовала ихъ реулировать. И тогда династія была побѣждена.

ГЛАВА III.

Первые симптомы крушенія.

Какимъ образомъ могла возобновиться борьба за свободу при господствѣ произвола и лицемѣрія? Какимъ образомъ пролетаріи, разбитые въ іюнѣ 1848 года, пострадавшіе также и даже больше всѣхъ другихъ пострадавшіе въ декабрѣ 1851 года, могли снова начать борьбу за освобожденіе своего класса? Вотъ вопросы, на которые долженъ попытаться дать отвѣтъ соціалистическій историкъ этой эпохи.

Даже въ періодъ торжества Наполеона III сохранилась республиканская партія и не исчезли пролетаріи, оставшіеся вѣрными своему идеалу. Въ эпоху Консульства и Первой Имперіи многіе якобинцы пошли за счастливой звѣздой Бонапарта. Второй же Имперіи, несмотря на всѣ ея усилія, не удалось привлечь на свою сторону республиканцевъ. Она наложила печать молчанія на уста общества, но и среди всеобщаго молчанія головы продолжали работать, а сердца биться за республику и за свободу.

Вожди находились далеко въ ссылкѣ или въ изгнаніи; ихъ участь раздѣляли всѣ активные дѣятели, всѣ „унтеръ-офицеры“ республиканской арміи, которые въ дни мятежей или во время манифестацій увлекали за собой толпу, а своей повседневной пропагандой воспитывали массы въ политическомъ отношеніи. Сосланные въ Алжиръ или въ Гвіану, они страдали отъ жажды, усталости и насѣкомыхъ; заключенные въ крѣпостныя камеры Бель-Иля или Корта, преслѣдуемые ненавистью темнаго населенія, эмигрировавшіе въ Лондонъ, въ Брюссель и Женеву, гдѣ они съ трудомъ боролись съ надвигавшейся нищетой, они были оторваны отъ широкихъ крестьянскихъ и рабочихъ массъ, которыя они нѣкогда надѣялись воспитать и освободить, и которыя теперь съ каждымъ днемъ все болѣе порабощались и угнетались новымъ режимомъ.

Нѣжная и пламенная Полина Роланъ, подруга Пьера Леру и Жоржъ Занда, такъ долго мечтавшая о лучшемъ обществѣ, основанномъ на федераціи національныхъ и международныхъ рабочихъ организацій, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ влачила нищенское существованіе на чужбинѣ и, получивши наконецъ помилованіе, умерла въ Ліонѣ, не успѣвши обнять своихъ дѣтей. Эжень Миллело, одинъ изъ героическихъ борцовъ Кламеси, пытавшійся бѣжать изъ Гвіаны, былъ приговоренъ къ ста ударамъ веревки и умеръ на 21 ударѣ. И сколько другихъ борцовъ погибло такимъ образомъ отъ нищеты и истязаній въ Алжирѣ и въ Гвіанѣ!

Гюберъ, заточенный на островѣ Бель-Илѣ, подалъ прошеніе о помилованіи. На томъ же островѣ Гамбонъ занимался огородничествомъ и выводилъ птицъ; Комиссеръ читалъ своимъ сотоварищамъ по заключе-

нію лекціи по астрономіи, Ватто по анатоміи и физіологіи, а Бланки по политической экономіи. Здѣсь находился не только этотъ великій конспираторъ, осужденный за попытку 15 мая, но и его соперникъ Барбесъ. Послѣдній за патріотическое письмо, посланное имъ Жоржъ Занду, былъ освобожденъ въ 1854 г., но добровольно удалился въ изгнаніе. Бланки же въ 1857 году былъ перевезенъ въ Кортъ.

Луи Бланъ послѣ того, какъ Учредительное Собраніе рѣшило предать его суду за соучастіе въ мятежѣ 15 мая, удалился въ Лондонъ; здѣсь онъ написалъ сочиненіе, въ которомъ пытался объяснить свою роль въ революціи 1848 года, въ памятный день 15 мая и въ Люксембургской комиссіи, спорилъ съ Мадзини и Ледрю-Ролэномъ и на досугѣ заканчивалъ свою „Исторію Великой Революціи“. Въ Лондонъ же переѣхали изъ не столь гостепріимной Бельгіи Коссидьеръ, Ледрю-Ролэнъ и Мартэнъ Бернаръ, а позже изъ Швейцаріи Буашо и Феликсъ Піа. Здѣсь же проживалъ и Мартэнъ Надо, который сначала взялся было снова за свою каменщичью лопатку, а затѣмъ благодаря усидчивому труду сдѣлался профессоромъ французскаго языка въ Вимблдонѣ. Эскиросъ сдѣлался экзаменаторомъ въ Вульвичѣ. Викторъ Гюго сначала на Джерсеѣ, а потомъ на Гернсеѣ неутомимо работалъ надъ своими «Размышленіями», надъ «Легендой Вѣковъ» и «Несчастными»; но прежде всего онъ поспѣшилъ выпустить «Наполеона Малаго» и свои „Châtiments“, направленныя противъ декабрьскаго авантюриста. На островѣ Джерсеѣ проживалъ также Пьеръ Леру, гдѣ онъ редактировалъ журналъ „Надежду“, а позже работалъ надъ „Grève de Samarèz“. Здѣсь же въ продолженіе двухъ лѣтъ бывшій главный редакторъ „Реформы“ издавалъ журналъ „Человѣкъ“, который всѣ эмигранты читали съ величайшимъ интересомъ.

Въ это же время перебивались въ Бельгіи лекціями и уроками Шальмель-Лакуръ, Мадье-Монжо, Эмиль Дешанель, Паскаль Дюпра и Версиньи. Въ томъ же Брюсселѣ рабочій депутатъ, реорганизаторъ союзовъ подмастерьевъ, Агриколь Пердигье, „добродѣтельный авиньонецъ“, обучалъ желающихъ волоченію золотой и серебряной проволоки.

Маркъ Дюфрессъ, одинъ изъ первыхъ пропагандистовъ рабочихъ союзовъ и сотрудникъ Прудона по газетѣ „Народъ“, получилъ мѣсто преподавателя въ Цюрихской политехнической школѣ. Эдгаръ Кинэ, наскучивъ надзоромъ бельгійской полиціи, принужденъ былъ укрыться въ тихую деревушку Вейто, на берегу Женевскаго озера, откуда онъ продолжалъ внимательно слѣдить за эволюціей демократической партіи. Проницательный и мужественный Шаррасъ тщетно напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы сблизить и объединить эти разрозненныя силы.

Всѣ они работали, съ одной стороны, для хлѣба насущнаго, а съ другой—для того, чтобы поддержать себя морально посреди тоскливой и унылой эмигрантской жизни. Они не могли забыть прошлаго, они горѣли желаніемъ продолжать борьбу, помочь тѣмъ своимъ единомышленникамъ, которые остались во Франціи, и вмѣстѣ съ ними добиваться низверженія тирана и возстановленія свободы. Въ теченіе долгаго времени они были убѣждены, что имъ не трудно будетъ добиться своей цѣли, и что режимъ, установленный въ декабрѣ, „не продержится и одного дня“. Даже Жюль Фавръ, оставшійся на мѣстѣ, высказывалъ ту

же увѣренность. Въ виду того, что въ самой Франціи на прессу надѣтъ былъ намордникъ, эмигранты задумали издать рядъ произведеній, въ которыхъ они хотѣли напомнить своимъ современникамъ и разсказать всей Европѣ о преступленіяхъ, совершенныхъ въ декабрѣ. Паскаль Дюпра, Рибейроль и Шельхеръ описали эти зловѣщіе дни и разоблачили совершенныя тогда жестокости. Викторъ Гюго пригвоздилъ гнуснаго преступника къ позорному столбу. Юристъ Маркъ Дюфрессъ опредѣлилъ наказаніе, которому подлежалъ Бонапартъ за совершенное имъ преступленіе. Везинье и Мажанъ повѣдали міру о ночныхъ оргіяхъ Сенъ-Клу, а Феликсъ Піа требовалъ мести и призывалъ къ убійству тирана. Зарубежныя газеты, сначала „Эмигрантъ“, а затѣмъ „Голосъ Эмигранта“, проповѣдовали ту же борьбу съ насильниками.

Но необходимо было позаботиться о томъ, чтобы всѣ эти изданія могли проникнуть во Францію и дойти до народа. Несмотря на мѣры, принятыя правительствомъ противъ контрабаднаго ввоза печатныхъ произведеній, страна была наводнена ввозимыми изъ заграницы газетами, брошюрами и книгами. Въ своихъ отчетахъ префекты Сѣвернаго департамента постоянно указываютъ на привозъ заграничной литературѣ изъ Бельгіи. „Когда контрабандистамъ удается пробраться со стороны Туркуана и Рубэ за охраняемую пограничной стражей черту,— сообщаетъ одинъ изъ этихъ чиновниковъ въ своемъ докладѣ отъ 10 іюля 1852 года,—то ввезенная контрабанда отправляется въ Парижъ мелкими посылками не изъ Лилля, а съ незначительныхъ станцій, что позволяетъ легко обмануть всякій надзоръ“. Въ Лиллѣ во время обыска, произведеннаго у жены одного эмигранта, найдено было 3.000 экземпляровъ республиканскихъ брошюръ, „Трехъ Маршаловъ“ Шарраса или „Наполеона Малаго“. Жерсейская колонія ввозила свои манифесты черезъ Жиронду и Ламаншъ. Въ первые годы Имперіи сонъ префектовъ нарушался главнымъ образомъ брошюрой „Наполеонъ Малый“. Префектъ Сѣвернаго департамента не могъ арестовать ее въ пути; а Энскій префектъ сообщалъ правительству, что она ходитъ по рукамъ во всѣхъ мастерскихъ города Ліона. Сдѣлавшись рѣдкостью, она продавалась по 6 франковъ, а какой-то банкиръ-библіофилъ заплатилъ 80 франковъ за одинъ экземпляръ перваго изданія.

Бюллетени „Революціонной Коммуны“ и „Революціи“, двухъ соперничавшихъ группъ, основанныхъ эмигрантами въ Лондонѣ, распространялись повсемѣстно наперекоръ всѣмъ полицейскимъ мѣропріятіямъ. „Письмо къ народу“, изданное Революціонной Коммуной и подписанное Феликсомъ Піа, Буашо и Коссидьеромъ, было тайкомъ доставлено во Францію подъ видомъ различныхъ почтовыхъ посылокъ. Обыски, аресты, преслѣдованія, обвинительные приговоры—ничто не помогало: эмигранты продолжали наводнять всю Францію своими писаніями. Напрасенъ былъ весь трудъ Чернаго Кабинета; корреспонденція правильно поддерживалась всяческими окольными путями. На усиленныя строгости революціонеры каждый разъ отвѣчали придумываніемъ болѣе остроумнаго обхода; за 1852—1859 гг. сношенія между эмигрантами и республиканцами, проживавшими во Франціи, ни разу не прерывались хотя бы на самое короткое время.

Однако послѣдніе хорошо знали, какому риску они подвергаются. Мы уже говорили о томъ, какъ жилось республиканцамъ при Имперіи;

мы уже указывали на судьбу республиканскихъ газетъ и характеризовали хозяйничанье полиціи. Намъ не приходится объяснять, какъ трудно было вести пропаганду, скажемъ болѣе, какъ трудно было жить при этомъ режимѣ гнета и лжи. Многіе не выдержали и пали духомъ. «Я пересталъ чему бы то ни было удивляться и возмущаться,—писалъ Эмиль Сувестръ,—я давно уже перешелъ всякія границы презрѣнія и исчерпалъ все свое негодованіе». Вскорѣ послѣ того онъ умеръ, и г-жа Бонъ писала по поводу его смерти: «Эти люди, Ламеннэ, Франсуа Араго, Мишель изъ Буржа и Эмиль Сувестръ, были убиты 2-мъ декабря. Объ этомъ повѣдала мнѣ скорбь, переполнявшая ихъ сердца». Но большинство устояло и выжило. «Никогда побѣжденная партія,—замѣтилъ Белэ,—не выказала большей гордости и непреклонности». Наперекоръ администраціи и полиціи, республиканцы продолжали встрѣчаться, знакомится и молчаливо сплачиваться въ безымянной и нѣмой толпѣ, среди которой они были разсѣяны. Они держались насторожѣ и выжидали удобнаго случая, но главное—они старались формировать новыхъ борцовъ. И когда, наконецъ, наступилъ вожделѣнный мигъ, всѣ оказались готовы—вѣрные и сохранившіе душу живу старики и закаленная испытаніями, пылкая и рѣшительная молодежь.

Нужда товарищей, пострадавшихъ за общее дѣло, дала первый толчекъ къ организаціи республиканцевъ. Необходимо было безотлагательно придти на помощь эмигрантамъ и ихъ семьямъ, оставшимся во Франціи. Банкиръ Мишель Гудшо, бывшій министръ финансовъ но время Второй Республики, основалъ комитетъ для помощи эмигрантамъ. Онъ взялъ на себя трудную задачу сбора денегъ, причемъ Жюль Симонъ оказалъ ему ничтожную поддержку, но зато серьезно помогали ему Деруазенъ и нѣсколько рабочихъ. Его письма къ Шельхеру, недавно опубликованныя Черновымъ, показываютъ, что ему приходилось при этомъ выносить. «Какъ только представится малѣйшая возможность увеличить мѣсячный окладъ,—писалъ онъ ему напримѣръ 16 августа 1852 года,—я немедленно это сдѣлаю, будьте въ этомъ увѣрены, мой дорогой Шельхеръ, ибо сердце мое обливается кровью при мысли о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя происходятъ у васъ на глазахъ и которыя я прекрасно вижу отсюда; на что вы можете твердо расчитывать (а это уже что нибудь да значитъ), такъ это на аккуратность моихъ присылокъ: для меня это все равно, что банковые платежи; итакъ, каждаго 6 и 20 числа я буду высылать вамъ сумму двухнедѣльнаго оклада, а если 6 или 20 число придется на субботу, то буду высылать наканунѣ, такъ какъ въ этотъ день почта отсюда не отправляется въ Лондонъ; это я буду дѣлать до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться подписка; а вѣдь мнѣ нужно обладать достаточными силами для того, чтобы лично собирать взносы (379 въ мѣсяцъ, причемъ я долженъ взбираться на 80 или 90 этажей—и это при моемъ сердцебіеніи, мѣшающемъ мнѣ дышать, когда я поднимаюсь на высокія лѣстницы). Мой дорогой Шельхеръ, конечно, я дѣлаю очень мало, я этого не отрицаю, но я дѣлаю все, доступное человѣческимъ силамъ». Благодаря этимъ усиліямъ, удалось облегчить много страданій; въ 1853 году суммы, высылаемыя въ Лондонъ, достигали 11 и 12 тысячъ франковъ. Еще болѣе важнымъ результатомъ этихъ сборовъ было то, что под-

писка облегчила объединеніе республиканцевъ. Конечно, когда полиція въ октябрѣ 1854 года возбудила преслѣдованіе противъ Гудшо, какъ противъ «кассира тайнаго сообщества», и произвела у него обыскъ, она сдѣлала явную и сознательную глупость, но она вѣрно опредѣлила дѣйствительное значеніе подписки для того постояннаго конспиративнаго сообщества, какимъ была въ это время республиканская партія.

То, что Гудшо дѣлалъ въ Парижѣ, другіе дѣлали въ провинціи. Лиможскіе гончары регулярно высылали пособіе своимъ пострадавшимъ товарищамъ. Въ Ліонѣ также существовало общество вспомоществованія: весь городъ былъ раздѣленъ на участки, а въ каждомъ участкѣ образовались небольшія группы изъ 6 членовъ, уплачивавшихъ по 5 сантимовъ (2 коп.) въ недѣлю. Главари группъ составляли центральную участковую комиссію, а каждая центральная комиссія посылала своего представителя въ главную комиссію. Какъ мы видимъ, Ліонскіе пролетаріи сохранили свои организаторскія привычки. Пока они встрѣчались и сговаривались съ благотворительными цѣлями; впослѣдствіи они сумѣютъ это дѣлать уже съ другой цѣлью.

Салоны, подобно обществамъ вспомоществованія, также облегчали эту личную пропаганду отъ человѣка къ человѣку, которая поддерживала настроеніе, а иногда и приводила къ вербовкѣ новыхъ сторонниковъ. Этой формой оппозиціонной дѣятельности пользовались главнымъ образомъ легитимисты и орлеанисты. Республиканцы также не игнорировали ея. Собираясь у Карно, у Гарнье-Пажеса, у Герольда, у Лорана Пиша, они находись среди своихъ; шпіоны не могли сюда пробраться такъ легко, какъ они проникали въ тайныя общества. Редакція журнала «Парижское Обозрѣніе» собиралась у госпожи д'Агу (Даніель Стернъ): здѣсь встрѣчались И. Карно, Ренанъ, Бертело, Шодэ и Литре. «Пагубные кривотолки», какъ выражались префекты, не прекращались ни на минуту. Ѣдкая критика и эпиграммы смѣнялись одна другими; рукописные памфлеты, пѣсенки, остроты—всѣмъ этимъ пользовалась оппозиція для своихъ нападокъ. Ночныя собранія молодежи носили по временамъ гораздо болѣе бурный характеръ: въ мастерской художника Делестра Риберъ и Густавъ Журданъ вели страстные споры о либерализмѣ и якобинствѣ. Другіе вырабатывали опредѣленныя программы реформъ, которыя предполагалось осуществить послѣ паденія Имперіи. И понятно, что въ пылу этихъ дебатовъ не одинъ участникъ собранія, разсѣянно прислушиваясь къ аргументамъ спорщиковъ, подумывалъ объ активномъ выступленіи и, презирая философскіе заряды, страстно мечталъ о выдѣлкѣ настоящихъ патроновъ...

Тѣмъ временемъ профессора пансіоновъ Массенъ, Фаваръ и Сентъ-Барбъ, этихъ вольныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, внушали своимъ молодымъ слушателямъ, количество которыхъ росло съ каждымъ годомъ, стремленіе къ борьбѣ за республику. Университетъ подвергался суровымъ и систематическимъ преслѣдованіямъ съ 1850 года; послѣ государственнаго переворота многіе республиканскіе профессора были уволены или принуждены были подать въ отставку за отказъ отъ присяги. Молодежь это знала и инстинктивно льнула къ этимъ людямъ. „Всѣ знали, отъ чего они отказались и на что они согласились, лишь бы не склонить гордой головы; никто никогда не слыхалъ изъ ихъ устъ ни единой жалобы на принесенную ими жертву и на свое бѣд-

ственное положеніе". Назовемъ изъ нихъ Вашро и Барни, двухъ философовъ, сотрудниковъ „Парижскаго Обозрѣнія", историка Эженя Депуа, пылкаго и чистаго демократа, Ассолана, Фредерика Морена, Бутвиля. Своимъ преподаваніемъ, своими лекціями, производившими неизгладимое впечатлѣніе на всѣхъ ихъ слушателей, они „выковали у молодежи такія же сильныя и мужественныя души, какъ и у нихъ самихъ". Преподаваніе классической литературы или философіи они сумѣли превратить въ проповѣдь свободы. Собираясь по временамъ на тѣсныя товарищескія бесѣды со своими учениками, они не стѣснялись пускать въ ходъ мелкое, но дѣйствительное оружіе острыхъ словечекъ и колкихъ замѣчаній; они разоблачали всѣ мелкія іезуитскія хитрости правительственныхъ сторонниковъ: пропускъ неблагонадежныхъ строфъ въ избранныхъ литературныхъ произведеніяхъ, искаженіе текстовъ, невѣрныя цитаты и тому подобныя продѣлки, совершаемыя изъ холопскихъ или ханжескихъ побужденій. А въ другіе дни, особенно послѣ каникулъ, они разсказывали своимъ ученикамъ про недавнія встрѣчи съ знаменитыми эмигрантами или читали имъ обличительныя стихотворенія и памфлеты, привезенные контрабаднымъ путемъ.

Такимъ образомъ вырабатывалась преданная республиканскимъ идеямъ буржуазная или, если угодно, интеллигентная молодежь. Старики съ восторгомъ констатировали нарожденіе этого новаго поколѣнія. „Рѣдко,—говорилъ Фредерикъ Моренъ,—дурные люди бывали хуже, чѣмъ въ настоящее время; но никогда хорошіе и благородные не были лучше, чѣмъ теперь... Всѣ, кто не предается грубымъ удовольствіямъ или еще болѣе грубымъ расчетамъ, раздѣляютъ однѣ и тѣ же мысли, одни и тѣ же взгляды, одни и тѣ же стремленія". Въ Парижѣ и въ провинціи во множествѣ возникали небольшія литературно-политическія газеты, быстро исчезавшія съ горизонта, но приносившія свою пользу. А скандалы, устроенные студентами на лекціяхъ бонапартистскихъ профессоровъ, Сентъ-Бева и Низара (послѣдняго обвиняли въ томъ, что онъ допускалъ существованіе „двухъ моралей"), ясно показывали этимъ господамъ, что моральный авторитетъ и вліяніе на учащуюся молодежь принадлежатъ не имъ.

Но ни газеты, стоившія слишкомъ дорого, ни журналы, ни лекціи, ни салонныя бесѣды не могли дать республикански настроеннымъ рабочимъ возможность встрѣчаться, сплачиваться и дѣлиться воспоминаніями и надеждами. Одно не подлежитъ никакому сомнѣнію: въ крупныхъ городахъ и въ промышленныхъ центрахъ рабочіе молчаливо хранили въ глубинѣ души вѣрность своимъ идеаламъ. Но какимъ образомъ, съ помощью какихъ упорныхъ усилій добивались они своей цѣли? Вѣдь ничто не гибнетъ такъ быстро, какъ идея, осужденная на молчаніе и на бездѣйствіе. Это прекрасно извѣстно католикамъ!

Рабочіе-республиканцы пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы ничего не забыть, не дать угаснуть воспоминаніямъ прошлаго и оживить надежды на лучшее будущее. Во-первыхъ, въ ихъ распоряженіи были похороны, на которыхъ идущая за гробомъ молчаливая и сосредоточенная толпа своимъ присутствіемъ свидѣтельствуетъ о томъ, что мысль покойнаго не умерла. Республиканскія похороны составляли предметъ постоянной тревоги для императорской полиціи. Когда умерла мать Ледрю-Ролэна, полиція на разсвѣтѣ захватила ея

трупъ, такъ что никто не могъ сопровождать его на кладбище. Когда зимой 1853 года умеръ Арманъ Марра, только нѣсколько друзей могли послѣдовать за его гробомъ, причемъ никому изъ нихъ не позволено было произносить рѣчей на могилѣ. Но когда народъ хотѣлъ во что бы то ни стало проявить свою вѣрность историческимъ воспоминаніямъ, всѣ полицейскія предосторожности ни къ чему не приводили. Когда умерла жена Распайля, то хотя о ея смерти сдѣлалось извѣстно только за 24 часа до похоронъ, тѣмъ не менѣе 25 тысячъ рабочихъ явились воздать послѣдній долгъ женѣ своего доброжелателя; окруженные насторожившейся полиціей, они шли не произнося ни одного слова, и этотъ гигантскій безмолвный кортежъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Наконецъ, въ 1855 году во время похоронъ Ламеннэ полицейскія звѣрства разыгрались во всю. Заблаговременно расклеенная афиша извѣщала, что на кладбище допущены будутъ только родственники и душеприказчики покойнаго. Напрасно! Когда катафалкъ проходилъ по Сентъ-Антуанскому предмѣстью, рабочія массы примкнули къ похоронному шествію, и полиція должна была аттаковать толпу, чтобы отбросить ее. Иногда правительство прибѣгало къ другому средству: когда умиралъ талантливый поэтъ или знаменитый ученый, оно устраивало ему торжественыя оффиціальныя похороны. Такъ войска окружали катафалкъ Франсуа Араго и Беранже. Въ случаѣ надобности солдаты могли бы взять на изготовку и зарядить ружья...

Но если рабочая масса и въ Парижѣ, и въ провинціи демонстративно проявляла свою вѣрность республикѣ, то это происходило потому, что ее продолжали тайкомъ просвѣщать и организовывать непреклонные пропагандисты. Процессы, личныя воспоминанія и нѣкоторыя записки сообщаютъ иногда интересныя указанія относительно этой тайной пропаганды.

Уже въ 1852 году, въ ближайшіе дни послѣ государственнаго переворота, судьи и прокуроры, на которыхъ возложена была задача искорененія республиканскаго движенія, могли убѣдиться въ томъ, что рабочіе, такъ жестоко пострадавшіе отъ смѣшанныхъ комиссій, отнюдь не намѣрены были сложить оружіе. Именно рабочихъ усмирители находили въ революціонныхъ мэріяхъ во время сопротивленія государственному перевороту; именно въ рабочихъ корпоративныхъ союзахъ, незамѣтными переходами сливавшихся съ тайными рабочими обществами, они могли усматривать источникъ всѣхъ „декабрьскихъ бунтовъ“; и наконецъ, больше всего доносовъ поступило въ смѣшанныя комиссіи опять таки на рабочихъ.

Въ Національномъ Архивѣ подъ номеромъ 30/424 имѣется въ высшей степени любопытный документъ: это—копія статистической сводки, составленной въ канцеляріи военныхъ комиссій и точно устанавливающей степень участія трудящихся массъ въ дѣлѣ сопротивленія государственному перевороту. Въ этомъ реестрѣ перечисляются съ распредѣленіемъ по профессіямъ и по департаментамъ всѣ лица, „подвергшіяся аресту или преслѣдованію“ со стороны комиссій. Изъ 26.884 человѣкъ насчитывается (этотъ рѣдкій фактъ слѣдуетъ отмѣтить) 1.570 рантье или, по меньшей мѣрѣ, зажиточныхъ лицъ, внесенныхъ въ эту рубрику; затѣмъ насчитывается 5.423 крестьянина и 1.850 батраковъ, происходящихъ, конечно, изъ тѣхъ департаментовъ, гдѣ возстали деревни; на-

конецъ, идетъ республиканскій главный штабъ: сельскій—325 врачей, 168 должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства (нотаріусы, стряпчіе и пр.), 261 народный учитель и 900 кабатчиковъ, и городской—225 адвокатовъ, 90 журналистовъ, 70 писателей, 54 профессора, 110 студентовъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что различныя рабочія корпораціи, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя уже сознали и умѣли практически осуществлять профессіональную солидарность, также доставили свой контингентъ жертвъ. Приведемъ нѣкоторыя цифры. Изъ общаго числа жертвъ военныхъ комиссій ювелиры доставили 62, владѣльцы прачешныхъ заведеній 25, вязальщики 25, мясники 145, пробочники 152 (въ томъ числѣ 148 изъ Варскаго департамента), пекари 415, шорники 156, каменоломщики 180, красномѣдники 32, парикмахеры 252, приказчики 616, кондитеры 30, канатчики 36; въ старой революціонной корпораціи сапожниковъ, тайные союзы которыхъ (союзы подмастерьевъ и другіе) распространены были по всей Франціи, арестамъ и преслѣдованіямъ подверглись 1.107 членовъ; ножевщики доставили 90 жертвъ, повара 70, столяры 103, жестянники 85, прядильщики 224, литейщики 43, кузнецы, эти суровые молотобойцы, часто являющіеся вожаками деревенской оппозиціи, — 457, печники 56, перчаточники 22, граверы 47, часовщики 83, набивщики тканей 31, типографщики 155, садовники 131, каменщики 733, судорабочіе (въ Іонскомъ и Ніеврскомъ департаментахъ) 138, столяры 888, мельники 102, басонщики 56, чесальщики пеньки 26, маляры 144, гончары 50, горшечники 81, производители деревянной обуви 185, пильщики 115, слесари 428, рабочіе шелковыхъ фабрикъ только 12 (эта ничтожная цифра объясняется тѣмъ, что революціонный Ліонъ не могъ выступить, да и вообще здѣшніе рабочіе не столько интересовались политическими, сколько чисто соціальными вопросами); изъ корпораціи портныхъ, которая вмѣстѣ съ сапожниками принимала участіе во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ вѣка, преслѣдованіямъ подверглись 688 членовъ; каменотесы дали 251, кожевники 238, красильщики 82, ткачи полотенъ 462, ткачи 114, бочары 198, токари 153, черепичники 91, корзинщики 46 и каретники 191. Задача правительства, поставившаго себѣ цѣлью систематическое истребленіе республиканцевъ, облегчалась статистикой, указывавшей ему наиболѣе зараженныя революціоннымъ духомъ профессіи и области. И очень возможно, что цитируемая нами вѣдомость составлена именно съ такой цѣлью.

Какими же средствами можно обуздать, а главное — привлечь на сторону Имперіи рабочій классъ? Какимъ образомъ окончательно истребить революціонныя бациллы? Вотъ о чемъ денно и нощно помышляли императорскіе прокуроры во все продолженіе царствованія Наполеона III.

Въ скоромъ времени усмирителямъ пришлось убѣдиться, что врядъ-ли имъ удастся легко добиться полнаго успѣха. Мѣсяца черезъ два послѣ государственнаго переворота прокуроръ Варскаго апелляціоннаго суда писалъ: „нѣкоторые рабочіе не обнаруживаютъ, повидимому, никакой склонности къ раскаянію; достаточно одного слова и бѣглаго взгляда, чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться. Эти господа обычно играли роль унтеръ-офицеровъ бунта, и нельзя было распространять на нихъ милости безъ извѣстнаго риска. Напротивъ, крестьяне, несмотря на

долговременное и пагубное вліяніе проповѣдей и развращающее вліяніе сборищъ, пока еще не утратили нѣкоторыхъ хорошихъ чертъ своего характера. Здѣсь болѣзнь была излѣчима".

Разсужденія этого прокурора не лишены основанія. Деревни, очищенныя отъ республиканскихъ пропагандистовъ, быстро покорились императору. Но среди рабочихъ, объединяемыхъ самымъ характеромъ своего труда и сконцентрированныхъ на фабрикахъ и въ мелкихъ мастерскихъ, республиканскія и соціалистическія идеи продолжали распространяться, завоевывая все новыхъ сторонниковъ. Если правительство справлялось съ статистическими данными, то оно могло убѣдиться, что всѣ люди, на которыхъ оно обрушилось со своими карами и преслѣдованіями, были въ такомъ возрастѣ, что не могли скоро исчезнуть, если только не убить ихъ на мѣстѣ. Изъ 26.884 жертвъ правительства только 2.226 имѣли свыше 50 лѣтъ; 52 не достигли 16-лѣтняго возраста, 8.332 имѣли отъ 21 до 30 лѣтъ; 9.648 отъ 31 до 40 лѣтъ и 5.373 отъ 41 до 50 лѣтъ. Что оправданные и помилованные никогда не простятъ правительству, въ этомъ оно могло быть увѣрено. И дѣйствительно, искони революціонные цехи, гдѣ можно вести бесѣды во время работы, тѣ профессіи, которыя наиболѣе пострадали отъ правительственныхъ гоненій, какъ напримѣръ портные и сапожники, вскорѣ снова навлекли на себя подозрѣніе, и вполнѣ основательно. Машиностроительные заводы и желѣзнодорожныя мастерскія считались „главной квартирой" соціализма. „Тайныя общества,—говорилъ одинъ судейскій чинъ,—находятъ совершенно готовые кадры въ связанныхъ классовымъ родствомъ общественныхъ слояхъ и въ промышленныхъ заведеніяхъ, такъ какъ эти общества всегда складываются среди рабочихъ, занятыхъ въ одной мастерской".

Свѣдѣнія, которыя въ послѣднее время начали собираться о республиканской пропагандѣ въ эти мрачные годы, показываютъ, что важную роль въ этой пропагандѣ сыграла профессіональная группировка.

Въ Эльзасѣ небольшія страсбургскія пивныя, владѣльцы которыхъ придерживались радикальныхъ воззрѣній и въ которыя полиція могла проникать только съ большимъ трудомъ, служили явками для кружковъ, куда группами собирались тысячи ремесленниковъ и рабочихъ. Въ Мюльгаузенѣ рабочіе союзы сохранили свои кадры и удержали въ своихъ рядахъ заядлыхъ республиканцевъ. На югѣ, гдѣ деревенское населеніе живетъ скученно и очень любитъ вести продолжительныя бесѣды, сидя на завалинкѣ или за столомъ въ кабачкѣ, демократическія идеи ушли въ глубь народныхъ массъ. Въ центрѣ многіе люди были еще пропитаны „старой демократической и соціальной закваской". Въ Лиможѣ, гдѣ соціалистическія идеи пустили глубокіе корни, рабочіе не превращали своихъ попытокъ къ организаціи производительныхъ товариществъ, каждый разъ основывая и преобразовывая свои общества, и производили денежные сборы въ пользу эмигрантовъ. Въ Ліонѣ и Сентъ-Этьенѣ рабочіе хранили вѣрность своимъ завѣтамъ.

Отчеты генеральныхъ прокуроровъ о моральномъ и политическомъ настроеніи подвѣдомственныхъ имъ округовъ (до конца 1852 года эти отчеты доставлялись ежемѣсячно, а съ 1852 года разъ въ 6 мѣсяцевъ) содержатъ много чрезвычайно поучительныхъ въ этомъ отношеніи указа-

ній. Къ сожалѣнію, по уставу французскаго Національнаго Архива пока выдаются для справокъ только отчеты до 1856 года.

Особенно интересны отчеты, доставлявшіеся изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ.

Лиможскій прокуроръ констатируетъ, что если лимузенскіе рабочіе уже не демонстрируютъ открыто своихъ мнѣній, они остаются все-таки вѣрны своимъ убѣжденіямъ. Въ декабрѣ 1852 года, во время плебисцита по поводу возстановленія Имперіи, количество воздержаній отъ голосованія сильно возросло; а въ категорію воздержавшихся отъ подачи голоса входило отъ 1.500 до 2.000 рабочихъ фарфоровыхъ заводовъ. „Сюда относятся,—говоритъ прокуроръ,—самые искусные рабочіе: рисовальщики, позолотчики и вообще люди, благодаря своему полуобразованію усвоившіе ученія, которыя они продолжаютъ раздѣлять и по сю пору“ (BB 30/378[2]).

Надзору прокурора Парижскаго судебнаго округа подлежали главнымъ образомъ департаменты Объ, Марны и Іонны, вязальщики Труа и Ромильи, реймскіе суконщики, желѣзнодорожные рабочіе Эпернэ и винодѣлы въ окрестностяхъ Оксерра. Правда, онъ восторгается „ослабленіемъ враждебныхъ страстей, обусловленнымъ невозможностью отвлечь вниманіе страны отъ великихъ дѣлъ, осуществленныхъ Имперіей въ области войны и мира“, но, подобно другимъ своимъ коллегамъ, онъ выражаетъ опасеніе, что какое-нибудь случайное обстоятельство можетъ вернуть силу взглядамъ, которые втайнѣ продолжаютъ держаться среди населенія. Особенно безпокоятъ его нѣкоторые центры; такъ напримѣръ, чуть-ли не въ каждомъ отчетѣ онъ возвращается къ зловредному духу, отличающему такой революціонный городъ, какъ Ромильи.

Ліонскому прокурору (BB 30/379) приходится давать объясненія по поводу нѣкоторыхъ непріятныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ подвѣдомственномъ ему округѣ, какъ напримѣръ, избраніе Генона. Это избраніе, „подготовленное въ тиши, безъ предварительныхъ собраній, безъ циркуляровъ и кампаніи въ прессѣ“, свидѣтельствуетъ, по его мнѣнію, „о живучести и прекрасной организаціи, которую сохраняли тайныя общества въ Ліонѣ. Эти общества не имѣютъ газетъ; извѣстныя полиціи мѣста ихъ собраній были закрыты; потребительныя товарищества были распущены; осадное положеніе и реорганизація полиціи сильно затруднили какое либо сближеніе между ними; самые видные изъ республиканцевъ были арестованы до 2 декабря; спасительный страхъ долженъ былъ бы удержать другихъ; и вотъ, тайкомъ выдвигается кандидатура, лишенная всякой замѣтной поддержки, принужденная бороться со всевозможными препятствіями, и неожиданно увѣнчивается успѣхомъ, вопреки всѣмъ усиліямъ администраціи“ (Отчетъ отъ 8 марта 1852 года). Генеральный прокуроръ не вѣритъ своимъ глазамъ! Судя по его отчетамъ, этотъ прокуроръ былъ умнѣе многихъ другихъ, но даже самый умный прокуроръ неспособенъ додуматься до того, что репрессивныя мѣры безсильны противъ идей. Нѣсколько позже, въ декабрѣ 1852 года, онъ высказываетъ предположеніе, что рабочіе предмѣстья Краснаго Креста готовы примириться съ Имперіей, но долженъ признать, что этотъ процессъ въ Ліонѣ имѣетъ болѣе затяжной характеръ, чѣмъ въ Сентъ-Этьенѣ. Когда назначенный на его мѣсто прокуроръ изъ Бордо прибылъ въ началѣ 1853 года въ Ліонъ, онъ былъ

пораженъ живучестью республиканскихъ и соціалистическихъ идей въ этомъ городѣ: „Въ Ліонѣ,—говоритъ онъ,—замѣчается нѣчто вродѣ вѣры, вродѣ политической религіи, въ которой роль катакомбъ играютъ мастерскія“, и, какъ водится, онъ рекомендуетъ какую-нибудь громкую диверсію во внѣшней политикѣ, способную отвлечь общественное мнѣніе. Та же нота продолжаетъ доминировать въ прокурорскихъ донесеніяхъ вплоть до 1856 года.

Такая же нота слышится и въ отчетахъ Ріомскаго прокурора, относящихся къ департаменту Алье (BB 30/386). Говоря о Монлюсонѣ, онъ постоянно отмѣчаетъ „едва уловимое броженіе въ рабочемъ классѣ“ (іюль 1852); характеръ этого броженія лучше понялъ его товарищъ, когда въ его квартирѣ выбили всѣ стекла (5 августа 1852 года). Въ іюлѣ 1855 года прокуроръ указываетъ на то, что „промышленный подъемъ въ этой области оказалъ только вредное вліяніе на общественное спокойствіе и общественную нравственность“.

Тѣ же жалобы доносятся изъ Эльзаса (Кольмарскій судебный округъ, BB 30/376): населеніе заражено „гангреной соціализма“, а его внѣшнее спокойствіе ничуть не утѣшаетъ прокурора (10 іюля 1852 года). 31 марта 1853 года онъ характеризуетъ населеніе Мюльгаузена какъ „одно изъ самыхъ опасныхъ, какія только существуютъ во Франціи“.

Наконецъ, въ округѣ Дуэ (BB 30/377) оффиціальный докладчикъ, отмѣчая „небывалый расцвѣтъ промышленности“, вмѣстѣ съ тѣмъ принужденъ, подобно своимъ собратьямъ, признать, что республиканцы, скованные печатью молчанія, отнюдь не пали духомъ. Вплоть до своего послѣдняго отчета, которымъ мы имѣли возможность пользоваться (іюльскій отчетъ 1856 года), онъ не перестаетъ указывать на стойкость республиканской партіи, которая, „проникши въ массы, приняла соціалистическій характеръ“. „Въ Сѣверномъ департаментѣ,—говоритъ онъ,—республиканцы насчитываютъ больше всего сторонниковъ въ Лиллѣ и окружающихъ его промышленныхъ поселкахъ, въ Анзенѣ, Сентъ-Аманѣ, въ Орши и въ Валансьенѣ“.

Но и въ менѣе промышленныхъ центрахъ рабочій классъ повсюду одушевленъ тѣми же чувствами: въ этомъ отношеніи префекты и прокуроры единодушны. Одинъ пишетъ изъ Котъ-д'Ора: „лжеученія по прежнему пользуются популярностью въ рабочемъ классѣ“. Другой сообщаетъ изъ Метца: „среди рабочихъ не замѣчается никакого улучшенія нравственности; прежніе кадры бунтовщиковъ не исчезли; высшіе классы склонны смотрѣть на Имперію, какъ на преходящее явленіе, и избѣгать какого бы то ни было сближенія съ правительствомъ“. Такимъ же тономъ отличается донесеніе изъ Орлеана. И наконецъ, Эксскій прокуроръ, нѣсколько увлекшись, опасается „всеобщаго возстанія на югѣ“.

Но чего мы не можемъ передать въ нашихъ выдержкахъ, такъ это то общее впечатлѣніе, которое испытываешь при чтеніи этихъ отчетовъ. Если существуетъ человѣкъ, способный еще сомнѣваться въ истинномъ отношеніи рабочаго класса ко Второй Имперіи, мы посовѣтовали бы ему пробѣжать нѣкоторые изъ этихъ отчетовъ. Онъ увидѣлъ бы изъ нихъ, какое безчисленное множество преслѣдованій возбуждалось противъ рабочихъ за случайно вырвавшееся слово, въ которомъ власти усматривали оскорбленіе Величества; онъ увидѣлъ бы, что не прохо-

дило почти ни одного мѣсяца безъ того, чтобы полиція не указывала на рабочихъ или крестьянъ, угрожающихъ новымъ 1793 годомъ, который долженъ отомстить за 1848 годъ, и привѣтствовавшихъ „демократическую и соціальную Республику“: и онъ вынесъ бы то убѣжденіе, что не только передовые рабочіе, люди мысли и воли, остались вѣрны Республикѣ, но что въ большинствѣ случаевъ мнимое примиреніе рабочаго класса съ Имперіей представляло просто лживую оффиціальную фразу.

Итакъ, мы видимъ, что литературная дѣятельность эмигрантовъ, ихъ напоминанія о декабрьскихъ преступленіяхъ и призывы къ борьбѣ за свободу не падали на каменистую почву: во Франціи существовала интеллигентная молодежь, внимательно прислушивавшаяся къ ихъ проповѣди, существовалъ рабочій классъ, не перестававшій мечтать о своемъ политическомъ и соціальномъ освобожденіи. Республиканская партія не умерла: между ссыльными, тюремными узниками, эмигрантами и тѣми, кто боролся во Франціи и страдалъ отъ ненавистной полицейской системы, смѣнившей систему скорой расправы, поддерживались постоянныя сношенія; при всемъ различіи въ стремленіяхъ и міровоззрѣніи всѣмъ этимъ людямъ присуща была общая ненависть къ Имперіи.

Было бы крайне интересно дать точную и детальную характеристику главныхъ идей республиканской партіи или, вѣрнѣе, республиканскихъ группъ, разсѣянныхъ по всей Франціи, а также опредѣлить историческое значеніе тѣхъ ученій, которыя оказали наиболѣе сильное вліяніе на умственное развитіе республиканской учащейся молодежи, какъ напримѣръ, доктринъ Прудона, Мишлэ, позитивистовъ и т. п. Ниже мы, основываясь на нѣкоторыхъ разрозненныхъ свидѣтельствахъ, укажемъ на судьбу соціалистическихъ ученій въ эту эпоху. Но здѣсь мы должны хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ описать взгляды и настроенія республиканцевъ и выяснить, какую дѣятельность они считали возможной и какъ смотрѣли на дальнѣйшую судьбу своей партіи.

Необходимо проводить извѣстное раличіе между эмигрантами и общественными дѣятелями, боровшимися въ самой Франціи. Проживавшіе заграницей и оторванные отъ французской дѣйствительности, эмигранты продолжали жить въ той идейной атмосферѣ, въ которой ихъ засталъ государственный переворотъ; ихъ міросозерцаніе какъ бы застыло, и новыя условія французской политической жизни не въ состояніи были его измѣнить. Они сохранили свои идеалы, свои страсти и взаимные счеты 1848 года, т. е. того времени, когда можно было свободно обсуждать различные взгляды, и когда самыя разнообразныя системы могли сталкиваться и развиваться на волѣ. Въ Лондонѣ не прекращались споры и раздоры между соперничавшими школами: Луи Бланъ имѣлъ свою группу, Ледрю-Ролэнъ свою, а сторонники Феликса Піа нападали на тѣхъ и другихъ. „Революціонная Коммуна“ и „Революція“ составляли два враждебныхъ кружка, обвинявшихъ другъ друга въ измѣнѣ дѣлу демократіи.

Эти кружковыя дрязги сопровождались такимъ озлобленіемъ, что дѣло иногда доходило до пролитія крови: такъ Бартелеми, фанатическій партизанъ Луи Блана, убилъ въ Лондонѣ на дуэли бывшаго флотскаго

лейтенанта Курнэ, сторонника Ледрю-Роллэна. Эмигранты не могли даже совмѣстно обсудить причины, обусловившія пораженіе республиканцевъ: нѣсколько собраній, устроенныхъ съ этой цѣлью, привели только къ усиленію раздоровъ. Соціалисты, сторонники Луи Блана и Леру, упрекали Ледрю-Роллэна въ предательствѣ и въ органической враждѣ къ соціализму. Въ 1850 году основанъ былъ Центральный Европейскій Демократическій Комитетъ, нѣчто вродѣ буржуазно, республиканскаго Интернаціонала, въ который входили Ледрю-Роллэнъ-Мадзини, нѣмецкій депутатъ Арнольдъ Руге и польскій эмигрантъ Далашъ; эта группа заявила, что соціалистическія стремленія необходимо временно оставить въ сторонѣ, а бороться исключительно за политическую свободу и національную независимость.

Они наивно объясняли пораженіе революціи раздорами среди вождей, не замѣчая (какъ на это указывалъ имъ Марксъ), что въ этихъ спорахъ просто скрывалась или выражалась борьба классовъ и фракцій. Но теперь на лицо оставались одни только споры, не находившіе своего оправданія въ экономической и соціальной дѣйствительности, отъ которой эмигранты стояли въ сторонѣ. Среди этихъ людей мысли и дѣла, оторванныхъ отъ жизни, рождающей дѣло и питающей мысль, продолжали царить жалкія и печальныя дрязги, несмотря на всѣ ихъ широковѣщательные и торжественные манифесты. То въ бельгійской газетѣ „Nation“ (Нація) появляется статья Мадзини, возобновляющая споръ съ Луи Бланомъ и соціалистами; то тріумвиратъ Мадзини-Ледрю-Роллэнъ-Кошутъ, единственный пережитокъ Европейскаго Демократическаго Комитета къ 1855 году, выпускаетъ манифестъ, который снова побуждаетъ Луи Блана и Леру напомнить, что республиканская форма составляетъ только средство, и что необходимо имѣть въ виду конечную цѣль, т. е. соціальное преобразованіе, даже въ тотъ моментъ, когда борьба идетъ за установленіе республики. Всѣ эти праздные споры только дискредитировали эмигрантовъ въ пріютившей ихъ странѣ и ни на іоту не подвигали впередъ ни уразумѣнія прошлаго, ни подготовленія будущаго.

Къ счастью, эти споры остались, повидимому, удѣломъ заграничниковъ! Можно было бы даже сказать, что, когда эмигрантамъ приходилось писать на родину, они умалчивали о своихъ перекорахъ или старались ихъ смягчить; да и понятно, что республиканцы, жившіе въ самой Франціи въ гнетущей атмосферѣ лицемѣрнаго или неприкрытаго насилія, не могли интересоваться какими-то старыми дрязгами. Эмиграція могла еще дѣлиться на буржуазныхъ республиканцевъ и на соціалистовъ; въ самой же странѣ, несмотря на событія іюньскихъ и декабрьскихъ дней, имѣлись только просто республиканцы, правда, съ соціалистическимъ оттѣнкомъ.

Это объяснялось прежде всего дѣятельностью администраціи, магистратуры и полиціи. Дѣло въ томъ, что съ 1848 года по мѣрѣ обостренія реакціи, послѣдовательно обрушивавшейся на все менѣе крайнія направленія и все менѣе смѣлыхъ людей, правящія сферы начали преслѣдовать и травить всѣхъ безъ исключенія республиканцевъ, даже самыхъ умѣренныхъ, въ качествѣ красныхъ и въ качествѣ соціалистовъ. Вотъ почему при изученіи оффиціальныхъ документовъ этого періода слѣдуетъ съ величайшей осторожностью относиться къ эпитетамъ, щедро расточаемымъ чиновниками. Слово „соціалистъ“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ

республиканца, и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ какой-нибудь прокуроръ проводитъ различіе между двумя этими понятіями. Чтобы дискредитировать и покарать всѣхъ своихъ враговъ слѣва, правительство старалось свалить всѣхъ въ одну кучу, приписывая имъ всѣмъ одинаковыя стремленія, наиболѣе пугавшія консервативные элементы общества. Всякій республиканецъ превращался у нихъ въ краснаго, а всякій красный въ соціалиста. Въ результатѣ люди, подвергавшіеся одинаковымъ гоненіямъ, сблизились и смѣшались въ общіе ряды, подобно тому какъ во время Реставраціи республиканцы и банапартисты объединялись въ одни и тѣ же тайныя общества.

Но здѣсь мы снова должны отмѣтить одно обстоятельство. Если оставить въ сторонѣ немногихъ стойкихъ и убѣжденныхъ буржуазныхъ республиканцевъ, встрѣчавшихся еще въ рядахъ республиканской партіи, то окажется, что послѣдняя рекрутировала своихъ сторонниковъ главнымъ образомъ среди рабочаго населенія крупныхъ городовъ. Конечно, рабочій классъ того времени, повидимому, не ощущалъ въ себѣ достаточныхъ силъ для того, чтобы отстаивать свои собственныя классовыя задачи: теперь онъ въ большинствѣ случаевъ уже не противопоставлялъ стремленіямъ буржуазныхъ республиканцевъ своихъ соціалистическихъ теорій, какъ это имѣло мѣсто прежде. Но такъ какъ Имперія угнетала рабочихъ, такъ какъ преслѣдованія направлены были главнымъ образомъ противъ нихъ, какъ противъ республиканскаго класса par excellence, то рабочій классъ началъ склоняться къ тому взгляду, что низверженіе Имперіи явится началомъ его собственнаго освобожденія. Наступалъ-ли въ какомъ нибудь городѣ застой въ торговлѣ и промышленности, вспыхивала-ли гдѣ нибудь стачка, рабочіе первымъ долгомъ взваливали отвѣтственность за свои страданія на Имперію; такимъ образомъ создавалась новая почва для пропаганды республиканскихъ идей. Прокуроры прекрасно это знали и больше всего этого опасались. Правительство понимало, что оно должно предупреждать нищету и заминки въ дѣлахъ, если хочетъ обезпечить политическое спокойствіе. Только благодаря нищетѣ реймскіе ткачи и шерстопрядильщики внимали въ 1853 году рѣчамъ Маршана и его товарищей, объяснявшихъ имъ, что это за птица Бадэнгэ *). А съ другой стороны, промышленная заминка 1857 года несомнѣнно была одной изъ причинъ того явленія, что городскіе рабочіе на выборахъ этого года голосовали за республиканцевъ. Впрочемъ, буржуазные республиканцы, встрѣчавшіеся тогда на тайныхъ собраніяхъ съ рабочими, не принадлежали къ тѣмъ ограниченнымъ людямъ, которые видѣли въ республикѣ только голую форму политическаго устройства; нѣкоторые изъ нихъ прекрасно понимали, что если Вторая Республика могла быть такъ легко задушена въ декабрѣ, то это произошло потому, что она не сумѣла заслужить довѣріе рабочаго класса. Въ ихъ міросозерцаніи республиканскія стремленія въ большей или меньшей степени осложнялись требованіемъ нѣкоторыхъ соціальныхъ преобразованій. Соглашеніе между ними и рабочимъ классомъ, по крайней мѣрѣ, на извѣстный періодъ было вполнѣ возможно; притомъ же оно представляло настоятельную необходимость.

---

*) Ироническое прозвище Наполеона III.

Ниже мы попытаемся охарактеризовать тѣ специфическія чаянія соціальныхъ перемѣнъ, которыя даже въ эти годы продолжали одушевлять многихъ рабочихъ-республиканцевъ. Здѣсь же мы пока ограничимся указаніемъ на то, что низверженіе Имперіи заняло первое мѣсто среди ихъ стремленій.

Но какъ низвергнуть эту Имперію? Тайная пропаганда могла сохранить для партіи ея активныхъ и преданныхъ борцовъ. Но можно ли было надѣяться на то, что когда-нибудь удастся увлечь за собой боязливую массу, что удастся, несмотря на полицейскій надзоръ и молчаніе прессы, привлечь на свою сторону большинство?

Въ виду этого вполнѣ естественно, что республиканцы вернулись къ своимъ старымъ методамъ борьбы. Необходимо было попытаться организовать заговоръ, какъ это нѣкогда дѣлалъ Бланки и какъ еще недавно сдѣлалъ самъ виновникъ государственнаго переворота, необходимо было подготовить неожиданное выступленіе, покушеніе или удачное возстаніе меньшинства для захвата политической власти. Какъ за это взяться, могли указать студенты, знакомые съ исторіей республиканской партіи, и рабочіе, принадлежавшіе до 1848 года къ тайнымъ обществамъ, Обществу Семействъ или Временъ Года. Въ 1852—58 гг., т. е. въ самый блестящій періодъ Второй Имперіи, составлено было множество заговоровъ. Конечно, полиція, которой нужны были удобные предлоги для окончательнаго истребленія республиканской бациллы во Франціи, преувеличивала ихъ число, но не подлежитъ сомнѣнію, что и настоящихъ заговоровъ было не мало. Эмигранты не переставали проповѣдывать идею цареубійства, а отдѣльные республиканскіе кружки не переставали мечтать о бунтахъ и всенародномъ вооруженномъ возстаніи.

Въ сентябрѣ 1852 года на улицѣ Рейнъ-Бланшъ арестованъ былъ кружокъ заговорщиковъ, состоявшій изъ врача, морского офицера и десятка рабочихъ. Участники кружка изготовляли оружіе и патроны; они были осуждены и встрѣтили обвинительный приговоръ криками: «да здравствуетъ Республика!»

Въ іюлѣ 1853 года общественное мнѣніе было взволновано заговоромъ Гипподрома и Комической Оперы. Еще въ прошломъ году нѣсколько старыхъ парижскихъ заговорщиковъ составили тайное общество, Санитарный Кордонъ и Общество Народныхъ Консуловъ; съ своей стороны студенты организовали общество Двухсотъ. Всѣ три кружка дѣйствовали солидарно. Они согласились сообща предпринять непосредственное выступленіе и поднять возстаніе, которое неизбѣжн должно было начаться съ убійства тирана. Румынскій политическій эмигрантъ Янъ Братіано доставилъ имъ типографскій станокъ, на которомъ они печатали революціонные бюллетени.

Душой этого заговора была студенческая группа, состоявшая приблизительно изъ 40 человѣкъ, среди которыхъ главную роль игралъ Рибо де Логардьеръ и Ранкъ. Участіе въ этомъ дѣлѣ принимали и рабочіе, какъ напримѣръ Рюо, каменотесъ въ Луврѣ. Черезъ посредство лилльскаго военнаго врача Ватто завязаны были сношенія съ унтеръ-офицерами лилльскаго гарнизона и съ проживавшими въ Бельгіи эмигрантами; съ лондонскими эмигрантами поддерживались письменныя сношенія.

Казнь императора рѣшено было осуществить 7 іюня 1853 года во время переѣзда его изъ Сенъ-Клу въ Гипподромъ. Но заговорщики обратили на себя вниманіе полиціи: Рюо и его другъ Люксъ были арестованы. Тогда покушеніе было перенесено на 6 іюля; но полиція, очевидно, снова предупрежденная, арестовала троихъ заговорщиковъ недалеко отъ Комической Оперы. Черезъ нѣсколько дней были арестованы еще нѣсколько студентовъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ. Двадцать семь обвиняемыхъ, которыхъ защищали Жюль Фавръ и Мартэнъ (изъ Страсбурга), появились передъ ассизнымъ судомъ. Одни изъ нихъ были осуждены; остальные же, несмотря на оправдательный вердиктъ присяжныхъ, были преданы суду исправительной полиціи и осуждены за участіе въ тайномъ сообществѣ.

Въ октябрѣ 1853 года былъ арестованъ Делеклюзъ; посаженъ въ тюрьму докторъ Гепенъ изъ Нанта; у Манженовъ, сотрудниковъ Луарскаго Маяка, произведенъ былъ обыскъ. Имѣла-ли полиція и на этотъ разъ дѣло съ заговоромъ и конспираціей, удалось ли ей захватить какіе-нибудь планы? Не трудно понять, что республиканская пропаганда сама по себѣ представляла непрерывную конспирацію. Такъ какъ она велась тайно, то она фатально приводила къ образованію тайныхъ обществъ, а тайное общество уже однимъ фактомъ своего существованія представляло собою бунтовщическое дѣяніе и не могло не стремиться къ ниспроверженію господствовавшаго политическаго строя. На декабрьское насиліе можно было отвѣчать только насильственнымъ переворотомъ. И вполнѣ естественно, что всѣ сношенія между эмигрантами и французскими республиканцами всегда вертѣлись вокругъ этого предмета. Въ началѣ 1854 года нерѣшительный исходъ сраженій въ Крыму, задержка въ наступленіи союзныхъ армій и колебанія биржи внушили лондонскимъ эмигрантамъ надежду на возможность широкаго оппозиціоннаго движенія, способнаго увлечь за собою общественное мнѣніе. И „Революціонная Коммуна“ рѣшила, что наступилъ моментъ дѣйствовать. Буашо отправился во Францію, гдѣ былъ арестованъ. Это только послужило поводомъ къ новымъ преслѣдованіямъ въ Анжерѣ, Турѣ и Ліонѣ, гдѣ всѣ рабочіе, стремившіеся къ организаціи и къ самообразованію или просто мечтавшіе о болѣе свободныхъ временахъ, были обвинены въ принадлежности къ обществу Маріанны, внушавшему правительству величайшій страхъ съ 1850 года, или къ обществу карбонаріевъ, воспоминаніе о которомъ какъ кошмаръ угнетало полицію бывшаго карбонарія, добравшагося до власти.

Зато уже настоящими заговорщиками были братья Жакенъ, Девэнъ и ихъ товарищи, которые въ томъ же году задумали взорвать императорскій поѣздъ между станціями Перанши и Ламберсаръ на Турнэ-Лилльской желѣзной дорогѣ и были осуждены по этому дѣлу.

Покушеніе Піанори и даже покушеніе помѣшаннаго сапожника Бельмара въ 1855 г. не могутъ, кажется, быть поставлены на счетъ республиканской партіи. Но новыя преслѣдованія, возбужденныя въ Парижѣ противъ общества Маріанны, а въ Ліонѣ противъ общества Ненасытныхъ, свидѣтельствовали объ упорствѣ республиканскихъ замысловъ.

Въ томъ же 1855 году въ ночь съ 26 на 27 августа въ провинціи, а именно въ Анжерѣ вспыхнулъ мятежъ, единственное серьезное дви-

женіе за эти годы. Рабочіе, занятые на аспидныхъ ломкахъ Трелазе, принадлежавшіе къ обществу Маріанны, двинулись на Анжеръ, но были разсѣяны войсками. Среди этихъ рабочихъ велась дѣятельная пропаганда, которая, какъ и пропаганда Буашо, старалась главнымъ образомъ использовать событія Крымской войны. Были выпущены листки, сообщавшіе рабочимъ, что союзная армія подъ Севастополемъ разбита, что голодъ и холера опустошаютъ ея ряды, и что въ Парижѣ провозглашена Республика. И вотъ для того, чтобы провозгласить революціонное правительство и, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ, „чтобы помочь возстановленію закона“, они и двинулись на Анжеръ. Другой рабочій Пакье заявилъ, что онъ „готовъ во всякое время взяться за оружіе въ интересахъ своей партіи“ Они были осуждены; и вплоть до начала 1856 года по всей Франціи происходили преслѣдованія противъ предполагаемыхъ или дѣйствительныхъ членовъ Маріанны, въ Нантѣ, Турѣ, Орлеанѣ, Анжерѣ, Парижѣ и т. д. Эти преслѣдованія свидѣтельствовали о томъ, что масса республиканцевъ остается вѣрна своимъ идеямъ и что, наперекоръ всѣмъ репрессивнымъ мѣропріятіямъ полиціи, партія не прекращаетъ своей дѣятельности. Какъ писалъ въ 1855 году министръ юстиціи, „демократическая партія по прежнему скорѣе обуздана, чѣмъ исправлена“.

Но что могла она подѣлать противъ монарха, опиравшагося на армію, противъ счастливаго государя, которому улыбалось счастье? Ругательства по адресу декабрьскаго разбойника потонули въ громѣ тріумфа 1856 года. Вся Европа преклонялась передъ императоромъ, а при такихъ условіяхъ можно-ли было признать покушенія и заговоры цѣлесообразными средствами, способными доказать величіе и справедливость республиканскаго дѣла, снискать ему симпатіи общества и возбудить въ массѣ желаніе придти къ нему на помощь?

Однако партіи страстно хотѣлось во всеуслышаніе заявить, если не о своей силѣ, то, по крайней мѣрѣ, о своемъ существованіи. Въ 1857 году предстояли новые выборы въ Законодательный Корпусъ. Какое рѣшеніе должна была принять по этому поводу республиканская партія?

* * *

Начиная съ 1852 года. многіе члены партіи рекомендовали тактику воздержанія отъ голосованія. Эта тактика проводилась на муниципальныхъ и департаментскихъ выборахъ. Въ 1857 году люди чувства и непримиримо настроенные республиканцы по прежнему высказывались за бойкотъ выборовъ; къ этому мнѣнію присоединились также нѣкоторые старики, рѣшительно отказывавшіеся понять, какъ это можно войти въ Законодательный Корпусъ Имперіи. Но теперь эти взгляды уже не имѣли за собой большинства.

Большинство стояло за участіе въ выборахъ: необходимо,—говорили они,—использовать всѣ средства; слѣдуетъ пользоваться обломкомъ, если нельзя располагать цѣлымъ оружіемъ. Кромѣ того они указывали на то, что воздержаніе дѣйствуетъ самымъ разлагающимъ образомъ на энергію массъ. Рѣшено было спросить совѣта у эмигрантовъ. Ледрю-Роленъ и Эжень Сю высказались за участіе. „На Бога надѣйся, а самъ не плошай“,—отвѣтилъ также Луи Бланъ, который въ длинномъ маши-

фестѣ выяснялъ необходимость борьбы. „Берегитесь,—писалъ онъ,—возводить параличъ въ систему. Воздержаніе можетъ только обезкуражить хорошихъ людей, обрадовать испорченныхъ, доставить удобную маску скептикамъ, связать по рукамъ и ногамъ людей рѣшительныхъ и послужить прикрытіемъ для трусовъ. Гордіевъ узелъ не развязывается самъ собой".

Но что же будутъ дѣлать депутаты, если ихъ удастся провести? А вѣдь многіе не сомнѣвались, что это безусловно удастся. Эжень Сю расчитывалъ даже на избраніе 135 республиканцевъ. Какъ извѣстно, депутаты должны были приносить присягу на вѣрность Имперіи, но неужели республиканцы согласятся присягнуть человѣку, нарушившему свою клятву, которую нѣкогда они съ него взяли?

Вопросъ объ участіи въ выборахъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и теперь самые страстные дебаты разгорѣлись вокругъ вопроса о допустимости присяги. Луи Бланъ видѣлъ въ выборахъ средство торжественнаго и драматическаго протеста. Въ виду молчанія прессы, громкій отказъ отъ присяги могъ бы дать выраженіе подавленному протесту массъ. „Безусловно необходимъ,—говорилъ Луи Бланъ,—мотивированный отказъ, составленный въ такихъ выраженіяхъ, чтобы въ немъ загремѣлъ великій вопль, вырваться которому изъ груди народа помѣшалъ длительный успѣхъ преступнаго покушенія, погубившаго свободу трибуны и свободу печати; если народныхъ избранниковъ прервутъ, пусть они упорно продолжаютъ, если имъ станутъ угрожать, пусть они твердо стоятъ на своемъ, вплоть до того момента, когда вмѣшается грубая сила и схватитъ ихъ за шиворотъ... Если—заключаетъ онъ,—если выдающіеся люди подадутъ при торжественной обстановкѣ великій примѣръ гражданскаго мужества, можно ли допустить, чтобы этотъ примѣръ остался безплоднымъ?" Старики большей частью раздѣляли мнѣніе Луи Блана, но извѣстному числу республиканцевъ, въ особенности молодымъ, вовсе не улыбалась мысль сдѣлаться новыми Мануэлями; они хотѣли быть избранными, участвовать въ засѣданіяхъ и дѣйствовать. Вѣдь присягали же Гарнье-Пажесъ и Ледрю-Ролэнъ въ царствованіе Луи-Филиппа: такъ вотъ и они примутъ присягу и воспользуются существующей конституціей для того, чтобы дать возможность голосу независимыхъ людей зазвучать въ собраніи рабовъ. Къ такому рѣшенію вопроса склонялись Гавэнъ и небольшой кружокъ, группировавшійся вокругъ газеты Siècle (Вѣкъ); по ихъ мнѣнію, въ Законодательномъ Корпусѣ слѣдовало бы оказывать оппозицію въ духѣ этой газеты, которая подчинялась требованіямъ господствующаго режима и, на зло Гудшо, не хотѣла „довести себя до закрытія".

Незадолго до того, въ виду предстоявшихъ выборовъ, образовался комитетъ, собиравшійся у довольно извѣстнаго адвоката Демарэ. Сюда входили бывшіе депутаты и дѣятели 1848 года, Арно (изъ Арьежа), Жюль Бастидъ, Бетмонъ, Бюше, Карно, генералъ Кавеньякъ, Шартонъ, Корбонъ, Жюль Симонъ, Жанъ Рейно; публицисты, какъ Лоранъ Пиша, Фредерикъ Моренъ, Эжень Пельтанъ; профессора вродѣ Вашро. Этотъ комитетъ стариковъ распредѣлилъ кандидатуры въ десяти округахъ Парижа.

Но молодежь также хотѣла добиться своей доли: вокругъ Гавэна группировалось не мало талантливыхъ людей, въ особенности адвокатовъ, нѣсколько пренебрежительно относившихся къ „старикашкамъ“ и рвавшихся къ дѣлу. Среди нихъ особенно выдѣлялись Дюрье, Эрнестъ Пикаръ и главнымъ образомъ Эмиль Оливье. Сынъ стараго республиканца и эмигранта Демосѳена Оливье, по волѣ Ледрю-Ролэна сдѣлавшійся префектомъ Усть-Ронскаго департамента въ 20 лѣтъ, этотъ адвокатъ, отличавшійся способностью импровизировать рѣчи и застольные спичи, хотѣлъ, повидимому, доказать, что можно совмѣстить непримиримую оппозицію Имперіи съ дѣятельнымъ участіемъ въ парламентскихъ работахъ. Подобно всѣмъ людямъ своего поколѣнія, онъ жаждалъ дѣятельности; онъ полагалъ, что старики слишкомъ много говорили и спорили о принципахъ, что они слишкомъ много насочиняли грандіозныхъ формулъ. Такого же мнѣнія придерживались и тѣ, кто, подобно Ранку, принималъ участіе въ тайныхъ обществахъ и заговорахъ. Но Оливье расчитывалъ доставить вліяніе республиканскимъ идеямъ путемъ парламентскихъ выступленій и повседневнаго участія въ дѣлахъ государственнаго управленія. „Существуетъ,—говорилъ онъ спустя нѣсколько дней въ своей платформѣ,—особый видъ демократіи, широкой и симпатичной, рвущейся къ будущему. Эта демократія знаетъ, что усиленіе достигается посредствомъ ассимиляціи, а не посредствомъ исключенія, что при наличности новой ситуаціи, необходимо измѣняться, а не повторяться. Она полагаетъ, что время фразъ прошло, и что наступаетъ время науки. Моральное и матеріальное улучшеніе участи страждущихъ тружениковъ, развитіе торговли, промышленности и кредита—такова ея цѣль. Свобода—таковы ея средства. Выразительницей этой демократіи является молодежь съ 1848 года; я—одинъ изъ ея представителей“.

Протекція Гавэна доставила Эмилю Оливье избирательный округъ, а плутовство того же самаго нормандца, который вмѣсто списка, принятаго комитетомъ, напечаталъ въ газетѣ Siècle свой собственный списокъ, доставило ему хорошій округъ.

При рѣшеніи вопроса о кандидатурахъ голоса рабочихъ никто не спрашивалъ. Не имѣя ни досуга, ни средствъ для активнаго участія въ избирательной кампаніи, они должны были вотировать за кандидатовъ, выставленныхъ буржуазнымъ комитетомъ. Однако хитрый Гавэнъ считалъ необходимымъ хотя бы сдѣлать видъ, что о рабочихъ заботятся. Сначала онъ подумалъ было о Прудонѣ, котораго любилъ по прежнему, но Прудонъ не намѣренъ былъ выставлять своей кандидатуры: лично онъ теперь склонялся даже къ воздержанію отъ голосованія. Гавэнъ выбралъ одного изъ своихъ сотрудниковъ, Даримона.

Эти мелкія плутни Гавена и его протеже возбудили ожесточенные споры. Между Эмилемъ Оливье и Гарнье-Пажесомъ произошло довольно рѣзкое объясненіе при публикѣ. Въ концѣ концовъ въ Парижѣ оппозиція пошла въ бой раздѣленной.

И тѣмъ не менѣе она добилась крупнаго успѣха: изъ восьми депутатовъ, подлежащихъ избранію въ городскихъ округахъ столицы, Парижъ выбралъ пять республиканцевъ. Трое изъ нихъ, Кавеньякъ, Карно и Гудшо, прошли въ первомъ же турѣ значительнымъ большинствомъ; а затѣмъ во время перебаллотировки избраны были Эмиль Оливье и

Даримонъ. Въ провинціи трудно было бороться съ невѣроятнымъ давленіемъ администраціи; тѣмъ не менѣе въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ республиканскія группы вели избирательную кампанію. Въ Ліонѣ, какъ и въ 1852 г., прошелъ Генонъ, а второй демократическій кандидатъ, Бако, провалился только нѣсколькими голосами. Въ Бордо былъ избранъ Кюре, который тогда считался республиканцемъ. Цѣлый рядъ городовъ въ самыхъ противоположныхъ углахъ Франціи присоединился къ этой демонстраціи: въ департаментахъ Марны, Мертъ и Ло генералъ Кавеньякъ, имя котораго, несмотря на іюньскіе дни, «ясно означало республику», получилъ тысячу голосовъ; а въ Авиньонѣ онъ получилъ даже большинство. Эммануэль Араго и Пажесъ (изъ Арьежа) также получили большинство въ Тулузѣ. Въ департаментахъ Объ, Котъ-д'Оръ, Луары, Эръ, Дордонь, Геро, Эндръ, Шаранты и Орнъ, оппозиція собрала довольно почтенное меньшинство. Но почти единодушное голосованіе крестьянъ, которыхъ вели къ избирательнымъ урнамъ гг. префекты, на этотъ разъ пока обезпечило правительству значительное большинство. Итакъ, населеніе во всеуслышаніе засвидѣтельствовало свою вѣрность республикѣ; это была именно вѣрность, такъ какъ никакая пропаганда не могла привести къ новой группировкѣ силъ. Эта демонстрація поразила не только правительство, но даже тѣхъ республиканцевъ, которые впали въ поверхностную оцѣнку событій 2 декабря и временно повѣрили, что рабочая масса перешла на сторону Имперіи. Говорили, будто правительство даже подумывало о томъ, чтобы впредь обновлять палату только по частямъ, да и то разъ въ пять лѣтъ.

Исполняя принятыя на себя обязательства, Карно и Гудшо опубликовали открытое письмо, въ которомъ отказывались отъ присяги: они были объявлены потерявшими свои полномочія (ноябрь 1857 года). Кавеньякъ умеръ до открытія Законодательнаго Корпуса.

Генонъ принесъ присягу, заявивъ при этомъ, что онъ дѣйствуетъ согласно желаніямъ своихъ избирателей. Трое другихъ депутатовъ, Эмиль Оливье, Даримонъ и Кюре, присягнули безъ всякихъ манифестацій. Ихъ вѣрноподданническая присяга оказалась подлинной: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кюре перешелъ на сторону Имперіи; остальнымъ двумъ депутатамъ понадобилось для этого больше времени, но зато ихъ измѣна произвела еще болѣе сильное впечатлѣніе.

Эмиль Оливье, Даримонъ, Генонъ—не этимъ тремъ людямъ суждено было собственными силами потрясти зданіе Второй Имперіи. Сначала общество интересовалось ихъ избраніемъ, ихъ первыми выступленіями, но затѣмъ обычные житейскіе интересы снова поглотили все его вниманіе. По прежнему празднества развлекали лавочниковъ, обширныя общественныя работы занимали массу рабочихъ, а биржевая игра вполнѣ удовлетворяла финансовыхъ тузовъ. Для того, чтобы республиканская партія снова начала играть историческую роль, она должна была снова выступить въ качествѣ представительницы извѣстной традиціи, въ качествѣ носительницы идеи, выдвигаемой событіями на первый планъ. Въ періодъ расцвѣта императорской славы отъ 1852 до 1857 года она жила, и уже это одно было хорошо. Конечно, это была искусственная, дѣланная жизнь, вродѣ жизни больного, поддерживаемаго

искусственнымъ питаніемъ, вродѣ прозябанія хилаго организма, способнаго только отстаивать свое существованіе отъ нападенія враждебныхъ силъ. Нормальная, безсознательная жизнь здороваго организма могла возобновиться только при условіи энергичной дѣятельности, но возможна ли была республиканская дѣятельность при господствѣ этого режима, могла ли республиканская партія активно вмѣшаться въ естественное теченіе событій?

Эта дѣятельность сдѣлалась возможной благодаря наполеоновскимъ мечтаніямъ: внѣшняя политика Наполеона III вернула нѣкоторую свободу и нѣкоторую силу республиканской партіи.

*
* *

Крымской войной Наполеонъ III далъ удовлетвореніе католикамъ; этой же войной, а также Парижскимъ конгрессомъ онъ доставилъ Франціи національную славу, которой жаждали всѣ партіи. Для такого режима, какъ Вторая Имперія, и въ такой странѣ, какъ Франція, славная, хотя бы даже и безплодная, война представляетъ полезную диверсію. „Во Франціи,—какъ говорилъ Персиньи въ 1850 году,—національное чувство составляетъ единственное средство борьбы съ дурными страстями". Эту фразу слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что націонализмъ является самымъ сильнымъ оружіемъ реакціи.

Послѣ Парижскаго конгресса положеніе Франціи можно было признать блестящимъ. Благодаря ей Англія сумѣла осуществить свои замыслы на Черномъ морѣ. Побѣжденная Россія, готовясь къ реваншу, искала благосклонности Франціи и даже союза съ нею; Австрія, довольная исходомъ войны, которая, наперекоръ всѣмъ стараніямъ Пруссіи и Пьемонта, не повлекла для нея никакихъ потерь ни въ Германіи, ни въ Италіи, чувствовала признательность къ Франціи за свободу плаванія по Дунаю. Та же Франція помогла Турціи провести внутреннія реформы; она добилась допущенія на Парижскій конгрессъ Пруссіи и Пьемонта, и обѣ эти націи и въ будущемъ ожидали отъ нея политики, отвѣчавшей ихъ упованіямъ. О сохраненіи такого положенія стоило позаботиться: для этого достаточно было показать, что Франція достаточно сильна для того, чтобы заставить всякаго считаться съ собою, и достаточно безкорыстна для того, чтобы внушить довѣріе къ своему посредничеству.

Но Наполеонъ III тѣшился великими замыслами, которые давно уже сложились у него въ головѣ и тщательно обдумывались въ продолженіе долгой и полной приключеній жизни на чужбинѣ. Ему хотѣлось мирнымъ путемъ осуществить традиціонныя пожеланія французской революціи и Первой Имперіи, т. е. вернуть всѣмъ народамъ свободу и національную независимость. Преемникъ великаго императора, воспитанный своей матерью въ духѣ воспоминаній наполеоновской эпопеи, онъ поставилъ себѣ задачей изгладить позорные слѣды трактатовъ 1815 года и въ частности содѣйствовать отмѣнѣ тѣхъ несправедливыхъ постановленій, которыя продолжали тяготѣть надъ народами. Стремленія угнетенныхъ національностей были ему извѣстны; въ молодости онъ слушалъ лекціи филологовъ Леба и Гагена и, подобно своимъ нѣмецкимъ однокашникамъ, пристрастился къ изученію археологіи. Впослѣд-

ствіи, проживая съ 1824 до 1829 года въ Италіи, онъ примкнулъ къ романской партіи и вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ въ 1831 году боролся за святое дѣло итальянской независимости. Съ 1831 года онъ оставался даже интимнымъ другомъ итальянскихъ патріотовъ-эмигрантовъ, которые возлагали на него самыя серьезныя надежды.

Независимость Германіи, Италіи и вообще всѣхъ угнетенныхъ національностей составляла предметъ его постоянныхъ мечтаній. И съ того момента, какъ онъ овладѣлъ властью во Франціи, онъ началъ подумывать объ ихъ осуществленіи.

Вдобавокъ онъ прекрасно понималъ, что осуществленіе этихъ великихъ проектовъ польститъ національному самолюбію его подданныхъ. Онъ зналъ, что католики будутъ признательны ему за употребленіе французскихъ силъ на службу интересамъ христіанства, католическихъ миссій и латинской расы. Но и республиканцы, и даже главнымъ образомъ они, должны были примкнуть къ государю, который рѣшится разодрать трактаты 1815 года, ненавистные трактаты, навязанные Франціи побѣдоноснымъ Священнымъ Союзомъ и затормозившіе пропаганду республиканскихъ идей. Они должны были стать на сторону Имперіи противъ реакціонной Австріи, сокрушившей европейскую революцію 1848 года, и отнестись, по крайней мѣрѣ, снисходительно къ монарху, взявшему на себя иниціативу освободительной политики, для осуществленія которой Вторая Республика не имѣла ни времени, ни силъ. Правда, государственный переворотъ вырылъ почти непроходимую пропасть между республиканцами и бонапартистами, недавно еще солидарными въ борьбѣ съ трусливой политикой Луи-Филиппа и въ смутномъ преклоненіи передъ эпохой Великой Революціи; но традиціи, созданныя наполеоновской легендой, не успѣли еще вполнѣ изгладиться. Въ области внѣшней политики міровоззрѣніе сотрудниковъ „В ѣ к а“ никогда особенно глубоко не отличалось отъ взглядовъ императора, и послѣдній могъ расчитывать на то, что ему удастся использовать стремленія республиканцевъ въ своихъ интересахъ. „Имперія—сказалъ онъ однажды Валевскому,—находится еще въ юномъ возрастѣ и подвержена дѣтскимъ болѣзнямъ. Она должна объединить подъ мантіей славы тѣ партіи, которыя все болѣе стремятся разойтись въ разныя стороны“.

Итакъ, Наполеонъ III, не переставая ладить съ католиками, попытался осуществить свою завѣтную мечту. Охрана французскихъ интересовъ въ такой моментъ, когда нѣмцы, итальянцы и всѣ вообще европейскія національности мечтали о своемъ объединеніи—въ случаѣ надобности, съ помощью силы—и объ упроченіи своего могущества, сама по себѣ представляла сложную и крайне щекотливую задачу. Но политика вмѣшательства и погоня за славой могла увлечь Францію на крайне рискованный и опасный путь. Если бы національная политика, крайне популярная во Франціи, не повлекла за собою другихъ послѣдствій кромѣ раздраженія реакціонныхъ европейскихъ державъ, это было бы еще полбѣды. Но примѣшивая къ широкимъ, гуманитарнымъ замысламъ своекорыстные расчеты, требуя „на чай“, т. е. добиваясь территоріальныхъ приращеній, нужныхъ для упроченія своей династіи, Франція рисковала возстановить противъ себя рѣшительно всѣ государства и возбудить негодованіе новообразовавшихся національностей.

Одно время послѣ Парижскаго Конгресса можно было предполагать, что Наполеонъ III пожелаетъ открыть эру новой „политики національностей“ въ Румыніи. Румынскій вопросъ обсуждался на Конгрессѣ, причемъ Наполеонъ III поддерживалъ требованія румынскихъ патріотовъ, добивавшихся одновременно независимости и объединенія своего отечества. Онъ требовалъ объединенія княжествъ Молдавіи и Валахіи подъ властью одного государя, на мѣсто котораго прочили герцога Пармскаго, но онъ добился только того, что Конгрессъ призналъ въ принципѣ необходимость опросить румынскій народъ. Выработанъ былъ избирательный законъ... Франціей. Нельзя не замѣтить, что императорская Франція разсматриваемаго періода довольно оригинально проводила принципъ свободы! Впрочемъ, Блистательная Порта показала, что и она также понимаетъ толкъ въ избирательныхъ системахъ: девять десятыхъ населенія были лишены избирательнаго права. Франція протестовала, но англійскій посланникъ въ Константинополѣ, все тотъ же пресловутый Редклифъ, нашелъ быстрый отвѣтъ этому противнику (для чужихъ государствъ) „оффиціальныхъ“ выборовъ: „Вы протестуете,—сказалъ онъ Тувенелю,—противъ поведенія Ясскаго каймакана; въ такомъ случаѣ потрудитесь прочитать циркуляръ господина Билло о свободѣ выборовъ во Франціи“. Французское правительство окрысилось и начало угрожать Турціи войной, но понимая, что Англія не послѣдуетъ за нимъ по этому пути, оно удовольствовалось отмѣной выборовъ. 19 августа 1858 года новый конгрессъ, собравшійся въ Парижѣ, уладилъ это дѣло. Франція спокойно допустила отмѣну уступокъ, сдѣланныхъ румынамъ двумя годами раньше: они по прежнему остались подъ верховной властью султана, по прежнему раздѣлены были на двѣ провинціи и обязаны были платить Турціи дань, получивши единственное удовлетвореніе въ видѣ одинаковаго административнаго устройства. Наполеонъ въ общемъ предоставилъ румынамъ самимъ выпутываться изъ затруднительнаго положенія; и они вышли изъ него довольно удачно, избравши въ обоихъ княжествахъ господаремъ одно и то же лицо, Александра Кузу, который подготовилъ объединеніе и независимость Румыніи.

Но за послѣднее время „Востокъ пересталъ уже играть какую либо роль въ расчетахъ Наполеона III“. Все его вниманіе было поглощено итальянскими дѣлами. Именно въ Италіи должна была проявиться со всѣми своими послѣдствіями наполеоновская политика національностей. Для правильнаго пониманія дальнѣйшихъ событій мы должны въ нѣсколькихъ словахъ напомнить о томъ рѣшительномъ поворотѣ, который незадолго до того произошелъ въ движеніи, поставившемъ себѣ цѣлью объединеніе и независимость Италіи.

Еще недавно, во время того великаго идейнаго порыва, который привелъ къ революціоннымъ возстаніямъ 1848 года, Римъ и папство, увлеченное пламенной проповѣдью Джоберти, шли въ первыхъ рядахъ освободительнаго движенія. Событія 1848 г. и слѣдующихъ лѣтъ вскрыли истинную природу папской власти и показали, что она является главной помѣхой къ объединенію и освобожденію Италіи. Опираясь на поддержку Бурбоновъ, Австріи и французскихъ реакціонеровъ, она выступила въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. въ качествѣ позвоночнаго хребта реакціи... Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что республиканцы

не въ силахъ отстоять свободу отъ покушеній папской власти и отъ иностраннаго вмѣшательства.

И вотъ тогда, въ то мрачное время, когда итальянскіе государи призывали на помощь покровительство Австріи и шли за папой по пути реакціонной политики, на сцену въ качествѣ центра объединенія патріотическихъ элементовъ выступило Сардинское королевство, во главѣ котораго стоялъ молодой король, рѣшившійся оказать сопротивленіе Австріи и опиравшійся на католическихъ, но враждебныхъ реакціи министровъ. Вокругъ Сардинской монархіи сплотились члены самыхъ различныхъ партій, начиная съ консерваторовъ и кончая революціонерами и республиканцами. Если проживавшіе на чужбинѣ Мадзини и Гарибальди по прежнему оставались непреклонными, то Раттацци, Фарини и Чіальдини, наученные неудачей, предложили свои услуги сильному государству, которое теперь казалось единственно способнымъ привести итальянцевъ къ единству и свободѣ.

Изъ всѣхъ дѣятелей, работавшихъ на этомъ поприщѣ, особенно содѣйствовалъ этому процессу собиранія итальянскихъ силъ Кавуръ. Этотъ вельможа, стоявшій въ сторонѣ отъ борьбы партій, никогда не зналъ другихъ помысловъ, кромѣ страстнаго стремленія къ объединенію Италіи. Обладая поразительной памятью и необыкновенной трудоспособностью, желѣзной волей и, главное, обширными экономическими познаніями, пріобрѣтенными какъ благодаря научнымъ занятіямъ, такъ и практическому веденію раціональнаго хозяйства въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ, Кавуръ сумѣлъ добиться вліянія на короля, на своихъ товарищей по министерству и на всю націю. Сначала крайне не популярный, онъ мало по малу заставилъ Италію признать свои взгляды. Не громкими фразами, а реальнымъ дѣломъ, разумной администраціей, содѣйствіемъ развитію торговли и промышленности, онъ внушилъ странѣ увѣренность, что экономическая мощь, дающая возможность содержать сильную армію, гораздо болѣе способна доставить ей свободу, чѣмъ самый пламенный энтузіазмъ. Опираясь на завоеванное имъ вліяніе, Кавуръ въ 1852 году добился соглашенія умѣренныхъ партій (такъ называемое connubio).

Съ этого момента пьемонтскіе патріоты начали подумывать о возобновленіи войны съ Австріей. Но они понимали, что для такой борьбы ихъ собственныхъ силъ будетъ недостаточно и что имъ необходимо искать союзниковъ. Кавуръ стремился къ союзу съ Франціей; для заключенія этого союза, онъ готовъ былъ пустить въ ходъ всѣ средства, даже сомнительныя, лишь бы добиться великой цѣли.

Впрочемъ, Наполеонъ самъ радъ былъ проявить свои симпатіи къ Италіи. При извѣстной настойчивости Кавуръ со временемъ долженъ былъ обезпечить себѣ его поддержку.

Въ 1852 году императоръ неожиданно объявилъ Сардинскому посланнику, что онъ любитъ Италію, какъ свое второе отечество, и выразилъ ему надежду, что „наступитъ время, когда обѣ страны въ качествѣ товарищей по оружію будутъ вмѣстѣ бороться за дѣло независимости“. Въ 1854 году, какъ мы видѣли, Кавуръ безъ всякихъ условій и вопреки оппозиціи остальныхъ министровъ, согласился выставить сардинскій вспомогательный корпусъ во время Крымской войны. Такимъ образомъ, Пьемонтъ вышелъ изъ своего изолированнаго состоянія, а посредствен-

ные успѣхи сардинскихъ войскъ, преувеличенные народной гордостью, повышали его военный престижъ въ глазахъ мелкихъ итальянскихъ государствъ. Тѣмъ временемъ Наполеонъ III не оставлялъ своей мечты, а вѣрные друзья, которыхъ Кавуръ имѣлъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ, графъ Арезъ, ломбардецъ и старый товарищъ императора по изгнанію, и докторъ Конно, сынъ француза и миланки, тюремный товарищъ Бонапарта по Гамской крѣпости, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы поддерживать въ императорѣ интересъ къ дѣлу итальянскаго освобожденія. Въ ноябрѣ 1855 года, когда Кавуръ и Викторъ-Эммануилъ прибыли на закрытіе Парижской выставки, Наполеонъ III обратился къ нимъ съ вопросомъ о томъ, «что можно сдѣлать для Пьемонта и и для Италіи».

На Парижскомъ Конгрессѣ 1856 года онъ уже сдѣлалъ для нея кое-что, настоявши на допущеніи Кавура на Конрессъ. Послѣдній не добился отъ державъ ничего, кромѣ выраженій симпатіи; а оппозиція по его возвращеніи нашла, что этого мало. Но въ дѣйствительности, по словамъ Кавура, «дѣло Италіи было вынесено на судъ общественнаго мнѣнія», а Пьемонтъ съ этого момента сдѣлался его признаннымъ ходатаемъ. Кромѣ того, помимо Конгресса между сардинскимъ посланникомъ и императоромъ начались въ Тюильрійскомъ дворцѣ тайные дружественные переговоры. Поговаривали даже, что одна очень красивая итальянская графиня дѣятельно помогала своему посланнику въ смыслѣ вліянія на императора.

Слѣдуетъ замѣтить, что женщины вообще сыграли извѣстную роль въ этой изумительной кампаніи закулисныхъ вліяній и секретныхъ дипломатическихъ переговоровъ. Католическая партія, съ тревогой взиравшая на то, что ея вчерашній союзникъ и соучастникъ по декабрьскому событію впутывается въ предпріятія, которыя фатально должны обратиться противъ папской власти, прибѣгла къ воздѣйствію на императрицу. Французскіе консерваторы, пользуясь ея суевѣріемъ и ханжествомъ, предостерегали ее противъ хлопотъ графа Ареза и принцевъ Бонапартовъ.

Зато въ Пале-Роялѣ Кавуръ нашелъ самаго преданнаго помощника въ лицѣ принца Наполеона. Именно въ Пале-Роялѣ поддерживалась традиція либерально-демократическаго бонапартизма, именно здѣсь дѣлались попытки къ возобновленію и упроченію союза между бонапартизмомъ и наименѣе непримиримыми республиканцами; а къ осуществленію такого сближенія могло привести только смѣлое проведеніе политики національностей. Наполеонъ III колебался между клерикальными и демократическими вліяніями, между Univers'омъ и Siècle'емъ. Возрожденіе Италіи, объединеніе и освобожденіе латинской націи по прежнему были ему дороги. Объединеніе Италіи равносильно было торжественному расторженію договоровъ 1815 года; но онъ хотѣлъ бы добиться этой цѣли безъ революціи и безъ войны, исключительно дипломатическими средствами. Антиклерикальная политика Кавура и враждебное отношеніе итальянскихъ патріотовъ къ папѣ возбуждали въ немъ опасенія предъ возможными послѣдствіями національной и народной войны, способной взбудоражить народныя массы.

Такъ прошелъ 1857 годъ, а императоръ все еще не могъ принять опредѣленнаго рѣшенія. Состоявшіеся въ этомъ году выборы послужили

превосходнымъ аргументомъ въ рукахъ либеральныхъ бонапартистовъ. Отмѣчая пробужденіе республиканскаго настроенія, они указывали на необходимость считаться съ нимъ; но Наполеонъ III никакъ не могъ рѣшиться на серьезный шагъ. Другой человѣкъ на мѣстѣ Кавура палъ бы духомъ; онъ же, упорно преслѣдуя свою цѣль, спѣшилъ напротивъ довести до конца сплоченіе итальянскихъ патріотовъ и укрѣпить позицію Пьемонта. Своимъ вызывающимъ поведеніемъ по отношенію къ Австріи онъ внушалъ довѣріе всему итальянскому обществу. Ни Мадзини, пытавшійся въ іюнѣ поднять возстаніе въ Генуѣ, ни католики, старавшіеся низвергнуть его во время ноябрьскихъ выборовъ, не могли поколебать его могущества. Вся Италія готова была послѣдовать за нимъ, когда пробьетъ урочный часъ.

Этотъ часъ пробилъ 14 января 1858 года. Бомба Орсини послужила прологомъ къ изумительной драмѣ.

Вечеромъ 14 января 1858 года, когда императоръ и императрица подъѣзжали къ Оперѣ, въ ихъ карету брошены были три бомбы. Наполеонъ и Евгенія не пострадали, но сто сорокъ одинъ человѣкъ были ранены взрывомъ, изъ нихъ двое смертельно.

Виновники покушенія были арестованы; они оказались четырьмя итальянцами: графомъ Орсини, Піерри, Гомецомъ и Рудіо. Заговорщики хотѣли убить государя, который одинъ только способенъ былъ освободить Италію, но которому растущее сближеніе съ консервативной партіей мѣшало исполнить свой долгъ. По такимъ же точно побужденіямъ Піанори уже стрѣлялъ въ императора въ 1853 году, а Тибальди въ 1857 году составилъ противъ него заговоръ.

Въ первый моментъ послѣ покушенія всѣ остолбенѣли и были охвачены ужасомъ. Неутѣшная императрица стояла за суровыя репрессіи. Внутри страны приняты были новыя мѣры строгости противъ республиканцевъ; французское правительство угрожало иностраннымъ государствамъ, которыя давали убѣжище эмигрантамъ, какъ напримѣръ Англіи и Пьемонту.

«Пусть мнѣ принесутъ судебное дѣло объ адской машинѣ», — сказалъ Наполеонъ III по возвращеніи въ Тюильрійскій дворецъ. Подражая первому консулу, который послѣ покушенія на него роялистовъ на улицѣ Сенъ-Никезъ обрушился на республиканцевъ, его племянникъ собирался воспользоваться покушеніемъ Орсини, для того чтобы повторить декабрьскую расправу.

Стоитъ-ли упоминать о томъ, что даже по признанію бонапартистскихъ газетъ ни одинъ французъ не былъ замѣшанъ въ этотъ заговоръ? Страхъ не разсуждаетъ, а декабрьскіе дѣятели не переставали жить въ атмосферѣ страха цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ. Они инстинктивно чувствовали, что въ случаѣ убійства императора изъ 20 тысячъ грудей на улицахъ Парижа вырвется единодушный крикъ въ пользу возстановленія республики; въ интересахъ самосохраненія, они рѣшились уничтожить послѣдніе остатки республиканскихъ силъ, которыя могли еще сохраниться во Франціи.

Черезъ четыре дня послѣ покушенія, 18 января, глава государства въ своей рѣчи, произнесенной при открытіи сессіи Законодательнаго Корпуса, употребилъ угрожающія фразы: «Полная свобода,—заявилъ онъ,—

невозможна до тѣхъ поръ, пока въ странѣ существуетъ направленіе, упорно отвергающее основныя начала государственности....

«Что бы тамъ ни говорили, опасность заключается не въ чрезмѣрныхъ прерогативахъ власти, а скорѣе въ отсутствіи респрессивныхъ законовъ... Такъ какъ умиротвореніе умовъ должно быть постоянной цѣлью нашихъ усилій, вы поможете мнѣ изыскать средства, способныя принудить къ молчанію крайнюю и мятежную оппозицію».

Намѣренія правительства были слишкомъ ясны, а вскорѣ не замедлили послѣдовать и дѣйствія. „Парижское обозрѣніе“ было закрыто по приказу Билло за непрекращающееся «восхваленіе республиканскихъ воспоминаній и надеждъ». Закрытію подвергся также легитимистскій „Наблюдатель“ за то, что онъ воспользовался покушеніемъ 14 января «для новой защиты отстаиваемыхъ имъ принциповъ».

Перваго февраля въ Законодательный Корпусъ, который поднялся «какъ одинъ человѣкъ», преисполненный благоговѣнія и энтузіазма, когда императоръ произносилъ угрозы по адресу крайнихъ партій, внесенъ былъ проектъ закона объ общественной безопасности, выработанной Билло. Въ качествѣ докладчика законопроекта выступилъ Морни: дѣятель государственнаго переворота хотѣлъ добиться законодательной санкціи своей грязной работы. Административная расправа 1852 года возводилась въ рангъ законныхъ мѣръ. Врочемъ, докладчикъ зналъ, какія средства слѣдуетъ пустить въ ходъ, чтобы повліять на членовъ Законодательнаго Корпуса. Онъ снова вызвалъ красный призракъ, заявилъ, что «тайныя общества были предупреждены» о покушеніи 14 января, указывалъ на необходимость «устрашить и разсѣять непримиримыхъ враговъ общества, которые съ одинаковой ненавистью относятся ко всѣмъ правительствамъ,... на которыхъ не дѣйствуетъ никакое прощеніе... и которые стараются опутать Францію тайной сѣтью организацій, преслѣдующихъ несомнѣнно преступныя цѣли». Какъ мы видимъ, стиль г. Морни вполнѣ соотвѣтствовалъ его благородной задачѣ.

Нашлись люди, протестовавшіе противъ репрессивныхъ мѣръ, принятія которыхъ отъ нихъ требовали, какъ напримѣръ, Эмиль Оливье, маркизъ Анделяръ, маркизъ Пьеръ и Легранъ; но нашлись также г-да Гранье де Кассаньяки и г-да Рише, признавшіе законопроектъ превосходнымъ. Онъ былъ принятъ 237 голосами противъ 24 при 251 принявшихъ участіе въ голосованіи.

„Всякій, уличенный въ преступныхъ происках или поддерживавшій преступныя сношенія съ лицами, проживающими въ самой странѣ или заграницей“, карался тюремнымъ заключеніемъ и штрафомъ; наказанію подвергался также всякій, виновный въ храненіи или ношеніи адскихъ машинъ или взрывчатыхъ веществъ.

«Всякое лицо, осужденное за одинъ изъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ настоящимъ закономъ, можетъ быть въ порядкѣ охраны водворено безъ права отлучки въ одномъ изъ департаментовъ Имперіи или въ Алжирѣ или же изгнано изъ французскихъ предѣловъ» (статья 5).

«Можетъ быть водворено безъ права отлучки въ одномъ изъ департаментовъ Имперіи или въ Алжирѣ или же изгнано изъ французскихъ предѣловъ всякое лицо, которое подверглось судебному приговору, а также было выслано во внутреннія области, изгнано или сослано въ

порядкѣ охраны за участіе въ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ маѣ и іюнѣ 1849 года или въ декабрѣ 1851 года, и которое серьезными фактами снова уличается, какъ лицо опасное для общественнаго спокойствія» (статья 7). Достаточно было не проявлять симпатій къ Имперіи, достаточно было принимать когда-либо участіе въ борьбѣ за республику, чтобы подвергнуться высылкѣ. А между тѣмъ, если вѣрить Морни, ни одно правительство не выказывало больше терпимости и нечувствительности къ непріязни политическихъ партій. Естественно встаетъ вопросъ, гдѣ только г. Морни изучалъ исторію?

Законъ былъ принятъ 27 февраля, а опубликованъ 28. Примѣненіе его могло начаться не раньше, чѣмъ черезъ 24 часа послѣ его обнародованія. Но въ дѣйствительности аресты и высылки начались гораздо раньше.

Уже 7 февраля генералъ Эспинасъ, наглый солдафонъ, арестовавшій утромъ 2 декабря квесторовъ, авторъ доклада, направленнаго противъ принятыхъ въ 1852 году мѣръ помилованія, поставленъ былъ вмѣсто Билло во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, превратившагося на этотъ случай въ „министерство внутреннихъ дѣлъ и общественной безопасности“. Немедленно по вступленіи въ должность новый министръ поспѣшилъ объяснить въ особомъ циркулярѣ, почему онъ, человѣкъ военный, призванъ былъ къ исполненію чисто гражданскихъ функцій. Франція „за послѣднія десять лѣтъ поддалась чрезмѣрной, пожалуй, увѣренности въ успокоеніи анархическихъ страстей“; „преступныя надежды продолжали тлѣть въ нѣдрахъ республиканской партіи“. Необходимо было дать странѣ гарантіи безопасности, которыхъ она требуетъ. «Необходимъ,—заключаетъ генералъ,—бдительный и неустанный надзоръ, способный на мѣры предупрежденія, твердый и скорый на мѣры пресѣченія и всегда сдержанный, какъ это подобаетъ силѣ и праву (!); встревоженное населеніе страны должно, наконецъ, узнать, что и въ настоящее время добрые могутъ быть спокойны, а одни лишь злые должны трепетать». Можно подумать, что читаешь какую-нибудь декабрьскую прокламацію г. Мопа. Республиканцамъ снова пришлось испытать на своей шкурѣ истинное значеніе этого генеральскаго стиля.

Каждому префекту приказано было арестовать о п р е д ѣ л е н н о е число республиканцевъ, однимъ—четырехъ, другимъ—двадцатерыхъ, сообразно съ прошлымъ отдѣльныхъ департаментовъ. Тено и Дюбо, добросовѣстно изслѣдовавшіе этотъ вопросъ, установили, что свыше четырехсотъ гражданъ било тогда сослано въ Алжиръ; вообще же преслѣдованіямъ подверглись тогда навѣрно не меньше двухъ тысячъ человѣкъ, многіе изъ которыхъ просидѣли въ тюрьмѣ по нѣсколько мѣсяцевъ. Какое же преступленіе они совершили? Всѣ свѣдѣнія объ этихъ «подозрительныхъ», кропотливо собранныя историками, позволяютъ утверждать, что они рѣшительно ни въ чемъ не были повинны. Они не подходили даже подъ дѣйствіе седьмой статьи этого ужаснаго закона, такъ какъ не совершили никакого «серьезнаго факта», который давалъ бы основаніе считать ихъ снова опасными для общественной спокойствія. Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что они были республиканцами, и были ими еще въ 1851 году. Въ городахъ пострадали главнымъ образомъ рабочіе; въ провинціи—видные республиканцы,

либеральные буржуа, стряпчіе, адвокаты, врачи, нотаріусы, однимъ словомъ, тѣ элементы, которые съ начала XIX вѣка по традиціи являлись проводниками республиканскихъ идей въ деревнѣ. Полиція проявила неслыханное звѣрство, а администрація—безсмысленный произволъ.

Въ департаментѣ Луарэ госпожа Жарро, жена крупнаго землевладѣльца, сосланнаго въ 1852 году въ Кайенну, теперь была въ свою очередь арестована за то, что нѣкогда пріютила ребенка Полины Роланъ. Въ Парижѣ хотѣли арестовать Фредерика Жерара, переводчика при военномъ министерствѣ, умершаго за годъ до описанныхъ событій. Фомберто и Тилье (сынъ извѣстнаго памфлетиста) были схвачены полиціей и немедленно отправлены въ Марсель, гдѣ съ ними обращались какъ съ каторжниками.

Въ департаментѣ Нижней Луары были арестованы и сосланы нѣсколько рабочихъ, незадолго до того привлекавшихся за участіе въ обществѣ «Маріанны» или просто подозрѣваемыхъ въ этомъ преступленіи. Въ другихъ случаяхъ, когда нельзя было заполучить отца, умершаго послѣ 1851 года, полиція хватала его сына или жену. Жандармамъ требовалось просто «извѣстное имя»!

Префектамъ также нужно было раздобыть опредѣленное число подозрительныхъ. Такъ, префектъ департамента Шаранты, которому приказано было арестовать шесть опасныхъ республиканцевъ, нашелъ только пятерыхъ, и чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, присоединилъ къ нимъ какого-то священника, снявшаго рясу.

Тѣмъ временемъ въ Парижѣ развертывались событія исключительной важности. Имъ суждено было привести къ ослабленію системы репрессій, которая въ это самое время, повидимому, прогрессивно усиливалась.

Непосредственно послѣ покушенія 14 января французское правительство обратилось къ Туринскому и Лондонскому кабинетамъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ политическихъ убійцъ и почти съ угрозами противъ государствъ, дающихъ имъ пріютъ. Эта переписка въ результатѣ чуть было не привела къ разрыву дипломатическихъ сношеній; но вскорѣ положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось.

Почти одновременно съ принятіемъ закона объ общественной безопасности состоялся процессъ Орсини. Главный руководитель покушенія пригласилъ въ защитники Жюля Фавра. «Мысль объ Италіи, просящей пощады для одного изъ своихъ заблудшихъ сыновъ», побудила республиканскаго адвоката принять это предложеніе. Да и самъ подсудимый обладалъ такими привлекательными и чарующими свойствами, противъ которыхъ Жюль Фавръ не могъ устоять. 25 февраля Орсини предсталъ передъ судомъ.

Что происходило въ душѣ императора съ 14 января? Какія вліянія пытались въ это время воздѣйствовать на него? Почему 18 февраля онъ поручилъ своему префекту полиціи, преданному Піетри, навѣстить Орсини въ его камерѣ въ Консьержери? Какъ бы то ни было, французское общественное мнѣніе было чрезвычайно изумлено гласностью судебнаго процесса и опубликованіемъ рѣчи Жюля Фавра; общество съ удивленіемъ читало включенное въ эту рѣчь покаянное письмо, которое подсудимый адресовалъ императору въ качествѣ предсмертнаго призыва къ освобожденію Италіи.

Готовясь къ смерти, итальянскій патріотъ, борецъ 1848 года, оставшійся вѣрнымъ своей клятвѣ, заявлялъ, что онъ хочетъ въ послѣдній разъ послужить своему отечеству.

«Приближаясь къ концу моей жизненной карьеры,—писалъ онъ,—я тѣмъ не менѣе хочу сдѣлать послѣднюю попытку помочь Италіи, для независимости которой я готовъ былъ пойти на всякую опасность и на всякую жертву вплоть до сего дня. Она составляла постоянный предметъ всѣхъ моихъ стремленій, и эту послѣднюю мысль я хочу вложить въ слова, которыя я адресую Вашему Величеству.

«Чтобы сохранить равновѣсіе въ Европѣ, необходимо вернуть Италіи независимость или же тѣснѣе заклепать тѣ цѣпи, которыя на нее наложила Австрія. Стану-ли я требовать, чтобы въ интересахъ итальянцевъ была пролита французская кровь? Нѣтъ, такъ далеко я не иду. Италія требуетъ только, чтобы Франція не дѣйствовала противъ нея; она требуетъ, чтобы Франція не позволила Германіи оказать поддержку Австріи въ борьбѣ, которая, быть можетъ, скоро начнется. А это-то Ваше Величество можетъ сдѣлать, если пожелаетъ; итакъ, отъ этого рѣшенія зависитъ счастіе или несчастіе моего отечества, жизнь или смерть націи, которой Европа въ значительной степени обязана своей цивилизаціей...

«Пусть Ваше Величество не отвергаетъ предсмертной просьбы патріота, стоящаго на ступеняхъ эшафота; освободите мое отечество, и благословленія 25 милліоновъ гражданъ будутъ сопровождать Васъ въ потомствѣ».

Въ этихъ строкахъ Орсини выражалъ затаенную мысль самого Наполеона, вплоть до присущаго ему желанія воздержаться отъ вооруженнаго вмѣшательства. Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣрный и сдержанный Піетри приложилъ свою руку къ этому предсмертному письму.

Но что же означалъ все-таки этотъ крутой поворотъ и вся эта театральная инсценировка? Идти къ крупной цѣли мелкими средствами—въ этомъ заключалась обычная тактика императора. Человѣкъ нерѣшительный, колебавшійся между противоположными вліяніями, консервативными и демократическими, между Тюильрійскимъ дворцомъ и Пале-Роялемъ, онъ быстро сообразилъ, что покушеніе Орсини можетъ доставить ему удобный предлогъ для оправданія своего вмѣшательства въ итальянскія дѣла передъ императрицей и передъ своими консервативными совѣтниками. Императрица, убѣжденная, что ея упорное сопротивленіе итальянскимъ стремленіямъ подвергаетъ величайшей опасности жизнь ея супруга и судьбу династіи, примирилась съ рѣшеніемъ императора; съ этого времени, какъ она писала графу Арезу, она старалась «выработать изъ себя итальянку».

Теперь Наполеонъ III сдѣлалъ шагъ впередъ. Изъ Тюильрійскаго дворца Кавуръ и получилъ для опубликованія въ «Пьемонтской газетѣ» письмо Орсини, прочитанное на судѣ Жюлемъ Фавромъ, и другое письмо, посланное имъ императору 9 марта передъ казнью. Римъ былъ пока принесенъ въ жертву. Объ этомъ Кавуръ узналъ изъ статей Эдмонда Абу въ правительственномъ «Монитёрѣ», тѣхъ самыхъ статей, въ которыхъ авторъ разоблачалъ всѣ отвратительныя стороны папскаго хозяйничанья въ этомъ городѣ!

Такимъ образомъ въ области внѣшней политики императоръ сво-

имъ рѣшительнымъ выступленіемъ въ итальянскихъ дѣлахъ разрывалъ узы, связывавшіе его съ католической церковью и фатально толкался въ сторону либераловъ. Съ апрѣля 1858 года республиканцы Пале-Рояля, друзья принца Наполеона, Гавэнъ, Биксіо и Анри Мартэнъ, готовы были отстаивать новую политику, изъ которой они надѣялись извлечь серьезныя выгоды для своей партіи.

Въ это время въ Парижѣ состоялись дополнительные выборы для замѣщенія Гудшо, Карно и Кавеньяка, отказавшихся отъ присяги. Ліувиль былъ, правда, побитъ незначительнымъ большинствомъ, но зато были избраны пріятель Оливье, Эрнестъ Пикаръ, и главное— горячій патріотъ и защитникъ Орсини, Жюль Фавръ. Это доказывало, что Парижъ, несмотря на законъ объ общественной безопасности, не намѣренъ сложить оружія; но даже избраніе Жюля Фавра, хотя оно до извѣстной степени и свидѣтельствовало о враждебномъ отношеніи къ Имперіи, еще не отнимало у правительства надежды на возможность соглашенія съ республиканцами путемъ смѣлаго проведенія политики національностей.

Тѣмъ временемъ итальянскіе совѣтники императора пустили въ ходъ всю свою энергію. Въ концѣ мая докторъ Конно привезъ въ Туринъ своему другу Кавуру приглашеніе отъ имени императора прибыть въ Пломбьеръ для совѣщанія относительно предстоящей войны. «Драма,— писалъ тогда сардинскій министръ,—приближается къ развязкѣ».

На свиданіи въ Пломбьерѣ (21—22 іюля) выработаны были условія французскаго вмѣшательства. Чтобы обезпечить нейтралитетъ европейскихъ государей, необходимо было поставить предпріятіе въ извѣстныя границы и замаскировать народно-революціонный характеръ національнаго движенія. Начертанъ былъ опредѣленный планъ дѣйствій: въ герцогствѣ Моденскомъ предполагалось поднять возстаніе; Австрія по приглашенію герцога, конечно, не замедлила бы принять мѣры къ подавленію движенія; а тогда на сцену выступили бы Пьемонтъ и Франція. Рѣшено было не начинать войны съ Неаполитанскимъ королевствомъ и не выступать противъ папы, который по прежнему охранялся французскими войсками. Но зато Савойскій домъ долженъ былъ получить всю сѣверную часть Италіи отъ Аппенинскихъ горъ до Адріатическаго моря. Франція должна была получить Савойю и Ниццу; Кавуръ долго не хотѣлъ уступить французамъ Ниццу, какъ чисто итальянскую территорію и родину Гарибальди, но въ концѣ концовъ долженъ былъ согласиться на эту уступку. Предполагалось освятить союзъ бракомъ между принцемъ Наполеономъ, кузеномъ императора, и принцессой Клотильдой, дочерью Виктора-Эммануила.

Между постановленіями Пломбьерскаго договора и объединительными стремленіями итальянской націи лежала цѣлая пропасть; а политика національностей въ томъ видѣ, какъ ее осуществлялъ Наполеонъ, только въ самой слабой степени соотвѣтствовала традиціонной доктринѣ революціонной пропаганды, которую раздѣляли французскіе республиканцы.

Но Кавура все это нимало не трогало: для него важнѣе всего было идти впередъ. Въ качествѣ реальнаго политика онъ расчитывалъ на то, что въ подходящій моментъ сумѣетъ примѣниться къ обстоятельствамъ. Слѣдующіе мѣсяцы были употреблены на послѣднія приго-

товленія. Ла-Фарина агитировалъ въ моденскихъ владѣніяхъ, стараясь подготовить выступленіе, которое должно было послужить сигналомъ къ войнѣ. Въ октябрѣ 1858 года принцъ Наполеонъ въ Варшавѣ добился нейтралитета царя, а 10 декабря 1858 года между Франціей и Италіей заключенъ былъ тайный договоръ, который окончательно закрѣпилъ соглашеніе, состоявшееся въ Пломбьерѣ. Война непремѣнно должна была начаться весной.

Всѣ эти переговоры велись въ величайшей тайнѣ: если европейскіе дворы и испытывали нѣкоторое безпокойство, то еще большую тревогу чувствовали сами министры Наполеона, не посвященные въ тайну. Въ началѣ 1859 года имъ сообщено было о готовящихся событіяхъ.

Вскорѣ Европа получила драматическое предостереженіе о надвигающейся грозѣ. На новогоднемъ пріемѣ императоръ отвѣтилъ на поздравленіе австрійскаго посланника Гюбнера слѣдующими словами: „Сожалѣю, что наши отношенія съ вашимъ правительствомъ стали менѣе дружественными, чѣмъ прежде“. А черезъ 10 дней Викторъ-Эммануилъ, открывая сессію пьемонтскаго парламента, заявилъ о своей готовности „смѣло идти навстрѣчу случайностямъ будущаго и ради дипломатическихъ договоровъ не забывать о стонахъ, доносящихся къ нему со всѣхъ концовъ Италіи“. Предварительно императоръ лично просмотрѣлъ и исправилъ рѣчь сардинскаго короля. Теперь война казалась неминуемой, и биржевой курсъ упалъ.

Однако, война вспыхнула не раньше конца апрѣля. Въ продолженіе тѣхъ же четырехъ мѣсяцевъ европейская дипломатія, инспирируемая Англіей, пыталась разрѣшить спорный вопросъ путемъ созыва спеціальнаго конгресса. Въ продолженіе тѣхъ же четырехъ мѣсяцевъ совѣтники императора, Фульдъ, Валевскій, Морни, Пелисье, Вайянъ и Флери, пытались удержать его отъ задуманнаго шага, предсказывая рядъ катастрофъ и доказывая недостаточность французскихъ военныхъ силъ для борьбы съ возможной европейской коалиціей.

Тогда произошло замѣчательное явленіе. Чтобы опровергнуть утвержденія своихъ робкихъ совѣтниковъ, указывавшихъ ему на равнодушіе общественнаго мнѣнія, Наполеонъ III попытался разбудить ту страсть къ пропагандѣ революціонныхъ принциповъ и къ вмѣшательству въ интересахъ свободы народовъ, которая одинаково присуща была и республиканцамъ, и бонапартистамъ. Онъ сознавалъ, что, въ виду сопротивленія клерикаловъ и боязливыхъ людей, необходимо опереться на народныя массы и національный энтузіазмъ: и онъ апеллировалъ къ старымъ революціоннымъ традиціямъ. Въ эту тяжелую минуту человѣкъ, разгромившій прессу, подавившій свободу парламентской трибуны и сковавшій общественное мнѣніе, почувствовалъ себя одинокимъ передъ лицомъ своихъ клерикальныхъ союзниковъ и своихъ приближенныхъ. Въ его интересахъ требовалось, чтобы французское общество услышало и другіе голоса.

Этимъ объясняется странное поведеніе абсолютнаго монарха, апеллирующаго къ общественному мнѣнію и добивающагося отъ него одобренія своихъ дѣйствій. 3 февраля за подписью члена Государственнаго Совѣта де-ля-Героньера появилась брошюра „Императоръ и Италія“. Эта брошюра, заказанная, а быть можетъ, и продиктованная Наполеономъ III, была сплошнымъ призывомъ къ традиціонному фран-

цузскому національному. Авторъ брошюры старался выяснить выпавшую на долю Франціи роль международнаго арбитра; онъ напоминалъ объ исторической миссіи Франціи, о покровительствѣ признаннымъ принципамъ, о защитѣ неотъемлемыхъ правъ всякаго народа на самоопредѣленіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказывался въ пользу мирнаго выполненія этой миссіи. А черезъ нѣсколько дней, 7 февраля, императоръ, говоря въ Законодательномъ Корпусѣ о ненормальномъ положеніи Италіи и о возможности войны, употребилъ выраженія, съ своей стороны способныя разжечь интервенціонистскія страсти: „Пусть одни безъ законныхъ основаній призываютъ войну всѣми силами души; пусть другіе, поддаваясь преувеличенной боязни, указываютъ Франціи на опасность новой коалиціи — я пребуду непоколебимымъ на пути права, справедливости и національной чести, а мое правительство не позволитъ ни увлечь себя, ни запугать, такъ какъ моя политика никогда не будетъ ни малодушной, ни вызывающей". Увы! отъ кого бы ни исходили такія рѣчи, онѣ всегда оказываютъ свое дѣйствіе на французскія собранія и на французскую толпу.

Съ этого момента брошюры и статьи посыпались какъ изъ рога изобилія. Одна требуетъ великой войны, которая отомститъ за Ватерлоо; другая, напоминая о томъ, что республиканцы 1848 года отказались отъ революціонной пропаганды, восхваляетъ новую политику Наполеона, которая снова превратитъ Францію въ защитницу цивилизаціи и, такимъ образомъ, снова доставитъ ей высшее мѣсто въ концертѣ державъ. Среди нѣкоторыхъ представителей торговаго класса замѣчается тревожное настроеніе,—подхватываетъ третья статья:—развѣ имъ неизвѣстно, что торговля націи можетъ процвѣтать только въ томъ случаѣ, если не задѣта ея честь? Журналисты снова вытаскиваютъ на свѣтъ Божій всѣ широкія проекты Меморіала: неужели,—спрашиваютъ они,—французская нація навсегда отказалась отъ ихъ осуществленія? Воображеніе разыгралось: многіе республиканцы снова начали мечтать объ иниціаторской и цивилизаторской роли Франціи, покровительницѣ угнетенныхъ, вершительницѣ судебъ міра,—Франціи, добившейся своихъ естественныхъ границъ, освободившейся отъ трактатовъ 1815 года, отмстившей за Ватерлоо, возвращающей свободу народамъ и по своему произволу перекраивающей карту Европы!

И вотъ, къ концу апрѣля, когда, вопреки всѣмъ усиліямъ Англіи и несмотря на согласіе европейскихъ государствъ на созывъ конгресса, вызывающее поведеніе Австріи вернуло бодрость и увѣренность Кавуру, когда выяснилась неизбѣжность войны, Наполеонъ III имѣлъ за собой большую часть республиканцевъ. На этотъ разъ даже непримиримая оппозиція готова была выступить рука объ руку съ правительствомъ.

Въ этотъ-то моментъ замѣтно выдвинулась небольшая группа Пяти, т. е. пяти республиканскихъ депутатовъ Законодательнаго Корпуса, состоявшая изъ Оливье, Даримона и Генона, избранныхъ въ 1857 году, и Пикара и Жюля Фавра, избранныхъ въ апрѣлѣ 1858 года. До тѣхъ поръ, несмотря на всѣ свои таланты, особенно рѣзко выдѣлявшіеся на общемъ тускломъ фонѣ этой палаты, они играли совершенно незамѣтную роль. Пристава посадили ихъ на верхнія скамьи крайней лѣвой. Въ той атмосферѣ вражды и подозрѣнія, за предѣлы которой ихъ голосъ не могъ выходить, всякая дѣятельность казалась заранѣе обречен-

ной на полную безплодность; и дѣйствительно, ихъ скромныя выступленія въ защиту общественныхъ вольностей въ большинствѣ случаевъ не приводили ни къ какому результату. До 1859 года эти пять депутатовъ рѣдко появлялись на парламентской трибунѣ.

На засѣданіи 30 апрѣля 1859 года Жюль Фавръ въ первый разъ потребовалъ слова; ему пришлось говорить передъ столь враждебной аудиторіей, что Морни неоднократно принужденъ былъ призывать ее къ молчанію. Ораторъ описалъ режимъ насилія, установленный Австріей въ Италіи, угнетеніе полуострова крупными и мелкими тиранами всякаго рода и дикую нетерпимость папскаго правительства, реставрированнаго въ 1849 году Франціей. Онъ заявилъ, что война дастъ ему удовлетвореніе, если она приведетъ къ изгнанію австрійцевъ изъ Италіи и къ низверженію всѣхъ итальянскихъ династій порывомъ возставшаго народа. Но можетъ-ли правительство поручиться, что оно не попытается реставрировать эти династіи? «Если правительство кардиналовъ будетъ низвергнуто, неужели Имперія станетъ проливать кровь римлянъ для его возстановленія?» Вотъ какой вопросъ поставилъ Жюль Фавръ, какъ бы предчувствовавшій, что императоръ, солидарный съ католиками въ вопросахъ внѣшней политики и рѣшившійся на войну противъ ихъ воли, вскорѣ остановится на полдорогѣ. Но тѣмъ не менѣе, помощь, которую Франція оказываетъ Пьемонту и всей Италіи въ ея борьбѣ за свое освобожденіе, приводитъ его въ восторгъ. «Я заявляю,—такъ закончилъ онъ свою рѣчь,—что въ области внутренней политики никакое примиреніе между вами и нами рѣшительно невозможно. Но если вы хотите разрушить австрійскій деспотизмъ и освободить Италію отъ его посягательствъ, мое сердце, моя кровь, все мое существо принадлежатъ вамъ; но я оставляю за собой право послѣ побѣды потребовать у тріумфатора отчета въ нарушеніи вѣчныхъ принциповъ, которые должны будутъ дать ему силу во внѣшнихъ дѣлахъ и которые дадутъ намъ силу противъ него во внутреннихъ дѣлахъ, если онъ не вернетъ своему народу свободы, возвращенной имъ дружественной націи".

Въ первые дни итальянской войны казалось, что политика принца Наполеона возобладала, и что Имперія впредь станетъ проявлять болѣе терпимое отношеніе къ либераламъ; а въ такомъ случаѣ, можно было надѣяться на примиреніе съ республиканцами. Газета Siècle энергично поддерживала политику вмѣшательства; въ цѣломъ рядѣ статей Пельтанъ отстаивалъ дѣло угнетенныхъ народовъ. И парижскіе рабочіе начали увлекаться войной. Когда 10 мая 1859 года Наполеонъ III, покидая Парижъ, чтобы принять командованіе надъ итальянской арміей проѣзжалъ черезъ рабочіе кварталы, гдѣ Имперія насчитывала столько враговъ, онъ былъ встрѣченъ привѣтствіями населенія.

Итальянская кампанія продолжалась нѣсколько недѣль. 31 мая австрійцы были разбиты франко-пьемонтскими войсками при Палестро, а 4 іюня въ сраженіи при Маджентѣ, которое продолжалось цѣлый день и чуть было не кончилось пораженіемъ французовъ, своевременное прибытіе Макъ-Магона, аттаковавшаго правое крыло непріятеля, доставило императору новую побѣду. 8 іюня онъ въѣхалъ въ Миланъ вмѣстѣ съ Викторомъ Эммануиломъ и издалъ горячую прокламацію, взывавшую къ итальянскому патріотизму. „Объединяйтесь,—говорилъ онъ всему населенію полуострова,—объединяйтесь съ одной цѣлью освобожденія вашей

страны... Одушевленные святымъ патріотическимъ пыломъ, будьте сегодня просто солдатами; завтра вы будете свободными гражданами великаго государства". Италія услышала этотъ призывъ: черезъ нѣсколько дней императоръ могъ съ изумленіемъ констатировать, что вся центральная Италія, поднявшаяся какъ одинъ человѣкъ, требуетъ не конфедераціи, а полнаго объединенія всѣхъ итальянскихъ областей. Тоскана, Парма и Модена прогнали своихъ государей; Папская Область пыталась стряхнуть съ себя иго папскаго владычества, и повсюду власть перешла въ руки агентовъ Кавура. Нетрудно было предвидѣть, что всѣ эти области въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ присоединены къ Пьемонту.

И вотъ тогда для человѣка интригъ и мелочныхъ расчетовъ, какимъ въ сущности и былъ императоръ французовъ, наступилъ періодъ мучительной тревоги. Наполеонъ III надѣялся итальянской войной удовлетворить одновременно и либераловъ, и католиковъ: первымъ онъ въ своей прокламаціи отъ 3 мая обѣщалъ свободную Италію до Адріатическаго моря; вторыхъ же онъ увѣрилъ въ томъ, что власть папы не будетъ нарушена, и что онъ сдѣлается президентомъ свободной итальянской конфедераціи, для которой Франція станетъ играть роль желанной покровительницы. А теперь передъ нимъ стояла революціонная Италія, поднявшаяся какъ одинъ человѣкъ на борьбу за полное свое объединеніе. Телеграммы императрицы и Валевскаго изъ Франціи сообщали ему о волненіи католиковъ, богатыхъ классовъ и сельскаго населенія, возбуждаемаго пропагандой духовенства. Въ особенности можно было опасаться грозныхъ осложненій на Рейнѣ; пробужденіе итальянскаго патріотизма отраженнымъ дѣйствіемъ разбудило нѣмецкій патріотизмъ, вдобавокъ искусно разжигаемый Пруссіей. Для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ прусскому правительству необходимо было завоевать довѣріе германскихъ патріотовъ: послѣ сраженія при Маджентѣ принцъ-регентъ мобилизовалъ шесть армейскихъ корпусовъ и готовился къ войнѣ на Рейнѣ. Итальянская затѣя грозила вызвать всеобщій европейскій пожаръ, еслибы императоръ во-время не остановился.

Тѣмъ временемъ заболѣванія въ войскахъ безпрестанно усиливались благодаря зною, безсонницѣ и плохимъ лагернымъ стоянкамъ. Главный военный хирургъ баронъ Ларре писалъ подчиненнымъ ему врачамъ: «еслибы мы стали называть нѣкоторыя болѣзненныя осложненія, напримѣръ такія, какъ тифъ, ихъ настоящимъ именемъ, то это повлекло бы за собой серьезныя неудобства. Поэтому я приглашаю васъ, по примѣру нашихъ миланскихъ коллегъ, проявлять крайнюю осторожность по отношенію къ публикѣ при опредѣленіи тяжкихъ болѣзней». Даже врачебное сословіе научилось управлять общественнымъ мнѣніемъ!

Какъ бы тамъ ни было, императоръ былъ извѣщенъ о положеніи дѣлъ. Къ соображеніямъ дипломатіи и внутренней политики прибавилась забота о санитарномъ состояніи арміи. Кровопролитное сраженіе при Сольферино 24 іюня, закончившееся побѣдой послѣ 15-тичасоваго боя и потери 10 тысячъ человѣкъ, окончательно побудило Наполеона III приступить къ открытію мирныхъ переговоровъ. Въ виду того, что Пальмерстонъ, съ величайшимъ удовольствіемъ взиравшій на затруднительное положеніе своего коронованнаго друга, отказался предложить англійское

посредничество, императоръ не поколебался самъ обратиться къ Австріи съ первыми предложеніями; 8 іюля было заключено перемиріе, а 11 іюля въ Виллафранкѣ подписаны были предварительныя условія мира. Ломбардію предполагалось уступить Франціи, которая въ свою очередь должна была переуступить ее Пьемонту; вопреки прокламаціи отъ 3 мая, Австрія сохраняла Венецію, такъ что Италія не была свободна «вплоть до Адріатическаго моря»; великій герцогъ Тосканскій и герцогъ Моденскій должны были вернуться въ свои владѣнія. Предполагалось предложить папѣ произвести необходимыя реформы, а также предоставить ему мѣсто президента въ проектируемомъ союзѣ итальянскихъ государствъ.

Для итальянскихъ патріотовъ это была прямая измѣна, а для французскихъ либераловъ, съ энтузіазмомъ встрѣтившихъ побѣды при Маджентѣ и Сольферино, это была непонятная трусость. Зато католики были наполовину успокоены, а подозрѣнія европейскихъ государствъ разсѣяны. 17 іюля Наполеонъ III возвратился въ Сенъ-Клу, въ достаточной степени недовольный самимъ собой, но стараясь объяснить свое поведеніе высшими интересами Франціи. Нація, довольная возстановленіемъ мира, въ тотъ моментъ отнеслась къ нему довольно снисходительно.

Но вскорѣ тренія не замедлили возобновиться; съ августа 1859 года, вопреки всѣмъ усиліямъ Наполеона успокоить итальянцевъ, разбуженныя имъ революціонныя силы продолжали свое дѣло. Кавуръ, 13 іюля демонстративно подавшій въ отставку, тайкомъ руководилъ дѣйствовавшими во Флоренціи, Болоньѣ и Моденѣ сторонниками объединенія, которые вмѣстѣ со свободой требовали также присоединенія къ Пьемонту. Сардинскій король дѣлалъ представленія въ томъ смыслѣ, что если онъ станетъ противиться этому неудержимому стремленію, то самъ будетъ сметенъ революціей. Съ своей стороны, папа упорно отказывался произвести реформы и требовалъ отъ населенія Романьи безусловнаго подчиненія. Правда, оффиціальные дипломаты, невозмутимо продолжая свою работу, 10 ноября утвердили въ Цюрихѣ предварительныя условія мира, выработанныя въ Виллафранкѣ; но всѣ понимали, что разрѣшеніе итальянскаго вопроса на этомъ пунктѣ не остановится.

Наполеонъ III сознавалъ особенно ясно, что рано или поздно придется повести дальше дѣло, начатое майской военной кампаніей, и съ тревогой ждалъ наступленія момента, когда ему снова придется столкнуться съ католиками. Вдобавокъ друзья Кавура, сыгравшіе такую инициативную роль въ подготовленіи перваго акта итальянской драмы, возобновили свою кампанію закулисныхъ вліяній. 3 августа графъ Арезъ подъ покровомъ величайшей тайны вернулся въ Сенъ-Клу и снова началъ напоминать императору о долгѣ Франціи. Чтобы возстановить государя противъ слишкомъ осторожнаго Валевскаго, велась ярая кампанія, въ которой дѣятельное участіе принималъ Пальмерстонъ черезъ посредство Персиньи. Въ концѣ концовъ министръ принужденъ былъ уйти въ отставку, а императоръ собирался начать вторую итальянскую кампанію, на этотъ разъ чисто дипломатическаго свойства.

Прежде чѣмъ пуститься въ новый походъ, онъ счелъ удобнымъ поднять свой кредитъ въ глазахъ либераловъ и для этого обнародовалъ амнистію 17 августа 1859 года. «Полная и безусловная амнистія даруется всѣмъ лицамъ, которыя были осуждены за политическія преступленія и проступки и которыя понесли наказаніе въ порядкѣ охраны».

Теперь эмигранты получили возможность возвратиться во Францію безъ всякихъ условій. Еще во время первой амнистіи 1856 года отъ нихъ требовалось признаніе существующаго правительства; а въ 1859 г. они могли возвратиться въ свое отечество съ высоко поднятой головой, не беря на себя никакихъ обязательствъ и оставаясь непримиримыми противниками господствующаго режима.

Однако нѣкоторые изъ нихъ отвергли амнистію. Мадье-Монжо заявилъ, что онъ, «бывшій народный представитель въ собраніи, насильственно разогнанномъ во время государственнаго переворота, передъ лицомъ всего міра не согласенъ принять для себя и для высокаго учрежденія, въ которомъ онъ участвовалъ, прощеніе изъ рукъ главнаго виновника этого государственнаго переворота». Шаррасъ заявилъ, что онъ не позволитъ, чтобы преступникъ прощалъ своимъ жертвамъ. „Нарушитель закона не имѣетъ права миловать его защитниковъ... Я заявляю, что я васъ не амнистирую. Я не прощаю вамъ смерти пятнадцати тысячъ французовъ, перебитыхъ въ декабрѣ, замученныхъ вашими тюрьмами и вашей каторгой, страданіями и тоской изгнанія. Я не прощаю вамъ посягательства на конституцію, которой вы поклялись въ вѣрности, и уничтоженія республики, которая позволила вамъ возвратиться въ отечество. ...Въ тотъ день, когда свобода, право и справедливость вернутся во Францію, чтобы подвергнуть васъ вполнѣ заслуженной карѣ, тогда и я туда вернусь. Этотъ день медлитъ своимъ приходомъ, но онъ наступитъ, а я умѣю ждать“. Эдгаръ Кинэ, Шельхеръ и Клеманъ Тома также протестовали. Викторъ Гюго остался вѣренъ торжественному обязательству, взятому имъ на себя въ 1852 г.:

„Я останусь эмигрантомъ, потому что
хочу остаться на своемъ посту.
Я согласенъ на горькое изгнаніе, хотя бы
оно не имѣло ни конца, ни срока“.

Но по единодушному совѣту Луи Блана, который лично не хотѣлъ возвратиться, Ледрю-Роллэна, исключеннаго изъ амнистіи, Феликса Піа и всѣхъ вождей, большинство эмигрантовъ вернулось на родину, чтобы возобновить борьбу и послужить дѣлу республики. „Амнистія играетъ роль средства въ рукахъ Имперіи,—говорилъ Феликсъ Піа.—Почему бы не воспользоваться ею въ интересахъ свободы?“ И ею дѣйствительно воспользовались.

Но въ данный моментъ, въ августѣ 1859 г., въ ней особенно нуждалась Имперія. Для успѣха ея политики крайне важно было, чтобы демократическая партія и республиканцы оказали ей болѣе или менѣе прямую и открытую поддержку, такъ чтобы правительство могло противопоставить ихъ голосъ, значеніе котораго возросло, голосамъ повысившихъ тонъ католиковъ и епископовъ.

Въ декабрѣ 1859 года де-ля-Героньеръ или императоръ (какъ угодно) выпустилъ брошюру: „Папа и Конгрессъ“. Дѣло въ томъ, что незадолго до этого Наполеонъ III и остальныя державы постановили созвать конгрессъ для урегулированія итальянскаго вопроса; и вотъ по этому случаю императоръ совѣтовалъ папѣ отказаться отъ Легацій (Болонья и Феррара) и не мѣшать присоединенію всей сѣверной Италіи къ Сардиніи,

если онъ хочетъ, чтобы ему обезпеченъ былъ остатокъ его свѣтскихъ владѣній.

Это послужило сигналомъ къ новой политикѣ Наполеона въ итальянскихъ дѣлахъ, которую съ большимъ искусствомъ началъ осуществлять новый министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель. Франція признала присоединеніе центральныхъ итальянскихъ государствъ къ Пьемонту взамѣнъ уступки ей Савойи и Ниццы. Кавуръ, снова сдѣлавшійся министромъ 20 января 1860 года, согласился на уступку этихъ провинцій, притворившись, что къ этому его принуждаетъ ультиматумъ (24 марта, Туринскій договоръ). Въ то же время Тоскана, Эмилія и Легаціи посредствомъ плебисцита высказались за присоединеніе къ Сардиніи. Благодаря своей политикѣ, основанной на принципѣ „рука руку моетъ“, Наполеонъ III дѣйствительно сдѣлался „соучастникомъ Кавура“.

Вотъ это-то соучастіе и пугало католиковъ, и дальнѣйшій ходъ событій доказалъ, что ихъ опасенія были не напрасны. Тувенель льстилъ себя надеждой, что Туринскимъ договоромъ ему удалось „успокоить Европу и обуздать Италію“. Но стремленіе Италіи къ объединенію не могло быть обуздано.

Въ апрѣлѣ 1860 года Гарибальди поднялъ возстаніе въ Сициліи; 8 августа онъ переплылъ Мессинскій проливъ, и Франциск II принужденъ бѣжать изъ своего королевства. Въ сентябрѣ Пьемонтское правительство, чтобы помѣшать Гарибальди компрометировать дѣло объединенія на югѣ, съ вѣдома Наполеона III потребовало отъ папы распущенія небольшой арміи, которую тотъ собралъ подъ командой Ламорисьера; затѣмъ Пьемонтская армія подъ начальствомъ генерала Чіальдини, пройдя черезъ границы Умбріи, разбила папскія войска при Кастельфидардо, заняла Умбрію и Мархію, не тронувши только Рима, по прежнему занимаемаго французскими войсками съ 1849 года; затѣмъ она двинулась въ предѣлы Неаполитанскаго королевства, чтобы подготовить, хотя бы противъ воли самого Гарибальди, присоединеніе этого государства къ Пьемонту (21 октября 1860). Въ январѣ 1861 года Франциск II потерялъ свою послѣднюю крѣпость Гаэту. Всѣ присоединенныя къ Пьемонту провинціи получили приглашеніе избрать своихъ депутатовъ; и первый итальянскій парламентъ, собравшійся 18 февраля 1861 года, провозгласилъ Виктора-Эммануила королемъ Италіи. Политическое объединеніе полуострова стало совершившимся фактомъ. Для полнаго объединенія итальянцамъ недоставало еще Рима и Венеціи, но Кавуръ былъ полонъ вѣры въ будущее.

Всѣ эти важныя событія не могли не заинтересовать французскія партіи и въ особенности католическую партію. Съ конца сентября 1859 года, когда обнаружилось, что императоръ готовъ оказать новую поддержку итальянской революціи, французскіе католики заговорили такимъ тономъ, какого до сихъ поръ они никогда себѣ не позволяли. Пасторскія посланія, брошюры и статьи, направленныя противъ революціонеровъ, посыпались какъ изъ рога изобилія. Въ первыхъ рядахъ застрѣльщиковъ выступали епископы Пуатье и Орлеанскій, Пи и Дюпанлу. Въ октябрѣ монсеньеръ Донназъ умолялъ Императора остаться вѣрнымъ „той христіанской политикѣ“, которая составляетъ секретъ всѣхъ славныхъ дѣяній его царствованія. Появившаяся въ декабрѣ бро-

шюра „Папа и Конгрессъ“ подлила масла въ огонь и усилила ярость оппозиціи.

Брошюра вышла въ свѣтъ 22 декабря. Монсеньеръ Дюпанлу лихорадочно засѣлъ за работу и въ два дня составилъ свое „Письмо къ католику“, въ которомъ онъ приглашалъ императора отказаться отъ анонимныхъ выступленій и вести споръ съ поднятымъ забраломъ.

Наполеонъ III понималъ, что для борьбы съ его политикой состоялось соглашеніе между всѣми католиками, начиная отъ Монталамбера и кончая Вейо. Вдобавокъ во главѣ объединенной католической оппозиціи не замедлилъ стать самъ папа: послѣ того какъ Наполеонъ посовѣтовалъ ему отказаться отъ Романьи, онъ 19 января въ рѣзкой энцикликѣ заявилъ, что противники его свѣтской власти заслуживаютъ такой же анаѳемы, какъ и противники его духовной власти.

Съ февраля 1860 года всѣ католическія перья заработали во-всю. Лакордеръ въ своей „Свободѣ Церкви и Италіи“ доказывалъ императору, что онъ совершилъ серьезную ошибку, возстановивши весь христіанскій міръ противъ итальянскаго единства. Монсеньеръ Жербе въ своей книгѣ о „Папствѣ“ напоминалъ ему, что Имперія могла быть установлена только благодаря католикамъ. Неттеманъ въ коллекціи „Благонамѣренныхъ книгъ“, выпускаемыхъ издательствомъ Лекофра, доказывалъ, что Франція, отвѣтственная за войну 1859 года, обязана какъ-нибудь поправить созданное ею горестное положеніе и продолжать славную политику, начало которой положено было въ 1849 году. Фаллу въ своихъ „Предпосылкахъ и послѣдствіяхъ современнаго положенія“ подчеркивалъ глубокое противорѣчіе между новой политикой и прежней, которая къ вящщей славѣ французовъ отвела имъ роль представителей католицизма во всемъ мірѣ. Въ своемъ сочиненіи „Національная политика и международное право“ Ларошжакленъ отмѣчалъ то обстоятельство, что могущество французскаго флота обусловливалось его тѣсной связью съ католическими миссіями; а католическая Франція не должна была пренебрегать интересами католицизма при разрѣшеніи итальянскаго вопроса. Наконецъ, Вейо предсказывалъ новый Ватерлоо, болѣе плачевный, чѣмъ первый. По его словамъ, послѣдніе слѣды Вѣнскаго Конгресса были изглажены 3 іюля 1849 г. осадой Рима; съ этого-то момента великая католическая Франція сдѣлалась арбитромъ народовъ. Но теперь, говорилъ онъ, эта роль ею утрачена; Англія вооружила руку Орсини и толкнула императора въ итальянскую авантюру; все это готовитъ новый Ватерлоо.

Наряду съ брошюрами епископы не переставали сыпать пасторскими посланіями. Послѣ сраженія при Кастельфидардо отслужены были торжественныя панихиды въ честь защитниковъ папы, на полѣ брани убіенныхъ; монсеньеръ Пи въ одномъ посланіи обличалъ новаго Пилата. А легитимисты, главнымъ образомъ пополнявшіе ряды арміи Ламорисьера, принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ манифестаціяхъ.

Репрессивныя мѣры, закрытіе газеты Univers, судебныя преслѣдованія противъ епископовъ и писателей ничего не могли подѣлать съ этой крикливой оппозиціей, усиливавшейся съ каждымъ днемъ.

Тогда Наполеонъ III очутился въ оригинальномъ положеніи. Онъ

надѣялся, что пріобрѣтенная имъ слава поможетъ ему привлечь къ себѣ всѣ партіи, что ему удастся засвидѣтельствовать передъ католиками свою преданность величію церкви и удовлетворить республиканцевъ своей политикой національностей и помощью угнетеннымъ народамъ. Римскій вопросъ воочію обнаружилъ всю безнадежность этой двойственной политики. Революція стремилась къ захвату Рима, символа итальянскаго единства и величія; католицизмъ хотѣлъ сохранить Римъ въ рукахъ папы, какъ символъ его свѣтской власти и залогъ его господства.

Всѣ католическіе публицисты проповѣдывали крестовый походъ и требовали активнаго вмѣшательства войскъ, оставленныхъ въ распоряженіи папы.

Въ то же самое время демократы упрекали правительство въ томъ, что оно оставило Италію безъ столицы. Императоръ колебался: съ одной стороны, онъ не рѣшался отозвать французскія войска; но съ другой—онъ не могъ примириться съ мыслью о томъ, чтобы предоставить ихъ къ услугамъ папы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ повышенный тонъ, которымъ заговорили всѣ партіи, наглядно свидѣтельствовалъ о крушеніи внутренней политики Наполеона.

И дѣйствительно, не слѣдуетъ забывать, что первоначально онъ поставилъ себѣ задачей укрѣпить свою власть и упрочить свою династію на развалинахъ старыхъ партій и вмѣстѣ съ тѣмъ дать матеріальное и моральное удовлетвореніе всѣмъ слоямъ французскаго общества. И вдругъ оказалось, что первыя же попытки осуществленія этихъ замысловъ возстановили противъ него рѣшительно всѣ общественные элементы. Онъ хотѣлъ использовать въ своихъ интересахъ стремленія враждебныхъ партій, но теперь партійныя страсти обратились противъ него, упрекая его въ неудачной политикѣ, противорѣчивой, впрочемъ, въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Продолжая свою прежнюю тактику, онъ рисковалъ въ самомъ непродолжительномъ времени возстановить противъ себя всю Францію.

Вдобавокъ въ это самое время Наполеонъ III другимъ проявленіемъ своей личной политики умудрился возстановить противъ себя широкія массы фабрикантовъ и торговцевъ, словомъ, тѣхъ дѣловыхъ людей, которыхъ онъ съ 1852 года сдѣлалъ законодателями Второй Имперіи. Мы говоримъ о заключеніи торговаго договора съ Англіей въ 1860 году, договора, который слѣдуетъ признать рѣшительнымъ шагомъ къ замѣнѣ протекціонистской системы свободой торговли.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта реформа была цѣлесообразной, какъ это явствуетъ изъ статистическихъ данныхъ послѣдующаго періода: французская торговля и промышленность не только не пострадали отъ системы свободной торговли, но въ значительной мѣрѣ именно ей онѣ обязаны были своимъ развитіемъ. Когда въ 1870 году, съ истеченіемъ срока торговаго договора 1860 года, заключеннаго на 10 лѣтъ съ условіемъ молчаливаго продленія его дѣйствія, протекціонисты снова потребовали его расторженія, Законодательный корпусъ не могъ согласиться съ ними въ этомъ пунктѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ спору, что всѣ усилія императора въ области новой торговой политики рѣшительно противорѣчили тради-

ціоннымъ взглядамъ французскихъ промышленниковъ, которые со временъ Реставраціи правильно или неправильно привыкли смотрѣть на протекціонизмъ какъ на одну изъ причинъ своего благосостоянія и которые, совершенно не интересуясь отвлеченными разсужденіями о сближеніи народовъ или о раціональномъ и полномъ использованіи рессурсовъ страны, заботились исключительно объ устраненіи иностранной конкурренціи съ національнаго рынка.

Наполеонъ III, основываясь на англійскомъ опытѣ, былъ убѣжденъ, что политика обособленности отжила свой вѣкъ и что она рѣшительно противорѣчитъ требованіямъ эпохи, которая характеризуется развитіемъ путей сообщенія, уже связывающихъ воедино всѣ страны, и высокимъ развитіемъ техники, дающимъ возможность успѣшно бороться съ иностранной конкурренціей. Но декабрьскій авантюристъ ни на минуту не упускалъ изъ виду укрѣпленія своей власти. Даже въ тотъ моментъ, когда онъ такъ правильно оцѣнивалъ преимущества фритредерской политики, онъ заранѣе уже учитывалъ ту популярность, которую онъ могъ изъ нея извлечь,—признательность промышленнаго класса за доставленную ему возможность къ обогащенію и признательность народныхъ массъ за удешевленіе жизни. Вотъ почему немедленно же наступившее разочарованіе должно было особенно сильно на него подѣйствовать.

Можно подумать, что онъ его предчувствовалъ. Несмотря на горячее желаніе поскорѣе осуществить свои широкіе замыслы и несмотря на диктаторскую власть, предоставленную ему въ области торговыхъ договоровъ сенатусъ-консультомъ 1852 г., первые его шаги въ сферѣ фритредерской политики отличались величайшей осторожностью.

Въ неурожайномъ 1853 году онъ на время пріостановилъ дѣйствіе подвижной скалы и допустилъ свободный ввозъ хлѣба; а къ концу того же года онъ понизилъ также ввозныя пошлины на скотъ. Въ 1853—1856 гг. изданъ былъ цѣлый рядъ декретовъ, послѣдовательно понижавшихъ ввозныя пошлины на многія статьи сырья: каменный уголь, желѣзо, чугунъ, сталь и шерсть. Въ 1856 году правительство потребовало отъ Законодательнаго Корпуса утвержденія этихъ мѣръ; и хотя Законодательный Корпусъ назначилъ докладчикомъ законопроекта отъявленнаго протекціониста Рандуана, тѣмъ не менѣе онъ единогласно утвердилъ принятыя правительствомъ мѣры. Отнынѣ императоръ могъ тѣшить себя надеждой, что ему удастся легко справиться съ послѣдними препятствіями.

Поэтому, когда въ іюнѣ того же года онъ, опираясь на свои военныя и дипломатическія побѣды и основываясь на новомъ расцвѣтѣ промышленности, счелъ возможнымъ предложить Законодательному Корпусу отмѣну всѣхъ запрещеній, онъ былъ непріятно пораженъ неожиданно проявившейся рѣзкой оппозиціей. Даже за стѣнами Законодательнаго Корпуса этотъ проектъ возбудилъ извѣстное сопротивленіе. Генеральные прокуроры отмѣчали тревожное настроеніе и даже волненіе въ промышленныхъ городахъ; а прокуроръ Дуэ (страшно сказать!) указывалъ, что въ этой оппозиціи хозяева и рабочіе идутъ рука объ руку. Это равносильно было полному крушенію императорской политики, которая стремилась изолировать отдѣльные классы и партіи и даже противопоставить ихъ другъ другу для того, чтобы они не имѣли другого прибѣжища, кромѣ центральной власти, и другихъ надеждъ, кромѣ вѣ-

ры въ ея вмѣшательство. Сѣверный департаментъ и Нормандія сыпали протестами и петиціями. На этотъ разъ правительство не посмѣло бравировать сопротивленіемъ общества; оно взяло обратно свой проектъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявило, что вырабатываетъ новый законъ. „Монитёръ“ сообщалъ, что отмѣна запрещеній отсрочивается до іюля 1861 года, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ давалъ понять, что она все-таки будетъ проведена: „Французская промышленность,—заявлялъ онъ,—предупрежденная о твердыхъ намѣреніяхъ правительства, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи достаточно времени, чтобы подготовиться къ новому торговому укладу“.

Въ теченіе трехъ лѣтъ о новой торговой политикѣ ничего не было слышно: въ 1857 г. разразился экономическій кризисъ, а въ 1859 г. снова наступила заминка въ дѣлахъ. Все вниманіе правительства направлено было въ 1859 г. исключительно на сельское хозяйство; но и въ этой области оно должно было отступить передъ сопротивленіемъ, вызваннымъ его проектомъ объ отмѣнѣ подвижной скалы.

Тогда „мягкій упрямецъ“, какъ вѣрно называли императора, рѣшился и въ области экономическихъ вопросовъ примѣнить свой привычный методъ закулисныхъ дѣйствій. Въ 1852 г. состоялось свиданіе между Мишелемъ Шевалье и Ричардомъ Кобденомъ; французскіе и англійскіе фритредеры сошлись на томъ, что торговый договоръ между обѣими странами является безусловной необходимостью. Въ этотъ именно моментъ, т. е. послѣ заключенія мира въ Виллафранкѣ, императоръ особенно нуждался въ поддержкѣ Англіи. Онъ полагалъ, что ссылка на политическую необходимость поможетъ ему въ случаѣ нужды оправдать экономическій переворотъ передъ французскимъ общественнымъ мнѣніемъ, а особымъ договоромъ ему удастся положить начало новой системѣ торговли. Такъ какъ въ дѣловой области снова наступилъ періодъ расцвѣта, то императоръ счелъ моментъ благопріятнымъ — и экономическій переворотъ былъ рѣшенъ.

5 января 1860 г. Франція узнала объ этомъ рѣшеніи изъ письма императора къ министру финансовъ. Это письмо содержало цѣлую программу: „отмѣна ввозныхъ пошлинъ на шерсть и хлопокъ; постепенное пониженіе пошлинъ на сахаръ и кофе; самое энергичное усовершенствованіе путей сообщенія; пониженіе провозныхъ сборовъ на каналахъ, а слѣдовательно, общее сокращеніе расходовъ по перевозкѣ; развитіе сельско-хозяйственнаго и промышленнаго кредита; отмѣна запрещеній; заключеніе торговыхъ договоровъ съ иностранными государствами. Благодаря этимъ мѣрамъ,—говорилъ императоръ,—для сельскаго хозяйства будетъ облегченъ сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ; промышленность, освобожденная отъ внѣшнихъ путъ, вспомоществуемая правительствомъ и стимулируемая конкурренціей, сумѣетъ успѣшно бороться съ иностранными продуктами, а наша торговля выйдетъ изъ состоянія прозябанія и широко разовьется“. Обѣщанія поддержки и поощренія должно было успокоить тревогу и ослабить оппозицію.

23 января Франція узнала, что подписанъ торговый договоръ съ Англіей, причемъ послѣдняя рѣшительно становится на путь фритредерской политики, а Франція сильно смягчаетъ свой протекціонизмъ. Запрещенія по отношенію къ англійскимъ продуктамъ отмѣнялись и замѣнялись таможенными пошлинами, которыя могли доходить до 25% ad va-

logem; съ другой стороны, Англія совершенно отмѣняла пошлины на французскіе товары, за исключеніемъ тѣхъ, которые въ самой Англіи облагались извѣстными фискальными сборами.

Протекціонистская оппозиція сейчасъ же подняла крикъ о государственномъ переворотѣ, утверждая, что новая система неминуемо приведетъ къ національной катастрофѣ. Тщетно оффиціозныя газеты принимали мѣры предосторожности, напрасно пытались онѣ затушевать характеръ реформы и напоминали о попечительности правительства; имъ не удалось успокоить вѣрноподданныхъ протекціонистовъ.

Когда въ апрѣлѣ этотъ вопросъ случайно поднятъ былъ въ Законодательномъ Корпусѣ при обсужденіи законопроекта о пониженіи пошлинъ на сырые матеріалы, необходимые для текстильной промышленности, протекціонистская оппозиція рѣзко возвысила свой голосъ. Назначенный докладчикомъ Пуйе-Кертье въ самыхъ хвалебныхъ выраженіяхъ отозвался о системѣ, въ которой императоръ пробилъ такую широкую брешь, и выразилъ опасеніе за будущность французской промышленности; затѣмъ 1-го мая на собраніи промышленниковъ онъ характеризовалъ Кобдена, какъ человѣка, «старающагося дать Англіи возможность поглотить все то, что составляетъ жизненную силу другихъ націй», и обвинялъ французскихъ дипломатовъ въ томъ, что они позволили себя одурачить. Въ сенатѣ, какъ и въ Законодательномъ Корпусѣ, пренія носили страстный характеръ; промышленники, вѣрные своей обычной тактикѣ, пытались поселить въ обществѣ тревогу съ помощью подтасованныхъ цифръ. Фабриканты, говорили они, уже принуждены были сократить плату 50.000 рабочимъ. Правда, оба раболѣпныя собранія приняли правительственный проектъ, противъ котораго протестовали только три голоса въ одной палатѣ и четыре въ другой; но за стѣнами парламента оппозиція не прекращалась и даже усилилась съ опубликованіемъ заключенныхъ въ октябрѣ спеціальныхъ конвенцій, опредѣлявшихъ высоту тарифныхъ ставокъ.

Усиленіе клерикальной оппозиціи, обусловленное агитаціей, поднятой фабрикантами-протекціонистами, внушало императору сильную тревогу.

Къ концу 1860 г. онъ оказался въ странномъ положеніи. Онъ полагалъ, что въ результатѣ побѣды, одержанной имъ въ 1856 г., ему удастся, наконецъ, осуществить свои личные замыслы; онъ слишкомъ вѣрилъ въ достоинства наполеоновскихъ идей и слишкомъ былъ увѣренъ въ пользѣ свободной торговли и въ значеніи французскаго вмѣшательства въ иностранныя дѣла; поэтому онъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что ему предстоятъ новые и общепризнанные успѣхи, которые должны были обезпечить будущность его династіи. Неудержимый порывъ Италіи къ національному объединенію показалъ ему, что судьбы народовъ не рѣшаются по планамъ, выработаннымъ на тайныхъ совѣщаніяхъ дипломатовъ; а непрекращавшіяся вспышки итальянской революціи разстраивали его комбинаціи, основанныя на итальянскихъ дѣлахъ и способныя, по его мнѣнію, завоевать ему симпатіи всего французскаго общества. Оппозиція протекціонистовъ еще усугубила затруднительность его положенія. Онъ былъ убѣжденъ, что онъ лучше самихъ фабрикантовъ понимаетъ общіе интересы французской промышленности, и что его политика благопріятствуетъ этимъ матеріальнымъ интересамъ, охрана которыхъ составляла предметъ его постоянныхъ заботъ. Но какой смыслъ

имѣли всѣ его старанія, если тѣ, кому полагалось бы быть довольнымъ милостями монарха, не хотѣли ихъ признавать и вмѣсто того, чтобы привѣтствовать государя, выступали противъ него и даже протестовали, по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ, противъ его абсолютной власти?

Въ это время Граммонъ написалъ фразу, которая бросаетъ яркій свѣтъ на вопросы, занимавшіе въ концѣ 1860 г. приближенныхъ императора: „для императора наступилъ моментъ,—говорилъ онъ, снять съ своей особы бремя недовольства, которое неизбѣжно должна порождать его политика. Я ни въ чемъ никого не упрекаю, а просто констатирую неизбѣжный фактъ. Императоръ не можетъ удовлетворить ни реакціонеровъ, ни революціонеровъ. Таково естественное послѣдствіе той роли умѣрителя крайностей, которую онъ для себя избралъ».

Въ этомъ признаніи содержится самое строгое осужденіе той политики лжи и обмана, которая практиковалась декабрьскимъ авантюристомъ по отношенію къ эмигрантамъ и вообще ко всѣмъ классамъ французскаго общества. Подобно легендарному волшебнику, этотъ политическій интриганъ, пытавшійся вызывать въ своихъ интересахъ то духъ католической пропаганды, то духъ республиканскаго интервенціонизма, оказался не въ состояніи справиться съ вызванными имъ могучими силами и не находилъ вѣщаго слова, способнаго ихъ укротить. Онъ уже не въ состояніи былъ выдержать на своихъ плечахъ тяжкое бремя прорывавшагося со всѣхъ сторонъ недовольства. Отнынѣ ни жалкая кампанія оффиціозной прессы, ни репрессивныя мѣры не могли уже сдержать ни католиковъ, ни либераловъ.

И вотъ тогда, руководясь расчетомъ, достойнымъ его жалкаго макіавелизма, императоръ рѣшилъ нѣсколько расширить тѣ рамки, въ которыхъ вращалась дѣятельность политическихъ партій для того, чтобы съ большимъ успѣхомъ противопоставить ихъ одну другой. Планъ Наполеона III сводился къ слѣдующему: онъ пригласитъ палату и Сенатъ «взять на себя часть бремени»; возгорится ожесточенная партійная борьба; а онъ, преслѣдуя въ тиши свою личную политику, постарается свалить на нихъ и на ихъ оппозицію тѣ ошибки, въ которыхъ можно было бы упрекать его самого. Во Франціи снова начнется, по крайней мѣрѣ формально, борьба традицій и идей; а страна, безъ сомнѣнія, будетъ признательна государю за умѣлое проведеніе политики равновѣсія и умѣренности, равно далекой отъ обѣихъ крайностей.

Этимъ настроеніемъ объяснялись и на этомъ расчетѣ были построены декреты 24 ноября 1860 г. Появленіе ихъ было прямо обусловлено треніями, вызванными Римскимъ вопросомъ, который возстановилъ противъ императора католиковъ, не привлекши къ нему либераловъ; въ менѣе слабой степени на ихъ изданіе повліяла оппозиція протекціонистовъ противъ торговаго договора 1860 г. Эти декреты вовсе не были «блестящимъ доказательствомъ императорскаго довѣрія», какъ широковѣщательно гласило введеніе къ нимъ; они просто на просто свидѣтельствовали о затруднительномъ положеніи, въ которомъ очутился Наполеонъ.

Итакъ, эти декреты предоставили нѣкоторую свободу обоимъ собраніямъ: Законодательному Корпусу и Сенату. Отнынѣ Законодательный Корпусъ и Сенатъ могли ежегодно въ отвѣтъ на тронную рѣчь сво-

бодно обсуждать и вотировать адресъ, въ которомъ допускалось разсмотрѣніе и оцѣнка политики правительства. Министрамъ безъ портфеля поручалось защищать эту политику передъ палатами и поддерживать правительственные законопроекты. Наконецъ, ежедневно вечеромъ должны были печататься сообщенія о засѣданіяхъ, а на слѣдующій день въ оффиціальномъ „Монитёрѣ“ должны были помѣщаться полные стенографическіе отчеты о парламентскихъ преніяхъ. Съ помощью такихъ-то чисто формальныхъ уловокъ этотъ неисправимый шулеръ, не отказываясь ни отъ одной изъ своихъ основныхъ прерогативъ, надѣялся одурачить страну и заставить ее раздѣлять съ нимъ отвѣтственность за его дѣйствія.

Возникалъ только вопросъ, не воспользуются ли партіи тѣми крохами свободы, которыя были имъ предоставлены, для борьбы съ Имперіей, не-захотятъ ли онѣ вмѣсто того, чтобы растрачивать свои силы во взаимной борьбѣ, или даже не прекращая этой борьбы, направить свои главныя усилія противъ самой Имперіи? Вопросы внѣшней политики, по поводу которыхъ онѣ главнымъ образомъ и сталкивались между собой, не могли поглотить всей ихъ энергіи. Прежде всего онѣ нуждались въ свободѣ: парламентскіе дѣятели эпохи Луи-Филиппа, республиканцы-доктринёры, дѣятели 1848 г., рабочіе, стремившіеся къ своему экономическому освобожденію—всѣ они одинаково нуждались въ болѣе широкой свободѣ слова и дѣйствій.

Какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ Имперія, желавшая всѣхъ одурачить, только возбуждала недовольство среди всѣхъ классовъ общества. Экономическая эволюція и политическія стремленія одинаково толкали общество къ борьбѣ съ существующимъ режимомъ. Эта борьба подготовлена была періодомъ отъ 1859 до 1863 года.

ГЛАВА IV.

Обманутый расчетъ.

Ноябрьскими декретами 1860 г. императоръ хотѣлъ снова доставить странѣ зрѣлище партійныхъ раздоровъ. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ тѣшилъ себя надеждой, что ему удалось успокоить и удовлетворить всѣ партіи своей политикой, направленной къ матеріальному процвѣтанію и славѣ Франціи. Но фритредерскіе взгляды и роковая логика внѣшней политики Наполеона III возстановили противъ него его декабрьскихъ соумышленниковъ, протекціонистовъ-промышленниковъ и католиковъ. Послѣдніе для борьбы съ замыслами императора организовались въ партіи. Въ поискахъ за противовѣсомъ онъ принужденъ былъ предоставить бо́льшую свободу демократамъ и даже республиканцамъ, которыхъ онъ истреблялъ и преслѣдовалъ съ 1852 г. Теперь правительство собиралось снова открыть „арену партійной борьбы“; но по мысли императора, его верховная воля должна была остаться главнымъ факторомъ, рѣшающимъ судьбу противоположныхъ партійныхъ домогательствъ. На этотъ разъ онъ предполагалъ оффиціально, но при условіи неограниченной власти взять на себя ту роль арбитра различныхъ политическихъ партій, которую онъ нѣкогда исполнялъ въ бытность свою президентомъ, и которая тогда такъ блестяще ему удалась. Онъ полагалъ, что всѣ партіи, привыкши видѣть въ немъ третейскаго судью, рѣшающаго ихъ споры, станутъ тѣмъ лойяльнѣе признавать его власть. Что же касается министровъ, дѣятельность которыхъ часто стѣснялась закулисными и противоположными вліяніями императрицы и принца Наполеона, то они льстили себя надеждой, что это, хотя бы чисто формальное, возстановленіе парламентскихъ преній, поможетъ имъ связать руки императору, удержать его отъ фантастическихъ увлеченій и предохранить его отъ „частныхъ вліяній“.

Черезъ три года выборы 1863 г. показали всю ошибочность этого расчета. Оппозиціонные элементы, снова твердо ставшіе на ноги, не только не растратили своей энергіи во взаимной грызнѣ, но даже выдвинули противъ Имперіи лучшія свои силы. Для защиты отъ нападокъ политическихъ партій, императору въ большей степени, чѣмъ когда-либо, приходилось хитрить и плутовать. Общество, пробудившееся отъ своего долгаго сна, открыло противъ него энергичное наступленіе; и тогда оказалось, что матеріальное благосостояніе не въ силахъ замѣнить политическую свободу.

* * *

Можно сказать, что никогда этотъ жалкій фантазеръ не сочинялъ такой массы проектовъ и не пускался въ такое множество предпріятій, имѣвшихъ цѣлью удовлетворить различныя партіи. „Голова императора— сказалъ однажды Пальмерстонъ,—такъ же набита проектами, какъ садокъ кроликами". И вотъ, въ періодъ 1859—1863, эти кролики разыгрались во-всю. Императоръ рыскалъ по всему свѣту въ поискахъ за событіями, способными дать удовлетвореніе французскимъ партіямъ и наполеоновской славѣ. Въ первую голову необходимо было ублаготворить католиковъ, такъ какъ послѣдніе подняли громкій крикъ съ тѣхъ поръ, какъ увидѣли, что ихъ папѣ угрожаетъ опасность; въ Законодательномъ Корпусѣ они оказывали правительству самую рѣзкую оппозицію.

Въ 1860 г. императоръ даровалъ имъ новую экспедицію въ Китай. Китайскій вопросъ оставался открытымъ съ 1840 года, но въ то время, какъ англичане стремились къ завоеванію выгодныхъ торговыхъ позицій, французы... охраняли католическія миссіи. По условіямъ Нанкинскаго договора (1842) англійскіе купцы получили право селиться въ Шанхаѣ и въ Фу-Чеу; они захватили въ свои руки Гонконгъ; по договору, заключенному въ 1844 г. въ Вампоа, французы взяли на себя охрану католиковъ въ Китаѣ. Англійскіе купцы умѣли весьма кстати напоминать католикамъ-французамъ объ ихъ священномъ долгѣ и использовать въ вящшей для себя выгодѣ ихъ добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Въ 1856 году китайцы позволили себѣ захватить судно, шедшее подъ англійскимъ флагомъ; за это Англія объявила имъ войну. А послѣ того какъ китайцы убили одного миссіонера, аббата Шадлена, Франція присоединилась къ Англіи. Лордъ Эльджинъ и баронъ Гро, чрезвычайные посланники, поддержанные внушительными морскими силами, бомбардировали форты Таку, а затѣмъ вступили въ Тьенъ-Дзинъ и въ іюнѣ 1858 года принудили китайскихъ мандариновъ заключить двойной договоръ, предоставлявшій обоимъ государствамъ торговыя преимущества, уплату военной контрибуціи, возмѣщеніе убытковъ и проторей лицамъ, состоявшимъ подъ покровительствомъ Франціи, а главное—предоставлявшій обѣимъ націямъ право имѣть въ Пекинѣ постоянныхъ представителей.

Но когда въ іюнѣ 1859 года эти представители, англичанинъ Брюсъ и французъ Бурбулонъ, прибыли для вступленія въ свою должность, они нашли входъ въ устье рѣки Пейхо загражденнымъ, а попытка сопровождавшей ихъ эскадры пробиться черезъ это заграждеміе была встрѣчена огнемъ съ фортовъ Таку.

Тогда рѣшено было предпринять новую экспедицію. Восемь тысячъ французовъ подъ командой генерала Кузенъ-Монтобана, сопровождаемаго блестящимъ штабомъ, должны были помочь 13 тысячамъ англичанъ сэра Гопа Гранта возстановить въ Китаѣ престижъ европейцевъ. Лордъ Эльджинъ и баронъ Гро снова отплыли въ Китай.

Въ іюлѣ 1860 года взятъ былъ Таку, а въ августѣ Тьенъ-Дзинъ. Въ сентябрѣ убійство офицеровъ, на которыхъ возложена была охрана уполномоченныхъ, вызвало походъ союзной арміи на Пекинъ. Сраженіе при Паликао очистило дорогу и 5 октября европейскія войска овладѣли воротами китайской столицы. 18 октября лордъ Эльджинъ совершилъ актъ безсмысленнаго вандализма, приказавши сжечь лѣтній дворецъ

китайскаго императора, эту замѣчательную резиденцію, въ которой собраны были сокровища Манджурской династіи: такъ должна была быть наказана гордость монарха, не пожелавшаго принять представителей Европы! Китай рѣшился начать мирные переговоры, и 24 октября принцъ Конгъ подписалъ два соглашенія съ лордомъ Эльджиномъ и барономъ Гро. Обѣимъ націямъ предоставлены были торговыя преимущества, но Англія кромѣ того добилась уступки территоріи, необходимой для защиты Гонконга, а Франція, покровительница католическаго культа, добилась возвращенія христіанамъ ихъ церковныхъ зданій, благотворительныхъ учрежденій и кладбищъ.

Европейскія державы помогли Манджурской династіи усмирить возстаніе тайпинговъ, поддерживавшихъ соперническую династію. Затѣмъ, по возстановленіи мира въ Небесной Имперіи, онѣ постарались извлечь всѣ возможныя выгоды изъ пекинскихъ договоровъ. Англія сумѣла твердо установить авторитетъ своего представителя; а сэръ Робертъ Гартъ, къ вящшей выгодѣ англійской торговли, занялся устройствомъ китайскихъ таможенъ, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ настоящее британское учрежденіе. Зато Франція возносила хвалы Господу Богу и генералу графу Паликао за возвращеніе христіанамъ Дальняго Востока ихъ имущества, церквей и кладбищъ. Теперь можно было надѣяться, что лазаристы, монсеньёръ Мули и монсеньёръ Этьенъ простятъ императору его итальянскую политику. И дѣйствительно, развѣ могли католики остаться нечувствительными къ такимъ выдающимся успѣхамъ ихъ религіи, а также къ состоявшемуся около того же времени выступленію Франціи въ защиту аннамскихъ и кохинхинскихъ христіанъ, и развѣ опять-таки не въ интересахъ католиковъ императоръ, „дабы не оставить безнаказанными убійство христіанъ и разграбленіе монастырей“, торжественно послалъ своихъ солдатъ въ далекую Сирію, „богатую великими воспоминаніями“, куда героическіе предки „съ честью несли хоругвь Христа“? „Въ настоящее время,—заявилъ онъ,—повсюду, гдѣ проходитъ знамя Франціи, ему предшествуетъ великое дѣло, а за нимъ слѣдуетъ великій народъ“. Въ Сиріи, какъ и въ Китаѣ, этимъ великимъ дѣломъ было католическое дѣло: въ Ливанскихъ горахъ мусульманское племя друзовъ перебило христіанъ-маронитовъ, причемъ турецкія власти не сдѣлали ничего для прекращенія бойни. Такъ какъ покровительство католикамъ принадлежало Франціи, то въ Бейрутъ отправлена была экспедиція (1858). Генералъ д'Опуль добился наказанія для нѣсколькихъ сотъ виновныхъ; но эта экспедиція чуть было не поссорила французовъ съ Англіей, которая съ растущимъ неудовольствіемъ и тревогой смотрѣла на это повсемѣстное вмѣшательство Франціи, не довѣряя ея безкорыстію. И даже торговымъ договоромъ 1860 года не удалось возстановить прежнихъ дружественныхъ отношеній. Чтобы успокоить британское правительство, Наполеонъ долженъ былъ предоставить международной комиссіи разрѣшеніе Ливанскаго вопроса.

Но что скажутъ либералы? Желая дать удовлетвореніе и имъ, императоръ самымъ энергичнымъ образомъ продолжаетъ стремиться къ осуществленію своей мечты объ освобожденіи народовъ и независимости національностей. Окружающіе его въ Тюильрійскомъ дворцѣ археологи и ученые, Мори, Дежарденъ, Дюрюи, откапываютъ изъ архивной пыли историческія права различныхъ націй. Въ это именно время

императоръ составилъ свою „Жизнь Цезаря“. Заграницей черезъ посредство своей пріятельницы, Гортензіи Корню, онъ поддерживалъ сношенія съ нѣмецкими и итальянскими учеными, поощряя ихъ научные труды и вмѣстѣ съ ними увлекаясь проектами, основанными на изслѣдованіи прошлыхъ судебъ человѣчества. Такъ какъ кромѣ Италіи и Германіи въ Европѣ имѣлся цѣлый рядъ другихъ національностей, пробуждавшихся къ самостоятельной жизни, и народцевъ, стремившихся къ независимости и величію, то императоръ французовъ вознамѣрился показать имъ, что онъ интересуется ихъ судьбой.

На первомъ планѣ стояли румынскіе патріоты, молдо-валахи, которымъ онъ въ 1858 году не могъ обезпечить желательнаго для нихъ объединенія. Но онъ первый привѣтствовалъ то фактическое объединеніе, котораго они добились, избравши въ обѣихъ провинціяхъ одного и того же господаря, Александра Кузу (1859); съ такимъ же сочувствіемъ онъ отнесся къ сліянію собраній обоихъ княжествъ въ одно національное собраніе, засѣдавшее въ Бухарестѣ въ 1862 году. Впослѣдствіи онъ же помогъ имъ найти для Румыніи короля изъ дома Гогенцоллерновъ (1866).

Затѣмъ наступила очередь сербовъ, въ 1858 году снова призвавшихъ на престолъ Обреновичей и стремившихся къ созданію свободной „Великой Сербіи“. Въ 1862 году сербы прогнали турокъ изъ Бѣлграда. По этому поводу императоръ, быть можетъ, не остановился бы передъ вмѣшательствомъ, которое способно было вызвать всеобщій пожаръ на Востокѣ, если бы его не удержалъ благоразумный Тувенель. Послѣдній удовольствовался возвращеніемъ Бѣлграда сербамъ, полагая, что и эта уступка даетъ достаточное удовлетвореніе политикѣ національностей.

Но все это мелочи. Дѣйствуя такимъ образомъ, императоръ давалъ частичное и мимолетное удовлетвореніе попеременно то одной, то другой изъ большихъ соперничавшихъ партій. Ему нужна была выдающаяся и славная экспедиція, которая могла бы дѣйствительно объединить всѣ партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменовала бы торжество католической идеи и французской національной славы. Еще недавно императоръ полагалъ, что такой случай представится ему въ итальянскомъ предпріятіи. Онъ надѣялся, что ему удастся освободить Италію и объединить ее подъ главенствомъ папы. Событія обманули его расчеты. Но такъ какъ въ интересахъ династіи такой случай долженъ былъ представиться во что бы то ни стало, то въ крайности его можно было бы сознательно создать.

Его доставили мексиканскія дѣла.

Мы не можемъ здѣсь подробно распространяться объ идеяхъ, которыми императорское правительство руководилось въ этомъ удивительномъ дѣлѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей, вѣроятно, найдутъ, что въ нашей „Соціалистической исторіи“ мы и безъ того слишкомъ долго останавливаемся на закулисной игрѣ дипломатовъ и на всѣхъ перипетіяхъ международной политики. Мы не станемъ и оправдываться отъ такого упрека.

Дѣло въ томъ, что судьбы Второй Имперіи въ сильнѣйшей мѣрѣ опредѣлялись иностранной политикой. Во многихъ случаяхъ успѣхи свободы объясняются отраженнымъ дѣйствіемъ безпрерывныхъ авантюръ Наполеона III на внутреннія дѣла Франціи, и этого урока соціалисти-

ческій пролетаріатъ не долженъ забывать. Внѣшнія диверсіи слишкомъ часто являлись средствомъ для подавленія революціонной борьбы внутри страны для того, чтобы мы могли пренебрежительно относиться къ этому историческому опыту. Вторая Имперія все время была правительствомъ внѣшнихъ диверсій. Она нагромождала ихъ, можно сказать, одну на другую, пытаясь въ Италіи найти «славную» диверсію отъ возрождающихся либеральныхъ стремленій, а затѣмъ на Востокѣ или въ Мексикѣ найти диверсію отъ затрудненій, порожденныхъ вмѣшательствомъ въ итальянскія дѣла. Политическая мысль царствованія безостановочно блуждала съ Востока на Западъ, бросаясь отъ Дунайскихъ княжествъ къ Америкѣ, въ неустанной погонѣ за общепризнанной славой, за колоссальной диверсіей, которая могла бы окончательно укоренить во французской націи благоговѣніе передъ могучей и славной династіей. Всѣ эти диверсіи закончились плачевнымъ фіаско, но не слѣдуетъ забывать, что ихъ удача окончательно вбила бы осиновый колъ въ могилу французской свободы.

Мексиканская экспедиція заслуживаетъ нашего вниманія еще и въ другихъ отношеніяхъ. Напомнимъ вкратцѣ факты: начиная съ 1821 года, т. е. съ того момента, какъ Мексика стряхнула съ себя иго испанскаго владычества, она не выходила изъ состоянія революціонной анархіи. Въ результатѣ безпрестанныхъ мятежей одна военная диктатура смѣнялась другой, и только въ самое послѣднее время изъ общаго хаоса начали наконецъ выдѣляться двѣ партіи, боровшіяся за извѣстныя политическія программы; съ этого момента въ Мексикѣ появились клерикалы-консерваторы, стоявшіе за господство католической церкви, и либералы, руководимые креолами, а также образованными индѣйцами, какъ напримѣръ, Бенито Хуарецъ. Въ 1856 году либералы, съ Комонфортомъ и Хуарецомъ во главѣ, одержали побѣду и провели нѣсколько реформъ: они секуляризовали церковныя имущества, изгнали іезуитовъ и ввели принципъ свѣтскости въ акты гражданскаго состоянія и въ брачныя отношенія. На эти мѣропріятія клерикалы и консерваторы отвѣтили возстаніемъ; ихъ вожди, Мирамонъ и Цулоага, овладѣли столицей Мексико и захватили въ свои руки постъ президента. Но вице-президентъ республики, индѣецъ Хуарецъ, оказалъ имъ энергичное противодѣйствіе, а послѣ трехлѣтней войны отъ 1859 до 1861 года ему удалось вырвать власть изъ ихъ рукъ.

Эта гражданская война и доставила Европѣ поводъ къ вмѣшательству въ мексиканскія дѣла. Въ разгарѣ непрерывныхъ смутъ европейскіе уроженцы подвергались всевозможнымъ непріятностямъ: портфели консуловъ были переполнены ихъ жалобами; „Иностранныя Конвенціи“, т. е. признаніе долговъ, котораго добивались различныя націи, всегда или почти всегда оставались мертвой буквой. Въ 1861 году эти тренія достигли крайней остроты: 17 іюля 1861 года конгрессъ вотировалъ, а президентъ утвердилъ законъ, пріостановившій на два года уплату по займамъ, внесеннымъ въ „Иностранныя Конвенціи“. Лондонскій, парижскій и мадридскій кабинеты рѣшили добиться законнаго удовлетворенія для своихъ подданныхъ 31 октября эти три государства заключили въ Лондонѣ соглашеніе, по которому рѣшено было прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству для того, чтобы обезпечить дѣйствительную безопасность европейскимъ рези-

дентамъ и исполненіе финансовыхъ обязательствъ, принятыхъ на себя Мексикой.

Но въ то время, какъ Англія имѣла въ виду только выгодную эксцедицію и искоса поглядывала на мексиканскія таможни, въ то время, какъ Испанія, не отказываясь окончательно отъ надежды вернуть когда-нибудь мексиканскій престолъ одному изъ своихъ принцевъ, покорно слѣдовала за англичанами, французскіе правители дали полную волю своему воображенію. Мексиканскіе эмигранты посѣщали Тюильрійскій дворецъ: они говорили на родномъ языкѣ императрицы, и рѣчи ихъ приходились ей по сердцу. Они пользовались ея симпатіями въ качествѣ консерваторовъ и монархистовъ, и вмѣстѣ съ ними она предавалась мечтамъ о возстановленіи въ Мексикѣ господства католической церкви. Съ своей стороны, императоръ, бывшій узникъ крѣпости Гамъ, въ свое время проектировавшій прорытіе канала Никарагуа, хотѣлъ укрѣпить въ Мексикѣ могущество Франціи, этой признанной руководительницы латинской расы. „Рано или поздно,—говорилъ уже въ 1860 г. одинъ изъ его представителей, Габьякъ,—Европа должна будетъ заняться мексиканскими дѣлами. У границъ Мексики и только здѣсь Европа сможетъ остановить неудержимое распространеніе Соединенныхъ Штатовъ, которымъ, если противъ этого не будутъ приняты мѣры, суждено захватить всю Америку, а затѣмъ и весь міръ“. По мысли Наполеона мексиканская экспедиція, въ качествѣ католическаго крестового похода и войны за распространеніе латинской расы, должна была примирить стремленія всѣхъ французскихъ партій и объединить въ общемъ усиліи его собственную политику и политику его жены. Его другъ Мишель Шевалье старался выяснить эту „великую мысль царствованія“ и доказывалъ, „что судьбы Франціи и величіе ея авторитета зависятъ отъ грядущихъ судебъ католическихъ государствъ вообще и латинской расы въ частности“. На этотъ разъ либералы и католики должны были оказаться солидарными, а итальянскій вопросъ долженъ былъ получить окончательное разрѣшеніе.

Таковы были тѣ безсмысленныя мечтанія, которыми увлекался Тюильрійскій дворецъ въ концѣ 1861 года. Самые проницательные совѣтники императора, въ томъ числѣ даже Морни, не оказывали никакого сопротивленія этимъ увлеченіямъ. Общество уже тогда подозрѣвало, что здѣсь дѣло не чисто, а впослѣдствіи оно опредѣленно узнало, почему Морни проявилъ такой пылъ въ мексиканскихъ дѣлахъ: изъ захваченныхъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ документовъ обнаружилось, что самый значительный .... французскій кредиторъ Жеккеръ, обанкротившійся швейцарскій банкиръ, которому Мексика номинально должна была 75 милліоновъ піастровъ по облигаціямъ, имѣлъ покровителя и компаньона въ лицѣ прославленнаго президента Законодательнаго Корпуса. Сановный „компаньонъ“ потребовалъ на свой пай 30% съ барышей предпріятія; по такой цѣнѣ Жеккеръ нашелъ прекраснаго ходатая. Нечистые на руку дѣльцы и политики, страдавшіе маніей величія, подали другъ другу руки для того, чтобы толкать Францію на все новыя и новыя авантюры. Съ тѣхъ поръ мы перевидали не мало примѣровъ такихъ авантюръ, а послѣдняя изъ нихъ совсѣмъ еще свѣжа.

Къ несчастію для Наполеоновской династіи, эта затѣя не удалась;

въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Имперіи суждено было тащить за собою это плачевную авантюру, подобно ядру каторжника.

Лондонское соглашеніе было скоро нарушено; извѣстія о притязаніяхъ Жеккера, происки французскаго уполномоченнаге Салиньи, отказъ императорскаго правительства отъ ратификаціи перваго договора, заключеннаго европейскими комиссарами съ правительствомъ Хуареца, наконецъ, присутствіе мексиканскаго монархиста Альмонте во французскомъ лагерѣ, присутствіе, разоблачавшее истинныя намѣренія Франціи,—все это повело къ разрыву между союзниками. Англійскія и испанскія войска отплыли въ Европу въ мартѣ 1862 года. „Дѣло плохо начато,—писалъ тогда Тувенель,—но теперь уже невозможно останавливаться на полдорогѣ". Пресловутая монархическая партія, которую французы надѣялись найти въ Мексикѣ, въ дѣйствительности не существовала; мексиканцы единодушно возстали противъ европейскаго вмѣшательства, а испанцы устранились отъ участія въ борьбѣ. Латиняне уклонились отъ призыва Франціи, а католики, не усматривая въ мексиканской авантюрѣ выгодной компенсаціи, которая могла бы примирить ихъ съ анти-папской политикой, проводимой въ Италіи, и не думали слагать оружія. Къ серединѣ 1862 года шести-тысячный французскій корпусъ оказался совершенно изолированнымъ въ Мексикѣ, а „бѣдный императоръ печально покачивалъ головой".

Но пока, по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемую эпоху, это было еще далеко не самое серьезное изъ испытываемыхъ имъ затрудненій. Начиная съ 1860 года, итальянскій вопросъ ни на минуту не переставалъ быть самымъ злободневнымъ вопросомъ политической жизни. Напрасно Наполеонъ старался успокоить католиковъ своимъ вмѣшательствомъ въ Сиріи и въ Китаѣ, либераловъ—въ Румыніи и въ Сербіи, всѣхъ латинянъ и католиковъ вообще — въ Мексикѣ. Римскій вопросъ, выгоняемый въ окно, возвращался въ дверь, каждый разъ вызывая новый взрывъ партійныхъ страстей и создавая все новыя затрудненія для императорскаго правительства.

Послѣ того, какъ войска Чіальдини вступили въ предѣлы Умбріи, въ сентябрѣ 1860 года, императоръ отозвалъ изъ Турина своего посланника Талейрана; въ тотъ моментъ онъ былъ такъ возстановленъ противъ итальянцевъ, что одно время готовъ былъ даже допустить австрійское вмѣшательство, направленное противъ объединенія Италіи (ср. Bourgeois, стр. 635). Но вѣрный своей привычкѣ не доводить дѣло до рѣшительной развязки, онъ оставилъ въ Туринѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, а вскорѣ тайные переговоры не замедлили возобновиться. Онъ оставилъ свои войска въ Римѣ, вопреки желанію либераловъ; но не давалъ имъ приказа защищать вооруженной рукой неприкосновенность папскихъ владѣній. Впослѣдствіи онъ послалъ эскадру къ Гаэтѣ, но по требованію Англіи вскорѣ приказалъ ей удалиться оттуда. Лордъ Россель, провозглашавшій при аппродисментахъ либераловъ, что народы во всякое время вправѣ мѣнять свое правительство, даже доставилъ себѣ злорадное удовольствіе заткнуть Наполеона за поясъ въ дѣлѣ покровительства угнетеннымъ національностямъ. Но всѣ эти уступки не въ состояніи были удовлетворить клерикальную оппозицію; и императоръ въ сильномъ смущеніи смотрѣлъ на рѣзкую кампанію, которую вели противъ него католики. Онъ все еще мечталъ о невозможномъ прими-

реніи между папой, упорно цѣплявшимся за свою свѣтскую власть, и Италіей, нетерпѣливо рвавшейся въ Римъ, и съ тревожнымъ сочувствіемъ слѣдилъ за усиліями друзей Кавура, аббата Стеллярди и доктора Пантaлеоне, пытавшихся убѣдить папу въ необходимости уступокъ.

Въ мартѣ 1861 года Законодательный Корпусъ и Сенатъ впервые открыли свою сессію обсужденіемъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Эти пренія дали клерикальной партіи возможность возобновить свои рѣзкія нападки на правительство. Ляршжакленъ напомнилъ о долгѣ католической Франціи, на который ей указывали французскіе солдаты, сражавшіеся въ Сиріи и Китаѣ, и требовалъ вооруженнаго вмѣшательства въ пользу папы. Принцъ Наполеонъ выступилъ въ защиту итальянскаго единства; въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ напалъ на свѣтскую власть папы, на Австрію и на Бурбоновъ, и хотя Билло счелъ нужнымъ ему возражать, но помѣщеніе „блестящей рѣчи“ принца въ „Монитёрѣ Общинъ“ и распространеніе ея въ милліонахъ экземпляровъ свидѣтельствовали о томъ, что нападки католиковъ сильно озабочиваютъ императора. Даже самому Билло, несмотря на всю его увѣренность, съ трудомъ удалось добиться отклоненія поправки въ пользу свѣтской власти папы: 61 голосъ, т. е. почти половина Сената, высказалась за нее.

Та же схватка повторилась въ Бурбонскомъ дворцѣ. Проектъ адреса, выработанный комиссіей изъ 18 членовъ Законодательнаго Корпуса, выражалъ императору благодарность за то, „что онъ своими постоянными усиліями обезпечилъ папѣ свѣтскую власть, поскольку это допускала сила вещей и упорное сопротивленіе папы мудрымъ совѣтамъ“. Эта фраза послужила сигналомъ къ аттакѣ: Кольбъ-Бернаръ, Плишонъ и Келлеръ страстно отстаивали интересы святого престола. Плишонъ заклеймилъ вѣроломныя посягательства, которыми „одинъ изъ старѣйшихъ правящихъ домовъ Европы компрометтируетъ престолъ и честь своихъ предковъ“. Келлеръ безжалостно подчеркнулъ, что покушеніе Орсини придало духу Италіи, а „письмо Орсини заставило отступить Францію“. Несмотря на призывы Морни къ лойяльности депутатовъ, въ Законодательномъ Корпусѣ нашлось свыше девяносто членовъ (91), отказавшихся санкціонировать порицаніе папѣ, содержавшееся въ адресѣ, и заявившихъ, что французское правительство отвѣтственно за посягательства на папскую власть.

Детальное разсмотрѣніе всѣхъ проявленій католической оппозиціи и нерѣшительной политики правящихъ сферъ крайне важно. Общество должно знать, съ какимъ упорствомъ клерикалы добились преобладающаго вліянія во французской политикѣ и съ какой энергіей они его отстаивали. Если республиканцамъ и соціалистамъ до сихъ поръ еще приходится вести такую ожесточенную борьбу съ вмѣшательствомъ католиковъ во французскія государственныя дѣла, они теперь будутъ знать, какимъ застарѣлымъ и глубокимъ является это зло.

Весной 1861 года Наполеонъ III могъ убѣдиться, что соглашеніе, которое онъ заключилъ съ духовенствомъ въ цѣляхъ государственнаго переворота, въ концѣ концовъ завело его въ тупикъ. Съ каждымъ днемъ требовательность его союзниковъ возрастала. Неспособный оказать имъ сопротивленіе и озабоченный интересами династіи, онъ, наперекоръ всѣмъ политическимъ партіямъ, собирался продолжать свою

прежнюю тактику хитростей и тайныхъ ходовъ: въ случаѣ удачи этой политики онъ хвалился бы ею, а въ случаѣ неудачи постарался бы взвалить на эти партіи всю отвѣтственность.

Послѣ страстныхъ дебатовъ, вызванныхъ обсужденіемъ адреса, одно время казалось, что императоръ все-таки склоненъ помочь дѣлу объединенія Италіи. Въ апрѣлѣ, раздраженный клерикальной оппозиціей, онъ готовъ былъ отозвать свои войска изъ Рима, «этого легитимистскаго и католическаго Кобленца». Итальянскіе и итальянствующіе наперсники, пріятели и агенты Кавура, какъ Вимеркати, Моккаръ и генералъ Флери, не сидѣли сложа руки. Смерть Кавура, послѣдовавшая 6 іюня 1861 года, быть можетъ, также ускорила возстановленіе прежнихъ отношеній. Въ іюлѣ императоръ оффиціально призналъ итальянское королевство, а къ концу года онъ помогъ Виктору-Эммануилу справиться съ развившимся въ Италіи разбойничествомъ. Дѣйствуя въ духѣ этой политики, онъ поручилъ 11 января 1862 года французскому посланнику въ Римѣ Лавалету запросить святой престолъ, не можетъ-ли онъ, не отказываясь формально отъ своихъ правъ, «согласиться на фактическій компромиссъ, который установилъ бы спокойствіе въ нѣдрахъ католической церкви и далъ бы возможность папству раздѣлить торжество итальянскаго патріотизма». — «Ни Пій IX, — отвѣтилъ государственный секретарь римской куріи,—ни какой-либо изъ его преемниковъ во вѣки вѣковъ не согласится ни на какія уступки».

Вся эта политика, естественно, должна была вызвать новый взрывъ рѣзкихъ выходокъ со стороны клерикальной оппозиціи. Во время обсужденія отвѣтнаго адреса, которое одно только и давало возможность парламенту использовать предоставленную ему тѣнь свободы, пренія въ 1862 году носили еще болѣе бурный характеръ, чѣмъ въ прошломъ году. Недовольство итальянской политикой императора на этотъ разъ осложнялось негодованіемъ противъ внутренней политики Персиньи. Этотъ министръ, примыкавшій къ традиціямъ демократическаго и антиклерикальнаго бонапартизма, съ такой же строгостью обрушивался на клерикальные союзы, какъ и на республиканскіе, а этого церковь не могла стерпѣть. Создавши изъ своихъ религіозныхъ благотворительныхъ и пропагандистскихъ обществъ могучую силу, она намѣревалась пускать эту силу въ ходъ противъ правительствъ, угрожавшихъ интересамъ религіи: набравши армію, она хотѣла обезпечить себѣ возможность вести ее въ бой по своему усмотрѣнію. Послушные велѣніямъ епископовъ, члены религіозныхъ обществъ приняли вызывающіе аллюры лигистовъ XVI вѣка; особенно выдѣлялось въ этомъ отношеніи общество святаго Винцентія-де-Поля, основанное въ 1833 году Озанамомъ, располагавшее огромными денежными средствами и покрывшее всю Францію сѣтью изъ 1.500 „конференцій“, въ которыхъ призрѣваемые бѣдняки пріучались вѣрой и правдой служить властнымъ замысламъ богатыхъ благотворителей. „Храбрые солдаты святого Винцентія-де-Поля, сомкните ваши ряды!—воскликнулъ 22 сентября 1861 года Ангулемскій епископъ на общемъ собраніи ордена въ Люзиньянѣ.—Не убоимся Іуды, а убоимся Іисуса Христа“. Персиньи отлично зналъ, кого епископъ подразумѣваетъ подъ Іудой, и наглядно доказалъ это своимъ циркуляромъ отъ 16 октября 1861 года, въ которомъ, вполнѣ признавая заслуги благотворительныхъ обществъ, какъ католическихъ, такъ и масонскихъ, онъ

рѣшительно высказывался противъ «тѣхъ провинціальныхъ совѣтовъ или комитетовъ, которые, подъ предлогомъ содѣйствія разрозненнымъ усиліямъ отдѣльныхъ конференцій, съ каждымъ днемъ все больше захватываютъ въ свои руки управленіе ими, отнимаютъ у нихъ право самостоятельно выбирать своихъ предсѣдателей и почетныхъ членовъ и такимъ образомъ добиваются вліянія на всѣ общества данной провинціи, какъ бы желая превратить ихъ въ послушное орудіе для достиженія какой-то цѣли, не имѣющей ничего общаго съ благотворительностью». Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ той отвратительной и лицемѣрной политики, тѣхъ безконечныхъ «тенденціозныхъ процессовъ», которые Имперія примѣняла, напримѣръ, къ рабочимъ союзамъ. Но церковь не могла допустить, чтобы такъ обращались съ нею.

Министръ поставилъ Обществу Святого Винценті я-де-По ля непремѣннымъ условіемъ принятіе главнаго президента, назначеннаго императоромъ. Оно отказалось подчиниться этому требованію, и его центральный комитетъ принужденъ былъ исчезнуть.

Тогда католики раздѣлали Персиньи такъ, какъ онъ этого заслуживалъ. При обсужденіи адреса католическіе ораторы съ негодованіемъ указывали на униженіе папы и монашескихъ орденовъ. Въ Сенатѣ Сегюръ-д'Агессо назвалъ Персиньи Полиньякомъ Имперіи. Въ палатѣ Плишонъ, Кенигсвартеръ, Лемерсье и Келлеръ повторяли положенія, содержавшіяся въ ихъ прошлогднихъ рѣчахъ. И на этотъ разъ комедія снова была инсценирована прекрасно. Принцъ Наполеонъ произнесъ свою либеральную рѣчь, а де-ля-Героньеръ въ Сенатѣ и Билло въ Законодательномъ Корпусѣ, выражая мысль императора, высказались въ примирительномъ духѣ; при этомъ Билло смѣло ссылался на принципы національнаго верховенства и всеобщаго голосованія, «которыхъ мы не могли оспаривать у другихъ въ то время, какъ они господствуютъ во Франціи», а де-ля-Героньеръ лишній разъ высказалъ завѣтную мысль своего господина, становясь на промежуточную позицію «между нетерпимостью съ обѣихъ сторонъ, между крайними страстями, среди которыхъ колеблется этотъ великій интересъ, удерживаемый въ своей истинѣ и точной мѣрѣ лишь столь мудрою и столь умѣренною политикой императора».

Увы! къ несчастью для Франціи, этой „столь мудрой и столь умѣренной“ политикѣ суждено было снова быть выбитой изъ колеи ходомъ историческихъ событій. Раздираемый на части своими приближенными, императоръ не обладалъ достаточной твердостью для продолжительнаго слѣдованія по какой-нибудь опредѣленной политической линіи. Притомъ онъ слишкомъ сильно интересовался отношеніемъ къ нему политическихъ партій для того, чтобы быть въ состояніи составить себѣ опредѣленное и самостоятельное сужденіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ.

Начиная съ марта 1862 года, онъ вмѣстѣ съ Викторомъ-Эммануиломъ и его любимымъ министромъ Раттацци пытался склонить папу на слѣдующій компромиссъ: въ территоріальномъ отношеніи въ Италіи сохраняется status quo; папа удерживаетъ за собою Римъ, если онъ согласится даровать своимъ подданнымъ реформы, отвѣчающія духу времени. Но всѣ эти усилія были напрасны: папскій министръ Антонелли отвѣтилъ категорическимъ отказомъ на предложенную ему сдѣлку, а Пій

IX уже грозилъ анаѳемой принципамъ новаго времени. Раздраженный этимъ, Наполеонъ III началъ относиться къ Туринскому кабинету съ удвоенной любезностью и между прочимъ добился оффиціальнаго признанія Итальянскаго королевства Россіей (въ іюнѣ 1862 года)

Достаточно было новой вспышки итальянскаго унитаризма для того, чтобы непостоянный императоръ снова сдѣлалъ крутой поворотъ. Въ іюлѣ Гарибальди неожиданно высадился въ Сициліи; его фанатическіе сторонники организовали цѣлый рядъ мистическихъ манифестацій, крича: „Римъ или смерть!“. Отрядъ гарибальдійскихъ волонтеровъ двинулся на вожделѣнную столицу итальянскаго народа. Но по приказу итальянскаго правительства войска Чіальдини преградили ему дорогу и даже не остановились передъ сраженіемъ съ патріотами при Аспромонте (августъ 1862). Однако пьемонтское правительство, опираясь на корректность, съ которой оно вело себя въ данномъ случаѣ, заявило Европѣ, что „вся нація требуетъ своей столицы и что современное положеніе дѣлъ, сдѣлавшееся совершенно невыносимымъ, въ концѣ концовъ повлечетъ за собой для королевскаго правительства самыя нежелательныя послѣдствія, способныя самымъ серьезнымъ образомъ нарушить спокойствіе Европы и интересы католическаго міра“ (10 сентября 1862 года).

Англія встрѣтила это заявленіе сочувственно, а Австрія съ тревогой. Сдѣлаетъ-ли теперь Наполеонъ III рѣшительный шагъ и, игнорируя вопли католиковъ, смѣло вступитъ на либеральный путь? Принцъ Наполеонъ и его единомышленники горячо убѣждали императора поступить именно такимъ образомъ, но верхъ одержали Валевскій и императрица.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ министру иностранныхъ дѣлъ Тувенелю, стоявшему за прекращеніе Римской оккупаціи, приходилось бороться съ этими закулисными вліяніями. Его положеніе между либеральнымъ императоромъ и императрицей-католичкой было довольно затруднительно. „Тюильрійскій дворецъ доставлялъ ему больше хлопотъ, чѣмъ вся Европа вмѣстѣ взятая“. Поѣздка императорской четы въ Біаррицъ довершила побѣду императрицы; послѣдняя обратила вниманіе императора на приближеніе выборовъ 1863 года и указала ему на растущую тревогу и непріязнь католиковъ. Въ надеждѣ привлечь послѣднихъ на свою сторону императоръ уступилъ. Въ октябрѣ 1862 года Тувенель былъ уволенъ въ отставку, Бенедетти былъ отозванъ изъ Турина, а Лавалетъ изъ Рима; Друэнъ-де-Люисъ, министръ, угодный святому престолу, снова получилъ портфель иностранныхъ дѣлъ. Новый министръ сообщилъ Туринскому кабинету, что въ настоящій моментъ онъ не находитъ возможнымъ дать дальнѣйшій ходъ предложеніямъ, содержавшимся въ циркулярѣ отъ 10 сентября. Французскія войска остались въ Римѣ, и всѣ выгоды, весь моральный кредитъ, который Франція могла извлечь изъ услугъ, оказанныхъ ею Италіи, были утрачены.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Наполеонъ III не только не сдѣлался государемъ, способнымъ умѣрять партійныя распри и примирять противоположныя традиціи, о чемъ онъ мечталъ въ 1860 году, но что ему даже пришлось самымъ жалкимъ образомъ лавировать между враждебными политическими направленіями, на которыя дѣли-

лось общество. Неспособный сопротивляться своимъ совѣтникамъ, каждый изъ которыхъ старался забрать его въ свои руки, онъ безпомощно бросался отъ однихъ къ другимъ, и достаточно было приближенія выборовъ, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить его европейскую политику. Можно сказать, что отрицательныя свойства этой политики, въ которой династическіе интересы всегда доминировали надъ національными, а возвышенныя заявленія перемежались съ мизерными расчетами, никогда не проявлялись съ такой рѣзкостью, какъ въ этотъ четырехлѣтній періодъ отъ 1859 до 1863 года, когда Имперія своими непослѣдовательными и безтактными выступленіями какъ бы намѣренно портила то исключительно благопріятное положеніе, которое доставили ей Парижскій Конгрессъ и отчасти война 1859 года.

Однако, наканунѣ выборовъ 1863 года ходъ событій доставилъ императору исключительно благопріятный случай привлечь къ себѣ симпатіи всѣхъ партій.

Реформы, которыя Александръ II вынужденъ былъ даровать своему народу, и въ особенности отмѣна крѣпостного права въ 1861 году произвели сильнѣйшее дѣйствіе на всѣ области этой колоссальной Имперіи. Особенно широко движеніе въ пользу преобразованій проявилось въ Польшѣ, но, вопреки стремленіямъ одной части дворянства, польскій народъ отрицалъ возможность какихъ-бы то ни было реформъ безъ возвращенія ему національной автономіи. Во время всѣхъ глубокихъ движеній угнетенныхъ народовъ въ теченіе всего XIX столѣтія національныя стремленія и соціальныя требованія шли рядомъ и тѣсно переплетались. Русское правительство и нѣкоторые польскіе аристократы пытались въ продолженіе цѣлаго года (май 1861—май 1862) отдѣлить національное движеніе отъ соціальнаго. Но всѣ эти попытки закончились неудачей. Когда въ январѣ 1863 года городская молодежь, подозрѣваемая въ національной агитаціи, сдана была не въ очередь въ солдаты, въ Польшѣ вспыхнуло всеобщее возстаніе.

Впервые французское общественное мнѣніе оказалось единодушнымъ. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ частныхъ бесѣдахъ, въ газетахъ и даже на лекціяхъ въ Сорбоннѣ только и говорили, что о героизмѣ повстанцевъ. Католики высказывались за защиту польской націи потому, что она страдала за католическую вѣру; для демократовъ польское дѣло было непререкаемой догмой: кто изъ нихъ не помнилъ о польскихъ эмигрантахъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ революціонныхъ битвахъ, даже въ самомъ Парижѣ? Даже поклонники традицій и консерваторы вспоминали объ исторической роли Польши, вѣрной союзницы Франціи противъ австрійцевъ и Московскаго царства. Въ этомъ отношеніи Siècle сходился съ Monde'омъ, а императрица съ принцемъ Наполеономъ. Теперь мечта императора осуществилась: стоило ему только вмѣшаться въ польскія дѣла, и онъ могъ бы сдѣлаться, наконецъ, народнымъ и національнымъ императоромъ, о чемъ онъ не переставалъ мечтать.

Однако онъ не отважился на такой шагъ. И дѣйствительно, приходилось держаться крайне осторожно между Англіей, въ глубинѣ души не симпатизировавшей французамъ, и Австріей, государствомъ, нѣкогда участвовавшимъ въ раздѣлахъ Польши и владѣвшимъ значительной частью польской территоріи; эта осторожность была особенно необхо-

дима въ виду угрожающаго положенія Пруссіи, которая 18 февраля предложила царю содѣйствіе своей арміи для подавленія возстанія. Можно съ достовѣрностью утверждать, что вмѣшательство Наполеона III въ польскія дѣла вызвало бы противъ него новую европейскую коалицію. Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало интриговать при различныхъ дворахъ, не слѣдовало предлагать Австріи въ обмѣнъ за Венецію, уступаемую Италіи, возстановить независимое польское королевство, во главѣ котораго поставленъ былъ бы австрійскій эрцгерцогъ. А въ особенности не слѣдовало попадаться на удочку Англіи, которая охотно либеральничала въ Польшѣ, какъ и въ Италіи, и которая, подстрекнувши Францію послать высокомѣрную ноту, поссорившую ее съ царемъ, въ то же время приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы предупредить европейскую войну, удерживая Австрію отъ рискованныхъ шаговъ. Вся отвѣтственность за представленія, посланныя русскому правительству Австріей, Англіей и Франціей, въ концѣ концовъ пала только на послѣднюю; Горчаковъ искусно обошелъ первую ноту, посланную въ апрѣлѣ, и высокомѣрно отклонилъ іюльскую ноту. Французское общественное мнѣніе было сильно взбудоражено; „Siècle“ высказался за плебисцитъ по вопросу о вмѣшательствѣ, но императоръ не могъ рѣшиться на такой шагъ. Онъ позволилъ раздавить несчастную Польшу; послѣднее дипломатическое вмѣшательство въ ноябрѣ кончилось для него новымъ позоромъ.

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ одинъ только европейскій пролетаріатъ возвысилъ свой голосъ въ защиту справедливости. Если вѣрно, что остальные европейскіе кабинеты удержали французское правительство отъ вмѣшательства, то международный пролетаріатъ въ этомъ вопросѣ былъ единодушенъ. Правда, онъ былъ еще слишкомъ слабъ для того, чтобы оказать какое либо вліяніе на ходъ историческихъ событій, но, какъ мы увидимъ ниже, польскій вопросъ помогъ ему понять, что его безсиліе объясняется только его разрозненностью, а изъ митинговъ въ честь Польши вышло Международное Товарищество Рабочихъ.

Но немощное императорское правительство, оставивши Польшу на произволъ судьбы, окончательно скомпрометтировало свое положеніе въ Европѣ и возбудило противъ себя единодушную вражду всѣхъ возрождавшихся партій. Внутреннія послѣдствія внѣшнихъ неудачъ, тѣмъ болѣе серьезныхъ, что внѣшняя политика въ большинствѣ случаевъ опредѣлялась внутренними заботами, не замедлили сказаться.

* * *

И дѣйствительно, мы снова должны отмѣтить то обстоятельство, что значительные успѣхи въ борьбѣ за политическую свободу, которыхъ оппозиція достигла за послѣдніе годы, всегда объяснялись событіями внѣшней политики. Адвокатъ либеральной Имперіи, человѣкъ, пытавшійся использовать всѣ оппозиціонныя усилія группы Пяти и ихъ избирателей въ интересахъ Имперіи, могъ, конечно, заявить, что „императоръ осуществилъ эту реформу безъ всякаго давленія со стороны“; онъ могъ восторгаться „невиданной въ нашей исторіи“ милостью этого императора, располагавшаго „всей полнотой власти“ и тѣмъ не менѣе

смѣло „настежь распахнувшаго окна Законодательнаго Корпуса въ такой моментъ, когда въ немъ раздавались страстные голоса, направленные къ возбужденію умовъ противъ его политики“ (Empire libéral, V, 90). Своими фразами Эмиль Оливье можетъ обмануть только самого себя. Выше мы привели признаніе герцога Граммона и показали, что декретъ 24 ноября 1860 года непосредственно вытекалъ изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ Имперія очутилась благодаря Римскому вопросу. Теперь мы должны разсказать о томъ, какъ французское общество воспользовалось этимъ декретомъ для своихъ дальнѣйшихъ завоеваній и какъ подготовлялось то широкое либеральное движеніе, мощь котораго сказалась уже во время выборовъ 1863 года.

Императорское правительство хотѣло столкнуть лбами обѣ главныя партіи и обѣ традиціи, пробужденныя къ жизни его иностранной политикой. Но въ конечномъ счетѣ всѣ его старанія привели лишь къ усиленію либеральныхъ стремленій. Этотъ результатъ былъ неотвратимъ. Императоръ хотѣлъ играть роль верховнаго регулятора, умѣряющаго страсти. Когда, по его мнѣнію, онѣ заходили слишкомъ далеко, онъ старался сдержать ихъ съ помощью правительственныхъ сообщеній, предостереженій и циркуляровъ. Такимъ образомъ онъ возбуждалъ всеобщее недовольство и возстановлялъ всѣ партіи противъ режима, который даже не позволялъ имъ растрачивать свои силы во взаимной борьбѣ.

Во время бурныхъ дебатовъ, вызванныхъ обсужденіемъ отвѣтнаго адреса, прежніе партизаны режима насилія и гнета, созданнаго переворотомъ 2 декабря, теперь выступили съ требованіемъ свободъ, отсутствіе которыхъ они наконецъ почувствовали. Сегюръ д'Агессо, тотъ самый, который назвалъ Персиньи Полиньякомъ Имперіи, жаловался на стѣсненіе свободы католической прессы. Ларошжакленъ и Плишонъ напали на „извѣстную прессу“ (читай: «Siècle» и «Opinion Nationale»), пытающуюся снова пробудить страсти 1848 года и пользующуюся якобы свободой, въ то время, какъ религіозная и консервативная пресса можетъ существовать лишь при условіи полнаго одобренія ею всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій. Но теперь они уже не только требовали перемѣны курса, но и добивались свободы.

Въ 1861—1863 гг. среди самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ, въ салонахъ орлеанистовъ, среди республиканской буржуазіи и даже среди демократическихъ бонапартистовъ, наблюдалось сильное либеральное движеніе. Всѣ эти элементы въ одинъ голосъ требовали отъ правительства гарантій и новыхъ свободъ. Даже бюджетники, депутаты, преданные Имперіи душой и тѣломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремившіеся къ раціональному управленію императорской вотчиной,—даже они требовали нѣкоторыхъ реформъ въ финансовой области и нѣкоторыхъ гарантій при вотировкѣ бюджета.

Саркастическій и остроумный маркизъ Пьеръ въ своей рѣчи, приправленной нѣсколько грубоватой аттической солью, указалъ на неопредѣленный характеръ отвѣтственности правительства, при которой императоръ „оффиціально выражаетъ неодобреніе извѣстной политикѣ, а затѣмъ проводитъ ее по телеграфу“, при которой „Монитёръ“ печатаетъ тревожный докладъ Фульда о плачевномъ состояніи государственныхъ финансовъ, въ то время какъ „Revue des Deux Mondes“

получаетъ выговоръ только за выраженіе нѣкоторыхъ сомнѣній относительно того же финансоваго положенія. Наконецъ, и протекціонисты требовали гарантій противъ самовластья императора, который по своему усмотрѣнію распоряжался таможенными тарифами и торговыми договорами, совершенно не считаясь съ ихъ спеціальными интересами.

Всѣ эти оппозиціонные элементы, съ большей или меньшей враждой относившіеся къ господствовавшему режиму, чувствовали себя одинаково стѣсненными и скованными. Всѣ они съ одинаковой энергіей стремились къ новымъ реформамъ.

Въ 1861 году бюджетники добились своего. Отдаленныя экспедиціи, какъ напримѣръ Китайская и Сирійская, не говоря уже о крупныхъ войнахъ, какъ Итальянская и Крымская, стоили дорого. Обширныя общественныя работы также требовали значительныхъ денежныхъ средствъ, а между тѣмъ доходы не росли съ такой быстротой, какъ расходы. Съ 1851 по 1858 г. сумма чрезвычайныхъ кредитовъ достигла двухъ милліардовъ четырехсотъ милліоновъ. За послѣдніе три года государственный долгъ и необезпеченный долгъ казначейства возросли на четыреста милліоновъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ. Ежегодный дефицитъ въ среднемъ не спускался ниже ста милліоновъ, а къ концу 1861 года неутвержденный долгъ достигъ приблизительно одного милліарда.

Финансовый міръ заволновался, и Фульдъ выступилъ въ качествѣ истолкователя этого тревожнаго настроенія. Въ представленной императору спеціальной запискѣ онъ доказывалъ, что право Законодательнаго Корпуса вотировать налоги было въ сущности призрачнымъ правомъ и что контроль, производимый черезъ полтора года послѣ расхода, обращается въ чистую фикцію. То же самое можно было сказать по поводу обсужденія бюджета, такъ какъ правительство, не считаясь съ сдѣланными сокращеніями, увеличивало расходы послѣ закрытія сессіи. Итакъ, мы видимъ, что въ области финансовъ, какъ и въ области внѣшней политики, правительство распоряжалось совершенно самовольно: затруднительное положеніе, въ которомъ оно теперь очутилось, напомнило ему о томъ, что вся отвѣтственность падаетъ исключительно на него. «Возвращая Законодательному Корпусу,—заключалъ Фульдъ,—его безспорное право, императоръ сдѣлаетъ его солидарнымъ со своимъ правительствомъ...» Въ этихъ словахъ Фульдъ повторялъ основную мысль декрета 24 ноября 1860 года. Подобно тому, какъ въ области внѣшней политики Наполеонъ III хотѣлъ привлечь всю націю къ отвѣтственности за свои дѣйствія, точно такъ же онъ въ 1861 году хотѣлъ взвалить на нее часть отвѣтственности за финансовыя затрудненія, къ которымъ неизбѣжно должна была привести его погоня за внѣшней славой и внутреннимъ блескомъ. Такъ какъ отвѣтственность всегда непріятна, то наивно было думать, что партіи попадутся на эту грубую удочку. На сей разъ этими суздальскими пріемами не удалось втереть очки націи; съ финансовой реформой случилось то же, что и съ политической: она пошла на пользу только оппозиціи.

Письмомъ отъ 14 ноября 1861 года императоръ объявилъ, что онъ отказывается отъ права открывать кредиты въ отсутствіи палатъ и отъ вотировки бюджета по цѣлымъ министерствамъ. Фульдъ былъ приглашенъ на постъ министра финансовъ. 1 декабря можно было подумать,

что министръ финансовъ сдѣлается главой кабинета. Въ этотъ день изданъ былъ декретъ, постановлявшій, что «ни одинъ декретъ, разрѣшающій или предписывающій какія-либо общественныя работы или иныя мѣропріятія, могущія привести къ увеличенію расходовъ, не будетъ отнынѣ представляться императору къ подписи иначе, какъ съ приведеніемъ отзыва министра финансовъ». Но вся эта реформа оказалась чистѣйшей фикціей: правда, Законодательный Корпусъ теперь уже не вотировалъ бюджета по цѣлымъ министерствамъ сразу, но онъ продолжалъ вотировать его по отдѣламъ, обнимающимъ каждый по нѣсколько статей; а право правительства переводить ассигновки изъ одной статьи въ другую и даже изъ одного отдѣла въ другой равносильно было прежнему праву открывать чрезвычайные и дополнительные кредиты. Наконецъ, императоръ могъ собственной властью во всякое время сдѣлать распоряженіе о производствѣ обширныхъ и дорого стоющихъ общественныхъ работъ.

Но это было не важно. Подобно ноябрьскимъ декретамъ, финансовая реформа должна была развить въ обществѣ вкусъ къ контролю и къ свободѣ. Во время сессіи 1862 года бюджетные вопросы все время стояли на первомъ планѣ. Когда правительство предложило назначить генералу Кузену-Монтобану годичную пенсію въ 50 тысячъ франковъ въ награду за блестящую Китайскую экспедицію, парламентская комиссія рѣшительно высказалась противъ правительственнаго проекта, и императоръ особымъ письмомъ взялъ его обратно.

Такимъ образомъ начали снова проявляться либеральныя тенденціи, находившія себѣ точку опоры въ текущихъ событіяхъ внѣшней политики или въ бюджетныхъ преніяхъ, а вскорѣ парламентъ и общество отвоевали себѣ частичное право обсужденія и критической оцѣнки дѣйствій правительства. Послѣ восьмилѣтней умственной спячки общество чувствовало потребность нѣсколько встряхнуться и развернуться, и съ этого момента за усиліями либераловъ начали съ величайшимъ вниманіемъ слѣдить довольно широкія массы.

* * *

Въ первыхъ рядахъ оппозиціи выдѣлялась парламентская группа Пяти, выступавшая во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ.

Само собою разумѣется, что входившіе въ ея составъ депутаты теперь, какъ и до 1860 года, не могли открыто домогаться учрежденія республики или подвергать оспариванію основные принципы Имперіи. Но зато они получили возможность разоблачать злоупотребленія властей, акты административнаго произвола и ошибки правительства. Они могли домогаться безусловно необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, парламентскихъ свободъ, и характерно, что и теперь они встрѣчали по временамъ серьезное одобреніе со стороны другихъ депутатовъ. Во всякомъ случаѣ, они твердо знали, что страна прислушивается къ ихъ словамъ, и обращались къ ней, напоминая ей объ основныхъ принципахъ политической свободы.

Они пользовались обсужденіемъ отвѣтнаго адреса для систематическаго внесенія поправокъ, въ которыхъ они требовали проведенія реформъ и установленія свободныхъ порядковъ. „Для того, чтобы право

контроля, возвращенное представителямъ страны въ узкихъ рамкахъ послѣдняго декрета, могло принести свои плоды,—гласила ихъ поправка, внесенная въ 1861 году,—необходимо отмѣнить законъ объ общественной безопасности и всѣ другіе исключительные законы, освободить прессу отъ административнаго произвола, вернуть муниципальному управленію жизнь, а всеобщему голосованію его силу путемъ устраненія неправильностей, искажающихъ избирательныя операціи, и путемъ уваженія къ закону". Въ 1862 году въ моральныхъ интересахъ страны, «въ интересахъ ея достоинства, развитія ея предпріимчивости и богатства», они требовали „искренняго возстановленія режима свободы», отмѣны „скрытой цензуры, извращающей проявленія общественнаго мнѣнія", наконецъ, они требовали, чтобы „выборы производились избирателями, а не префектами". Въ 1863 году они снова указывали на то, что, несмотря на декретъ 24 ноября и на постоянныя повторенія слова свобода во всѣхъ оффиціальныхъ рѣчахъ, на практикѣ поведеніе правительства ничуть не измѣнилось, и что оно продолжаетъ по прежнему «подавлять всякую умственную иниціативу, всякое свободное обсужденіе и всякую независимую муниципальную жизнь". „Пусть намъ не препятствуютъ,—восклицали они,—пользоваться свободой; пусть намъ не расхваливаютъ ея благодѣяній и пусть не оскорбляютъ насъ заявленіемъ, что мы одни не достойны обладать благомъ, которое мы со времени нашей Великой Революціи такъ часто доставляли другимъ".

Жюль Фавръ, Эрнестъ Пикаръ и Эмиль Оливье выступали въ защиту этихъ поправокъ. Генонъ говорилъ рѣдко, а Даримонъ неудачно; но первые три оратора умѣли приковать къ себѣ вниманіе парламента.

Жюль Фавръ, умѣренный защитникъ революціонеровъ 1834 года, вѣрующій ліонецъ и спиритуалистъ, безупречный ораторъ, выражавшійся изысканнымъ слогомъ и обладавшій потрясающимъ и нѣсколько напыщеннымъ краснорѣчіемъ, блестяще вскрывалъ въ своихъ рѣчахъ неразрывную связь, существующую между внутренней свободой и вмѣшательствомъ въ пользу порабощенныхъ народовъ. Онъ доказывалъ господину Билло, что французскія войска могутъ оставаться въ Римѣ только благодаря временному нарушенію одного изъ основныхъ принциповъ публичнаго права, и ставилъ на видъ императору двуличіе его политики. Онъ протествовалъ противъ дорого стоющей погони за внѣшней славой, противъ экспедицій въ Сирію и въ Китай, а съ 1862 г. особенно рѣшительно выступалъ противъ злосчастной мексиканской экспедиціи, послѣдствія которой вскорѣ не замедлили сказаться, и которую Вторая Имперія обречена была влачить за собой, подобно ядру каторжника, вплоть до своего паденія. Онъ рѣзко нападалъ на правительство за то, что оно расточало финансы страны и портило международное положеніе Франціи, еще недавно бывшее столь благопріятнымъ.

Съ своей стороны, Эрнестъ Пикаръ, обладавшій тонкимъ и язвительнымъ краснорѣчіемъ, въ скептическомъ и ироническомъ тонѣ, за которымъ скрывалось глубокое убѣжденіе и искреннее страданіе при видѣ позорной дѣйствительности, нападалъ на административную опеку надъ крупными городами, на дорогія затѣи Османа и на опрометчивую перестройку столицы. Онъ разоблачалъ засѣдавшее въ Ратушѣ „революціонное правительство", вносившее полный переворотъ въ отношенія недвижимой собственности; непрерывную экспропріацію; массовое высе-

леніе маленькихъ людей и необузданныя спекуляціи сильныхъ міра сего; самодержавную, безграничную и безотвѣтственную власть, которая кромсала кварталы, сносила дома, продавала и перепродавала земельные участки, причемъ даже самъ государственный контроль не могъ добиться никакого отвѣта на свои запросы. Онъ требовалъ, чтобы Парижъ принадлежалъ парижанамъ, подобно тому, какъ Франція принадлежитъ французамъ, а когда Билло заявилъ, что императорское правительство никогда не отдастъ Парижа, то Пикаръ увѣренно отвѣтилъ, что въ одинъ прекрасный день парижане сами отберутъ его.

Наконецъ, Эмиль Оливье, сынъ эмигранта, молодой адвокатъ, жаждавшій играть крупную роль, и вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбецъ, не мало интриговавшій, чтобы добиться своего избранія въ 1857 году, не безъ таланта поддерживалъ Жюля Фавра въ его критикѣ избирательныхъ порядковъ, стѣсненнаго положенія печати и отдаленныхъ экспедицій.

Но Морни своими маневрами уже началъ вносить разладъ въ небольшую республиканскую группу. Оливье не устоялъ передъ лестными комплиментами ловкаго президента. Онъ чувствовалъ къ нему признательность за то, что тотъ терпимо относился къ его смѣлымъ ораторскимъ выпадамъ и такимъ образомъ содѣйствовалъ его возвышенію; и онъ легко склонился къ той мысли, что необходима новая политика въ видѣ либеральной Имперіи, великимъ человѣкомъ которой онъ долженъ былъ сдѣлаться. Особенно послѣ изданія декретовъ 1860 года, которые онъ качествѣ признательнаго вѣрноподданнаго призналъ милостивымъ даромъ императора, молодой политиканъ, наскучивъ ролью «безнадежной оппозиціи, ломающей копья за долгъ и за честь“ («Entre libéral», IV, 95), началъ находить заявленія Жюля Фавра «банальными», а недовѣрчивость Пикара смѣшной и испытывать чувство неловкости отъ рѣчей своихъ товарищей. Пробный шаръ онъ пустилъ во время обсужденія отвѣтнаго адреса въ 1861 году. Въ своей рѣчи, которую проницательные люди объявили „министерской рѣчью“, онъ объявилъ, что вѣчной славой покроетъ себя императоръ, „добровольно взявшій на себя смѣлую инициативу пріученія великаго народа къ свободѣ“, и прибавилъ: «Я ручаюсь, что въ тотъ день, когда раздастся этотъ призывъ, въ странѣ найдется, быть можетъ, нѣсколько человѣкъ, исключительно вѣрныхъ воспоминаніямъ прошлаго или слишкомъ поглощенныхъ надеждами на будущее, но подавляющее большинство населенія отнесется къ этой инициативѣ съ горячимъ одобреніемъ. А что касается меня, республиканца, то я готовъ былъ бы преклониться передъ этой инициативой и оказать ей дѣятельную поддержку, а моя поддержка будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что будетъ совершенно безкорыстна». Измѣна Оливье била въ глаза, и требовалась вся дряблость тогдашней республиканской партіи, чтобы не подчеркнуть этого предательства еще рѣзче. Зато Морни взялъ на себя задачу подчеркнуть его, выбросивши изъ стенографическаго отчета слова „меня, республиканца“. Эмиль Оливье не протестовалъ. „Это была правда“, какъ онъ любилъ выражаться! Отнынѣ онъ былъ республиканцемъ только по имени.

Къ счастью, вокругъ группы Пяти и въ сторонѣ отъ нихъ постепенно складывалась цѣлая новая партія.

Съ 1859 года много эмигрантовъ вернулось на родину; и если самые знаменитые изъ нихъ, пользовавшіеся силнѣйшимъ вліяніемъ на

народную массу, какъ Ледрю-Ролэнъ, Кинэ, Луи Бланъ и Гюго, оставались въ изгнаніи; если, съ другой стороны, возвратившіеся часто чувствовали, „что они разучились говорить на родномъ языкѣ“, и съ трудомъ приспособлялись къ новымъ условіямъ борьбы, зато, по крайней мѣрѣ, ихъ разсказы о прошломъ выслушивались съ величайшимъ вниманіемъ, а стойкость ихъ убѣжденій воодушевляла пылкую молодежь. Конечно, они были „идеалистами“ и фразерами; конечно, они были по-своему религіозными мистиками, рѣшительно не считавшимися съ дѣйствительностью, и когда молодежь изучала недавнее прошлое, послѣдствія котораго тяжкимъ бременемъ ложились на ея плечи, она возмущалась всѣми совершенными тогда нелѣпостями; а презрѣніе къ дѣйствительности, вѣра въ «невидимыхъ часовыхъ», полное невѣжество въ тактическихъ и организаціонныхъ вопросахъ, словомъ, всѣ недостатки, которые она замѣчала у стариковъ, приводили ее въ негодованіе. Но она многое прощала имъ, потому что они много страдали; она посѣщала ихъ, внимательно выслушивала и въ эти первые годы, отъ 1859 до 1863, еще относилась къ нимъ съ большимъ уваженіемъ. Молодежь встрѣчалась со стариками, съ Карно, Гарнье-Пажесомъ и Мари, у Дрео, зятя Гарнье-Пажеса, у Герольда и даже у Оливье.

Она посѣщала засѣданія Законодательнаго Корпуса, куда отправлялась слушать рѣчи Пяти. «Либеральная» Имперія предоставила публикѣ 18 мѣстъ, которыя всегда были заняты одними и тѣми же молодыми друзьями Пяти; ихъ называли «вольнослушателями Законодательнаго Корпуса». Назовемъ изъ нихъ Флоке, Кламажерана, Лорье, Ферри и Гамбетту.

Историки Третьей Республики воспѣли молодые годы своихъ великихъ людей. Мы имѣемъ почти житіе Гамбетты. Кто не знаетъ классической картины, изображающей растрепаннаго и неистоваго Гамбетту въ кафе Прокопъ, излагающаго дебаты Законодательнаго Корпуса и держащаго подъ обаяніемъ своихъ рѣчей обступившихъ его товарищей!

Мы предпочитаемъ напомнить, что молодой адвокатъ изъ Кагора, подготовляяясь къ парламентской дѣятельности и оставаясь прежде всего великимъ докладчикомъ дебатовъ Законодательнаго Корпуса въ «Конференціи Молэ», уже въ то время серьезно интересовался соціальнымъ вопросомъ. Въ юности онъ сильно увлекался Сильвеномъ Маре-шалемъ и Буонаротти; и если онъ не пошелъ по этому пути дальше и не сумѣлъ возвыситься отъ устарѣлыхъ системъ до живыхъ традицій революціоннаго соціализма, онъ тѣмъ не менѣе не переставалъ интересоваться вопросомъ о соціальныхъ преобразованіяхъ. Онъ прилежно читалъ Прудона, основательно изучилъ «Систему экономическихъ противорѣчій» и глубоко проникся духомъ „Справедливости въ Революціи и Церкви“; его прудонизмъ даже отталкивалъ отъ него сторонниковъ сенъ-симонизма. Умственный складъ Гамбетты мѣшалъ ему сдѣлаться человѣкомъ системы и опредѣленнаго направленія, но слѣдуетъ съ безусловнымъ почтеніемъ относиться къ этому высокому виду оппортунизма, основанному на добросовѣстномъ изученіи фактовъ. Онъ перечелъ огромное множество книгъ, стараясь уяснить себѣ всѣ вопросы. Онъ сумѣлъ разглядѣть первыя содроганія парижскаго рабочаго класса, и эти симптомы пробужденія ничуть его не пугали; въ отличіе отъ многихъ республиканцевъ и даже самого Пикара,

Гамбетта никогда не испытывалъ страха передъ краснымъ призракомъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые впослѣдствіи поняли необходимость революціонной политики; народные порывы, безъ которыхъ эта политика неминуемо обречена на неудачу, его не страшили. Въ первой его защитительной рѣчи, которую онъ произнесъ во время процесса механика Бюэтта, обвинявшагося въ принадлежности къ тайному сообществу, содержится цѣлый рядъ дѣльныхъ мыслей о положеніи рабочаго класса. Онъ же былъ однимъ изъ тѣхъ, которые въ 1863 году поддержали первую рабочую кандидатуру. Правда, онъ въ то же время поддерживалъ орлеаниста Прево-Парадоля, но сколько было такихъ, которые поддерживали послѣдняго, но ни за что бы не согласились оказать хотя бы малѣйшую помощь первому?

Намъ приходится разсказать о событіяхъ восемнадцатилѣтняго періода въ небольшой книгѣ, значительную часть которой мы къ тому же намѣрены посвятить описанію пролетарской дѣятельности; поэтому намъ волей-неволей приходится слишкомъ бѣгло обозрѣть интенсивную жизнь и дѣятельность республиканской партіи. Но во всякомъ случаѣ необходимо сказать о ней нѣсколько словъ.

Въ эти годы, отъ 1859 до 1863, проснулся Латинскій кварталъ, причемъ вся интеллигентная молодежь наряду съ рабочей молодежью страстно увлекалась политическими вопросами. Кромѣ парламентскихъ завсегдатаевъ, окружавшихъ группу Пяти, въ республиканскихъ рядахъ выдвинулся цѣлый рядъ юныхъ и пылкихъ революціонеровъ, дѣлавшихъ тогда первые шаги на литературномъ и политическомъ поприщѣ.

Въ парижской тюрьмѣ Бланки, освобожденный въ 1859 году и снова посаженный туда въ 1861 г., воспитывалъ молодыхъ революціонеровъ и помощниковъ; съ другой стороны, Гамбетта не одинъ читалъ Прудона: старый мыслитель насчитывалъ многочисленныхъ поклонниковъ и послѣдователей, отличавшихся бо̀льшей или меньшей самостоятельностью, но полныхъ жизни и страстно рвавшихся къ дѣятельности. Обо всѣхъ ихъ намъ придется еще говорить.

Но было бы, кажется намъ, ошибкой пытаться провести точную границу между различными группами до 1863 года. Историки, писавшіе о тогдашней дѣятельности республиканской партіи, по нашему мнѣнію, не достаточно считались съ хронологическими датами, и даже Чернову, который изъ всѣхъ историковъ, занимавшихся республиканской партіей въ эпоху Имперіи, пользовался самыми полными и новыми данными, не удалось избѣжать этой ошибки.

Только съ конца 1863 года различныя направленія начинаютъ расходиться въ разныя стороны. Отдѣльнымъ республиканскимъ группамъ пришлось выяснить свою частную тактику опять-таки подъ вліяніемъ рабочаго движенія, а рабочее движеніе пріобрѣло извѣстную силу только въ концѣ 1863 года. Точно такъ же—и это слѣдуетъ хорошенько замѣтить—различныя формы республиканской дѣятельности по тѣмъ же самымъ причинамъ развились только послѣ выборовъ 1863 года, особенно въ періодъ отъ 1863 до 1866 г. Къ этому времени относится появленіе цѣлаго ряда работъ о французской революціи; предпринимая эти историческія изслѣдованія, каждая группа пыталась отыскать въ великомъ революціонномъ ураганѣ конца XVIII вѣка первое проявленіе своей теоріи или первые опыты своей тактики. Къ этому времени отно-

сится начало того великаго умственнаго движенія, окрашеннаго свободомыслiемъ и матеріализмомъ, которое оказало такое прочное вліяніе на исторію Третьей Республики; къ этому же времени относится также начало дѣятельности республиканцевъ въ масонскихъ ложахъ и всѣ ихъ попытки организовать пропаганду посредствомъ лекцій, библіотекъ и дешевыхъ изданій для народа.

Конечно, въ зародышѣ все это имѣлось и до 1863 года; конечно, отдѣльные симптомы замѣчались и тогда, такъ что не слѣдуетъ поддаваться гипнозу хронологіи. Но въ то же время не слѣдуетъ закрывать глаза на тотъ характеръ, который движеніе имѣло въ эти годы. Всѣ работали и учились, каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ; всѣ знакомились между собой, спорили и вздорили; но за исключеніемъ бланкистовъ и сторонниковъ парламентаризма, отдѣльныя группы еще не расходились по вопросу о предпочтительности той или другой формы дѣятельности.

Мы уже упоминали выше о завсегдатаяхъ Законодательнаго Корпуса, которымъ впослѣдствіи предстояло сдѣлаться государственными дѣятелями. Эти люди встрѣчались другъ съ другомъ въ ложахъ для публики и въ салонахъ.

Остальные же группировались для общей борьбы съ Имперіей вокругъ небольшихъ газетъ: эти изданія называли себя литературными для того, чтобы избѣжать предварительнаго разрѣшенія, но очень скоро пускались въ политику. Это были недолговѣчныя изданія, быстро запрещаемыя правительствомъ или погибавшія отъ равнодушія публики, часто не имѣвшія другихъ читателей, кромѣ своихъ сотрудниковъ, но поддерживавшія мужество и умственную бодрость во всѣхъ. Мы уже упоминали про первыя такія изданія, выходившія въ пятидесятыхъ годахъ и принесшія свою долю пользы. Изъ нихъ были наиболѣе извѣстны: Avenir (Будущность), въ которой сотрудничали Вашро и Моренъ, а затѣмъ La Voix des Ecoles (Голосъ учебныхъ заведеній), которая пыталась въ 1857 году установить правильную связь между всей учащейся молодежью, наполнявшей различные европейскіе университеты и одушевленной либеральными стремленіями. Но особенно серьезную поддержку со стороны мелкой прессы республиканская и революціонная учащаяся молодежь встрѣчала въ своей дѣятельности главнымъ образомъ въ періодъ 1860—63 г.

Въ 1861 году молодой и энергичный уроженецъ Ліона Верморель основалъ „La Revue pour tous“ (Журналъ для всѣхъ), „La Jeunesse“ (Молодежь) и „La jeune France“ (Молодая Франція). Ему тогда не было еще двадцати лѣтъ, но его горячность и вѣра увлекали нерѣшительныхъ и импонировали старикамъ. Вокругъ него и вмѣстѣ съ нимъ работали А. Милліаръ, Г. Изамберъ и Э. Дюранъ. Всѣ они ставили себѣ задачей возвысить характеръ современниковъ, бороться съ чувственностью и очистить любовь; они хотѣли внушить народу моральный законъ, который долженъ послужить для него новой религіей. „Богъ въ святилищѣ, а отечество у его ногъ“,—писалъ Верморель въ ихъ обращеніи къ читателямъ, и во имя этихъ принциповъ они прославляли Барни или Жюля Симона и въ то же время рѣзко нападали на Бодлера и Абу. Съ чисто юношескимъ увлеченіемъ они судили обо всемъ, о послѣднихъ лекціяхъ въ Сорбоннѣ, о прегрѣшеніяхъ Тэна противъ французскаго языка или

о музыкѣ Вагнера,—и это продолжалось вплоть до того дня, когда за свои продерзости они послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьбы были вышвырнуты за двери своими собственными издателями.

Около того же времени (также въ 1861 году) креолъ-революціонеръ Жерменъ Кассъ основалъ «Le Travail» (Трудъ). Студенты медицинскаго и юридическаго факультета писали въ этой газетѣ статьи по исторіи и литературной критикѣ: нѣкій Жюль Мелинъ на ея столбцахъ восхвалялъ Кинэ; нѣкій Жоржъ Клемансо выражалъ свое благоговѣніе передъ революціоннымъ историкомъ Мишлэ, въ то время какъ другой юноша, по имени Эмиль Золя, въ неуклюжихъ и безцвѣтныхъ, но полныхъ увлеченія стихахъ взывалъ къ энергіи своихъ современниковъ:

О! мужайся, мой вѣкъ, и смѣло иди впередъ!

Рука объ руку съ ними Рожаръ набивалъ руку на «Словахъ Цезаря» передъ тѣмъ, какъ написать свои «Propos de Labienus» (Рѣчи Лабіена), а Пьеръ Дени воспѣвалъ судьбы грядущаго. Но судьба самого «Труда» была живо рѣшена. Онъ выходилъ по мѣрѣ возможности: Имперія нашла, что онъ выходитъ еще слишкомъ часто, и черезъ три мѣсяца арестъ сорудниковъ повлекъ за собой пріостановку газеты.

Въ это же время выходила еще „La Réforme littéraire“ (Литературная Реформа) подъ редакціей Лорана Пиша.

Но вся эта интеллигентная молодежь, хотя бы и поддерживаемая и поощряемая парижской мелкой буржуазіей или рабочимъ классомъ, еще не составляла всей Франціи. Проснется ли отъ своего сна провинція и поддержитъ-ли она столицу въ предстоящей борьбѣ? Вотъ въ чемъ заключался серьезный вопросъ. Отъ невѣжественныхъ и разрозненныхъ крестьянъ, изучавшихъ историческія событія только по лубочнымъ картинкамъ, изготовляемымъ въ Эпиналѣ и массами распространявшимся въ деревняхъ, ничего нельзя было ждать. Тѣ немногіе передовые крестьяне, которые нѣкогда начали было воспитывать своихъ сосѣдей въ политическомъ отношеніи, были сосланы или брошены въ тюрьмы въ 1851, 52 и 58 гг. Что же касается настроенія массы, то о немъ можно составить себѣ вѣрное представленіе по тому описанію нормандскаго общественнаго мнѣнія во время итальянской войны, которое далъ К. де-Виттъ: «Тѣ, кто имѣетъ лошадей для продажи,—говорилъ онъ,—стоятъ за войну; тѣ, у кого сыновья служатъ въ арміи, высказываются за миръ; тѣ, у кого нѣтъ ни того, ни другого, проявляютъ полнѣйшее безучастіе; а немногіе крестьяне, занимающіеся политикой, заражены соціализмомъ». Можно сказать, что съ небольшими различіями въ оттѣнкахъ эта картина вѣрно изображала положеніе вещей во всей французской провинціи.

Но въ городахъ, наперекоръ всѣмъ гоненіямъ и повседневнымъ мелкимъ придиркамъ полиціи, явно стремившейся взять своихъ политическихъ противниковъ измором, отдѣльныя небольшія группы, которыя въ теченіи полувѣка хранили республиканскую традицію, не могли быть окончательно истреблены. Сегодня разбитые кружки завтра опять возстановлялись, группируясь вокругъ какого нибудь врача, нотаріуса или журналиста: въ Кіевренѣ вокругъ доктора Кинэ; въ Алансонѣ вокругъ доктора Шамбэ; въ Нантѣ вокругъ благодушнаго философа и гуманитарнаго соціалиста, доктора Гепена. Замѣтимъ кстати, что въ томъ

же Нантѣ издавалась съ 1852 года самая рѣшительная и энергичная изъ тогдашнихъ республиканскихъ газетъ, „Луарскій Маякъ“, который редактировался братьями Манженъ и въ которомъ сотрудничали литературныя знаменитости, вродѣ Мишле и Кинэ, и молодыя силы, вродѣ Шассена и Бриссона.

Въ Бордо „Жиронда“ съ Лавертюжономъ и Гунуйлу вела ту же борьбу и съ такимъ же успѣхомъ. Въ 1857 году она доставила побѣду оппозиціонной кандидатурѣ Кюре, который впослѣдствіи оказался ренегатомъ. Въ 1860 году ея поддержка обезпечила избраніе восемнадцати республиканцевъ въ муниципальный совѣтъ, несмотря на противодѣйствіе префектуры. Теперь она готовилась къ рѣшительной битвѣ во время избирательной кампаніи 1863 года.

Въ Ліонѣ и Марселѣ, въ этихъ двухъ крупныхъ центрахъ, проявившихъ такую инерцію въ 1852 году, также появились симптомы пробуждающейся жизни. Если издававшаяся въ Ліонѣ газета „Прогрессъ“ обнаруживала значительную робость и даже позорную трусость передъ властями, зато товарищи Генона, устраивавшіе небольшія собранія и распространявшіе литературу, вербовали все новыхъ сторонниковъ, причемъ рабочіе начинали оказывать имъ все болѣе активное содѣйствіе. Въ Марселѣ собирались небольшіе кружки въ кафе Кардиналь, въ Парижскомъ кафе и въ Южномъ Атенеѣ: здѣсь встрѣчались профессора, рабочіе, адвокаты и даже банкиры; назовемъ изъ нихъ Брошье, Кремье, Этьена, Дельпеша, Густава Накэ, Гриманелли, а также соціалиста Бастелика.

Но если даже и въ другихъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Дюнкирхенѣ, попадались небольшіе кружки, то развѣ можно было обольщаться этимъ? И развѣ активные люди не знали изъ переписки и сношеній, которыя они пытались установить между различнымъ пунктами, что многіе старые и вѣрные республиканцы, озлобленные, обезкураженные и впавшіе въ отчаяніе, продолжали признавать бойкотъ выборовъ единственной достойной формы протеста?

Приближались выборы 1863 года, и руководители республиканской партіи рѣшили напречь всѣ свои усилія для того, чтобы побудить свою партію отказаться отъ тактики воздержанія. Гарнье-Пажесъ, человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ, рѣшилъ съ этой цѣлью предпринять обширную агитаціонную поѣздку: онъ объѣхалъ цѣлый рядъ департаментовъ отъ Сѣвернаго до департамента Морскихъ Альповъ, посѣтилъ свыше шестидесяти городовъ, стараясь вдохнуть мужество въ сердца боязливыхъ и улаживать раздоры, и убѣдилъ многихъ бойкотистовъ принять участіе въ выборахъ и въ избирательной кампаніи вообще.

Однако бойкотистская тенденція не исчезла совершенно; она только получила другой смыслъ. Теперь, кромѣ нѣсколькихъ упорствовавшихъ дѣятелей 1848 г., вродѣ Жюля Бастида, и нѣкоторыхъ эмигрантовъ, вродѣ Виктора Гюго и Шарраса, самыми ярыми защитниками бойкотистской тактики были Прудонъ и его послѣдователи, какъ Шодэ и Дюшенъ. Во время избирательнаго періода они издавали манифесты и помѣщали письма въ газетахъ, но всѣ ихъ произведенія мало читались и проходили незамѣтными. Однако позже брошюра Прудона о „Демократахъ, пріемлющихъ присягу, и о непокорныхъ“ доставила этому тезису нѣкоторую извѣстность.

Историки сурово осудили эту тактику. Жоржъ Вейль, авторъ сочиненій о «Республиканской Партіи» и о „Соціальномъ движеніи во Франціи“, въ которыхъ онъ обнаружилъ стремленіе къ безпристрастію и широкую освѣдомленность, почти измѣняетъ своей обычной объективности, когда ему приходиться говорить объ этой тактикѣ. „По какой-то непонятной странности,—говоритъ онъ,—этотъ публицистъ, индифферентно относившійся къ формѣ политическаго устройства и поддерживавшій прекрасныя отношенія съ принцемъ Наполеономъ и Жирардэномъ, находилъ умѣренную политику Пяти позорной и рѣшительно высказался противъ принесенія депутатской присяги; очень возможно, что въ данномъ случаѣ имъ руководилъ исключительно духъ противорѣчія“. Это слишкомъ поспѣшное сужденіе. Лично я признаю, что при чтеніи этой брошюры, насквозь проникнутой апологіей всеобщаго избирательнаго права, я не замѣтилъ никакого политическаго индифферентизма; и если даже признать, что рекомендуемая Прудономъ тактика въ то время не отличалась практичностью и рѣшительно противорѣчила настроенію республиканской партіи, въ ней тѣмъ не менѣе имѣлись нѣкоторыя черты, способныя подкупить смѣлыхъ и независимыхъ людей. Она не только не была преисполнена нелѣпостей и противорѣчій, но наоборотъ, отличалась поразительной выдержанностью.

Эта тактика цѣликомъ вытекаетъ илъ глубокой вѣры во всеобщее избирательное право и апеллируетъ къ лучшимъ и активнѣйшимъ сторонамъ народной массы. Въ мартѣ 1852 года, когда большинство республиканцевъ склонялось къ тактикѣ бойкота, Прудонъ рекомендовалъ принять участіе въ выборахъ. Въ то время республика, по крайней мѣрѣ номинально, еще существовала; идти въ Законодательный Корпусъ „это значило заранѣе протестовать противъ плебисцита, который долженъ былъ состояться 21 ноября того же года, и который доставилъ Луи-Наполеону императорское достоинство“ („Демократы, пріемлющіе присягу“, и пр., стр. 3). Въ тотъ моментъ (какъ Прудонъ и пытался это сдѣлать) необходимо было напречь всѣ усилія, чтобы помѣшать правительству Бонапарта скатиться внизъ по наклонной плоскости въ объятія католицизма и соціальной реакціи. Въ этомъ-то пунктѣ и выясняется самая характерная черта всей прудоновской политики по отношенію ко Второй Имперіи: участіемъ въ выборахъ въ 1852 году и бойкотомъ выборовъ въ 1863 году рекомендуемая имъ тактика одинаково стремилась воздѣйствовать на власть, оказать на нее давленіе извнѣ и вырвать у нея максимумъ завоеваній при минимумѣ уступокъ.

«Воздержаніе всегда безплодно,—заявляли республиканцы, желавшіе принять участіе въ выборахъ:—эта тактика осуждена опытомъ. Кто воздерживается, тотъ отстраняется отъ дѣла». А Прудонъ возражалъ: «Все это утвержденіе ложно отъ начала до конца... Въ извѣстныхъ случаяхъ воздержаніе не только не заслуживаетъ осужденія, но составляетъ прямую обязанность; и опытъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ тотъ, кто воздерживается, не только не отстраняется, но напротивъ, диктуетъ свою волю».

Что-жъ это значитъ? Чего добивался великій соціалистъ? Онъ несомнѣнно говорилъ себѣ, что въ виду того затруднительнаго положенія, въ которомъ очутился императоръ, и при томъ направленіи, по которому его толкали ноябрьскіе декреты 1860 года, лучшимъ средствомъ

къ тому, чтобы ускорить прогрессъ, является колоссальная „мирная манифестація“. Прудонъ сознавалъ, что въ республиканскомъ лагерѣ наступило сильное оживленіе; на этомъ основаніи онъ допускалъ, что массовое воздержаніе отъ выборовъ практически будетъ имѣть болѣе непосредственное значеніе и сильнѣе подѣйствуетъ на волю императора, чѣмъ избраніе 25 или 30 оппозиціонныхъ депутатовъ.

Этотъ мыслитель, не только не проявлявшій индифферентнаго отношенія къ политическимъ формамъ, но наоборотъ, жаждавшій кореннаго обновленія политической жизни, этотъ глубокій демократъ, убѣжденный что «прочностью отличается только то, что поддерживаетъ демократія, дѣлаетъ ли она это сознательно и преднамѣренно или же по недосмотру, случайности или заблужденію» (стр. 67), главнымъ образомъ имѣлъ въ виду моральный эффектъ такого массоваго воздержанія и думалъ о томъ политическомъ урокѣ, который оно дало бы народу. И дѣйствительно, оно показало бы ему, чѣмъ было и чѣмъ по существу должно было быть всеобщее избирательное право; оно выяснило бы ему значеніе основныхъ свободъ, гарантирующихъ дѣйствительность этого права; оно дало бы ему конкретно почувствовать, почему всеобщее избирательное право само по себѣ уже является революціей. И когда подумаешь о парламентскихъ нравахъ и привычкахъ, которые Вторая Имперія завѣщала Третьей Республикѣ, то искренно готовъ задать себѣ вопросъ: не былъ ли правъ соціалистическій мыслитель? Онъ протестовалъ противъ голосованія «безъ протеста и оговорокъ», противъ голосованія, которое сопряжено было съ признаніемъ господствующаго строя и которое, доставляя самовластью монарха противовѣсъ въ лицѣ оппозиціи, этимъ самымъ придавало извѣстную устойчивость императорскому режиму. Онъ хотѣлъ, чтобы, подавая незаполненные бюллетени, народъ выразилъ громкое non possumus, призывъ къ соблюденію принциповъ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ самый народъ на собственномъ опытѣ усвоилъ эти принципы.

«Дѣло идетъ о томъ,—говорилъ онъ на блестящей страницѣ,—чтобы спасти отъ неминуемаго униженія—кого? самоё націю и всеобщее избирательное право. Пусть выборы 1863 года состоятся при тѣхъ условіяхъ, въ которыя они поставлены; пусть Законодательный Корпусъ безъ протеста и оговорки будетъ обновленъ болѣе или менѣе добровольнымъ, но лишеннымъ всякаго значенія голосованіемъ гражданъ; пусть демократическая партія, утратившая всякіе принципы и всякую выдержку, доставитъ себѣ удовольствіе избрать двѣнадцать или пятнадцать ораторовъ оппозиціи и, такимъ образомъ, санкціонируетъ своимъ противорѣчивымъ голосованіемъ эти фатальные выборы: и—это я говорю съ тоской въ сердцѣ—свободѣ и политической жизни во Франціи не на что больше надѣяться, кромѣ какъ на то, что императорское правительство, ужаснувшись этого моральнаго банкротства цѣлаго народа и убѣдившись въ гигантскихъ размѣрахъ угрожающей опасности, рѣшится призвать націю къ жизни, организуя всеобщее избирательное право на основѣ истинныхъ принциповъ и добровольно обрекая себя ярости партій и звѣрству массъ».

Эту брошюру признали филиппикой. Но филиппика ограничивается однимъ заглавіемъ. На самомъ же дѣлѣ это горячій, трогательный и подернутый дымкой скорби призывъ „къ ветеранамъ демократіи“, къ

вождямъ республиканской партіи, которыхъ авторъ заклиналъ возстановить „партію революціи“ (стр. 94).

Но народъ уже былъ „пущенъ“, какъ это часто повторяли Прудону, и не обнаруживалъ никакой склонности къ признанію политики пустыхъ бюллетеней. Народъ, какъ говорилъ Гинаръ, искалъ „теплыхъ ребятъ, способныхъ раздѣлать подъ орѣхъ Имперію и императора и готовыхъ въ случаѣ нужды подставить свой шиворотъ“, и онъ тѣшилъ себя иллюзіей, что его „вожди“ окажутся этими самыми теплыми ребятами. Но послѣднихъ волновали другіе вопросы; среди нихъ уже проявились „всяческія вожделѣнія, алчные аппетиты и взаимные счеты“ (Pessard. Mes petits papiers, I, 72).

Избирательный періодъ—это цѣлый міръ. Но мы ограничимся общей характеристикой тѣхъ вопросовъ, которые выдвинулись во время избирательной кампаніи 1863 года.

Прежде всего она воочію доказала ошибочность императорскаго расчета. Наполеонъ III надѣялся натравить одну часть оппозиціи на другую; онъ надѣялся на то, что, допустивши свободное проявленіе католическихъ и либеральныхъ крайностей, онъ наглядно выяснитъ французамъ всю пользу своей власти и необходимость своего самовластья. Но ему удалось только разжечь во всѣхъ слояхъ французскаго общества стремленіе къ завоеванію широкой свободы и вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Онъ воображалъ, что достаточно будетъ позволить партіямъ свободно выражать свои идеи, и тогда всѣ онѣ единодушно признаютъ его власть. Не подлежитъ сомнѣнію, что по отношенію къ нѣкоторымъ республиканцамъ его тактика должна была вскорѣ увѣнчаться успѣхомъ. Но общество дорожитъ парламентскимъ обсужденіемъ вопросовъ лишь постольку, поскольку оно сопровождается дѣйствительнымъ вліяніемъ на государственныя дѣла. Проснувшіяся партіи не могли удовольствоваться мнимымъ конституціонализмомъ; онѣ должны были единодушно потребовать своего участія въ управленіи и въ первую голову своего участія въ контролѣ.

Всѣ политическіе элементы: республиканцы, орлеанисты, легитимисты и католики, поочередно испытавшіе на своихъ плечахъ суровый гнетъ правительства, бюджетники или протекціонисты, повздорившіе съ Имперіей и лишившіеся льготъ оффиціальной кандидатуры,—всѣ они должны были выступить съ общей программой, которую въ свое время формулировала группа Пяти во вносимыхъ ею поправкахъ и достоинства которой всѣ они научились цѣнить. Никто изъ нихъ не могъ свободно высказывать своихъ идеаловъ; подъ страхомъ кары республиканцы не могли требовать возстановленія республики а монархисты—вносить въ свою программу возвращеніе своихъ принцевъ. Но теперь они собирались, по примѣру Жюля Фавра и Эрнеста Пикара, добиваться права контроля народныхъ представителей надъ дѣйствіями правительства, свободы печати, муниципальной автономіи, дѣйствительнаго, а не извращеннаго всеобщаго голосованія, вотировки бюджета по отдѣльнымъ статьямъ; къ этимъ требованіямъ они должны были присоединить пониженіе налоговъ и сокращеніе численности арміи; а нѣкоторые орлеанисты не побоялись даже заговорить о необходимости улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ. Такимъ образомъ, программа орлеанистской буржуазіи сильно приблизилась къ программѣ республиканской буржуа-

зіи; а въ такомъ случаѣ возникалъ вопросъ: почему бы имъ не возобновить тѣснаго союза противъ притѣснительной власти, аналогичнаго тому союзу, который онѣ заключили въ іюнѣ 1848 года противъ пролетаріата? Вся разница заключалась бы лишь въ томъ, что на этотъ разъ къ участію въ союзѣ допущенъ былъ бы и пролетаріатъ, въ голосахъ котораго буржуазія нуждалась.

Такимъ образомъ, возникъ вопросъ объ общей программѣ, которая дала бы возможность объединить всю оппозицію противъ Имперіи въ одинъ обширный Либеральный Союзъ. Отъ этого плана пришлось отказаться и удовольствоваться молчаливымъ, но совершенно явнымъ соглашеніемъ. Дѣло въ томъ, что тѣ элементы, которые не забыли о событіяхъ 1848 года и которымъ пришлось сильно пострадать отъ коварства республиканцевъ завтрашняго дня, оказали сопротивленіе этому проекту. Республиканскіе вожди начинали чувствовать, что парижскіе рабочіе уже не слѣдуютъ за ними съ прежней покорностью. Когда они, въ интересахъ болѣе вѣрнаго воздѣйствія на правительство, задумали привлечь въ свои ряды „ораторовъ“, а Эмиль Оливье убѣждалъ жеманившагося Тьера принять кандидатуру, въ это время нѣсколько пролетаріевъ заявили, что они не могутъ вотировать за виновника бойни на улицѣ Трансноэнъ. И наконецъ, слѣдуетъ прямо признать, что взаимная грызня буржуазныхъ республиканцевъ менѣе всего способна была обезпечить имъ симпатіи рабочихъ массъ.

И дѣйствительно, дѣятели республиканской или якобы республиканской оппозиціи представляли тогда не совсѣмъ красивое зрѣлище. Каждая группка претендовала на руководство движеніемъ и на „диктатуру“. Стоитъ прочесть разсказъ объ этихъ выборахъ въ небольшой безпристрастной книжкѣ Виктора Пьерра (Les élections de 1863), появившейся вскорѣ послѣ избирательной кампаніи, или въ главѣ, которую посвятилъ имъ Эмиль Оливье (Empire libéral, VI, 215), чтобы вынести самое непріятное впечатлѣніе отъ этой неопрятной избирательной кухни. Пользуясь отсутствіемъ достаточнаго контроля со стороны общественнаго мнѣнія или, вѣрнѣе, отсутствіемъ политически воспитаннаго избирательнаго корпуса, всякіе честолюбцы могли интриговать сколько душѣ угодно: списки кандидатовъ составлялись и передѣлывались по ихъ усмотрѣнію; почти вполнѣ увѣренные, что народъ, озабоченный исключительно стремленіемъ проявить свое отрицательное отношеніе къ Имперіи, будетъ голосовать за любой предложенный ему списокъ, всѣ искатели кандидатуръ вели за кулисами яростную борьбу за право составленія списковъ и за внесеніе туда своего имени. Двое издателей газетъ, Гавэнъ и Геру, цинически навязали свою кандидатуру только потому, что они занимали монопольное положеніе въ прессѣ, а ихъ листки, связанные съ Пале-Роялемъ, пользовались въ Парижѣ чисто диктаторскимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе лѣвой; и хотя энергичная кампанія Presse'ы и Temps'а, въ то время отличавшагося и тактомъ, и независимостью, заставила ихъ соблюдать хоть нѣкоторое приличіе, какъ напримѣръ, не выставлять своихъ кандидатуръ противъ какого-нибудь изъ членовъ группы Пяти, тѣмъ не менѣе пришлось имъ удѣлить извѣстную долю общественнаго пирога. Затѣмъ публика могла полюбоваться сварой комитетовъ и попытками дѣятелей 1848 года, Карно, Гарнье-Пажеса и Мари, вырвать партію изъ

подъ вліянія Пяти. Карно созвалъ у себя на квартирѣ делегатовъ отъ всѣхъ республиканскихъ группъ, пригласилъ ихъ избрать комитетъ изъ 25 членовъ, затѣмъ подалъ въ отставку потому, что былъ избранъ одинъ безъ Гарнье-Пажеса и Мари, и, покинувъ демократовъ и рабочихъ, способствовавшихъ его избранію, „диктаторской властью“ составилъ совѣщательный комитетъ, въ которомъ хористы группы Пяти, Ферри, Дюрье, Кламажеранъ, Флоке и Герольдъ, всѣ молодые авторы „Руководства для избирателя“, соединились со стариками для того, чтобы научить массы, какъ проводить выборы.

Но какъ говоритъ Пессаръ, «все образуется на Божьемъ свѣтѣ, все отстаивается, даже кандидатуры». И въ концѣ концовъ кандидатуры 1863 года тоже отстоялись. Всѣ члены группы Пяти были снова выставлены кандидатами; два округа были отданы Гавену и Геру; Эжень Пельтанъ и Жюль Симонъ завершали списокъ вмѣстѣ съ Тьеромъ. Теперь оставалось заставить парижскихъ демократовъ переварить эту послѣднюю кандидатуру. Возможно, что усилія Эмиля Оливье и компаніи не увѣнчались бы успѣхомъ; но къ счастью, Персиньи счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться и въ крайне неумѣстномъ циркулярѣ заявить, что, несмотря на свои заслуги въ качествѣ «національнаго историка», Тьеръ «является отъявленнымъ врагомъ императора и Имперіи». Больше ничего и не требовалось: преобладающимъ чувствомъ въ массѣ парижскаго населенія по прежнему была ненависть къ императорскому режиму. Итакъ, значитъ и имя Тьера также служитъ символомъ оппозиціи! Какъ остроумно замѣтилъ Эмиль Оливье, «лишь только правительство показало, что оно не хочетъ Тьера, рабочіе начали его хотѣть». Чтобы нанести пораженіе декабрьскому разбойнику, они согласились вотировать за убійцу 1834 года, о чемъ его торжественно извѣстилъ республиканскій комитетъ квартала Бюттъ-де-Мулэнъ.

Въ Парижѣ успѣхъ былъ полный: выборы 31 мая и 1 іюня доставили побѣду оппозиціи. Жюль Фавръ, Эмиль Оливье, Даримонъ, Пикаръ, Гавенъ, Жюль Симонъ, Пельтанъ и Тьеръ были избраны въ первомъ турѣ, а избраніе Геру во время перебаллотировки было обезпечено.

Въ департаментахъ успѣхъ былъ меньше: здѣсь шансы оффиціальныхъ кандидатовъ были серьезнѣе. Раздача теплыхъ мѣстечекъ или обѣщаніе таковыхъ, увольненіе или повышеніе по службѣ, проведеніе шоссе или желѣзнодорожной вѣтки, субсидіи—всѣ эти мѣры изобрѣтательное правительство пускало въ ходъ, чтобы выяснить всю пользу благонамѣреннаго голосованія; а когда все это не помогало, оно умѣло показать противнику когти. И вотъ, несмотря на призывъ семи епископовъ, приглашавшихъ всѣхъ католиковъ къ избирательнымъ урнамъ, нѣсколько клерикальныхъ депутатовъ, враждебныхъ правительству, потерпѣли пораженіе, и въ первую голову Келлеръ; старые парламентскіе дѣятели, Одилонъ Барро, Ремюза, Дюфоръ, Монталамберъ, Казимиръ-Перье не могли попасть въ парламентъ и принять участіе въ новыхъ ораторскихъ турнирахъ, а Тьеръ, избранный въ Парижѣ, провалился въ Валансьенѣ и въ Эксѣ. Однако нѣсколько членовъ лѣвой все-таки прошли въ провинціи: Генонъ и Жюль Фавръ въ Ліонѣ, Мари, а также Беррье въ Марселѣ, нормандецъ Гавэнъ въ департаментѣ Ламаншъ, Доріанъ въ Сентъ-Этьенѣ, Маньенъ въ Котъ-д'Орѣ, Глэ-Бизуэнъ въ

департаментѣ Сѣвернаго Побережья. И если администраціи удалось провалить Лавертюжона въ Бордо, то лишь благодаря голосамъ покойниковъ, послушно являвшихся по ея призыву къ избирательнымъ урнамъ.

Въ общемъ изъ 9.938.685 внесенныхъ въ избирательные списки и 7.262.663 принявшихъ участіе въ голосованіи оппозиція собрала 1.954.369 голосовъ противъ 5.308.254 голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ правительства. Моральный эффектъ этихъ выборовъ, пожалуй, даже перевѣшивалъ матеріальный успѣхъ: эмигранты, во всякую минуту готовые принять свои мечты за дѣйствительность, даже рѣшили, что эта побѣда оппозиціи знаменуетъ конецъ господствующаго режима.

На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Напротивъ, можно сказать, что это было началомъ укрѣпленія. И намъ кажется, что при оцѣнкѣ этихъ выборовъ историки впали въ заблужденіе. Только потому, что выборы 1863 года совпали съ началомъ рабочаго и народнаго движенія, направленнаго противъ Имперіи, только потому, что для парижскаго населенія они дѣйствительно знаменовали начало борьбы, которой оно терпѣливо ждало въ теченіе столь продолжительнаго времени, историки рѣшили, что эти выборы нанесли первый серьезный ударъ Имперіи и явились «грознымъ предостереженіемъ для Наполеона III».

Вѣрно оцѣнилъ ихъ самъ Наполеонъ III, который удовольствовался осужденіемъ политики Персиньи и перетасовкой министерскихъ портфелей на основаніи декретовъ 23 іюня. Персиньи былъ уволенъ въ отставку; Морни, покровитель и пріятель Оливье, вернулся на постъ президента новаго Законодательнаго Корпуса; на государственнаго министра Билло возложена была задача защищать политику господина вмѣсто министровъ безъ портфеля, должность которыхъ была отмѣнена; инспекторъ Викторъ Дюрюи, антиклерикалъ и республиканецъ, назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, а орлеанистъ Бегикъ министромъ общественныхъ работъ: только въ этомъ и состояли перемѣны, вызванныя выборами 1863 года, и больше ни въ чемъ.

Поэтому, когда Эмиль Оливье пытается увѣрить насъ въ томъ, что «парижское населеніе въ 1863 году выразило свое одобреніе политикѣ Пяти..., что оно стремилось не къ низверженію Имперіи, а къ замѣнѣ деспотической Имперіи Имперіей либеральной» (Empire libéral, VI, 261), то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ заблуждается, и что это заблужденіе ничуть не можетъ помочь ему оправдать свое прошлое. Населеніе Парижа вотировало за группу Пяти или за Тьера потому, что такое голосованіе представлялось ему, по крайней мѣрѣ въ чисто избирательной области, лучшимъ средствомъ продемонстрировать свое враждебное отношеніе къ Бадэнгэ. «Запустить ли въ нихъ картофелиной или капустной кочерыжкой,—сказалъ одинъ рабочій,—это для меня безразлично; лишь бы мой бюллетень ясно говорилъ объ оппозиціи, и съ меня этого достаточно». Вдобавокъ рабочій классъ не замедлилъ показать, какъ онъ понимаетъ борьбу съ Имперіей.

Но тѣмъ не менѣе остается справедливымъ, что въ буржуазной средѣ и въ парламентскомъ мірѣ симпатіи склонялись къ политикѣ Пяти, причемъ теперь эта политика уже разсматривалась не какъ меньшее зло, не какъ единственно доступный способъ для выраженія полупротеста, а проводилась сама по себѣ, въ качествѣ самодовлѣющей цѣли,

въ качествѣ признаннаго дополненія къ императорскому режиму. Что таково было мнѣніе Эмиля Оливье, пріемлющаго присягу демократа par excellence, въ этомъ никто не сомнѣвается. Но этотъ господинъ приводитъ цѣлый рядъ другихъ авторитетовъ. На другой день послѣ выборовъ Ремюза писалъ: «Я забываю прошлое для того, чтобы имѣть въ виду только общественное благо». «Выборы,—писалъ съ своей стороны Э. Жирарденъ,—не хотятъ сказать: разрушеніе зданія для новаго возведенія той постройки, которая была разрушена 24 февраля 1848 года; нѣтъ! Они хотятъ сказать: увѣнчаніе существующаго зданія. Ничего больше, и въ особенности ничего другого». Прево-Парадоль полагалъ, «что пожеланія большинства парижанъ не идутъ дальше реформы и расширенія общественныхъ свободъ». И наконецъ, самъ Жюль Ферри говорилъ: «Несмотря на провокацію и безразсудства, избирательный вопросъ не былъ поставленъ на революціонную почву, оппозиція повсюду признала конституцію и династію; меньшинство вотировало не противъ Имперіи. Никогда болѣе либеральныя стремленія не проявлялись въ болѣе яркой, въ болѣе законной и въ болѣе прямой формѣ; никогда правительству не давалось болѣе умѣреннаго и болѣе почтительнаго предостереженія» (ср. «Empire libéral», VI, 259—61).

Какъ намъ кажется, изъ всѣхъ этихъ заявленій и событій выносится совершенно опредѣленное впечатлѣніе: незамѣтно, благодаря присягѣ и связанному съ ней обязательству не выходить изъ рамокъ узко конституціонной оппозиціи а также благодаря сближенію съ орлеанистами, депутаты лѣвой неизбѣжно становились на путь «оливьеризма». Оливье правъ; и въ данномъ случаѣ—одинъ только разъ!—вѣрная оцѣнка событій продиктована ему не его невыносимымъ самомнѣніемъ: выборы 1863 года должны были положить начало «Либеральной Имперіи» и такой либеральной Имперіи, которая была бы гораздо прочнѣе жалкой постройки 1870 года.

Почему же въ такомъ случаѣ этотъ процессъ, уже вырисовывавшійся въ перспективѣ, не развился до конца? Или, точнѣе, почему онъ осуществился только частично? Какимъ образомъ чисто республиканская оппозиція могла снова проявиться даже среди парламентской группы республиканцевъ? Какъ случилось, что противъ этого правительства, «законность котораго депутаты оппозиціи заднимъ числомъ признали», могла начаться борьба не на животъ, а на смерть? Вліяніемъ-ли Жюля Симона объясняется разрывъ между лѣвой и Эмилемъ Оливье? Или же внезапному пробужденію совѣсти въ республиканской партіи должны мы приписать то обстоятельство, что въ послѣдніе годы Имперіи возникла оппозиція, способная подвести фундаментъ подъ зданіе, заложенное трудами группы Пяти, способная снова провозгласить свой республиканскій идеалъ и начать на этотъ разъ рѣшительную борьбу противъ преступнаго правительства, вышедшаго изъ декабрьскаго переворота?

Истинная причина этого республиканскаго подъема послѣ 1863 г. заключалась въ пробужденіи рабочей оппозиціи. Впервые послѣдняя опредѣленно проявилась въ кандидатурѣ наборщика Ж. Блана противъ Гавэна; во второй разъ проявилась она во время дополнительныхъ выборовъ 1864 года въ «Манифестѣ Шестидесяти» и въ кандидатурѣ чеканщика Толэна. Публика не видѣла въ этихъ мелкихъ на первый

взглядъ фактахъ ничего, кромѣ какихъ-то избирательныхъ курьезовъ и полицейскихъ маневровъ, а между тѣмъ они имѣли въ исторіи соціализма XIX вѣка колоссальное значеніе, котораго въ тотъ моментъ никто не понялъ. Рабочій классъ хотѣлъ заговорить собственнымъ языкомъ безъ какихъ-либо посредниковъ; онъ хотѣлъ заставить общество прислушаться къ своимъ требованіямъ; онъ хотѣлъ снова выступить со своими соціально-революціонными планами, которые онъ выработалъ и усвоилъ съ помощью мыслителей до 1848 года, которые онъ пытался осуществить цѣной тяжелыхъ жертвъ и которые онъ благоговѣйно и ревниво хранилъ въ душѣ съ декабря 1851 года, чтобы снова попытаться осуществить ихъ въ полномъ видѣ. Изъ какого подполья выходилъ этотъ рабочій классъ? Какъ случилось, что ему удалось накопить достаточно силъ для новаго открытаго выступленія противъ насильническо-лицемѣрной Имперіи и даже противъ либерально-эксплуататорской буржуазіи?

ГЛАВА V.

Выступленіе новой силы.

Рабочій классъ, подвергшійся кровопусканію въ 1852 году, принуждаемый къ молчанію полиціей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, увы! подкупаемый и усыпляемый лицемѣрными благодѣяніями правительства, около 1863 года проснулся къ новой жизни, снова началъ мыслить и надѣяться. Въ одинъ прекрасный день онъ какъ бы вдругъ возобновилъ борьбу за свое освобожденіе: это внезапное возвращеніе на историческую сцену должно быть, конечно, объяснено. Мы должны разсказать о томъ незамѣтномъ и продолжительномъ процессѣ перерожденія чувствъ и идей, который, можно сказать, на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ привелъ къ выставленію рабочей кандидатуры въ 1863 г., къ основанію Интернаціонала въ 1864 году и къ выдѣленію струи рабочаго движенія изъ общаго республиканскаго потока.

Выше мы описали то положеніе, въ которое Имперія поставила рабочій классъ; мы упомянули о законѣ о рабочихъ книжкахъ, законѣ о прюдомахъ, о регламентаціи обществъ взаимопомощи, о правительственной филантропіи и обширныхъ общественныхъ работахъ; мы говорили о томъ мѣстѣ, которое отводилось пролетаріату въ общей системѣ Второй Имперіи. Съ другой стороны, мы указывали на то обстоятельство, что въ большихъ городахъ и промышленныхъ мѣстностяхъ рабочіе упорно продолжали хранить республиканскія чувства. Теперь намъ остается отмѣтить живучесть стремленія къ своему классовому освобожденію, мысль о которомъ часто сильно блѣднѣла и обволакивалась туманомъ, но тѣмъ не менѣе въ теченіе этого мрачнаго лихолѣтья продолжала одушевлять многихъ рабочихъ; намъ остается показать, какимъ образомъ эта идея, такъ долго тлѣвшая подъ пепломъ, въ одинъ прекрасный день, благодаря сложному и медленному дѣйствію экономическихъ причинъ, снова вырвалась на свѣтъ Божій и пріобрѣла рѣшающую силу.

Само собою разумѣется, что горячій порывъ къ освобожденію, охватившій пролетаріатъ въ 1848 году, не могъ исчезнуть, не оставивши по себѣ никакихъ слѣдовъ. Нельзя было предполагать, чтобы тѣ самые рабочіе крупныхъ центровъ, которые настолько опредѣленно усвоили соціалистическія идеи, что могли даже дѣлиться на нѣсколько различныхъ направленій, сразу забыли всѣ свои чаянія и всѣ свои усилія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что продолжительныя и тщательныя изслѣдованія помогутъ когда-нибудь собрать разрозненные факты, свидѣтельствующіе объ этихъ пережиткахъ; тѣ же факты, которые намъ удалось

сгруппировать, дадутъ возможность, по крайней мѣрѣ, догадываться о состояніи соціалистической мысли въ эти годы.

Слѣдуетъ признаться, что это было жалкое состояніе, если только о немъ можно вообще говорить. Соціалисты, разсѣянные незначительными группами по всѣмъ странамъ, такъ сказать, совершенно утратили чутье дѣйствительности. По рѣзкому выраженію Маркса, относящемуся къ моменту его выхода изъ Центральнаго Комитета нѣмецкаго Союза Коммунистовъ въ Лондонѣ (сентябрь 1850 года), „двигателемъ революціи сдѣлалась тогда в о л я революціонеровъ, а не дѣйствительныя отношенія... Подобно демократамъ, соціалисты подставили на мѣсто революціоннаго развитія революціонную фразу“. Люди мысли и науки, вродѣ Маркса, Энгельса и Прудона, въ тиши своихъ кабинетовъ изучали факты и наблюдали событія, но вплоть до 1864 года они не пользовались никакимъ вліяніемъ; теперь они лишены были того высочайшаго наслажденія, которое дается возможностью ежедневно выражать свою мысль въ дѣйствіи и, употребляя выраженіе Маркса, видѣть „какъ теорія, овладѣвая массой, превращается въ матеріальную силу“. Различныя ученія, въ которыхъ еще недавно выражались стремленія разныхъ классовъ, превратились теперь въ застывшія догмы мелкихъ сектъ, влачившихъ жалкое существованіе или же, подобно старымъ протестантскимъ сектамъ во время англійскихъ революцій, отправлявшихся за океанъ въ поискахъ новаго міра. Это было время коммунистическихъ опытовъ въ Ноуву-Сити и въ Техасѣ: Кабэ со своими послѣдователями отправились искать Икарію, а Консидеранъ и Кантагрель пытались основывать фаланстеры. А въ это время блудные сыны соціалистической мысли, озлобленные общественной несправедливостью, выбитые изъ колеи и надломленные, думали только о мести и крови. Въ экзальтированныхъ и таившихся во мракѣ эмигрантскихъ кружкахъ Кэрдеруа всѣми силами души призывалъ нашествіе казаковъ, которое должно было возродить Западъ, въ то время какъ Дежакъ совѣтовалъ организовать убійства, грабежи, отравленія и поджоги, разбившись на кучки изъ трехъ-четырехъ человѣкъ, чтобы путемъ такого всеразрушенія подготовить почву для будущей Гармоніи.

Умственная жизнь мелкихъ соціалистическихъ группъ теперь не могла уже сохраняться въ связномъ и цѣлостномъ видѣ и возрождаться путемъ соприкосновенія съ глубинами народной жизни; ее, казалось, ждало окончательное распыленіе и разложеніе въ жалкихъ лондонскихъ кружкахъ.

Но такъ-ли обстояло дѣло во Франціи? Конечно, и здѣсь кое-кто остался вѣренъ своимъ старымъ убѣжденіямъ. Если сенъ-симонисты находились у власти, зато нѣсколько фурьеристовъ незамѣтно продолжали пропаганду своихъ идей и горячо увлекались коммунистическими опытами, которые ихъ братья дѣлали въ далекой Америкѣ. Въ 1855 г. администрація была даже обезпокоена вербовкой эмигрантовъ въ департаментѣ Эндра-и-Луары для поѣздки въ Техасъ (BB 30/416). Въ началѣ 1856 года икарійская пропаганда, которую изъ Парижа велъ зять Кабэ, Белюзъ, повлекла за собою обыски и разслѣдованія въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Франціи. Безансонскій прокуроръ доносилъ о распространеніи брошюръ Кабэ во всемъ подвѣдомственномъ ему округѣ; небольшіе кружки икарійцевъ открыты были въ Монбельярѣ, Арбуа, Долѣ и Полиньи; въ этихъ кружкахъ читались брошюры учителя и

письма, получавшіяся отъ единомышленниковъ изъ Ноуву, и производились денежные сборы на основаніе коммунистической колоніи. Марсельскій прокуроръ также указывалъ на существовавшій въ этомъ городѣ икарійскій кружокъ, состоявшій изъ тридцати-сорока членовъ; но „большинство изъ нихъ, — говорилъ онъ, — утверждаетъ, что ученіе Кабэ они усвоили въ 1847 и 1848 г.“, и императорскій чиновникъ указывалъ, что въ его округѣ „населеніе, пожалуй, скорѣе склонно къ усвоенію всякаго ученія, сулящаго немедленный и непосредственный захватъ чужого имущества, чѣмъ къ признанію туманныхъ теорій утопистовъ икарійской школы, которые косвенно стремятся къ той же цѣли посредствомъ основанія ассоціацій и болѣе или менѣе правильной организаціи практическаго коммунизма“ (BB 30/416). Другими словами, если перевести прокурорскія донесенія на обыкновенный человѣческій языкъ, рабочая масса стремилась выразить свои требованія по своему, а не въ видѣ повторенія формулъ старыхъ соціалистическихъ школъ.

Но если школы и ихъ вѣчные споры надоѣли пролетаріату, онѣ тѣмъ не менѣе завѣщали ему цѣлую сокровищницу идей и стремленій, отъ которыхъ онъ отнюдь не намѣренъ былъ отказываться.

Многіе пролетаріи продолжали читать не только сочиненія учителей и пророковъ, но и всѣ пропагандистскія и злободневныя брошюры, благоговѣйно хранимыя съ 1848 года.

„Политическія или философскія сочиненія, изданныя въ 1848 г.,— сообщалъ ліонскій прокуроръ, — бережно сохраняемыя въ нѣкоторыхъ семьяхъ, поддерживаютъ эгалитарныя традиціи и способствуютъ стойкости злонамѣренныхъ надеждъ... Писанія дѣятелей 1848 года распространяютъ соціалистическія идеи въ массахъ и поддерживаютъ въ нихъ революціонный огонь, тлѣющій подъ пепломъ“(17 іюля 1856 г., BB 30/379).

Старые рабочіе своими разсказами о пережитой борьбѣ и обманутыхъ стремленіяхъ также оказывали извѣстное вліяніе на своихъ товарищей: они передавали молодому поколѣнію весь тотъ комплексъ смутныхъ и случайно запечатлѣвшихся идей, изъ которыхъ и слагается традиція. Изъ могучаго идейнаго потока, увлекавшаго ихъ въ періодъ отъ февраля до іюня 1848 года, они твердо удержали въ памяти ту мысль, что республика должна быть „демократической и соціальной“. Они запомнили также содержаніе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ необходимыхъ и неотложныхъ реформъ, проведеніемъ которыхъ „демократическая и соціальная республика“ должна была когда-нибудь заявить о своемъ существованіи. За восхваленіе этой „демократической и соціальной“ республики сознательные рабочіе безпрестанно подвергались аресту отъ 1852 до 1863 года. Для нихъ, какъ и для парижскихъ революціонеровъ 1834, 1839 или февраля 1848 года, республика отдѣльно отъ соціальнаго преобразованія не существовала.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные судебные документы. Соціалистическая мысль могла тогда принимать самыя неопредѣленныя и смутныя очертанія, но при всемъ томъ она упорно сохранялась въ рабочихъ головахъ; а общія идеи, присущія всѣмъ соціалистическимъ системамъ, въ болѣе или менѣе извращенномъ и преувеличенномъ видѣ все-таки врѣзались въ память рабочихъ. Рабочіе—и это общее правило, наблюдаемое въ продолженіе всего XIX вѣка,—являются республиканцами ровно постольку, поскольку они сознаютъ несправедливость совре-

меннаго общественнаго строя, т. е. поскольку они являются соціалистами.

Въ годы политическаго гнета, во время Второй Имперіи, какъ и въ эпоху Реставраціи, они оставались вѣрны республиканскому идеалу потому, что были соціалистами. Это обстоятельство настолько бросается въ глаза, что въ 1855 году оно остановило на себѣ вниманіе прокурора парижскаго апелляціоннаго суда. «Слѣдуетъ признать,—говоритъ онъ,—чего бы это признаніе ни стоило, что вражда бѣдняка къ богатымъ, глубоко укоренившаяся среди рабочаго класса благодаря революціи 1848 года, и поддерживающія эту вражду ученія въ достаточной мѣрѣ объясняютъ то обстоятельство, что изъ среды этого класса каждый разъ выходятъ все новые заговорщики, злоумышляющіе противъ императорскаго правительства».

Эти заговорщики крайне рѣдко излагали свою программу въ точномъ видѣ и въ письменной формѣ. Но поскольку о ней можно судить по документамъ, захваченнымъ во время обысковъ, или по отвѣтамъ на допросахъ, сразу бросается въ глаза соціальный характеръ этой программы. Въ августѣ 1855 года, въ разгаръ преслѣдованій противъ парижскаго отдѣла общества Маріанны, у главныхъ обвиняемыхъ, Леконта и механика Рамада, бывшаго лейтенанта Бланки въ 1848 году, захваченъ былъ проектъ революціонной организаціи, совмѣстно выработанный и обсуждавшійся въ группѣ по традиціи бабувистовъ и бланкистовъ. Въ этомъ документѣ мы читаемъ:

«Во имя Революціи,

Революціонная комиссія постановляетъ:

1) Всѣ прежніе законы отмѣняются.

2) Всѣ существующія государственныя учрежденія упраздняются.

3) Вмѣсто дѣйствующей арміи составлена будетъ революціонная армія изъ волонтеровъ, которая будетъ двинута къ границамъ Италіи и Германіи для освобожденія народовъ.

4) Всякое лицо, имущество котораго превышаетъ 50 тысячъ франковъ, подлежитъ экспропріаціи въ пользу народа.

5) Всѣ крупные пути сообщенія, какъ напримѣръ каналы, желѣзныя дороги и т. п., принадлежатъ Республикѣ.

6) Въ каждой коммунѣ составлена будетъ опись всѣхъ имѣющихся въ наличности продуктовъ всякаго рода, а продукты эти будутъ сложены въ центрѣ коммуны и поставлены подъ охрану народа".

Послѣ цѣлаго ряда сходокъ и дебатовъ текстъ былъ переработанъ. Нѣкоторыя статьи были измѣнены, кажется, подъ вліяніемъ Рамада. Теперь получилось слѣдующее:

3) «Право наслѣдованія отмѣняется.

4) Нація, въ качествѣ единственной собственницы почвы и всего того, что она въ себѣ заключаетъ, производитъ или приноситъ, обезпечиваетъ существованіе, воспитаніе и трудъ каждому гражданину.

5) Женщины эмансипируются.

6) Имѣющими воспослѣдовать декретами будетъ установленъ способъ вознагражденія нынѣшнихъ собственниковъ, дабы интересы ихъ не были нарушены».

Все это отдаетъ чистѣйшій бланкистской традиціей: сознательное пролетарское меньшинство смѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно осуществляетъ свою временную диктатуру на другой день послѣ революціи.

Въ другихъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ пропагандѣ парижанъ, привлеченныхъ къ суду 12 марта 1856 года, замѣчаются слѣды идей Луи Блана или Прудона. Среди вопросовъ, предлагаемыхъ членамъ Маріанны, постоянно попадается слѣдующій вопросъ: „В. Право? О. На трудъ“. Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ возвращаются къ еще болѣе отдаленнымъ историческимъ воспоминаніямъ, какъ напримѣръ сапожникъ Клеманъ, членъ „Революціонной Коммуны“, привлекавшійся въ апрѣлѣ 1856 года: онъ призывалъ тѣни дѣятелей 1793 года, Робеспьера и Дантона, Марата и Сенъ-Жюста, руководить народомъ въ его новой борьбѣ, «борьбѣ труда противъ капитала, эксплуатируемаго противъ эксплуататора» (приведено у Чернова, стр. 254).

Въ провинціи традиція не отличается, пожалуй, такой опредѣленностью, а воспоминанія такой живостью, но и здѣсь въ большинствѣ случаевъ рабочихъ побуждаетъ къ участію въ республиканскомъ движеніи и заговорахъ стремленіе къ улучшенію своего положенія. Послѣ бунта въ Анжерѣ у одного изъ обвиняемыхъ захваченъ былъ проектъ бюджета: „Я цѣликомъ отмѣняю бюджетъ культовъ, — пишетъ этотъ будущій министръ финансовъ;—государство не должно оплачивать противниковъ государственныхъ учрежденій. Расходы по богослуженію должны нести сами послѣдователи каждаго культа. Я предлагаю сократить военные расходы на 124 милліона; республика не должна тратить огромныхъ средствъ на содержаніе своихъ угнетателей. Я конфискую принадлежащія нашимъ политическимъ противникамъ недвижимыя имущества ровно на сумму 7 милліардовъ. Изъ этой конфискованной недвижимости я продаю имѣній только на сумму въ 500 милліоновъ, дабы не слишкомъ обезцѣнить земельную собственность. Двѣсти милліоновъ я употребляю на практическое осуществленіе права на трудъ, которое такимъ образомъ, дѣлается нормальнымъ институтомъ. 150 милліоновъ отвожу на устройство поселеній въ Африкѣ, куда будутъ сосланы наши противники. Кромѣ того 150 милліоновъ предназначаю на содѣйствіе развитію ассоціацій, а остальную сумму я сохраняю на случай всеобщей войны“. Этотъ проектъ, конечно, крайне наивенъ, но онъ гораздо рельефнѣе характеризуетъ народную мысль, чѣмъ всѣ донесенія префектовъ и генеральныхъ прокуроровъ вмѣстѣ взятыя. Онъ свидѣтельствуетъ о неискоренимомъ стремленіи къ соціальнымъ преобразованіямъ, указываетъ на привязанность пролетаріата къ старой идеѣ „права на трудъ“ и на его неослабѣвающую вѣру въ значеніе ассоціацій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, къ сожалѣнію, свидѣтельствуетъ также о томъ, что „наши властители портятъ нашъ характеръ“, какъ говаривалъ старый Бабэфъ, и что законная жажда мести владѣла тогда душою нѣкоторыхъ республиканцевъ.

Да позволено намъ будетъ привести еще одинъ документъ: читатель долженъ хорошо знать, какія надежды толкали на конспираціи самыхъ смѣлыхъ и энергичныхъ изъ республиканскихъ рабочихъ. Въ маѣ 1856 г. открыто было тайное общество среди анзенскихъ углекоповъ. „Леопольдъ Ледэнъ,—показывали свидѣтели,—объяснялъ всѣ преимущества, свя-

занныя съ ассоціаціей. Директора анзенской компаніи, говорилъ онъ, будутъ назначаться рабочими. Надъ каждой шахтой сдѣлана будетъ надпись: Національная шахта. Штейгера и десятники будутъ назначаться углекопами и переизбираться черезъ каждые три мѣсяца; заработная плата шахтеровъ будетъ составлять 11 франковъ въ день. Онъ прибавлялъ, что этотъ разсчетъ сдѣланъ на основаніи нынѣшняго дохода компаніи, а послѣ этого всѣ углекопы были заинтересованы въ установленіи „демократической и соціальной республики“ (BB 30/416; № 1339).

Такимъ образомъ укоренялись въ умахъ нѣкоторыхъ рабочихъ идеи соціальнаго преобразованія. Но вѣрность воспоминаніямъ и пропаганда тайныхъ обществъ сами по себѣ не способны возсоздать широкаго соціальнаго движенія. Для того, чтобы соціалистическія идеи снова овладѣли трудящимися массами и послужили для нихъ дѣйствительнымъ импульсомъ къ организаціи и активной работѣ, необходимо, чтобы матеріальныя и моральныя условія жизни рабочаго класса допускали возможность новаго его подъема. Необходимо, такъ сказать, чтобы сознаніе соціальной несправедливости, выражающееся въ этихъ идеяхъ, получило новую пищу въ экономическихъ и политическихъ обстоятельствахъ. Тогда и только тогда традиціи могутъ принести свои плоды; только тогда заключенное въ нихъ зерно пускаетъ ростки, подобно тому, какъ въ пустынѣ нѣкоторыя хорошо защищенныя зерна могутъ въ теченіе одного-двухъ лѣтъ не высыхая ждать благодѣтельнаго дождя, дающаго имъ возможность пустить побѣги. Соціалистическая мысль въ теченіе 10 лѣтъ дожидалась подъ твердой корой тайныхъ обществъ, и дождь наконецъ пришелъ: развившаяся промышленность закончила образованіе пролетарскаго класса, она заставила его живѣе почувствовать свою нужду и необходимость солидарности и вернула ему голосъ и силу.

Новый подъемъ соціалистическаго настроенія обусловленъ былъ промышленнымъ переворотомъ, который подготовлялся уже давно, но особенно интенсивный характеръ получилъ въ періодъ 1850—1860 гг. Развитіе кредитныхъ учрежденій, расширеніе желѣзнодорожной сѣти, всестороннее поощреніе торговли и промышленности, однимъ словомъ, промышленная политика новаго правительства, содѣйствовали этому перевороту. Но не слѣдуетъ забывать, что аналогичное явленіе замѣчалось въ то время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Въ Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ 50-ые годы были періодомъ промышленнаго расцвѣта; государственные перевороты отнюдь не обладаютъ свойствомъ сразу вызывать изъ подъ земли фабричныя зданія и желѣзныя дороги; а форма государственнаго устройства далеко не оказываетъ такого вліянія на ходъ экономической жизни, какъ нѣкоторые думаютъ. Но во всякомъ случаѣ въ эти годы духъ предпріимчивости развернулся во-всю, а преобразованіе техники и хозяйственныхъ пріемовъ совершалось съ неслыханной до тѣхъ поръ интенсивностью.

Мы должны набросать бѣглую и общую картину этого подъема французской промышленности отъ 1852 до 1870 года. Этотъ періодъ главнымъ образомъ характеризовался быстрымъ расширеніемъ поля дѣйствія промышленности и растущимъ примѣненіемъ научныхъ открытій. Усовершенствованіе путей сообщенія дало возможность проникнуть на

новые рынки; каждая отрасль промышленности могла добыть себѣ кліентовъ на всемъ національномъ рынкѣ, а въ иныхъ случаяхъ даже на всемірномъ рынкѣ. Фритредерская политика, приведшая къ торговому договору 1860 года, не только не оправдала, по крайней мѣрѣ по своимъ общимъ результатамъ, опасеній фабрикантовъ, но даже позволила имъ проникнуть на иностранные рынки; другимъ счастливымъ ея послѣдствіемъ было то, что фабриканты принуждены были преобразовать свою техническую часть и увеличить производительность своихъ промышленныхъ заведеній. Это преобразованіе техники было облегчено новыми изобрѣтеніями: въ 1847 году было выбрано 2.000 патентовъ на изобрѣтенія, а въ 1867 году число это возросло болѣе, чѣмъ вдвое. Примѣненіе пара въ качествѣ двигательной силы распространилось повсемѣстно; сила паровыхъ машинъ, утилизируемыхъ въ промышленности въ 1869 году, превышала 320.000 лошадиныхъ силъ: за 20 лѣтъ она болѣе, чѣмъ упятерилась.

Наиболѣе замѣчательные успѣхи сдѣлала металлургическая промышленность. Замѣна древеснаго топлива минеральнымъ привела къ значительному пониженію цѣнъ на чугунъ и желѣзо: квинталъ чугуна, выплавляемаго на деревянномъ углѣ, обходился въ 13 франковъ и 14 сантимовъ; а на коксѣ онъ стоилъ не больше 8 франковъ 08; за двадцать лѣтъ цѣна желѣза упала больше, чѣмъ на 30%. А тогда оно начало находить повсемѣстное примѣненіе: машиностроеніе и судостроеніе, изготовленіе желѣзнодорожныхъ рельсовъ и постепенное вытѣсненіе дерева желѣзомъ въ строительномъ дѣлѣ — все это съ каждымъ днемъ открывало для металлургической промышленности новые рынки, а это въ свою очередь вело къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ техники. Съ другой стороны, замѣна сырцовой стали пудлингованной, а послѣ 1860 г. распространеніе бессемерованія сократили издержки производства стали на половину; въ нѣсколько лѣтъ производство этого металла удесятерилось. Во время выставки 1855 года сталь употреблялась для производства шинъ, прокатныхъ валовъ и вагонныхъ рессоръ, а вскорѣ послѣ того ее рѣшились примѣнять къ производству рельсовъ.

Въ горномъ дѣлѣ были замѣчательно усовершенствованы способы добыванія рудъ, и авторы отчета о выставкѣ 1855 г. могли со всѣми деталями описывать новое устройство колодцевъ и вагонетокъ.

Такой же прогрессъ и такой же глубокій переворотъ замѣчались въ текстильной промышленности: чесальныя машины Гейльмана и Гюбнера ускорили процессъ обработки хлопка и шерсти; а съ другой стороны, начиная съ 1860 года, введеніе сельфакторовъ, заимствованныхъ изъ Англіи, довершило техническое преобразованіе французскихъ прядиленъ. Несмотря на кризисъ, вызванный американской междоусобной войной, количество сырья, употребляемаго въ хлопчатобумажной промышленности, отъ 1848 до 1869 года удвоилось. Въ 1869 году годичное потребленіе составляло 120 милліоновъ килограмовъ. А съ другой стороны, хлопковый кризисъ съ 1861 года содѣйствовалъ усиленному развитію обработки шерсти и льна.

Съ своей стороны, производство химическихъ продуктовъ сдѣлало поразительные успѣхи. Цѣлый рядъ изобрѣтеній предоставилъ въ распоряженіе химической промышленности продукты, полученные лабораторнымъ путемъ: въ 1840 году килограммъ натрія стоилъ 7.000 франковъ, а

въ 1870 онъ стоилъ только 6 франковъ; за то же самое время цѣна сѣроуглерода упала съ 200 до одного франка. И несмотря на такое пониженіе цѣнъ, общая стоимость производства въ химической промышленности отъ 1847 до 1865 года возросла въ десять разъ.

Открытіе анилиновыхъ красокъ Перкинсомъ въ 1856 году произвело переворотъ въ красильной промышленности.

Аналогичное преобразованіе совершалось въ производствѣ бумаги; въ 1852 году появилась соломенная масса, а въ 1867 г. древесная. И цѣны на бумагу понизились въ огромной пропорціи.

Наконецъ, сахороваренная промышленность, въ которой въ 1850 году введены были центрофуги, а черезъ нѣсколько лѣтъ примѣнена была обработка известью, учетверила свое производство отъ 1858 до 1870 года.

Но особенно поражаетъ небывалое количество механическихъ нововведеній. Составители отчетовъ о выставкахъ 1855 и 1867 г. указываютъ на множество отраслей промышленности, въ которыхъ введеніе машинъ произвело полный переворотъ. Въ 1855 году рѣчь идетъ о машинахъ для распилки и обдѣлки дерева, а также о машинахъ для окончательной отдѣлки и обработки обдѣланнаго лѣса; отчеты говорятъ еще о механическихъ пріемахъ, употребляемыхъ въ строительномъ дѣлѣ. Въ 1867 году Мишель Шевалье въ своемъ общемъ отчетѣ говоритъ объ изобрѣтеніи вязальнаго станка, который обѣщаетъ увеличеніе производительности въ шесть тысячъ разъ, «такъ какъ искусная вязальщица, работая ручнымъ способомъ, можетъ дѣлать 80 петель въ минуту, а съ помощью станка можетъ за то же время сдѣлать 480.000 петель". Докладчикъ указываетъ также на переворотъ, совершающійся въ слесарномъ производствѣ, гдѣ отнынѣ всѣ сорта гвоздей выдѣлываются машиной, затѣмъ въ столярномъ и вообще во всемъ строительномъ дѣлѣ. „Плотничья работа и теска камня производятся теперь механическимъ способомъ. Одна машина мѣситъ известковый растворъ; другая поднимаетъ наверхъ камни и кирпичи, замѣняя для каменщиковъ помощника, котораго они называли „птичкой". Механическимъ путемъ изготовляются цѣлые домики въ швейцарскомъ стилѣ, состоящіе изъ отдѣльныхъ пронумерованныхъ частей, и затѣмъ по желѣзной дорогѣ пересылаются въ департаменты и даже пароходами заграницу... Въ такой сложной и подчасъ столь тонкой отрасли промышленности, какъ изготовленіе тканей, механическая работа, давно уже овладѣвшая этой индустріей, продолжаетъ безостановочно расширять свое господство; она не оставитъ здѣсь ни одного уголка, который непосредственно не подчинялся бы ея законамъ. Такъ, въ настоящій моментъ она съ успѣхомъ вторгается въ тканье нѣжнаго бархата". То же явленіе констатируется въ мукомольномъ производствѣ, булочномъ, кузнечномъ дѣлѣ и въ изготовленіи желѣзныхъ издѣлій, а также въ конфекціонномъ дѣлѣ съ изобрѣтеніемъ машины для кройки и швейной машины. Даже производство такъ называемыхъ articles de Paris затронуто этимъ всеобщимъ переворотомъ: машина вторгается въ производство ручекъ, чернильницъ, биноклей, а благодаря изобрѣтеніямъ Лавиля даже въ шляпное дѣло. „То обстоятельство,—заключаетъ Мишель Шевалье,—что механическая работа вторгается во всѣ отрасли производства, составляетъ одну изъ преобладающихъ и, пожалуй, даже самую выдающуюся черту современной индустріи. Всѣ отрасли промышленности одна за другой под-

вергаются этому нашествію, которое въ конечномъ счетѣ приноситъ пользу всему обществу, несмотря на ужасъ, внушенный имъ благородному и при томъ весьма образованному писателю, а именно Сисмонди, и несмотря на враждебное отношеніе рабочаго населенія“ (P CXI).

По существу Мишель Шевалье былъ правъ, отмѣчая это явленіе: дѣйствительно, цѣна многихъ продуктовъ промышленности сильно понизилась, а общее производство благодаря примѣненію машинъ возросло въ огромныхъ размѣрахъ.

Уже анкета 1865 года оцѣнивала общую цѣнность промышленнаго производства во Франціи въ 12 милліардовъ франковъ; и несмотря на значительное пониженіе цѣнъ, эта цифра вдвое превышала цѣнность производства, установленную двадцатью годами раньше.

Но особенно важное значеніе имѣетъ одна сторона этого процесса; мы говоримъ о томъ переворотѣ въ промышленности, который вызванъ былъ широкимъ преобразованіемъ техники.

Какъ извѣстно, непосредственнымъ результатомъ широкаго примѣненія машинъ является концентрація предпріятій и замѣна мелкой мастерской крупной фабрикой или заводомъ.

Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Нормандіи и въ центрѣ, фабриканты и рабочіе рука объ руку выступаютъ противъ промышленныхъ новшествъ, одни, чтобы избѣжать расходовъ по пріобрѣтенію дорого стоющихъ машинъ, а другіе изъ любви къ своей независимости и изъ страха передъ строгой дисциплиной фабричныхъ мастерскихъ; если въ деревняхъ кустарная промышленность, положеніе которой съ каждымъ днемъ становится все болѣе жалкимъ, пытается упорно бороться съ крупной индустріей, то въ другихъ областяхъ, какъ напримѣръ на сѣверѣ и въ Эльзасѣ, промышленный переворотъ дѣлаетъ свое дѣло. И ничто не въ силахъ задержать его, ибо таковъ неумолимый законъ экономическаго развитія.

Нѣтъ такого соціалиста, который не былъ бы знакомъ съ соціальными послѣдствіями машинизма. Марксъ описалъ ихъ съ неподражаемой силой. Экономисты Второй Имперіи также наблюдали этотъ процессъ, совершавшійся у нихъ на глазахъ. Лишній разъ могли они убѣдиться въ физической невозможности для мелкой мастерской выдержать конкуренцію съ фабрикой, въ растущей пролетаризаціи ремесленниковъ, въ переполненіи фабрикъ женщинами и дѣтьми, въ концентраціи рабочихъ въ гигантскихъ предпріятіяхъ, основывать которыя могли только богатые купцы или фабриканты, уже располагавшіе крупными капиталами.

Но въ разсматриваемое время концентрація промышленности происходила съ неслыханной быстротой. Множество открытій во всѣхъ областяхъ техники, внезапное расширеніе рынка благодаря развитію желѣзныхъ дорогъ, наконецъ, новый торговый режимъ, начавшійся въ 1860 году, все это способствовало ускоренію и углубленію этой концентраціи.

Дѣло въ томъ, что если нѣкоторые интеллигентные фабриканты дѣйствительно поспѣшили обновить свой инвентарь, множество другихъ предпринимателей работали спустя рукава, стараясь производить свои продукты какъ разъ съ такими издержками, чтобы ихъ можно было продать по средней цѣнѣ, стоявшей на внутреннемъ рынкѣ; при этомъ они самымъ безстыднымъ образомъ эксплуатировали своихъ рабочихъ.

Свобода торговли произвела въ этой средѣ своего рода отборъ: многія хлопкопрядильни, скверно обставленныя въ техническомъ отношеніи, принуждены были закрыться, другія же вложили въ дѣло новые капиталы, преобразовали свой инвентарь и расцвѣли. Обогащеніе крупныхъ фирмъ города Рубэ, которыя вначалѣ плакались на ввозъ брэдфордскихъ полушерстяныхъ матерій, въ большинствѣ случаевъ относится именно къ этому времени.

Что же касается вліянія техническихъ открытій на концентрацію предпріятій, то въ этомъ отношеніи поразительный примѣръ представляетъ металлургическая промышленность. По мѣрѣ того, какъ древесное топливо выходило изъ употребленія, число доменныхъ печей, несмотря на непрерывный ростъ производства, безостановочно уменьшалось. Доменныя печи, работавшія древеснымъ топливомъ, ежедневно давали отъ трехъ до пяти тысячъ килограммовъ чугуна; а въ 1867 году нѣкоторыя доменныя печи, работавшія на коксѣ, производили уже до 50.000. При такихъ условіяхъ мелкія предпріятія не въ силахъ выдержать конкурренцію и уступаютъ мѣсто крупнымъ.

Въ 1865 году весь этотъ процессъ въ значительной мѣрѣ уже закончился: на крупную промышленность по статистическимъ даннымъ за этотъ годъ приходилось около половины изъ тѣхъ 12 милліардовъ франковъ, которые представляли общую сумму промышленнаго производства; а изъ трехъ милліоновъ хозяевъ и рабочихъ, составлявшихъ по тогдашнему расчету промышленное населеніе Франціи, на долю крупной индустріи приходилось около 1.300.000, въ томъ числѣ около 1.100.000 рабочихъ.

Другой результатъ совершавшагося экономическаго переворота выражался въ приливѣ сельскаго населенія въ промышленныя мѣстности и въ скопленіи новыхъ рабочихъ массъ въ крупныхъ центрахъ. По мѣрѣ того, какъ улучшаются пути сообщенія, а отдѣльныя экономическія группы вступаютъ въ болѣе прямое соприкосновеніе другъ съ другомъ, сельскіе жители начинаютъ чувствовать дѣйствіе повышенныхъ цѣнъ и испытывать нужду въ большемъ количествѣ денегъ. Ихъ тянетъ въ городъ и въ мѣстности съ высокой заработной платой, и эта тяга еще усиливается благодаря тому, что фабрика, убивая деревенскіе кустарные промыслы, постепенно отнимаетъ у нихъ подсобные заработки, обезпечивающіе ихъ существованіе. Затѣмъ обширныя общественныя работы, которыя рекламировались правительствомъ Второй Имперіи по всей странѣ, привлекали массу сезонныхъ отхожихъ рабочихъ, а, затягиваясь на долгое время, во многихъ случаяхъ навсегда удерживали ихъ въ крупныхъ городахъ. Такъ напримѣръ, Крезскій департаментъ прямо не въ состояніи былъ удовлетворить спроса, предъявляемаго Парижемъ на каменщиковъ.

До 1846 года въ промежуткахъ между двумя переписями никогда не отмѣчалось больше 12 департаментовъ, отличавшихся уменьшеніемъ населенія; отъ 1846 до 1851 года такихъ департаментовъ насчитывалось уже 22, а отъ 1851 до 1866 число ихъ прогрессивно возрасло до 54, 57 и 58. Въ то же время, отъ 1846 до 1861 года, населеніе въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ (префектуры и су-префектуры) возросло на 1.712.000 жителей, а въ періодъ 1861—1870 этотъ процессъ продолжался. Въ 1846 году насчитывалось только четыре города

вмѣстѣ съ Парижемъ, населеніе которыхъ достигало ста тысячъ жителей; а общее населеніе этихъ городовъ (1.540.000 человѣкъ) составляло 4,03% всего населенія Франціи. Черезъ 20 лѣтъ перепись 1866 года зарегистрировала уже 8 городовъ съ населеніемъ свыше ста тысячъ человѣкъ, причемъ общее количество ихъ жителей достигало 3.126.000 душъ, т. е. 8,21% всего населенія.

Въ это время начали опредѣленно вырисовываться крупныя промышленныя области — Сѣверъ, Нормандія, Верхній Рейнъ, Ліонскій округъ и Луарскій департаментъ. Одно промышленное заведеніе притягиваетъ къ себѣ другое: чѣмъ какой-нибудь центръ становится болѣе важнымъ, чѣмъ больше удобствъ онъ обезпечиваетъ въ смыслѣ добыванія сырья, легкости сношеній и найма рабочихъ, тѣмъ больше онъ притягиваетъ къ себѣ фабрикъ. Владѣльцы ткацкой фабрики, прядильни и красильнаго заведенія не могутъ селиться далеко другъ отъ друга. А во многихъ случаяхъ промышленники, располагающіе значительными средствами, сосредоточиваютъ въ своихъ промышленныхъ заведеніяхъ всѣ отдѣльныя работы, входящія въ круговоротъ ихъ производства: изъ такой фабрики хлопокъ выходитъ въ видѣ раскрашеннаго ситца, а шерсть въ видѣ вполнѣ отдѣланной ткани. Но и самый характеръ техническихъ пріемовъ ускоряетъ географическое сближеніе отдѣльныхъ отраслей промышленности. Литейные заводы покидаютъ сосѣдство лѣсовъ, нѣкогда доставлявшихъ имъ древесное топливо, и приближаются къ каменоугольнымъ или желѣзнымъ копямъ; въ то же время другія отрасли промышленности отказываются отъ пользованія непостоянной двигательной силой воды и также переходятъ поближе къ каменноугольнымъ копямъ, этимъ неисчерпаемымъ источникамъ двигательной силы для новой машинной индустріи. Вокругъ шахтъ возникаютъ новыя промышленныя поселенія, какъ напримѣръ въ департаментѣ Мерта-и-Мозеля.

Это безостановочное скопленіе промышленнаго пролетаріата, этотъ притокъ новыхъ элементовъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ, часто даже изъ заграницы, возбуждаетъ тревогу въ сердцахъ генеральныхъ прокуроровъ. Они предчувствуютъ, что въ этихъ обширныхъ гнѣздилищахъ труда и нищеты соціализмъ не замедлитъ возродиться и пустить глубокіе корни. Но особенную тревогу внушаетъ правительству Парижъ, перелицованный, пріукрашенный, расчищенный Парижъ, конечно, бдительно охраняемый отъ возможнаго мятежа, но насчитывающій теперь въ своихъ стѣнахъ огромную рабочую армію, цѣлый народъ, «тайну» котораго не трудно угадать. Обширныя общественныя работы, происходившія подъ руководствомъ Османа, развитіе празднествъ и роскоши, наконецъ, географическое положеніе города въ центрѣ желѣзнодорожнаго узла стягиваютъ въ Парижъ всевозможныя промышленныя заведенія. Въ 1851 году онъ насчитывалъ 1.277.066 жителей (включая сюда и пригороды, находившіеся внутри укрѣпленій), а въ 1864 году, когда онъ раздвинулся до укрѣпленій, число жителей достигало 1.825.274. Въ 1847 году въ 12 округахъ, на которые тогда дѣлился Парижъ, насчитывалось 342.530 рабочихъ, въ 1860 году въ 20 округахъ (новое дѣленіе) насчитывалось ихъ 416.811, но кромѣ того статистическія данныя 1860 года упоминаютъ о 42.208 рабочихъ, занятыхъ въ общественныхъ предпріятіяхъ или на службѣ у крупныхъ компаній,

26.242 мастеркахъ или рядчикахъ и 62.199 хозяевахъ-одиночкахъ. Въ 1847 году насчитывалось 64.816 промышленныхъ заведеній, а въ 1860 г. 101.171. Нетрудно догадаться, что въ строительномъ дѣлѣ число рабочихъ почти удвоилось: оно возросло съ 41.603 до 71.242.

Перепись 1866 года дала довольно точную картину промышленнаго Парижа того времени: изъ всѣхъ отраслей промышленности наибольшее количество рабочихъ занимали изготовленіе одежды, строительное дѣло, изготовленіе съѣстныхъ припасовъ, производство металлическихъ издѣлій, а также предметовъ роскоши и развлеченія. Среднее число рабочихъ на одно предпріятіе составляло 7,7.

Кромѣ того, изъ статистическихъ свѣдѣній Торговой Палаты за 1860 годъ видно, что 7,4% промышленныхъ заведеній занимали свыше 10 рабочихъ, 31,1% имѣли отъ 2 до 10 рабочихъ, а 61,2% хозяевъ имѣли только одного рабочаго или обходились собственными силами. Отсюда слѣдуетъ, что парижская промышленность отличалась преобладаніемъ мелкихъ и среднихъ предпріятій. Производство предметовъ роскоши и articles de Paris въ большинствѣ случаевъ еще не испытало вторженія машины; промышленная концентрація прямо еще не оказывала своего разрушительнаго дѣйствія на парижское ремесло. Но ея косвенное дѣйствіе сказывалось въ цѣломъ рядѣ послѣдствій, обусловливаемыхъ вліяніемъ капиталистическаго процесса на всѣ стороны общественной жизни, и между прочимъ въ повышеніи квартирныхъ цѣнъ и возросшей дороговизнѣ жизни, этихъ обычныхъ спутникахъ городской перенаселенности. Все это должно было заставить парижскихъ рабочихъ даже въ большей степени, чѣмъ другихъ, задумываться надъ своимъ положеніемъ и внушать тревогу правительству своимъ возбужденнымъ настроеніемъ.

Концентрація предпріятій; скопленіе рабочихъ массъ; все болѣе рѣзкое выдѣленіе двухъ классовъ: склонныхъ къ деспотизму хозяевъ, съ одной стороны, и пролетаріата, численность котораго непрерывно растетъ, съ другой—таковы обычныя послѣдствія капиталистическаго развитія. Сдѣланныя нами краткія и отрывочныя указанія позволяютъ судить о томъ, съ какой правильностью и интенсивностью эти результаты экономической эволюціи проявились въ эпоху Второй Имперіи.

Мы уже говорили, что эти рабочія массы внушали тревогу правительству, но онѣ безпокоили также и хозяевъ. Генеральные прокуроры бдительно за ними слѣдили и въ своихъ отчетахъ отмѣчали малѣйшія колебанія общественнаго мнѣнія и самые мелкіе случаи, которыми могли бы воспользоваться недовольные. Руководящая мысль какъ у предпринимателей, такъ и у правительства сводилась къ необходимости подчинить рабочій классъ строгой дисциплинѣ. Крупные монополисты, нагло взимавшіе дань съ публики, командовали своими рабочими, какъ солдатами; изъ старыхъ служивыхъ и сверхсрочнослужащихъ всѣхъ видовъ оружія преимущественно вербовались мастера крупныхъ фабрикъ, эти цѣпные псы крупныхъ капиталистическихъ компаній. А нѣкоторые предприниматели даже поручали надзоръ за своими фабриками монахинямъ. Правила внутренняго распорядка въ мастерскихъ отличались драконовской строгостью; отъ нихъ-то сильнѣе всего страдали рабочіе, вчера еще независимые хозяева, самостоятельно работавшіе у себя на дому, а сегодня запертые на фабрикѣ. Прудонъ, Дюшенъ и

нѣкоторые другіе писатели съ негодованіемъ протестовали противъ возмутительныхъ условій труда, въ которыя поставленъ былъ рабочій классъ. И въ самомъ дѣлѣ, какой независимый человѣкъ могъ сохранять хладнокровіе при чтеніи служебныхъ приказовъ и фабричныхъ правилъ вродѣ нижеслѣдующихъ: «Кладчики,—говорила одна желѣзнодорожная компанія, — должны безъ всякаго перерыва находиться на рельсахъ съ 1-го мая по 1-е сентября отъ 5 часовъ утра до 7 часовъ вечера; на принятіе пищи полагается два часа (въ сильныя жары три часа), которые точно указываются особымъ расписаніемъ; рабочіе должны постоянно находиться на пути, даже во время обѣда и въ дурную погоду». Дюшенъ насчиталъ въ одномъ фабричномъ регламентѣ 29 случаевъ наложенія штрафа, который колебался отъ 10 сантимовъ до цѣлаго дневного заработка. Въ нѣкоторыхъ женскихъ мастерскихъ запрещалось «вести посторонніе разговоры, т. е. разговоры о предметахъ, не относящихся къ работѣ». Когда разразилась крупная стачка въ Рубэ, обнаружилось существованіе фабричнаго регламента, чрезвычайно характернаго для самодурства тогдашнихъ фабрикантовъ. Приводимъ нѣкоторыя извлеченія изъ этихъ фабричныхъ правилъ:

«Статья 18. Наказывается штрафомъ въ размѣрѣ 50 сантимовъ:
1) рабочій, который самъ зажегъ свой газовый рожокъ;
2) тотъ, кто приведетъ на фабрику постороннее лицо;
3) тотъ, кто станетъ чистить или смазывать свой станокъ на ходу;
4) тотъ, чей станокъ окажется плохо вычищеннымъ во время подробнаго осмотра;
5) тотъ, кто пронесетъ или будетъ пить спиртные напитки въ мастерской;
6) тотъ, кто обрѣжетъ свой кусокъ раньше поставленной мѣтки.
Статья 19.—Наказывается штрафомъ въ 25 сантимовъ:
1) рабочій, плохо укладывающій отбросы въ свой мѣшокъ или разсыпающій ихъ по землѣ;
2) тотъ, кто станетъ умываться, причесываться или чистить сапоги у станка раньше, чѣмъ за четверть часа до выхода изъ фабрики;
3) тотъ, кто окажется безъ разрѣшенія на такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ не долженъ находиться по роду своей работы;
4) тотъ, кто при ежедневномъ осмотрѣ чановъ и стержней для шпулекъ будетъ уличенъ въ неряшливости».

Такимъ образомъ, наряду съ государственнымъ Уложеніемъ о наказаніяхъ хозяева ввели въ дѣйствіе свой уголовный кодексъ, причемъ послѣдній въ иныхъ случаяхъ безцеремонно нарушалъ постановленія перваго. «Этотъ режимъ, украшенный эпитетомъ административный,—восклицалъ Прудонъ,—распространяется повсюду, на фабрикахъ, на заводахъ и даже въ типографіяхъ. Въ мастерскихъ полиція организована точно такъ же, какъ и въ городахъ. Всякое довѣріе и общеніе между рабочими исчезли, такъ какъ даже стѣны имѣютъ уши».

Но недостаточно держать рабочихъ въ ежовыхъ рукавицахъ и окру-

жать ихъ атмосферой шпіонства. Правительство также хорошо это понимаетъ, и потому оно стремится къ тому, чтобы обезпечить матеріальное положеніе рабочаго, предохранить его отъ частой безработицы и доставить ему высокую заработную плату. Но въ какой степени можетъ оно осуществить свою мечту? Въ какой мѣрѣ промышленное развитіе способно обезпечить благосостояніе трудящихся? И можно ли добиться того, чтобы отсутствіе матеріальныхъ заботъ помѣшало рабочему задуматься надъ своимъ положеніемъ и стремиться къ его улучшенію собственными силами? Однимъ словомъ, можетъ ли заработная плата достигнуть такой высоты, чтобы снять съ пролетаріата всякія заботы и внушить ему вѣру въ благодѣтельное значеніе Имперіи? Вотъ вопросы, главнымъ образомъ занимавшіе правительство дешеваго хлѣба.

Въ общемъ и цѣломъ заработная плата во время Второй Имперіи замѣтно возросла. Правда, нѣкоторыя корпораціи жаловались на паденіе заработной платы: такъ напримѣръ, перчаточники, пострадавшіе отъ примѣненія женскаго труда и спеціализаціи производства, утверждали, что ихъ средній заработокъ, составлявшій въ 1860 году 4 франка, упалъ въ 1862 году до 3 фр. 50 с. или 3 фр. 25 с.; точно также нѣкоторые делегаты, посланные парижскими рабочими на Лондонскую выставку, полагали, что заработки не возросли. Но это были исключительные случаи. И дѣйствительно, сравнимъ ли мы раздѣленныя 20-лѣтнимъ промежуткомъ наблюденія, собранныя двумя изслѣдователями изъ Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ, Вилермэ въ 1840 году и Луи Рейбо въ 1860 году; сопоставимъ ли мы статистическія свѣдѣнія, доставленныя министерству торговли французскими мэрами въ 1853 и въ 1871 году, или же статистическія данныя парижской торговой палаты за 1847, 1860 и 1872 г.; возьмемъ ли мы, наконецъ, результаты обширной парламентской анкеты объ условіяхъ труда, произведенной по постановленію Національнаго Собранія въ 1872 году, мы одинаково придемъ къ одному и тому же выводу, гласящему, что заработная плата во время Второй Имперіи въ общемъ значительно повысилась.

Мы не можемъ здѣсь заняться подробнымъ критическимъ изученіемъ находящагося въ нашемъ распоряженіи статистическаго матеріала. Товарищи, которымъ случалось справляться или просто заглядывать въ статистику заработной платы, хорошо знаютъ, какой неполнотой отличаются эти статистическія данныя и какъ трудно дѣлать изъ нихъ какіе нибудь опредѣленные выводы. Научное изслѣдованіе движенія заработной платы во Франціи XIX вѣка еще не произведено; мы поэтому ограничимся приведеніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ и надежныхъ данныхъ. Прежде всего отмѣтимъ то обстоятельство, что для нѣкоторыхъ корпорацій, какъ напримѣръ строительнаго и горнаго дѣла, благодаря существованію опредѣленныхъ тарифовъ и извѣстныхъ законодательныхъ постановленій заработная плата можетъ быть точно опредѣлена.

Приводимая ниже таблица, которую мы заимствуемъ изъ анкеты Департамента Труда о цѣнахъ и заработной платѣ (томъ IV, стр. 273), даетъ достаточно наглядное представленіе о прогрессивномъ ростѣ заработной платы во время Второй Имперіи. Она относится къ строительнымъ рабочимъ въ Парижѣ:

	1842 г.	1852 г.	1862 г.	1873 г.
	во франкахъ.			
Землекопы	2, 75	2, 75	4	4
Каменщики	4, 15	4, 25	5, 25	5, 50
Подмастерья-каменщики	2, 45	2, 60	3, 35	3, 50
Каменотесы	4, 20	4, 25	5, 50	5, 50
Плотники	4	5	6	6
Кровельщики	5	5, 75	6	6, 25
Столяры	3, 25	3, 50	4, 50	5
Слесаря	3, 25	3, 25	4	5

Въ каменноугольныхъ копяхъ повышеніе заработной платы выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

Годы	Франки	Годы	Франки
1844	2, 09	1857	2, 48
1850	2, 14	1858	2, 55
1851	2, 07	1860	2, 50
1852	2, 04	1861	2, 57
1853	2, 20	1862	2, 55
1854	2, 32	1863	2, 69
1855	2, 35	1867	2, 89
1856	2, 51	1870	3, 04

Сравненіе заработковъ мюльгаузенскихъ рабочихъ, занятыхъ обработкой шерсти, за 1847 и 1867 гг. также свидѣтельствуетъ о значительномъ повышеніи, размѣры котораго колеблются отъ 26 до 105%. Въ Крёзо отъ 1851 до 1866 года средняя заработная плата въ общемъ возросла отъ 2 франковъ 56 с. до 3 фр. 45 с., т. е. на 35%. И въ большинствѣ профессій вообще наблюдается повышеніе, колеблющееся между 10 и 40%.

Но особенно важно отмѣтить годы, въ которые замѣчается этотъ ростъ. Дѣло въ томъ, что изъ документовъ явствуетъ, что ростъ заработной платы происходилъ быстрѣе всего въ первое десятилѣтіе отъ 1850 до 1860 года и въ частности отъ 1853 до 1857 года. Это ясно видно изъ приведенной нами выше таблицы заработной платы въ строительномъ дѣлѣ; въ подтвержденіе нашего вывода мы можемъ еще сослаться на обширную анкету относительно заработной платы и цѣнъ на съѣстные припасы, предпринятую въ 1866 году встревоженнымъ правительствомъ (Statistique générale de la France, томъ XII). И дѣйствительно, тѣ самые предприниматели, которые, если вѣрить свидѣтельству Одигана, помышляли около 1853 года о пониженіи заработной платы въ виду паденія цѣнъ на всѣ фабричныя издѣлія, въ послѣдующіе годы принуждены были сильно ихъ повысить въ виду возросшей дороговизны съѣстныхъ припасовъ. Если взять среднія данныя относительно 59 корпорацій, на которыя распространялись анкеты, произведенныя мэрами въ 1853 и 1857 году, то получается слѣдующее отношеніе:

	1853 г.	1857 г.
	во франкахъ.	
Поденная плата рабочаго на хозяйскихъ харчахъ . . .	0,96	1,08
„ „ „ „ собственныхъ „ . . .	1,89	2,14

Такой же выводъ вытекаетъ изъ цифръ, относящихся къ строительному дѣлу: наиболѣе быстрое повышеніе заработной платы приходится на 1854—1855 гг.

Итакъ, если имѣть въ виду только размѣръ номинальной заработной платы, то правители Второй Имперіи могли чувствовать себя удовлетворенными: теперь рабочіе получали гораздо болѣе высокую плату, чѣмъ во времена Второй Республики и Іюльской монархіи. Правда, это явленіе имѣло общій характеръ, какъ и тогдашній расцвѣтъ промышленности; но правительство Второй Имперіи считало нужнымъ закрывать глаза на то обстоятельство, что за тотъ же періодъ годовой заработокъ бельгійскихъ углекоповъ въ среднемъ возросъ отъ 665 франковъ въ 1850 году до 889 франковъ въ 1865 году, а заработная плата строительныхъ рабочихъ въ Англіи за то же время повысилась болѣе, чѣмъ на 25%. Французскіе правители могли самыми яркими красками расписывать матеріальное довольство, которое доставилъ рабочему классу государственный переворотъ; и они не преминули бы на всѣ лады развивать это парадоксальное утвержденіе, еслибы измѣненіе цѣнъ на предметы потребленія не разстроило въ сильнѣйшей степени ихъ пожеланій.

И дѣйствительно, въ то время, какъ въ періодъ 1827—47 цѣна хлѣба оставалась на одинаковомъ уровнѣ, а цѣна земледѣльческихъ и фабричныхъ продуктовъ обнаруживала замѣтную тенденцію къ пониженію, и такимъ образомъ повышеніе заработной платы дѣйствительно означало увеличеніе дохода, въ періодъ отъ 1847 до 1870 года и въ особенности отъ 1850 до 1866 года цѣны на всѣ предметы потребленія сильно возросли. Въ общемъ цѣна фабричныхъ издѣлій быстро поднялась на 15%, а сельскохозяйственныхъ продуктовъ на 67%.

Это огромное повышеніе цѣнъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ прежде всего приписать усиленной добычѣ золота въ калифорнійскихъ и австралійскихъ копяхъ. Дѣйствіе этой причины было усилено цѣлымъ рядомъ неурожаевъ и быстрымъ возрастаніемъ спроса на сырые матеріалы, спроса, который обусловливался небывалымъ промышленнымъ подъемомъ.

Но каковы бы ни были причины этого явленія, повышеніе цѣнъ вплоть до кризиса 1857 года шло такимъ усиленнымъ темпомъ, что въ конечномъ итогѣ реальная заработная плата не только не поспѣвала за ростомъ номинальной заработной платы, но во многихъ случаяхъ даже испытывала значительное сокращеніе.

Какъ мы уже указывали, цѣна съѣстныхъ припасовъ значительно возросла: за пятилѣтній періодъ 1853—57 гг. цѣна на говядину въ уѣздныхъ городахъ поднялась на 25%, а Корбонъ въ своемъ изслѣдованіи о положеніи парижскихъ рабочихъ пришелъ въ 1863 году къ тому выводу, что цѣны на всѣ съѣстные припасы возросли на 55%.

Приводимыя ниже двѣ таблицы позволяютъ составить себѣ наглядное представленіе о движеніи цѣнъ во время Второй Имперіи и въ частности во время перваго періода:

Цѣна гектолитра пшеницы отъ 1852 до 1863 г. во франкахъ:

1852	17,23	1858	16,70
1853	22,29	1859	16,74
1854	28,82	1860	20,24
1855	29,32	1861	24,55
1856	30,75	1862	23,24
1857	24,37	1863	19,74

Средняя цѣна нѣкоторыхъ предметовъ первой необходимости во франкахъ:

Годы.	Фунтъ говядины.	Фунтъ баранины.	Фунтъ телятины.	Фунтъ свинины.	Гектолитръ картофеля.
1844—53	0,41	0,44	0,43	0,50	5,10
1854	0,47	0,51	0,49	0,61	6,93
1855	0,52	0,56	0,54	0,66	7,07

Сопоставленіе заработной платы и цѣнъ на съѣстные припасы властно приводило къ такимъ заключеніямъ, которыя не должны были радовать сердца оффиціальныхъ статистиковъ 1856 года. „Въ то время, какъ цѣны на предметы необходимости,— увѣряютъ они,—поднялись на 45% за 32-лѣтній періодъ, заработная плата. по крайней мѣрѣ, для строительныхъ рабочихъ, правда, имѣющихъ наиболѣе регулярныя и постоянныя занятія, увеличилась только на 18%“. И дальше: „если мы сопоставимъ за пятилѣтній періодъ 1853—57 гг. ростъ цѣнъ и повышеніе заработной платы въ главныхъ окружныхъ городахъ для 59 корпорацій, составлявшихъ предметъ этой спеціальной анкеты, то мы найдемъ, что цѣна на говядину поднялась на 25%, а заработная плата только на 17%“. Правда, оффиціальные изслѣдователи утѣшались тѣмъ соображеніемъ, что фабричныя издѣлія подешевѣли и что расширеніе производства ослабляло безработицу и обезпечивало трудящимся болѣе постоянный заработокъ; но сами рабочіе смотрѣли на положеніе вещей не черезъ такіе розовые очки.

Въ крупныхъ городахъ и особенно въ Парижѣ ихъ тяжелое положеніе еще ухудшалось повышеніемъ квартирныхъ цѣнъ. Въ 1863 году Корбонъ высказалъ то мнѣніе, что наемная плата за небольшія парижскія квартиры за послѣднія 25 лѣтъ въ среднемъ повысилась на 70%. Въ 1867 г. докладъ рабочихъ кожевеннаго производства опредѣлялъ разницу между квартирными цѣнами въ 1846 году и 1866 г. слѣдующимъ образомъ: спальня и кабинетъ на улицѣ Грегуаръ-де-Туръ, сдававшіеся въ 1846 году за 100 франковъ, въ 1866 году стоили 260 франковъ; плата за наемъ одной комнаты на улицѣ Сенъ-Мартэнъ за то же время повысилась отъ 160 до 400 франковъ; кабинетъ на улицѣ Грандъ-Трюандери съ 80 до 260 франковъ. Мы видимъ, какъ тяжело отражались строительныя увлеченія Османа на тѣхъ парижскихъ рабочихъ, которые по роду своихъ занятій лишены были возможности перебраться въ предмѣстья. Алчные домовладѣльцы могли быть довольны.

Если мы не располагаемъ достаточно точными свѣдѣніями относительно всей Франціи, то указанія, сообщаемыя Біенэмэ относительно Парижа (Annuaire statistique de la Ville de Paris, 1893), позволяютъ су-

дить объ ухудшеніи, наступившемъ въ положеніи парижскихъ рабочихъ въ эпоху Второй Имперіи. Это ясно видно изъ слѣдующей таблицы:

Средній расходъ парижскаго рабочаго (во франкахъ):

Годы.	Пища, отопленіе, освѣщеніе.	Квартира.	Всего.
1844—53 . .	931	120	1.051
1854—63 . .	1.052	170	1.222
1864—73 . .	1.075	220	1.295

Мы видимъ, что, если ростъ квартирныхъ цѣнъ отличается почти постояннымъ характеромъ, то вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ было особенно чувствительнымъ въ 1854 63 гг.

Это несоотвѣтствіе между повышеніемъ заработной платы и ростомъ цѣнъ на предметы потребленія опредѣленно отражалось и на настроеніи рабочихъ, которое измѣнялось изо дня въ день. Отголосокъ ихъ недовольства ясно слышится въ докладахъ, составленныхъ рабочими делегатами, посланными на Лондонскую выставку 1862 года. Всѣ они согласно констатируютъ, что ростъ заработной платы сильно отставалъ отъ повышенія цѣнъ на съѣстные припасы и на квартиры. Делегатъ механиковъ заявлялъ, «что, какъ доказано множествомъ данныхъ, цѣна на предметы первой необходимости за послѣдніе 10 лѣтъ возросла на цѣлую треть». Делегатъ типографщиковъ выражался еще точнѣе: «За послѣднія лѣтъ 12,—говорилъ онъ,—цѣны на квартиры и на съѣстные припасы возросли, по крайней мѣрѣ, на 50%, тогда какъ моя заработная плата врядъ-ли увеличилась и на 9 — 10%; такъ что въ итогѣ получилось уменьшеніе благосостоянія на 40%». И всѣ бюджеты, составленные въ 1862 или въ 1867 году делегатами различныхъ корпорацій, единодушно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ легко, а во многихъ случаяхъ какъ фатально тогдашнее рабочее хозяйство должно было давать дефицитъ. Каретникъ, работавшій 278 дней въ году и зарабатывавшій, считая по $4^1/_2$ франка въ день, 1.251 фр. въ годъ, женатый и имѣвшій двухъ дѣтей, тратилъ, если даже не позволялъ себѣ лишнихъ расходовъ, 1.698 фр. 75 с.: 250 фр. на квартиру, 1.095 фр. на пищу (по три франка въ день), 273 фр. 75 с. на другіе необходимые расходы (по 75 с. въ день), 50 франковъ на отопленіе и освѣщеніе, 30 фр. на обученіе дѣтей. Фортепіанный мастеръ, зарабатывавшій въ 1867 году по 6 фр. въ день, а слѣдовательно, 1.800 фр. за 300 рабочихъ дней, женатый и имѣвшій двухъ дѣтей, тратилъ 1.971 фр.: 300 фр. на квартиру, 300 фр. на всякіе необходимые расходы, 75 франковъ на отопленіе и освѣщеніе, 100 франковъ на стирку бѣлья, 36 франковъ на общество взаимопомощи, 70 фр. на обученіе одного ребенка, 1.100 фр. на пищу (безъ вина). Еще труднѣе было рабочимъ сводить концы съ концами въ промышленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладала низкая заработная плата: на 10 бюджетовъ рабочей семьи въ мюльгаузенскомъ промышленномъ раіонѣ Л. Рейбо насчиталъ шесть случаевъ дефицита.

Итакъ, планъ императорскаго правительства былъ разстроенъ естественнымъ ходомъ вещей. Населеніе промышленныхъ центровъ, новыя

пролетарскія массы, которыхъ оно хотѣло убѣдить въ своихъ благодѣяніяхъ и такимъ образомъ привлечь на свою сторону, не могли чувствовать улучшенія своего положенія и благодарить за это правительство. Болѣе того, не приходилось ли правительству опасаться, чтобы рабочая масса, подстрекаемая демагогами и сторонниками прежнихъ порядковъ, не вздумала взваливать вину за свое бѣдственное положеніе на Имперію?

Это было бы ужаснымъ возмездіемъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ императорское правительство съ тревогой ждало такого исхода.

Въ этомъ отношеніи странное впечатлѣніе производятъ донесенія, представлявшіяся генеральными прокурорами отъ 1852 до 1856 года. Нѣтъ ни одного промышленнаго раіона, гдѣ бы, несмотря на расцвѣтъ индустріи и полный ходъ работъ, правительственные агенты не должны были отмѣчать тяжкихъ бѣдствій. Въ Ріомскомъ судебномъ округѣ упоминаются коммуны, въ которыхъ на 2.500 жителей приходится 400 нищихъ. Въ Сѣверномъ департаментѣ, несмотря «на невѣроятный подъемъ промышленности и повышеніе заработной платы, приходится основывать работные дома и обращаться къ частной благотворительности». Въ иныхъ случаяхъ даже, когда крестьяне, продавая свои продукты по хорошей цѣнѣ, въ общемъ не жалуются на выгодную для нихъ дороговизну, стоитъ случиться неурожаю, вродѣ недорода картофеля въ 1853 г.,—и къ нищетѣ рабочихъ присоединяется нужда крестьянъ. «Въ нѣкоторыхъ коммунахъ приходилось питаться травой»,—пишетъ кольмарскій прокуроръ въ своемъ отчетѣ за первое полугодіе 1854 г. И повсюду приходится организовать сборы, подписки, работные дома... или же устраивать празднества, чтобы помочь нуждающимся.

Но могутъ ли всѣ эти мѣры пособить горю? Правительство не можетъ успокоиться; оно хорошо помнитъ о неурожаѣ 1847 года и боится, чтобы населеніе не взвалило на него отвѣтственность за всѣ свои бѣды. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ прокуроры отмѣчаютъ симптомы возбужденія и даже возмущенія. Въ 1853 году въ Труа на улицахъ расклеены были мятежныя прокламаціи: «если къ 3 октября,—говорилось тамъ,—хлѣбъ не будетъ стоить по 30 сантимовъ за кило, то городъ будетъ подожженъ»; другая прокламація, появившаяся въ Мо, гласила: «хлѣбъ по $1^1/_2$ франка или смерть». Въ Лиллѣ въ 1855 году на дверяхъ главныхъ фабрикантовъ были наклеены бумажки съ надписью: «хлѣбъ по 2 су за фунтъ или эшафотъ»; другіе билетики гласили:—«спекулянтовъ, монополистовъ и откупщиковъ на висѣлицу». Въ деревняхъ вокругъ Анжера распространялись такіе же мятежные плакаты, возвѣщавшіе возстаніе по всей Франціи при крикахъ: «долой тирановъ, хлѣбъ по 25 су или поджогъ всѣхъ складовъ; грабежъ и избіеніе всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ уморить насъ голодомъ, насъ и нашихъ дѣтей». Въ Анзенѣ опять-таки встрѣчаются тѣ же плакаты: «хлѣба или смерть! хлѣба или будутъ жертвы». Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспыхиваютъ голодные бунты: въ маѣ 1855 года женщины городка Като-Камбрези требуютъ «хлѣба въ 1 франкъ» и выбиваютъ стекла въ булочныхъ.

Не пожелаютъ-ли теперь противники существующаго режима воспользоваться этими бунтами и превратить ихъ въ революцію? Осенью 1855 года тревога правительства доходитъ до своего апогея. Такъ какъ

всѣ генеральные прокуроры находились тогда въ отпуску, то правительство 23 сентября приказало имъ вернуться на свои посты; въ своемъ циркулярѣ (BB 50/414) оно указываетъ имъ на замѣчающіеся симптомы недовольства и смуты и объясняетъ эти волненія дороговизной съѣстныхъ припасовъ. «Я сожалѣю о томъ,—пишетъ министръ,—что при такихъ обстоятельствахъ вы находились далеко отъ своего поста. Однако я не могъ отказать вамъ въ разрѣшеніи его оставить. Нѣсколько недѣль отдыха могли быть для васъ необходимы... Во всякомъ случаѣ я былъ бы чрезвычайно радъ, еслибы вы снова вступили въ управленіе своимъ округомъ, какъ только этому не станутъ серьезно мѣшать ваши дѣла или состояніе вашего здоровья. Ваше присутствіе въ центрѣ судебнаго округа, какъ только оно станетъ возможнымъ, будетъ тѣмъ болѣе удобно, что по послѣднимъ свѣдѣніямъ, кажется, установлено, что извѣстное число отъявленныхъ враговъ правительства раздуваетъ тревогу и волненіе въ населеніи и пытается руководить безпорядками и использовать ихъ въ интересахъ своихъ злонамѣренныхъ стремленій». Въ виду вышеизложеннаго прокурорамъ поручается составить списокъ всѣхъ лицъ, способныхъ превратить всеобщее недовольство или голодные бунты въ антиправительственное движеніе; циркуляръ объясняетъ, что генералы и префекты съ своей стороны сдѣлаютъ то же самое и что правительство сопоставитъ доставленные ему списки и свѣдѣнія. Какъ читатель могъ замѣтить, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ продолженіемъ практики смѣшанныхъ комиссій: Вторая Имперія держитъ подозрительныхъ подъ тройными административными скорпіонами—арміи, прокурорскаго надзора и полиціи.

Результаты этой шпіонской анкеты хранятся въ Національномъ Архивѣ (BB 30/414 и 415). Конечно, здѣсь дается новый поименный списокъ республиканцевъ. Прокуроры не пропускаютъ изъ нихъ ни одного человѣка, даже Жоржъ Зандъ, которую прокуроръ Гудай признаетъ самой опасной изъ всѣхъ республиканцевъ Лашатрскаго кантона, хотя (какъ замѣчаетъ чиновникъ министерства, группировавшій данныя этой анкеты) «госпожа Дюдеванъ не взяла бы темой своей агитаціи дороговизну съѣстныхъ припасовъ, еслибы она хотѣла возбудить сельскихъ жителей къ мятежу». Отмѣтимъ также статейный списокъ доктора Клемансо, отца нынѣшняго министра, который также характеризуется какъ подозрительный человѣкъ по той причинѣ, что въ маѣ 1849 года «онъ поддерживалъ сношенія съ Парижемъ посредствомъ почтовыхъ голубей».

Конечно, нелѣпости всѣхъ такихъ анкетъ въ общемъ не представляютъ никакого интереса, но онѣ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о вѣчномъ страхѣ, въ которомъ жило это правительство. Постоянно ему слышался кругомъ приближающійся гулъ мятежа; и дѣйствительно, если посмотрѣть на огромныя связки докладовъ объ оскорбленіяхъ величества, возмутительныхъ возгласахъ и всякихъ мятежныхъ жестахъ, вырывавшихся у рабочихъ массъ, если перечесть отчеты, въ которыхъ чиновники всѣхъ ранговъ единодушно указываютъ, что пролетаріатъ удерживается въ повиновеніи только силой, но что его стремленія и настроеніе ничуть не измѣнились, тогда нетрудно понять то ощущеніе неустойчивости, которое эти люди должны были испытывать даже въ моментъ своего полнаго торжества.

Они однако напрасно опасались насильственныхъ революціонныхъ вспышекъ. Конечно, отдѣльные люди могли мечтать о традиціонномъ возстаніи революціоннаго народа съ лозунгомъ «хлѣба и конституцію 1793 года»; на этотъ разъ рабочій классъ собирался не въ такой формѣ выступить противъ Имперіи и противъ капиталистическаго общества, выраженіемъ котораго она являлась. Но съ тревогой взирая на голодные бунты, они смутно предчувствовали будущее: дѣйствительно, рабочій классъ долженъ былъ снова открыть свой походъ въ формѣ экономической борьбы и въ видѣ попытки воздѣйствовать на матеріальныя и моральныя условія, въ которыя онъ былъ поставленъ. Не напрасно префекты и прокуроры боялись скопленія рабочихъ массъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ: именно послѣдніе должны были подать сигналъ къ новымъ соціалистическимъ выступленіямъ.

И дѣйствительно, соціалистическое движеніе во время Второй Имперіи непосредственно вытекло изъ экономическаго развитія. Несмотря на всѣ воспоминанія 1848 года и на всѣ формулы, укоренившіяся въ народномъ сознаніи и впослѣдствіи отчасти давшія ему готовую форму для выраженія своихъ стремленій, можно сказать, что соціалистическое движеніе началось съ самаго начала. На этотъ разъ оно не являлось результатомъ какой-нибудь абстрактной идеи соціальной справедливости, а представляло все болѣе и болѣе сознательное и вѣрное выраженіе борьбы классовъ. У него не было другихъ источниковъ, кромѣ все болѣе выяснявшейся съ каждымъ днемъ противоположности между хозяиномъ и работникомъ, между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Этотъ процессъ когда-нибудь придется изучить во всѣхъ его деталяхъ; современное же состояніе науки позволяетъ намъ только охарактеризовать его въ главныхъ чертахъ.

Что рабочіе Второй Имперіи въ періодъ 1852—60 г., т.-е. въ періодъ великаго экономическаго переворота почувствовали выпаденіе еще нѣсколькихъ звеньевъ изъ той цѣпи, которая связывала ихъ съ работодателями, это фактъ, который подтверждается всѣми наблюдателями. «Повсюду царитъ молчаніе,—говоритъ напримѣръ въ 1860 г. Одиганъ въ концѣ своихъ дышащихъ жизнью очерковъ о „Рабочемъ населеніи Франціи“ (II, 395),—смиреніе царитъ, повидимому, даже тамъ, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ сильнѣе всего раздавался шумъ и слышались жалобы. Въ настоящее время работа народной мысли ушла въ глубь, она выражается въ нарожденіи новыхъ идей и чувствъ, а не въ поступкахъ. Этимъ объясняется все“. Одиганъ констатируетъ, что въ обширныхъ промышленныхъ раіонахъ „наружное спокойствіе, повидимому, не основано на серьезномъ возстановленіи довѣрія. Въ большинствѣ случаевъ можно было бы сказать, что здѣсь налицо передъ нами не только два класса, но даже, употребляя извѣстное выраженіе одного англійскаго государственнаго дѣятеля, двѣ націи. Въ мастерскихъ господствуетъ полное повиновеніе, да иначе и быть не можетъ; но за стѣнами фабрики не замѣтно никакого вліянія, съ одной стороны, и никакой почтительности—съ другой. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слова „насъ эксплуатируютъ“ до сихъ поръ остаются молчаливымъ символомъ вѣры для многихъ озлобленныхъ людей“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „признательности нѣтъ и слѣда... Въ большинствѣ случаевъ достаточно руководителямъ предпріятія совершить извѣстное дѣйствіе, чтобы рабочіе

сейчасъ же начали поступать совершенно противоположнымъ образомъ". —Еще болѣе драгоцѣннымъ является, пожалуй, свидѣтельство Луи-Рейбо, экономиста, который въ 1854 году объявилъ, что соціализмъ умеръ, и который въ послѣдующіе годы по приглашенію Академіи моральныхъ и политическихъ наукъ изслѣдовалъ, какъ нѣкогда Вилерме, условія труда въ различныхъ отрасляхъ промышленности. „Чѣмъ внимательнѣе я изучаю факты,—писалъ онъ въ 1859 году,—тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что наряду съ случайными увлеченіями, которыя рабочіе почерпали (въ 1848 году) изъ книгъ и изъ посѣщенія клубовъ, у нихъ существуютъ прочныя, продуманныя и очень глубокія симпатіи, вырабатывающіяся въ нихъ совершенно самостоятельно. По мѣрѣ того, какъ сглаживаются слѣды первыхъ, вторыя все сильнѣе овладѣваютъ ими, и поскольку одни принадлежали къ области фантазій, постольку другія принадлежатъ вполнѣ реальному міру. Эти увлеченія зародились въ условіяхъ фабричной обстановки и питаются ими, несмотря ни на какія правила внутренняго распорядка, штрафы, вынужденное молчаніе и всевозможныя мелочныя стѣсненія, или, вѣрнѣе, именно благодаря этимъ стѣсненіямъ, этому молчанію, этимъ штрафамъ и этимъ правиламъ". (De la condition des ouvriers en soie, 1859. Введеніе, стр. VIII). Я подчеркнулъ очень важное мѣсто, показывающее, что самъ Рейбо констатируетъ значеніе фабричнаго режима въ смыслѣ порожденія настроенія и идей, содѣйствовавшихъ возобновленію соціалистическаго движенія.

Въ этомъ отношеніи показанія всѣхъ наблюдателей совпадаютъ: и въ Ліонѣ, и въ Парижѣ сознаніе противоположности классовыхъ интересовъ не ослабѣваетъ и даже усиливается. Такъ, напримѣръ, въ Ліонѣ въ теченіе первыхъ лѣтъ Имперіи сидѣлъ умный и проницательный прокуроръ (нѣтъ правила безъ исключенія), который опредѣленно констатировалъ это настроеніе рабочихъ (BB 30/379). Отмѣчая въ іюнѣ 1852 г. наступившее успокоеніе умовъ, онъ прибавлялъ: „Насколько я могу предвидѣть, это временное затишье и ослабленіе политическихъ страстей неизбѣжно уступятъ мѣсто другому настроенію и другимъ тенденціямъ, которыя какъ будто уже намѣчаются. Прежнее политическое возбужденіе не могло улечься сразу. Неизгладимое послѣдствіе этого возбужденія выражается въ томъ, что рабочее населеніе чувствуетъ себя связаннымъ классовыми интересами. Эти интересы могутъ, конечно, обходиться безъ партійнаго аппарата и быть свободными отъ гнусныхъ притязаній соціализма, но тѣмъ не менѣе они продолжаютъ играть роль въ городѣ; они составляютъ неистребимый элементъ въ психологіи массъ, а надежда на ихъ удовлетвореніе, которая въ концѣ концовъ выдвинется на первое мѣсто, въ одинъ прекрасный день сможетъ превратить рабочихъ въ адептовъ любой партіи. Мнѣ кажется, что правительство въ своихъ политическихъ расчетахъ не должно игнорировать этого соображенія". Мы можемъ оставить безъ вниманія предразсудки прокурора, который, напримѣръ, даже не зналъ всей неосновательности ходячей ліонской сплетни о мнимомъ соглашеніи между соціалистами и легитимистами, и который изучалъ исторію по папкамъ съ судебными дѣлами. Но онъ сумѣлъ прекрасно разглядѣть классовую солидарность, связывавшую воедино

ліонскихъ рабочихъ, и понять, что эта сознательная солидарность составляетъ прямое наслѣдіе революціоннаго движенія 1848 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предчувствовалъ, что при современныхъ условіяхъ промышленности борьба можетъ въ дальнѣйшемъ только обостриться.

Когда въ февралѣ 1853 года прибылъ изъ Бордо замѣститель этого прокурора, то и онъ принужденъ былъ признать наличность тѣхъ же симптомовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего прибытія онъ указывалъ, что правительство имѣло противъ себя, кромѣ разныхъ людей безъ опредѣленныхъ занятій, «значительную часть рабочихъ, по существу порядочныхъ людей, но сбитыхъ съ толку старыми традиціями и проповѣдью 1848 года. Эти люди, — говорилъ онъ, — убѣждены, что общество устроено несправедливо, и что рабочій не получаетъ причитающейся ему доли... У нихъ замѣчается нѣкоторая приподнятость рѣчи, но, главнымъ образомъ, глубокое убѣжденіе въ томъ, что въ ближайшемъ будущемъ должна возобладать какая-нибудь соціалистическая система. Въ настоящее время рабочій является коммунистомъ или соціалистомъ, подобно тому какъ буржуа до 1789 г. былъ философомъ» (декабрьскій отчетъ 1853 г.)

Въ болѣе пестрой средѣ парижскаго пролетаріата настроеніе было, конечно, болѣе сложнымъ. У столичныхъ рабочихъ не замѣчается того рѣзкаго и проникнутаго идеей классовой противоположности настроенія, которое съ начала XIX вѣка всегда было характерно для ліонскихъ рабочихъ. Ни въ сочиненіяхъ Одигана, ни въ книгѣ Венсара о «Парижскихъ Рабочихъ», ни въ небольшомъ томикѣ Компаньона о «Трудящихся классахъ», ни въ составленномъ Кошеномъ резюме всѣхъ сочиненій о рабочемъ классѣ, вышедшихъ около 1860 г., мы не нашли указаній на враждебныя или даже явно оппозиціонныя отношенія рабочихъ къ классу предпринимателей. Такое настроеніе отчасти объясняется господствомъ въ Парижѣ мелкой промышленности и постоянною взаимною близостью между ремесленниками, мелкими хозяевами и рабочими, которая сохранялась несмотря на переворотъ, произведенный въ столицѣ Османомъ.

Значитъ ли это, что парижскіе рабочіе забыли про іюньскіе дни 1848 г.? Значитъ ли это, что они по своему не испытывали на себѣ дѣйствія новаго промышленнаго развитія и что они не пытались хотя бы идейнымъ путемъ реагировать на ростъ капитализма, революціонизировавшаго ихъ существованіе? Ничуть; но дѣло въ томъ, что классовое сознаніе парижскихъ рабочихъ выражалось тогда въ совершенно специфической формѣ.

По моему мнѣнію, лучше всѣхъ охарактеризовалъ это настроеніе, не замѣчая впрочемъ всѣхъ его политическихъ послѣдствій, Корбонъ въ недостаточно оцѣненныхъ главахъ своей книги «Тайна Парижскаго Населенія», вышедшей въ 1863 году. Изучая во второй части своего сочиненія «вопросъ о трудѣ по взглядамъ народа», Корбонъ отмѣчаетъ различныя фазы въ развитіи соціализма, первую проповѣдь сенъ-симонистскихъ и фурьеристскихъ идей, энтузіазмъ 1848 г. и всѣ перипетіи коммунизма. Затѣмъ переходя къ тому, что онъ называетъ второй фазой, онъ указываетъ, что изъ всего этого движенія рабочій классъ сохранилъ вѣру «въ возможность извѣстной организаціи труда» (стр. 120). Тогда среди рабочаго класса сложились три системы,

„которыя представляютъ, по словамъ Корбона, соціализмъ въ слабѣйшей его формѣ, такъ какъ онѣ касаются только условій физическаго труда и не выходятъ за предѣлы внутреннихъ интересовъ мастерской".

Это три системы суть: рабочая ассоціація, право на трудъ и корпоративная организація. Изъ этихъ трехъ системъ „первыя двѣ проникли въ народъ благодаря вліянію соціалистическихъ школъ, а мысль о возстановленіи корпорацій зародилась въ самой парижской мастерской" (стр. 121). Въ 1848 году рабочій классъ сильнѣе всего увлекался идеей ассоціаціи, но этотъ энтузіазмъ быстро охладѣлъ; право на трудъ сохраняло извѣстное обаяніе еще въ 1863 году; но «ближе всего сердцу парижскаго рабочаго идея корпораціи». Не то, чтобы они дѣйствительно стремились къ возстановленію корпорацій, уничтоженныхъ революціей,—такое желаніе характерно только для реакціонныхъ теоретиковъ,—но о чемъ они сожалѣютъ, когда выражаютъ сожалѣніе по поводу исчезновенія корпорацій, такъ это о возможности коллективнаго сопротивленія, которое, какъ имъ теперь кажется, обезпечивалось существованіемъ корпорацій; они желаютъ, какъ это отмѣчаетъ Корбонъ, добиться возможности отстаивать свой „человѣческій капиталъ" отъ безстыдной эксплуатаціи. Они замѣчаютъ, что „повсюду, гдѣ существуютъ остатки корпоративныхъ учрежденій, вродѣ компаньонажа, или извѣстный корпоративный духъ и традиція, заработная плата стоитъ на большей высотѣ, чѣмъ тамъ, гдѣ не существуетъ ни компаньонажа, ни традиціи, ни корпоративнаго духа" (стр. 149). Они признаютъ, „что духъ сопротивленія настолько же мощно охранялъ человѣческій капиталъ и хорошую работу, насколько неограниченная свобода конкурренціи имѣла роковое значеніе для способностей и темперамента рабочаго" (стр. 150). И если нѣкоторые изъ нихъ, не удержавшись на наклонной плоскости, доходятъ до требованія старинной регламентаціи, то большинство вмѣстѣ съ Корбономъ признаетъ, что не слѣдуетъ заходить дальше „сохраненія чувства солидарности, какъ средства, способнаго обуздать неограниченное примѣненіе системы экономистовъ".

Я считалъ нужнымъ привести эти выдержки изъ книги Корбона, такъ какъ, по моему мнѣнію, онѣ удачно характеризуютъ настроеніе парижскихъ рабочихъ около 1860 года. Повторяю, парижскіе рабочіе не проявляютъ къ своимъ хозяевамъ враждебныхъ чувствъ, хотя бы отдаленнымъ образомъ напоминающихъ понятную вражду ліонскихъ кустарей къ скупщикамъ. Но они, подобно всѣмъ остальнымъ рабочимъ, страдаютъ отъ несоотвѣтствія между заработной платой и дороговизной жизни; они страдаютъ и матеріально, и морально въ виду утраты прежняго положенія, и они инстинктивно ищутъ въ корпоративномъ единеніи и въ профессіональной солидарности средства къ сопротивленію. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что многіе изъ нихъ въ качествѣ квалифицированныхъ рабочихъ, гордившихся своей работой и искусствомъ, имѣвшихъ высокое представленіе о своей трудовой роли, тяготились унизительнымъ положеніемъ, въ которое ставилъ ихъ законъ и которое съ каждымъ днемъ еще ухудшалось благодаря экономической эволюціи. Классовое сознаніе парижскаго пролетарія выражалось тогда, пожалуй, не столько въ стремленіи къ оппозиціи и борьбѣ,

сколько въ чувствѣ собственнаго достоинства и гордости. Равенство передъ закономъ и равенство въ общественныхъ нравахъ—таковы, какъ мы увидимъ ниже, были любимыя формулы парижскихъ рабочихъ.

Въ 50-ые годы это настроеніе постоянно прорывалось наружу по поводу всевозможныхъ событій повседневной жизни. Когда, напримѣръ, парижскіе рабочіе благодаря переустройству Парижа принуждены были перебраться въ отдаленные кварталы, они высказывали по этому поводу горькія жалобы и отказывались селиться въ рабочихъ городкахъ и рабочихъ жилищахъ, считая режимъ этихъ „казармъ“ противнымъ своему достоинству. То же чувство собственнаго достоинства, то же стремленіе къ возвышенію своего класса и къ его моральному подъему заставляло многихъ рабочихъ стремиться къ образованію, основывать собственныя библіотеки или требовать открытія муниципальныхъ библіотекъ, а также читать „Panthéon des Ouvriers“ или „Nation“, которые издавалъ для нихъ въ 1858 году одинъ издатель.

Кто знакомъ съ парижскими рабочими, тому извѣстно, что среди нѣкоторыхъ цеховъ всѣ эти мысли и настроенія сохранились до сихъ поръ. Онѣ представляютъ точное выраженіе промышленнаго уклада столицы и во всѣ времена составляли умственный багажъ очень многихъ парижскихъ рабочихъ. Здѣсь на лицо традиція, которую нетрудно прослѣдить отъ царствованія Луи-Филиппа и вплоть до нашихъ дней, и которая выступаетъ во всѣ эпохи то самостоятельно, то въ формѣ противоположенія соціалистическимъ школамъ и партіямъ. Въ 40-ыхъ годахъ этимъ чисто парижскимъ духомъ проникнуты были сотрудники небольшихъ рабочихъ газетъ „L'Atelier“ (Мастерская), „La Fraternité“ (Братство), „L'Union“ (Единеніе), „La Ruche Populaire“ (Народный Улей), всѣ эти скромные и убѣжденные пролетаріи, „рѣшившіеся самостоятельно выступить въ защиту своего дѣла передъ лицомъ общественнаго мнѣнія“. И далеко не случайнымъ является то обстоятельство, что истолкователемъ настроенія и стремленій парижскихъ рабочихъ въ 1863 году явился именно Корбонъ, одинъ изъ сотрудниковъ „Мастерской“. И вотъ, въ такое время, когда для радужныхъ надеждъ и для широкихъ освободительныхъ замысловъ не было почвы, когда при вынужденномъ затишьѣ соціалистической пропаганды рабочіе потеряли возможность задумываться „надъ общей стороной вопросовъ“, „схватывать ихъ грандіозныя очертанія“ или „расширять ихъ перспективу“, согласно ихъ своеобразнымъ опредѣленіямъ, которыя приводитъ Одиганъ, они чаще начали задумываться надъ своимъ собственнымъ положеніемъ, надъ тѣмъ мѣстомъ, которое они занимаютъ въ обществѣ, они начали сознавать свою настоящую роль—и изъ этого сознанія, озарившаго многихъ только въ самое послѣднее время, они извлекли въ эти годы новый руководящій принципъ дѣятельности.

Итакъ, въ той или иной формѣ, въ видѣ ли неугасимой вражды, какъ въ ліонскомъ промышленномъ районѣ, или же въ видѣ традиціонной цеховой гордости, какъ у парижскихъ рабочихъ, вліяніе капиталистическаго развитія на тогдашній пролетаріатъ одинаково сказывалось въ видѣ новопоявившагося чувства классовой солидарности.

Какимъ же образомъ должно было выразиться и проявиться это настроеніе? Къ какимъ формамъ дѣятельности оно должно было по преимуществу толкнуть рабочій классъ? И въ какой мѣрѣ режимъ Второй

Имперіи могъ допускать проявленіе рабочей инціативы? Здѣсь-то и начинается драма.

Въ первые годы Имперіи рабочіе были такъ же скованы по рукамъ и ногамъ въ экономической области, какъ и въ политической.

Въ 1847—1850 г.г. рабочіе сильно увлекались производительными ассоціаціями; одни усматривали въ нихъ непосредственныя выгоды, надѣясь съ ихъ помощью добиться большей независимости и болѣе высокой оплаты труда; большинство же кромѣ того видѣло въ нихъ средство къ мирному устраненію хозяевъ. Но императорское правительство, враждебно относившееся ко всякой организаціи рабочихъ, обрушилось на большую часть этихъ скромныхъ товариществъ. Въ Ліонѣ маршалъ Кастелянъ безъ дальнихъ разговоровъ закрылъ всѣ рабочія ассоціаціи; въ другихъ мѣстахъ ихъ всячески донимали и преслѣдовали подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ не сообразуются со статьей 19 Торговаго Устава, и принуждали ихъ ликвидировать свои дѣла; наконецъ, наиболѣе робкія и запуганныя ассоціаціи закрылись сами. Въ 1855 году изъ 39 парижскихъ ассоціацій, получившихъ въ 1848 субсидію отъ государства, оставалось только 9, а въ іюнѣ 1863 года не болѣе трехъ. За періодъ отъ 1851 до іюня 1863 года основано было только 8 обществъ. Съ какимъ рискомъ сопряжено было ихъ существованіе, не трудно догадаться. Въ 1858 г. послѣ покушенія Орсини администраторъ одной ассоціаціи былъ арестованъ только за свой титулъ; основателямъ Общества взаимнаго Кредита, задачей котораго было собрать необходимый капиталъ для основанія въ будущемъ производительной ассоціаціи, пришлось въ 1857 году обсуждать свой уставъ на тайныхъ собраніяхъ въ Венсенскомъ лѣсу и въ Монтрейлѣ, причемъ сходки охранялись сторожевыми пикетами изъ ихъ женъ. Притомъ эта форма товарищества не была одинаково примѣнима во всѣхъ ремеслахъ. А неудачи, постигавшія однѣ ассоціаціи, и буржуазное вырожденіе другихъ, превращавшихся въ мелкихъ предпринимателей и жестоко эксплуатировавшихъ своихъ наемныхъ помощниковъ, ясно показывали, что пролетаріи не могутъ ждать отъ этихъ товариществъ общаго подъема своего класса.

Низкій размѣръ заработной платы, колебанія рынка, весь характеръ промышленнаго развитія—все это должно было толкать рабочихъ того времени къ боевой дѣятельности, къ активной защитѣ своихъ профессіональныхъ интересовъ, словомъ, къ синдикальной организаціи.

Но правдѣ сказать, за послѣдніе годы эта форма дѣятельности была совершенно заброшена. Въ ту эпоху, когда пролетаріи ждали отъ республики установленія соціальнаго равенства, а также черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда наиболѣе увлекшіеся изъ нихъ расчитывали быстро устранить предпринимателей, они, конечно, нимало не интересовались борьбой за повышеніе заработной платы. Но республика не принесла съ собой соціальнаго равенства; производительныя ассоціаціи погибли; торжествующіе капиталисты воздвигали свое могущество на развалинахъ мелкихъ мастерскихъ и командовали согнанными на фабрики массами рабочихъ; а крупные финансисты господствовали въ государствѣ. Теперь пролетаріатъ только съ большимъ трудомъ могъ отстаивать свое положеніе.

Но какими способами и съ помощью какихъ организацій? Въ прежнія времена союзы подмастерьевъ (компаньонажъ), несмотря на свои

вѣчныя столкновенія и узко-корпоративный духъ, умѣли отстаивать интересы труда. Но развитіе машинизма съ каждымъ днемъ дѣлало все болѣе излишнимъ институтъ ученичества, а тонкая виртуозная работа, составлявшая нѣкогда славу извѣстныхъ ремеслъ, теперь находилась въ полномъ пренебреженіи. Желѣзныя дороги разрушили институтъ Tour de France (поѣздки по странѣ, организуемыя союзами подмастерьевъ). Рабочая молодежь подсмѣивалась надъ старинными обычаями. Попытки Агриколя Пердигье и Шовена возродить прошлое закончились неудачей: компаньонажъ отжилъ свое время, и теперь его партизанамъ оставалось только благоговѣйно собирать красивыя ленты и большія трости!

А между тѣмъ рабочимъ приходилось подумать надъ созданіемъ новыхъ организацій и надъ сплоченіемъ своихъ силъ. Соглашеніе составляетъ для пролетаріата безусловную необходимость и самый жизненный вопросъ.

Рабочіе обратили свои взоры на общества взаимопомощи, пользовавшіяся государственной поддержкой. Правда, правительство запрещало этимъ обществамъ выдавать пособія безработнымъ, а тѣмъ паче забастовщикамъ, но допускало въ нихъ обсужденія профессіональныхъ вопросовъ и вводило туда въ качествѣ почетныхъ членовъ представителей буржуазіи, надѣясь такимъ образомъ обезпечить соціальный миръ. Но это было не важно: эти общества все-таки существовали, ихъ терпѣли, здѣсь можно было встрѣчаться, — и нѣтъ той силы на землѣ, которая можетъ помѣшать двумъ собравшимся вмѣстѣ рабочимъ-пролетаріямъ, въ какомъ-бы то обществѣ ни было, обсуждать вопросъ о своемъ положеніи.

Притомъ и здѣсь также существовала своя традиція: такъ какъ синдикальныя организаціи во Франціи были запрещены, то рабочіе начали объединяться въ профессіональныя общества взаимопомощи; въ иныхъ мѣстахъ этотъ процессъ совершался уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ какъ на этотъ разъ общества взаимопомощи являлись единственно разрѣшенными союзами, то несмотря на всѣ запрещенія и предписанія, они теперь должны были сдѣлаться главными центрами профессіональной самозащиты.

Это явствуетъ изъ цѣлаго ряда примѣровъ. Въ Марселѣ общество св. Клавдія, существовавшее съ 1834 года, общество св. Симона и общество св. Іуды, всѣ три состоявшія изъ дубильщиковъ или кожевниковъ, были проникнуты чисто синдикальнымъ духомъ. Въ 1854 году общество св. Іуды было закрыто за проведенную имъ стачку, повлекшую за собой осужденіе девяти его членовъ; тогда всѣ рабочіе примкнули къ обществу св. Клавдія, которое съ величайшимъ искусствомъ ускользало отъ бдительнаго надзора мѣстныхъ властей. Въ 1855 году члены зало преслѣдуемые полиціей, ночью выѣхали на лодкахъ въ открытое море и тамъ обсуждали свои дѣла у маяка св. Маріи. Но въ 1856 году администраторы общества подверглись судебному преслѣдованію, его книги были захвачены полиціей, и союзъ долженъ былъ присмирѣть, но упорно продолжалъ свое существованіе.

Въ Парижѣ Всеобщій союзъ рабочихъ-шляпниковъ, закрытый въ 1851 г. и затѣмъ снова разрѣшенный въ 1852 году, былъ окончательно распущенъ приказомъ префекта полиціи въ 1853 году за матеріальную поддержку частичной забастовки. И если въ 1855 году во время боль-

шой стачки на мѣднолитейныхъ заводахъ, вызванной требованіемъ рабочихъ замѣнить угольную пыль крахмаломъ, если тогда общество взаимопощи рабочихъ-мѣднолитейщиковъ избѣгло той же участи, то этотъ счастливый исходъ объясняется тѣмъ, что организаторы, изъ коихъ 60, впрочемъ, было осуждено, выступали всегда отъ собственнаго имени, а не отъ имени общества.

Да и въ обычной жизни общества взаимопомощи сплошь и рядомъ дѣйствовали въ качествѣ настоящихъ тайныхъ синдикатовъ. Въ 1859 году ліонскіе рабочіе, путемъ молчаливаго саботажа и требованія расчета по пустяшнымъ поводамъ, добились отъ одного изъ хозяевъ увольненія шести рабочихъ, не состоявшихъ членами общества. Дознаніемъ, произведеннымъ въ Тарасконѣ въ 1855 году, было даже установлено, что ассоціація шляпниковъ имѣла уставъ, въ силу котораго всякій рабочій, работавшій за низшую, чѣмъ установленная союзомъ, плату или въ бойкотируемой мастерской, приговаривался къ пятифранковому штрафу, а имя его оглашалось повсюду.

Такимъ образомъ рабочіе использовали общества взаимопомощи для защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ. Въ исторіи профессіональныхъ союзовъ того времени всякая сознательная стачка (подъ этимъ названіемъ я разумѣю всякую стачку, которая не является стихійной вспышкой безпощадно эксплуатируемаго пролетаріата, а напротивъ, представляетъ обдуманное движеніе съ цѣлью добиться сокращенія рабочаго времени или измѣненія въ условіяхъ труда) оказывается дѣломъ общества взаимопомощи. Въ декабрѣ 1856 года ліонскій прокуроръ, приводя въ подтвержденіе своего мнѣнія цѣлый рядъ доказательствъ, заявляетъ, что общества взаимопомощи являются „обычными пособниками всяческихъ коалицій и источникомъ тайныхъ сообществъ“. И всѣ коллеги этого прокурора, всѣ эти преданные чиновники, которымъ прежде всего поручалось слѣдить за рабочей массой, а съ другой стороны, предписывалось поощрять развитіе обществъ взаимопомощи, задавали себѣ тревожный вопросъ, насколько послѣдовательной является эта двуликая политика.

Да позволено мнѣ будетъ привести по этому поводу еще нигдѣ не опубликованный документъ, наглядно выясняющій какъ тотъ духъ, которымъ проникнуты были рабочія общества взаимопомощи, такъ и тревожное настроеніе чиновничества. Я нашелъ его въ политическомъ отдѣлѣ архива министерства юстиціи, недавно переданнаго на храненіе въ Національный Архивъ.

На плюшевой фабрикѣ нѣкоего Мартэна въ Тарарѣ въ апрѣлѣ 1848 г. произошла стачка, закончившаяся побѣдой рабочихъ. Послѣдніе, воспользовавшись блестящимъ положеніемъ дѣлъ въ 1849, 1850 и 1851 г., добились незначительнаго повышенія заработной платы; но въ 1852 г. съ наступленіемъ мертваго сезона фабрикантъ, расчитывая на поддержку новаго правительства и увѣренный, что теперь рабочіе потерпятъ пораженіе, рѣшилъ понизить заработную плату на 3%, провоцировалъ своихъ рабочихъ на забастовку и отказался отъ какихъ бы то ни было уступокъ. Онъ одержалъ верхъ: его побѣдѣ способствовали нѣсколько ренегатовъ, согласившихся продолжать работу.

Но вотъ, черезъ пять лѣтъ, въ январѣ 1857 года, четверо рабочихъ были исключены изъ общества взаимопомощи, въ которое входили

всѣ рабочіе этой фабрики. И члены общества прямо признали, что они исключили этихъ товарищей за то, что тѣ работали во время стачки. Объ этомъ фактѣ донесъ куда слѣдуетъ хозяинъ фабрики въ прошеніи, которое дошло до насъ. Это прошеніе, между прочимъ обнаруживающее довольно комичное хозяйское міровоззрѣніе, бросаетъ яркій свѣтъ на ту тактику, которую проводили рабочіе въ обществахъ взаимопомощи. «На нашихъ фабрикахъ,—писалъ хозяинъ,—нельзя принять ни одной мѣры, которую общества въ лицѣ своихъ зачинщиковъ не подвергали бы обсужденію на своихъ неоффиціальныхъ собраніяхъ; ни одинъ инцидентъ между рабочимъ и хозяиномъ не происходитъ безъ того, чтобы рабочая часть совѣта прюдомовъ не обсудила его и не дала своего заключенія; и если она находитъ это удобнымъ, она (какъ мы неоднократно это наблюдали) оффиціально настаиваетъ на томъ, чтобы рабочій, какъ они говорятъ, въ общихъ интересахъ не соглашался на полюбовную сдѣлку, но отправлялся къ прюдомамъ оспаривать регламентъ, противъ котораго существуетъ постоянный заговоръ и который они признаютъ лишь постольку, поскольку онъ говоритъ за нихъ, а не противъ нихъ».

«Такіе факты представляютъ большую опасность въ фабричныхъ центрахъ, вродѣ нашего, гдѣ традиція увѣковѣчиваетъ идеи 1848 года о раздѣлѣ имуществъ, а также враждебную дисциплину и остатки болѣе или менѣе тайныхъ организацій того же времени, которымъ только и нужна какая-нибудь легальная форма для прикрытія и дальнѣйшаго развитія».

Ліонскій генеральный прокуроръ, пересылая это прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ, сопроводилъ его докладомъ, въ которомъ ясно сказывается тревожное настроеніе тертаго бюрократа, хорошо знающаго слабое мѣсто правительственной брони. Этотъ небольшой докладъ не лишенъ остроумія; приводимъ главное его мѣсто:

„Я знаю,—пишетъ прокуроръ,—что общества взаимопомощи составляютъ любимое дѣтище правительства. Но семью обыкновенно и губятъ баованныя дѣти; родители закрываютъ глаза на ихъ недостатки и смотрятъ сквозь пальцы на ихъ заблужденія до тѣхъ поръ, когда горю уже нельзя пособить. Конечно, мысль о возможности пріучитъ пролетарія къ самопомощи на случай болѣзни и старости весьма соблазнительна; пріятно думать, что можно избавиться отъ тайныхъ сообществъ путемъ основанія разрѣшенныхъ обществъ; и пріятно было бы надѣяться, что можно создать гигантскую ассоціацію, преданную правительству. Къ сожалѣнію, всѣ эти производные результаты далеки отъ мысли людей, получающихъ правительственную поддержку. Они принимаютъ предлагаемое имъ оружіе, но имѣютъ въ виду воспользоваться имъ по своему усмотрѣнію; а пользуются они имъ въ интересахъ своихъ злоумышленныхъ стремленій. Это совершенно естественно. Въ рабочемъ классѣ, въ той массѣ, которая пополняетъ эти общества, преобладающая, единственная, дѣйствительно могучая страсть—это вражда ко всякому превосходству и ко всякому правительству. Эта черта обща имъ всѣмъ и она-то и придаетъ имъ силу. Эта сила имѣетъ за себя численность своихъ сторонниковъ, ихъ алчность, химерическія надежды, ложное сознаніе своего права, наконецъ, то мужество, которое обычно

въ этой странѣ и которое охотно готово устремиться по любому направленію. Ему не хватаетъ только организаціи; и вотъ, мнимыя общества взаимопощи даютъ ему эту организацію".

Итакъ, прокуроръ опредѣленно указываетъ на то, что рабочіе стремятся превратить разрѣшенное, состоящее подъ надзоромъ и легализованное общество взаимопомощи въ синдикальную организацію; а тарарскіе рабочіе настолько увѣрены въ своихъ правахъ на общество взаимопомощи, что изгоняютъ изъ него ренегатовъ и измѣнниковъ своему классу, точно такъ же, какъ они исключили бы ихъ изъ синдикатовъ.

Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ исключеніемъ: надзоръ слишкомъ строгъ, а мѣры предосторожности приняты слишкомъ удачно для того, чтобы рабочій классъ могъ открыто предпринимать регулярныя коллективныя выступленія. Далеко не вездѣ можно придать обществамъ взаимопомощи профессіональный характеръ. А между тѣмъ рабочіе испытываютъ жгучую потребность въ коллективныхъ дѣйствіяхъ и боевыхъ организаціяхъ: заработная плата падаетъ слишкомъ низко, а жить становится невозможно!

Тогда во многихъ случаяхъ безъ всякой предварительной подготовки, просто подъ давленіемъ необходимости и за отсутствіемъ всякаго иного исхода, въ самыхъ различныхъ пунктахъ вспыхиваютъ коалиціи и забастовки, принимающія иногда характеръ настоящихъ бунтовъ.

Администрація Второй Имперіи не вела статистики стачекъ; она знала только дѣла о судебныхъ преслѣдованіяхъ за номеромъ такимъ-то. Въ 1853 году суды разсмотрѣли 109 дѣлъ о коалиціяхъ; въ 1854 г.—68; въ 1855—168 дѣлъ: дѣло въ томъ, что это былъ годъ выставки, т. е. годъ самаго усиленнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ годъ максимальной разницы между размѣромъ заработной платы и дороговизной жизни. Въ 1856 году количество судебныхъ процессовъ падаетъ до 73; въ 1857 г. (годъ кризиса)—55; въ 1858 г.—53; въ 1859—58; въ 1861—63; въ 1862—44; въ 1863—29; въ 1864—21. Это—годы терпимаго отношенія, предшествующаго легальному разрѣшенію рабочихъ коалицій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что значительное число коалицій не влекло за собой судебнаго преслѣдованія. Если вѣрить заявленію правительственнаго комиссара Корнюдэ во время обсужденія закона 1864 года, то судебныя преслѣдованія представляли даже исключеніе. „Въ иныхъ случаяхъ,—говорилъ онъ,—хозяева сами отклоняютъ поддержку законовъ, а въ другихъ суды изъ опасенія подлить масла въ огонь воздерживались отъ всякаго репрессивнаго вмѣшательства". А съ начала 1862 года неоднократное помилованіе императоромъ осужденныхъ забастовщиковъ побуждало большинство судей выносить оправдательные приговоры.

Документы, собранные изслѣдователями изъ Департамента Труда въ изданныхъ ими четырехъ томахъ монографій о „Профессіональныхъ Союзахъ", а съ другой стороны, донесенія генеральныхъ прокуроровъ вплоть до 1857 года позволяютъ составить себѣ представленіе о характерѣ этихъ стачекъ и объ отношеніи къ нимъ правительства въ періодъ самодержавной Имперіи.

Администрація, вопреки увѣреніямъ господина Корнюдэ, всегда готова была прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ, вопервыхъ, потому,

что стачка была проявленіемъ недисциплины и мятежа, а во вторыхъ, и главнымъ образомъ, потому, что „враги общественнаго спокойствія“ естественно должны были хвататься за эти благопріятные случаи „для возбужденія массъ“. Ни одна изъ коалицій, упомянутыхъ за эти годы авторами „Профессіональныхъ союзовъ“, не обошлась безъ своей порціи судебныхъ преслѣдованій и обвинительныхъ приговоровъ. Какъ только вспыхивала стачка, прокуроры начинали метаться какъ угорѣлые, а министерство засыпало ихъ письмами, требуя подробныхъ и обстоятельныхъ донесеній. Несмотря на усердные поиски нашего товарища Пьера Карона въ Національномъ Архивѣ, намъ не удалось отыскать серію дѣлъ о Коалиціяхъ, которая несомнѣнно составлялась въ министерствѣ юстиціи (какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ ссылки на эти документы); но настроеніе прокуроровъ ясно обнаруживается изъ ихъ полугодичныхъ отчетовъ.

Они, конечно, возбуждаютъ преслѣдованія и добиваются обвинительныхъ приговоровъ, но въ тоже время они отдаютъ себѣ отчетъ въ недѣйствительности, а во многихъ случаяхъ и въ несправедливости своего вмѣшательства. «За истекшій мѣсяцъ,—писалъ ліонскій прокуроръ 3 іюня 1852 года,—удалось напасть на слѣды коллективнаго дѣйствія рабочаго класса для защиты своей заработной платы. Какъ только возникаетъ подобный вопросъ, онъ кончается коалиціей. Властямъ пришлось реагировать (именно реагировать, а не принимать строгія мѣры, потому что къ такимъ явленіямъ слѣдуетъ прикасаться бережной и осторожной рукой) на стачки каменщиковъ, плотниковъ, землекоповъ и набивщиковъ тканей».—По поводу стачки шахтеровъ въ Ривъ-де-Жирѣ тотъ же прокуроръ пишетъ 3 іюля 1852 года, что здѣсь дѣло идетъ «объ одномъ изъ тѣхъ деликатныхъ вопросовъ о заработной платѣ, въ которыхъ заключается, пожалуй, одна изъ серьезнѣйшихъ политическихъ проблемъ, и отъ которыхъ зависитъ судьба цѣлыхъ отраслей промышленности».

Но были даже и такіе случаи, когда генеральные прокуроры, вообще неспособные къ безпристрастной оцѣнкѣ событій, принуждены были, по крайней мѣрѣ въ глубинѣ души, признавать правоту рабочихъ. Когда лѣтомъ 1852 года вспыхнула бурная стачка въ Виллерѣ, гдѣ солдаты аттаковали въ штыки рабочихъ, вооруженныхъ вилами и кольями, прокуроръ долженъ былъ признать, что «господинъ Кехлинъ, въ виду своего исключительно благопріятнаго матеріальнаго положенія, могъ бы приличнѣе всякаго другого оплачивать своихъ рабочихъ. Мнѣ пришлось,—прибавляетъ онъ, прямо намекнуть ему на это» (BB 30/404). Во время стачки ліонскихъ каменотесовъ въ 1855 году спеціальный комиссаръ въ своемъ донесеніи префекту замѣчалъ, что если съ точки зрѣнія закона забастовщики оказываются виновными, то въ дѣйствительности «это—безобидные люди, безжалостно эксплуатируемые своими хозяевами, толкнувшими ихъ, какъ въ ловушку, въ эту стачку, изъ которой выгоду должны были извлечь, главнымъ образомъ, хозяева, а слѣдовательно, это — люди, заслуживающіе всяческаго попеченія со стороны администраціи».

Итакъ, неужели императорское правительство, столь озабоченное улучшеніемъ положенія бѣдныхъ классовъ, оставитъ рабочихъ на про-

изволъ судьбы? Неужели оно отдастъ ихъ связанными по рукамъ и ногамъ въ жертву необузданной конкурренціи и суровой эксплуатаціи финансоваго феодализма?

Наиболѣе сознательные рабочіе отнюдь не требовали вмѣшательства закона въ область вопроса о заработной платѣ. Только въ Ліонѣ рабочіе еще добивались установленія тарифа или, по крайней мѣрѣ, справочныхъ цѣнъ (BB 30/407). Но чего въ общемъ добивался съ 1852 г. французскій пролетаріатъ въ экономической области, такъ это большей свободы дѣйствій и болѣе дѣйствительнаго равенства передъ закономъ. Онъ требовалъ права самозащиты, признаннаго и внесеннаго въ законы права объединяться въ союзы—временные во время стачки и постоянные въ видѣ профессіональныхъ синдикатовъ. Въ концѣ 50-ыхъ годовъ къ этому сводились пожеланія всѣхъ рабочихъ; и можно сказать, что эти требованія были прямо подсказаны имъ матеріальными и моральными условіями ихъ существованія.

Но такое пожеланіе должно было поставить императорское правительство въ особенно щекотливое положеніе. Свобода внушаетъ больше всего тревоги деспотическимъ правительствамъ, которыя, по извѣстному выраженію, прекрасно понимаютъ, что съ нею никакъ нельзя полюбовно раздѣлиться. Покуда дѣло шло о доставленіи рабочему классу хлѣба и зрѣлищъ, работы и славы, все обстояло благополучно. Всѣ классы общества могли находить это для себя выгоднымъ, а вѣдь Имперія только и стремилась, что къ удовлетворенію всѣхъ классовъ. Но могъ-ли императоръ, покровитель торговли и промышленности, признать законными коалиціи и допустить свободу рабочаго протеста? Онъ хорошо сознавалъ, что общественныя работы не успѣли снискать ему симпатій рабочаго класса; онъ ясно видѣлъ, что многіе рабочіе сохраняютъ вѣрность республиканской партіи; конечно,—думалъ онъ,—его демократическіе совѣтники, которые въ свое время подали ему мысль привлечь къ себѣ демократію славой, а въ 1859 г., во время отъѣзда въ Италію, обезпечили ему овацію парижскаго населенія, дѣятели Пале-Рояля и друзья принца Наполеона, несомнѣнно правы, убѣждая его пойти навстрѣчу соціальнымъ требованіямъ, установить союзъ между Имперіей и пролетаріатомъ и проводить политику цезаристскаго соціализма; но опять-таки, развѣ это не значитъ бросать палки въ колеса промышленнаго прогресса?... И кто можетъ съ увѣренностью утверждать, что такимъ образомъ снова не будетъ проложенъ путь революціонному потоку? Вѣдь заявлялъ же прямо ліонскій прокуроръ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ: «всѣ мѣры, способныя произвести укрощающее, сглаживающее и угашающее дѣйствіе, должны быть примѣнены для борьбы со страстями, бродящими въ нашихъ рабочихъ: необходимо отнять у нихъ всякій предлогъ къ сборищамъ и совмѣстнымъ обсужденіямъ; по возможности не допускать никакихъ проявленій коллективныхъ дѣйствій; не признавать ихъ какимъ-нибудь особымъ классомъ». Можно, пожалуй, сказать, что въ этомъ-то и заключалась дѣйствительная программа Второй Имперіи.

Императоръ колебался между свободой, которая одна только способна была обезпечить ему симпатію рабочаго класса, и авторитарной традиціей буржуазіи. Для того, чтобы онъ принялъ, наконецъ, окончательное рѣшеніе и сдѣлалъ шагъ впередъ, снова долженъ былъ заговорить династическій интересъ; требовалось, чтобы поддержка

рабочаго класса признана была необходимой для осуществленія какого-нибудь императорскаго проекта. А въ 1860 году императору какъ разъ и нужно было, чтобы рабочій классъ могъ возвысить свой голосъ. Подобно тому, какъ 1859 г. съ республиканцевъ снятъ былъ намордникъ, потому что они, какъ въ этомъ правительство было увѣрено, должны были высказаться въ смыслѣ благопріятномъ для замысловъ императора и составить противовѣсъ католическимъ притязаніямъ, точно такъ же въ 1860 году рабочимъ дозволено было заговорить потому, что самые сознательные и просвѣщенные изъ нихъ должны были несомнѣнно высказаться въ пользу фритредерскихъ теорій и противъ оппозиціи протекціонистовъ. Или я глубоко заблуждаюсь, или же именно этими соображеніями объясняются первыя поблажки рабочему классу.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ эти годы рабочій классъ однимъ уже фактомъ своего численнаго роста и упорнымъ стремленіемъ къ организаціи все сильнѣе привлекалъ къ себѣ вниманіе писателей, мыслителей и политическихъ дѣятелей; объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы значительное количество сочиненій, появившихся около 1860 года и посвященныхъ рабочему вопросу. Несомнѣнно далѣе, что совершившійся за 1860—1863 г.г. быстрый переходъ отъ чисто профессіональныхъ требованій къ политической дѣятельности объясняется исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что рабочій классъ созналъ свою силу. Но и здѣсь, какъ и въ 1859 году съ республиканцами, первый щелчокъ по носу, если такъ позволено будетъ выразиться, былъ данъ изъ Пале-Рояля; въ этотъ моментъ разрѣшеніе дѣйствовать и вызвать на разговоръ другихъ дано было друзьямъ принца Наполеона.

По всей вѣроятности, отчеты генеральныхъ прокуроровъ, относящіеся къ концу 50-ыхъ и началу 60-ыхъ годовъ, содержатъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія. Въ настоящій моментъ ими невозможно еще пользоваться; но отчеты за годы 1852—1856, выдаваемые публикѣ для справокъ, уже сообщаютъ иногда кое-какія пикантныя указанія. Такъ, изъ нихъ въ частности видно, что, когда въ 1855 и 1856 году правительство начало дѣлать первые шаги по фритредерскому пути и пустило нѣсколько пробныхъ шаровъ, его чиновники немедленно указали ему на грозящую опасность: хозяева и рабочіе готовы столковаться и совмѣстно выступить противъ правительства! А это приведетъ къ потрясенію всей императорской политики и всей системы государственнаго переворота, которая именно и заключается въ томъ, чтобы пріучить всѣ классы, изолированные и разрозненные, ни отъ кого ничего не ждать, кромѣ какъ отъ правительства (ср. въ частности отчеты прокурора Дуэ за 1856 г.). И весьма вѣроятно, что когда въ 1860 г. императоръ произвелъ свой торговый coup d'état, и когда на сцену выступила оппозиція протекціонистовъ, вниманіе правительства должно было направиться именно въ эту сторону. Для него дѣло шло о томъ, чтобы найти въ рабочемъ классѣ опору противъ протекціонистовъ.

Теперь слѣдуетъ пунктъ за пунктомъ и изо дня въ день прослѣдить надвигающіяся событія: они имѣютъ капитальное значеніе въ исторіи рабочаго класса.

Какъ я уже говорилъ, первую кампанію рабочаго имперіализма слѣдуетъ приписать дѣятелямъ Пале-Рояля. Приблизительно до 1860 года

Арманъ Леви, лицо близкое къ принцу Наполеону, нѣкогда выступавшій ораторомъ въ клубахъ 1848 года, могъ проводить эти идеи только въ газетѣ Espérance, издававшейся въ Швейцаріи. Открыто, въ защиту этой затѣи должна была выступить газета Пале-Рояля Opinion Nationale, основанная въ 1859 году сенъ-симонистомъ Геру, главнымъ образомъ для защиты итальянскаго дѣла. Opinion Nationale привлекла въ составъ своихъ сотрудниковъ Армана Леви, и главнымъ образомъ посредничеству послѣдняго обязано появленіе первыхъ «рабочихъ брошюръ».

Онъ, конечно, старался выяснить тѣмъ парижскимъ рабочимъ, которые согласны были его слушать, тѣсную и фатальную связь между Имперіей и народомъ; онъ напоминалъ имъ, а быть можетъ, и давалъ читать наполеоновскую брошюру объ «Искорененіи пауперизма», поддерживалъ въ нихъ чувства національнстическаго энтузіазма и интервенціонизма и силился ихъ убѣдить въ томъ, что стоитъ только поставить императора въ извѣстность о нуждахъ рабочихъ, и онъ поспѣшитъ немедленно ихъ удовлетворить.

Въ началѣ 1861 года герцогъ Омальскій выпустилъ рѣзкую брошюру, направленную противъ принца Наполеона: это доставило бонапартистскимъ рабочимъ, сторонникамъ Пале-Рояля, первый и вмѣстѣ съ тѣмъ превосходный случай заговорить во всеуслышаніе. Въ отвѣтъ на брошюру герцога Омальскаго пятеро изъ нихъ, наборщикъ Вигье, жестяникъ Шабо, наборщикъ Бертелеми, переплетчикъ Кокаръ и наборщикъ Л. Леруа, вѣроятно по заказу, написали каждый по статьѣ, и всѣ эти статейки, увѣнчанныя воззваніемъ, составили брошюру: «Народъ, Императоръ и Старыя Партіи».

Эта брошюра обнаруживаетъ рѣзко національнстическое настроеніе этихъ рабочихъ. Италія! Польша! Румынія! Наполеонъ, такъ тотъ, по крайней мѣрѣ, во всякое время готовъ прибѣгнуть къ вмѣшательству и поддержать какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ національные и народные интересы. Онъ не похожъ на тѣхъ Бурбоновъ, которые позволяли позорить Францію, какъ напримѣръ въ дѣлѣ Притчарда! Императоръ это не буржуазный принцъ, а народный государь. Онъ признаетъ всеобщее избирательное право: при немъ мы всѣ принадлежимъ къ легальной странѣ, «всѣ немножко императоры». Правда, онъ еще не успѣлъ разрѣшить соціальнаго вопроса, но онъ «ежедневно заявляетъ, что цѣлью всѣхъ его усилій является постепенное улучшеніе положенія всѣхъ». И авторы брошюры довѣряютъ ему: онъ отмѣнитъ ненавистную статью 1.781 Гражданскаго Кодекса, въ силу которой «при возникновеніи споровъ о размѣрѣ заработной платы, по поводу выдачи платы за истекшій годъ и зачетныхъ денегъ за текущій годъ, утвержденію хозяина придается полная вѣра»; онъ учредитъ корпоративныя палаты и пригласитъ народъ свободно выразить свою мысль. «Пусть наши братья-рабочіе присоединятся къ намъ, — восклицаетъ Шабо,—чтобы совмѣстно выразить наши пожеланія и освѣдомить о нашихъ нуждахъ государя, котораго, конечно, напрасно обвиняютъ въ нежеланіи сдѣлать всѣ необходимыя уступки въ пользу рабочаго класса. Ибо, если мы не укажемъ открыто на причины нашихъ страданій, то можно предположить, что онѣ останутся неизвѣстными. Итакъ, мы должны принять мѣры къ тому, чтобы нашъ голосъ дошелъ до императора». А Кокаръ прибавляетъ: «было бы очень грустно, еслибы не-

довѣріе, существовавшее нѣкогда между народомъ и правительствомъ, не исчезло и въ наши дни: народъ отъ этого ничего не можетъ выиграть, а можетъ только помѣшать правительству осуществить задуманныя имъ преобразованія; но если буржуазная олигархія внушаетъ народу недовѣрчивое отношеніе къ его избраннику, то она дѣлаетъ это потому, что ей хотѣлось бы снова заставить его броситься въ свои собственныя объятія, т. е. въ объятія класса, который является самымъ непримиримымъ врагомъ народа и императора. Ибо народъ, какъ и императоръ, хочетъ, чтобы правительство было не правительствомъ какой-нибудь партіи, а правительствомъ всѣхъ».

Довольно съ насъ этой литературы: это первое выступленіе якобы рабочаго класса отнюдь не можетъ доставить намъ особеннаго удовольствія. На авторахъ этихъ заказныхъ статей явно замѣтна Пале-Роялькая ливрея, ихъ подчеркиваемая вѣра въ добрую волю правительства имѣетъ въ себѣ что-то дѣтское, а ихъ «мы всѣ немножко императоры» отдаетъ непроходимой глупостью.

И все-таки къ этимъ людямъ слѣдуетъ отнестись снисходительно. Въ началѣ 60-ыхъ годовъ жизнь для рабочаго класса сдѣлалась прямо невыносимой; матеріальное положеніе было ужасно; малѣйшее движеніе возбуждало подозрѣнія полиціи и администраціи; право коалицій и свобода союзовъ совершенно не существовали; рабочіе все время чувствовали, что ихъ третируютъ какъ низшую породу, что съ ними обращаются какъ съ паріями! Въ виду этого не трудно понять, что нѣкоторые изъ нихъ послѣ популярной итальянской экспедиціи и первыхъ либеральныхъ мѣръ согласились поддержать принца Наполеона и его помощниковъ въ ихъ либерально-демократической политикѣ. И вдобавокъ, развѣ нѣкоторые изъ тогдашнихъ республиканцевъ и даже изъ наиболѣе извѣстныхъ не поступали точно такъ же? И кто посмѣетъ утверждать, что они сумѣютъ въ оправданіе своего поведенія привести столь же уважительныя причины?

Какъ бы тамъ ни было, это рабочіе первые получили возможность заговорить, не рискуя навлечь на себя непріятности; и слѣдуетъ признать, что въ соціальной области они вѣрно выразили ближайшія требованія тогдашняго пролетаріата. Но напрасно они пускались на хитрости и пытались ссылкой на славное заграничное вмѣшательство убѣдить своихъ товарищей-рабочихъ, что императоръ проявитъ такой же демократизмъ и въ области внутренней политики; напрасно они пытались, во исполненіе желаній принца Наполеона, превратить націоналистическій энтузіазмъ парижскаго пролетаріата въ признаніе Имперіи. Воспоминанія декабрьскаго и послѣ-декабрьскаго періода были слишкомъ еще живы для того, чтобъ бонапартистскимъ агитаторамъ удалось увлечь за собой сознательныхъ рабочихъ. Вдобавокъ они еще, какъ говорится, не «набили руку», а ихъ слишкомъ обнаженное холопство должно было оттолкнуть отъ нихъ даже такихъ людей, которые, благодаря своей практической складкѣ и стремленію къ осязательнымъ результатамъ, могли сочувственно смотрѣть на ихъ попытку.

Около того же времени выдвинулся проектъ посылки рабочихъ делегатовъ на Лондонскую Выставку, и почти одновременно вспыхнула громкая стачка парижскихъ наборщиковъ; оба эти событія привлекли

вниманіе общества къ рабочему вопросу и пробудили въ рабочемъ классѣ стремленіе къ самодѣятельности и къ независимости.

Въ 1849 году ліонская торговая палата послала рабочихъ делегатовъ на Парижскую выставку, а въ 1851 году муниципальный совѣтъ города парижа послалъ рабочихъ делегатовъ на Лондонскую выставку. Въ 1855 году правительство уже не рѣшилось на этотъ шагъ, опасаясь, что самое избраніе делегата способно снова возбудить среди рабочихъ стремленіе къ объединенію и солидарности, которое въ то время власти старались окончательно подавить. Но въ 1861 г. вѣтеръ подулъ въ другую сторону: послать делегатовъ на предстоящую Всемірную выставку въ Лондонѣ—это значило выказать заботливость правительства къ рабочему классу, содѣйствовать расширенію ихъ кругозора и развитію ихъ вкуса и такимъ путемъ содѣйствовать развитію промышленности и, наконецъ, способствовать распространенію фритредерскихъ взглядовъ. И въ тотъ самый моментъ, когда предприниматели-протекціонисты подняли громкій шумъ противъ Имперіи, когда ихъ теоретики, какъ напримѣръ Дюпенъ, вели рѣзкую полемику съ французскимъ апостоломъ свободы торговли, Мишелемъ Шевалье, мысль о посылкѣ рабочей делегаціи въ Лондонъ, разъ пущенная въ обращеніе, не должна была не понравиться правительству. Фабрикантъ и сенъ-симонистъ Арлэ-Дюфуръ подхватилъ этотъ проектъ въ газетѣ „Progrès de Lyon“; газета „Opinion Nationale“ поддержала эту мысль; секретарь редакціи этой газеты, Поше, совѣтовалъ рабочимъ послѣдовать примѣру своихъ англійскихъ товарищей и устроить между собой денежные сборы для организаціи поѣздки на выставку (2 октября 1861 года). Нѣкоторые рабочіе писали въ газету, что они обязуются взять на себя эту иниціативу, а абоненты газеты предложили открыть спеціальную подписку. Черезъ нѣсколько дней, а именно 4 октября, по случаю появленія въ Progrès'ѣ письма Арлэ-Дюфура, Поше высказалъ даже сожалѣніе по поводу того, что организаторы подписки проявляютъ больше иниціативы, чѣмъ рабочіе. „Парижскій рабочій классъ,—писалъ онъ,—долженъ громко заявить о своемъ существованіи, если онъ хочетъ сохранить превосходство надъ рабочими другихъ націй, которое до сихъ поръ обезпечивало наше преобладающее положеніе на всѣхъ рынкахъ“. Въ этихъ словахъ снова проскальзываетъ задняя мысль всѣхъ опекуновъ рабочаго класса.

Одинъ изъ рабочихъ счелъ нужнымъ отозваться. 17 октября „Opinion Nationale“ напечатала письмо рабочаго въ отвѣтъ на призывъ и на критику Поше.

„Подобно вамъ,—писалъ этотъ корреспондентъ,—я думаю, что парижскіе рабочіе отличаются интеллигентностью и, лично отъ себя, благодарю васъ за лестное мнѣніе о нихъ. Но какъ же примирить это высокое умственное развитіе съ проявляемой ими инерціей? Почему среди нихъ не замѣчается стремленія къ самопомощи? Таковъ часто посылаемый по ихъ адресу упрекъ, на который трудно отвѣтить, не впадая самому въ обвинительный тонъ.

„Когда иниціатива исходитъ свыше, отъ властей или отъ хозяевъ, она не внушаетъ рабочимъ особеннаго довѣрія. Они чувствуютъ, что ими какъ бы руководятъ, что ихъ ведутъ какъ бы на помочахъ, что ихъ личность подавляется, и самыя прекрасныя попытки лишь въ рѣд-

кихъ случаяхъ увѣнчиваются успѣхомъ. Это безспорный фактъ, который я констатирую, не входя въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, правы-ли рабочіе или нѣтъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда иниціатива исходитъ снизу: здѣсь она наталкивается на матеріальныя препятствія, которыя ее парализуютъ. Пусть только образуется какой-нибудь комитетъ, составленный исключительно изъ рабочихъ и стоящій внѣ всякаго вліянія властей или фабрикантовъ, пусть только онъ попробуетъ создать какой-нибудь центръ, сгруппировать вокругъ него своихъ сторонниковъ и устроить подписку,—будьте увѣрены, что какъ бы безобидна ни была преслѣдуемая имъ цѣль, ему не позволятъ ее осуществить. Поэтому требуется довольно серьезная рѣшимость, чтобы выступить изъ общихъ рядовъ, когда иниціаторы (основательно или неосновательно, это другой вопросъ) чувствуютъ себя взятыми подъ строжайшее подозрѣніе: вѣдь рабочій, интересующійся политическими вопросами въ странѣ всеобщаго избирательнаго права, считается опаснымъ человѣкомъ. А еще хуже, если онъ интересуется соціальными вопросами. Да вотъ, милостивый государь, я вамъ предсказываю (и въ данномъ случаѣ я хотѣлъ бы оказаться плохимъ пророкомъ), что всякая попытка, сдѣланная рабочими при условіяхъ, которыя я выше охарактеризовалъ, т. е. внѣ всякаго посторонняго вліянія, ни въ коемъ случаѣ не увѣнчается успѣхомъ; имъ не позволятъ организоваться и свободно дѣйствовать подъ всевидящимъ окомъ начальства.

„...Но зачѣмъ же, скажете вы, отвергать совѣты людей, которые могли бы оказать вамъ такую серьезную помощь своими знаніями и своимъ кошелькомъ?—Да потому, что мы не чувствовали бы себя свободными ни въ выборѣ цѣли, ни въ избраніи нашихъ излюбленныхъ людей, ни въ употребленіи нашихъ денегъ; и самыми благородными заявленіями ничего не подѣлаешь противъ мнѣнія, которое слѣдуетъ, пожалуй, признать вполнѣ основательнымъ.

„Есть одно только средство, это сказать намъ: вы свободны, организуйтесь; устраивайте сами свои дѣла, мы не будемъ чинить вамъ никакихъ помѣхъ. Наша помощь, если вы въ ней будете нуждаться и сочтете ее необходимой, будетъ совершенно безкорыстна, и до тѣхъ поръ, пока вы будете оставаться въ рамкахъ вопроса, мы не станемъ вмѣшиваться“.

Въ концѣ своего письма авторъ говорилъ объ органическомъ недовѣріи рабочаго класса къ дѣйствіямъ правительства; онъ утверждалъ, что свобода организаціи является лучшимъ средствомъ разсѣять его опасенія, высказывалъ пожеланіе, чтобы, наконецъ, исчезло „справедливое недовольство отдѣльныхъ лицъ“, которое „питаетъ глухую вражду, гибельную для промышленнаго развитія страны“.

Это письмо было подписано Т..., чеканщикъ по бронзѣ; его авторъ назывался Толэнъ. Тщедушный, блѣдный, почти совершенно лысый въ 30 лѣтъ, съ холоднымъ и насмѣшливымъ взглядомъ и прекраснымъ лбомъ, Толэнъ, благодаря своимъ знаніямъ, практической сметкѣ и твердости характера, пользовался безспорнымъ вліяніемъ на своихъ товарищей-рабочихъ. Принцъ Наполеонъ выразилъ желаніе познакомиться съ нимъ, и Толэнъ отправился въ Пале-Рояль. Послѣ свиданія съ принцемъ, Толэнъ былъ выбранъ однимъ изъ 10 рабочихъ, разработавшихъ и представившихъ принцу, какъ президенту Императорской Комиссіи

Лондонской выставки, конкретный проектъ относительно посылки рабочей делегаціи. Конечно, этому представленію былъ оказанъ благосклонный пріемъ. На рабочую комиссію, составленную изъ предсѣдателей профессіональныхъ обществъ взаимопомощи, возложена была задача руководить выборами делегатовъ, которые должны были избираться отъ каждой профессіи. Такимъ образомъ коготокъ правительства увязъ: оно оффиціально признало и использовало корпоративную организацію, профессіональную дѣятельность обществъ взаимопомощи. Полицейскія придирки, отъ которыхъ страдали рабочіе союзы, фатально должны были уступить мѣсто режиму терпимости.

Не рисковали-ли и рабочіе, съ своей стороны, также завязить свой коготокъ? Не собирались ли они на этотъ разъ дать себя приковать къ тріумфальной колесницѣ императорскаго соціализма? Мы сочли нужнымъ процитировать почти все письмо Толэна, послужившее исходнымъ пунктомъ этого движенія. Оно звучитъ совершенно не такъ, какъ брошюры рабочихъ-бонапартистовъ, и ясно показываетъ, въ какомъ настроеніи Толэнъ вступилъ въ сношенія съ Пале-Роялемъ. Многіе изъ рабочихъ, окружавшихъ его и подчинявшихся его вліянію, были республиканцами, и всѣ они дорожили своей независимостью. Они готовы были воспользоваться милостями правительства и принять его предложенія; но взамѣнъ они не обѣщали ничего. Они требовали свободы коалицій и терпимаго отношенія къ рабочимъ союзамъ, какъ своего неотъемлемаго права.

Сомнительные отзывы о Толэнѣ, которые неоднократно мнѣ приходилось слышать, меня волновали. Я разспрашивалъ нѣкоторыхъ изъ партійныхъ товарищей относительно ихъ молодыхъ лѣтъ: оказывается, что нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности тѣ, которые примкнули къ движенію за послѣдніе годы Имперіи, продолжали смотрѣть на Толэна, какъ на агента Пале-Рояля; въ этомъ отношеніи они остались подъ впечатлѣніемъ борьбы между первымъ и вторымъ Интернаціоналомъ. Но тѣ, кто зналъ его съ перваго момента, увѣряли меня, что это предположеніе ни на чемъ не основано, и что Толэнъ опредѣленно и ясно стремился не къ привлеченію рабочаго класса на сторону Имперіи, а къ достиженію свободъ, необходимыхъ для защиты его правъ, и къ использованію всѣхъ уступокъ, которыя Имперія, нуждавшаяся въ рабочихъ, могла имъ сдѣлать. Письмо отъ 17 октября 1861 года, написанное имъ по собственному почину, и самый тонъ его, рѣзко отличавшійся отъ холопскаго тона «рабочихъ брошюръ», совершенно ясно свидѣтельствуетъ о чувствахъ независимости и собственнаго достоинства, присущихъ его автору. А разсказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ окончательно докажетъ справедливость этой характеристики.

Какъ бы тамъ ни было, благодаря вмѣшательству принца Наполеона общественное мнѣніе заинтересовалось этимъ вопросомъ. Рабочая комиссія составилась 2 февраля 1862 года. Въ это самое время въ парижскихъ типографіяхъ вспыхнулъ серьезный конфликтъ. Заработная плата парижскихъ типографскихъ рабочихъ оставалась еще на уровнѣ 1843 года; но какъ мы уже выше указывали, за послѣдніе 11 лѣтъ цѣны на квартиры и на предметы потребленія сильно возросли. Въ концѣ-концовъ даже правительство сочло нужнымъ вмѣшаться. Въ январѣ 1861 года

Персиньи обратился съ письмомъ къ предсѣдателю палаты владѣльцевъ типографій Плону съ предложеніемъ разсмотрѣть вопросъ о заработной платѣ, а директоръ Національной типографіи Петэтэнъ, взялъ на себя иниціативу повышенія расцѣнокъ въ подвѣдомственномъ ему учрежденіи.

Послѣ цѣлаго года переговоровъ въ декабрѣ 1861 года рабочіе добились наконецъ отъ хозяевъ созыва смѣшанной комиссіи; делегаты были выбраны, и первое засѣданіе состоялось 5 января 1862 года. Но хозяева типографій были настроены далеко не примирительно.

Между первымъ и вторымъ засѣданіемъ комиссіи Леклеръ, владѣлецъ типографіи на улицѣ Кассенъ, и делегатъ-замѣститель хозяйской палаты, въ качествѣ настоящаго провокатора пригласилъ въ свои мастерскія женщинъ-наборщицъ за плату низшую, чѣмъ та, которая была установлена рабочимъ тарифомъ. 21 января онъ уволилъ шесть наборщицъ: на слѣдующій день всѣ рабочіе кромѣ двухъ забастовали; у хозяина хватило цинизма подать на рабочихъ жалобу, обвинявшую ихъ въ коалиціи, вслѣдствіе чего нѣсколько изъ нихъ были арестованы.

Тогда послѣдніе выяснили передъ администраціей всѣ интриги хозяевъ, которые въ цѣляхъ дальнѣйшаго пониженія заработной платы обучали молодыхъ дѣвушекъ наборному дѣлу въ монашескихъ обителяхъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ работы смѣшанной комиссіи не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ комедіей; 20 марта рабочіе положили ей конецъ.

Тогда 22 марта отдѣленіе большой типографіи Дюпона, помѣщавшееся въ Клиши, также пригласило женщинъ за плату, пониженную на 30%. При этомъ Дюпонъ, крупный предприниматель, депутатъ и кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, имѣлъ безстыдство заявить, что онъ, поступая такимъ образомъ, дѣйствуетъ по чисто филантропическимъ мотивамъ и хочетъ доставить работу женщинамъ. Но вѣроятно предчувствуя, что такая филантропія не понравится тѣмъ, на чей счетъ она совершается, онъ 25 марта, несмотря на полное отсутствіе какихъ бы то ни было безпорядковъ и на нормальный ходъ работъ, велѣлъ полиціи, преданной ему душой и тѣломъ, арестовать пятерыхъ наборщиковъ, которыхъ онъ считалъ подстрекателями. Но эта выходка ни къ чему не привела: 26 марта, несмотря на арестъ зачинщиковъ, 117 рабочихъ изъ 120 забастовали. Тогда полиція начала хватать рабочихъ направо и налѣво: Готье, предсѣдатель союза печатниковъ, признанный отвѣтственнымъ за стачку, былъ подвергнутъ аресту; вмѣстѣ съ нимъ арестовано было около 30 рабочихъ, изъ которыхъ семь было оставлено подъ стражей.

8 мая, послѣ нѣсколькихъ недѣль предварительнаго заключенія и двухдневнаго судебнаго процесса, трое изъ нихъ были оправданы, а четверо приговорены къ десяти днямъ тюремнаго заключенія и 16 фр. штрафа. Двое осужденныхъ остались недовольны приговоромъ, но 4 іюня апелляціонный судъ подтвердилъ рѣшеніе первой инстанціи.

Однако типографскіе рабочіе выказали поразительную энергію: не пугаясь ни судебныхъ приговоровъ, ни ударовъ, наносимыхъ имъ исподтишка хозяевами (61 рабочій не были приняты обратно къ Дюпону), они продолжали добиваться пересмотра тарифа. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обратились къ правительству съ жалобой на хозяевъ. 30 мая 1862 года въ петиціи, подписанной 2.400 рабочими и адресованной императору,

они требовали изданія устава о типографскомъ промыслѣ, обѣщаннаго декретомъ отъ 5 февраля 1810 года. „За отсутствіемъ свободы типографскаго промысла,—гласила петиція,—мы хотѣли бы, по крайней мѣрѣ, пользоваться тѣми гарантіями, которыя Наполеонъ I обѣщалъ предоставить рабочимъ, лишеннымъ возможности обзавестись собственнымъ промысломъ". Они добивались права имѣть собственную синдикальную камеру, подобно хозяевамъ, требовали установленія тарифа, періодически вырабатываемаго по соглашенію между хозяевами и рабочими и имѣющаго обязательную для всѣхъ силу, и наконецъ, ограниченія числа учениковъ смѣшанной комиссіей. Министръ торговли отвѣтилъ, что онъ не можетъ удовлетворить выраженныхъ рабочими пожеланій.

Положеніе рабочихъ было отчаяннымъ: тогда делегаты смѣшанной комиссіи посовѣтовали имъ принять жалкія уступки, сдѣланныя хозяевами 25 марта. Но рабочіе отступили въ полномъ порядкѣ: они потребовали отъ каждой типографіи формальнаго обязательства примѣнять тарифъ, а наборщики, работавшіе за повременную плату, потребовали повышенія платы за часъ въ такой пропорціи, чтобы она была не ниже сдѣльной платы.

Это послужило поводомъ къ новой стачкѣ. Не успѣвши отдохнуть отъ борьбы, типографскіе рабочіе снова ринулись въ бой. 215 изъ нихъ приняли участіе въ забастовкѣ. Администрація пришла въ ярость: въ концѣ іюля рабочіе делегаты и 11 забастовщиковъ были арестованы.

Тогда произошло неожиданное событіе. Большинство либераловъ высказывалось въ пользу рабочихъ; лѣвыя газеты помѣщали цѣлый рядъ статей, написанныхъ въ сочувственномъ къ рабочимъ духѣ, а парижскій пролетаріатъ горячо симпатизировалъ своимъ борющимся товарищамъ. 30 августа по приказу императора обвиняемые были временно выпущены на свободу; а затѣмъ, послѣ того какъ 29 сентября, несмотря на защиту Беррье, краснорѣчіе котораго не могло побѣдить капиталистическихъ предразсудковъ, они были приговорены къ штрафу и тюремному заключенію, а 15 ноября апелляціонный судъ снова вынесъ имъ обвинительный приговоръ, императоръ рѣшился на новый громкій шагъ и помиловалъ ихъ всѣхъ.

Это рѣшеніе нанесло смертельный ударъ дѣйствовавшему законодательству: съ этого дня коалиція перестала признаваться преступленіемъ, если не съ точки зрѣнія закона, то, по крайней мѣрѣ, въ судебной практикѣ. Не было смысла выносить обвинительные приговоры, разъ императоръ сейчасъ же ихъ отмѣнялъ, и наряду съ терпимостью, которой пользовались профессіональныя общества взаимопомощи, администрація начала терпѣть также право стачекъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ новая тактика правительства явно свидѣтельствовала о его желаніи заключить союзъ съ рабочимъ классомъ. Мнѣ неизвѣстно, чтобы въ то время кто-нибудь понялъ и указалъ на эту опасность. Вѣдь, если бы Наполеонъ III смѣло вступилъ на путь соціальныхъ преобразованій и удовлетворилъ ближайшія требованія рабочаго класса, и если бы этотъ рабочій классъ мало по малу примирился бы съ Имперіей, то это было бы осуществленіемъ цезаристскаго соціализма, а дорога къ республикѣ и къ соціализму была бы преграждена на очень долгое время. Можно сказать, что никогда эта опасность не была болѣе грозной, чѣмъ около 1862 г.

Дѣло въ томъ, что пока тянулась забастовка наборщиковъ рабочая комиссія также не сидѣла сложа руки. Она организовала 50 избирательныхъ бюро по одному въ каждой профессіи: всякій рабочій, занятый въ извѣстной отрасли промышленности, имѣлъ право участвовать въ избраніи делегатовъ. И хотя въ парижскихъ мастерскихъ не исчезло настроеніе, отмѣченное въ письмѣ Толэна, хотя иниціаторамъ предпріятія приходилось защищаться отъ всевозможныхъ обвиненій, вѣроятно, со стороны непреклонныхъ республиканцевъ, державшихся бойкотисткой тактики въ экономической области, подобно ихъ собратьямъ, продолжавшимъ проповѣдывать бойкотъ въ политической области, хотя имъ приходилось сносить насмѣшки индифферентныхъ товарищей, тѣмъ не менѣе эти выборы вызвали широкое движеніе среди рабочей массы. Между рабочими происходили совѣщанія; они собирались въ такомъ множествѣ явиться на выборы, что префектура полиціи даже заволновалась, и потребовалось снова личное вмѣшательство главы государства для того, чтобы комиссія могла продолжать свою работу. Избрано было двѣсти делегатовъ, которые постепенно отправлялись въ Лондонъ группами отъ 19 іюля по 15 октября.

И такъ, несмотря на всѣ чинимыя имъ помѣхи и даже несмотря на неловкое положеніе, въ которое ихъ ставило благосклонное отношеніе правительства, парижскіе пролетаріи не выказали никакой склонности къ бойкотистской тактикѣ. На выборахъ 1863 года они вотировали за оппозиціонныхъ кандидатовъ, хотя одинъ изъ нихъ назывался Тьеромъ. Въ 1862 году они воспользовались поблажкой правительства; а образованіе рабочей комиссіи и даже избраніе делегатовъ, несмотря на полную независимость нѣкоторыхъ изъ нихъ, могли сыграть роль перваго шага въ смыслѣ сближенія съ Имперіей. Толэнъ и его товарищи въ то время стояли, если угодно, на точкѣ зрѣнія стараго англійскаго трэдъ-юніонизма, старающагося добиться отъ господствующей партіи максимума возможныхъ уступокъ, а затѣмъ готоваго покинуть ее въ тотъ день, когда она не можетъ больше служить его профессіональными интересамъ. Но партія, пока ей оказывается подобная поддержка, все таки ею пользуется къ своей выгодѣ; точно такъ же и Имперія могла воспользоваться поддержкой рабочихъ для своего укрѣпленія и упроченія.

Вотъ въ чемъ заключалась опасность; но сама поѣздка въ Лондонъ сыграла роль противоядія. Она помогла отлиться въ опредѣленную форму тому сознанію своихъ классовыхъ интересовъ, которое уже раньше начало складываться въ головахъ парижскихъ рабочихъ, она внушила имъ вѣру въ строго самостоятельную дѣятельность рабочаго класса, вѣру, которая помогла имъ освободиться отъ опеки правительства и продолжать дѣло своего освобожденія собственными силами.

И дѣйствительно, на той стадіи развитія, на которой находились тогда парижскіе рабочіе, поѣздка въ Лондонъ должна была принести имъ величайшую пользу. Стѣсненное положеніе, въ которое ихъ ставило несоотвѣтствіе между заработной платой и цѣнами на предметы потребленія, инстиктивно толкало ихъ къ синдикальной дѣятельности и къ стачкамъ, до тѣхъ поръ воспрещавшимся закономъ. А между тѣмъ въ Англіи почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности они встрѣтили рабочихъ, трудъ которыхъ, вдобавокъ не отличавшійся, по ихъ мнѣнію, такими высокими качествами, какъ ихъ собственный, оплачивался го-

раздо лучше; рабочихъ, которые во многихъ случаяхъ работали только десять часовъ въ день, а иногда и меньше; рабочихъ, которые въ смѣшанныхъ комиссіяхъ свободно обсуждали совмѣстно съ предпринимателями вопросъ о размѣрѣ заработной платы; наконецъ, рабочихъ, пользовавшихся свободой профессіональной организаціи и правомъ колективнаго прекращенія работъ въ случаѣ недовольства существующими размѣрами заработной платы. Кромѣ выставки французскіе делегаты посѣщали также мастерскія, и всѣ они были глубоко поражены положеніемъ англійскихъ пролетаріевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно молодежь, пожелали немедленно воспользоваться этими лучшими условіями и остались въ Англіи; другіе же возвратились на родину, но болѣе, чѣмъ когда-либо, убѣжденные въ необходимости желательныхъ для нихъ реформъ и въ ихъ неотложности.

По возвращеніи они составили доклады о своей поѣздкѣ и представили ихъ своимъ довѣрителямъ. Большинство этихъ докладовъ состоитъ изъ краткаго историческаго очерка, затѣмъ изъ техническаго обзора экспонатовъ, относящихся къ данному ремеслу, и наконецъ изъ заключенія, въ которомъ формулируются нужды и пожеланія рабочихъ данной профессіи (Rapports des délégués des ouvriers parisiens à l'Exposition de Londres en 1862. Paris, 1862—64).

Само собою разумѣется, что въ этихъ пожеланіяхъ снова формулировались тѣ требованія, которыя давно уже выдвигались рабочимъ классомъ во время его нелегальныхъ выступленій и которыя въ притупленной формѣ высказывались въ рабочихъ брошюрахъ, т. е. свобода стачекъ и свобода союзовъ. Конечно, къ этимъ требованіямъ нѣкоторые доклады присоединяли ограниченіе рабочаго времени и законодательную охрану рабочихъ, не исключая и взрослыхъ. „Существуетъ законъ, — говорятъ напримѣръ делегаты механиковъ, — охраняющій животныхъ и воспрещающій ихъ хозяевамъ взваливать на нихъ трудъ, который превышаетъ ихъ силу; существуетъ другой законъ о работѣ мололѣтнихъ; почему бы не издать также закона объ охранѣ труда взрослыхъ мущинъ?“ Цѣлый рядъ другихъ корпорацій также требовалъ закона объ охранѣ труда, но господствующая нота въ этихъ рабочихъ наказахъ сводилась къ основному требованію свободы. Отсутствіе закона объ охранѣ труда взрослыхъ рабочихъ, продолжаютъ тѣ же механики,—„вѣроятно, объясняется убѣжденіемъ, что рабочіе достаточно разумны и сильны, чтобы самостоятельно отстанвать свои интересы. Конечно, у насъ достаточно и ума, и силы, но они скованы закономъ, гласящимъ: Карается тюремнымъ заключеніемъ на срокъ отъ 6 дней до 3 мѣсяцевъ и штрафомъ отъ 16 франковъ до 1.000 фр... участіе въ стачкѣ рабочихъ, сговорившихся одновременно прекратить работу....“ (стр. 201). Если законъ не хочетъ защищать рабочихъ, пусть онъ, по крайней мѣрѣ, не мѣшаетъ имъ защищаться собственными силами.

Англійскій опытъ опредѣленно укрѣпилъ делегатовъ въ ихъ убѣжденіи, что лучшимъ средствомъ самозащиты являются рабочіе союзы. Статистиками Департамента Труда было установлено, что „изъ 53 докладовъ, исходящихъ отъ 183 парижскихъ делегатовъ, насчитывается 38 докладовъ, представленныхъ 145 делегатами, въ которыхъ выражается пожеланіе, чтобы въ ихъ профессіяхъ образованы были **синдикальныя камеры** и чтобы послѣднія привели къ учрежденію смѣ-

шанныхъ комиссій изъ хозяевъ и рабочихъ для обсужденія вопросовъ объ условіяхъ труда". Эта цифра, конечно, очень интересна; но статистика требуетъ точности, а точность иногда не согласуется съ исторической дѣйствительностью.

И дѣйствительно, изъ чтенія докладовъ и документовъ, которые я могъ собрать, явствуетъ, что лондонскіе делегаты еще не выработали совершенно точной терминологіи. Но въ общемъ и цѣломъ можно сказать, что синдикальная камера, когда они не прибавляютъ къ этимъ словамъ эпитета „рабочая", означаетъ въ ихъ устахъ смѣшанную ассоціацію, состоящую изъ хозяевъ и рабочихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ выбранныхъ тѣми и другими делегатовъ. Для обозначенія же синдиката въ современномъ значеніи этого слова, въ смыслѣ трэдъ-юніонистской организаціи, они употребляютъ выраженіе корпоративное общество. А нѣкоторые изъ нихъ, зная по собственному опыту, что профессіональныя общества взаимопомощи представляютъ уже существующую организацію, которую можно превратить въ синдикатъ, просто требуютъ самой широкой свободы для профессіональныхъ обществъ взаимопомощи.

Слѣдовало бы произвести крайне интересное и крайне полезное изслѣдованіе о взглядахъ лондонскихъ делегатовъ на задачи профессіональныхъ союзовъ на основаніи ихъ собственныхъ докладовъ. Мы же, къ сожалѣнію, принуждены здѣсь ограничиться самыми бѣглыми замѣчаніями.

Но прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что при всемъ разнообразіи употребляемыхъ терминовъ значительное число профессій требуетъ учрежденія смѣшанныхъ палатъ или, употребляя современную терминологію, постоянныхъ смѣшанныхъ комиссій. Этимъ комиссіямъ слѣдовало бы, по ихъ мнѣнію, предоставить право „вырабатывать тарифы, которые, будучи признаны той и другой стороной, имѣли бы силу закона", обсуждать законы, касающіеся данной профессіи, регламентировать ученичество и упорядочить профессіональное образованіе, однимъ словомъ, какъ говорили нѣкоторые, дать корпораціи ея уставъ. Конечно, здѣсь можно было бы отыскать пережитокъ традиціонныхъ корпоративныхъ стремленій; но нѣкоторые доклады заблаговременно предостерегаютъ противъ увлеченій и проводятъ ясную границу между старой корпораціей, проникнутой духомъ стѣсненія и привилегіи, и новой корпораціей, цѣлью которой должно быть ослабленіе и недопущеніе гнета.

Отъ смѣшанныхъ комиссій рабочіе въ сущности ждутъ полюбовной регламентаціи условій труда, достигаемой мирными путями и безъ стачекъ. Многіе доклады прямо настаиваютъ на той мысли, что синдикальныя камеры должны положить конецъ забастовкамъ, и во всѣхъ безъ исключенія докладахъ чувствуется жгучее воспоминаніе о страданіяхъ, вынесенныхъ рабочими во время послѣднихъ конфликтовъ. „Никогда мы не добивались какого-либо улучшенія иначе, какъ съ помощью стачекъ,—говорятъ напримѣръ сыромятники:—только путемъ примѣненія средствъ, воспрещаемыхъ закономъ, мы можемъ добиться увеличенія нашего заработка. Всѣ признаютъ, что такое положеніе дѣлъ одинаково прискорбно и для хозяевъ, и для рабочихъ" (стр. 112). Токари, работающіе на фабрикахъ гнутой мебели (стр. 530), словолит-

чики (стр. 745) и другіе повторяютъ ту мысль, что синдикальныя камеры, построенныя на правильныхъ началахъ, дадутъ возможность достигать всякихъ улучшеній безъ помощи стачекъ.

Но слѣдуетъ замѣтить, что, требуя учрежденія смѣшанныхъ комиссій, всѣ они вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ свободы стачекъ и организаціи чисто рабочихъ союзовъ. Само собой разумѣется, что делегаты представляютъ себѣ эти корпоративныя общества по образцу трэдъ-юніоновъ, съ которыми они могли недавно познакомиться. Прежде всего они видятъ въ этихъ союзахъ организацію профессіональной взаимопомощи, обезпечивающую рабочему пособіе на случай болѣзни и безработицы, содѣйствующую пріисканію работы и, подобно англійскимъ союзамъ, даже обезпечивающую своимъ членамъ пенсію на случай старости (стр. 595). Они знаютъ, что серьезная защита профессіональныхъ интересовъ немыслима безъ такихъ союзовъ, и прекрасно понимаютъ, что безъ нихъ смѣшанныя комиссіи быстро превратятся въ новое орудіе хозяйскаго господства. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда, впрочемъ, не всѣ еще доклады делегатовъ были опубликованы, Толэнъ опредѣленно высказалъ ту мысль, что учрежденіемъ смѣшанныхъ синдикальныхъ камеръ можно добиться не примиренія интересовъ, «а путаницы, ведущей къ безсилію или къ угнетенію». «Вѣдь,—говоритъ онъ,— если хотятъ прижать капиталъ, онъ ускользаетъ и спасается бѣгствомъ, а если угнетаютъ трудъ, то весь соціальный организмъ охватывается общимъ недомоганіемъ". Стремясь къ примиренію интересовъ, въ дѣйствительности совершенно противоположныхъ, можно только увѣковѣчить борьбу. „Установленіе дѣйствительнаго согласія и сотрудничества между такими двумя различными общественными функціями, какъ капиталъ и трудъ, можетъ быть достигнуто только путемъ предоставленія обоимъ интересамъ полной и неограниченной свободы. Каждый изъ нихъ отдѣльно сформулируетъ свои требованія и на свой рискъ и страхъ будетъ добиваться ихъ осуществленія всѣми средствами, которыя онъ сочтетъ подходящими, причемъ никто не можетъ и не долженъ ставить этой борьбѣ никакихъ другихъ ограниченій, кромѣ *свободы другой стороны, а отнюдь не ея интереса*» («Quelques vérités sur les élections de Paris», 1863).

Это умѣренное, но твердое заявленіе, равно какъ и всѣ заявленія парижскихъ делегатовъ, явно проникнуто примирительнымъ отношеніемъ къ классу хозяевъ, но въ нихъ постепенно все яснѣе пробивается то чувство независимости и полной классовой самостоятельности, которая составляетъ необходимую основу настоящаго профессіональнаго движенія.

Доклады парижскихъ делегатовъ удачно выражали требованія сознательныхъ рабочихъ къ концу 1862 года. Мы должны прибавить еще одну черту къ сдѣланному нами описанію тогдашняго настроенія рабочаго класса, а именно указать на тѣ чувства, которыя въ нихъ вызваны были знакомствомъ съ англійскими рабочими. Эта сторона вопроса имѣетъ капитальное значеніе.

Англійскіе рабочіе съ понятной гордостью объясняли своимъ французскимъ собратьямъ детали функціонированія своихъ союзовъ; они водили ихъ по мастерскимъ и наконецъ устроили 5 августа въ ихъ честь большое празднество, во время котораго делегаты различныхъ французскихъ профессій были приняты организованными рабочими Лондона.

О впечатлѣніи французовъ мы можемъ-составить себѣ понятіе по отчету, помѣщенному въ «Opinion Nationale» отъ 8 августа. 70 делегатовъ были приняты 250 англійскими рабочими; но замѣчательно, что инициатива этого пріема принадлежала не трэдъ-юніонистскимъ вождямъ. Зато предсѣдателю собранія Ничолэ пришлось прежде всего прочитать извинительное письмо министра Пальмерстона.

Затѣмъ прочитанъ былъ адресъ англійскихъ рабочихъ къ французскимъ товарищамъ.

Въ этомъ адресѣ англичане говорили о той серьезной борьбѣ, которая предстоитъ еще рабочимъ всѣхъ странъ, «хотя будущее, повидимому, сулитъ имъ удовлетвореніе ихъ правъ и надеждъ». Высказавшись противъ національныхъ раздоровъ, разорительныхъ и для Англіи, и для Франціи, они отвергали также соціальные раздоры, гибельные для тѣхъ людей, которыхъ конкурренція увлекаетъ на путь борьбы со своими собратьями.

„До тѣхъ поръ,—продолжали они,—пока будутъ существовать хозяева и рабочіе, пока будетъ существовать соперничество между капиталистами и не прекратятся споры о заработной платѣ, объединеніе рабочихъ между собою останется для нихъ единственнымъ средствомъ спасенія.

„Соглашеніе между нами и нашими хозяевами будетъ единственнымъ средствомъ уменьшить затрудненія, которыми мы окружены.

„Усовершенствованіе машинъ, получившее характеръ общаго явленія, и вытекающій изъ него гигантскій ростъ производства вносятъ съ каждымъ днемъ все глубокія измѣненія въ общественныя отношенія. Возникаетъ колоссальная проблема, властно требующая своего разрѣшенія: оплата труда...

„Мы полагаемъ, — заключаютъ англійскіе рабочіе, — что путемъ обмѣна мыслями и наблюденіями съ рабочими различныхъ національностей, мы сумѣемъ скорѣе открыть экономическія тайны общества. Будемъ надѣяться, что теперь, когда мы братски пожали другъ другу руки и убѣдились, что у насъ, какъ людей, какъ гражданъ и какъ рабочихъ, одинаковыя стремленія и одинаковые интересы, мы не позволимъ, чтобы нашъ братскій союзъ былъ расторгнутъ тѣми, кто готовъ считать выгоднымъ для себя наше разъединеніе; будемъ надѣяться, что мы найдемъ какое-нибудь средство для установленія международной связи и что съ каждымъ днемъ будетъ прибавляться новое звено къ той цѣпи любви, которая объединитъ рабочихъ всѣхъ странъ“.

Англичанамъ въ томъ же духѣ отвѣчалъ Эмиль Ришаръ: онъ восхвалялъ разрушеніе границъ на томъ основаніи, что различные языки выражаютъ однѣ и тѣ же мысли, и привѣтствовалъ прочно закрѣпленный союзъ между рабочими, жившими по обѣимъ сторонамъ пролива.

Были ли эти заявленія просто нѣсколькими общими фразами о человѣческомъ братствѣ? Французскіе рабочіе не такъ понимали дѣло; имъ предстояло слишкомъ многому научиться у своихъ англійскихъ товарищей съ профессіональной точки зрѣнія, чтобы не желать непосредственнаго установленія регулярныхъ сношеній. Черезъ своего переводчика Мельвиля-Гловера они тутъ же предложили „основать рабочіе

комитеты для обмѣна корреспонденціей по экономическимъ вопросамъ, имѣющимъ международный характеръ". Это предложеніе было встрѣчено горячими рукоплесканіями.

Мы уже говорили, что нѣсколько делегатовъ нашли въ Англіи выгодныя мѣста и остались здѣсь. Присутствовавшіе на банкетѣ французскіе эмигранты заинтересовались новыми международными отношеніями. Начался обмѣнъ письмами; и съ каждымъ днемъ потребность въ установленіи постоянной связи все сильнѣе давала себя чувствовать.

Таково было настроеніе французскихъ передовыхъ рабочихъ къ концу 1862 года. Озабоченные прежде всего улучшеніемъ матеріальнаго и моральнаго положенія своего класса, стремясь добиться необходимыхъ для этого свободъ, они старались создать въ обществѣ благопріятное отношеніе къ своимъ требованіямъ, а путемъ установленія товарищеской связи съ иностранными рабочими обезпечить себѣ полученіе свѣдѣній, а въ случаѣ нужды и помощи, которую они считали полезной для предпринятой ими борьбы. Со времени возвращенія изъ Лондона мысль объ основаніи международнаго товарищества рабочихъ бродила въ ихъ возбужденныхъ головахъ.

Но съ этого же момента и отчасти, по крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ этой мысли среди парижскихъ передовыхъ рабочихъ началъ назрѣвать расколъ. Въ дѣлѣ организаціи поѣздки въ Лондонъ сторонники Толэна, соглашавшіеся съ его тактикой осторожнаго компромисса, встрѣтились съ рабочими-партизанами Пале-Рояля, какъ Шабо, Готье, Базенъ и др. Послѣдніе какъ до, такъ и послѣ путешествія въ Лондонъ готовы были ожидать всяческихъ благъ отъ милостиваго попеченія императора. А у насъ есть нѣкоторое основаніе предполагать, что уже въ то время, т. е. въ началѣ 1863 года, Толэнъ и его пріятели, немногимъ больше отличавшіеся отъ Базена или Готье, чѣмъ Жюль Фавръ около того же времени отличался отъ Эмиля Оливье или Даримона, задумывались надъ переходомъ къ болѣе смѣлымъ и свободнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ къ скорѣйшему достиженію свободы стачекъ и союзовъ. Пользуясь сравнительной терпимостью правительства, они мало по малу рискнули сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ.

Мы не располагаемъ достаточнымъ мѣстомъ для того, чтобы подробнѣе прослѣдить то умственное броженіе, которое совершалось въ эти замѣчательные мѣсяцы 1863 года среди парижскаго пролетаріата; и, здобавокъ, относящихся сюда документовъ въ общемъ и цѣломъ имѣется не такъ уже много. Впрочемъ, нѣкоторыя черточки, до сихъ поръ не обращавшія на себя особеннаго вниманія, позволяютъ судить объ успѣхахъ, сдѣланныхъ за послѣднее время.

Прежде всего мы укажемъ на слишкомъ игнорировавшійся фактъ образованія двухъ рабочихъ группъ, открывшихъ параллельно подписку для борьбы съ послѣдствіями хлопковаго кризиса, свирѣпствовавшаго въ то время. Дѣло въ томъ, что междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ почти совершенно прекратила подвозъ американскаго хлопка. Чтобы судить о глубинѣ этого кризиса, достаточно сказать, что изъ 850 милліоновъ килограммовъ хлопка, потреблявшагося тогда въ Европѣ, Соединенные Штаты доставляли 716 милліоновъ. Фабриканты Сѣвернаго департамента «перевернулись на другой бокъ», замѣнивши хлопокъ шерстью и льномъ; но въ Нормандіи нужда достигла ужасающихъ

размѣровъ. Болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по рядамъ правящихъ сферъ, когда журналисты, какъ напримѣръ Пессаръ, разоблачили страданія ткачей Нижней Сены. Газеты, главнымъ образомъ демократическія, открыли подписку, а императоръ присоединилъ къ ихъ усиліямъ свои.

Тѣ рабочіе, которые хотѣли громко засвидѣтельствовать зрѣлость своего класса, не могли остаться позади. Всѣ они дѣйствовали единодушно; но тогда, ко всеобщему удивленію, изъ общей массы выдѣлилась небольшая передовая группа.

20 января въ газетѣ «Opinion Nationale» появилось воззваніе къ рабочимъ, приглашавшее ихъ всѣхъ вносить по 10 сантимовъ еженедѣльно въ пользу рабочихъ хлопчатобумажнаго производства. «Передъ нами,—гласило это воззваніе,—во всей своей отвратительной наготѣ встаетъ вопросъ о безработицѣ, какъ бы упрекая насъ въ томъ, что мы ничего не предусмотрѣли и ничего не организовали; вопросъ о безработицѣ властно требуетъ своего разрѣшенія путемъ взаимнаго страхованія во имя солидарности и братства». Это воззваніе было подписано шляпочникомъ Риперомъ, рабочими по производству цвѣтной бумаги Вильно и Жерижономъ, наборщикомъ Кутаномъ, бронзовщикомъ Перрашономъ, перчаточникомъ Герино, чеканщикомъ Толэномъ, наборщикомъ Бланомъ, живописцемъ по фарфору Ревеню, портнымъ Карра, сыромятникомъ Ройянезомъ, чеканщикомъ Фландромъ, бронзовщикомъ Кэномъ и наборщикомъ Давезакомъ. Нѣкогда Перрашонъ подписалъ первую «рабочую брошюру», но теперь онъ клялся только именемъ Толэна. 24 января эта группа, къ которой прибавилось пять новыхъ членовъ, опубликовала новое воззваніе. Но вотъ 26 января все въ той же «Opinion Nationale» появилось другое воззваніе, исходившее на этотъ разъ отъ рабочей комиссіи, завѣдывавшей организаціей поѣздки въ Лондонъ, и рекомендовавшее направлять взносы только въ руки этихъ делегатовъ, которыхъ, какъ гласило воззваніе, оно «признавало истинными представителями рабочаго класса». Это новое воззваніе было подписано предсѣдателемъ комиссіи, жестяникомъ Шабо, Ваншотеромъ, Гранпьеромъ, Даржаномъ и многими другими делегатами. Правда, въ этомъ воззваніи нѣтъ ни одного неодобрительнаго слова по адресу первой группы, взявшей на себя инициативу подписки, и ни одного намека на какое бы то ни было разногласіе; но въ самомъ фактѣ появленія новаго воззванія, не подписаннаго ни однимъ изъ лицъ, подписавшихъ первое воззваніе, я склоненъ усматривать первое расхожденіе, первый симптомъ борьбы за вліяніе между крайнимъ и умѣреннымъ крыломъ парижскихъ передовыхъ рабочихъ, между тѣми, кто уже испытывалъ глубокую потребность въ независимости своихъ дѣйствій, и тѣми, кто легко мирился со своей служилой ролью. Съ одной стороны, уже выдѣлялись будущіе рабочіе кандидаты со своей свитой, а съ другой—люди, продолжавшіе получать свои директивы изъ Пале-Рояля.

Черезъ нѣсколько недѣль произошло другое событіе, раскрывшее глаза тѣмъ немногимъ пролетаріямъ, которые упорно продолжали ждать отъ императорскаго правительства удовлетворенія своихъ нуждъ. Вспыхнуло польское возстаніе; парижскіе рабочіе горячо симпатизировали жертвамъ царизма; Парижъ и Варшава обмѣнивались адресами. Рабочіе хотѣли, чтобы Наполеонъ III вмѣшался въ польскія дѣла, какъ прежде въ итальян-

янскія; но императоръ, по соображеніямъ, о которыхъ мы уже говорили выше, отнюдь не склоненъ былъ къ такому вмѣшательству. По разсказу Фрибура, рабочіе обратились къ нему съ петиціей, но онъ отказался ее принять подъ тѣмъ предлогомъ, что на основаніи конституціи всѣ петиціи должны подаваться въ Сенатъ. Рабочіе были разочарованы; для нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ фактъ долженъ былъ послужить очевиднымъ доказательствомъ той истины, что не слѣдовало расчитывать исключительно на добрую волю государя; а составителя этого адреса, Толэна, эта исторія должна была побудить избрать другой, болѣе надежный путь для осуществленія стремленій рабочаго класса.

Но особенно ярко проявился усиливавшійся расколъ между обѣими группами активныхъ рабочихъ во время общихъ законодательныхъ выборовъ, назначенныхъ на конецъ мая.

Большинство парижскихъ рабочихъ были республиканцами; и можно съ увѣренностью утверждать, что нѣкоторые изъ нихъ отрицательно отнеслись къ иниціаторамъ лондонской делегаціи по соображеніямъ республиканской щепетильности. Но и среди этихъ иниціаторовъ имѣлись республиканцы, и съ приближеніемъ выборовъ они рѣшили громко заявить о правахъ своего класса. Недавняя борьба и пріобрѣтенный ими новый авторитетъ внушили имъ вѣру въ собственныя силы и въ политическую зрѣлость пролетаріата. Они добивались вліянія на политику оппозиціи. Въ 1857 году они еще вотировали за буржуазныхъ кандидатовъ, на которыхъ имъ указывали; на этотъ разъ они потребовали, чтобы съ ихъ мнѣніемъ считались и даже чтобы имъ дали возможность выставить собственныхъ кандидатовъ.

Въ республиканскомъ комитетѣ, составленномъ Карно, въ защиту требованій рабочихъ выступилъ другъ Прудона, Белэ, простой и прямой человѣкъ, такъ часто обнаруживавшій вѣрное пониманіе дѣйствительности. По его предложенію образованы были рабочіе кружки, которые наравнѣ со всѣми другими кружками должны были посылать делегатовъ въ центральный комитетъ.

Эти-то делегаты главнымъ образомъ и составляли въ комитетѣ оппозицію Гарнье-Пажесу и Мари, иниціатору 45-сантимнаго налога и виновнику закрытія національныхъ мастерскихъ; они уже собирались потребовать предоставленія двухъ округовъ рабочимъ, какъ вдругъ комитетъ Карно былъ распущенъ. Намъ незачѣмъ напоминать о послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ: отвратительной избирательной кухнѣ, о тщеславіи журналистовъ, разныхъ Геру и Гавэновъ, о соглашеніи между ними и группой Пяти, состоявшемся съ благословенія Жирардена, и т. д. Рабочіе возмущались этими довольно-таки пошлыми пріемами и «рѣшились послѣдовать примѣру тѣхъ людей, которые выставляли свою кандидатуру рядомъ съ кандидатурой диктаторовъ». Буржуазные республиканцы нѣсколько забываютъ начало всей этой исторіи, когда обвиняютъ рабочихъ въ томъ, что тѣ якобы хотѣли сыграть въ руку Имперіи... Но предоставимъ говорить фактамъ.

Если рабочіе выставили своихъ кандидатовъ помимо общаго оппозиціоннаго списка и противъ него, то вина въ этомъ падаетъ на самоё оппозицію. Тогдашній рабочій кандидатъ игралъ въ руку Имперіи не больше, чѣмъ напримѣръ г-нъ де-Ластейри. Оба они находились въ одномъ и томъ же положеніи. Но то обстоятельство, что Толэнъ и его

единомышленники рѣшили во что бы то ни стало выставить свою кандидатуру, само по себѣ достаточно ясно указываетъ на ихъ цѣль: они хотѣли не только добиться желательныхъ реформъ, но также демонстративно подчеркнуть и заставить буржуазію признать свое соціальное равенство. Отвергая ихъ, члены оппозиціи обрекали ихъ на изолированное положеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ они ускоряли нарожденіе классовой оппозиціи въ политической области.

Однако во время выборовъ 1863 года эта классовая оппозиція не проявилась: для этого Толэнъ и его друзья были слишкомъ осторожными людьми.

Обѣ рабочія кандидатуры Кутана и Ж.-Ж. Блана, выставленныя довольно поздно, отнюдь не имѣли характера «классовыхъ кандидатуръ» въ современномъ смыслѣ этого слова. По существу кандидаты преслѣдовали главнымъ образомъ одну цѣль: они хотѣли передъ лицомъ всей оппозиціи демонстрировать полноту своихъ политическихъ правъ. Но уже это одно было настоящей революціей.

На этотъ разъ расколъ между группой Толэна и рабочей комиссіей 1862 года проявился въ совершенно опредѣленной формѣ. Жестянику Шабо предложено было выставить свою кандидатуру, вѣроятно потому, что его имя были извѣстно больше другихъ, и что онъ имѣлъ шансы собрать максимальное количество голосовъ; но онъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе. «Ввязываясь такимъ образомъ въ избирательную борьбу,—писалъ онъ,—мы возстановляемъ противъ себя рѣшительно всѣхъ безъ пользы для кого бы то ни было, и остаемся съ нашими собственными силами, которыя, по правдѣ сказать, весьма далеки отъ силъ, обезпечиваемыхъ единствомъ». Здѣсь снова появилось разномысліе между людьми, которыя ждали отъ правительства и отъ буржуазіи добровольнаго дарованія признанныхъ необходимыми реформъ, и тѣми, кто, признавая необходимость новой тактики для достиженія этихъ реформъ, собирались основать новую партію рабочаго класса. Но съ другой стороны, это было также разногласіемъ между людьми, начинавшими вѣрить въ свои собственныя силы, и людьми, полагавшими, что имъ никогда не суждено выйти изъ подчиненнаго положенія. Если вѣрить Геру («Opinion Nationale» отъ 6 іюня 1863 года), то онъ самъ неоднократно предлагалъ Блану, служившему метранпажемъ въ этой газетѣ, выставить свою кандидатуру; но послѣдній отклонилъ предложеніе Геру и, чтобы подчеркнуть свою независимость, выступилъ самостоятельно.

24 мая 1863 года «Temps» возвѣстилъ кандидатуру Блана, первую рабочую кандидатуру. Группа рабочихъ 1-го округа писала въ «Temps», что они всегда имѣли «намѣреніе выставить и поддержать кандидатуру одного изъ своихъ товарищей, знакомаго съ ихъ нуждами и способнаго защищать ихъ интересы», «что вначалѣ они разсчитывали сгруппироваться вокругъ комитета Карно, но что съ распущеніемъ этого комитета они отнюдь не отказываются изъ-за этого отъ своего проекта», наконецъ, «что они остановили свой выборъ на типографскомъ рабочемъ Жозефѣ Бланѣ». Это письмо было подписано Бюэттомъ, Мюра, Жаномъ и Луи Оберами, Вангамомъ и 9 другими товарищами. 26 мая «Temps» опубликовалъ циркуляръ новаго кандидата; въ немъ Бланъ утверждалъ, что рабочій по всей справедливости можетъ быть предста-

вителемъ Парижа, «такъ какъ рабочіе составляютъ одну изъ жизненныхъ силъ націи», а законодательное собраніе можно признать полнымъ лишь въ томъ случаѣ, если оно «представляетъ всѣ эти силы». «Для рабочихъ, — говорилъ онъ, — наступила пора громко заявить о своемъ существованіи, такъ какъ въ настоящее время мы въ сущности не ушли далеко впередъ по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда для участія въ государственныхъ дѣлахъ требовался цензъ... Какъ бы краснорѣчивы ни были голоса тѣхъ благородныхъ людей, которые выступали въ защиту нашихъ интересовъ, никто не можетъ лучше понять и защищать эти интересы, чѣмъ мы сами». Затѣмъ кандидатъ излагалъ требованія рабочихъ: свободу стачекъ, учрежденіе синдикальныхъ камеръ, избираемыхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, «дополняющихъ институтъ прюдомовъ» и преслѣдующихъ такія задачи, какъ «помощь свободнымъ союзамъ, усовершенствованіе обществъ взаимопомощи и разрѣшеніе проблемы страхованія отъ безработицы безъ нарушенія чьего бы то ни было достоинства». Но въ заключеніе онъ увѣрялъ, что избранный для защиты рабочихъ интересовъ, онъ не забудетъ также вопросовъ общаго характера; въ этомъ отношеніи онъ присоединялся къ программѣ республиканской и либеральной оппозиціи.

Читатель не станетъ особенно удивляться, если узнаетъ, что эта кандидатура, несмотря на свой совершенно недвусмысленный характеръ, была враждебно встрѣчена прессой. «Opinion Nationale» и «Temps» протестовали противъ принципа рабочихъ кандидатуръ. Съ тѣхъ поръ мы неоднократно слышали тѣ аргументы, которые тогда выставлены были буржуазной печатью: со времени революціи 1879 года нѣтъ дескать болѣе классовъ; депутатъ представляетъ всѣ классы; рабочій можетъ быть кандидатомъ, но рабочая кандидатура это нелѣпость и пр., и т. д. Газета угрожаемаго кандидата Гавэна, „Siècle“, обвиняла рабочихъ въ томъ, что они сѣютъ раздоры; съ цѣлью дискредитировать рабочую кандидатуру газета напечатала протестъ противъ Блана, который, по ея словамъ, выступилъ якобы только въ качествѣ кандидата отъ парижскихъ типографщиковъ. На эту аргументацію буржуазной газеты, старавшуюся довести мысль противника до абсурда, Бланъ возражалъ указаніемъ, что иниціатива его кандидатуры принадлежитъ главнымъ образомъ механикамъ, и что не только парижскіе рабочіе въ цѣломъ интересуются его успѣхомъ, но что проявленная имъ иниціатива возбудила симпатію во всей Франціи. 500 ліонскихъ рабочихъ и рабочіе завода Кайля прислали ему адреса; 500 наборщиковъ отправили въ „Temps“ замѣтку для того, чтобы поддержать своего сотоварища: и многіе другіе рабочіе явились 31 мая на собраніе въ округѣ Ла-Шапелль съ цѣлью подчеркнуть что „рабочая кандидатура носитъ безусловно дружественный характеръ по отношенію къ демократической буржуазіи“, хотя она и противорѣчитъ диктатурѣ комитета, состоящаго изъ кандидатовъ, которые сами себя назначили.

Тѣмъ не менѣе 2 іюня Бланъ былъ разбитъ; онъ собралъ всего 332 голоса; Кутанъ, также выставившій свою кандидатуру, получилъ только 11 голосовъ, а Толэнъ снялъ свою кандидатуру, выставленную противъ Кантагреля, еще до выборовъ.

Такъ какъ полемика противъ рабочихъ кандидатуръ не прекращалась и послѣ выборовъ, то Бланъ написалъ 6 іюня письмо въ „Temps". „Кандидатъ подчиняется рѣшенію избирательнаго корпуса, — писалъ онъ,—но идея остается и не отказывается отъ своихъ правъ". Такъ какъ Жирардэнъ, человѣкъ, желавшій видѣть въ Законодательномъ Корпусѣ „ораторовъ", заявилъ въ одной статьѣ, что достаточно было бы рабочему депутату выступить въ Законодательномъ Корпусѣ съ какимъ-нибудь предложеніемъ для того, чтобы оно осталось безъ всякихъ послѣдствій, то Бланъ отвѣчалъ на эти слова: „Если это вѣрно, то я весьма объ этомъ сожалѣю, потому что такого рода поведеніе кажется мнѣ недостойнымъ высокаго государственнаго учрежденія; я весьма объ этомъ сожалѣю, потому что такого рода поведеніе на вѣки-вѣчные обрекаетъ насъ на пользованіе услугами посредниковъ, которые могутъ быть весьма почтенными и краснорѣчивыми людьми, но которые не суть мы сами (курсивъ въ подлинникѣ); я весьма объ этомъ сожалѣю, потому что такого рода поведеніе равносильно увѣковѣченію кастъ, исчезновенія которыхъ мы всѣ желаемъ; я весьма объ этомъ сожалѣю, потому что такого рода поведеніе равносильно принципіальному отрицанію прогресса и захлопыванію дверей передъ носомъ рабочихъ". Жирардэнъ предлагалъ рабочимъ обращаться къ депутатамъ съ интересующими ихъ вопросами: Бланъ рѣшительно отказался отъ роли человѣка, состоящаго подъ чужимъ покровительствомъ! Какъ онъ еще остроумно замѣчалъ, „онъ влѣзъ обратно въ свою блузу, какъ пружинные чортики обратно прячутся въ свой ящикъ не причинивши никому зла". Но... идея оставалась и не отказывалась отъ своихъ правъ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ описываемыхъ событій Толэнъ выпустилъ свою брошюру, посвященную недавнимъ выборамъ: «Quelques vérités sur les élections de Paris». Въ этой брошюрѣ онъ разсказывалъ объ избирательныхъ дрязгахъ оппозиціи, опредѣленно формулировалъ требованія парижскихъ пролетаріевъ и снова провозглашалъ ихъ право имѣть собственныхъ представителей, подобно тому какъ господа Эмиль-Исаакъ-Эжень Перейръ и Талабо являлись естественными защитниками капитала (стр. 25). Основная мысль брошюры по существу не отличалась отъ взглядовъ лондонскихъ делегатовъ: она высказывалась за свободу стачекъ и союзовъ, за учрежденіе рабочихъ синдикальныхъ камеръ, за дѣйствительное согласіе между капиталомъ и трудомъ въ свободѣ, но весьма опредѣленно подчеркивала права и интересы рабочихъ, которые могутъ быть представляемы и защищаемы только рабочими. Извлекая урокъ изъ протекшихъ выборовъ, Толэнъ указывалъ, что даже демократы, изъ которыхъ одни „заключены въ кабалистическій кругъ теоріи", а другіе проявляютъ явную вражду къ самодѣятельности пролетаріата, не станутъ поддерживать рабочихъ кандидатуръ. Если рабочіе,—заключалъ онъ, — находятъ, что ихъ освобожденіе заставляетъ себя долго ждать, пусть они сами возьмутся за дѣло. «Всеобщее избирательное право, подобно свободѣ торговли, чревато не однимъ сюрпризомъ, способнымъ поразить старое общество».

Новая черта въ брошюрѣ Толэна заключается въ его утвержденіи, что стремленіе рабочихъ къ выставленію собственныхъ кандидатуръ по существу своему является продолженіемъ соціалистическаго движенія.

Когда выставлена была эта кандидатура, говоритъ онъ, публика пустилась въ разсужденія по поводу мелочей, „но дѣло шло совсѣмъ о другомъ предметѣ. Въ дѣйствительности дѣло шло о требованіи равенства между трудомъ и капиталомъ. Любопытно, что, кромѣ соціалистовъ, опытъ прошлаго ничуть не просвѣтилъ ни вчерашнихъ, ни сегодняшнихъ дѣятелей". Затѣмъ напомнивъ о томъ, какъ народъ, еще не способный формулировать свои требованія, инстинктивно устремился къ соціальнымъ ученіямъ, и какъ демократы, считавшіе себя передовыми людьми, пытались раздавить соціализмъ въ іюнѣ 1848 г., Толэнъ продолжаетъ: „3 декабря можно было подумать, что соціализмъ умеръ. Но это была ошибка: онъ только перемѣнилъ свою форму. Въ теченіе десяти лѣтъ молчанія и глубокаго спокойствія (слегка лишь нарушеннаго итальянской войной), смѣнившаго бурный періодъ уличныхъ волненій, среди самой активной и развитой части рабочаго населенія совершался медленный процессъ ассимиляціи. То обстоятельство, что идеи шумно не вырывались наружу, ничуть не свидѣтельствовало объ ихъ смерти: теоріи переваривались въ головахъ. Отбрасывая преувеличенія и неосуществимыя утопіи, умы отдѣляли практическія реформы, строго провѣряя ихъ на фактахъ. Понимая, что въ одинъ день нельзя измѣнить экономическое устройство общества и что принципъ ассоціаціи разбился о невѣжество и нетерпѣніе массъ, соціалисты избрали другой путь, и вскорѣ французское общество услышало, что рабочій классъ выдвигаетъ требованіе нѣсколькихъ опредѣленныхъ и ясныхъ реформъ, какъ-то: отмѣна статьи 1781 и закона о коаліціяхъ, учрежденіе синдикальныхъ камеръ, профессіональныхъ агентуръ и обществъ взаимнаго кредита и прежде всего безплатное и профессіональное образованіе народа. Эта глухая работа, оставшаяся тайной для всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ далеко отъ интимной жизни рабочихъ, тѣмъ не менѣе пустила глубокіе корни".

Такимъ образомъ, по мнѣнію Толэна, тогдашняя тактика парижскаго пролетаріата, основанная на стремленіи къ практическимъ реформамъ, тѣсно связана съ соціалистической традиціей 1848 года: пролетаріатъ снова выдвигаетъ требованія революціоннаго періода, на этотъ разъ очищенныя отъ ихъ утопической шелухи и провѣренныя на фактахъ, а все новое движеніе выступаетъ въ видѣ «преобразованнаго соціализма». Правда, этотъ соціализмъ носитъ явно неопредѣленный характеръ: неотвязная забота о примиреніи капитала и наемнаго труда, проглядывающая во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ того времени и даже въ разсматриваемой брошюрѣ Толэна, теоретически представляетъ, конечно, полную противоположность соціализму. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно характерно то обстоятельство, что парижскіе пролетаріи, выступая въ качествѣ самостоятельнаго класса, имѣющаго свои особые интересы и стремящагося защищать ихъ собственными силами, открыто примыкаютъ къ соціалистической традиціи и принимаютъ названіе соціалистовъ. Не менѣе интересно слѣдить за тѣмъ, какъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, можно сказать, изъ недѣли въ недѣлю, въ силу логическаго развитія непрекращающейся работы мысли, эти рабочіе, побуждаемые сознаніемъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, мало по малу отъ элементарныхъ требованій чисто-профессіональнаго синдикализма

возвышаются до смутно сознаваемой идеи полнаго классоваго освобожденія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что на той стадіи, которой движеніе достигло въ концѣ 1863 года, ему предстояло еще пройти цѣлый рядъ этаповъ; но передовые парижскіе рабочіе съ неутомимымъ упорствомъ продолжали свою пропагандистскую и организаціонную работу. Провалъ выставленныхъ ими кандидатуръ, 332 голоса Блана или 11 голосовъ Кутана ничуть ихъ не смущали. А такъ какъ въ мартѣ 1864 года въ Парижѣ предстояли дополнительные выборы, то они рѣшили снова осуществить свою мысль о самостоятельномъ выступленіи.

17 Февраля 1864 года „Opinion Nationale“ опубликовала „Манифестъ Шестидесяти“, въ которомъ эта небольшая группа впервые опредѣленно изложила свои взгляды.

Этотъ Манифестъ представляетъ крайне важный документъ для исторіи французскаго соціализма, въ настоящее время позабытый пролетаріатомъ и въ отрывкахъ цитируемый только въ научныхъ историческихъ трудахъ. Мы позволимъ себѣ привести его здѣсь цѣликомъ и такимъ образомъ дать товарищамъ новое его изданіе.

Онъ былъ напечатанъ безъ заглавія вслѣдъ за замѣткой въ четыре строки, написанной Геру и заявлявшей, что, по его мнѣнію, это „сообщеніе заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и сочувствія“.

„31 мая 1863 года,—гласилъ этотъ манифестъ,—парижскіе рабочіе, ставя торжество оппозиціи выше своихъ частныхъ интересовъ, голосовали за опубликованный газетами списокъ, не колеблясь и не требуя награды за свою помощь; вдохновляемые своей преданностью дѣлу свободы, они дали новое громкое и неопровержимое доказательство этой преданности. И дѣйствительно, побѣда оппозиціи была такой полной, какъ всѣ страстно этого желали, и даже гораздо болѣе импозантной, чѣмъ многіе надѣялись.

„Правда, была выставлена рабочая кандидатура, но поддерживалась она съ умѣренностью, которой всѣ принуждены воздать должное. Въ защиту ея выдвигались только второстепенныя соображенія и защитники ея сознательно воздерживались отъ выдвиганія проблемы пауперизма въ виду исключительной ситуаціи, придававшей общимъ выборамъ специфическій характеръ. Въ своемъ первомъ выступленіи пролетаріатъ, эта язва современнаго общества, подобно тому, какъ рабство и крѣпостничество были язвами древности и средневѣковья, обнаружилъ удивительную сдержанность въ выборѣ средствъ для своей пропаганды и аргументаціи. Люди, поступавшіе такимъ образомъ, предвидѣли свое пораженіе, но они считали нужнымъ поставить первую вѣху. Они признавали необходимымъ выставить такую кандидатуру для того, чтобы громко заявить о глубоко демократическомъ настроеніи великаго города.

„Во время предстоящихъ выборовъ положеніе будетъ нѣсколько инымъ. Избраніе девяти депутатовъ дало либеральной оппозиціи въ Парижѣ широкое удовлетвореніе. Каковы бы ни были новые депутаты, избранные при аналогичныхъ условіяхъ, они ничего не прибавятъ къ тому значенію, которое имѣли выборы 31 мая; какимъ бы краснорѣчіемъ они ни обладали, они ничего не прибавятъ къ той славѣ, кото-

рую въ настоящее время доставили оппозиціи искусныя и блестящія рѣчи ея ораторовъ. Нѣтъ ни одного пункта демократической программы, осуществленіе котораго мы не желали бы такъ же горячо, какъ и она сама. И скажемъ разъ навсегда, мы употребляемъ это слово Демократія въ самомъ радикальномъ и самомъ опредѣленномъ его смыслѣ.

„Но, если мы сходимся въ политическихъ вопросахъ, сходимся-ли мы также въ вопросахъ соціально-экономическихъ? Признаютъ-ли всѣ представители либеральной партіи въ Законодательномъ Корпусѣ тѣ реформы, которыхъ мы добиваемся, и тѣ учрежденія, свободы основанія которыхъ мы требуемъ? Вотъ въ чемъ заключается основной вопросъ, гордіевъ узелъ нынѣшней ситуаціи.

„Затруднительное положеніе рабочихъ наглядно иллюстрируется слѣдующимъ печальнымъ обстоятельствомъ.

„Въ странѣ, конституція которой построена на началахъ всеобщаго избирательнаго права, въ странѣ, гдѣ каждый ежеминутно упоминаетъ и восхваляетъ принципы 1789 года, намъ приходится оправдывать рабочія кандидатуры, долго и подробно приводить всѣ аргументы въ ихъ пользу и все это для того, чтобы избѣжать не только несправедливыхъ обвиненій со стороны боязливыхъ людей и рутинеровъ, но и опасливаго или отрицательнаго отношенія со стороны нашихъ друзей.

„Всеобщее избирательное право сдѣлало насъ совершеннолѣтними политически; но намъ остается еще добиться соціальнаго раскрѣпощенія. Свобода, которой третье сословіе сумѣло добиться съ такой рѣшимостью и настойчивостью, должна распространиться во Франціи, какъ въ странѣ демократической, на всѣхъ гражданъ безъ исключенія. Политическое равноправіе необходимо включаетъ въ себѣ соціальное равноправіе.

„Неоднократно повторяли: нѣтъ болѣе классовъ; съ 1789 года всѣ французы равны передъ закономъ. Но мы, не имѣющіе другой собственности кромѣ нашихъ рукъ; мы, ежедневно подчиняющіеся всякимъ законнымъ или произвольнымъ требованіямъ капитала; мы живущіе подъ дѣйствіемъ исключительныхъ законовъ, вродѣ закона о коалиціяхъ и статьи 1781, которые наносятъ ущербъ какъ нашимъ матеріальнымъ интересамъ, такъ и нашему достоинству, мы съ большимъ трудомъ можемъ повѣрить такому утвержденію.

„Мы, живущіе въ странѣ, гдѣ намъ предоставлено право избирать депутатовъ, и не всегда имѣющіе возможность научиться грамотѣ; мы, лишенные возможности свободно собираться и объединяться, а значитъ, и организовать профессіональное образованіе; мы, видящіе, что это драгоцѣнное орудіе промышленнаго прогресса сдѣлалось привилегіей капитала, мы не можемъ впасть въ подобную иллюзію.

„Мы, чьи дѣти часто проводятъ свои ранніе годы въ развращающей и нездоровой фабричной обстановкѣ или въ ученичествѣ, которое въ настоящее время мало чѣмъ отличается отъ домашняго рабства; мы, чьи жены принуждены оставлять семейный очагъ для изнурительнаго труда, противнаго ихъ физической природѣ и ведущаго къ разрушенію семьи; мы, лишенные права сговариваться для мирной защиты нашей заработной платы и для страхованія отъ безработицы, мы утверждаемъ,

что равенство, провозглашенное закономъ, не вошло еще въ нравы и что его приходится еще осуществлять въ дѣйствительности. Люди, которые, будучи лишены образованія и средствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лишены и свободы и не могутъ совмѣстными усиліями бороться противъ своекорыстныхъ и притѣснительныхъ требованій, эти люди фатально подпадаютъ подъ власть капитала: ихъ интересы подчинены чужимъ интересамъ.

„Мы прекрасно знаемъ, что интересы не поддаются регламентаціи, что они ускользаютъ отъ дѣйствія закона, и что примиреніе ихъ достижимо только путемъ частныхъ соглашеній, текучихъ и измѣнчивыхъ, какъ и сами эти интересы. Безъ предоставленія свободы всѣмъ гражданамъ это примиреніе немыслимо. Завоеванія нашихъ правъ мы будемъ добиваться мирными и законными средствами, но энергично и упорно. Наше освобожденіе вскорѣ наглядно обнаружитъ прогрессъ, совершившійся въ умственномъ развитіи трудящихся классовъ, этой несмѣтной массы, прозябающей въ состояніи, которое обозначается названіемъ пролетаріатъ, но которое мы, употребляя болѣе справедливое выраженіе, назовемъ саларіатомъ (наемничествомъ).

„Тѣмъ, кто со страхомъ начинаетъ ждать взрыва борьбы и забастовокъ, какъ только мы начинаемъ добиваться свободы, мы скажемъ: „вы не знаете рабочихъ; они преслѣдуютъ гораздо болѣе великую и плодотворную цѣль, чѣмъ истощеніе своихъ силъ въ повседневной борьбѣ, которая въ конечномъ счетѣ одинаково гибельна для обѣихъ борющихся сторонъ и которая угрожаетъ разореніемъ однимъ и нищетой другимъ. Третье сословіе говорило: Что такое третье сословіе? Ничего. Чѣмъ оно должно быть? Всѣмъ! Мы же скажемъ: буржуазія, наша старшая сестра въ дѣлѣ освобожденія, сумѣла въ 1789 году поглотить дворянство и разрушить несправедливыя привилегіи; нашей задачей является не отмѣна правъ, которыми справедливо пользуются средніе классы, а завоеваніе такой же свободы дѣйствій. Во Франціи, демократической странѣ par excellence, ни одно политическое право, ни одна соціальная реформа, ни одно орудіе прогресса не можетъ оставаться привилегіей немногихъ. Въ силу естественнаго хода вещей нація, глубоко проникнутая духомъ равенства, неудержимо стремится превратить всякое завоеваніе въ общее достояніе.

„Всякое средство прогресса, которое не можетъ распространиться и войти во всеобщее употребленіе такъ, чтобы способствовать общему благу, проникая вплоть до низшихъ слоевъ общества, не является вполнѣ демократическимъ, такъ какъ оно составляетъ привилегію. Законъ долженъ быть настолько широкимъ, чтобы позволить каждому гражданину въ отдѣльности или въ сообществѣ съ другими гражданами развивать свои способности и примѣнять свои силы, свои сбереженія и свои занятія, причемъ единственно допустимымъ ограниченіемъ можетъ быть только свобода другого, а не его интересъ.

„Пусть не вздумаютъ обвинять насъ въ стремленіяхъ къ аграрнымъ законамъ, къ химерическому равенству, укладывающему отдѣльныхъ лицъ на Прокустово ложе, къ раздѣлу имущества, къ установленію максимума и принудительныхъ сборовъ съ богатыхъ, и пр... — нѣтъ! давно уже пора положить конецъ этой клеветѣ, распространяемой нашими врагами

и принимаемой на вѣру невѣжественными людьми. Свобода труда, кредитъ, солидарность—вотъ наши мечты. Въ тотъ день, когда онѣ осуществятся къ славѣ и къ благу дорогой намъ страны, исчезнетъ дѣленіе на буржуа и пролетаріевъ, на хозяевъ и рабочихъ. Всѣ граждане будутъ равны въ правахъ.

„Но, говорятъ намъ, всѣхъ этихъ реформъ, въ которыхъ вы нуждаетесь, депутаты могутъ добиваться такъ же, какъ и вы, и даже лучше, чѣмъ вы; они являются представителями всѣхъ гражданъ и избраны всѣми.

„На это мы отвѣтимъ: нѣтъ! мы не имѣемъ своихъ представителей, и вотъ почему мы выдвигаемъ вопросъ о рабочихъ кандидатурахъ. Мы прекрасно знаемъ, что никто не говоритъ о промышленныхъ, торговыхъ, военныхъ, журналистскихъ и т. п. кандидатурахъ; но если этого нѣтъ на словахъ, то фактически дѣло обстоитъ именно такимъ образомъ. Развѣ подавляющее большинство Законодательнаго Корпуса не состоитъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, купцовъ, генераловъ, журналистовъ и т. д., которые вотируютъ молча или раскрываютъ ротъ только въ засѣданіяхъ комиссій, да и то по вопросамъ, относящимся къ ихъ спеціальностямъ?

„Только самое ничтожное число депутатовъ выступаетъ по общимъ вопросамъ. Конечно, мы полагаемъ, что рабочіе депутаты должны были бы и могли бы защищать общіе интересы демократіи, но еслибы даже они ограничились защитой особыхъ интересовъ самаго многочисленнаго класса, какая это была бы спеціальность, какое широкое поле!!! Они заполнили бы пробѣлъ въ Законодательномъ Корпусѣ, въ которомъ физическій трудъ совершенно не представленъ. Мы, не имѣющіе въ своемъ распоряженіи ни одного изъ такихъ средствъ, какъ богатство, связи, государственная служба, газетная гласность, мы принуждены дать нашимъ кандидатурамъ ясное и выразительное наименованіе и по возможности называть вещи ихъ настоящими именами.

„Мы не имѣемъ своихъ представителей: и дѣйствительно, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Законодательнаго Корпуса единодушно была выражена симпатія рабочему классу, но ни одинъ голосъ не возвысился для того, чтобы умѣренно, но твердо формулировать наши стремленія, наши желанія и наши права такъ, какъ мы ихъ понимаемъ.

„Мы не имѣемъ своихъ представителей, мы, отказывающіеся признать, что нищета есть божественное установленіе. Благотворительность, эта христіанская добродѣтель, наглядно доказала и сама признала свое безсиліе въ качествѣ соціальнаго института.

„Конечно, въ доброе старое время, въ эпоху „Божьей милостью“, когда короли и дворяне, наставляемые Господомъ, смотрѣли на себя какъ на отцовъ и на старшихъ братьевъ народа, когда счастье и равенство отложены были до Царствія Небеснаго, благотворительность должна была играть роль соціальнаго института.

„Но во времена народнаго верховенства и всеобщаго избирательнаго права она является и не можетъ являться ничѣмъ инымъ, какъ личной добродѣтелью. Увы! недостатки и слабости человѣческой природы всегда будутъ оставлять чувству братства достаточно широкое поле для своего проявленія; но незаслуженная нищета (курсивъ въ подлинникѣ), та нищета, которая въ формѣ болѣзни, недостаточной заработной платы

и безработицы замыкаетъ подавляющее большинство честныхъ и трудящихъ людей въ заколдованный кругъ, откуда они тщетно пытаются выбраться, эта нищета, по нашему глубокому убѣжденію, можетъ исчезнуть,—и она исчезнетъ. Почему никто не указалъ на это различіе? Мы не хотимъ быть зависимыми или благотворимыми людьми; мы хотимъ сдѣлаться равными; мы отвергаемъ милостыню; мы требуемъ справедливости.

„Мы не имѣемъ своихъ представителей, такъ какъ никто не заявилъ, что духъ антагонизма съ каждымъ днемъ все болѣе ослабѣваетъ въ народной массѣ. Наученные опытомъ, мы не чувствуемъ ненависти къ людямъ, а хотимъ измѣнить вещи. Никто не сказалъ ни слова о томъ, что законъ о коалиціяхъ въ настоящее время превратился въ простое пугало, и что онъ не только не устраняетъ зла, но и увѣковѣчиваетъ его, не оставляя никакого исхода людямъ, считающимъ себя угнетенными.

„Мы не имѣемъ своихъ представителей, такъ какъ при обсужденіи вопроса о синдикальныхъ камерахъ обнаружилась странная путаница въ головахъ людей, рекомендовавшихъ это учрежденіе. По ихъ мнѣнію, синдикальная камера должна составляться изъ хозяевъ и рабочихъ и быть чѣмъ-то вродѣ профессіональныхъ совѣтовъ прюдомовъ и третейскихъ судовъ, изо дня въ день рѣшающихъ возникающіе вопросы. Мы требуемъ синдикальной камеры, состоящей исключительно изъ рабочихъ, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ, учрежденія Палаты Труда, могли бы мы сказать по аналогіи съ Торговой Палатой, а намъ отвѣчаютъ предложеніемъ трибунала.

„Мы не имѣемъ своихъ представителей, такъ какъ никто ни однимъ словомъ не обмолвился о наблюдающемся въ рабочемъ классѣ широкомъ стремленіи къ организаціи народнаго кредита. Кто знаетъ о томъ, что въ настоящее время въ Парижѣ безвѣстно функціонируютъ 35 обществъ взаимнаго кредита? Въ нихъ заключены плодотворные ростки, но для полнаго своего расцвѣта они нуждаются въ солнцѣ свободы.

„Принципіально немного найдется умныхъ демократовъ, которые бы оспаривали законность нашихъ требованій, и никто изъ нихъ не отрицаетъ за нами права на самостоятельное ихъ осуществленіе.

„Умѣстность, способность кандидатовъ, вѣроятная неизвѣстность ихъ именъ, объясняемая тѣмъ обстоятельствомъ, что они будутъ взяты изъ среды рабочихъ, занимающихся своимъ ремесломъ въ моментъ избранія (именно для того, чтобы нагляднѣе подчеркнуть значеніе ихъ кандидатуры),—таковы аргументы, выдвигаемые для подтвержденія того положенія, что нашъ проектъ неосуществимъ, и что вдобавокъ мы лишены будемъ поддержки печати.

„Прежде всего мы настаиваемъ на томъ, что послѣ 12 лѣтъ терпѣливаго ожиданія наступилъ, наконецъ, удобный моментъ; мы никакъ не можемъ согласиться съ той мыслью, что намъ приходится ждать ближайшихъ общихъ выборовъ, т. е. цѣлыхъ шесть лѣтъ. Согласно такому расчету, требуется 18 лѣтъ для того, чтобы избраніе рабочаго сдѣлалось умѣстнымъ: двадцать одинъ годъ послѣ 1848 г.! Можно ли найти лучшіе округа, чѣмъ I-й и V-й! Здѣсь шансы на успѣхъ должны быть больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ.

„Голосованіе 31 мая въ Парижѣ безспорно разрѣшило великій вопросъ о свободѣ. Страна спокойна: не было-ли бы благоразумно и политично испытать теперь дѣйствіе свободныхъ учрежденій, долженствующихъ облегчить постепенный переходъ отъ стараго общества, основаннаго на наемномъ трудѣ, къ будущему обществу, основанному на общемъ правѣ? Не опасно-ли дожидаться моментовъ кризиса, когда страсти возбуждены всенароднымъ бѣдствіемъ?

„Развѣ успѣхъ рабочихъ кандидатуръ не окажетъ колоссальнаго моральнаго дѣйствія? Онъ докажетъ, что наши идеи поняты, что наши примирительныя стремленія оцѣнены и что, наконецъ, общество не отказывается осуществить на практикѣ то, что оно признаетъ справедливымъ въ теоріи.

„Правда-ли, что рабочіе кандидаты непремѣнно должны обладать тѣми выдающимися ораторскими и писательскими талантами, которые дѣлаютъ человѣка предметомъ преклоненія для своихъ согражданъ? Мы этого не думаемъ. Достаточно, чтобы они умѣли апеллировать къ справедливости, излагая съ прямотой и ясностью реформы, которыхъ мы добиваемся. И притомъ развѣ голоса ихъ избирателей не придадутъ ихъ рѣчамъ большаго авторитета, чѣмъ тотъ авторитетъ, которымъ пользуется самый знаменитый ораторъ? Эти выборы, вышедшіе изъ самыхъ нѣдръ народныхъ массъ, будутъ имѣть тѣмъ большее значеніе, чѣмъ скромнѣе и безвѣстнѣе были наканунѣ новые депутаты. Наконецъ, развѣ отъ депутатовъ, избиравшихся до сихъ поръ, непремѣнно требовались даръ слова и всесторонняя эрудиція?

„Въ 1848 году избраніе рабочихъ фактически санкціонировало политическое равенство; въ 1864 г. это избраніе санкціонируетъ соціальное равенство.

„Если только не оспаривать очевидности, то необходимо признать, что существуетъ особый классъ гражданъ, нуждающихся въ прямомъ представительствѣ, такъ какъ залъ засѣданія Законодательнаго Корпуса представляетъ ЕДИНСТВЕННОЕ (прописныя буквы въ подлинникѣ) мѣсто, гдѣ рабочіе могли бы въ достойной и свободной формѣ выразить свои пожеланія и потребовать предоставленія имъ тѣхъ правъ, которыми пользуются остальные граждане.

„Разсмотримъ современное положеніе безъ злобы и безъ предубѣжденія. Добивается-ли демократическая буржуазія чего-нибудь такого, къ чему бы мы не стремились съ такой же горячностью? Освобожденія всеобщаго избирательнаго права отъ всѣхъ сковывающихъ его путъ? Мы этого хотимъ. Свободы печати и собраній, подчиненной общимъ законнымъ нормамъ? Мы этого хотимъ. Полнаго отдѣленія церкви отъ государства, установленія бюджетнаго равновѣсія, свободы мѣстнаго самоуправленія? Всего этого мы хотимъ.

„Но вѣдь безъ нашего содѣйствія буржуазія врядъ-ли получитъ или сохранитъ эти права и вольности, составляющія душу демократическаго общества.

„Чего же мы добиваемся спеціально или, по крайней мѣрѣ, болѣе энергично, чѣмъ буржуазія, по той причинѣ, что мы въ этомъ непо-

средственнѣе заинтересованы? Безплатнаго и обязательнаго народнаго образованія и свободы труда.

„Образованіе развиваетъ и укрѣпляетъ въ человѣкѣ чувство собственнаго достоинства, т. е. сознаніе своихъ правъ и своихъ обязанностей. Человѣкъ просвѣщенный для исполненія своего долга апеллируетъ къ разуму, а не къ физической силѣ.

„Если въ качествѣ противовѣса свободѣ торговли не установлена будетъ свобода труда, то вскорѣ мы будемъ свидѣтелями образованія финансовой аристократіи. Въ самомъ непродолжительномъ времени мелкіе буржуа, подобно рабочимъ, превратятся въ ея слугъ. Развѣ въ настоящее время не очевидно, что кредитъ не только не становится общедоступнымъ, но наоборотъ концентрируется въ немногихъ рукахъ? И развѣ Французскій Банкъ не даетъ намъ примѣра вопіющаго нарушенія всѣхъ экономическихъ принциповъ? Онъ пользуется одновременно привилегіей выпускать бумажныя деньги и правомъ безгранично повышать размѣръ процента!

„Повторяемъ, безъ насъ буржуазія не можетъ создать ничего прочнаго; а безъ ея содѣйствія наше освобожденіе можетъ затянуться на долгое время.

„Объединимся же для достиженія общей цѣли: для торжества истинной демократіи.

„Выставляемыя нами и поддерживаемыя ею рабочія кандидатуры послужатъ наглядным доказательствомъ серьезнаго и прочнаго объединенія демократовъ безъ различія классовъ и общественнаго положенія. Будемъ-ли мы оставлены на произволъ судьбы? Будемъ-ли мы принуждены одиноко бороться за торжество нашихъ идей? Въ общихъ интересахъ будемъ надѣяться, что этого не случится.

„Во избѣжаніе недоразумѣній мы формулируемъ вкратцѣ основныя наши положенія:

„Основное политическое значеніе рабочихъ кандидатуръ заключается въ слѣдующемъ:

„Дополнить и этимъ подкрѣпить дѣятельность либеральной оппозиціи (курсивъ подлинника). Она въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ требовала необходимаго минимума (курсивъ подлинника) свободъ; рабочіе депутаты потребуютъ необходимаго минимума экономическихъ реформъ.

„Таково точное содержаніе общихъ взглядовъ, высказанныхъ рабочими во время избирательной кампаніи, предшествовавшей выборамъ 31 мая. Тогда для выставленія рабочей кандидатуры пришлось преодолѣть множество препятствій; вотъ почему ее не безъ основанія можно было упрекнуть въ запоздалости. Въ настоящее время почва расчищена, а такъ какъ, по нашему мнѣнію, необходимость рабочихъ кандидатуръ съ тѣхъ поръ еще болѣе наглядно доказана всѣми послѣдними событіями, то мы не колеблемся забѣжать впередъ, дабы избѣжать упрека, сдѣланнаго намъ во время послѣднихъ выборовъ.

„Мы публично ставимъ этотъ вопросъ для того, чтобы съ перваго же дня избирательнаго періода облегчить и ускорить соглашеніе между всѣми людьми, раздѣляющими нашу точку зрѣнія. Мы открыто заявляемъ, что мы такое и чего мы хотимъ.

„Мы хотимъ яркаго свѣта гласности и апеллируемъ къ газетамъ, которыя принуждены подчиняться монополіи, создаваемой фактомъ предварительнаго разрѣшенія; но мы убѣждены, что онѣ сочтутъ долгомъ чести гостепріимно открыть для насъ свои столбцы и такимъ образомъ засвидѣтельствовать свое сочувствіе къ истинной свободѣ, доставивъ намъ возможность высказать нашу мысль, даже если сами онѣ ея не раздѣляютъ.

„Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ открытія дискуссіи, начала избирательнаго періода и наступленія того дня, когда избирательная платформа рабочихъ кандидатовъ очутится у всѣхъ въ рукахъ, и когда они готовы будутъ отвѣчать на всѣ предлагаемые имъ вопросы. Мы расчитываемъ на содѣйствіе всѣхъ тѣхъ, кто тогда убѣдится, что наше дѣло есть дѣло равенства, неразрывно связаннаго съ свободой, однимъ словомъ— дѣло справедливости“.

Таковъ этотъ документъ, представляющій мотивированное и глубоко продуманное изложеніе тѣхъ взглядовъ, которые одушевляли группу рабочихъ кандидатовъ съ 1862 года, съ каждымъ днемъ отливаясь во все болѣе опредѣленную форму. Въ этомъ манифестѣ они снова опровергали маловажные аргументы, выдвигаемые противъ рабочихъ кандидатуръ представителями буржуазныхъ партій; умѣстность, способность кандидатовъ, вѣроятная неизвѣстность ихъ именъ—все это были просто „увертки“ и ложные предлоги. Кромѣ того они напоминали о своихъ основныхъ требованіяхъ, какъ отмѣна статьи 1781, свобода стачекъ и союзовъ; а опираясь на свѣжій опытъ шести мѣсяцевъ парламентской оппозиціи, они доказывали, что фактически самые знаменитые члены оппозиціи, считавшіе себя вопреки мнѣнію рабочихъ представителями всѣхъ гражданъ безъ исключенія, оказались неспособными защищать интересы рабочаго класса: то они требовали смѣшанныхъ палатъ вмѣсто чисто рабочихъ камеръ, которыхъ добивались пролетаріи; то они пропускали самые удобные случаи, дававшіе имъ возможность заявить о самыхъ общеизвѣстныхъ требованіяхъ рабочихъ и заставить Законодательный Корпусъ заняться ихъ обсужденіемъ.

Собственно говоря, теоретическій отправной пунктъ Шестидесяти оставался тѣмъ же, что и въ 1863 г.: во главу угла они ставили политическое равноправіе и заявляли о своей твердой рѣшимости осуществить его на дѣлѣ. Но на этотъ разъ, въ отличіе отъ ихъ циркуляровъ 1863 г., манифестъ прямо говорилъ о причинахъ, побуждавшихъ рабочихъ осуществить свои политическія права, и объ одушевлявшихъ ихъ надеждахъ. Несмотря на закутанную и осторожную форму, стремленія авторовъ были вполнѣ опредѣленными: безъ сомнѣнія, они хотѣли имѣть рабочихъ депутатовъ прежде всего для того, чтобы добиться, какъ они выражались, необходимаго минимума экономическихъ реформъ, но также и даже главнымъ образомъ для того, чтобы вести дальнѣйшую борьбу за освобожденіе своего класса. Въ 1863 г. они воздержались „отъ выдвиганія проблемы пауперизма“. На этотъ разъ они ее выдвигали. Они заявляли, что пролетаріатъ или саларіатъ представляетъ язву современныхъ обществъ, подобно тому какъ рабство и крѣпостничество являлись язвой древности и средневѣковья, и естественно приходили къ выводу о необходимости его уничтоженія. Преемники 1848 года, они заявляли, что „политическое равноправіе включаетъ въ себѣ и соціальное равноправіе“, и, дѣлая еще одинъ шагъ впередъ, утверждали, что

недостаточно провозглашать равенство въ законѣ, но что необходимо осуществить его въ дѣйствительности. Далѣе они въ туманныхъ, но знаменательныхъ выраженіяхъ говорили о тѣхъ свободныхъ учрежденіяхъ, которыхъ они добивались и которыя «должны были облегчить постепенный переходъ отъ стараго общества, основаннаго на наемномъ трудѣ, къ будущему обществу, основанному на общемъ правѣ». И наконецъ, манифестъ признавалъ необходимость отмѣны наемнаго труда, составляющей основную цѣль соціализма.

Но такъ какъ авторы манифеста знали лишь свою парижскую среду и только предчувствовали «образованіе финансовой аристократіи въ результатѣ свободы торговли», то они сохраняли иллюзію, что политическаго равенства, обезпечивающаго дѣйствительное равенство въ законѣ, достаточно будетъ для осуществленія соціальнаго равенства. Конечно, они говорили о примиреніи съ классомъ хозяевъ и о дѣйствительномъ согласованіи интересовъ, но они говорили объ этомъ какъ люди, глубоко убѣжденные въ силѣ своего класса и увѣренные въ томъ, что, если бы эта сила могла свободно проявляться, она уничтожила бы привилегіи хозяевъ и капиталистовъ. Они были убѣждены, что синдикальная дѣятельность, свободная отъ всякихъ помѣхъ, сама по себѣ принесетъ имъ соціальное равенство: эту-то мысль они и хотѣли выразить, когда говорили о томъ, что свобода труда можетъ послужить противовѣсомъ свободѣ торговли. Увы! Вскорѣ имъ пришлось убѣдиться, что освобожденіе рабочаго класса достигается далеко не такъ легко, а въ частности имъ пришлось узнать, что даже демократическая буржуазія, несмотря на ихъ антиправительственную окраску, приходитъ въ ужасъ отъ ихъ стремленій.

Они уже слишкомъ хорошо знали либераловъ Имперіи, чтобы не ждать съ ихъ стороны глухого сопротивленія. Читатель замѣтилъ, съ какимъ стараніемъ авторы манифеста объясняли либераламъ, что они признаютъ общія требованія ихъ программы, и съ какой настойчивостью они имъ напоминали, что своими іюньскими успѣхами либералы обязаны рабочимъ массамъ; умудренные историческимъ опытомъ, они, пролетаріи, напоминали этимъ буржуа, что безъ содѣйствія народа «буржуазія врядъ-ли получитъ или сохранитъ права и вольности, составляющія душу демократическаго общества». Эти слова свидѣтельствуютъ о мудрости и самоувѣренности авторовъ; но, какъ они это и предвидѣли, рабочіе кандидаты и ихъ друзья были «принуждены одиноко бороться за торжество своихъ идей».

Интересно знать, кто были піонеры идеи манифеста?

Эти шестьдесятъ человѣкъ назывались: механикъ Жанъ Оберъ; наборщикъ Барагэ; каменщикъ Буйе; каменщикъ Коадонъ; наборщикъ Кутанъ; портной Карра; Дюжарденъ изъ общества взаимнаго кредита; бронзовщикъ Кэнъ; шляпочникъ Виперъ; наборщикъ Морэ; чеканщикъ Толэнъ; механикъ Мюра; шляпочникъ Лагардъ; сыромятникъ Ройанезъ; чеканщикъ Гарнье; перчаточникъ Рампійонъ; токарь Барбье; живописецъ по фарфору Ревеню; литографъ Гено; басонщикъ Лимузенъ; механикъ Луи Оберъ; Одуэнъ изъ кредитнаго товарищества; чеканщикъ Бомонъ; монтеръ Аллеро; бронзовщикъ Перрашонъ; Пипрель изъ взаимнаго кредита; портной Руксель; граверъ Рено; чеканщикъ Валье; механикъ Вангамъ; бронзовщикъ Весньеръ; метранпажъ Бланъ; монтеръ

Самсонъ; бронзовщикъ Камелина; портной Шарль Мишель; монтеръ Буаренъ; чеканщикъ Лангрени, портной Секретанъ; механикъ Тьерселенъ; плотникъ Шевріе; басонщикъ Луа; монтеръ Вильгемъ; краснодеревецъ Мессереръ; токарь Файо; Фламанъ; наборщикъ Галенъ; Барра; портной Адинэ; чеканщикъ Камиллъ; ткачъ Мюра-отецъ; Шеронъ; народный учитель Бибаль; Удэнъ; наборщикъ Шалонъ; монтеръ Морель; механикъ Делагэ; монтеръ Капэ; токарь Арбла; монтеръ Кошю; тюльщикъ Мозонъ.

Было бы также интересно знать, кто и при какихъ условіяхъ составлялъ этотъ манифестъ. Толэнъ уже умеръ, но другіе свидѣтели еще живы. Черновъ въ своей послѣдней книгѣ заявилъ, что манифестъ составлялся на квартирѣ Анри Лефора, въ то время юнаго буржуазнаго демократа, имя котораго часто встрѣчается въ связи со всей этой исторіей и который, повидимому, всегда пытался сблизить крайнихъ республиканскихъ дѣятелей съ передовыми рабочими.

Это свѣдѣніе Черновъ получилъ отъ Анри Лефора, и оно подтверждается письмомъ Кламажерана («Переписка», стр. 273): «Относительно Реклю,—писалъ онъ своему кузену Феликсу Кламажерану послѣ провала Толэна,—вы угадали совершенно вѣрно. Манифестъ составленъ нѣкимъ Лефоромъ, а этотъ Лефоръ очень близокъ съ Реклю; онъ состоитъ членомъ той же группы». Анри Лефоръ находился въ сношеніяхъ съ эмигрантами и изгнанниками, съ самыми крайними демократами Лондона и Парижа; и можно предполагать, что лондонскіе эмигранты, изъ коихъ нѣкоторые встрѣчались съ парижскими рабочими на выставкѣ 1862 г., должны были постараться придать противоправительственный характеръ движенію, обѣщавшему получить въ будущемъ самое серьезное значеніе. Черновъ говоритъ также (loc. cit.), что въ выработкѣ манифеста принималъ участіе и Гамбетта. Объ этомъ свидѣтельствуетъ только Лефоръ. Это возможно. Но что особенно бросается въ глаза при чтеніи этого документа, такъ это грубоватая оригинальность формулъ: всѣ употребляемыя въ немъ выраженія встрѣчаются во всѣхъ циркулярахъ и манифестахъ, издававшихся маленькой группой съ 1862 года. Если перомъ водили буржуа, то диктовали рабочіе. Нѣкоторые изслѣдователи замѣтили въ манифестѣ прудоновскія формулы, но въ данномъ случаѣ на нихъ повліяло то обстоятельство, что впослѣдствіи парижскіе интернаціоналисты примкнули къ ученіямъ Прудона. Въ дѣйствительности же авторы манифеста, пытаясь выразить свои классовыя требованія, употребляли безразлично всѣ формулы, унаслѣдованныя отъ 1848 года, подобно тому, какъ на первой стадіи профессіональнаго и соціалистическаго движенія во Франціи соціальные республиканцы 1834 г. для выраженія аналогичныхъ требованій пользовались терминологіей эпохи Великой Революціи. Можно только сказать, что послѣдніе въ свое время имѣли дѣло съ болѣе интеллигентной буржуазіей.

Буржуазія же 1864 г. была сильно встревожена манифестомъ Шестидесяти. Рабочіе, въ маѣ выступившіе слишкомъ поздно, а на этотъ разъ выступая слишкомъ рано, въ одно и то же время хотѣли захватить мѣсто и подѣйствовать на общественное мнѣніе. Это имъ удалось. Геру гостепріимно открылъ имъ столбцы своей газеты. Манифестъ читался и обсуждался: «Temps», «Siècle», «Constitutionnel» и «France» заговорили о немъ; реакціонныя и католическія газеты подняли вопль о соціализмѣ

и о революціи; «Constitutionnel» издавалъ истерическіе крики, такъ какъ ему уже померещился красный призракъ. Либеральныя и демократическія газеты повторяли свою избитую мысль о томъ, что теперь уже не существуетъ ни кастъ, ни классовъ; «Journal des Débats» просилъ не вызывать печальныхъ воспоминаній стараго режима и 1848 года; а «Temps» снова пытался установить различіе между рабочими кандидатурами и кандидатами-рабочими. Въ первый моментъ Геру какъ будто вспомнилъ о своемъ сенъ-симонистскомъ прошломъ: онъ (правда, осторожно) защищалъ манифестъ и пытался доказать, что онъ не содержитъ никакихъ классовыхъ декларацій, что дѣло просто идетъ о допущеніи въ ряды оппозиціи нѣсколькихъ рабочихъ представителей, что такимъ образомъ рабочій классъ не будетъ раздраженъ, а получитъ удовлетвореніе. Этотъ лидеръ буржуазной демократіи, какъ мы видимъ, не страдалъ отсутствіемъ ловкости и политическаго смысла («Opinion Nationale» отъ 22 февраля и 24 февраля 1864 г.). 24-го онъ напечаталъ также отвѣтъ Толэна на обвиненіе въ томъ, что онъ выдвигаетъ рабочую кандидадуру какъ принципъ и стремится такимъ образомъ возстановить классы вопреки принципу равенства. Толэнъ отвѣчалъ, что эта кандидатура, наоборотъ, является ничѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ принципа равенства; а въ отвѣтъ на обвиненіе въ «противопоставленіи соціальнаго вопроса политическому» онъ напоминалъ ту фразу манифеста, въ которой указывается цѣль рабочихъ, а именно подкрѣпленіе либеральной оппозиціи.

Несмотря на всѣ заявленія авторовъ манифеста, либеральная оппозиція упорно продолжала имъ не вѣрить, и вмѣстѣ съ нею такое же отношеніе проявляли многіе рабочіе. Съ момента перваго же выступленія рабочихъ въ защиту особыхъ интересовъ своего класса сразу обнаружилось разногласіе между тѣми, кто хотѣлъ временно посвятить всѣ свои силы исключительно политической борьбѣ, и тѣми, кто полагалъ, что для веденія самой политической борьбы необходимъ сильный рабочій классъ, классъ, «человѣческій капиталъ» котораго, какъ говорилъ Корбонъ, долженъ охраняться отъ расточенія.

Въ отвѣтъ на Манифестъ Шестидесяти въ газетѣ „Siècle“ появился 28 февраля Манифестъ Восьмидесяти. Рабочій классъ, правда, подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ понуканій со стороны, въ свою очередь втягивался въ полемику. „Восемьдесятъ“ заявляли, что Манифестъ Шестидесяти выражаетъ мнѣніе ничтожной кучки, и что рабочіе, какъ и въ маѣ, отвергнутъ рабочихъ кандидатовъ. Касты, говорили они, должны стушеваться передъ принципами. Рабочія кандидатуры могутъ „совершенно некстати“ выдвинуть соціальный вопросъ, тогда какъ дѣло идетъ только о политическомъ вопросѣ: до тѣхъ поръ, пока народъ не пользуется свободой, онъ не долженъ помышлять ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о ея завоеваніи. Въ заключеніе они заявляли, что въ качествѣ оппозиціонныхъ рабочихъ они чувствуютъ себя достаточно хорошо представленными „честными и свѣдущими людьми“.

Весьма вѣроятно, что этотъ Манифестъ былъ написанъ по заказу или по просьбѣ: разсмотрѣніе подписей показываетъ, что текстъ Манифеста былъ пущенъ по мастерскимъ и что подписи собирались оптомъ. Эти „Восемьдесятъ“ не составляли группы убѣжденныхъ передовыхъ рабочихъ, одушевленныхъ одной и той же мыслью. Но это обстоятель-

ство не даетъ намъ права закрывать глаза на серьезную тактическую проблему, выдвинувшуюся въ разсматриваемый моментъ: слѣдовало-ли уже въ рамкахъ Имперіи стремиться къ непосредственному улучшенію положенія рабочихъ или же завѣщать эту задачу республикѣ, которая непремѣнно должна была придти на смѣну режиму Наполеона III? Развѣ политическое преобразованіе, согласно живой и чисто бланкистской традиціи, не представлялось средствомъ къ соціальному преобразованію? Тщетно люди, выступавшіе въ защиту специфическихъ интересовъ рабочаго класса, утверждали, что они цѣликомъ принимаютъ программу оппозиціи; многіе республиканцы, какъ буржуа, такъ и рабочіе, задавали себѣ роковой вопросъ: не играютъ ли иниціаторы рабочихъ кандидатуръ въ руку Имперіи? Несмотря на оппозиціонный характеръ газеты „Opinion Nationale“, отношенія, существовавшія между Геру и рабочими, невольно наталкивали на ту мысль, что рабочій кандидатъ это ничто иное, какъ кандидатъ Пале-Рояля. Одни думали такъ совершенно искренно, какъ напримѣръ Кламажеранъ, который послѣ выборовъ писалъ, что „съ этой кандидатурой свячано много интригъ, а у Пале-Рояля здѣсь рыльце, несомнѣнно, въ пушку“... Но даже люди, не вѣрившіе въ это, заинтересованы были въ распространеніи такихъ слуховъ; это избавляло ихъ отъ непріятной необходимости открыто выступить противъ рабочаго класса и въ то же время давало имъ возможность разъ навсегда положить конецъ этимъ кандидатурамъ раздора, въ которыхъ они болѣе или менѣе сознательно усматривали возрожденіе классового движенія.

Авторы Манифеста Шестидесяти поняли угрожавшую имъ опасность. Кандидатура Толэна была выставлена 6 марта въ V-мъ округѣ. Толэнъ понималъ, что необходимо не упускать изъ виду будущности движенія даже съ рискомъ лишиться поддержки печати въ лицѣ „Opinion Nationale“ и съ рискомъ на время скомпрометировать судьбу самыхъ настоятельныхъ реформъ. И онъ постарался заручиться покровительствомъ надежныхъ и крайнихъ республиканцевъ.

Анри Лефору также пришлось энергично настаивать въ томъ же смыслѣ. Въ то время какъ между сторонниками Шестидесяти и Восьмидесяти продолжалась полемика, а подписные листы покрывались подписями въ мастерскихъ и отсылались въ газеты, Лефоръ искалъ моральной поддержки. 9 марта появился въ «Opinion Nationale» и былъ распространенъ въ округѣ циркуляръ-программа Толэна. Въ немъ было напечатано большое письмо, подписанное (по порученію) Ш. Делеклюзомъ, бывшимъ генеральнымъ комиссаромъ республики, бывшимъ депутатомъ Ноэлемъ Парфэ и Лораномъ Пиша: всѣ трое рекомендовали Толэна избирателямъ и выясняли „смыслъ его кандидатуры въ общей системѣ демократическихъ идей“. Но даже въ этомъ письмѣ, хотя и въ формѣ одобренія, эти три крайніе демократа дѣлали нѣкоторую оговорку: „въ принципѣ,—писали они рабочимъ,—мы отвергаемъ всякія классовыя различія и смотримъ на всѣхъ, какъ на гражданъ, равныхъ въ правахъ и въ обязанностяхъ. Въ этомъ отношеніи наши чувства ничѣмъ не отличаются отъ вашихъ; не вы, просвѣщенные сыны революціи, станете думать о возстановленіи корпорацій во имя спеціальнаго интереса, который, на нашъ взглядъ, какъ и на вашъ, долженъ раствориться въ великомъ гражданскомъ равенствѣ, къ которому вы стремитесь

вмѣстѣ съ нами и которое мы не замедлимъ завоевать. Но признавши эти великія истины, вы ссылаетесь на несправедливость того мучительнаго положенія, въ которое васъ поставило общество, и требуете, чтобы ваши собратья великаго города, соединивши свои усилія съ вашими, разрушили препоны, воздвигнутыя противъ васъ. Ваши требованія кажутся намъ законными". Такимъ образомъ демократы, точь въ точь какъ Геру, низводили выставленіе рабочихъ кандидатуръ до уровня борьбы за кое-какія ближайшія частичныя улучшенія. И самъ Толэнъ, повторяя содержаніе своего отвѣта въ „Opinion Nationale", соглашался съ ними въ циркулярѣ, въ которомъ онъ перепечаталъ ихъ письмо, что „рабочая кандидатура не представляетъ какого-нибудь принципа, но что въ случаѣ своей побѣды она была-бы проявленіемъ принципа равенства".

Но несмотря на свои собственныя оговорки и на свою умѣренность, кандидатура Толэна съ каждымъ днемъ должна была все яснѣе выступать въ качествѣ чисто классовой кандидатуры.

9 марта, къ моменту появленія Толэновскаго циркуляра, избирательная кампанія была уже въ полномъ разгарѣ: въ первомъ избирательномъ округѣ кандидатомъ былъ Карно, а въ V-мъ (округъ Толэна) Гарнье-Пажесъ. Подъ вліяніемъ Манифеста избирательная кампанія сразу приняла новый характеръ, который слѣдуетъ отмѣтить. Карно выступалъ, главнымъ образомъ, къ качествѣ автора закона по народному образованію, котораго такъ желали рабочіе; а Манифестъ, возвѣщавшій его кандидатуру, былъ подписанъ нѣсколькими рабочими, фамиліи которыхъ сопровождались указаніемъ ихъ профессіи. Въ V-омъ округѣ учащаяся молодежъ, Шарль Лонгэ, Робертъ Люзаршъ, Курнэ, Блатэнъ, Массоль, Бюрнишонъ, Вайянъ и др., выставили кандидатуру Фредерика Морена въ виду того, что это былъ старый борецъ и что кромѣ того „изданныя имъ изслѣдованія о рабочихъ союзахъ служили порукой за то, что рабочіе на найдутъ болѣе энергичнаго и болѣе компетентнаго защитника". Столь хулимая рабочая кандидатуры напомнила крайнимъ о правахъ пролетаріата, а остальныхъ она заставила сдѣлать, по крайней мѣрѣ, словесныя заявленія въ пользу рабочаго класса. Такимъ образомъ Манифестъ достигъ свой цѣли.

Но начиная съ 9 марта, т. е. съ того момента, какъ въ пользу Толэна высказались Делеклюзъ, Ноэль Парфе и Пиша, которые уже въ то время получили кличку радикальныхъ демократовъ, рабочій кандидатъ не могъ уже разсчитывать, если не на поддержку, то по меньшей мѣрѣ, на гостепріимство газеты „Opinion Nationale". Прямота требовала бы отъ Геру, чтобы онъ открыто выразилъ свое неодобреніе Толэну и заявилъ, что классовый характеръ рабочей кандидатуры начинаетъ внушать ему такую же тревогу, какъ и остальнымъ либераламъ; но такое открытое признаніе, пожалуй, равносильно было бы разрыву не только съ группой Толэна, но и со многими другими делегатами 1862 г. Но главнымъ образомъ оно равносильно было бы признанію, что газета напечатала и защищала манифестъ Шестидесяти съ тайной цѣлью привлечь его составителей на сторону Имперіи.

Редакторъ „Opinion" прибѣгъ къ довольно низкопробной уловкѣ. 11 марта, ровно черезъ два дня послѣ появленія циркуляра Толэна, Шабо, который теперь, повидимому, окончательно сдѣлался готовымъ

на всѣ услуги агентомъ Пале-Рояля, выставилъ въ V-омъ округѣ свою кандидатуру противъ Толэна. 13 марта «Opinion Nationale» напечатала его манифестъ: въ немъ онъ напоминалъ о своемъ отказѣ выставить кандидатуру въ маѣ 1863 года и ссылался на свободу выборовъ (т. е. на отсутствіе главнаго комитета), чтобы мотивировать свое согласіе на сдѣланныя ему «новыя предложенія». Особенно интересенъ конецъ его заявленія, который опредѣленно подчеркиваетъ классовой характеръ кандидатуры Толэна. «Я не стану никого убѣждать,—говорилъ Шабо,—что вступленіе новаго депутата въ Законодательный Корпусъ немедленно приведетъ къ разрѣшенію всѣхъ великихъ соціальныхъ проблемъ и къ достиженію всѣхъ свободъ. Скажу только, что въ то время, какъ нѣкоторые стремятся увѣковѣчить вражду и несогласіе между хозяевами и рабочими путемъ разлученія обѣихъ сторонъ (намекъ на рабочія синдикальныя камеры), я хочу добиться ихъ сближенія съ цѣлью установить на прочныхъ основаніяхъ единство и согласіе, необходимыя для развитія промышленности... Въ отличіе отъ тѣхъ, кто стремится къ немедленному и коренному переустройству нашей соціальной организаціи, я хочу, чтобы эти измѣненія совершались постепенно и безъ потрясеній". Итакъ, въ то время какъ манифестъ Шестидесяти ни однимъ словомъ не обмолвился о стремленіи къ разжиганію соціальной борьбы, а взгляды Толэна, если понимать ихъ буквально, повидимому, склонялись даже къ соціальному миру, его противники уже объявляли его классовымъ кандидатомъ и революціонеромъ. Слѣдуетъ признаться, что проницательные противники сумѣли за внѣшностью разглядѣть сущность.

Но какую же цѣль преслѣдовала кандидатура Шабо? Черезъ три дня дѣло выяснилось: 16 марта Геру въ значительной статьѣ, посвященной разсмотрѣнію всѣхъ выставленныхъ кандидатуръ, съ поразительнымъ мастерствомъ покинулъ Толэна на произволъ судьбы. Необходимо привести слова демократическаго журналиста для того, чтобы всѣ знали, съ какимъ низкимъ лицемѣріемъ буржуазія устранила первую классовую кандидатуру. „То, что можно было предвидѣть,—говоритъ онъ,—осуществилось въ полной мѣрѣ. Рабочіе раскололись. Въ отвѣтъ на манифестъ появился контръ-манифестъ. Рабочіе, примыкающіе къ традиціямъ Люксембургской комиссіи, выступили противъ лондонскихъ делегатовъ. Болѣе того; сами лондонскіе делегаты не могли столковаться между собою, и противъ кандидатуры Толэна выставлена была кандидатура Шабо. И какъ бы не довольствуясь этой братоубійственной войной, рабочіе, которые должны были бы сохранить за выставленной ими кандидатурой ея исключительно экономическій и соціальный характеръ, избѣгая всякихъ политическихъ недоразумѣній, возымѣли несчастную мысль просить или принять политическое покровительство, которое навлекло на нихъ вражду и подозрѣніе, не придавши имъ никакой силы. Съ этого момента игра была проиграна, и о Толэнѣ не стоило больше думать".

Геру забываетъ, что кандидатура Шабо, имѣвшая характеръ диверсіи, была выставлена только черезъ два дня послѣ появленія циркуляра Толэна и симпатизировавшихъ ему демократовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ несомнѣнно упускаетъ изъ виду и то обстоятельство, что республиканскіе кандидаты нѣсколькими мѣсяцами раньше могли бы навлечь

на себя такія же нареканія со стороны оффиціальныхъ кандидатовъ. Впрочемъ, 20 марта, въ день выборовъ, Шабо снялъ свою кандидатуру: весь ея смыслъ и вся ея цѣль сводились къ тому, чтобы доставить Геру его основной аргументъ противъ рабочей кандидатуры. Прибѣгая къ такой маккіавелической уловкѣ, онъ надѣялся сохранить связи съ передовыми рабочими, а при удобномъ случаѣ, быть можетъ, и завоевать ихъ симпатіи. Съ этого момента разрывъ сдѣлался совершившимся фактомъ.

Одинъ только Кутанъ, вскорѣ покинувшій своихъ товарищей, продолжалъ еще писать въ „Opinion“. Какъ это неоднократно случалось и впослѣдствіи, рабочіе въ теченіе извѣстнаго времени пользовались гостепріимствомъ этой газеты, ни на іоту не отказываясь отъ своихъ идей и не оказывая никакой поддержки ея политикѣ. Теперь это кончилось.

Въ послѣдніе дни избирательнаго періода низкія ухищренія не прекращались. Какой то имперіалистскій и фантастическій кандидатъ, нѣкій Гюгельманъ, счелъ нужнымъ поручиться за Толэна; послѣдній долженъ былъ заявить, что не имѣетъ съ нимъ ничего общаго, но потокъ клеветы не изсякалъ. Парижскіе передовые рабочіе получили первый суровый урокъ классовой борьбы на политической почвѣ.

Съ перваго же своего выступленія имъ пришлось натолкнуться на злопыхательство и всяческія мерзкія выходки со стороны буржуазіи.

Толэнъ получилъ 424 голоса. Буржуазія достигла своей цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ она добилась и другой, которой вовсе не искала. Она пріучила пролетаріевъ расчитывать только на самихъ себя, она укрѣпила въ ихъ умахъ сознаніе враждебной противоположности классовъ и постепенно толкала ихъ на путь революціонной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи Геру высказалъ въ февралѣ вѣрную мысль. Стоитъ прочитать приводимый ниже избирательный плакатъ Толэна, появившійся въ послѣдній моментъ и любезно сообщенный намъ г. Черновымъ, и тогда сразу бросается въ глаза, какимъ тономъ заговорилъ теперь кандидатъ. Терпѣніе этого умѣреннаго человѣка видимо истощилось: „мы ждемъ съ момента сотворенія міра“,—восклицаетъ онъ. Въ этихъ словахъ прорывается вѣковой вопль угнетенныхъ классовъ и выражается твердая рѣшимость пролетаріата добиться своего полнаго освобожденія. Несмотря на отдѣльныя слова, по всему тону этого документа видно, что пролетаріату надоѣло вѣчно ждать.

Слѣдовало бы вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить широкое броженіе, происходившее въ продолженіе всего этого періода рабочихъ кандидатуръ не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи, и отраженнымъ дѣйствіемъ вліявшее на самоопредѣленіе передовыхъ буржуазныхъ элементовъ. И дѣйствительно, очень рѣдко случается, чтобы рѣзко опредѣленное соціалистическое движеніе не сопровождалось цѣлымъ рядомъ побочныхъ движеній, въ которыхъ, несмотря на ихъ менѣе рѣшительный и опредѣленный характеръ, ясно проявляется подъемъ рабочаго класса.

Выборы 20 и 21 марта 1864 года.—5-ый округъ.

ИЗБИРАТЕЛИ,

Смута, вызванная и эксплуатируемая противниками рабочей кандидатуры, обнаруживаетъ силу реакціи, вооруженной всѣми привилегіями.

Внѣ свободы нѣтъ спасенія для всѣхъ насъ, рабочихъ и нерабочихъ, желающихъ справедливости.

Мы требуемъ права собраній. Намъ отвѣчаютъ, что у насъ есть одно только право, право просить разрѣшенія....

Мы требуемъ свободы печати. Такъ называемая либеральная пресса могла отказать намъ въ своей поддержкѣ; но она обязана была предоставить намъ свои столбцы, такъ какъ она пользуется монополіей. Она не исполнила своего долга.

Съ нами не вступаютъ въ споры. Для борьбы съ нами противники принуждены были пустить въ ходъ цѣлую систему интригъ и клеветъ. Но наперекоръ всѣмъ этимъ маневрамъ, одинъ фактъ остается неопровержимымъ,—это одобреніе нашего выступленія радикальными демократами, делегировавшими гражданъ *Делеклюза*, *Ноэля Парфэ* и *Лорана Пиша*. Эти имена достаточно ясно показываютъ, откуда исходитъ клевета и кто заинтересованъ въ ея распространеніи.

Мы хотимъ равенства, неразрывно связаннаго со свободой. Наша кандидатура должна была возстановить противъ себя либераловъ и реакціонеровъ: либераловъ, которые не хотятъ равенства; реакціонеровъ, которые не хотятъ свободы. Одни пытались насъ оклеветать, а другіе скомпрометтировать.

Но что бы ни говорилось и ни дѣлалось, ничто не въ силахъ ослабить значенія нашихъ политическихъ и соціальныхъ требованій. Они не зависятъ отъ избирательнаго пораженія или побѣды.

ИЗБИРАТЕЛИ,

Мы приглашаемъ васъ способствовать, насколько это въ вашихъ силахъ, переходу права въ дѣло.

Если вы находите, что моментъ для этого не наступилъ, мы подождемъ. Къ этому мы привыкли.

Мы ждемъ съ момента сотворенія міра.

А. Толэнъ, рабочій-чеканщикъ, Кандидатъ оппозиціи.

(7277) Парижъ. Типографія Эдуарда Бло, Улица Сенъ-Луи, 46, кварталъ Марэ.

«Въ настоящій моментъ,—писалъ въ апрѣлѣ 1863 года Шарль де Ремюза,—рабочій классъ пріобрѣтаетъ значеніе крупной силы. Хотя и не легко опредѣлить причину этого явленія, для выясненія котораго наши учрежденія почти ничего не сдѣлали, но умственный и моральный прогрессъ, совершающійся въ рабочей средѣ, бросается въ глаза и поражаетъ самыхъ проницательныхъ и наименѣе подозрительныхъ наблюдателей». Въ теченіе краткаго, но полнаго интенсивной жизни періода, который продолжался отъ поѣздки рабочихъ делегатовъ въ Лондонъ до основанія Интернаціонала, прогрессъ совершался во всѣхъ областяхъ и проявлялся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Послѣ появленія прокламаціи 60-ти и ихъ полемики съ 80-ю, многіе демократы также должны были заняться разсмотрѣніемъ мѣръ, которыя можно было бы принять въ пользу пролетаріата, всячески избѣгая при этомъ борьбы классовъ. Сознательные рабочіе жадно стремились къ образованію и чтенію: мы уже видѣли, какое важное мѣсто занимали въ рабочихъ программахъ пункты, относившіеся къ народному просвѣщенію. Повсюду основывались народныя библіотеки, а для удовлетворенія пламеннаго стремленія пролетаріевъ къ самообразованію созданы были дешевыя коллекціи «Національной Библіотеки» и «Полезной Библіотеки», томики которыхъ часто встрѣчаются въ скромныхъ библіотекахъ тогдашнихъ рабочихъ. Около того же времени снова начало сильно развиваться кооперативное движеніе, которому буржуазія оказывала содѣйствіе почти безъ всякихъ оговорокъ. Въ 1863 году Белюзъ издалъ отдѣльными выпусками свою книгу „Les Associations conséquence du progrès“. Въ томъ же году международная ассоціація для развитія общественныхъ наукъ на своемъ конгрессѣ въ Гентѣ высказалась въ пользу кооперативныхъ товариществъ. Либералы всѣхъ оттѣнковъ заинтересовались этимъ движеніемъ, и когда Белюзъ основалъ народный банкъ „Кредитъ Труду“, онъ встрѣтилъ самую горячую поддержку со стороны всѣхъ партій, начиная отъ орлеаниста Казимира-Перье и католика Кошена и кончая радикальными демократами, какъ Клемансо и Накэ. Къ этому первому банку Леонъ Сэ и Вальрасъ вскорѣ присоединили учетную кассу народныхъ ассоціацій. Въ провинціи этому примѣру послѣдовалъ цѣлый рядъ городовъ, какъ Валансъ, Ліонъ, Лилль, Сентъ-Этьенъ. Кооперація (этимъ словомъ отнынѣ замѣнено было слово „ассоціація“, связанное съ слишкомъ непріятными воспоминаніями) кооперація въ самыхъ различныхъ формахъ увлекала пролетарскую массу: за періодъ отъ 1851 до іюня 1863 года основано было только 8 новыхъ обществъ, а отъ іюня до декабря 1863 года сразу образовалось 15. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ ноябрѣ 1864 г., основана была спеціальная газета для поощренія кооперативнаго движенія, „L'Association“. Въ этой газетѣ писали только республиканцы. Ея ревизіонная комиссія состояла изъ Белюза, Фавелье, бывшаго редактора „Atelier“ (Мастерская), Флэри, бывшаго народнаго представителя, купца Моттю, Ноэля Парфэ и Элизэ Реклю; а въ ея редакціонный комитетъ входили Шассенъ, Густавъ Шодэ, каменщикъ Коадонъ, Даво, администраторъ общества взаимнаго кредита, Э. Депуа, экономистъ Горнъ, Лоранъ Пиша, Анри Лефоръ,—однимъ словомъ, нѣсколько наиболѣе надежныхъ рабочихъ и самыхъ передовыхъ демократовъ. Кооперація не возбуждала такихъ тревогъ, какъ выставленіе рабочихъ кандидатуръ, въ которыхъ

уже выражалось классовое сознаніе, пріобрѣтенное передовыми парижскими рабочими.

Послѣдніе также не сидѣли сложа руки; и описанію ихъ дѣятельности мы должны отвести самое широкое мѣсто на этихъ немногихъ страницахъ. Въ маѣ 1864 года правительство подъ давленіемъ вызваннаго ими движенія дало имъ частичное удовлетвореніе. Желая вернуть себѣ симпатіи рабочаго класса, враждебное отношеніе котораго къ Имперіи обнаружилось во время выборовъ 1863 года, оно рѣшило отмѣнить законъ о коалиціяхъ. Докладчикомъ законопроекта былъ Эмиль Оливье, который по этому случаю (намъ еще придется объ этомъ говорить) окончательно отдѣлился отъ лѣвой. Проектъ натолкнулся на оппозицію со стороны фабрикантовъ, опасавшихся учащенія стачекъ, и со стороны либеральной лѣвой, которая признавала законъ коварнымъ, такъ какъ онъ предоставлялъ рабочимъ право коалицій, не давая имъ въ то же время права собраній и такимъ образомъ лишая ихъ возможности принимать коллективныя рѣшенія по вопросу объ объявленіи, прекращеніи или продолженіи стачки. Жюль Симонъ и Жюль Фавръ требовали безусловной отмѣны статей 414, 415 и 416 Уложенія о наказаніяхъ. Оливье упрекалъ ихъ въ нежеланіи удовольствоваться первымъ прогрессивнымъ шагомъ и, поддержанный министрами, провелъ въ Законодательномъ Корпусѣ новый законъ. Содержаніе новыхъ статей безусловно свидѣтельствовало о рѣшительномъ шагѣ впередъ: до 25 мая 1864 года коалиція влекла за собой наказаніе во всѣхъ случаяхъ, каковы бы ни были намѣренія стакнувшихся лицъ, какъ бы законны ни были ихъ притязанія, какъ бы безупречны и честны ни были средства, употребляемыя ими для составленія или сохраненія коалиціи. По новому же закону наказаніе полагалось только за «насильственныя дѣйствія, угрозы или обманныя продѣлки, направленныя къ составленію или сохраненію коалицій или посягательству на свободное отправленіе промышленной дѣятельности и труда» (ст. 414). Статья 416 установляла отвѣтственность хозяевъ наравнѣ съ рабочими, а статья 415 повышала наказанія, предусмотрѣнныя въ статьѣ 414, если дѣянія, караемыя этой статьей, совершены по заранѣе составленному плану. Всѣ наказанія, установленныя этимъ закономъ, были болѣе строгими, чѣмъ кары за соотвѣтствующіе проступки по общему праву. Да оно и понятно; вѣдь должна же буржуазія защищать то, что она называетъ «свободой труда»! Товарищи-соціалисты на горькомъ опытѣ извѣдали всѣ прелести права коалицій, торжественно признаннаго закономъ 1864 года. Съ тѣхъ поръ прошло уже больше 40 лѣтъ, а споръ, возникшій тогда между Жюлемъ Симономъ и Эмилемъ Оливье, до сихъ поръ не законченъ; но на основаніи статей 414 и 415 со времени изданія закона 1864 г. на рабочихъ была наложена такая масса наказаній, что даже умѣренные республиканцы чувствуютъ себя вынужденными требовать отмѣны этихъ злополучныхъ постановленій.

Въ тотъ моментъ, когда этотъ законъ былъ опубликованъ, онъ не могъ удовлетворить рабочихъ. Онъ давалъ имъ право коалицій, но отказывалъ имъ въ свободѣ союзовъ; онъ признавалъ стачки, стихійно и рѣзко вспыхивающія, когда чаша терпѣнія рабочихъ переполнена, но онъ отказывался признать забастовку, которую могли бы объявить рабочіе, сознающіе свое право и свою силу, и которая могла бы пре-

упредить стихійные взрывы. Кутанъ въ цѣломъ рядѣ статей указалъ на недовольство сознательныхъ рабочихъ. Фактически законъ былъ примѣнимъ только при условіи терпимаго отношенія къ рабочимъ союзамъ, и правительство принуждено было склониться передъ этой необходимостью. Множество обществъ взаимопомощи или даже сберегательныя товарищества приняли болѣе ярко выраженный синдикальный характеръ и внесли въ свои уставы пункты относительно боевой дѣятельности. Однако процессы вродѣ того, который былъ возбужденъ противъ благотворительнаго общества марсельскихъ дрягилей, воспретившаго своимъ членамъ поступать на мѣста безъ согласія синдиката, время отъ времени напоминали имъ, что не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на терпимость правительства. Система произвола и милостей просто перемѣнила свое направленіе: теперь она примѣнялась уже не къ стачкамъ, а къ союзамъ. Да и самый законъ 1884 года также въ нѣкоторомъ смыслѣ только измѣнилъ точку приложенія произвола: стачка законна и синдикатъ законенъ, но тѣмъ не менѣе остается нарушеніе „свободы труда“. А кто сумѣетъ опредѣлить, гдѣ начинается это нарушеніе?

Во всякомъ случаѣ, въ маѣ 1864 года парижскіе передовые рабочіе были уже достаточно научены опытомъ, чтобы не обольщаться формальными уступками Имперіи.

Предоставляя правительству продолжать свою политику мизерныхъ уступокъ и гнушаясь той кучки рабочихъ, которая по прежнему оставалась преданной Пале-Роялю душой и тѣломъ, передовые рабочіе безъ унынія, безъ усталости и съ вѣрой въ свою новую силу смѣло пустились на поиски другого пути къ своему освобожденію.

Какъ мы уже видѣли, во время поѣздки делегатовъ въ Лондонъ, завязаны были сношенія между англійскими и французскими рабочими. Съ конца 1862 года эти сношенія не прерывались. Въ первый моментъ, во время прибытія французскихъ делегатовъ, трэдъ-юніонисты, повидимому, не поняли важнаго значенія нарождающагося движенія, такъ что не изъ нихъ былъ составленъ комитетъ, организовавшій пріемъ французскихъ рабочихъ. Но зато въ немъ участвовали члены бывшаго Союза Коммунистовъ; а связи, существовавшія между этими эмигрантами и англійскими профессіональными союзами, должны были мало-по-малу склонить послѣднихъ къ мысли объ установленіи международной связи между рабочими. Вдобавокъ въ разсматриваемый моментъ англійскіе трэдъ-юніоны принимали новую тактику. Тогда во главѣ ихъ стояли такіе замѣчательные люди, какъ Вильямъ Алленъ, генеральный секретарь объединеннаго союза механиковъ, неутомимый, терпѣливый и осторожный администраторъ, или Робертъ Эпльгартъ, администраторъ новаго союза плотниковъ, живой, открытый и примирительно настроенный дѣятель, который, стремясь обезпечить тредъ-юніонизму соціальное и политическое положеніе, признанное закономъ, побуждалъ его выступать во всѣхъ областяхъ политической и общественной жизни; рука объ руку съ ними шелъ Джорджъ Оджеръ, блестящій ораторъ и идолъ лондонскихъ радикаловъ, успѣшно вліявшій на массу и привлекавшій на сторону новаго движенія все болѣе многочисленныхъ сторонниковъ. «Впервые за все столѣтіе,—замѣчаютъ Бсатриса и Сидней Веббъ въ своей «Исторіи трэдъ-юніонизма»,—руководство рабочимъ движеніемъ

перешло изъ рукъ благожелательно настроенныхъ людей, принадлежавшихъ къ среднему или высшему классу, какъ, напримѣръ, Плэсъ или Оуэнъ, въ руки настоящихъ рабочихъ, спеціально подготовленныхъ къ этой роли». Мы отмѣчаемъ это явленіе въ виду общаго его характера: такимъ же характеромъ отличалось въ разсматриваемый періодъ и французское движеніе.

Эти-то трэдъ-юніонистскіе вожди, которые впослѣдствіи должны были составить Юнту, а въ разсматриваемое время уже встрѣтились въ Trades-Council (Профессіональный Совѣтъ), т. е. въ незадолго до того основанномъ союзѣ лондонскихъ синдикатовъ, стремились расширить нѣсколько узкій горизонтъ стараго трэдъ-юніонизма и заинтересовать англійскихъ рабочихъ въ вопросахъ общей политики, до тѣхъ поръ совершенно ихъ не занимавшихъ. Такимъ путемъ они надѣялись добиться для своего класса соціальнаго равенства, которымъ онъ тогда еще не пользовался, и вѣрнѣе достигнуть его освобожденія, чѣмъ съ помощью стачекъ и ограниченной борьбы за повышеніе заработной платы. И въ этомъ отношеніи Толэнъ и его товарищи придерживались такихъ же взглядовъ.

Лондонскій Профессіональный Совѣтъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для открытаго демонстрированія общихъ стремленій рабочаго класса. Въ 1862 г. онъ организовалъ большой митингъ протеста противъ англійской крупной буржуазіи, безстыдно выражавшей свое сочувствіе южно-американскимъ рабовладѣльцамъ, и старался возбудить въ странѣ агитацію въ пользу избирательной реформы. Въ 1863 году кровавое подавленіе польскаго возстанія подало поводъ къ новымъ митингамъ. Въ это же время французскіе рабочіе такъ же страстно увлекались польскимъ вопросомъ.

Если бы Наполеонъ III, особенно въ началѣ 1863 года, сообразовался только съ пожеланіями парижскихъ рабочихъ, то онъ немедленно долженъ былъ бы объявить войну въ защиту Польши. Они послали адресъ Чарторыйскому, устроили денежные сборы и даже подали петицію тому, кто держалъ въ рукахъ «шпагу Франціи» (петицію, встрѣтившую, впрочемъ, дурной пріемъ). Польскій вопросъ послужилъ предлогомъ для установленія новыхъ, болѣе постоянныхъ и правильныхъ сношеній между англійскимъ и французскимъ пролетаріатомъ.

Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что это былъ только поводъ. Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ французскіе рабочіе упорно преслѣдовали свою мысль объ установленіи международной связи между рабочими, и весьма вѣроятно, что и по другой сторонѣ пролива портной Эккаріусъ, проживавшій въ Лондонѣ нѣмецкій эмигрантъ, бывшій членъ Союза Коммунистовъ, другъ Маркса и трэдъ-юніониста Оджера, старался воздѣйствовать въ томъ же смыслѣ на членовъ Профессіональнаго Совѣта. Поэтому, какъ только на сцену выдвинулся польскій вопросъ, онъ немедленно подалъ поводъ къ общей манифестаціи. Въ исторіи пролетаріата неоднократно наблюдалось аналогичное явленіе: передовые дѣятели движенія впервые встрѣчаются во время манифестацій, выражающихъ общій порывъ чувства, а уже впослѣдствіи изъ этой встрѣчи вытекаетъ прочная организація.

Французскіе и англійскіе рабочіе обмѣнялись посланіями; французамъ пришлось ограничиться этимъ вплоть до іюля, такъ такъ они

были слишкомъ заняты избирательной кампаніей. Наконецъ въ іюлѣ Толэнъ, Перрашонъ и Лимузенъ отправились въ Лондонъ, чтобы отвезти отвѣтъ на адресъ англійскихъ рабочихъ. 22 іюля они прибыли туда и въ тотъ же вечеръ присутствовали на митингѣ въ Сентъ-Джемсъ-Холлѣ въ честь Польши. Толэнъ описалъ этотъ митингъ въ письмѣ, помѣщенномъ 25 іюля въ «Opinion Nationale». Когда предсѣдатель заговорилъ о войнѣ въ пользу Польши, собраніемъ овладѣлъ неописуемый энтузіазмъ. «Волненіе возобновилось, когда въ залъ вошла депутація французскихъ рабочихъ. Мы встали всѣ какъ бы для того, чтобы засвидѣтельствовать этимъ наше горячее желаніе заключить военный союзъ для вмѣшательства въ польскія дѣла». Всѣ присутствовавшіе высказались за расторженіе трактатовъ 1815 года и рѣшили организовать новый митингъ, на которомъ говорилъ Оджеръ. Онъ требовалъ сохраненія всеобщаго мира и изданія законовъ, направленныхъ къ охранѣ труда отъ эксплуатаціи капитала; кромѣ того онъ высказался за устройство международныхъ конгрессовъ и за принятіе мѣръ, способныхъ помѣшать переѣздамъ рабочихъ изъ одной страны въ другую въ цѣляхъ пониженія заработной платы. Правда, собраніе вотировало адресъ, выражавшій симпатію полякамъ, но уже здѣсь проявился трэдъ-юніонистскій духъ, одушевлявшій иниціаторовъ движенія. Въ международной организаціи участники англійскихъ профессіональныхъ союзовъ думали найти средство, способное обезпечить высокую заработную плату англичанъ отъ пониженія; на интернаціонализмъ они прежде всего смотрѣли какъ на особую форму протекціонизма. Принятый митингомъ адресъ былъ распространенъ по мастерскимъ, что доставило кружку Толэна и его друзей новый благопріятный случай для пропаганды своихъ идей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что тогда возникъ проектъ правильной организаціи международнаго общества; по этому поводу англійскіе и французскіе рабочіе обмѣнивались мыслями. Къ сожалѣнію, мы не можемъ во всѣхъ деталяхъ прослѣдить сношенія, имѣвшія мѣсто въ продолженіе 18 мѣсяцевъ, отдѣляющихъ митингъ въ Сентъ-Джемсъ-Холлѣ отъ митинга въ Сентъ-Мартинсъ-Холлѣ. Для этого у насъ не хватаетъ документовъ; но мы все-таки располагаемъ нѣкоторыми доказательствами того упорства, которое французскіе рабочіе должны были проявить для осуществленія своей идеи. Несмотря на то, что избирательная кампанія поглощала всѣ ихъ силы, передовые французскіе рабочіе, повидимому, ни на минуту не упускали ее изъ виду.

Анри Лефоръ, котораго лондонскіе эмигранты, повидимому, убѣдили войти въ сношенія съ группой Толэна, разсказалъ въ газетѣ «Le Rappel» отъ 5 іюля 1870 г. по поводу третьяго процесса Интернаціонала, что въ 1863 г. онъ ѣздилъ въ Лондонъ въ качествѣ делегата отъ кружка «съ опредѣленнымъ предложеніемъ приступить къ организаціи международной ассоціаціи».

Лефоръ не указываетъ болѣе опредѣленно на дату, а г. Черновъ, приводящій его свидѣтельство (стр. 447) и совершенно не упоминающій о митингѣ въ Сентъ-Джемсъ-Холлѣ, повидимому, склоненъ усматривать въ этой поѣздкѣ исходную точку Интернаціонала.

По моему мнѣнію, эта поѣздка состоялась во всякомъ случаѣ не ранѣе конца 1863 г., а быть можетъ, даже въ концѣ марта или въ апрѣлѣ 1864 года.

Въ самомъ дѣлѣ, если Анри Лефору поручено было представить англійскимъ рабочимъ опредѣленный проектъ, то, по всей вѣроятности, такое порученіе было возложено на него не только въ виду его связей съ эмигрантомъ Лелюбезомъ, но и потому, что рабочіе обѣихъ странъ уже раньше обмѣнивались мыслями по этому поводу. И весьма вѣроятно, что поѣздка могла состояться послѣ іюльскаго митинга 1863 г.

Но съ другой стороны, самъ Анри Лефоръ сообщаетъ, что «Лелюбезъ привелъ его на митингъ англійскихъ рабочихъ, на которомъ предсѣдательствовалъ Оджеръ и который обсуждалъ проектъ торжественной встрѣчи Гарибальди». А пріѣздъ Гарибальди въ Англію состоялся въ апрѣлѣ 1864 года, и я не нашелъ во французскихъ газетахъ, которыя сильно интересовались этимъ событіемъ, ни малѣйшаго намека на то, чтобы эта поѣздка была рѣшена задолго до этого времени.

Наконецъ, я готовъ видѣть въ возобновленіи проекта международной ассоціаціи попыку вознаградить себя за избирательную неудачу 20 марта Г-нъ Лефоръ оказалъ бы наукѣ большую услугу, еслибы сообщилъ болѣе точныя свѣдѣнія о событіяхъ того времени, не стараясь при этомъ преувеличить свою собственную роль: это его маленькая слабость.

Во всякомъ случаѣ, потребовалось больше года, прежде чѣмъ получилась возможность осуществить наконецъ такъ долго лелѣемый проектъ Международной Ассоціаціи рабочихъ. Избирательная кампанія 1864 г. поглотила всѣ силы парижскихъ передовыхъ пролетаріевъ. Но въ сентябрѣ 1864 года, въ виду подготовляющагося новаго митинга протеста противъ русской политики въ Польшѣ, Толенъ, Перрашонъ и Лимузенъ снова отправились въ Лондонъ, на этотъ разъ съ конкретнымъ проектомъ, сводившимся къ установленію, по меньшей мѣрѣ, цѣлой системы правильнаго бмѣна свѣдѣніями по вопросамъ, интересующимъ рабочихъ всѣхъ странъ. Предполагалось основать центральную комиссію, которая должна была назначить во всѣхъ крупныхъ городахъ континента подкомиссіи или корреспондентовъ, причемъ на послѣднихъ возлагалась обязанность принимать новыхъ членовъ и собирать документы, необходимые «для составленія общей сводки относительно каждой націи».

28 сентября 1864 г. при громадномъ стеченіи народа состоялся торжественный митингъ, на которомъ трое французскихъ делегатовъ съ помощью Люблеза выступили съ изложеніемъ сихъ организаціонныхъ взглядовъ. Сохранилось нѣсколько описаній этого митинга; одно изъ нихъ, только недавно сдѣлавшееся извѣстнымъ, принадлежитъ самому Лелюбезу и перепечатано Черновымъ съ письма, посланнаго Лелюбезомъ Анри Лефору.

Послѣ того какъ хоръ нѣмецкихъ рабочихъ исполнилъ нѣсколько пѣсенъ, произнесъ рѣчь профессоръ Беслей, избранный въ предсѣдатели собранія. Это былъ англійскій радикалъ, уже давно извѣстный въ качествѣ испытаннаго демократа и энергично защищавшій требованія рабочихъ противъ манчестерской буржуазіи въ 1861 году во время стачки строительныхъ рабочихъ въ Лондонѣ и въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ. Въ „краснорѣчивомъ спичѣ, полномъ симпатіи къ угнетеннымъ народамъ“,—пишетъ Лелюбезъ,—онъ разоблачилъ насильственныя дѣянія правительствъ и совершенныя ими нарушенія международнаго права;

онъ осудилъ Римскую экспедицію, но не забылъ и противозаконнаго занятія Гибралтара; онъ заклеймилъ поведеніе Россіи въ Польшѣ и на Кавказѣ, но рѣзко напалъ на аналогичную политику Англіи въ Ирландіи, Китаѣ, Индіи и Новой Зеландіи. Ораторъ заклиналъ рабочихъ не увлекаться патріотическими предразсудками, а всегда дѣйствовать лишь по долгу совѣсти и справедливости; наконецъ, онъ выразилъ надежду, что настоящее собраніе осуществитъ проектируемое объединеніе рабочихъ всѣхъ странъ.

Затѣмъ Оджеръ прочелъ адресъ, посланный англичанами парижскимъ рабочимъ. А Толэнъ „съ настоящимъ шикомъ“, который привелъ въ восторгъ Лелюбеза, прочелъ отвѣтный адресъ французовъ.

Мы позволимъ себѣ привести этотъ документъ цѣликомъ, извиняясь передъ читателемъ за послѣднюю длинную цитату. Прочитанный на лондонскомъ митингѣ адресъ показываетъ, къ какимъ мыслямъ и взглядамъ пришли парижскіе передовые рабочіе къ моменту основанія Интернаціонала, въ которомъ имъ предстояло снова подвергнуться сильному вліянію соціалистическихъ мыслителей, какъ напримѣръ Прудона или, безсознательно для нихъ, Маркса.

„Братья и друзья,—говорили французскіе рабочіе своимъ англійскимъ товарищамъ, да, вы правы, объединяющее насъ чувство служитъ вѣрнымъ показателемъ лучшаго будущаго, предстоящаго дѣлу освобожденія народовъ.

„Недопустимо, чтобы Цезари съ челомъ, осквернennымъ кровавой короной, дѣлили между собой народы, истощенные грабительствами сильныхъ, и страны, опустошенныя варварскими войнами. Снова Польша покрыта окровавленнымъ саваномъ, мы же присутствовали въ качествѣ безсильныхъ зрителей при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ.

„Угнетеніе одного народа представляетъ опасность для свободы всѣхъ остальныхъ народовъ. Во имя своего достоинства всякій свободный человѣкъ или желающій быть таковымъ обязанъ придти на помощь своимъ угнетеннымъ братьямъ. Безъ сомнѣнія, намъ придется преодолѣть еще много препятствій, и не одинъ изъ насъ падетъ въ кровавомъ бою. Что за важность! Какъ и земля, свобода и прогрессъ требуютъ удобренія.

„И такъ, препояшемъ чресла и радостно приготовимся къ борьбѣ. Необходимо, чтобы народъ во всѣхъ великихъ политическихъ и общественныхъ вопросахъ возвышалъ свой голосъ, показывая такимъ образомъ деспотамъ, что пришелъ конецъ ихъ тираническій опекѣ.

„Рабочіе всѣхъ странъ, желающіе быть свободными, наступила очередь для васъ созывать свои Конгрессы. Теперь на сцену возвращается народъ, сознавшій свою силу и выступающій *противъ тиранiи въ политической области, противъ монополiи и привилегiй въ экономической области.*

„Уже давно благодаря научнымъ открытіямъ началось безостановочное развитіе промышленности; производство растетъ съ каждымъ днемъ; примѣненіе машинъ, облегчая раздѣленіе труда, повышаетъ его производительность въ то время, какъ торговые договоры, подсказываемые ученіемъ о свободѣ торговли, повсюду открываютъ ему новые рынки.

„Промышленный прогрессъ, раздѣленіе труда, свобода торговли,— таковы тѣ явленія, которыя должны въ настоящее время приковать наше вниманіе, такъ какъ имъ предстоитъ внести глубокія измѣненія въ экономическія условія общества. Побуждаемые требованіями времени и силой вещей, капиталы концентрируются и организуются въ могучія финансовыя и промышленныя ассоціаціи. Если мы не примемъ предохранительныхъ мѣръ, то вскорѣ эта сила, не встрѣчая никакого противовѣса, деспотически воцарится надъ всѣмъ міромъ.

„Не входя въ разсмотрѣніе всей неосновательности даваемаго намъ совѣта: „сберегайте!“, мы видимъ, что грядущая аристократія захватываетъ въ свои руки управленіе самыми скромными сбереженіями. Побуждаемая чувствомъ благотворительности и потребностью покровительствовать намъ во что бы то ни стало, она умудряется съ помощью тысячи хитроумныхъ уловокъ отнять у рабочаго распоряженіе своимъ скуднымъ капиталомъ вмѣсто того, чтобы возбуждать въ немъ духъ иниціативы. Поглощеніе нашихъ скудныхъ сбереженій этой золотоносной рѣкой грозитъ обратить насъ въ рабовъ финансовыхъ королей, а въ то же время раздѣленіе труда стремится превратить каждаго рабочаго въ винтикъ машины, управляемой руками промышленныхъ барономъ.

„Передъ этой могучей и искусной организаціей все склоняется и отступаетъ, а отдѣльный человѣкъ совершенно безсиленъ; онъ чувствуетъ, что съ каждымъ днемъ свобода дѣйствій и независимость его убываютъ. Передъ этой организаціей личная иниціатива гибнетъ или же дисциплинируется къ вящшей выгодѣ этой организаціи.

„Трудъ—это законъ человѣчества, источникъ общественнаго богатства и законная основа частной собственности. Онъ долженъ быть священнымъ и свободнымъ.

„И вотъ, что бы ни говорили современные первосвященники политической и соціальной экономіи, мы утверждаемъ, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ. Ученые теоретики, согнувшись надъ толстыми книгами, формулируютъ аксіомы, которыя на нашъ счетъ жестоко опровергаются жизнью. Они, повидимому, хотятъ разсматривать проблему только сквозь очки потребленія. Развѣ, основываясь на законѣ спроса и предложенія (вѣдь рабочаго эти господа ставятъ на одну доску съ фабричнымъ издѣліемъ), одинъ знаменитый англійскій государственный дѣятель не сказалъ: „когда два хозяина бѣгаютъ за однимъ рабочимъ, заработная плата повышается, а когда два рабочихъ бѣгаютъ за однимъ хозяиномъ, заработная плата понижается“? Когда капиталъ, этотъ плодотворный помощникъ труда, становится его неумолимымъ владыкой или обрекаетъ рабочаго на голодъ, это называется обмѣномъ услугъ и свободой сдѣлокъ! Когда фабрикантъ, очутившись въ неблагопріятномъ положеніи, понижаетъ заработную плату для того, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе между собой и своими соперниками, это называется свободной конкурренціей! Какъ будто бы свобода торговли не должна была имѣть своимъ результатомъ лишь перемѣщеніе поля битвы! Чего бы мы добились, запрятавши въ день всеобщаго замиренія въ глубинѣ нашихъ арсеналовъ нарѣзныя пушки и винтовки, еслибы благодаря пару и электричеству намъ пришлось замѣнить ихъ еще болѣе страшными орудіями разрушенія? Свобода торговли, дополненная

свободой труда, не увѣковѣчила бы борьбы, но напротивъ, содѣйствовала бы развитію склонностей и талантовъ, присущихъ каждому народу, превративши, наконецъ, враговъ въ соревнователей.

„Итакъ, благодаря отсутствію профессіональнаго образованія наука сдѣлалась привилегіей капитала; благодаря раздѣленію труда рабочій превратился въ механическое орудіе; а свобода торговли безъ солидарности между рабочими создастъ промышленное рабство, болѣе неумолимое и гибельное для человѣчества, чѣмъ крѣпостное право, уничтоженное нашими предками въ славные дни Французской Революціи.

„То, что мы говоримъ, это не кличъ ненависти; нѣтъ! это крикъ трезвости. Рабочіе всѣхъ странъ, мы должны объединиться для того, чтобы противопоставить непреодолимую преграду пагубной системѣ, стремящейся раздѣлить человѣчество на два класса: на невѣжественную, голодную чернь и на упитанныхъ, пузатыхъ мандариновъ.

„Спасемъ же себя съ помощью солидарности!“

На этотъ разъ не трудно замѣтить на содержаніи этого документа слѣды интеллигентской руки. Здѣсь уже мы не имѣемъ дѣло исключительно съ обычнымъ стилемъ прокламацій Блана, Толэна и Шестидесяти. Но оба рода разсмотрѣнныхъ нами документовъ связаны преемственностью идей и формы. Противопоставленіе „свободы труда“ свободѣ торговли въ качествѣ средства, способнаго затормозить концентрацію промышленности, и порабощеніе труда финансовой аристократіей представляютъ повтореніе основной мысли Манифеста 60-ти, подсказанной рабочимъ парижской мелкой индустріи размышленіемъ надъ своимъ положеніемъ. Но не трудно замѣтить, что эта мысль пріобрѣтаетъ болѣе глубокій и конкретный характеръ. Она проникается духомъ прудоновской критики: въ этомъ документѣ проглядываетъ та сторона прудонизма, которая должна была непосредственно быть усвоена этими рабочими, а именно та рѣзкая критика финансоваго феодализма, которую вскорѣ начали развивать Шодэ и въ особенности Дюшенъ.

«Собраніе,—пишетъ Лелюбезъ въ своемъ письмѣ о митингѣ,—оказало Толэну и другимъ французскимъ делегатамъ самый горячій пріемъ, а затѣмъ выражено было пожеланіе, чтобы на ближайшихъ выборахъ англійскіе рабочіе выставили своихъ кандидатовъ: это заявленіе встрѣчено было бурными привѣтствіями. Тогда я изложилъ организаціонный планъ, который, повидимому, былъ прекрасно понятъ и вызвалъ горячее одобреніе. Затѣмъ митингу была предложена резолюція комитета, представленная Велеромъ. Послѣдній произнесъ краснорѣчивый спичъ, въ которомъ онъ заявилъ, что тщетно правительства пытаются возстановить народы другъ противъ друга,—народы чувствуютъ, что они должны любить другъ друга,—что французы всегда, стояли выше англичанъ, что послѣдніе послали свой адресъ въ то время, какъ первые привезли его сами вмѣстѣ съ такимъ организаціоннымъ планомъ, который лишній разъ показываетъ, что прогрессъ всегда исходитъ отъ Франціи, даже когда французы живутъ въ условіяхъ величайшаго гнета».

Приводимъ текстъ резолюціи, предложенной Велеромъ:

«Митингъ, выслушавъ отвѣтъ нашихъ французскихъ братьевъ, снова привѣтствуетъ ихъ, а такъ какъ ихъ программа должна содѣйствовать улучшенію положенія рабочихъ, то мы принимаемъ ее какъ основу международной организаціи. Митингъ избираетъ комитетъ съ правомъ кооптировать новыхъ членовъ и возлагаетъ на него задачу выработать уставъ международной ассоціаціи".

Въ защиту этой резолюціи говорили самъ Велеръ и нѣсколько другихъ ораторовъ. Лелюбезъ прочелъ адресъ, посланный ему Анри Лефоромъ. Отъ имени нѣмцевъ говорилъ Эккаріусъ, отъ имени итальянцевъ маіоръ Вольфъ, главный секретарь Мадзини, «а затѣмъ гражданинъ Боскэ, благодарившій предсѣдателя за его лестный отзывъ о французской революціи. Слѣдуетъ замѣтить,—прибавляетъ Лелюбезъ,—что всякій разъ, когда произносились эти слова, раздавался взрывъ бурныхъ аплодисментовъ».

Собраніе единогласно приняло предложенную ему резолюцію и избрало комитетъ изъ 21 члена, которымъ поручено было организовать международное общество, распространяющееся на всю Европу. Среди членовъ этого комитета находились англійскіе тредъ-юніонисты, изъ которыхъ назовемъ Оджера, Гауэля, Осборна, Люкрафта (имъ принадлежало большинство), французы, какъ Денуаль, Лелюбезъ, Боскэ, затѣмъ представитель Италіи Вольфъ и, наконецъ, самое послѣднее мѣсто занималъ „докторъ Марксъ". Комитетъ собрался 5 октября 1864 года. Итакъ, рабочій Интернаціоналъ былъ основанъ: трехлѣтнія упорныя и методическія усилія парижскихъ передовыхъ рабочихъ увѣнчались созданіемъ этого грандіознаго общества.

Читатель проститъ намъ, что мы такъ долго останавливались на этой эволюціи и приводили столько документовъ, изъ которыхъ одни были забыты, а другіе были неизвѣстны или затеряны. Товарищи-соціалисты должны знать первые этапы своей исторіи, и ихъ они найдутъ въ этомъ стихійномъ возникновеніи Интернаціонала. И дѣйствительно, повторяемъ, своимъ возникновеніемъ Интернаціоналъ былъ обязанъ не какой-нибудь традиціи или абстрактной идеѣ, а новымъ потребностямъ рабочаго класса, т. е. въ конечномъ счетѣ—самому развитію капиталистическаго общества. Польскія дѣла были только предлогомъ; если стремленіе рабочаго класса къ заступничеству за Польшу еще напоминало традиціи демократическаго либерализма до 1848 года, то главная и руководящая мысль Интернаціонала заключалась въ экономическомъ соглашеніи рабочаго класса всѣхъ странъ.

Система свободной конкурренціи, одинаково дѣйствовавшая на всѣ націи, внушила пролетаріату всѣхъ капиталистическихъ государствъ сознаніе не только тождества, но и тѣсной связи его интересовъ. Съ другой стороны, принято говорить о прудонизмѣ Толэна и его парижскихъ товарищей. Камелина же увѣрялъ меня, что въ то время, когда Толэнъ участвовалъ въ составленіи Манифеста Шестидесяти, онъ совершенно не былъ знакомъ съ Прудономъ. И я убѣжденъ, что внимательное изслѣдованіе (котораго мы здѣсь не можемъ сдѣлать) и разсмотрѣніе формулъ, высказанныхъ Прудономъ до 1864 г., и формулъ, послѣдовательно сопровождавшихъ выставленіе рабочихъ кандидатуръ, докажетъ, что между ними не существуетъ внутренней связи.

Впрочемъ, каковы бы ни были формулы, мы считаемъ установленнымъ, что идейное движеніе, приведшее къ основанію Интернаціонала, непосредственно вытекло изъ первыхъ профессіональныхъ попытокъ парижскихъ рабочихъ. Подобно современнымъ имъ англійскимъ трэдъ-юніонистамъ, они вступили на почву политической борьбы лишь для того, чтобы добиться большей свободы дѣйствій въ экономической области. А когда ихъ политическія выступленія закончились неудачей, они попытались въ рамкахъ существующихъ условій пріобрѣсти больше силъ для экономической борьбы путемъ союза съ иностранными рабочими.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ февралѣ 1864 года они совершенно еще не обладали теоретической подготовкой; но для нихъ наступило время снова уразумѣть все выдающееся значеніе соціалистическихъ теорій. Въ Генеральномъ Совѣтѣ Интернаціонала Марксъ выступилъ въ качествѣ блестящаго идеологическаго выразителя этого оригинальнаго движенія, въ которомъ онъ могъ уже видѣть частичное осуществленіе эволюціи, описанной имъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ. А въ Парижѣ Прудонъ, которому группа 60-ти послала свой манифестъ, въ своей послѣдней книгѣ о «Политической зрѣлости рабочаго класса", несомнѣнно представляющей самое выдающееся его произведеніе, призналъ важное значеніе этого событія въ исторіи новаго міра.

Подобно Марксу, Прудонъ понялъ, что соціализмъ возродился и что возобновившееся рабочее движеніе будетъ стремиться къ его осуществленію. Камелина, тогда еще юноша, каждое воскресенье встрѣчался съ великимъ мыслителемъ на улицѣ Шершъ-Миди у Делэ, куда приходили также Шодэ и Дюшенъ. По его словамъ, Прудонъ, прочитавъ Манифестъ, пришелъ въ ярый восторгъ и заявилъ, что онъ „напишетъ о немъ книгу". Уже находясь въ крайне болѣзненномъ состояніи и принужденный часто бросать работу вслѣдствіе припадковъ астмы (онъ умеръ весной 1865 года), Прудонъ, составлявшій свою книгу подъ вліяніемъ парижскихъ и руанскихъ рабочихъ, съ которыми онъ совѣщался, написалъ для нихъ это замѣчательное завѣщаніе, подводившее итогъ всей его литературной дѣятельности. На конгрессахъ Интернаціонала намъ еще придется встрѣтится съ его доктриной, излагаемой въ нѣсколько искаженномъ видѣ новыми ярыми его послѣдователями; здѣсь же мы должны отмѣтить, какъ онъ самъ смотрѣлъ на свою книгу. Подобно Марксу, онъ понялъ стихійный характеръ движенія; подобно ему, онъ почувствовалъ, что народился сознательный рабочій классъ, и постарался дать ему руководящую идею, принципъ „новой демократіи"—ученіе о мютюэлизмѣ, въ которомъ онъ резюмировалъ свою основную мысль.

«Для того, чтобы какой нибудь субъектъ, личность, корпорація или общество,—писалъ онъ,—обладалъ политической зрѣлостью, требуются три основныя условія: 1) чтобы этотъ субъектъ обладалъ *сознаніемъ* своего „я", своего достоинства, своей цѣнности, мѣста, занимаемаго имъ въ обществѣ, выполняемой имъ роли, функціи, на которую онъ имѣетъ право претендовать, и интересовъ, которые онъ представляетъ или олицетворяетъ;

„2) чтобы этотъ субъектъ, въ результатѣ такого всесторонняго самосознанія, проявилъ свою *идею*, т. е., чтобы онъ умѣлъ мысленно представить себѣ, выразить словомъ и объяснить доводами разума законъ своего бытія въ его принципѣ и послѣдствіяхъ;

„3) чтобы изъ этой идеи, превратившейся наконецъ въ исповѣданіе вѣры, онъ всегда въ случаѣ нужды могъ примѣнительно къ обстоятельствамъ выводить практическія заключенія“ (стр. 40).

Послѣ появленія манифеста 60-ти можно было утверждать, что рабочій классъ уже достигъ самосознанія. Онъ уже и раньше обладалъ своей идеей,—точно соотвѣтствующей его самосознанію и „рѣшительно противорѣчащей буржуазной идеѣ“,—хотя тогда она еще не отлилась въ совершенно опредѣленную форму. Но рабочій классъ еще не вывелъ изъ этой идеи „соотвѣтствующей общей практики и приноровленной къ его положенію политики; доказательствомъ тому служитъ его голосованіе вмѣстѣ съ буржуазіей, а также его политическіе предразсудки“ (стр. 43).

Эти слова выражаютъ безспорную историческую истину. Прудонъ своей книгой, а Марксъ своей повседневной дѣятельностью въ Интернаціоналѣ пытались открыть рабочему классу идею, соотвѣтствующую его сознанію. Но они могли сдѣлать только одно, а именно помочь ему самостоятельно открыть ее: рабочій классъ долженъ былъ придти къ уразумѣнію своей идеи путемъ борьбы, забастовокъ, политическихъ кампаній, однимъ словомъ, путемъ собственнаго опыта; на конгрессахъ, на которыхъ сталкивались прудонисты и марксисты, онъ пытался самостоятельно опредѣлить общую идею, способную дать выраженіе его сознанію. Но абстрактныя теоріи отжили свой вѣкъ; отнынѣ играть дѣйствительную роль могли только ученія, соотвѣтствующія сознанію и ясно сознаннымъ потребностямъ рабочаго класса.

ГЛАВА VI.

Начало конца.
1864—1867.

Въ тотъ моментъ, когда рабочій классъ приходилъ такимъ образомъ къ самосознанію, приступалъ къ организаціи своихъ силъ и уже снова началъ поговаривать о своемъ полномъ освобожденіи, Имперія вступала въ полосу упадка. Собственно говоря, выборы 1863 года сами по себѣ не въ состояніи были ее поколебать; только лондонскіе эмигранты и нѣкоторые старые дѣятели 1848 года могли тогда вѣрить въ неминуемое ея паденіе. Еслибы международное положеніе оставалось по прежнему благопріятнымъ, еслибы Франція могла сохранить престижъ 1856 года, еслибы императоръ сумѣлъ въ атмосферѣ, полной подозрѣній и тревогъ, играть благодарную роль безпристрастнаго и безкорыстнаго арбитра,— всего этого и еще кое-какихъ либеральныхъ уступокъ было бы, безъ сомнѣнія, достаточно для того, чтобы привлечь на сторону правительства основное ядро старыхъ парламентскихъ партій и такимъ образомъ противопоставить сплоченную имперіалистскую буржуазію расправлявшему крылья республиканскому и соціалистическому пролетаріату.

Но вмѣшательство въ итальянскія дѣла и римскій вопросъ, дипломатическое заступничество за угнетенные народы, отдаленныя экспедиціи для защиты католическихъ интересовъ и пропаганда миссіонеровъ охладили или возстановили противъ Франціи большинство націй. Стремясь снискать себѣ симпатіи своихъ подданныхъ ореоломъ славы, Наполеонъ III отказался отъ той благоразумной и осторожной политики, которая доставила ему вліяніе въ 1856 году и которая могла обезпечить Франціи внѣшнее положеніе, не имѣющее себѣ равнаго. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ заявлялъ, что трактаты 1815 года отжили свой вѣкъ и что Европа должна быть преобразована по принципу національностей и естественныхъ границъ, а его постоянное вмѣшательство въ международныя отношенія внушало опасеніе, чтобы новый Наполеонъ не вызвалъ такихъ же всемірныхъ потрясеній, какъ и первый. Но онъ слишкомъ хорошо зналъ честолюбивыя стремленія, взаимное соперничество и недовѣріе отдѣльныхъ государствъ, чтобы не бояться коалицій, которыя могли бы составиться противъ него въ случаѣ смѣлой попытки осуществить наполеоновскія идеи. Постоянно колеблясь между своими мечтами и вѣчнымъ желаніемъ удовлетворить всѣ партіи, съ одной стороны, и опасеніемъ вызвать европейскую войну — съ другой, этотъ жалкій государь, дряхлый и больной, своими полумѣрами, робостью и нерѣшительностью въ нѣсколько лѣтъ окончательно испортилъ свое положеніе, скомпрометтировалъ Францію и подготовилъ крушеніе своего трона.

Въ концѣ 1863 года внѣшнее положеніе Франціи было чрезвычайно неудобнымъ и рискованнымъ. Благодаря своимъ колоніальнымъ экспедиціямъ и дипломатическимъ вмѣшательствамъ она оказалась запутанной въ международныхъ вопросахъ, возникавшихъ во всѣхъ частяхъ свѣта, не имѣя при этомъ возможности разсчитывать на союзъ съ какимъ бы то ни было государствомъ.

Ея колоніальныя предпріятія возбуждали тревожныя опасенія въ Англіи: послѣдняя ревнивымъ, но все болѣе довольнымъ взоромъ слѣдила за мексиканской авантюрой или же старалась путемъ либерально-демагогическихъ заигрываній поссорить Францію съ молодыми государствами, покровительницей которыхъ та хотѣла сдѣлаться. Дружественныя отношенія съ Россіей, которыя Наполеонъ III поддерживалъ съ 1856 г., сразу были нарушены его неловкимъ и половинчатымъ вмѣшательствомъ въ пользу поляковъ. Съ Испаніей со времени расторженія лондонскаго соглашенія (стр. 195) Франція находилась въ натянутыхъ отношеніяхъ, а Соединенные Штаты ожидали только конца междуусобной войны, чтобы дать понять Франціи, что они ни за что не потерпятъ вмѣшательства европейскаго государства въ американскія дѣла. Австрія не могла не питать враждебнаго чувства къ пособнику Италіи, къ правительству, которое натравливало на нее либераловъ всѣхъ странъ, а Пруссія, которая благодаря Бисмарку мало по малу превращалась въ покровительницу и предстательницу германскаго патріотизма, не могла скомпрометтировать себя союзомъ съ зарейнской сосѣдкой.

Оставалась еще Италія; но внезапный поворотъ, наступившій во французской политикѣ наканунѣ выборовъ 1863 года, заставилъ ее забыть объ услугахъ, оказанныхъ ей въ 1859 г., и даже возстановилъ противъ Франціи патріотически настроенную народную массу; папское же правительство, неспособное защищаться собственными силами, не переставало требовать новыхъ гарантій своей безопасности.

Въ концѣ 1863 года Наполеонъ III смутно чувствовалъ, что его могущество приходитъ въ упадокъ, и что онъ уже не пользуется въ Европѣ авторитетомъ и престижемъ 1856 года. Впослѣдствіи онъ увлекся иллюзіями и старался обмануть самого себя и другихъ высокомѣрными заявленіями, но въ разсматриваемый моментъ онъ сознавалъ дѣйствительное положеніе вещей. Нѣкогда онъ пріобрѣлъ славу и могущество войной; теперь онъ пытался вернуть себѣ пошатнувшееся преобладаніе служеніемъ дѣлу мира. Въ эпоху безудержнаго разгула національныхъ притязаній онъ сдѣлалъ попытку удовлетворить ихъ съ помощью мирной передѣлки европейской карты путемъ созыва международнаго конгресса. И взявши на себя эту курьезную и фантастическую иниціативу, онъ въ то же время намѣревался предложить преобразованной по его плану и удовлетворенной, по его мнѣнію, Европѣ приступить къ ограниченію своихъ вооруженій.

3 ноября 1863 года статуя Наполеона I въ треугольной шляпѣ и сюртукѣ, увѣнчивавшая Вандомскую колонну, была снята и замѣнена новой статуей въ костюмѣ римскаго императора: эти императоры были мастера закрывать двери храма Януса! А на слѣдующій день племянникъ великаго завоевателя предложилъ европейскимъ государямъ обезпечить мирное развитіе Европы путемъ созыва особаго конгресса. Послѣ того какъ вѣнскіе трактаты были разрушены и измѣнены и имъ угро-

жала опасность дальнѣйшаго нарушенія, „налицо оставались только нерегламентированныя обязанности, необоснованныя права и необузданныя притязанія“; необходимо было возстановить въ Европѣ господство права и такимъ образомъ дать ей возможность „ограничить чрезмѣрный ростъ вооруженій, вызванный взаимнымъ недовѣріемъ“. — „Должны ли наши самые драгоцѣнные рессурсы,—прибавлялъ императоръ,—подвергаться безконечному истощенію для пустой демонстраціи нашихъ силъ? Будемъ-ли мы вѣчно оставаться въ положеніи, которое нельзя назвать ни миромъ съ его безопасностью, ни войной съ ея счастливыми шансами?“ Эта ранняя жалоба на систему вооруженнаго мира звучитъ особенно оригинально въ устахъ государя, политикѣ котораго суждено было въ скоромъ времени навязать всей Европѣ на долгіе годы эту пагубную систему.

Мирная передѣлка трактатовъ 1815 года на конгрессѣ дипломатовъ— такова была несбыточная мечта, къ осуществленію которой почти въ продолженіе семи лѣтъ, посреди бурнаго хаоса національныхъ страстей, стремился бѣдный и усталый мечтатель. Чѣмъ больше теряло почву подъ ногами декабрьское правительство въ самой Франціи, чѣмъ болѣе широкія уступки оно принуждено было дѣлать свободѣ, тѣмъ упорнѣе оно старалось упрочить свое положеніе возстановленіемъ французской славы и уничтоженіемъ трактатовъ 1815 года, которые составляли предметъ ненависти для націоналистически настроенной народной массы. Начиная съ 1863 г., трактаты 1815 года дѣлаются постоянной темой почти всѣхъ тронныхъ рѣчей, произносимыхъ при открытіи парламентской сессіи.

Но Европа отнюдь не была расположена къ территоріальнымъ перетасовкамъ. Какъ писалъ Пальмерстонъ по поводу предложенія Наполеона III о созывѣ конгресса, „государства, пользующіяся своимъ владѣніемъ на основаніи прочнаго права почти въ теченіе полустолѣтія, отнюдь не намѣрены допускать, чтобы это право подвергалось обсужденію и дѣлалось предметомъ разныхъ пограничныхъ пререканій, которыя добрымъ сосѣдямъ заблагоразсудится возбудить“. Всѣ государства одно за другимъ отклонили предложеніе Наполеона, и одна только Пруссія какъ будто отнеслась къ нему благосклонно: это объясняется тѣмъ, что и она стремилась къ измѣненію трактатовъ 1815 года. Но человѣкъ, уже руководившій тогда прусской политикой, прекрасно понималъ, что въ новой Европѣ, гдѣ пробудившіяся національности отстаивали свои историческія права, во многихъ случаяхъ противоположныя и сталкивающіяся между собою, государство могло ждать удовлетворенія своихъ притязаній не отъ какого-нибудь конгресса или мирной конференціи. Въ то время, какъ императоръ французовъ безсмысленно расточалъ силы своего народа, Бисмаркъ укрѣплялъ силы Пруссіи: его сотрудники, Роонъ и Мольтке, дали ей могучую военную организацію; со времени польскаго возстанія онъ добился союза съ Россіей и этимъ самымъ нанесъ первый ударъ французскому преобладанію. Обезпечивъ себѣ свободу дѣйствій въ Европѣ, онъ могъ съ начала 1864 года приступить къ осуществленію традиціоннаго плана прусской монархіи, т. е. къ объединенію Германіи подъ гегемоніей Пруссіи.

Мы не можемъ здѣсь останавливаться ни на біографіи этого замѣчательнаго прусскаго юнкера, которому предстояло вскорѣ наполнить

весь міръ своимъ именемъ, ни на безконечныхъ столкновеніяхъ Пруссіи съ Австріей и мелкими нѣмецкими государствами съ 1815 года.

Возьмемъ прусское королевство и его дѣйствительнаго главу такими, какими они были въ концѣ 1863 года. Бисмаркъ, достигшій тогда 48 лѣтъ, первый министръ короля Вильгельма съ осени 1862 года и сторонникъ абсолютизма, велъ отчаянную борьбу съ либералами и профессорами, претендовавшими на обсужденіе бюджета и на контроль надъ монархіей, тогда какъ Германія интересовалась только „силой Пруссіи, а не ея либерализмомъ". Съ другой стороны, Пруссія, уже располагавшая сильной арміей, могла угрозами принудить Баварію и Вюртембергъ къ подписанію торговаго договора (октябрь 1862 года) и говорила съ Австріей высокомѣрнымъ тономъ.

Смерть датскаго короля Фридриха VII (15 ноября 1863 г.) должна была доставить Пруссіи первый удобный случай перейти отъ словъ къ дѣлу. Въ составъ датскаго королевства входило два герцогства, Шлезвигъ и Голштинія, которыми нѣмецкіе патріоты тщетно пытались овладѣть въ 1848—1850 гг. Фридрихъ VII разбилъ союзныя войска и сохранилъ власть надъ герцогствами. Болѣе того; такъ какъ онъ былъ бездѣтенъ, а королевствѣ и въ герцогствахъ дѣйствовало различное наслѣдственное право и такимъ образомъ послѣ его смерти снова могъ бы подняться вопросъ о Шлезвигѣ и Голштиніи, то великія державы вмѣшались и протоколомъ, подписаннымъ въ Лондонѣ въ маѣ 1852 года, постановили, что Христіанъ Глюксбургскій, женатый на племянницѣ короля, унаслѣдуетъ всю монархію, въ томъ числѣ и герцогства. Но это рѣшеніе не могло уладить конфликта; Фридриху VII пришлось столкнуться съ цѣлымъ рядомъ затрудненій въ Шлезвигѣ и Голштиніи, а нѣмецкіе патріоты, упорно преслѣдовавшіе свои честолюбивые замыслы, не переставали требовать отнятія герцогствъ у Даніи.

По смерти Фридриха VII датскимъ королемъ сдѣлался Христіанъ Глюксбургскій, принявшій имя Христіана IX; но герцогства, вопреки лондонскому протоколу, провозгласили своимъ государемъ Фридриха Аугустенбургскаго.

Бисмарку не улыбалась мысль объ образованіи въ Германіи новаго независимаго государства: такъ называемая „малогерманская партія" и безъ того неоднократно выступала противъ честолюбивыхъ стремленій Пруссіи, и было бы глупо усилить ее признаніемъ новаго государства. Провозглашеніе герцога Аугустенбургскаго правителемъ Шлезвига и Голштиніи противорѣчило интересамъ прусскаго короля; поэтому Бисмаркъ рѣшилъ, что послѣдній долженъ самъ овладѣть герцогствами. Но по тактическимъ соображеніямъ онъ хотѣлъ увлечь за собою традиціонную покровительницу мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, Австрію; а для этого стоило только запугать австрійское правительство. Бисмаркъ объяснилъ ему, что патріотическое движеніе приведетъ къ возрожденію либеральнаго и революціоннаго движенія въ Германіи, и убѣдилъ его дѣйствовать совмѣстно съ Пруссіей противъ германскаго Союзнаго Сейма. Въ февралѣ 1863 года Австрія и Пруссія потребовали отъ Даніи предоставленія Шлезвигу самостоятельной конституціи, а послѣ отказа съ ея стороны заняли оба герцогства своими войсками.

Но что предприметъ Европа, гарантировавшая протоколъ 1852 года? Бисмаркъ заблаговременно позаботился о ея нейтрализаціи. Поведеніе

Пруссіи во время польскаго возстанія обезпечило ей нейтралитетъ русскаго правительства. Англія, побуждаемая мелкими нѣмецкими государствами, въ теченіе нѣкотораго времени (съ мая до іюня) держала Бисмарка въ нерѣшительности и даже принудила его высказаться за кандидатуру герцога Аугустенбургскаго; но въ концѣ концовъ ей не удалось разрѣшить этого вопроса. Что же касается Франціи, то она сохраняла нейтралитетъ и въ сущности даже симпатизировала Пруссіи. Императоръ раздумывалъ надъ тѣмъ, въ какой формѣ представляется возможнымъ осуществить въ герцогствахъ его политику національностей и право народовъ на распоряженіе своей судьбой, но онъ терялся въ затрудненіяхъ, создаваемыхъ здѣсь пестротой расоваго состава; вдобавокъ онъ тогда не прочь былъ угодить Пруссіи и такимъ образомъ добиться отъ нея обѣщанія поддержки на случай разрѣшенія итальянскаго вопроса.

Какими бы мотивами ни руководилось французское правительство, Бисмаркъ, пользуясь благопріятнымъ положеніемъ, смѣло шелъ впередъ къ осуществленію своей цѣли: въ августѣ 1864 года Данія уступила Австріи и Пруссіи завоеванныя ими герцогства; союзныя державы должны были передать ихъ герцогу Аугустенбургскому; но въ февралѣ 1865 года Пруссія поставила послѣднему такія условія (присоединеніе къ Таможенному Союзу, заключеніе военнаго трактата, въ силу котораго будущая армія герцогствъ становилась частью прусской арміи, уступка Киля), что послѣдній отказался, а тогда Бисмаркъ предложилъ безъ всякихъ околичностей присоединить оба герцогства къ Пруссіи (февраль 1865 года). Одно время казалось, что Австрія готова оказать сопротивленіе, и что между обѣими германскими державами неминуемо вспыхнетъ война. Въ Берлинѣ раздавались самыя воинственныя рѣчи; въ Парижѣ Гольцъ старался заручиться поддержкой Франціи противъ Австріи, а французское правительство, все время имѣя въ виду итальянскія дѣла, повидимому, готово было пойти навстрѣчу Пруссіи. Но король Вильгельмъ предпочелъ миръ. 14 августа Гаштейнскимъ договоромъ обѣ державы подѣлили между собою герцогства: Австрія получила Голштинію, а Пруссія—Шлезвигъ.

Это соглашеніе явилось первымъ разочарованіемъ для французскихъ либераловъ, поддерживавшихъ Пруссію изъ ненависти къ Австріи, и для императорскаго правительства, которое въ союзѣ съ Пруссіей видѣло средство принудить Австрію къ уступкамъ на Аппенинскомъ полуостровѣ.

Въ циркулярѣ 29 августа 1865 года Друэнъ-де-Люисъ выразилъ протестъ Франціи: «на какомъ принципѣ,—писалъ онъ,—основывается австро-прусская комбинація? Къ нашему сожалѣнію, мы не находимъ для нея другого основанія, кромѣ силы, и другого оправданія, кромѣ обоюднаго удобства обоихъ участниковъ дѣлежа. Современная Европа отвыкла отъ такой практики, прецендентовъ которой слѣдуетъ искать въ самыхъ мрачныхъ эпохахъ нашей исторіи». Вслѣдъ за этимъ намекомъ на раздѣлъ Польши французскій министръ противопоставлялъ теоріи права завоеванія теорію права народовъ, выражающагося въ плебисцитѣ.

Этотъ безсильный протестъ былъ совершенно безплоденъ. Уже въ то время императорская Франція неспособна была поддержать силой

оружія то, что она считала правомъ. Въ тотъ моментъ, когда Пруссія подѣлила съ Австріей нѣмецкую провинцію, обѣщанную и гарантированную Сеймомъ нѣмецкому князю, когда угрожаемый Германскій Союзъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, нуждался въ традиціонной поддержкѣ Франціи противъ сильныхъ и честолюбивыхъ государствъ, Наполеонъ III казался совершенно безсильнымъ. Сложныя заботы, естественный результатъ разбрасывающейся политики, парализовали его энергію. Онъ уже началъ ограничиваться словесными, угрозами, не переходя къ дѣлу и не демонстрируя своей силы: съ этого момента онъ заслуживалъ только презрѣнія со стороны Бисмарка. Суровый реалистъ вправѣ былъ думать, что матеріальныя силы французскаго государства приходятъ уже въ упадокъ.

И дѣйствительно, въ это время значительная часть французской арміи была иммобилизована и безполезно гибла въ Мексикѣ, гдѣ «великая мысль царствованія» грозила закончиться самой плачевной анантюрой.

Выше (стр. 131) мы уже охарактеризовали то положеніе, въ которомъ въ срединѣ 1862 года очутился шеститысячный французскій корпусъ, оставшійся въ Мексикѣ одинокимъ послѣ того, какъ Примъ, убѣдившись въ безсиліи мексиканскихъ монархистовъ, рѣшилъ выпутаться изъ непріятнаго дѣла и отозвать испанскія войска. Какъ разъ въ этотъ моментъ Франція раскрыла свои карты и разоблачила свой планъ, сводившійся къ возстановленію въ Мексикѣ католической монархіи. Въ самомъ началѣ этого предпріятія императоръ обѣщалъ эрцгерцогу Максиміліану, зятю бельгійскаго короля и супругу благовѣрной принцессы Шарлотты, сдѣлать его мексиканскимъ императоромъ: теперь онъ считалъ себя связаннымъ своимъ словомъ. Генералъ Лорансэ, командовавшій шеститысячнымъ отрядомъ, не могъ овладѣть Пуэблой, которая оставалась вѣрна Хуарецу (май 1862 года). Тогда императоръ рѣшилъ отправить въ Мексику на счетъ французской казны большой экспедиціонный корпусъ. Въ маѣ 1863 года генералъ Форэ во главѣ болѣе многочисленнаго отряда овладѣлъ Пуэблой; въ іюнѣ французскія войска вступили въ Мексико, а созванная французами хунта провозгласила Максиміліана мексиканскимъ императоромъ.

Мексика была завоевана, но Хуарецъ держалъ еще въ своихъ рукахъ сѣверныя провинціи; Порфиріо Діацъ занималъ южныя области, а масса патріотовъ во все болѣе значительномъ числѣ начала собираться вокругъ республиканцевъ для защиты отечества противъ иностраннаго вторженія.

Максиміліанъ пустился въ путь 14 мая 1864 года почти противъ своей воли и безъ всякой вѣры въ успѣхъ задуманнаго предпріятія. Потребовались настоянія его жены, мексиканскихъ монархистовъ, агентовъ папы и австрійскихъ куртизановъ, чтобы убѣдить его выѣхать въ Мексику; онъ сѣлъ на пароходъ Новару, полный раздумья и негодованія противъ тѣхъ, кто въ своихъ личныхъ интересахъ устраивалъ ему эту поѣздку и престолъ.

По прибытіи въ Мексику и послѣ первыхъ оффиціальныхъ привѣтствій онъ сразу почувствовалъ свое полное безсиліе. Онъ не могъ дать удовлетворенія папѣ, требовавшему возвращенія церковныхъ имуществъ, такъ какъ этого ни за что бы не допустили умѣренные ли-

бералы, въ союзѣ съ которыми онъ принужденъ былъ править страной; съ другой стороны, онъ не могъ вполнѣ удовлетворить и этихъ самихъ либераловъ, ожидавшихъ немедленнаго принятія направленныхъ противъ церкви мѣръ, которыхъ императоръ, торжественно благословленный Піемъ IX, не могъ принять. Монархисты и либералы одинаково отвернулись отъ него; въ то же время главнокомандующій французскаго экспедиціоннаго корпуса, маршалъ Базэнъ, всячески интриговалъ противъ Максимиліана и пытался добиться его низложенія.

Къ концу апрѣля 1865 года, т. е. въ тотъ самый моментъ, когда Франція протестовала противъ Гаштейнскаго соглашенія, а германскія событія уже требовали всего ея вниманія, она очутилась въ Мексикѣ передъ слѣдующей дилеммой: или взять все дѣло въ свои руки, заключить новый заемъ и отправить новыя войска, или же предоставить Максимиліана собственной участи, прежде чѣмъ его окончательное паденіе бросило тѣнь на французскую честь. Одно время можно было думать, что Франція предпочтетъ первый путь: Фульдъ взывалъ къ французскимъ сбереженіямъ, на биржѣ шла ожесточенная игра съ акціями мексиканскихъ рудниковъ, а Руэръ продолжалъ съ восторгомъ отзываться объ этомъ смѣломъ предпріятіи, которое задумано было геніемъ императора и которое должно было оказаться для Франціи одновременно «и крайне прибыльнымъ дѣломъ, и славной страницей исторіи».

Но если осложненія въ европейскихъ дѣлахъ и финансовыя затрудненія не составляли для Имперіи достаточнаго аргумента въ пользу прекращенія мексиканской авантюры, то другая держава взяла на себя задачу сдѣлать ей предостереженіе въ этомъ смыслѣ. Капитуляція генерала Ли 9 апрѣля 1865 года положила конецъ американской междоусобной войнѣ: теперь у Соединенныхъ Штатовъ были развязаны руки, а вѣдь они ни на минуту не забывали доктрину Монроэ. Съ конца 1865 года Соединенные Штаты поддерживали Хуареца въ Техасѣ, отказывались признать Максимиліана государемъ и по мѣрѣ возстановленія своихъ силъ посылали въ Парижъ все болѣе угрожающія ноты.

Теперь для Имперіи пробилъ часъ затрудненія, когда французское общество должно было задать себѣ роковой вопросъ, не грозитъ ли наполеоновская политика, вмѣсто прославленія французскаго имени, скомпрометтировать жизненные интересы Франціи.

Этотъ вопросъ и былъ тогда опредѣленно поставленъ парламентской оппозиціей. Мы, соціалисты, не можемъ относиться съ особой нѣжностью къ большинству политическихъ дѣятелей, входившихъ тогда въ составъ этой оппозиціи; если бы Имперія поспѣшила сдѣлать имъ болѣе широкія уступки и послушаться ихъ совѣтовъ, то они выступили бы рука объ руку съ нею противъ требованій пролетаріата, какъ мы это видѣли въ 1869 году и особенно въ 1871 году. Но мы должны отдать имъ справедливость за то, что они заняли правильную позицію въ вопросахъ внѣшней политики, смѣло и настойчиво разоблачая пагубную политику авантюръ, на путь которой цезаріанскія фантазіи и интриги увлекали тогда Францію.

Въ первыхъ рядахъ этой оппозиціи стоялъ Тьеръ, который отъ 1862 до 1870 года пользовался въ парламентѣ поразительнымъ авторитетомъ.

Ни одинъ изъ депутатовъ, избранныхъ въ 1863 году, не могъ сравниться съ нимъ по своему прошлому. То обстоятельство, что онъ держался въ сторонѣ отъ правительства 2 декабря, а также тѣ, правда, безобидныя мѣры, которыя были приняты противъ него, заставили забыть о его соціальномъ консерватизмѣ; онъ возбуждалъ опасенія Имперіи—и этого было достаточно для того, чтобы примирить съ нимъ республиканцевъ. Съ другой стороны, событія 1849 года привели къ возстановленію добрыхъ отношеній между нимъ и доктринерами, всѣми этими Барантами, Бройлями, Гизо и др., которые поддерживали культъ свободы въ Академіи или въ салонахъ своихъ замковъ. Несмотря на свое удивительное заблужденіе въ вопросѣ о свѣтской власти папы, а также несмотря на ошибку націоналистически настроенныхъ республиканцевъ, сочувствовавшихъ объединенію Германіи при помощи Пруссіи, когда этотъ маленькій человѣкъ начиналъ обличать съ парламентской трибуны расточеніе французскихъ силъ и неумѣлость наполеоновской дипломатіи, онъ казался, по выраженію Пессара, «нимфой Эгеріей всѣхъ объединенныхъ или раздѣленныхъ оппозиціонныхъ элементовъ», а его бѣлый хохолъ «сіялъ, подобно маяку, привлекавшему къ себѣ всю лѣвую».

Въ январѣ 1864 года при обсужденіи отвѣтнаго адреса Тьеръ указалъ, что мексиканская экспедиція ежемѣсячно обходится казнѣ въ 14 милліоновъ и удерживаетъ далеко отъ Франціи 40 тысячъ солдатъ, которые могли бы пригодиться на мѣстѣ. «Наша военная честь не задѣта,—говорилъ онъ,—эрцгерцогъ еще не выѣхалъ, намъ не зачѣмъ впутываться дальше въ это дѣло, а слѣдуетъ вступить въ переговоры съ Хуарецомъ». Даже парламентское большинство понимало основательность этого мудраго совѣта, но Руэръ поспѣшилъ заговорить о «геніальномъ человѣкѣ», задумавшемъ эту экспедицію; а когда Тьеръ собирался снова попросить слова, какой-то Перейръ закричалъ, «что довольно уже говорили здѣсь въ пользу иностранцевъ», и фабриканты шоколада, входившіе въ составъ большинства, отказались выслушать отвѣтъ Тьера. Въ теченіе той же сессіи Жюль Фавръ указалъ на нарушеніе права, которое совершалось въ датскихъ герцогствахъ; а при обсужденіи бюджета ораторы оппозиціи неоднократно возобновляли свои нападки на мексиканскую авантюру.

Слѣдуетъ признать, что ходъ событій доказалъ ихъ правоту. Большинство продолжало апплодировать Руэру, но въ глубинѣ души оно одобряло лѣвую, а въ 1865 г. съ его скамей вырывались даже воклицанія «очень хорошо», когда Берье разоблачалъ «безумную попытку основать равновѣсіе нашего бюджета на ожидаемыхъ мексиканскихъ поступленіяхъ». Публика волновалась ложными извѣстіями, а газеты заговорили болѣе смѣлымъ языкомъ. «Оффиціальныя сообщенія,—заявилъ однажды «Journal des Débats»,—въ сущности сводятся къ слѣдующему: Хуарецъ по прежнему продолжаетъ состоять въ бѣгахъ».

Въ 1865 году, опять-таки при обсужденіи отвѣтнаго адреса и государственной росписи, оппозиція возобновила свою критику внѣшней политики правительства. Одинъ депутатъ, недавно вернувшійся изъ посольства въ Мексику, нѣкій Корта, изобразилъ это государство въ видѣ какой-то обѣтованной страны, гдѣ все обстоитъ прекрасно; но скептически настроенный Эрнестъ Пикаръ тѣмъ не менѣе заявилъ своимъ

коллегамъ, что всѣ желаютъ конца этой экспедиціи и что они должны ускорить наступленіе этого конца, если у нихъ есть хоть капля гражданскаго мужества. Его слова вызвали сильный шумъ, но замѣчаніе его было справедливо. При обсужденіи бюджета Жюль Фавръ разоблачилъ преступленія, совершенныя войсками, поджоги городовъ и болѣе чѣмъ короткую расправу, чинимую военными судами. Тщетно Гиллютэ кричалъ оратору, что «палата слушаетъ его съ негодованіемъ», тщетно Руэръ оправдывалъ преступленія военныхъ ссылкой на то, что мексиканскіе города представляютъ якобы «разбойничьи притоны»: палата и страна снова почувствовали, какая изъ двухъ сторонъ говоритъ правду. Въ письмахъ, получавшихся отъ частныхъ лицъ, описывалась вся царившая въ Мексикѣ сумятица, слабость Максимиліана, правительственная анархія и страданія солдатъ. Осенью 1865 г. мексиканскіе фонды начали падать на парижской биржѣ, а съ первыхъ же дней 1866 г. нѣкоторые журналисты, какъ напримѣръ Сенъ-Маркъ Жирардэнъ, опредѣленно заговорили объ отозваніи французскихъ войскъ.

И дѣйствительно, Наполеонъ III, внимательно слѣдившій за всѣмъ ходомъ мексиканской экспедиціи, долженъ былъ примириться съ этимъ исходомъ и 22 января 1866 года съ торжественнымъ безстыдствомъ объявилъ о своей рѣшимости отозвать войска. «Какъ я уже надѣялся на это въ прошломъ году,—говорилъ онъ,—наша экспедиція приходитъ къ концу. Въ настоящее время я вмѣстѣ съ императоромъ Максимиліаномъ обдумываю срокъ отозванія нашихъ войскъ». Другими словами это означало, что Наполеонъ оставляетъ на произволъ судьбы несчастнаго эрцгерцога, котораго отправили въ Мексику къ вящшей славѣ Франціи и папы и къ выгодѣ банкировъ; во всякомъ случаѣ этотъ шагъ равносиленъ былъ открытому признанію банкротства «великой мысли царствованія».

Но очень возможно, что вопреки всѣмъ усиліямъ парламентской оппозиціи престижъ Имперіи не былъ бы особенно сильно поколебленъ мексиканскимъ фіаско, еслибы снова не выступилъ на сцену римскій вопросъ, ускорившій разрѣшеніе германскаго кризиса и глубоко взволновавшій всю французскую жизнь. Первыя неудачи должны были бы побудить императора взвѣсить свои силы, но онъ напротивъ поспѣшилъ окончательно ихъ скомпрометтировать, внеся полную сумятицу во всѣ европейскія отношенія.

Несмотря на бѣглый характеръ нашего разсказа, мы должны все-таки прослѣдить взаимное сцѣпленіе историческихъ фактовъ. Товарищи-соціалисты до сихъ поръ еще слишкомъ склонны пренебрежительно относиться къ событіямъ внѣшней политики и игнорировать ихъ вліяніе на внутреннюю политику правительствъ; они слишкомъ часто готовы руководствоваться традиціонными предразсудками и унаслѣдованными чувствами, чтобы мы могли обойти молчаніемъ тѣ событія, изъ которыхъ вытекло современное положеніе Европы.

Выше мы уже разсказали о томъ, что послѣ сраженія при Аспромонте и наканунѣ выборовъ 1863 года императоръ круто повернулъ въ сторону политики, благопріятной святому престолу, а министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенэль былъ замѣненъ Друэнъ-де-Люисомъ, любимцемъ императрицы и папы. Для охраны папской власти императоръ въ это время готовъ былъ предпринять вторую римскую экспедицію.

Не удивительно, что Италія забыла о благодѣяніяхъ 1859 года, а патріоты, стремившіеся къ полному объединенію Италіи, возненавидѣли Францію такъ же горячо, какъ и Австрію.

Эта ненависть была невыносима для императора, и непостоянный монархъ не замедлилъ снова перемѣнить политическій курсъ. Если онъ не могъ дать Италіи удовлетвореніе въ смыслѣ предоставленія ей Рима, то нельзя-ли было удовлетворить ее въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи и путемъ такой компенсаціи заставить ее забыть о Римѣ? Онъ льстилъ себя этой надеждой и успокаивалъ себя этой мыслью. Вдобавокъ, союзъ Италіи сдѣлался для него безусловной необходимостью: Россія была возстановлена противъ Франціи со времени польскаго возстанія; онъ хорошо зналъ, что отъ Англіи ему нечего ждать; что же касается Австріи, то развѣ она не была наслѣдственнымъ врагомъ?

Поэтому въ началѣ 1863 года онъ заявилъ своему другу Арезу: «всѣ мои усилія направлены къ тому, чтобы доставить вамъ Венецію». О своихъ намѣреніяхъ онъ въ томъ же году сообщилъ самому итальянскому королю, и нашелся министръ, Висконти-Веноста, патріотъ и бывшій сторонникъ Мадзини, но вмѣстѣ съ тѣмъ тонкій дипломатъ, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ закрѣпилъ предложеніе, сдѣланное императоромъ Италіи, посредствомъ дипломатическаго трактата.

15 сентября 1864 года подписана была конвенція, по которой Италія обязалась не нападать на владѣнія, остававшіяся еще въ рукахъ папы, а Франція обѣщала отозвать свои войска, когда закончена будетъ организація собственной папской арміи, составленной изъ волонтеровъ, но во всякомъ случаѣ не позже двухлѣтняго срока. Тайная статья гласила о томъ, что столица Италіи будетъ перенесена во Флоренцію. Этотъ переносъ можно было истолковать какъ отказъ Италіи на долгое время отъ Рима; но зато Флоренція, «расположенная на линіи По и прикрываемая Аппенинскими горами, представляла лучшія топографическія условія», чѣмъ Туринъ; на случай войны съ Австріей Флоренція играла роль стратегической столицы. Такимъ образомъ, еслибы Наполеону III удалось въ скоромъ времени доставить Италіи Венецію, онъ могъ бы поздравить себя съ тѣмъ, что ему удалось наконецъ разрѣшить вопросъ, мучившій его въ теченіе многихъ лѣтъ.

Если бы онъ могъ добиться этого результата, то католическіе вопли не имѣли бы въ сущности никакого значенія. Въ отвѣтъ на конвенцію 15 сентября взбѣшенный Пій IX изцалъ энциклику Quanta Cura и Силлабусъ (8 декабря 1864 года). Эти документы представляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи новаго міра, но мы не будемъ на нихъ останавливаться. Ихъ содержаніе извѣстно: это сплошная анафема философіи, наукѣ, свободѣ совѣсти и самымъ элементарнымъ принципамъ публичнаго права. Какъ извѣстно, римскій первосвященникъ заявилъ, что онъ «не можетъ и не долженъ примиряться или вступать въ какія-либо сдѣлки съ прогрессомъ, либерализмомъ и современной цивилизаціей».

Впрочемъ, въ тотъ моментъ, когда былъ выпущенъ Силлабусъ, онъ имѣлъ скорѣе характеръ политическаго маневра. Наполеонъ отнесся къ нему не достаточно философски. На нѣкоторое время снова началась мелочная религіозная война: именемъ закона запрещено было распространять Силлабусъ; нѣкоторые епископы не подчинились этому при-

казу и читали его съ церковной каѳедры, рискуя подвергнуться безобидному «appel comme d'abus», а правительство отвѣтило по своему обыкновенію, т. е. спустило съ цѣпи либераловъ, назначило принца Наполеона вице-президентомъ Тайнаго Совѣта, разрѣшило прекрасно удавшуюся мирную манифестацію во время похоронъ Прудона (январь) и позволило противнику церкви Дюрюи напечатать въ оффиціальномъ «Монитёрѣ» свой докладъ, высказывавшійся за необходимость безплатнаго и обязательнаго народнаго образованія (февраль 1865 года).

Но необходимо было дѣйствовать быстро; необходимо было, отведя итальянскія страсти въ русло ненависти къ Австріи и дѣйствительно предоставивъ Венецію Италіи, воочію доказать серьезный характеръ конвенціи 15 сентября. Развѣ невыносимый Тьеръ еще не критиковалъ эту конвенцію въ апрѣлѣ, обличая ея неблагоразуміе и опасность?

Съ тѣхъ поръ, какъ открылся вопросъ о герцогствахъ, Наполеонъ искалъ случая осуществить свой итальянскій планъ, воспользовавшись этимъ самимъ вопросомъ и дипломатическими осложненіями, къ которымъ онъ могъ привести. Съ декабря 1863 г., когда его агентъ Флери предлагалъ прусскому королю «даже больше, чѣмъ ему хотѣлось», Венеція должна была послужить для Италіи платой за соучастіе Франціи въ прусскихъ замыслахъ. Когда въ апрѣлѣ 1864 года Англія убѣждала Францію вмѣшаться въ пользу Даніи, императоръ отвѣтилъ, что «онъ не можетъ поддерживать дѣло національностей въ Венеціи и выступать противъ него въ герцогствахъ»; а Руэръ прибавлялъ, что еслибы онъ и вмѣшался, «то онъ больше думалъ бы о Венеціи, чѣмъ о Даніи». Либеральные бонапартисты, тѣ элементы, органами которыхъ являлись «Siècle» и «Opinion Nationale», начали высказываться за вмѣшательство въ пользу Италіи: Римъ въ 1865 году, какъ и въ 1860 г., оставался центральной осью французской политики.

Но какимъ образомъ возможно было связать венеціанскій вопросъ съ вопросомъ о герцогствахъ? При этомъ имѣлся въ виду разрывъ между обѣими нѣмецкими державами, котораго всѣ ожидали и который уже назрѣвалъ. Предполагалось одно изъ двухъ: или Австрія, принужденная искать поддержки въ виду угрожавшей ей опасности, добровольно уступитъ Венецію въ награду за союзъ или за нейтралитетъ Италіи; или же Италія, соединившись съ Пруссіей, возьметъ Венецію силой. Какъ только отношенія между Австріей и Пруссіей начали становиться натянутыми, между Римомъ и Берлиномъ открылись переговоры съ благословенія Тюильрійскаго дворца; зашла рѣчь о заключеніи союза между Италіей и Пруссіей; но король Вильгельмъ предпочелъ отсрочить войну, а запуганная Австрія согласилась на мирные переговоры, которые закончились Гаштейнской конвенціей (августъ 1865 г.) И позволительно думать, что торжественный протестъ, который Друэнъ-де-Люисъ выпустилъ противъ этой конвенціи, былъ продиктованъ не столько заботой о принципѣ національностей, сколько досадой на неудачу французскаго рѣшенія итальянскаго вопроса и на соглашеніе между Пруссіей и Австріей.

Но всѣ понимали, что кризисъ не кончился и что Гаштейнская конвенція представляетъ не болѣе, какъ заплату. Представители мелкихъ германскихъ государствъ, собравшіеся во Франкфуртѣ, протестовали

противъ присоединенія герцогствъ, и только вѣрность Австріи прусскому союзу оттягивала взрывъ. Но борьба необходима была Бисмарку для осуществленія своего плана и для обезпеченія Пруссіи преобладанія въ Германскомъ Союзѣ. Поэтому она была заранѣе рѣшена въ Берлинѣ.

И на этотъ разъ взрывъ былъ ускоренъ вмѣшательствомъ Наполеона III въ итальянскія дѣла. Гнѣвъ французскаго правительства быстро испарился; не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ торжественнаго протеста Друэнъ-де-Люиса, какъ императоръ возобновилъ свои заигрыванія съ Пруссіей. Для него она продолжала оставаться тѣмъ революціоннымъ государствомъ континента, съ помощью котораго онъ надѣялся добиться передѣлки трактатовъ 1815 года и созданія новой Европы; къ ней его влекла какая то непобѣдимая сила.

Въ октябрѣ 1865 года Бисмаркъ пріѣхалъ въ Біаррицъ; здѣсь онъ видѣлся съ императоромъ и бесѣдовалъ съ нимъ о европейскихъ дѣлахъ. «Если бы Италія не существовала,—сказалъ онъ по возвращеніи въ Германію,—то ее слѣдовало бы выдумать». И дѣйствительно, Италія лежала въ основѣ всей комбинаціи. Чтобы добиться наконецъ разрѣшенія римскаго вопроса, который создавалъ для него столько затрудненій и во внутренней, и во внѣшней политикѣ, Наполеонъ III пожертвовалъ Германскимъ Союзомъ; Венеція играла роль платы за французскій нейтралитетъ. Эта комбинація должна была понравиться и Бисмарку: союзъ съ Италіей не такъ компрометтировалъ его, какъ союзъ съ Франціей, а уступать итальянскую территорію было гораздо легче, чѣмъ отдать какую нибудь нѣмецкую область или землю, признаваемую нѣмецкой германскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Впрочемъ, Бисмаркъ заранѣе выработалъ планъ дѣйствій, и даже неопредѣленный характеръ французскихъ обязательствъ не могъ его остановить. Онъ рѣшилъ присоединить къ Пруссіи Голштинію; если бы Австрія уступила, то преобладаніе Пруссіи этимъ самымъ было бы фактически установлено, а еслибы она вздумала сопротивляться, то онъ объявилъ бы ей войну и съ помощью Италіи принудилъ бы ее согласиться на прусскія требованія.

Такъ какъ Австрія позволяла партизанамъ герцога Аугустенбургскаго интриговать въ Голштиніи, то въ январѣ 1866 года Бисмаркъ послалъ ей ноту, въ которой требовалъ, чтобы Вѣнскій кабинетъ положилъ конецъ этимъ интригамъ. 7 февраля правительство Франца-Іосифа подняло брошенную ему перчатку, и Бисмаркъ поспѣшилъ ускорить переговоры съ Италіей. 28 февраля Наполеонъ III, по прежнему одержимый своей итальянской идеей, передалъ черезъ Нигру итальянскому министру Ламарморѣ: «Вы должны энергично толкать Пруссію къ войнѣ и привести въ боевую готовность свои собственныя силы»; а когда итальянцы все-таки продолжали колебаться, то онъ далъ имъ слово, что гарантируетъ ихъ отъ всякаго риска. 8 апрѣля Пруссія и Италія подписали договоръ о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ.

Въ то же время Бисмаркъ, чтобы не оставить неиспользованнымъ ни одного средства, открылъ въ Германіи широкую кампанію въ либерально-патріотическомъ духѣ. Обезпечивъ себя съ дипломатической стороны, онъ хотѣлъ теперь заставить всѣхъ нѣмецкихъ либераловъ и всѣхъ германскихъ патріотовъ признать себя истиннымъ представителемъ германскихъ интересовъ.

Такимъ образомъ благодаря наполеоновской интригѣ, игравшей въ руку прусскимъ замысламъ, Европѣ угрожали новыя потрясенія. На этотъ разъ трактаты 1815 года дѣйствительно должны были подвергнуться уничтоженію. Но соотвѣтствовало-ли это интересамъ Франціи? Не подлежитъ сомнѣнію, что революціонная задача освобожденія національностей должна была исполниться, и вѣрное своимъ традиціямъ французское государство не могло ставить этому процессу никакихъ препятствій. Но должно-ли было французское правительство искать въ этомъ дѣлѣ выгоды и славы и пытаться использовать его въ своихъ личныхъ интересахъ? Съ другой стороны, если оно хотѣло воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ и приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то оно должно было располагать достаточными силами. Но располагало ли оно ими?

Накапунѣ неминуемаго конфликта между Австріей и Пруссіей французское общество начало испытывать безпокойство. Уже смутно чувствовалось, что деспотическая Имперія обанкротилась. Парламентская оппозиція пріобрѣтала все больше силъ и энергіи; возросшій интересъ къ внѣшнимъ дѣламъ теперь выражался въ видѣ все болѣе смѣлыхъ требованій парламентскаго контроля и политической свободы. Въ теченіе сессіи 1855 года лѣвая заговорила небывало смѣлымъ языкомъ. По поводу рѣчи бонапартиста Авренкура Эрнестъ Пикаръ «посреди всеобщаго шума произнесъ нѣсколько словъ, разслышанныхъ только частью палаты», какъ кратко гласилъ оффиціальный отчетъ, не приводя этихъ словъ; но на слѣдующій день весь Парижъ узналъ про тѣ слова, которыя произнесъ Пикаръ и за которыя его не дерзнули призвать къ порядку. «Второе декабря—это преступленіе!»—вотъ что онъ бросилъ въ лицо пораженному большинству. Черезъ нѣсколько дней Эжень Пельтанъ коварно заявилъ, что принимаетъ къ свѣдѣнію фразу, сказанную Руэромъ и гласившую, что «каждый народъ имѣетъ право измѣнять свою внутреннюю организацію». Наконецъ, слѣдуя традиціи, установленной группою Пяти, оппозиція въ цѣломъ рядѣ поправокъ къ отвѣтному адресу формулировала практическіе выводы изъ той критики, которой она подвергла внутреннюю и внѣшнюю политику Имперіи. «Состояніе нашихъ финансовъ и государственнаго кредита, —гласила, напримѣръ, одна изъ поправокъ 1865 года,— больше зависитъ отъ политическаго режима, чѣмъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ... Палата не можетъ успѣшно исполнять возложенную на нее задачу до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановленъ основной принципъ вотировки бюджета по отдѣльнымъ статьямъ». Кромѣ того, начиная съ первой рѣчи, произнесенной Тьеромъ въ 1863 году, оппозиція неоднократно возвращалась къ его тезису относительно «необходимыхъ вольностей».

Но и другая сторона также начинала понимать все значеніе этого тезиса и, по крайней мѣрѣ, въ частичномъ видѣ внесла его въ программу своихъ ближайшихъ требованій. Благодаря мексиканской авантюрѣ, благодаря разоблаченнымъ въ рѣчахъ Тьера колебаніямъ и противорѣчіямъ въ итальянской политикѣ, благодаря безчисленному множеству мелкихъ фактовъ, въ которыхъ уже проявлялась какъ бы усталость системы, многіе члены большинства поколебались въ своемъ довѣріи къ правительству. Многимъ уже начало казаться, что между болѣе или менѣе опредѣленной, но упорной и рѣшительной оппозиціей

республиканцевъ, ожидавшихъ или подготовлявшихъ низверженіе Имперіи, и холопствомъ партизановъ неограниченнаго цезаризма должно найтись мѣсто для конституціонной оппозиціи, способной оказать поддержку Имперіи въ дѣлѣ постепеннаго развитія политическихъ вольностей и предохранить ее отъ авантюръ и преждевременнаго паденія. Тьеръ успокоилъ особенно робкихъ изъ нихъ, доказавши имъ, что парламентскія вольности отнюдь не имѣютъ такого революціоннаго характера, какъ они склонны были это думать; а честолюбцы, входившіе въ составъ этой клики, расчитывали на то, что перемѣна политическаго курса и обновленіе правящаго персонала доставитъ имъ теплыя мѣстечки. Такимъ образомъ постепенно начала складываться такъ называемая средняя партія.

Вдобавокъ эта партія уже имѣла своего признаннаго вождя въ лицѣ Эмиля Оливье. Мы уже разсказывали о томъ, что онъ былъ докладчикомъ правительственнаго законопроекта о коалиціяхъ (апрѣль—май 1864 года) и что онъ защищалъ этотъ проектъ безъ всякихъ оговорокъ, выступивъ противъ Жюля Симона и Жюля Фавра, однимъ словомъ, противъ всей либеральной и республиканской лѣвой. Этотъ шагъ уже самъ по себѣ былъ актомъ измѣны. Оливье поспѣшилъ подчеркнуть свое ренегатство: повторяя выраженіе Маллэ дю Пана, онъ рѣзко напалъ на «пессимизмъ» лѣвой, «эту болѣзнь, которая заключается въ томъ, что когда люди имѣютъ дѣло съ несимпатичнымъ правительствомъ, то они, вмѣсто того, чтобы признавать его положительныя дѣйствія и порицать дурныя, предпочитаютъ нападать на все и критиковать все, а въ особенности его хорошія дѣйствія, такъ какъ они приносятъ пользу ихъ авторамъ». На эти слова Жюль Фавръ отвѣтилъ: «что бы ни говорилъ Маллэ дю Панъ, въ политикѣ существуетъ только два направленія: принципіальное и авантюристское». Заявляя, что лично онъ принадлежитъ къ первому направленію, Жюль Фавръ прозрачно намекалъ на то, что Оливье принадлежитъ ко второму. «Каждый человѣкъ, — сказалъ въ заключеніе благородный адвокатъ, — долженъ имѣть мужество открыто выражать свое мнѣніе: мы отвергаемъ тактику экивоковъ. Здѣсь апеллировали къ чувству личной дружбы, но это чувство отнюдь не можетъ повліять на отказъ отъ тѣхъ убѣжденій, которыя мы раздѣляемъ по прежнему. Пусть намъ объяснятъ, какъ случилось, что нѣкоторые люди отреклись отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, предлагая въ настоящее время нѣчто совершенно противоположное». Этотъ споръ, глубоко волновавшій общественное мнѣніе, продолжался въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій. Надвигался неминуемый расколъ, которымъ интересовались вся республиканская партія. Разсказывали по этому поводу слѣдующій анекдотъ: выходя изъ Законодательнаго Корпуса, Жюль Фавръ протянулъ руку Оливье; послѣдній сначала колебался, а затѣмъ, одумавшись, протянулъ свою руку, но тогда Жюль Фавръ отнялъ свою руку со словами: «слишкомъ поздно!»

Отдѣлившись отъ лѣвой, Оливье началъ дѣлать карьеру. Въ мартѣ 1865 года, во время обсужденія отвѣтнаго адреса, онъ заявилъ, что «безъ всякаго сожалѣнія готовъ употребить всѣ силы своей воли въ цѣляхъ установленія прочнаго союза между демократіей и свободой черезъ посредство сильной національной власти», и вотумомъ «надежды» присоединилъ свой бюллетень къ голосамъ большинства. Въ награду за свое поведеніе неофитъ имперіализма былъ принятъ при дворѣ и всячески обласканъ; но Руэръ

преграждалъ ему дорогу, а Валевскій не былъ настолько вліятеленъ, чтобы помочь ему перешагнуть черезъ это препятствіе. Однако благосклонное отношеніе императора помогло Оливье привлечь къ себѣ сторонниковъ, а въ сессію 1866 года средняя партія получила возможность окончательно конституироваться.

Какъ только палата приступила къ обсужденію отвѣтнаго адреса, Тьеръ снова развилъ и конкретизировалъ свое требованіе необходимыхъ вольностей. Онъ указалъ на выводы, вытекающіе изъ принциповъ 1789 г., которые по конституціи 1852 года признаны были основой и гарантіей французскаго публичнаго права, и охарактеризовалъ тенденцію системы, установленной съ 1852 года и сознательно стремящейся отвлечь націю отъ ея собственныхъ политическихъ интересовъ. Правда, аргументы, приводимые Тьеромъ въ критикѣ внѣшней политики правительства, были такого свойства, что лѣвая ни въ какомъ случаѣ не могла съ ними согласиться: въ итальянскомъ и польскомъ вопросахъ онъ оставался крайнимъ консерваторомъ и даже реакціонеромъ; но зато эти аргументы способны были окончательно убѣдить колеблющихся членовъ большинства.

Съ своей стороны, лѣвая поняла, что она можетъ болѣе опредѣленно выдвинуть свои либеральныя требованія: въ поправкѣ, подъ которой подписались члены оппозиціи, начиная отъ Гавэна и Геру и кончая Карно, Гарнье-Пажесомъ и Доріаномъ, она требовала свободы печати, свободы выборовъ, свободы муниципальнаго самоуправленія и отвѣтственности чиновниковъ. «Французскій народъ,—говорила она въ заключеніе,—окруженный свободными государствами, обязанными своей свободой его иниціативѣ, слишкомъ гордится своимъ прошлымъ для того, чтобы его можно было третировать какъ лишеннаго правъ и объявлять его неспособнымъ или недостойнымъ самому нести на своихъ плечахъ славное бремя своихъ судебъ». Поправка была отвергнута.

Тогда 45 членовъ большинства съ своей стороны внесли поправку, которая должна была засвидѣтельствовать давно уже подготовлявшійся разрывъ между крайней имперіалистской правой и группой сторонниковъ прогресса.

«Устойчивость,—гласила поправка,—вполнѣ совмѣстима съ благоразумнымъ прогрессомъ нашихъ учрежденій. Франція, глубоко привязанная къ династіи, обезпечивающей сохраненіе порядка, не менѣе привязана, къ свободѣ, которую она считаетъ необходимой для исполненія своей исторической миссіи. Поэтому Законодательный Корпусъ полагаетъ, что онъ является выразителемъ общественнаго настроенія, повергая къ подножію престола пожеланіе, чтобы ваше величество дало великому акту 1860 года надлежащее дальнѣйшее развитіе. Пятилѣтній опытъ, какъ намъ кажется, доказалъ своевременность и умѣстность такого шага. Нація, вашей либеральной иниціативой привлеченная къ болѣе близкому участію въ управленіи государственными дѣлами, будетъ съ полнымъ довѣріемъ смотрѣть на будущее». Этотъ смиренный и просительный тонъ былъ еще слишкомъ дерзкимъ; несмотря на рѣчь Оливье, который просилъ у 45 разрѣшенія вмѣшаться въ ихъ ряды, за поправку подано было только 63 голоса. Однако до сихъ поръ меньшинство никогда еще не достигало такой цифры (19 марта за него подано было 66 голосовъ), а 20 марта поправка сорока пяти относительно свободы печати собрала 65 голосовъ.

Въ былое время императоръ счелъ удобнымъ пригласить партіи и въ особенности оппозиціонныя партіи взять на себя долю отвѣтственности за внѣшнюю политику Франціи; теперь онѣ требовали предоставленія имъ извѣстной доли государственной власти. Подобно своему апологету и выразителю своихъ мыслей, Руэру, Наполеонъ III, безъ сомнѣнія, «съ грустью и скорбью смотрѣлъ на то, что послѣ 14 лѣтъ счастливаго царствованія подвергаются оспариванію основные принципы, на которыхъ народъ основалъ процвѣтаніе династіи и страны». На засѣданіи 19 марта при обсужденіи поправки сорока пяти все тотъ же Руэръ влагалъ ему въ уста слѣдующія слова: «Я укрѣпилъ положеніе націи, я обезпечилъ ей порядокъ и безопасность. Я обновилъ ея славу, расширилъ ея границы и увеличилъ ея территорію; я дѣйствовалъ въ интересахъ Франціи, въ интересахъ оздоровленія всей народной жизни». Но какъ мы выше говорили, прежняя слѣпая вѣра парламентскаго большинства уже отошла въ область преданій, и вскорѣ духъ недовѣрія долженъ былъ распространиться по всей странѣ.

Въ концѣ апрѣля 1866 года, когда ничто еще, повидимому, открыто не угрожало Имперіи, а поползновенія оппозиціи добиться настоящаго парламентаризма должны были отступить передъ напыщенной и встрѣченной рукоплесканіями апологіей абсолютизма, французскимъ обществомъ овладѣло какое-то глухое безпокойство. Событія, подготовлявшіяся въ Германіи, возбуждали тревогу; всѣ съ величайшимъ вниманіемъ, а нѣкоторые либералы и часть народной массы даже съ симпатіей слѣдили за рѣшительными и быстрыми дѣйствіями Пруссіи; общество вспоминало о послѣдствіяхъ свиданія въ Пломбьерѣ и догадывалось, что недавнее свиданіе въ Біаррицѣ можетъ также повести къ серьезнымъ результатамъ; поговаривали о томъ, что императоръ на совѣщаніи съ Бисмаркомъ обсуждалъ вопросъ о новой перетасовкѣ европейскихъ границъ, а быть можетъ, и о территоріальномъ расширеніи Франціи.

Хотя обсужденіе отвѣтнаго адреса было закончено, а право запросовъ не существовало, тѣмъ не менѣе при обсужденіи закона о контингентѣ оппозиція воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы потребовать объясненій относительно серьезнаго предмета, занимавшаго тогда всю страну.

Въ четвергъ 3 мая началось обсужденіе этого закона. Руэръ считалъ возможнымъ отдѣлаться нѣсколькими краткими замѣчаніями; онъ утверждалъ, что Франція не станетъ поддерживать агрессивныхъ дѣйствій Италіи противъ Австріи, но что она намѣрена оставить за собой полную свободу дѣйствій по отношенію къ борющимся державамъ. Не успѣлъ онъ усѣсться на свое мѣсто, какъ слова потребовалъ Тьеръ, выслушанный съ величайшимъ вниманіемъ всей палатой.

«Я выступаю,—началъ онъ,—въ защиту той святой и священной вещи, которая называется правомъ и которая въ настоящее время топчется ногами... Я выступаю въ защиту не менѣе святой и не менѣе скомпрометтированной вещи, которая называется миромъ». И передъ лицомъ встревоженнаго и потрясеннаго большинства, сразу очарованнаго его яснымъ краснорѣчіемъ, передъ этими пораженными людьми, у которыхъ сразу открылись глаза и которыхъ его искушенный опытомъ здравый смыслъ вдругъ превратилъ въ непокорныхъ, ораторъ оппозиціи показалъ въ какомъ смыслѣ право нарушено, а миръ скомпрометтированъ.

Онъ разоблачилъ алчность Пруссіи, ея систематическое злоупотребленіе своей силой и сорвалъ съ нея маску справедливости которою она пыта-

лась ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе. Въ простыхъ выраженіяхъ онъ описалъ злополучную судьбу Даніи: она владѣла прекраснымъ портомъ и плодородной землей, но она была мала и слаба, а нѣкоторые изъ ея подданныхъ говорили на языкѣ сильнаго сосѣда. И вотъ у нея отняли герцогства «во имя Германскаго Союза или, какъ въ настоящее время выражаются, во имя нѣмецкаго отечества»; затѣмъ побѣдители оставили ихъ за собой; наконецъ, подѣлившись пополамъ съ Австріей, ей заявили: «отдайте ихъ мнѣ или я объявлю вамъ войну».

Но собраніе было особенно взволновано пророчествомъ Тьера, поразительнымъ по своей точности діагнозомъ той опасности, которой подвергалась Франція. «Пруссія,—продолжалъ Тьеръ,—если война кончится для нея удачей, подчинитъ одну часть Германіи своему прямому вліянію, а другую часть своему косвенному вліянію, а Австрію она допуститъ къ участію въ новой системѣ только въ качествѣ покровительствуемой державы. Но расширеніе Пруссіи и въ особенности ея союзъ съ Италіей равносильны возстановленію старинной Австріи, связанной съ Испаніей... Однимъ словомъ, это равносильно возстановленію Имперіи Карла V».

Сопоставленіе Гогенцоллерновъ съ Габсбургами было поразительно. Черезъ нѣсколько лѣтъ вся страна, къ которой Тьеръ аппелировалъ еще въ 1866 году и въ которой онъ старался пробудить національныя традиціи, должна была вспомнить о его пророчествѣ.

Но болѣе глубокая сторона аргументаціи великаго государственнаго человѣка заключалась, если такъ можно выразиться, въ доказательствѣ реальной полезности трактатовъ 1815 года для Франціи XIX вѣка. Конечно, эти трактаты основаны были не только на желаніи европейскихъ государствъ защититься отъ завоевательной политики Наполеона I, но также и даже главнымъ образомъ на реакціи противъ распространенія революціонныхъ принциповъ. Но тѣмъ не менѣе они на долгіе годы обезпечили Европѣ миръ, заставили правительства въ теченіе продолжительнаго періода считаться съ принятыми на себя взаимными обязательствами и мѣшали имъ использовать въ своихъ частныхъ интересахъ или въ интересахъ усиленія своей власти надъ своими собственными народами національное и демократическое движеніе, происходившее во всѣхъ странахъ. Въ продолженіе всего XIX столѣтія національное движеніе сопряжено было съ насиліемъ и войнами. Пробуждавшіеся народы натравливались другъ на друга, а право народовъ располагать собственной судьбой и группироваться сообразно своимъ склонностямъ уступило мѣсто ученымъ теоріямъ, опирающимся на силу штыковъ. Задача Франціи, какъ страны, въ которой національное единство уже давно было осуществлено, и сводилась къ тому, чтобы остановить Европу на пути насилія; и еслибы Вторая Имперія здраво понимала свои интересы, то она должна была бы держаться именно этой политики.

Напротивъ, она стремилась упрочить свое внутреннее положеніе, доставляя французамъ славу. Желая угодить либераламъ, она оказала поддержку Кавуру и подстрекала Бисмарка къ войнѣ съ Австріей. Она способствовала образованію сильныхъ государствъ на границахъ Франціи, а затѣмъ, чтобы противопоставить силѣ силу, искала возмѣщеній и компенсацій. Обдуманной и осторожной политикѣ Тьера, составлявшей традиціонный удѣлъ консервативныхъ государственныхъ дѣятелей и предметъ ненависти для либераловъ и даже республиканцевъ, она предпочитала политику

авантюръ и славы, которая должна была льстить національнымъ инстинктамъ и разжигать ихъ.

6 мая на областномъ конкурсѣ въ Оксерѣ императоръ въ свою очередь апеллировалъ къ народу противъ Тьера. Выражая благодарность оксерскому мэру за привѣтственную рѣчь, съ которой тотъ къ нему обратился, онъ сказалъ между прочимъ: «Впрочемъ, я долженъ еще уплатить Іонскому департаменту долгъ признательности. Онъ одинъ изъ первыхъ голосовалъ за меня въ 1848 году; онъ зналъ, какъ и подавляющее большинство французскаго народа, что его интересы совпадаютъ съ моими и что я, подобно ему, ненавижу трактаты 1815 г., изъ которыхъ теперь хотятъ сдѣлать единственную основу нашей внѣшней политики. Благодарю васъ за выраженныя мнѣ чувства. Среди васъ мнѣ легко дышится, такъ какъ среди трудолюбиваго сельскаго населенія я нахожу истинный геній Франціи».

Странное впечатлѣніе производитъ эта путаница мыслей и чувствъ въ тотъ моментъ, когда въ австро-прусской драмѣ должна была рѣшиться за Рейномъ судьба Франціи. Тьеръ, разоблачая прусское правительство, какъ главнаго виновника войны, срывая покровъ съ либерально-патріотическихъ заявленій, которыми теперь Бисмаркъ сыпалъ направо и налѣво, и выводя на свѣжую воду грубую алчность Гогенцоллерновъ, безсознательно служилъ интересамъ Франціи. Требуя отъ правительства, чтобы оно заговорило съ Пруссіей энергическимъ языкомъ и категорически отказало ей въ какой бы то ни было помощи или, наконецъ, не допустило Италію до союза съ берлинскимъ кабинетомъ, онъ указывалъ единственную политику, отвѣчавшую требованіямъ французской безопасности, а съ другой стороны,— допускавшую мирное развитіе европейской демократіи. Но правая апплодировала ему главнымъ образомъ за его враждебное отношеніе къ объединенію Италіи, за его сочувствіе къ свѣтской власти папы, однимъ словомъ, за ярко консервативныя стороны его политики. Что же касается либераловъ и даже республиканцевъ, то они, какъ и въ 1859 году, были противъ него и на сторонѣ императора. Они смутно чуяли опасность и понимали, что чрезмѣрное усиленіе Пруссіи способно унизить Францію, если послѣдняя не получитъ компенсаціи въ видѣ территоріальнаго приращенія; но они смутно льстили себя надеждой, что Пруссіи не удастся одержать надъ австрійской арміей ни легкой, ни полной побѣды и что обѣ борющіяся стороны принуждены будутъ прибѣгнуть къ посредничеству Франціи къ вящшей выгодѣ для послѣдней. Стремленіе къ естественнымъ границамъ также владѣло ихъ воображеніемъ, а ихъ міросозерцаніе также было отравлено духомъ національнализма и наполеоновской легендой.

И вотъ въ то время, какъ либеральныя газеты свирѣпо нападали на Австрію, когда «Opinion Nationale» прославляла новаго Ришелье въ лицѣ Бисмарка, а «Siècle» отправлялъ своихъ корреспондентовъ Вильбора и Шарля Флокэ въ прусскую и итальянскую арміи, когда публика поговаривала о вооруженномъ вмѣшательствѣ Франціи въ пользу Пруссіи, одни только соціалисты громко высказались за сохраненіе мира и разоблачали всю ту опасность, которою воинственная политика угрожала французской націи и европейской демократіи.

Ниже мы дадимъ связный разсказъ о республиканскомъ и соціалистическомъ движеніи за періодъ 1864—1867 гг. и укажемъ на эволюцію, которую продѣлали «интернаціоналисты»; но здѣсь мы должны къ слову

напомнить о первомъ протестѣ соціалистовъ и рабочихъ противъ войны и противопоставить его неопредѣленнымъ буржуазнымъ декларацiямъ. Конечно, въ то время этотъ протестъ не получилъ такой широкой огласки, какъ рѣчь Тьера, но онъ выражалъ настроеніе уже довольно широкихъ слоевъ и во всякомъ случаѣ имѣетъ гораздо болѣе серьезное значеніе въ исторіи идей.

Отголоски соціалистическаго протеста можно найти въ «Rive Gauche», основанной въ концѣ ноября 1864 года Шарлемъ Лонгэ, Эме Курнэ и Робертомъ Люзаршемъ, и въ «Courrier Français», возобновленномъ въ маѣ 1866 года Верморелемъ и Валлесомъ.

Прежде всего они протестуютъ противъ нелѣпости войны и противъ ея ужасовъ: это простой и естественный человѣческій протестъ противъ взаимнаго человѣкоубійства! Какъ съ тѣхъ поръ часто дѣлали соціалисты и синдикалисты всѣхъ направленій, они приводятъ выдержки изъ сочиненій философовъ, беллетристовъ и экономистовъ, заклеймившихъ это чудовищное дѣло, и горячо высказываются за всеобщее разоруженіе. Если Вильгельмъ и Францъ-Іосифъ желаютъ драться, то и пусть себѣ дерутся на здоровье въ какомъ-нибудь огороженномъ мѣстѣ; народы же не должны позволить гнать себя на бойню, какъ безсловесный скотъ. Какъ мы сейчасъ увидимъ, «стачка резервистовъ» вовсе не составляетъ выдумки послѣднихъ лѣтъ. Передовая статья «Courrier Français» отъ 10 іюня 1866 года, подписанная Верморелемъ, была озаглавлена «Стачка народовъ противъ войны». Народы, доказываетъ авторъ, не желаютъ больше никакихъ войнъ и послѣднихъ нельзя уже вести безъ ихъ согласія; именно потому Бисмаркъ и медлилъ своимъ ультиматумомъ. Пусть же народы во всеуслышаніе выскажутъ свою волю. «Для этого достаточно скрестить руки на груди, заткнуть уши и не трогаться съ мѣста. Для веденія войны необходимы люди и деньги, чрезвычайные наборы и займы. Такъ вотъ не нужно давать ни людей, ни денегъ»!

Въ самомъ дѣлѣ, во имя какихъ принциповъ, во имя какихъ идей люди должны бросаться другъ на друга? Въ адресѣ, напечатанномъ въ «Courrier Français» отъ 20 мая и въ «Rive Gauche» отъ 27, парижскіе студенты умоляютъ своихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ коллегъ не поднимать оружія другъ на друга, не привѣтствовать войны и не забывать, что всѣ они одинаково ненавидятъ гнетъ, и что всѣ они должны стремиться къ общей цѣли, къ дѣлу свободы и справедливости, которая требуетъ объединенія всѣхъ прогрессивныхъ силъ. «Братья,—восклицаютъ они,—вы обмануты старой нелѣпой и омерзительной политикой, которая въ теченіе тысячелѣтій поощряетъ народы истреблять другъ друга подъ безсмысленными предлогами національныхъ интересовъ и расовыхъ различій». Національность, отечество и т. п.—все это пустыя слова, а могутъ ли народы рѣзаться изъ-за словъ?

Что такое отечество?—спрашиваетъ 10 іюня въ «Courrier Français» одинъ изъ подписавшихъ этотъ адресъ, Альберъ Фермэ. Онъ показываетъ, что внутри границъ такъ называемыхъ отечествъ идетъ непрестанная борьба между двумя классами, между угнетенными и угнетателями, между эксплуатируемыми и эксплуататорами; онъ цитируетъ и комментируетъ извѣстную фразу Вольтера о поваренкѣ, который голъ, какъ соколъ, и тѣмъ не менѣе страстно влюбленъ «въ свое отечество», и устанавливая неразрывную связь между соціализмомъ и отрицаніемъ современнаго отечества,

онъ констатируетъ, что «соціализмъ ведетъ свое начало не съ 1848 года и не отъ Вольтера, а что онъ такъ же старъ, какъ здравый смыслъ и человѣческая совѣсть».

«Когда же,—говоритъ онъ въ заключеніе,—мы отдѣлаемся отъ этихъ мистическихъ и нелѣпыхъ словъ, отъ этихъ бичей человѣчества?

«Я хочу вотъ чего: быть независимымъ и получать отъ своего труда доходъ, соотвѣтствующій его дѣйствительной цѣнности. А чего я хочу для себя, того же я хочу и для всѣхъ другихъ. Внѣ этого ничего я не понимаю. Польша! Венеція! Шлезвигъ-Голштинія! Вздоръ, мистификація, невѣрно поставленные вопросы!» Если населеніе этихъ странъ несчастно, то Фермэ съ ними и противъ ихъ угнетателей; а кто эти угнетатели—совершенно безразлично. Но этотъ «антипатріотъ» предвидитъ наступленіе такого времени, когда слово отечество получитъ новый смыслъ, когда народы будутъ свободны, объединившись по коммунамъ и федераціямъ, когда отечество будетъ означать суверенитетъ.

За эту статью Фермэ былъ преданъ суду и, несмотря на авторитетъ Вольтера, которымъ онъ прикрывался, приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію.

Но въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ, въ обоихъ братскихъ еженедѣльникахъ кампанія не прекращалась: усердные секретари редакціи подбирали въ газетахъ всякіе намеки противъ войны, начиная отъ статей «Gazette de France» и кончая статьями Кюшеваля-Клариньи въ «Siècle» или Мишеля Шевалье, совѣтника императора и сторонника мира, который въ сенсаціонной статьѣ, напечатанной въ «Revue des Deux Mondes», высказался за всеобщее разоруженіе и образованіе европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ по образцу американскихъ. Изо дня въ день они, на основаніи корреспонденціи изъ Германіи и Италіи, описывали «гнусности войны», а Жюль Валлесъ въ энергичныхъ выраженіяхъ заклеймилъ то, что люди называютъ славой или геройствомъ.

Но слѣдуетъ замѣтить, что соціалисты 1866 года не ограничивались чисто гуманитарными протестами противъ варварства войны. Если демократически настроенные студенты и примыкавшіе къ Интернаціоналу рабочіе упорно и рѣшительно вели эту кампанію, то это потому, что они ясно сознавали, какія послѣдствія повлечетъ за собою война, какъ въ продолженіе самой борьбы, такъ и послѣ побѣды, а также потому, что война глубоко противорѣчила той задачѣ политическаго и соціальнаго освобожденія, которую они себѣ поставили. Война, даже во имя «объединенія» или «независимости», фатально ведетъ «къ усиленію власти нѣсколькихъ государей въ ущербъ народному суверенитету»; война—это пріостановка въ развитіи демократіи, наконецъ, война, какъ писалъ Верморель, «это контръ-революція» (1-го іюля 1866). Еще болѣе опредѣленно выражался въ статьѣ, напечатанной въ тотъ же день въ «Rive Gauche», Поль Лафаргъ, доказывавшій, что война снова спасетъ Имперію. Въ 1857 году,—говорилъ онъ,—когда Имперіи начало угрожать первое пробужденіе народнаго недовольства, вспыхнула итальянская война, которая, вернувши Имперіи симпатіи либераловъ, упрочила ее. Въ 1863 году послѣ выборовъ мексиканская экспедиція, сначала удачная, польстила французскому шовинизму и этимъ снова замедлила борьбу противъ ненавистнаго режима. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда революціонное движеніе возобновляется, когда Тьеръ и Буасси предсказываютъ неминуемое банкротсво, «воздухъ внезапно наполняется воинственными криками, а злополучный итальянскій вопросъ снова появляется на

сценѣ; и вотъ теперь всѣ дѣлаютъ крутой поворотъ и представляютъ Имперіи самой обдѣлывать свои дѣлишки и стирать свое грязное бѣлье... Война похоронитъ Мексику и надолго упрочитъ Имперію». И это настолько вѣрно, продолжаетъ Лафаргъ, что либеральные бонапартисты, вродѣ Геру, доказываютъ императору, что противъ войны высказываются его враги, тогда какъ бонапартисты ея желаютъ. «Итакъ, были ли мы неправы,—возражаетъ соціалистическій публицистъ,—когда мы говорили, что подстрекатели въ войнѣ это зловредные контръ-революціонеры?»

Республиканцы еще обольщаются своими симпатіями къ дѣлу итальянскаго единства и независимости: они не могутъ примириться съ мыслью объ оставленіи родственной націи на произволъ судьбы. Соціалисты смѣло выступаютъ противъ этого послѣдняго предразсудка. «Итальянская война дважды спасла Имперію,—восклицаетъ Лафаргъ въ той рѣзко парадоксальной формѣ, которая дѣлаетъ изъ него такого блестящаго пропагандиста,—да будетъ она проклята!» Верморель съ своей стороны повторяетъ это обвиненіе: «Италія нарушила европейскій миръ; вмѣсто того, чтобы воспользоваться положеніемъ, которое для нея создала поддержка Франціи, въ цѣляхъ упроченія свободы и развитія матеріальнаго благосостоянія, она, очертя голову, бросилась въ самыя безсмысленныя авантюры. Пусть же она несетъ сама всю отвѣтственность за свои затѣи».

Итакъ ясно было, что соціалисты не дадутъ себя увлечь націоналистическими предразсудками, отъ которыхъ республиканская партія еще не отдѣлалась. Они знали, что обезпечить безопасность Европы можно только развитіемъ свободы народовъ, уничтоженіемъ военныхъ правительствъ и основанныхъ на грубомъ насиліи государствъ; и если они волновались при мысли о возможности войны, если они уже и въ то время изо всѣхъ силъ боролись противъ націоналистическихъ увлеченій, то они поступали такъ изъ опасенія, что рабочій классъ всѣхъ странъ, только что начавшій столковываться и общими силами работать надъ дѣломъ своего освобожденія, будетъ отвлеченъ отъ этой задачи политическими и національными предразсудками.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительны адреса, которыми обмѣнялись лондонскія и парижскія группы, состоявшія изъ рабочихъ, приказчиковъ и студентовъ. На адресъ парижскихъ студентовъ, приведенный нами выше, изъ Лондона полученъ былъ отвѣтъ отъ «рабочихъ всѣхъ странъ», и хотя Генеральный Совѣтъ Интернаціонала оффиціально не приложилъ штемпеля къ ихъ посланію, но онъ взялъ на себя собираніе подписей, которыя пожелали бы дать лица, сочувствующія этому адресу; впрочемъ, люди, подписавшіе его, Дюпонъ, Шоу, Лелюбезъ, Эккаріусъ, Лесснеръ, всѣ были членами Международной Ассоціаціи. Рабочіе, гласилъ адресъ, такъ же проклинаютъ войну, какъ и студенты; ибо на нихъ, главнымъ образомъ, падаетъ ея бремя, ихъ тысячами косятъ ядра на полѣ битвы. «Бѣднякъ не имѣетъ отечества; во всѣхъ странахъ онъ терпитъ одинаковыя бѣдствія; поэтому онъ понимаетъ, что загородки, въ которыя сильные міра сего загнали народы для вѣрнѣйшаго ихъ порабощенія, должны пасть». И рабочіе всѣхъ странъ приглашали своихъ собратьевъ не поддаваться воинственному азарту и не забрасывать подготовки къ рабочему конгрессу, назначенному на сентябрь.

Съ своей стороны, парижскіе члены Интернаціонала также составили адресъ, въ которомъ они въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ указывали на общій подъемъ демократіи. Демократія, говорили они, не есть нѣчто англій-

ское или французское: она всемірна. Она приглашаетъ всѣ націи на рабочій съѣздъ, который состоится въ сентябрѣ для борьбы съ развитіемъ финансоваго феодализма и вытекающей изъ него нищеты. Уже крѣпнутъ узы солидарности, и вскорѣ на сцену выступитъ новая идея, одно возвѣщеніе о которой заставляетъ дрожать весь міръ.

«Но что это! Все исчезаетъ. Густой и зловонный туманъ окутываетъ землю и какъ бы предрекаетъ человѣчеству полное разрушеніе. Что же это?.. это... это... А! Поднимайтесь, народы!.. Это война... Горизонтъ пылаетъ; пушка изрыгаетъ смерть и бросаетъ во тьму свой зловѣщій отблескъ; земля дрожитъ; это столкновеніе людей, смѣнившее столкновеніе идей: залпы гремятъ и милліоны человѣческихъ машинъ, трудолюбивыхъ и мирныхъ, недавно еще сгибавшихся подъ бременемъ изнурительнаго, плохо оплачиваемаго труда, готовы ринуться другъ на друга по велѣнію рока!

«О! пусть въ груди этихъ солдатъ, вчера еще бывшихъ гражданами и нашими сотоварищами по труду и ученію, проснутся тѣ чувства равенства, человѣческаго достоинства и солидарности, которыя лежали въ основѣ нашихъ отношеній; пусть они, пока еще есть время, вспомнятъ о девизѣ, написанномъ на знамени Международной Ассоціаціи: Трудъ! солидарность! справедливость!

« И рабочіе, освободившись на этотъ разъ отъ господства аристократіи, заинтересованной во взаимной грызнѣ народовъ, приступятъ наконецъ на рабочемъ конгрессѣ, на которомъ въ настоящій моментъ сосредоточены всѣ наши надежды, къ обсужденію тѣхъ серьезныхъ вопросовъ, разрѣшить которые война съ присущими ей отвратительными чертами безсильна».

Наконецъ, примыкавшіе къ Интернаціоналу рабочіе формулировали свое отношеніе къ войнѣ въ небольшой оффиціальной замѣткѣ, появившейся 29 іюля въ «Courrier Français»:

«По поводу происходящей теперь войны Генеральный Совѣтъ Международнаго Товарищества Рабочихъ, принимая во вниманіе, что въ настоящей войнѣ, заливающей кровью европейскій континентъ, заинтересованы только правительства, совѣтуетъ рабочимъ сохранять нейтралитетъ и объединяться для того, чтобы путемъ сплоченія пріобрѣсти силу и употребить пріобрѣтенную такимъ образомъ силу для своего соціальнаго и политическаго освобожденія».

Но не слѣдуетъ думать, что это нейтральное отношеніе и систематическая вражда ко всякой войнѣ мѣшали соціалистамъ того времени правильно судить о положеніи европейскихъ дѣлъ. Можно даже сказать, что и въ этомъ отношеніи только они одни правильно оцѣнили общіе интересы Франціи и европейской демократіи. Въ сильно написанной статьѣ, помѣщенной въ «Rive Gauche» отъ 6 мая 1866 года, Фонтэнъ обращалъ вниманіе на аплодисменты, которыми большинство Законодательнаго Корпуса встрѣтило рѣчь Тьера. «Этимъ оно показало,—говорилъ онъ,—что оно, какъ и мы, обвиняетъ свое правительство въ томъ, что оно поощряло Пруссію, подстрекало Италію и подготовляло всеобщій пожаръ въ то время, когда говорило о мирѣ и о нейтралитетѣ». Исходя изъ принциповъ, діаметрально противоположнымъ взглядамъ Тьера, сотрудники «Courrier Français» и «Rive Gauche» приходили къ тѣмъ же выводамъ: они указывали на опасность, которою угрожаетъ образованіе на французской границѣ могущихъ централизованныхъ государствъ, но идя дальше критики Тьера, они доказывали, что сохраненіе искусственнаго равновѣсія не гарантируетъ Ев-

ропѣ вожделѣннаго мира. Они сходились съ Тьеромъ въ томъ смыслѣ, что вмѣстѣ съ нимъ отвергали абсурдную систему компенсацій и «пурбуаровъ», но они не вѣрили въ дѣйствительность союзовъ между правительствами, которые въ любой моментъ могли быть расторгнуты по корыстнымъ соображеніямъ. Они клеймили всѣ правонарушенія, совершенныя Бисмаркомъ, и его грубое отношеніе къ мелкимъ германскимъ государствамъ и уже въ то время указывали на то, что Пруссія готова занять въ Европѣ мѣсто Россіи въ качествѣ реакціонной великой державы. Верморель напоминалъ слова Наполеона: «черезъ сто лѣтъ Европа будетъ республиканской или казацкой», и доказывалъ, что «принципъ казачества воплотился въ особѣ фонъ-Бисмарка».—«Единственныя реальныя условія европейскаго равновѣсія,—говорилъ онъ 17 іюня 1866 года,—заключаются въ томъ, чтобы Италія была свободна, чтобы нѣмецкіе народы были свободны, чтобы Франція была свободна, чтобы всѣ націи одинаково пользовались достаточной долей свободы, обезпечивающей имъ одинаковое величіе и благосостояніе и замѣняющей современный антагонизмъ гармоническими узами прочной солидарности націй.

«Условія европейскаго равновѣсія заключаются въ томъ, чтобы невѣжество и нищета со всѣми вытекающими изъ нихъ соціальными бѣдствіями исчезли съ лица континента.

«Только такая цѣль способна увлечь народы и возбудить въ нихъ готовность къ усиліямъ и жертвамъ.

«И только при томъ условіи, что эта высокая идея будетъ поставлена выше волнующихъ насъ мелочныхъ соперничествъ, удастся овладѣть положеніемъ.

Увы! предостереженіе соціалистовъ постигла та же участь, что и пророчество Тьера: оно не было услышано. За послѣдніе годы, въ теченіе которыхъ либеральные бонапартисты обрабатывали французское общественное мнѣніе, имъ удалось пробудить всѣ націоналистическіе инстинкты и стремленія къ національной славѣ и преобладанію. Въ маѣ 1866 года общество, хотя и охваченное тревогой, но по прежнему руководимое ими, требовало отъ императора удовлетворенія, новой славы и территоріальныхъ приращеній.

Чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, императоръ, уже взявшій на себя извѣстныя обязательства передъ Италіей и Пруссіей, долженъ былъ принять участіе въ предпріятіи и рѣшительно преслѣдовать свою выгоду. Бисмаркъ на это и расчитывалъ. «Императоръ,—говорилъ онъ въ апрѣлѣ итальянскому генералу Говонэ,—желаетъ большой нѣмецкой войны, такъ какъ, стоя во главѣ такой арміи, какъ французская, можно всегда урвать свою долю добычи». Но если большинство французскаго общества требовало вмѣшательства въ надвигавшійся великій конфликтъ, то съ другой стороны обнаружилась новая оппозиція противъ войны, какъ таковой. Фульдъ, прекрасно знавшій, насколько французскіе финансы были подорваны всѣми прежними экспедиціями, послѣ рѣчи Тьера заявилъ, что «онъ никогда не слыхалъ ничего столь сильнаго и прекраснаго». Богатые классы и во главѣ ихъ финансисты и дѣльцы были противъ войны. Одно время императоръ надѣялся дать удовлетвореніе всѣмъ элементамъ путемъ созыва конгресса. Безъ войны европейскій конгрессъ далъ бы Пруссіи больше сплоченности и силы на сѣверѣ, Италіи—Венецію, а Франціи—компенсацію въ видѣ присоединенія какой-нибудь территоріи; но конгрессъ былъ

сорванъ отказомъ Австріи (2 іюня). Не рискуя начинать войны, Наполеонъ III ждалъ отъ случайностей австро-прусской борьбы вознагражденія, на которое онъ точилъ зубы; онъ въ особенности разсчитывалъ на быстрое истощеніе воюющихъ сторонъ, которыхъ онъ могъ бы тогда принудить къ миру.

Узнавши, что Австрія отклонила приглашеніе Франціи на конгрессъ, Бисмаркъ радостно восклинулъ: «значитъ война!», и поспѣшилъ предупредить своего противника. 7 іюня прусскія войска вступили въ Голштинію; 16 іюня большинство германскихъ государствъ постановило принять противъ Пруссіи репрессивныя мѣры и мобилизовать союзныя войска; 18-го прусскія войска заняли Саксонію, а 23-го вступили въ Богемію. 3 іюля въ битвѣ при Садовѣ пруссаки разбили на голову австрійскую армію. Въ то же время въ промежуткѣ между 28 іюня и 14 іюля были такъ же разбиты ганноверцы, баварцы и гессенцы; но 24 іюня итальянскія войска были разбиты при Кустоццѣ австрійцами, которыми командовалъ эрцгерцогъ Альбрехтъ.

Извѣстіе объ этихъ событіяхъ повергло французскія правящія сферы въ остолбенѣніе. На публику оно не произвело такого сильнаго впечатлѣнія. 4 іюля Австрія обратилась къ Франціи съ просьбой о посредничествѣ, уступая Венецію въ пользу Италіи. Миръ казался близкимъ; рента поднялась, въ Парижѣ произошло даже нѣсколько сочувственныхъ Италіи манифестацій.

Но при какихъ условіяхъ Франція могла вмѣшаться въ австро-прусскую распрю и какими требованіями она должна была обставить свое посредничество?

Въ тотъ самый моментъ, когда либералы приходили въ восторгъ, рѣшалась судьба Франціи. На совѣтѣ, состоявшемся вечеромъ 5 іюля, Лавалетъ добился отказа отъ мысли о вооруженномъ посредничествѣ: усталый, больной и снѣдаемый тоской императоръ не рѣшился послѣдовать совѣту проницательнаго Друэнъ-де-Люиса. Маршалъ Рандонъ уклончиво отозвался о боевой готовности войскъ; самые отборные батальоны и самые выдающіеся военноначальники находились еще въ Мексикѣ; а императоръ не посмѣлъ отправить на Рейнъ «небольшой отрядъ французскихъ войскъ, который, по признанію самого Бисмарка, поставилъ бы пруссаковъ въ необходимость озаботиться прикрытіемъ Берлина».

Эти дни отъ 5 до 26 іюля, т. е. съ момента полученія извѣстія о битвѣ при Садовѣ до заключенія австро-прусскаго мира, были ужасными днями и, быть можетъ, сквернѣйшимъ періодомъ всего царствованія. Изо дня въ день Друэнъ-де-Люисъ и наиболѣе благоразумные совѣтники императора указывали ему на растущую опасность, на окончательное установленіе прусскаго господства въ сѣверной Германіи и на полную неосновательность предположенія, что Пруссія, усилившись на сѣверѣ, не перешагнетъ Майнцскаго барьера и не дерзнетъ нарушить права южно-германскихъ государствъ; другіе опасались новой мексиканской авантюры, столь же разорительной, какъ и первая, и за которую придется отчитываться передъ страной, — а надъ всей этой сумятицей по прежнему продолжали парить старыя идеи и любимые принципы императора, его симпатіи къ нѣмецкой націи и заботы объ Италіи. Могъ-ли онъ тормозить успѣхи молодыхъ націй, которымъ онъ когда то покровительствовалъ? Объ этой сторонѣ вопроса горячо напоминалъ ему принцъ Наполеонъ.

Прусскій посланникъ Гольцъ былъ въ концѣ концовъ пораженъ той легкостью, съ какой императоръ согласился на присоединеніе сѣверной Германіи къ Пруссіи. Но въ тотъ же вечеръ проницательный Друэнъ-де-Люисъ уныло замѣтилъ директору своего кабинета: «теперь намъ остается только лить горькія слезы».

Наполеонъ полагалъ, что Франція будетъ ему благодарна за сохраненіе мира, но въ дѣйствительности страна только почувствовала свое униженіе. Въ теченіе долгихъ лѣтъ бонапартистскіе агенты разжигали французскій національнзмъ, а Наполеонъ III силился возсоединить всѣ партіи подъ мантіей императорской славы. Немудрено, что упадокъ его вліянія въ международныхъ дѣлахъ долженъ былъ возстановить противъ него всѣ партіи.

Французское общество какъ бы сорвалось съ цѣпи; вся нація какъ бы сразу признала справедливость аргументаціи Тьера; общественное мнѣніе громко требовало реванша. Начало политики реванша слѣдуетъ относить не къ 1870, а къ 1866 году, къ періоду, непосредственно слѣдовавшему за сраженіемъ при Садовѣ.

Вчерашніе либералы, защитники національностей, сторонники «принципіальной политики» — всѣ сошлись на требованіи реванша. «Поклонники Бисмарка, — разсказываетъ Пессаръ, подмѣтившій этотъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи, — теперь хотѣли бы содрать съ него кожу живьемъ» (Mes petits papiers, I, 177). Республиканцы, Кинэ, Жоржъ-Зандъ, Даніэль Стернъ, протестовали противъ антифранцузской политики правительства; консерваторы припоминали пророчества Тьера, а бонапартисты, озабоченные судьбой династіи, требовали войны.

Для Имперіи наступилъ серьезный моментъ: всѣ политическія партіи, единодушно обратились противъ нея, съ небывалой запальчивостью требовали удовлетворенія національнаго самолюбія. Императоръ, руководясь, какъ и всегда, династическими интересами и соображеніями внутренней политики, чувствовалъ себя обязаннымъ считаться съ пожеланіями общества. Теперь ему снова пришлось прибѣгнуть къ «политикѣ пурбуаровъ» и добиваться территоріальнаго расширенія Франціи при условіи предварительнаго опроса присоединяемыхъ областей; но выставляя такія требованія, онъ столкнулся съ честолюбивыми замыслами Германіи и глубоко задѣлъ національное чувство нѣмцевъ. Послѣ побѣды Пруссіи всѣ германскіе патріоты и сторонники нѣмецкаго единства сгруппировались вокругъ Бисмарка и прусской арміи; либеральные депутаты, которые еще недавно вели съ нимъ такую жестокую борьбу въ ландтагѣ, простили ему всѣ совершенныя имъ насилія и правонарушенія и отнынѣ рука объ руку съ нимъ отстаивали неприкосновенность нѣмецкой территріи. Соперничество правительствъ постепенно превращалось во вражду двухъ націй, страсти которыхъ все сильнѣе разгорались.

Благоразуміе требовало отъ французскаго правительства не разжигать національнстическихъ чувствъ, уже бурлившихъ по обоимъ берегамъ Рейна. Если оборонительныхъ силъ Франціи было недостаточно для ея обезпеченія отъ честолюбивыхъ притязаній Германіи, то необходимо было ихъ укрѣпить; Наполеонъ III умудрился безъ всякой нужды всюду возбудить подозрѣнія и навлечь на себя униженія.

Во время переговоровъ, происходившихъ въ Никольсбургѣ между Австріей и Пруссіей, Бенедетти, этотъ «маленькій взбалмошный корсиканецъ», предъявилъ Бисмарку требованія Франціи: «ресторанный счетъ, — какъ за-

мѣтилъ пруссакъ, — требовавшій уступки Майнца и части лѣваго берега Рейна». Бисмаркъ отвѣтилъ: «ни одной пяди нѣмецкой земли!», и началъ готовиться къ войнѣ. Императоръ не объявилъ войны, и съ его стороны это было первымъ признаніемъ въ своей слабости. Бисмаркъ немедленно воспользовался неосторожнымъ шагомъ французскаго правительства: онъ сообщилъ недовѣрчиво настроеннымъ южно-германскимъ государствамъ о вожделѣніяхъ Франціи и вырвалъ у нихъ согласіе на заключеніе военныхъ договоровъ съ Пруссіей.

Этотъ урокъ долженъ былъ бы образумить императорское правительство: требуя того, чего оно не въ силахъ было взять, оно рисковало попасть въ унизительное положеніе и возбудить противъ себя всеобщую ненависть. По французской дипломатіей какъ бы овладѣло тогда какое-то безуміе. Подстрекаемый самимъ Бисмаркомъ, который уже тогда задумалъ воспользоваться неосторожными шагами французскаго правительства, Наполеонъ III 20 августа сдѣлалъ новыя предложенія; по своей наивности онъ полагалъ, что Бисмаркъ въ награду за нейтралитетъ Франціи позволитъ ей оккупировать Люксембургъ и заключитъ съ императоромъ тайный договоръ, предоставляющій ему право ввести французскія войска въ Бельгію.

Итакъ, апостолъ національнаго самоопредѣленія собирался послѣдовать примѣру Бисмарка и въ свою очередь вступить на путь завоеваній; Бельгія является, дескать, страной французскаго языка, подобно тому какъ герцогства Шлезвигъ и Голштинія были странами нѣмецкаго языка; Пруссія же обязана сохранять нейтралитетъ по отношенію къ Франціи. Но Бисмаркъ признавалъ свой методъ хорошимъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ его примѣнялъ; если даже допустить, что онъ согласился бы признать французскія завоеванія, то что скажетъ Европа, гарантировавшая нейтралитетъ Бельгіи, и въ особенности что скажетъ Англія? Достаточно было англійскому народу узнать въ 1870 году о замыслахъ Франціи послѣ австро-прусской войны, чтобы страхъ, испытываемый имъ при мысли объ угрожавшей ему тогда опасности, сразу лишилъ французовъ всякой возможности расчитывать на его поддержку. Что же сдѣлала бы Англія въ 1866 г. при видѣ Антверпена, занятаго французскими войсками?

Политика вѣчныхъ противорѣчій, политика насилія и неправды — это все, на что теперь способны были растерявшіеся дѣятели Второй Имперіи.

Положеніе Франціи въ концѣ 1866 г. было по истинѣ плачевнымъ. Въ октябрѣ, послѣ четырехмѣсячныхъ настояній, французская дипломатія, во главѣ которой стоялъ теперь маркизъ Мустье, могла убѣдиться, что Бисмаркъ увиливаетъ и уклоняется отъ всякаго практическаго содѣйствія; а вскорѣ послѣ того онъ отказался даже сохранять вооруженный нейтралитетъ, если Франція введетъ свои войска въ Бельгію.

Тогда, въ началѣ 1867 года разочарованный Наполеонъ III заговорилъ о болѣе скуднымъ вознагражденіи, объ уступкѣ ему Люксембурга: «за отсутствіемъ Бельгіи ему хотѣлось заполучить дорогу на Брюссель». Люксембургъ, составлявшій личное владѣніе голландскаго короля, съ 1815 года былъ занятъ прусскимъ гарнизономъ. Послѣ того какъ Пруссія овладѣла сѣверной Германіей, Люксембургу (а съ другой стороны, и Лимбургу), находившемуся въ аналогичныхъ условіяхъ, начала угрожать возможность присоединенія къ Пруссіи. Въ январѣ 1867 года голландцы предложили продать Люксембургъ Наполеону III на томъ условіи, чтобы онъ добился отъ Пруссіи формальнаго отказа отъ правъ Германіи на Лимбургъ. Населеніе Люксембурга согласилось

на присоединеніе къ Франціи (въ февралѣ), и дѣло, казалось, было окончательно улажено.

Но тогда (въ концѣ марта) проснулся германскій патріотизмъ. Прежде чѣмъ уступить Люксембургъ Франціи, голландцы просили согласія прусскаго короля на эту сдѣлку. Прусскій король колебался дать свое согласіе и вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшался въ немъ отказать, какъ вдругъ 1 апрѣля національ-либералы въ лицѣ ганноверскаго депутата Бенигсена потребовали отъ короля и отъ его министровъ, чтобы они, не останавливались даже передъ войной, рѣшительно воспротивились кокому бы то ни было уменьшенію нѣмецкой территоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ прусскій посланникъ въ Парижѣ въ довольно рѣзкой формѣ предложилъ Мустье расторгнуть договоръ о покупкѣ Люксембурга. Пруссія, подстрекаемая патріотами, требовала новой дипломатической капитуляціи.

Говорили, что вмѣшательство національ-либераловъ состоялось по заказу самаго Бисмарка и что Бенигсенъ внесъ свой запросъ по его порученію; но въ дѣйствительности его самого захлестнула волна нѣмецкаго національнализма. Люксембургъ казался всѣмъ нѣмецкой землей, а многіе уже въ то время опасались честолюбивыхъ замысловъ Франціи; даже соціалистъ Бебель ставилъ тогда Бисмарку въ упрекъ уступку входившаго въ союзъ города. Насколько вѣрно, что на первой стадіи всякаго демократическаго движенія въ Европѣ національное чувство всегда какъ-то тѣсно и смутно связывалось съ демократическими стремленіями. Напротивъ, самъ Бисмаркъ не допустилъ до войны, которой требовали нѣмецкіе шовинисты и военные вродѣ Мольтке, прекрасно освѣдомленные о тогдашней слабости французской арміи. «Вы никогда не видали поля сраженія»,—говорилъ министръ людямъ, упрекавшимъ его въ томъ, что онъ не спѣшитъ объявить войну; въ особенности же его удерживало то обстоятельство, что организація южногерманскихъ военныхъ силъ, какъ онъ зналъ, не была еще закончена, а онъ хотѣлъ выступить только рука объ руку съ южно-германскими государствами въ интересахъ германскаго единства.

Вотъ почему онъ, чтобы дать удовлетвореніе германскому общественному мнѣнію, потребовалъ отказа Наполеона III отъ обладанія Люксембургомъ, но, съ своей стороны, отказался отъ правъ Германіи на Лимбургъ. Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ конференціей великихъ державъ въ Лондонѣ 7 мая 1867 года: Франція оставила во владѣніи голландскаго короля Люксембургъ, по прежнему связанный съ германскимъ таможеннымъ союзомъ, а Пруссія очистила Люксембургскую крѣпость, которая была объявлена нейтральной и которую постановлено было разоружить. Нельзя отрицать, что въ этотъ моментъ Мустье и его сотрудники маневрировали довольно искусно и сумѣли совершить почетное отступленіе изъ непріятнаго положенія.

Итакъ, между берлинскимъ и парижскимъ дворами возстановилось согласіе: въ началѣ іюня Вильгельмъ прибылъ въ Парижъ для присутствія на празднествахъ, сопровождавшихъ Всемірную Выставку. Вмѣстѣ съ Бисмаркомъ и Мольтке онъ присутствовалъ на большомъ смотру 6 іюня, а его министръ аплодировалъ въ театрѣ «Великой Герцогинѣ Герольштейнской».

Это было время увеселеній и блестящихъ празднествъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, принимая государей и гулякъ всего міра, опьяненные празднествами и оглушенные фейерверкомъ, французы забывали... о своихъ международныхъ заботахъ и о своихъ недавнихъ униженіяхъ, которыя, впрочемъ, извѣстны были имъ лишь отчасти.

Но увы, праздникъ скоро кончился и снова наступили черные дни. Въ ночь съ 29 на 30 іюня получена была телеграмма, извѣщавшая о разстрѣляніи императора Максимиліана въ Кверетаро. Въ февралѣ 1866 г. несчастный мексиканскій императоръ узналъ, что Наполеонъ III рѣшилъ отозвать свои войска и предоставить его собственной участи: онъ прекрасно понималъ, что для него это равносильно смертному приговору. Его жена, императрица Шарлотта, которая подъ вліяніемъ честолюбія и католическаго фанатизма побудила его отправиться въ Мексику, поѣхала въ Европу, чтобы упросить императора французовъ не оставлять ея мужа на произволъ судьбы. Она добилась аудіенціи у Наполеона III, напомнила ему о его обязательствахъ и обѣщаніяхъ, плакала, умоляла и, чтобы запугать его, угрожала отреченіемъ отъ престола. Все это ни къ чему не привело. Она видѣлась съ министрами и съ политическимъ дѣятелями; всѣ выражали свое сочувствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавались въ своемъ полномъ безсиліи. Измученная, потерявшая всякую надежду на какую либо матеріальную и денежную помощь, она обратно прошла всѣ этапы своего путешествія въ Мексику: она ѣздила въ Мирамаръ къ своей семьѣ и въ Римъ къ папѣ. Здѣсь ее застигъ первый припадокъ болѣзни, которой суждено было ее убить: она сошла съ ума (сентябрь 1866 года). Въ декабрѣ Максимиліанъ, опиравшійся только на нѣсколькихъ послѣднихъ представителей реакціонной партіи, сдѣлалъ послѣднюю попытку. Отказавшись послѣдовать совѣтамъ, которые отъ имени Наполеона передалъ ему маршалъ Кастельно, онъ заявилъ, что не отречется отъ престола. Теперь событія пошли быстрымъ темпомъ. Въ мартѣ 1867 года Базэнъ собралъ послѣдніе французскіе батальоны, а галантные офицеры, входившіе въ составъ экспедиціи, оставили за собой свои мѣста на представленіе «Прекрасной Елены». Тѣмъ не менѣе Максимиліанъ пытался продолжать сопротивленіе и заставить страну, единодушно возставшую противъ него, признать свою власть; но благодаря предательству одного изъ своихъ офицеровъ, онъ въ маѣ попался въ руки Хуареца. Всѣ попытки дипломатовъ и адвокатовъ спасти злосчастнаго эрцгерцога окончились неудачей: индѣецъ жаждалъ мести. Военный судъ приговорилъ Максимиліана къ смерти, а вмѣстѣ съ нимъ осудилъ также иниціатора всей интриги Мирамона и индѣйскаго генерала Мехія, который его поддерживалъ. Передъ самой казнью осужденнымъ дарована была трехдневная отсрочка, но всѣ просьбы о помилованіи были отклонены Хуарецомъ, который въ интересахъ отечества хотѣлъ показать примѣръ. 19 іюня трое осужденныхъ были безжалостно казнены. И только черезъ шесть мѣсяцевъ австрійской императорской фамиліи удалось получить истерзанный трупъ человѣка, который по настоянію императора французовъ сдѣлался мексиканскимъ императоромъ.

Эти печальныя извѣстія произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на французское общественное мнѣніе. Слава Имперіи потерпѣла крушеніе, а вся моральная отвѣтственность за мексиканскую катастрофу пала на жалкаго государя, затѣявшаго эту экспедицію. Авторитетъ Наполеона III началъ расползаться по всѣмъ швамъ. Если ему не удалось добиться компенсаціи за свой дружественный нейтралитетъ во время войны за герцогства и австро-прусскаго столкновенія, то онъ, быть можетъ, льстилъ себя надеждой, что не потерялъ всего вліянія и моральнаго авторитета, который Европа признала за нимъ въ 1856 г.; а празднества и торжественные пріемы 1867 года, а также посѣщеніе обновленной столицы всѣми европейскими монархами могли поддержать въ немъ эту иллюзію. Но черезъ нѣсколько недѣль его

вмѣшательство въ пользу сѣвернаго Шлезвига показало ему, что даже и это вліяніе утрачено.

Въ силу пражскаго договора населеніе этой области должно было быть опрошено и присоединено обратно къ Даніи, если бы плебисцитъ высказался въ этомъ смыслѣ. Народное голосованіе состоялось въ февралѣ; вплоть до мая Берлинскій кабинетъ не обращалъ на него никакого вниманія, а теперь онъ вдругъ заговорилъ о необходимости установленія точной границы между Ютландіей и сѣверными округами Шлезвига. 25 іюля, по просьбѣ датскаго короля и въ особенности «во избѣжаніе раздраженія общественнаго мнѣнія во Франціи», императоръ послалъ въ Берлинъ ноту; на слѣдующій день эта нота была напечатана въ нѣмецкихъ газетахъ, а прусское правительство поставило Франціи на видъ, что не позволитъ ей вмѣшиваться въ нѣмецкія дѣла. Такимъ образомъ одно униженіе слѣдовало за другимъ и естественно возникалъ вопросъ, до какого предѣла рискуетъ пасть французскій престижъ.

Съ каждымъ днемъ становилось все болѣе очевиднымъ, что германскій патріотизмъ рано или поздно долженъ будетъ столкнуться съ французскимъ шовинизмомъ. «Германскій вопросъ остается открытымъ,—писалъ въ маѣ 1867 года послѣ улаженія люксембургскаго дѣла проницательный Ротанъ....—На этотъ разъ война предупреждена, но правительство императора должно ожидать въ будущемъ роковой и, быть можетъ, неравной борьбы».

Одно время казалось, что Наполеонъ понимаетъ истинное положеніе вещей. Въ серединѣ 1867 года онъ началъ подумывать о реорганизаціи военныхъ силъ; Шаспо изобрѣлъ свое ружье; Трошю опубликовалъ свое сочиненіе о «Французской арміи»; и правительство, казалось, готово было принять во вниманіе его критическія указанія. Дѣлались опыты съ первыми митральезами, «вой» которыхъ долженъ былъ дѣйствовать деморализующимъ образомъ на непріятеля; самъ императоръ, нѣсколько собравшись съ силами, приступилъ къ работѣ. Какъ недавно наканунѣ мексиканской экспедиціи, онъ заинтересовался военными вопросами и реорганизаціей арміи; и что еще важнѣе, онъ пытался возобновить старые союзы и положить конецъ изолированному положенію Франціи. Во время пребыванія Александра II въ Парижѣ Наполеонъ одно время надѣялся на возстановленіе дружественныхъ отношеній съ Россіей, прерванныхъ въ 1864 году во время польскаго возстанія; но покушеніе поляка Березовскаго, выстрѣлившаго по царю изъ пистолета во время прогулки въ Булонскомъ лѣсу, снова оживило самыя непріятныя воспоминанія, а вердиктъ парижскихъ присяжныхъ, признавшихъ смягчающія обстоятельства, окончательно уничтожилъ надежду на возможность новаго франко-русскаго соглашенія.

Тогда въ апрѣлѣ Наполеонъ III, внезапно принявшій рѣшеніе, на которомъ такъ долго настаивалъ Друэнъ-де-Люисъ, началъ искать союза съ Австріей. 18 августа онъ оффиціально посѣтилъ Франца-Іосифа въ Зальцбургѣ и, хотя министры обоихъ государей одинаково отклонили отъ себя всякое намѣреніе вмѣшиваться въ нѣмецкія дѣла, тѣмъ не менѣе возникновеніе этой новой связи подавало французамъ надежду на реваншъ. Оффиціозы берлинскаго кабинета, «Сѣверно-Нѣмецкая Газета» и «Крестовая Газета», рѣзко заговорили о сближеніи Франціи съ Австріей, а нѣмецкіе патріоты заволновались.

Но несмотря на это соглашеніе, тревожное и меланхолическое настроеніе не покидало императора. Проѣзжая черезъ Фландрію по возвращеніи изъ

Зальцбурга, онъ публично заглянулъ въ свою совѣсть, вспомнилъ о своей первой поѣздкѣ въ Лилль вскорѣ послѣ своего бракосочетанія, «когда судьба улыбалась ему во всѣхъ отношеніяхъ»; затѣмъ, переходя къ настоящему, онъ не скрылъ своего разочарованія: «черныя точки,—сказалъ онъ,—появились на нашемъ горизонтѣ. Но, подобно тому, какъ счастье меня не ослѣпило, точно такъ же и мимолетныя неудачи не заставятъ меня впасть въ унынiе». Въ продолженіе нѣсколькихъ дней встревоженное общество только и говорило, что о «черныхъ точкахъ»: отвыкши отъ дѣйствительной самостоятельности и сбитое съ толку тайной политикой императора, полной сюрпризовъ и неожиданностей, оно теперь приходило въ волненіе отъ малѣйшаго намека. Хотя въ данный моментъ ничто непосредственно не угрожало странѣ, тѣмъ не менѣе она сразу заволновалась, такъ какъ съ 1866 года ее не оставляло какое-то смутное предчувствіе надвигающейся катастрофы. 23 октября при посѣщеніи Парижа Францъ-Іосифъ былъ встрѣченъ такими бурными привѣтствіями, какихъ до тѣхъ поръ не удостоивался ни одинъ государь, а его призывъ къ объединенію обѣихъ націй, столь долго раздѣленныхъ, къ союзу, составляющему «новый залогъ мира, безъ котораго немыслимо благосостояніе народовъ», глубоко растрогалъ широкіе слои французскаго общества.

Но для того, чтобы союзъ съ Австріей могъ принести пользу, онъ долженъ былъ вылиться въ форму опредѣленныхъ и конкретныхъ условій; для того, чтобы онъ могъ дѣйствительно гарантировать политическое равновѣсіе и мирное существованіе новой Европы отъ честолюбивыхъ притязаній Германіи, необходимо было дополнить его союзомъ съ Италіей и оторвать послѣднюю отъ поддержки честолюбивыхъ замысловъ Пруссіи. Но здѣсь снова выдвинулся на сцену роковой римскій вопросъ, который помѣшалъ довести до конца съ такимъ трудомъ начатое дѣло исправленія допущенныхъ ошибокъ, и которому напротивъ суждено было ускорить паденіе Имперіи.

Какъ мы видѣли, во время австро-прусской войны Италія потерпѣла пораженіе при Кустоццѣ; но Австрія, раздавленная черезъ нѣсколько дней при Садовѣ, предложила ей Венецію черезъ посредство Наполеона III. Итальянское правительство не согласилось сразу на миръ: оно стремилось къ реваншу, но добилось только новаго пораженія на морѣ, при Лиссѣ (20 іюля 1866 года).

Но претензіи итальянцевъ расли вмѣстѣ съ ихъ неудачами. Они холодно отнеслись къ предложенію Франціи, такъ какъ имъ надоѣли ея неполные подарки. Венеціи имъ было мало; они хотѣли получить итальянскій Тироль, Истрію, однимъ словомъ, всѣ находившіяся подъ чужимъ владычествомъ итальянскія земли, Italia irredenta,—какъ они говорили.

Венецію они приняли безъ признательности, а съ помощью пылкаго воображенія голосованіе населенія присоединенной области убѣдило ихъ въ томъ, что это присоединеніе представляетъ результатъ ихъ собственнаго желанія. Виктору-Эммануилу пришлось пожертвовать министромъ Ламармора, любимцемъ Наполеона III (августа 1866 года). Во главѣ правительства и объединительнаго движенія стали новые люди, уроженцы Милана, Романьи и Флоренціи. Прежнія дружественныя отношенія итальянцевъ къ Франціи уступили мѣсто чувству ненависти; итальянцы забыли жертвы, принесенныя Франціей ихъ дѣлу, вплоть до отказа отъ вооруженнаго посредничества послѣ Садовы, отказа, который отчасти объяснялся желаніемъ

не повредить Италіи. Послѣдняя теперь ничего не хотѣла знать, кромѣ тѣхъ препятствій, которыя Франція ставила дѣлу итальянскаго единства.

Естественнымъ результатомъ той неудовлетворенности, которую испытывали итальянскіе патріоты послѣ уступки имъ Венеціи, явилось то обстоятельство, что они обратили свои взоры на Римъ, т. е. какъ разъ на такой пунктъ, гдѣ приходилось столкнуться съ французскимъ сопротивленіемъ. Согласно конвенціи 15 сентября 1864 года, послѣднія французскія войска очистили Римъ въ концѣ декабря 1866 года, и трехцвѣтное знамя перестало развиваться на фортѣ Святого Ангела. Сначала папа испытывалъ тревожное чувство, но послѣ того какъ первые мѣсяцы 1867 года протекли мирно, онъ успокоился; въ самомъ Римѣ революціонеры и сторонники активныхъ дѣйствій, стремившіеся дать Италіи ея столицу, не находили сочуствующихъ элементовъ.

Но въ февралѣ Гарибальди «выползъ изъ своего капрерскаго гнѣзда»: онъ гремѣлъ противъ поповъ и съ кличемъ «Римъ или смерть!» сталъ собирать своихъ сторонниковъ. Французское правительство начало выражать опасенія, но въ отвѣтъ на его представленія итальянскій кабинетъ указалъ ему, что сформированный въ Антибѣ папскій легіонъ состоитъ изъ переодѣтыхъ французовъ. Въ сентябрѣ на Конгрессѣ Мира въ Женевѣ Гарибальди испустилъ воинственный кличъ противъ папства. Временно арестованный, а затѣмъ отпущеный на свободу, онъ приказалъ своимъ отрядамъ вторгнуться въ папскія владѣнія. Находившійся въ это время въ Біаррицѣ, Наполеонъ III съ неудовольствіемъ думалъ о томъ, что ему снова придется заниматься итальянскими дѣлами; послѣ обычныхъ продолжительныхъ колебаній между сторонниками итальянцевъ и партизанами папы императоръ въ концѣ концовъ рѣшился выступить въ защиту папства.

25 октября французскія войска отплыли изъ Тулона въ Римъ. Императорское правительство совершило послѣднюю ошибку: 3 ноября 1867 года французскія войска подъ начальствомъ генерала Файи нанесли гарибальдійцамъ рѣшительное пораженіе, а французскій генералъ телеграфировалъ въ Парижъ, что «щасно совершили чудеса». На самомъ же дѣлѣ они глубоко задѣли и озлобили итальянцевъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, а именно 4 декабря, Руэръ окончательно вырылъ непроходимую пропасть между обѣими націями; какъ бы желая перещеголять Тьера, который въ этотъ день долженъ былъ, конечно, безусловно одобрять императорскую политику, государственный министръ, увлеченный бурнымъ настроеніемъ палаты, произнесъ съ высоты парламентской трибуны памятныя слова: «никогда Италія не овладѣетъ Римомъ. Никогда Франція не допуститъ такого посягательства на свою честь и на католическій міръ». Императоръ, по крайней мѣрѣ на извѣстное время, примирился съ католической партіей, но зато онъ окончательно изолировалъ Францію и принудилъ Италію обратить свои взоры къ Пруссіи.

Такимъ образомъ къ концу 1867 года положеніе французской имперіи въ международныхъ дѣлахъ окончательно испортилось. Униженія и неудачи слѣдовали одна за другой. Каждый день приносилъ новое доказательство слабости Имперіи; Франція потеряла свое прежнее мѣсто въ концертѣ великихъ державъ, а этого національзмъ, который самъ императоръ съ первыхъ же дней своего царствованія разжигалъ въ династическихъ интересахъ, не могъ ему простить.

Въ силу своеобразнаго сочетанія историческихъ условій, Наполеонъ III, послѣ всѣхъ своихъ либеральныхъ авантюръ и попытокъ передѣлать трактаты 1815 года, помочь образованію національностей, однимъ словомъ, осуществить наполеоновскія идеи, въ концѣ концовъ вернулся къ ультрамонтанско-реакціонной политикѣ, характеризовавшей начало его царствованія. Въ прежнее время онъ защищалъ святыя мѣста; теперь же онъ собирался защищать еще болѣе святое мѣсто для католиковъ.

Но вотъ что необходимо отмѣтить. Прошло уже то время, когда онъ совмѣстно съ Кавуромъ направлялъ по своей прихоти и использовалъ въ своихъ личныхъ интересахъ стремленіе къ итальянскому единству и французское либеральное движеніе; теперь широкія народныя движенія обратились противъ него. Итальянскіе и нѣмецкіе патріоты питали къ Франціи горячую ненависть, а соціалисты всѣхъ странъ, разглядѣвши всю лживость бонапартовскаго либерализма, рѣшительно высказались противъ этого реакціоннаго правительства.

Битва при Ментанѣ возстановила другъ противъ друга итальянцевъ и французовъ, а съ другой стороны — революціонеровъ и сторонниковъ порядка. Гарибальди испустилъ свой воинственный кличъ на Международномъ Конгрессѣ Свободы и Мира въ Женевѣ, а на этомъ конгрессѣ участвовали делегаты отъ рабочихъ, входившихъ въ составъ Интернаціонала. Женевскій конгрессъ обратился ко всѣмъ народамъ съ призывомъ стать подъ знамя Республики; французскія войска при Ментанѣ преградили дорогу революціи, а французскіе дипломаты указывали Виктору-Эммануилу на опасность, которой онъ подвергаетъ европейскій порядокъ, не арестуя Гарибальди.

Въ самой Франціи итальянскія событія обнаружили значительный прогрессъ въ революціонномъ движеніи. Рабочіе Интернаціонала и республиканцы съ Конгресса Мира встрѣтились въ Лозаннѣ и Женевѣ. Сознательный пролетаріатъ готовился выступить въ бой. Уже 2 ноября демократы въ виду невозможности вооруженнаго возстанія, рѣшили произвести импозантную манифестацію противъ второй римской экспедиціи; демонстрація отчасти не удалась вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ обстоятельствъ и принятыхъ полиціей мѣръ; а противъ Альфреда Накэ и Акколя возбуждено было судебное преслѣдованіе. Черезъ нѣсколько недѣль начался первый процессъ Международной Ассоціаціи, которая принимала участіе въ неудачной попыткѣ манифестаціи. Оппозиція изъ стѣнъ Законодательнаго Корпуса вышла на улицу; начиналась борьба между поколебленнымъ правительствомъ и усиливавшейся революціей.

ГЛАВА VII.

Борьба съ Имперіей.

Итакъ, умѣренные дѣятели Интернаціонала готовы были принять участіе въ уличныхъ манифестаціяхъ! Искусные и хитроумные стратеги, еще недавно такъ тщательно избѣгавшіе всего, что хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ могло напоминать политическую демонстрацію, въ свою очередь вовлечены были въ открытую борьбу противъ императорскаго режима! По одному этому факту можно судить о той эволюціи, которая совершилась съ 1864 года.

Въ томъ положеніи, въ которомъ очутилась Имперія послѣ битвы при Садовѣ, въ виду напряженности націоналистическихъ страстей, на этотъ разъ готовыхъ разразиться противъ нея, у правительства оставался одинъ только исходъ, а именно, предоставленіе французскому обществу политической свободы. Послѣдней, какъ мы видѣли, добивались члены парламентской лѣвой и даже средняя партія; ее же стремились, хотя и въ совершенно другомъ духѣ, осуществить соціалисты, группировавшіеся вокругъ «Courrier Français». 9 сентября 1866 года, т. е. въ то время, когда во французскомъ обществѣ такъ много говорили о «реваншѣ Франціи», Верморель написалъ слѣдующія сильныя строки: «Отъ заблужденій старой политики можно отдѣлаться, только смѣло вступивши на путь новой политики... Давно уже сказано: правительство поставлено передъ слѣдующей альтернативой: внѣшняя слава или свобода внутри страны... Франціи предстоитъ взять реваншъ надъ Европой. Пусть же она сочтетъ долгомъ своей чести взять его на почвѣ широкой свободы и соціальныхъ преобразованій. Славу же битвъ, территоріальныхъ приращеній, завоеваній и игольчатыхъ ружей она безъ всякаго сожалѣнія можетъ предоставить Пруссіи».

Императорское правительство менѣе всякаго другого способно было понять эту благородную и искусную политику, къ которой самые просвѣщенные государственные дѣятели Третьей Республики только съ величайшимъ трудомъ могли пріучить Францію послѣ франко-прусской войны. Но если правительству Наполеона III были чужды такія высокія побужденія, то одна уже забота о династическихъ интересахъ должна была заставить его призадуматься. И, дѣйствительно, оно призадумалось и начало волноваться, но теперь оно было уже неспособно (если впрочемъ, оно когда-либо было способно) смѣло и рѣшительно измѣнить свою систему. Оно утомило французское общество и даже парламентскихъ дѣятелей своими колебаніями между абсолютизмомъ и либерализмомъ, своими ласками, поперемѣнно расточаемыми то Руэру, то Оливье, своими половинчатыми, а часто совершенно даже призрачными уступками, которыя во всякомъ случаѣ являлись слишкомъ поздно для того, чтобы оказать хотя бы малѣйшее вліяніе на общественное мнѣніе.

Мы бѣгло разсмотримъ событія парламентской жизни отъ 1864 до 1868 года. Въ общемъ и цѣломъ они не имѣли особеннаго значенія въ исторіи Франціи.

Послѣ поправки сорока пяти императоръ, подстрекаемый Руэромъ, одно время, казалось, намѣренъ былъ дать рѣшительный отпоръ всякимъ либеральнымъ поползновеніямъ. Чтобы разъ на всегда прекратить попытки лѣвой вырвать у правительства согласіе на пересмотръ конституціи, онъ постановилъ сенатусъ-консультомъ 14 іюля 1866 года, что впредь право обсуждать предложенія, клонящіяся къ измѣненію конституціи, принадлежитъ только Сенату; всякія же разсужденія по конституціоннымъ вопросамъ въ Законодательномъ Корпусѣ и въ печати воспрещались. Старая система была, повидимому, признана неприкосновенной.

Но черезъ шесть мѣсяцевъ, а именно 19 января 1867 года, правительство внезапно повернуло фронтъ, хотя никакихъ особенныхъ новыхъ событій не произошло, если не считать усилившагося недовольства и растущей смѣлости республиканцевъ; Наполеонъ III началъ склоняться къ реформамъ, а Эмиль Оливье имѣлъ основаніе расчитывать на близкое торжество. Декретомъ императора депутатамъ предоставлено было право интерпелляцій; право палаты отвѣчать адресомъ на тронную рѣчь было отмѣнено за ненадобностью; государь могъ поручать любому изъ министровъ выступать отъ имени правительства въ сенатѣ или въ палатѣ. Наконецъ письмо къ государственному министру, сопровождавшее вышеупомянутый декретъ, заявляло о предстоящемъ внесеніи двухъ законопроектовъ: одинъ изъ нихъ долженъ былъ освободить прессу отъ административнаго произвола, а другимъ отчасти возстановлялось право публичныхъ собраній.

Свидѣтельствовали-ли эти уступки о паденіи Руэра и торжествѣ Оливье? Вотъ вопросъ, который главнымъ образомъ занималъ палаты въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ 1867 года. Вскорѣ онѣ могли убѣдиться, что декретъ 19 января дѣлаетъ либераламъ только чисто формальныя уступки, а главное, что императоръ и не помышляетъ о замѣнѣ стараго правящаго персонала новымъ, который одинъ только могъ бы помочь ему, какъ тогда говорили, извлечь изъ декрета всѣ логическіе выводы. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы внести запросъ, необходимо было заручиться подписями, по крайней мѣрѣ, пяти членовъ собранія и согласіемъ четырехъ бюро. А это давало большинству возможность отвергнуть всякій запросъ, непріятный правительству. Точно такъ же отвѣтственность министровъ, зародышъ которой нѣкоторые оптимисты готовы были усмотрѣть въ выступленіи министровъ передъ палатами, была чистѣйшей фикціей: письмо отъ 19-го января совершенно опредѣленно разъясняло, что министры зависятъ только отъ монарха и выступаютъ отъ имени главы государства исключительно по его спеціальному порученію. Наконецъ Руэръ, поддерживаемый вдобавокъ большинствомъ, которое чувствовало глухую вражду къ Оливье, продолжалъ играть руководящую роль въ приближенныхъ къ императору сферахъ. Въ то время, какъ на улицѣ Аркадъ подъ высокимъ покровительствомъ государственнаго министра образовался обширный кружокъ реакціонныхъ депутатовъ, враждебныхъ какимъ бы то ни было либеральнымъ уступкамъ, этотъ безстыдный субъектъ похвалялся передъ палатой тѣмъ, что онъ внушилъ императору мысль объ изданіи декрета 19 января. Но онъ придалъ неожиданное направленіе либеральной политикѣ, которая, по его словамъ, предполагалась этимъ декретомъ: 12 марта Сенату предоставлено было право разсматривать всѣ законо-

проекты по существу (а не только рѣшать вопросъ о конституціонномъ характерѣ законовъ, какъ это было прежде); Валевскій, покровитель Оливье, вскорѣ принужденъ былъ отказаться отъ поста президента въ Законодательномъ Корпусѣ; разсмотрѣніе обѣщанныхъ законопроектовъ было отложено въ долгій ящикъ. «Побитый и недовольный» Оливье яростно напалъ на «вице-императора» въ одной изъ самыхъ рѣзкихъ своихъ рѣчей; но на другой день императоръ послалъ Руэру брилліантовые знаки командорскаго креста Почетнаго Легіона, чтобы вознаградить его за «несправедливыя нападки, которымъ онъ подвергся» (12 іюля 1867 года).

Самымъ непредубѣжденнымъ людямъ бросалось такимъ образомъ въ глаза полное безсиліе парламентской оппозиціи толкнуть правительство на путь либеральныхъ реформъ. Рабочіе Парижа и другихъ большихъ городовъ, которые въ 1863 году особенно старались послать въ Законодательный Корпусъ «горлановъ, способныхъ раздѣлать Имперію на всѣ корки», должны были почувствовать себя разочарованными. Правда, они съ удовольствіемъ повторяли рѣзкія выходки Жюля Фавра или суровыя слова Эрнеста Пикара; правда, они радовались смущенію правительства послѣ рѣчей Тьера; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что республиканское населеніе Парижа не было вполнѣ удовлетворено своими представителями. Между Оливье, котораго республиканскіе члены парламента считали ренегатомъ, и Тьеромъ или даже Жюлемъ Фавромъ вовсе не замѣчалось особенно рѣзкой разницы, и даже такіе рѣшительные противники Оливье, какъ Пессаръ, впослѣдствіи должны были признаться въ этомъ (Mes petits papiers, стр. 122). Возстановленіе парламентаризма удовлетворило бы тѣхъ и другихъ, а въ основѣ ихъ оппозиціонной политики въ большей или меньшей степени лежала концентрація либераловъ, республиканцевъ, орлеанистовъ и даже легитимистовъ, составившаяся въ 1863 году. Тѣ изъ дѣятелей 1848 года, которые какъ Гарнье-Пажесъ и Карно, приняли участіе въ избирательной борьбѣ и вступленіе которыхъ въ Законодательный Корпусъ въ мартѣ 1864 года такъ радостно привѣтствовалъ Кламажеранъ, не могли итти дальше, чѣмъ остальные члены оппозиціи. Ихъ республиканизмъ ничуть не пугалъ автора «Новой Франціи», орлеаниста Прево-Парадоля; а ихъ симпатія къ кооперативнымъ обществамъ могла раздѣляться даже Каземиромъ-Перье. Наконецъ орлеанисты и республиканцы рука объ руку вели кампанію въ пользу муниципальной автономіи, а ихъ подписи рядомъ стояли подъ децентрализаторской программой, составленной въ 1865 году и получившей названіе «Нансійской программы».

Эта безпринципность, противъ которой такъ рѣзко протестовали республиканцы во время избирательной кампаніи не замедлила, конечно, вызвать самыя оживленныя нападки. Отъ Тьера никто не требовалъ болѣе рѣшительной оппозиціи, но ее ждали отъ республиканцевъ. Однако «новыхъ Манюэлей» что то не было видно.

Подробное изслѣдованіе, еще болѣе документальное и разработанное, чѣмъ изслѣдованіе, сдѣланное г-мъ Черновымъ въ его столь полезномъ сочиненіи о «Республиканской партіи», покажетъ, что народная оппозиція начала выступать противъ парламентской оппозиціи, а разслоеніе республиканской партіи на различныя группы съ опредѣленными тенденціями произошло въ періодъ 1863—1867 гг...

Среди республиканскихъ избирателей 1863 года несомнѣнно имѣлись различные оттѣнки; какъ мы уже говорили, оппозиціонный блокъ состоялъ

изъ людей, различавшихся и по возрасту, и по темпераменту. Но Гамбетта поддерживалъ тогда неприкосновенную группу Пяти; демократы квартала Бюттъ-де-Муленъ вотировали за Тьера, и даже то сопротивленіе, которое оказано было рабочей кандидатурѣ большинствомъ республиканцевъ, первоначально не основывалось на различіи политическихъ принциповъ, исповѣдуемыхъ рабочими кандидатами и республиканцами вообще. Все различіе сводилось къ вопросу о своевременности и къ оцѣнкѣ наличныхъ обстоятельствъ. Правда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ рабочіе кандидаты упрекали демократическихъ депутатовъ въ незнакомствѣ съ рабочей жизнью; но какъ мы уже показали, въ теченіе 1864 года республиканцы и оппозиціонеры всѣхъ оттѣнковъ не уступали бонапартистамъ въ выраженіяхъ сочувствія рабочему классу, рабочему движенію и въ частности кооперативному движенію. Такія изданія, какъ напримѣръ, «Ассоціація», основанная въ ноябрѣ 1864 года, повидимому, свидѣтельствовали о томъ, что въ области соціальныхъ вопросовъ республиканская буржуазія и пролетаріатъ не должны разойтись. Никто не могъ предвидѣть, что вскорѣ рабочіе и буржуа, соціалисты и республиканцы выступятъ другъ противъ друга въ качествѣ враждующихъ сторонъ; въ особенности нельзя было предполагать, чтобы соціалисты въ одинъ прекрасный день сдѣлались революціонерами и начали обвинять буржуазныхъ республиканцевъ въ компромиссахъ съ Имперіей. Совершенно наоборотъ, единственное подозрѣніе, выдвигавшееся противъ людей, руководившихъ рабочимъ классомъ и заявлявшихъ себя соціалистами, и заключалось въ томъ, что они являются не особенно горячими республиканцами и болѣе или менѣе индифферентно относятся къ вопросу объ ускореніи политическаго переворота.

Но вотъ въ концѣ 1867 года республиканцы-соціалисты открыто, а иногда и крайне рѣзко выступаютъ противъ республиканскихъ депутатовъ Законодательнаго Корпуса, а вся революціонная оппозиція готовится начать жестокую борьбу съ Имперіей наряду или помимо парламентской оппозиціи, а часто даже наперекоръ ей.

Какимъ образомъ произошла эта перемѣна? Подъ вліяніемъ какихъ событій и какихъ дѣятелей сложились новыя группировки? Революціонеры 1867 года, тѣ самые, которые пытались уже устроить манифестацію противъ второй римской экспедиціи, состояли изъ студентовъ, интеллигентовъ и рабочихъ. И мы должны объяснить, откуда взялись тѣ и другіе.

Первые горделиво величали себя «молодежью Второй Имперіи» или «новымъ поколѣніемъ». Мы уже видѣли первыя выступленія и эволюцію нѣкоторыхъ изъ нихъ; въ то время они издавали «Журналъ для Всѣхъ», «Молодежь» и «Трудъ», но постепенно ряды ихъ расширились. На ряду съ Жерменомъ Кассомъ, Рожаромъ и Пьеромъ Дени появились Шарль Лонгэ, издатель «Ecoles de France», и Лафаргъ, пріѣхавшій изъ Бордо въ Парижъ для поступленія на медицинскій факультетъ; наряду съ Толемъ, Клемансо и Ранкомъ появились Накэ, Акколя, Тридонъ, Жакларъ, Вильневъ, братья Левро и сотня другихъ.

Но ихъ развитіе выражается не только въ численномъ ростѣ; ихъ работы становятся болѣе глубокими, ихъ критика болѣе вдумчивой, а ихъ убѣжденія болѣе твердыми: отъ «Труда» до «Французскихъ школъ», а отъ послѣднихъ до «Лѣваго берега» или «Кандида» замѣтенъ значительный прогрессъ.

Прежде всего новое поколѣніе не обольщается, да и не хочетъ обольщать

ся парламентскимъ либерализмомъ. Когда Клеманъ Дювернуа заявилъ въ одной статьѣ въ «Presse», «что молодое поколѣніе требуетъ только одного: свободы на основѣ Имперіи и конституціи», Шарль Лонгэ отвѣтилъ ему, что молодежь, насквозь проникнутая республиканскими чувствами, ни за что не примирится съ Имперіей («Rive Gauche» отъ 5 ноября 1865 года). Черезъ нѣсколько недѣль, по поводу рѣчи, произнесенной Глэ-Бизуэномъ въ Законодательномъ Корпусѣ, Лонгэ въ болѣе конкретной формѣ опредѣляетъ эту оппозицію. «Никто не заподозритъ насъ,—говоритъ онъ,—въ особенномъ преклоненіи передъ депутатами оппозиціи. Мы могли бы поставить имъ въ упрекъ то, что они сдѣлали, и то, что они дѣлаютъ, т. е. то, что они вошли въ Законодательный Корпусъ и поддерживаютъ тамъ отсталую, безсодержательную, пустозвонную и безъидейную политику. Если бы въ Законодательный Корпусъ попалъ посредственный представитель нашихъ принциповъ, то онъ бы очень скоро заставилъ прогнать себя оттуда; что же касается законченнаго представителя нашихъ принциповъ, а значитъ, и нашей морали, то онъ бы вовсе туда не пошелъ» (18 марта 1866 года).

Черезъ нѣсколько недѣль въ статьѣ-манифестѣ, которую намъ часто придется цитировать, Лафаргъ отрицалъ тѣхъ, кому еще недавно онъ самъ и его товарищи поклонялись: «пріемлющіе присягу демократы оппозиціи,—говорилъ онъ,—одно время успѣли пустить молодежи пыль въ глаза. Только они одни не безмолвствовали. Въ тюрьмѣ нѣкоторые изъ насъ встрѣтились съ журналистами. Въ теченіе нѣкотораго времени мы непонятнымъ образомъ увлекались этими людьми. Кое-кто изъ нихъ получалъ даже отъ насъ личныя и коллективныя посланія. Пусть они ими не хвастаютъ и не бросаютъ ихъ намъ въ лицо; пусть они лучше всего ихъ сожгутъ. Эти письма писались не имъ, а призракамъ, созданнымъ нашимъ юношескимъ воображеніемъ.

«Мы научились распознавать этихъ людей... и тогда мы скоро съ ними порвали. Ихъ салоны, гостепріимно открытые для насъ, опустѣли. Революціонная молодежь сконцентрировалась въ Латинскомъ кварталѣ и поддерживала сношенія только съ рабочими».

Такимъ образомъ въ политической области молодежь стоитъ на точкѣ зрѣнія непримиримой оппозиціи противъ Имперіи. Молодое поколѣніе стоитъ на сторонѣ тѣхъ, кто отвергаетъ компромиссы; оно не можетъ быть солидарнымъ съ парламентской оппозиціей. Но вѣдь и среди стариковъ 1848 года также имѣются свои непримиримые элементы: съ ними-ли рука объ руку борется молодежь? Ихъ-ли идеи и теоріи восприняло молодое поколѣніе?

Никоимъ образомъ. Старики, впрочемъ весьма почтенные люди, желающіе «наложить заплаты на 1848 годъ», не понимаютъ той истины, что политическое равенство не можетъ быть прочнымъ безъ равенства экономическаго. «Партія 1848 года замыкается въ узкія рамки своего чистаго идеала, проникнутаго честнымъ республиканскимъ характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ антирадикальнаго и антисоціалистическаго, а значитъ и обреченнаго на исчезновеніе, подобно всякой утопіи и всякой пустой декламаціи». Молодые принадлежатъ не къ этой партіи.

Они пытались открыть причины того положенія, отъ котораго имъ приходилось страдать, въ историческихъ событіяхъ, предшествовавшихъ 1851 году. «Имперія обрекла ихъ на молчаніе и научныя занятія, и вотъ они принялись за работу». Они начали изучать исторію, исторію народныхъ массъ, а не «героевъ», игравшихъ первую скрипку. Въ газетѣ «Les Ecoles de France» Тридонъ напечаталъ рядъ статей о гебертистахъ, этихъ истинныхъ

представителяхъ революціонной массы. Молодежь поняла, что политическая свобода могла быть уничтожена только потому, что оставлены были въ забросѣ необходимыя соціальныя преобразованія; новое поколѣніе, какъ говоритъ Поль Лафаргъ, пришло къ тому убѣжденію, что необходимо измѣнить не только политическій строй, но и общественныя отношенія, «создавшія и поддерживающія его». «Мы знаемъ, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ преобразованы общественныя отношенія, все останется по прежнему; мы по прежнему будемъ имѣть имперію, пожалуй, безъ этого ярлыка, но какое значеніе имѣетъ ярлыкъ? Разъ остается та же причина, то неизбѣжно получится тотъ же результатъ».

Вотъ почему необходимо поработать надъ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса, «самаго огромнаго изъ всѣхъ вопросовъ», какъ заявляетъ программа газеты «La Rive Gauche». Молодые революціонеры читаютъ, перечитываютъ, комментируютъ и развиваютъ Прудона: Лонгэ, Лафаргъ (до знакомства съ Марксомъ), Верморель, Пьеръ Дени, Цезарь де-Папъ (тоже въ разсматриваемый періодъ) и масса другихъ становятся ярыми прудонистами: мютюэлистскій соціализмъ, принципъ взаимности въ экономикѣ и принципъ федерализма въ политикѣ — таковы ходячія формулы того времени. Въ «Courrier Français» и «Rive Gauche» сотрудничаютъ послѣдователи и ученики самаго Прудона, Шодэ и Дюшонъ; а принципіальная декларація, которой дебютировалъ «Courrier Français» 20 мая 1866 года, насквозь проникнута прудонистскимъ духомъ.

Но вся эта молодежь находится подъ сильнымъ, а у многихъ прямо неизгладимымъ вліяніемъ другого революціонера, а именно Бланки. 14 іюня 1861 года послѣ двухлѣтняго пребыванія на свободѣ «этотъ маньякъ конспираціи», какъ презрительно называетъ его Таксиль Делоръ, снова былъ арестованъ: въ тюрьмѣ-то «Старикъ» и познакомился съ молодежью. «Въ Сентъ-Пелажи, — сообщаетъ Лафаргъ, — намъ посчастливилось встрѣтиться съ революціонеромъ, съ Бланки. Онъ-то насъ и передѣлалъ, онъ-то насъ всѣхъ «развратилъ». Какой-то прекраснодушный демократъ замѣтилъ, что Имперія совершила величайшую ошибку, посадивши Бланки въ одну тюрьму съ массой молодежи. Онъ былъ правъ». Сходясь съ Бланки, молодые превращались въ революціонеровъ; онъ всегда совѣтовалъ имъ никогда не слушать стариковъ, даже его самого, «если онъ станетъ говорить имъ что либо, идущее въ разрѣзъ съ ихъ собственными стремленіями». Соціальныя тенденціи молодежи не могли, конечно, ему не нравиться: вѣдь онъ самъ путемъ политическаго переворота стремился къ соціальнымъ преобразованіямъ; но зато онъ рѣшительно подчеркивалъ необходимость борьбы политической, а также и религіозной.

Жадно стремясь къ пріобрѣтенію новыхъ знаній и къ расширенію своего умственнаго кругозора, Бланки основывалъ свое пониманіе соціальной справедливости на общемъ развитіи. Онъ неустанно повторялъ, «что основнымъ вопросомъ является вопросъ о воспитаніи и что передъ революціонерами стоитъ задача освободить человѣческое мышленіе отъ всѣхъ проявленій умственнаго деспотизма и паразитизма, отъ наслѣдственныхъ предразсудковъ, привычекъ и маній» (Жеффруа, Узникъ, стр. 243 франц. изд.). Его атеистическое и матеріалистическое міровоззрѣніе вполнѣ гармонировало съ тенденціями революціонной молодежи.

Кстати отмѣтимъ здѣсь послѣднюю черту новаго поколѣнія. Революціонная молодежь уже не признаетъ антиклерикализма гавэновскаго образца:

она не довольствуется разглагольствованіями противъ іезуитовъ; она нападаетъ на христіанство и даже на туманный деизмъ 1848 года. Она изучаетъ сочиненія великихъ нѣмецкихъ матеріалистовъ Бюхнера, Молешота и Вирхова, и предлагаетъ этимъ ученымъ издавать подъ ихъ редакціей «Энциклопедическое Обозрѣніе». Въ маѣ 1865 года молодые издаютъ вмѣстѣ съ Бланки смѣлую газету «Кандидъ», въ которой сотрудничаютъ Прудонъ, Э. Вильневъ, Ватто, Онимюсъ и баронъ Понна, этотъ Гольбахъ второй Имперіи: Бланки, какъ извѣстно, подписываетъ свои статьи псевдонимомъ Сюзамель. Всѣ они воюютъ противъ всего сверхъестественнаго, доказываютъ человѣческое происхожденіе морали и разоблачаютъ пагубныя послѣдствія семитическаго монотеизма. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на международномъ студенческомъ конгрессѣ въ Льежѣ Жерменъ Кассъ, Реньяръ, Тридонъ и Лафаргъ открыто выступаютъ съ антирелигіозной проповѣдью. «Наука — заявилъ Лафаргъ, — не отрицаетъ Бога; она поступаетъ лучше: она упраздняетъ его за ненадобностью» (октябрь 1865 года).

На томъ же конгрессѣ Леонъ Фонтэнъ, одинъ изъ бельгійскихъ сотрудниковъ «Rive Gauche», формулировалъ profession de foi молодежи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «въ моральной области мы хотимъ, путемъ уничтоженія всѣхъ предразсудковъ и церкви, добиться отрицанія божества и свободы изслѣдованія; въ политической области мы хотимъ, путемъ осуществленія республиканской идеи, добиться федераціи народовъ и солидарности личностей; въ соціальной области мы хотимъ, путемъ преобразованія собственности, отмѣны наслѣдованія и уничтоженія наемнаго труда, добиться солидарности и справедливости».

Университетское начальство, стоявшее на стражѣ морали и догмъ, приговорило этихъ революціонныхъ студентовъ къ различнымъ наказаніямъ. Но и либеральные республиканцы также отреклись отъ нихъ; «первосвященникъ Національнаго Мнѣнія». (Opinion Nationale) обрушился на нихъ тремя статьями, а одинъ изъ достопочтенныхъ представителей якобинства, редакторъ якобы демократической газеты, сказалъ про нихъ: «если бы мой сынъ высказывалъ и защищалъ подобныя ученія, то я бы отправилъ его въ дисциплинарный батальонъ».

«Теперь, — заключаетъ Лафаргъ, — понимаете-ли вы, почему мы такъ же ненавидимъ конституціонализмъ, какъ и имперіализмъ или якобинизмъ?»... И дѣйствительно, между конституціонной парламентской оппозиціей и выступавшей на сцену революціонной оппозиціей лежала глубокая пропасть.

Но и въ этой революціонной оппозиціи замѣчались различныя направленія: одни тѣснѣе примыкали къ Бланки, а другіе къ Прудону. Въ статьѣ, напечатанной 5 ноября 1865 года, Лонгэ пытался опредѣлить характерныя черты обоихъ міросозерцаній и обоихъ направленій. По его мнѣнію, сотрудники «Кандида» придаютъ слишкомъ много значенія людямъ и недостаточно значенія учрежденіямъ: «они идутъ, — спѣшитъ онъ прибавить, — по тому же пути, что и мы. Однако, не отрицая важнаго значенія экономическаго вопроса, они какъ бы больше интересуются религіозно-метафизическими вопросами, которымъ мы отводимъ второе мѣсто или, лучше сказать, разрѣшить которые мы считаемъ возможнымъ отмѣной бюджета культовъ, раціональной организаціей народнаго образованія на началахъ, такъ замѣчательно изложенныхъ въ послѣднихъ сочиненіяхъ Прудона, и въ особенности путемъ экономическихъ преобразованій». Напротивъ, говоритъ

Лонгэ, «двадцать или тридцать молодыхъ людей, основавшихъ «Rive Gauche», расчитываютъ на силу коллективности (курсивъ подлинника), которая, особенно въ революціонный періодъ, способна въ нѣсколько мѣсяцевъ осуществить дѣло цѣлаго столѣтія».

Въ заключеніе авторъ допускаетъ, что онъ обрисовалъ оттѣнки, существующіе между обоими направленіями, слишкомъ рѣзкими штрихами. Онъ полагаетъ, что оба кружка сдѣлаютъ другъ другу взаимныя уступки, а быть можетъ, даже и сольются, «для того, чтобы объединить свои силы противъ общаго врага, т. е. противъ тѣхъ, кто не желаетъ, подобно имъ, полной и окончательной побѣды соціальной революціи».

Однако въ ближайшее время соглашеніе между обѣими группами не наступило; напротивъ, между ними начался споръ, вызванный ихъ различными отношеніями къ организованнымъ рабочимъ и къ Интернаціоналу.

Какъ читатель помнитъ, мы разстались съ парижскими интернаціоналистами послѣ митинга въ Сентъ-Мартинсъ-Холлѣ, т. е. въ моментъ образованія перваго Генеральнаго Совѣта. По возвращеніи въ Парижъ Толэнъ, Лимузенъ и ихъ товарищи занялись расширеніемъ и укрѣпленіемъ своей группы. Въ ноябрѣ они получили отъ Генеральнаго Совѣта уставъ Международной Ассоціаціи; «надежный другъ», но не столь надежный переводчикъ перевелъ его на французскій языкъ, а парижская группа отпечатала его въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Этотъ документъ содержалъ въ себѣ уставъ и мотивировку основныхъ положеній; приводимъ эти послѣднія:

«Принимая во вниманіе,

«Что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ; что, борясь за свое освобожденіе, рабочіе должны стремиться не къ созданію новыхъ привиллегій, а къ установленію равныхъ для всѣхъ правъ и обязанностей;

«Что экономическое подчиненіе рабочаго обладателю средствъ производства является источникомъ политической, моральной и матеріальной зависимости;

«Что поэтому экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено;

«Что всѣ стремленія рабочихъ къ достиженію этой цѣли оставались до сихъ поръ безуспѣшными вслѣдствіе недостатка солидарности между рабочими различныхъ профессій въ каждой странѣ и отсутствія братскаго союза между рабочими различныхъ странъ;

«Что освобожденіе рабочихъ является не просто мѣстной или національной задачей, но напротивъ затрагиваетъ интересы всѣхъ цивилизованныхъ націй и можетъ быть достигнуто только ихъ теоретическимъ и практическимъ содѣйствіемъ другъ другу;

«Что движеніе, которое происходитъ теперь среди рабочихъ наиболѣе промышленныхъ странъ Европы, вызывая новыя надежды, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное предостереженіе противъ старыхъ ошибокъ и заставляетъ стремиться къ объединенію всѣхъ пока еще разрозненныхъ усилій:

«Въ виду вышесказаннаго:

«Нижеподписавшіеся, члены Совѣта, избраннаго собраніемъ, состоявшимся 28 сентября 1864 года въ Сентъ-Мартинсъ-Холлѣ въ Лондонѣ, приняли необходимыя мѣры для основанія Международной Ассоціаціи Рабочихъ;

«Они объявляютъ, что эта Международная Ассоціація, равно какъ

всѣ примыкающія къ ней общества и отдѣльныя личности, признаютъ истину, справедливость и нравственность за основу своихъ отношеній ко всѣмъ людямъ независимо отъ расы, религіи или національности.

«Они считаютъ своимъ долгомъ требовать правъ Человѣка и Гражданина не только для себя, но и для всѣхъ людей, исполняющихъ свои обязанности. Не должно быть обязанностей безъ правъ, правъ безъ обязанностей.

«Въ этомъ духѣ они составили временный уставъ Международной Ассоціаціи».

Въ первомъ томѣ издаваемаго имъ капитальнаго труда по исторіи Интернаціонала (L'Internationale, Documents et Souvenirs, 1864 — 1878) Джемсъ Гильомъ сдѣлалъ тщательный и важный разборъ различныхъ текстовъ этого манифеста (окончательно принятаго только въ 1866 году на Женевскомъ Конгрессѣ) и указалъ на неточности французскаго перевода.

На одной изъ этихъ неточностей мы должны остановиться, такъ какъ ея исправленіе, имѣвшее мѣсто впослѣдствіи, составило цѣлое историческое событіе. Англійскій текстъ гласилъ, что «экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство (as a means)». Этихъ словъ «какъ средство» не оказалось во французскомъ переводѣ. Когда въ 1870 году въ новомъ изданіи, предпринятомъ по иниціативѣ Поля Лафарга, были исправлены неточности перваго французскаго перевода (Джемсъ Гильомъ, I, 285), то самое это исправленіе признано было тенденціознымъ, тѣмъ болѣе, что новый переводъ передавалъ англійское as a means словами: «какъ простое средство». И тогда-то возгорѣлся споръ, на этотъ разъ между марксистами и бакунистами, между соціалистами, интересовавшимися политической дѣятельностью, и антиполитическими соціалистами.

«Лондонскіе дѣятели, — говоритъ Джемсъ Гильомъ, — понимали слова as a means въ томъ смыслѣ, что политическая дѣятельность обязательна для соціалистовъ».

Скажутъ: это споръ о словахъ! Мы этого и не отрицаемъ; но всякій, принимавшій какое бы то ни было участіе въ партійной дѣятельности, прекрасно знаетъ, какую важную роль играютъ слова. Можно сказать, что вся исторія парижскихъ секцій Интернаціонала и всего французскаго соціализма въ періодъ 1864 — 1870 гг. вращалась вокругъ этой простой фразы: «экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено». Всѣ недоумѣнія и сомнѣнія самыхъ развитыхъ и сознательныхъ дѣятелей вертѣлись вокругъ этой фразы; всѣ перепалки между группами, между бланкистами и интернаціоналистами, всѣ разногласія между соціалистами, между синдикалистами перваго періода и революціонерами второго, въ конечномъ счетѣ сводятся къ истолкованію этой мысли и къ выведенію изъ нея практическихъ заключеній. Здѣсь мы опять-таки можемъ дать только нѣсколько общихъ указаній; но серьезную услугу наукѣ и соціалистическому самосознанію окажетъ тотъ, кто произведетъ тщательное и точное изслѣдованіе всѣхъ выдвинутыхъ за 1864 — 1870 гг. формулъ о взаимномъ отношеніи политической и соціальной борьбы. Этотъ вопросъ имѣетъ капитальное значеніе для исторіи соціальныхъ идей въ концѣ XIX вѣка.

Съ появленіемъ перевода временнаго устава Интернаціонала въ концѣ 1864 года спорный параграфъ снова выдвинулъ тотъ вопросъ, который въ началѣ года уже поставленъ былъ манифестомъ Шестидесяти и кандидатурой Толэна. Несмотря на покровительство трехъ демократовъ, подписавшихся подъ избирательной платформой Толэна, послѣдняго обвиняли въ томъ, что онъ вноситъ разладъ и ослабляетъ республиканскую оппозицію, сознательно или безсознательно играетъ въ руку Имперіи и отвлекаетъ рабочій классъ отъ настоящей политической борьбы, т. е. отъ борьбы за свободу. Уже по тому одному, что онъ требовалъ отъ Имперіи, какъ таковой, улучшенія положенія рабочаго класса, нѣкоторымъ казалось, что онъ болѣе или менѣе индифферентно относится къ формѣ политическаго устройства. И вотъ возникалъ вопросъ, не этотъ-ли политическій индифферентизмъ выражается въ пресловутой формулѣ манифеста?

Горячій республиканецъ Анри Лефоръ, другъ лондонскихъ эмигрантовъ и членовъ Интернаціонала, заволновался. Въ письмѣ къ Лелюбезу отъ 4 февраля 1865 года, приведенномъ у Чернова (стр. 453), онъ указываетъ на недоумѣніе многихъ республиканцевъ и въ томъ числѣ экономиста Горна, «который, — какъ говоритъ Лефоръ, — понимаетъ дѣло такъ, что мы устраняемъ политику и допускаемъ возможность экономическихъ завоеваній независимо отъ политической дѣятельности. По его словамъ, среди нѣкоторой части рабочаго класса дѣйствительно замѣчается прискорбная тенденція въ эту сторону; но это — чистѣйшій бонапартизмъ и императорская демократія»... На это письмо Лелюбезъ отвѣчалъ: «Наша принципіальная декларація переведена далеко не удовлетворительно, а въ иныхъ случаяхъ переводъ совершенно извращаетъ смыслъ подлинника». При этомъ онъ даетъ точный переводъ англійскаго параграфа съ прибавленіемъ словъ: «какъ средство».

Но не подлежитъ сомнѣнію, что независимо отъ точнаго или неточнаго перевода среди соціалистовъ и даже въ рядахъ самого Интернаціонала существовало разномысліе. Одни, оставаясь на почвѣ традицій соціальнаго республиканизма 1834 или 1848 года, стояли на той точкѣ зрѣнія, что «соціальное преобразованіе есть цѣль, а политическій переворотъ средство», необходимое и неизбѣжное средство, которымъ должно воспользоваться для достиженія цѣли. Къ этому взгляду примкнули бланкисты; они не допускали другой республики, кромѣ соціальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, они не полагали, чтобы можно было добиться хотя бы частичнаго осуществленія соціализма безъ предварительнаго низверженія Имперіи.

Напротивъ, рабочіе кандидаты и рабочіе, участвовавшіе въ основаніи Интернаціонала, были убѣждены, что политическій переворотъ не имѣетъ серьезнаго значенія, если онъ не является выраженіемъ соціальнаго преобразованія. По существу они полагали, что прежде всего слѣдуетъ стремиться къ улучшенію положенія рабочаго класса, и что политическій переворотъ, совершенный неорганизованными, забитыми и невѣжественными рабочими, окажется безплоднымъ въ соціальномъ отношеніи. По ихъ мнѣнію, основная задача движенія заключалась въ томъ, чтобы добиваться необходимыхъ реформъ даже въ рамкахъ существующаго режима; и несмотря на свои глубокія, а подчасъ и крайне рѣшительныя республиканскія чувства, они придавали политической борьбѣ «подчиненное», т. е. второстепенное значеніе. «При чтеніи этого мѣста (все того же параграфа о взаимоотношеніи соціальной и политической борьбы), — разсказываетъ Фрибуръ (А. —

sociation Internationale, стр. 151, примѣчаніе 12), —Толэнъ не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія: «Наконецъ-то,—сказалъ онъ своимъ товарищамъ,—никто не сможетъ сказать, что только мы одни настаиваемъ на подчиненномъ значеніи политическаго вопроса». Интеллигенты-прудонисты, вродѣ Вермореля, также подчеркивали эту мысль. Въ первомъ номерѣ возобновленнаго ими «Французскаго Курьера» они излагали свою программу въ такихъ выраженіяхъ, подъ которой несомнѣнно подписались бы парижскіе интернаціоналисты: «Нападать на формы политическаго устройства, которыя въ конечномъ счетѣ являются просто выраженіемъ соціальныхъ отношеній, значило бы слѣпо разбивать себѣ голову о силу вещей; и если бы даже намъ удалось поколебать ее, то она не замедлила бы фатально обратиться противъ насъ.

«Современный деспотизмъ слѣдуетъ аттаковать и побѣдить въ его основныхъ причинахъ—невѣжествѣ и нищетѣ.

«Политическую борьбу мы хотимъ замѣнить соціальной борьбой».

Республиканскій пролетаріатъ никогда не сумѣетъ окончательно рѣшить этого серьезнаго и мучительнаго вопроса, который каждый разъ будетъ снова и снова выдвигаться передъ нимъ вплоть до того дня, когда онъ положитъ ему конецъ учрежденіемъ соціальной республики. Съ новой формой этого самаго вопроса мы встрѣтимся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ борьбѣ между бакунистами и марксистами; онъ же вызвалъ первую перепалку между парижскимъ бюро и Анри Лефоромъ, который въ глазахъ парижскихъ корреспондентовъ былъ слишкомъ скомпрометтированъ въ политическомъ отношеніи; онъ же лежалъ въ основѣ разногласій между бланкистами и прудонистами, какъ въ Парижѣ, такъ и на первой лондонской конференціи 1865 года, гдѣ уже тогдашніе французскіе соціалисты, подобно своимъ преемникамъ, занимали вниманіе иностранныхъ товарищей своими страстными спорами. А парижскіе рабочіе такъ долго и такъ упорно подозрѣвали основателей Интернаціонала въ скрытыхъ бонапартистскихъ симпатіяхъ и въ прислуживаніи Пале-Роялю и отказались примкнуть къ новой Ассоціаціи именно потому, что они ставили себѣ этотъ вопросъ и большей частью рѣшали его въ бланкистскомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ необходимости политической борьбы.

Мы уже подробно останавливались на первыхъ выступленіяхъ интернаціоналистовъ, и потому намъ не приходится оправдывать ихъ отъ такого обвиненія. Фрибуръ разсказалъ, къ какимъ хитростямъ пришлось прибѣгнуть Толэну и ему, чтобы собрать главныхъ дѣятелей парижскихъ синдикатовъ или, точнѣе, обществъ взаимопомощи и очиститься передъ ними отъ гнусной клеветы, представлявшей ихъ агентами «плонплоновскаго цезаризма» (Плонплонъ—народная кличка принца Бонапарта): они пригласили ихъ по одному якобы на частную бесѣду и такимъ образомъ всѣ встрѣтились и объяснились. Впрочемъ, если бланкисты съ обычной страстью братьевъ-недруговъ подхватывали обвиненіе въ служеніи Имперіи, то безпартійные соціалисты, не замѣшанные въ эту распрю и пытавшіеся тѣсно сплотить всѣ революціонныя группы, ни въ чемъ не подозрѣвали интернаціоналистовъ. Такъ какъ лондонскій бланкистъ Везинье продолжалъ рѣзко нападать на нихъ въ бельгійской газеткѣ, называвшейся «Проказникомъ», то Шарль Лонгэ, который, замѣтимъ кстати, несмотря на свой прудонизмъ,

полагалъ, «что только политическій переворотъ можетъ обезпечить народу удовлетвореніе его требованій» (29 іюля 1865 года), отвѣтилъ ему статьей, въ которой ручался за республиканскія убѣжденія Толэна, Лимузена и Фрибура («Rive Gauche» отъ 18 марта 1866 года).

«Мы позволимъ себѣ замѣтить,—писалъ онъ съ присущимъ ему здравымъ смысломъ,—что еслибы парижскіе рабочіе делегаты питали хотя бы малѣйшую склонность къ бонапартизму и намѣрены были ему служить, то имъ не пришлось бы прятать свое знамя, а они могли бы его развернуть по примѣру той кучки парижскихъ рабочихъ, которая въ теченіе послѣдняго года упражнялась въ псевдо-соціализмѣ на столбцахъ Pays.

«Плохую же услугу оказываютъ императорскому правительству люди, которые агитируютъ среди рабочихъ массъ во имя соціальной реформы, правда, не говоря имъ о революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не пріучая ихъ ждать своего избавленія отъ императора, а напротивъ, развивая въ нихъ духъ активности и иниціативы. А вѣдь именно такую задачу, заслуживающую всяческаго поощренія съ нашей стороны, и поставили себѣ парижскіе делегаты, и если до сихъ поръ они благодаря выдержкѣ, благоразумію и тактичности съумѣли продолжать эту полезную борьбу, то по нашему мнѣнію, это не даетъ еще никакого права оставлять ихъ въ подозрѣніи».

Эти слова предвосхищаютъ приговоръ исторіи. Лонгэ прекрасно понималъ, какая могучая революціонная сила въ потенціальномъ состояніи скрывается въ нѣдрахъ Интернаціонала; онъ ясно сознавалъ все плодотворное значеніе систематической, осторожной и выдержанной дѣятельности Толэновъ и Лимузеновъ; онъ чувствовалъ, что, несмотря на свою робость и умѣренность, эти свободные и живые умы въ результатѣ своихъ терпѣливыхъ изысканій зайдутъ гораздо дальше, чѣмъ они сами думаютъ, и что внутренняя логика ихъ дѣятельности должна толкнуть ихъ самихъ или ихъ ближайшихъ сотрудниковъ на путь политической (въ широкомъ смыслѣ этого слова) и революціонной борьбы. Само собой разумѣется, что нѣкоторые изъ нихъ фатально должны были остановиться на полдорогѣ; но не слѣдуетъ забывать, что Варленъ, Малонъ и Камелина участвовали въ первыхъ выступленіяхъ рабочаго класса и входили въ первое большое бюро (Фрибуръ, стр. 34) вмѣстѣ съ Толэномъ и Фрибуромъ. И подобно тому какъ Толэнъ и Лимузенъ подъ вліяніемъ классового сознанія перешли отъ чисто профессіональной самозащиты къ рабочимъ кандидатурамъ и Международной Ассоціаціи, точно такъ же ихъ товарищи въ силу естественной и неизбѣжной эволюціи должны была перейти отъ нѣсколько узкаго изученія соціальныхъ вопросовъ къ революціонной дѣятельности, но въ новой формѣ, сочетавшей политическую борьбу съ соціальной.

Къ сожалѣнію, мы должны оставить въ сторонѣ полную жизни идейную исторію Интернаціонала, а также повседневную дѣятельность Международной Ассоціаціи, Генеральнаго Совѣта, національныхъ секцій и мѣстныхъ группъ, этихъ первыхъ и неистребимыхъ зародышей новаго общества, разсѣянныхъ по всему міру. Мы могли на немногихъ страницахъ только указать мѣсто, занимаемое освободительными стремленіями пролетаріата въ

исторіи Второй Имперіи; этой же стороной вопроса мы должны ограничиться, говоря объ Интернаціоналѣ.

Итакъ, въ началѣ 1865 года на улицѣ Гравилье въ домѣ № 44 интернаціоналисты принялись за работу. «Небольшая, разбитая чугунная печка, принесенная Толэномъ, бѣлый деревянный столъ, днемъ служившій станкомъ для Фрибура, декоратора по ремеслу, а вечеромъ превращавшійся въ канцелярское бюро, пара подержанныхъ табуретокъ, къ которымъ впослѣдствіи прибавилось четыре причудливыхъ стула,—такова была въ продолженіе больше чѣмъ года вся мебель, украшавшая небольшую квартиру нижняго этажа, выходившую окнами на сѣверъ и помѣщавшуюся въ глубинѣ двора, постоянно наполненнаго ужаснымъ зловоніемъ. Въ этой-то каморкѣ, имѣвшей четыре метра въ длину и три метра въ ширину, и обсуждались, смѣемъ это сказать, величайшіе соціальные вопросы нашего времени» (Фрибуръ, стр. 23).

Сторонники вербовались медленно и съ большимъ трудомъ: были основаны секціи въ парижскихъ предмѣстьяхъ Пюто, Сенъ-Дени, Ванвѣ и Монтрейлѣ; въ Руанѣ, Гаврѣ, Каанѣ, Амьенѣ,Ліонѣ, Сентъ-Этьенѣ и Рубэ составились группы. Къ интернаціоналистамъ примкнули нѣкоторые буржуа, какъ напримѣръ Анри Мартэнъ, Шодэ, Корбонъ, Ш. Белэ и даже Жюль Симонъ! Нѣкоторые журналисты сочувственно заговорили о рабочемъ движеніи. И тѣмъ не менѣе за семь мѣсяцевъ удалось навербовать не больше 500 сторонниковъ.

Секретари парижскихъ группъ тщательно избѣгали всего, что могло бы имѣть видъ политической манифестаціи и подать администраціи поводъ открыть противъ нихъ походъ; они пользовались всяческими юридическими уловками для того, чтобы получить возможность мирно продолжать дѣло организаціи и воспитанія пролетаріата; но вмѣстѣ съ тѣмъ они всякими способами старались завоевать довѣріе рабочихъ-республиканцевъ.

Въ это время рабочее движеніе, первые шаги котораго, какъ мы видѣли, относятся къ концу 1863 года, продолжало развиваться, проявляясь во всевозможныхъ формахъ. Въ то время какъ кооператоры, въ большинствѣ случаевъ республиканцы, издавали свою «Ассоціацію», а Белозъ старался понуляризовать «Кредитъ Труду», императорское правительство и бонапартисты не оставляли своихъ попытокъ внушить рабочему классу чувство признательности къ императору за благодѣянія, уже осуществленныя или еще ожидавшіяся отъ него. Среди императорскихъ холоповъ существовали различные оттѣнки. Тѣ изъ нихъ, которыхъ финансистъ Гюгельманъ завербовалъ въ «Національное Общество для искорененія пауперизма», открыто взывали къ императорскому покровительству (статья 2-ая устава), и подобно католикамъ, просящимъ святыхъ ходатайствовать за нихъ передъ Богомъ, «просили императора назначить посредникомъ по дѣлу августѣйшаго покровительства... герцога Персиньи». Что за стиль и что за понятія! Конечно, не столь гнуснымъ холопствомъ отличались сторонники Пале-Рояля и авторы «рабочихъ брошюръ» какъ напримѣръ наборщикъ Базенъ, сотрудничавшій съ іюня по августъ 1865 года въ газетѣ Pays. Въ виду того, что парламентская оппозиція не интересовалась рабочими такъ, какъ этого хотѣлось Базену, онъ апеллировалъ къ императору; но его критика соціальнаго неустройства—и мы считаемъ долгомъ чести отмѣтить это—по существу ничѣмъ не отличалась отъ критики рабочихъ-республиканцевъ. Двое прежнихъ пріятелей Толэна, остановившихся какъ бы на четверти

нути, Ж.-Ж. Бланъ, бывшій рабочій кандидатъ, и Кутанъ, вели хронику стачечнаго движенія въ «Opinion Nationale» и продолжали борьбу за законодательное признаніе профессіональныхъ союзовъ.

Въ виду наличности всѣхъ этихъ направленій, часто различавшихся почти незамѣтными оттѣнками, и въ виду подозрѣній, выражаемыхъ республиканцами и бланкистами, рабочіе-интернаціоналисты обязаны были опредѣленно формулировать свои воззрѣнія. Въ іюнѣ 1865 года они основали «La Tribune Ouvrière» (Рабочая Трибуна), но на четвертомъ номерѣ газета была закрыта администраціей; съ конца іюня до середины августа они сотрудничали въ республиканской газетѣ «Avenir National», основанной Пейра. Поэтому они замѣтно отличались отъ бонапартистовъ изъ P a y s. Но ни ихъ заявленія, ни запрещеніе «Рабочей Трибуны», закрытой «не столько за то, что она говорила, сколько за то, что она могла бы сказать въ одинъ прекрасный день», не въ состояніи были смягчить группу лондонскихъ эмигрантовъ и бланкистовъ. Какъ мы уже говорили, на сентябрьской конференціи, замѣнившей несостоявшійся въ 1865 году конгрессъ Интернаціонала, между парижанами и эмигрантами произошло столкновеніе: Толэнъ, Фрибуръ, Лимузенъ и Варленъ не поладили съ Везинье и Лелюбезомъ по польскому вопросу. Первые, оставаясь вѣрными своей тактикѣ и своему рѣшенію обсуждать исключительно рабочіе вопросы, отказались внести этотъ вопросъ въ программу занятій ближайшаго конгресса; вторые объявили этотъ отказъ бонапартистской выходкой. Лондонская конференція ограничилась почти исключительно выработкой порядка дня для конгресса, который предполагалось созвать въ Женевѣ въ сентябрѣ 1866 года. Впрочемъ, по требованію парижанъ, желавшихъ обезпечить себя отъ вторженія интеллигентовъ-политикановъ, конференція разсмотрѣла вопросъ о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ «рабочій»; и хотя она отказалась преградить доступъ въ Международную Ассоціацію студентамъ и журналистамъ, она признала за каждой секціей право давать слову «рабочій» такое толкованіе, какое та сочтетъ для себя удобнымъ.

Годичный періодъ, протекшій отъ сентября 1865 до сентября 1866 г., ничѣмъ особеннымъ не ознаменовался въ исторіи французской группы интернаціоналистовъ; полемика съ Везинье, продолжавшаяся послѣ лондонской конференціи, и протестъ противъ войны, о которомъ мы говорили выше, были почти единственными публичными проявленіями ихъ дѣятельности. Но «гравильерцы» продолжали свою работу: они читали, учились и на своихъ вечернихъ засѣданіяхъ, происходившихъ по четвергамъ, тщательно вырабатывали программу, въ которой они хотѣли формулировать свои взгляды. Кромѣ того, имъ удалось найти новый органъ: въ то время какъ «La Rive Gauche» особенно въ статьяхъ Лафарга описывала англійскія стачки, отмѣчала выдающееся значеніе этихъ проявленій классовой борьбы и уже пыталась популяризовать во Франціи основныя мысли Генеральнаго совѣта, интернаціоналисты изъ парижской группы сотрудничали въ «Courrier Français», который тогда сдѣлался почти ихъ оффиціальнымъ органомъ.

Для нихъ наступило время представить связное изложеніе своего ученія. Они формулировали свои взгляды въ Запискѣ, которую они представили на Женевскій конгрессъ и въ которой разсматривались различные вопросы, стоявшіе тогда на очереди.

Въ длинномъ предисловіи парижскіе делегаты характеризовали основ-

ныя черты новаго періода, въ который, по ихъ мнѣнію, вступило человѣчество: Трудъ и Демократія заявляютъ право на самостоятельное существованіе; они не хотятъ больше тащиться на буксирѣ своихъ господъ или «безсмысленно сражаться за смѣну своихъ тирановъ».Въ настоящее время демократія знаетъ основную причину своихъ неудачъ, которая заключается въ ея «незрѣлости». Подобно тому, какъ буржуазія восторжествовала въ концѣ XVIII вѣка только тогда, когда она «талантами, знаніями и богатствомъ, по меньшей мѣрѣ, сравнялась съ аристократіей», точно такъ же и рабочій классъ «послѣ 15 лѣтъ упорнаго труда и усердныхъ изысканій» пытается теперь добиться своего освобожденія съ помощью Международной Ассоціаціи Рабочихъ.

Выдвигающійся передъ рабочимъ классомъ основной вопросъ касается «взаимныхъ отношеній между капиталомъ и трудомъ». Трудъ представляетъ дѣйствіе, съ помощью котораго человѣкъ подчиняетъ себѣ силы природы и преобразуетъ содержащіеся въ ней сырые матеріалы въ предметы собственнаго потребленія. Капиталъ—это накопленный трудъ. А такъ какъ сегодняшній трудъ стоитъ вчерашняго, то между работниками долженъ установиться справедливый обмѣнъ на началахъ взаимности. Процентъ съ капитала представляетъ незаконное и безнравственное явленіе. Всѣ люди обязаны трудиться.

Какими же путями можно осуществить это неутопическое общество, создать «націю работниковъ, обмѣнивающихъ свои продукты на началахъ взаимности и справедливости»? Прежде всего путемъ развитія духовныхъ и физическихъ способностей рабочихъ, т. е. посредствомъ образованія. Но это образованіе не должно даваться государствомъ. Вмѣстѣ съ Прудономъ, котораго они читали и перечитывали и котораго они цитировали по всякому удобному и неудобному поводу, большинство парижскихъ интернаціоналистовъ полагало, что образованіе, даваемое государствомъ, неизбѣжно будетъ носить однообразный характеръ и фатально будетъ стремиться оболванить всѣ умы по одному образцу, въ результатѣ чего получится «пагубная для всего общества неподвижность, атонія и общая атрофія». Образованіе должно даваться въ семьѣ, гдѣ должна оставаться женщина, мать, въ настоящее время прикованная къ мастерской и подвергающаяся самой безжалостнѣйшей эксплуатаціи. Если силъ одной семьи окажется недостаточно для этой цѣли, то родители объединятся между собой на началахъ взаимнаго страхованія.

Замѣтимъ, что Варленъ и Бурдонъ не раздѣляли этого мнѣнія. Чтобы избѣгнуть несправедливости и обезпечить каждому ребенку полученіе образованія, они требовали организаціи народнаго образованія государствомъ, но съ допущеніемъ свободной инициативы и разнообразія программъ, — условія, о которыхъ современные реформаторы не очень-то заботились.

Переходя затѣмъ къ конкретной характеристикѣ будущаго строя, Записка высказывалась противъ ассоціаціи (подъ которой интернаціоналисты понимали государственый коммунизмъ) и въ пользу коопераціи, которая, не нивеллируя индивидуальныхъ особенностей и не превращая человѣческую личность въ безвольную единицу, «объединяетъ людей, возбуждая ихъ силы и личную инициативу».

Парижскіе делегаты рѣшительно высказывались противъ стачекъ; по ихъ мнѣнію, борьба между капиталомъ и трудомъ всегда вредна. Ей необходимо положить конецъ «путемъ организаціи обмѣна на началахъ взаим-

ности», путемъ реорганизаціи профессіональнаго образованія и путемъ принятія мѣръ, способныхъ предупредить переполненіе нѣкоторыхъ профессій и вытекающій отсюда избытокъ свободныхъ рабочихъ рукъ, благопріятствующій худшимъ формамъ эксплуатаціи. Далѣе они осуждали налоги, представляющіе пережитокъ древняго рабства, всею тяжестью падающіе главнымъ образомъ на рабочихъ и служащіе для поддержанія учрежденій, направленныхъ преимущественно противъ нихъ же, «такъ что пролетаріатъ трудится не только для касты, его пожирающей (т. е. для капиталистовъ), но и для касты, его бичующей и оскотинивающей». Они высказывались противъ постоянныхъ армій, такъ какъ послѣднія оказываютъ вредное дѣйствіе на производство, отрывая отъ труда милліоны людей, разрушая во время войны продукты произведенной работы и понижая народную нравственность военной дисциплиной. Наконецъ, они съ полнѣйшимъ безразличіемъ относились къ спорамъ между протекціонистами и сторонниками свободы торговли; съ своей стороны, они требовали только одного, а именно, предоставленія имъ «возможности организовать равный обмѣнъ между производителями по принципу: услуга за услугу, трудъ за трудъ, кредитъ за кредитъ». Въ заключеніе они требовали отъ сторонниковъ различныхъ религій только одного: не вмѣшивать «своего бога» въ соціальныя отношенія и держаться въ жизни началъ справедливости и морали.

Наше слишкомъ краткое изложеніе не даетъ надлежащаго понятія объ этой Запискѣ. Она содержитъ проникнутыя искреннимъ чувствомъ и трогательныя страницы, свидѣтельствующія о томъ, что теоріи учителя были глубоко продуманы и выношены его послѣдователями. Я понимаю то чувство привязанности, съ которымъ говорятъ объ этой Запискѣ старые товарищи, участвовавшіе въ ея составленіи; но при сопоставленіи ея съ манифестомъ 60-ти и съ тѣми документами, которые относятся къ рабочимъ кандидатурамъ и къ основанію Интернаціонала, она звучитъ довольно странно. Старыя формулы, вырвавшіяся какъ воинственный кличъ рабочаго класса и переходившія изъ статьи въ статью, изъ манифеста въ манифестъ съ все болѣе богатымъ содержаніемъ и во все болѣе рѣзкой формулировкѣ, почти совершенно исчезли изъ этой Записки, которая насквозь проникнута абстрактными положеніями прудоновской теоріи. Передовые парижскіе рабочіе усвоили и восприняли основныя мысли сочиненія, написаннаго для нихъ старымъ учителемъ, той книги о «Политической Зрѣлости Рабочаго Класса», въ которой Прудонъ пытался вскрыть идею сознательныхъ пролетаріевъ. Они признаютъ себя послѣдователями и защитниками его ученія, но теперь это ученіе, подобно глухой стѣнѣ, воздвигается между ними и опытомъ. Въ Запискѣ уже проглядываетъ какъ бы отклоненіе отъ первоначальной идеи Интернаціонала. Ея составители пытаются закрыть глаза на повседневную борьбу рабочаго класса; они не довольствуются уже совѣтомъ соблюдать осторожность и умѣренность во время неизбѣжныхъ забастовокъ, а принципіально осуждаютъ стачки, какъ вредную форму борьбы. Отнынѣ они какъ будто совершенно не интересуются профессіональными союзами и боевыми организаціями рабочаго класса. Это-то обстоятельство и составило впослѣдствіи силу «коллективизма» въ его борьбѣ съ прудонизмомъ. Основывался-ли коллективизмъ на ученіи Маркса или Бакунина, все равно, онъ не ограничивался механическимъ повтореніемъ быстро старѣющихъ философскихъ формулъ и, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ служилъ выраженіемъ реальной борьбы рабочаго класса, постоянно

подвергаясь передѣлкѣ въ зависимости отъ потребностей пролетарскаго движенія. И именно потому, что Варленъ и Малонъ, болѣе свободные отъ абстрактныхъ формулъ и внимательнѣе прислушивавшіеся къ урокамъ повседневнаго опыта, не застыли на прудонистской догмѣ, они могли впослѣдствіи подхватить оружіе, выпавшее изъ рукъ Толэна и Фрибура.

Но вотъ что слѣдуетъ отмѣтить: если дебаты, происходившіе на конгрессахъ Интернаціонала, имѣютъ капитальное значеніе въ исторіи современной мысли, то въ свое время они, повидимому, не имѣли значительнаго вліянія на дѣятельность рабочаго класса въ его борьбѣ съ Имперіей и буржуазіей. Насколько можно судить, они оставались чисто теоретическими преніями, важное значеніе которыхъ ускользало отъ большинства современниковъ. До и послѣ Женевскаго и Лозанскаго конгрессовъ французскихъ рабочихъ занималъ одинъ вопросъ: являются-ли интернаціоналисты агентами бонапартизма, ведутъ-ли они борьбу противъ Имперіи или нѣтъ? И слѣдуетъ признаться, что въ этомъ отношеніи сектантскій прудонизмъ Толэна и Фрибура могъ только сбивать рабочихъ съ толку; подъ вліяніемъ прудонизма эти люди долго сопротивлялись назрѣвшему движенію и задерживали естественное расширеніе соціальной борьбы, и вотъ почему они принуждены были уступить мѣсто болѣе крайнимъ и молодымъ дѣятелямъ. Въ бурномъ водоворотѣ рабочаго движенія люди скоро изнашиваются.

Теперь мы переходимъ къ описанію процесса, приведшаго къ преобразованію Интернаціонала. Только въ результатѣ непрерывной эволюціи и упорныхъ усилій нѣкоторые умѣренные дѣятели 1864 года превратились въ революціонеровъ 1869 года.

Женевскій конгрессъ Интернаціонала открылся 3 сентября 1866 года; на немъ присутствовало около 60 делегатовъ.

Выдающимся актомъ конгресса было, разумѣется, утвержденіе принципіальной декларацiи и устава Интернаціонала, о которыхъ мы говорили выше, но уже на этомъ конгрессѣ можно было замѣтить нѣкоторыя проявленія оппозиціи, которая должна была возникнуть въ нѣдрахъ Международной Ассоціаціи.

Представленная парижанами Записка была встрѣчена сочувственно, но по основному пункту, касающемуся взаимныхъ отношеній между капиталомъ и трудомъ, лондонскіе делегаты, находившіеся подъ вліяніемъ Маркса, который и написалъ ихъ программу, сочли нужнымъ сдѣлать извѣстныя оговорки. Они напомнили, что борьба рабочаго класса интересуетъ ихъ больше всего, и предложили конгрессу принять резолюцію въ пользу ограниченія рабочаго времени и поддержки международной организаціи для достиженія этой цѣли. Парижане отстаивали свой отрицательный взглядъ на забастовки и «во имя свободы договоровъ и договаривающихся сторонъ» высказывались противъ вмѣшательства Интернаціонала въ столкновенія между хозяевами и рабочими. Употребляя современные термины, они противопоставляли чисто кооперативное міровоззрѣніе синдикалистскому міровоззрѣнію англичанъ и развили проектъ, по которому Интернаціоналъ превращался во «всемірное кооперативное общество съ непостояннымъ капиталомъ и одинаковыми мѣсячными взносами», открывающее повсюду магазины для эквивалентнаго обмѣна между соучастниками и кредитующее «кооперативныя товарищества, которыя, по его мнѣнію, осуществляютъ идею справедливости и солидарности между всѣми своими членами».

Принятая конгрессомъ резолюція считалась съ настоящимъ положеніемъ

вещей, какъ того хотѣли англичане; прудонистамъ же... она посулила журавля въ небѣ. «Конгрессъ,—гласила эта резолюція,—заявляетъ, что при современномъ состояніи промышленности, построенномъ на началахъ войны, рабочіе должны оказывать другъ другу взаимную поддержку для защиты заработной платы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ своимъ долгомъ заявить, что рабочій классъ долженъ стремиться къ еще болѣе высокой цѣли, а именно къ отмѣнѣ системы наемнаго труда. Онъ рекомендуетъ изученіе экономическихъ средствъ, основанныхъ на справедливости и взаимности».

Эта противорѣчивая резолюція, а также дебаты, предшествовавшія ея принятію, заранѣе говорили о назрѣвавшей драмѣ: интернаціоналистамъ, которые стремились къ осуществленію прудонизма, грозила неминуемая участь быть захлестнутыми волной рабочаго движенія. Единственная политика, которой могъ слѣдовать Интернаціоналъ, это была реалистическая политика Маркса; послѣдняя, по словамъ самого Маркса, въ письмѣ его къ Кугельману отъ 9 октября 1866 года, въ то время ограничивалась «такими пунктами, которые допускали непосредственное соглашеніе и совмѣстныя дѣйствія рабочихъ и которые могли непосредственно дать пищу и толчокъ потребностямъ классовой борьбы и организаціи рабочихъ въ классъ». Обстоятельства, которыя сильнѣе людей и ихъ теоретическихъ построеній, вскорѣ должны были привести парижскихъ рабочихъ и французскихъ интернаціоналистовъ къ этой революціонной политикѣ.

Но въ разсматриваемое время, т. е. въ концѣ 1866 года, они снова увлеклись распрей съ бланкистами. На самомъ Женевскомъ конгрессѣ бланкисты Прото, Альфонсъ Эмберъ, Жану и Лалурсэ, допущенные туда несмотря на протесты прудонистовъ, упрекали послѣднихъ въ мнимой близости съ Пале-Роялемъ; но Бланки, неизвѣстно по какимъ мотивамъ, приказалъ имъ немедленно прекратить свои нападки. Бланкистскіе делегаты отказались подчиниться этому требованію (Жеффруа, стр. 260). Въ результатѣ распря разгорѣлась яркимъ пламенемъ; чтобы положить ей конецъ, въ кафе Ренесансъ назначено было на 7 ноября 1866 года торжественное собраніе, на которомъ делегаты должны были представить отчетъ о конгрессѣ и на который приглашены были всѣ студенты и рабочіе, участвовавшіе въ избраніи делегатовъ.

На этомъ собраніи Прото настойчиво повторялъ свои прежнія обвиненія, а Тридонъ отстаивалъ новое мнѣніе Бланки. Подъ конецъ собранія нагрянула полиція и арестовала всѣхъ 42 присутствующихъ, кромѣ Прото, которому удалось ускользнуть. Въ январѣ 1867 года всѣ они были осуждены за участіе въ тайномъ сообществѣ; въ рукахъ судей списокъ подписчиковъ «Кандида» превратился въ списокъ членовъ сообщества, причемъ они весьма кстати забыли, что въ числѣ этихъ подписчиковъ состоялъ также Ротшильдъ. Но дѣйствительная причина ареста и осужденія заключалась въ непріятныхъ для полиціи сношеніяхъ студентовъ съ рабочими. Полиція тщательно прослѣдила всѣ ихъ тайныя собранія, обыкновенно переносившіяся изъ одного предмѣстья въ другое, а ея агенты-провокаторы могли разсказать суду о томъ, какъ студенты умѣютъ убѣждать и «портить» рабочихъ.

Эти событія не очень-то благопріятствовали пропагандѣ Интернаціонала. Нѣкоторыя газеты, какъ напримѣръ «Temps», въ лицѣ Бриссона и «Liberté» въ лицѣ Пессара, сочувственно отозвались о женевскомъ конгрессѣ; вообще огласка получилась большая, чѣмъ можно было ожидать, но

эти безслѣдно проходящія газетныя статьи не могли, конечно, склонить рабочую массу на сторону новой организаціи. Крайніе революціонеры, которые могли увлечь за собой энергичное меньшинство, продолжали дискредитировать интернаціоналистовъ и даже обвиняли ихъ въ томъ, что они донесли полиціи на собраніе въ кафе Ренесансъ; а боязливыхъ рабочихъ, хотя и желавшихъ улучшить свое положеніе путемъ планомѣрной дѣятельности, смущало неопредѣленное положеніе Интернаціонала, къ которому правительство попрежнему относилось терпимо, хотя уже начинало къ нему придираться. Какъ читатель вѣроятно помнитъ, органъ парижскихъ интернаціоналистовъ «Рабочая Трибуна» былъ закрытъ на четвертомъ номерѣ; французское правительство захватило бумаги англійскихъ делегатовъ, возвращавшихся съ Женевскаго конгресса, и потребовалось вмѣшательство англійскаго посланника въ Парижѣ, чтобы добиться ихъ возвращенія; наконецъ, воспрещенъ былъ ввозъ во Францію напечатанной заграницей «Записки» парижскихъ делегатовъ за ихъ рѣшительный отказъ включить туда выраженіе благодарности по адресу императора, столь милостиво относящагося къ рабочему классу! Какъ мы видимъ, терпимое отношеніе администраціи къ Интернаціоналу было довольно непрочнымъ; съ другой стороны, нѣкоторые рабочіе, какъ напримѣръ Варленъ, съ негодованіемъ сносили эти полицейскія придирки.

Однако они терпѣливо принялись за работу и за сочиненіе новыхъ проектовъ: проекта мѣнового банка, отъ котораго скоро пришлось отказаться въ виду ничтожнаго числа примкнувшихъ къ нему участниковъ; проекта взаимнаго кредита, имѣвшаго цѣлью постепенно снабдить профессіональныя группы необходимыми орудіями производства и осуществить такимъ образомъ освобожденіе пролетаріата; проекта «круговыхъ поѣздокъ по Европѣ» для расширенія профессіональной выучки; проекта взаимнаго страхованія на случай рожденія у рабочихъ дѣтей, а также ихъ образованія и воспитанія на случай смерти главы семьи; наконецъ, проекта обширной анкеты относительно условій труда. Но каковы бы ни были достоинства этой скромной работы, не она могла привлечь къ Интернаціоналу рабочія массы.

Но въ 1867 году можно было замѣтить какъ бы новый подъемъ въ рабочемъ движеніи, которое, какъ мы видѣли, началось въ 1863—1864 г. Изъ перваго подъема вышли рабочія кандидатуры и основаніе Интернаціонала; изъ второго вышелъ революціонный Интернаціоналъ. Интернаціоналисты завоевали довѣріе рабочихъ массъ не потому, что они спорили съ бланкистами, и не потому, что они рѣшили считаться съ мнѣніемъ «авторитарной партіи», какъ выражается Фрибуръ, а потому, что экономическая эволюція и политическія событія выяснили широкимъ массамъ необходимость этой организаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ заставили послѣднюю принять революціонный характеръ.

Необходимо прежде всего замѣтить, что въ 1867 году французская экономическая жизнь переживала если не кризисъ, то по крайней мѣрѣ, заминку. Кредитъ сдѣлался недоступнѣе, а въ дѣлахъ наступилъ застой; обороты внѣшней торговли, достигшіе 7.615 милліоновъ фр. въ 1865 году и 8.126 милліоновъ въ 1866 году, понизились въ 1867 г. до 7.965 милліоновъ, причемъ уменьшеніе падало исключительно на вывозъ. Учетныя операціи Французскаго Банка сократились съ 6 милліардовъ 556 милліоновъ въ 1866 году до 5 милліардовъ 723 милліоновъ; по балансу, сведенному въ концѣ 1867 года, кассовая наличность исчислялась въ колоссальной цифрѣ

1.000.919.000 франковъ: это и была такъ называемая стачка миллиарда.

Эта экономическая заминка, хотя и недолговременная и обусловленная гораздо болѣе общими причинами, чѣмъ битва при Садовѣ или Всемірная выставка 1867 года, не могла однако не оказать извѣстнаго вліянія на политическія событія.

Первый ея результатъ выразился въ усиленіи протекціонистской оппозиціи. Протекціонисты—по всѣмъ правиламъ войны—отказывались проводить различіе между случайнымъ явленіемъ, какимъ былъ этотъ кризисъ, и общими результатами торговыхъ договоровъ; въ Амьенѣ, Лиллѣ и Рубэ, особенно въ началѣ 1868 года, наблюдалось сильное волненіе. Въ маѣ того же года въ Законодательномъ Корпусѣ имѣли мѣсто обширныя пренія по вопросу о протекціонизмѣ и свободѣ торговли; большинство и оппозиція раскололись, и политическія партіи на время какъ бы исчезли; аналогичныя явленія происходили и въ парламентахъ Третьей Республики.

Рабочій классъ также почувствовалъ на себѣ послѣдствія экономической заминки. Судя по статистикѣ судебныхъ преслѣдованій за нарушеніе свободы труда (статистики стачекъ мы не имѣемъ), столкновенія между капиталомъ и трудомъ въ 1867 году были, по всей вѣроятности, обычнымъ явленіемъ. Въ 1865 году, въ первые моменты свободы коалицій, когда рабочіе пытались испробовать предоставленное имъ «новое спорное и подозрительное» право, число судебныхъ преслѣдованій было очень велико, а именно: 87 процессовъ, сопровождавшихся 112 обвинительными приговорами на 145 подсудимыхъ. Въ 1866 году судамъ пришлось разобрать только 26 дѣлъ, по которымъ привлекалось 130 подсудимыхъ; впрочемъ, изъ нихъ 129 было осуждено. А въ 1867 году мы замѣчаемъ новый скачокъ, значительный ростъ судебныхъ преслѣдованій, а значитъ, по всей вѣроятности и стачекъ: 66 процессовъ, 161 подсудимый, 159 обвинительныхъ приговоровъ.

Интернаціоналъ неизбѣжно долженъ былъ заняться этими конфликтами. Великое просвѣтительное товарищество рабочаго класса не могло безучастно относиться ни къ причинамъ, ни къ послѣдствіямъ стачечной борьбы; и стоило ему разъ только вмѣшаться въ эти столкновенія, чтобы сразу завоевать себѣ широкую популярность.

Въ февралѣ 1867 года въ Парижѣ началась стачка бронзовщиковъ. Такъ какъ основанное ими общество взаимопомощи проявляло значительную силу и активность, то предприниматели рѣшили его разрушить. 14 февраля фирма Барбедьенъ приказала 22 своимъ рабочимъ выйти изъ общества взаимопомощи; весь персоналъ этой фирмы объявилъ себя солидарнымъ съ ними, а на хозяйскій ультиматумъ рабочіе отвѣтили требованіемъ пересмотра тарифа. Черезъ нѣсколько дней Барбедьенъ отвѣтилъ отказомъ на требованія рабочихъ, а хозяева признали себя солидарными съ нимъ.

Въ отвѣтъ на вызывающее поведеніе хозяевъ рабочіе пустили по мастерскимъ для собиранія подписей слѣдующее простое и благородное заявленіе: «Мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ, что гордимся принадлежностью къ обществу взаимнаго кредита рабочихъ по бронзѣ, которое стремится обезпечить каждому рабочему вознагражденіе, соотвѣтствующее его жизненнымъ потребностямъ, и заранѣе протестуемъ противъ всякаго общества, стремящагося унизить сознаніе и достоинство человѣка».

Разъ вопросъ зашелъ о человѣческомъ достоинствѣ, то парижскіе пролетаріи не могли остаться безучастными. Всѣ корпораціи живо приняли къ

сердцу борьбу бронзовщиковъ; общество жестянниковъ ссудило имъ 5 тысячъ франковъ, т. е. болѣе двухъ третей своего капитала; типографщики и рѣзчики по дереву, двѣ корпораціи, которыя сами находились наканунѣ конфликта, ни на минуту не поколебались ссудить бронзовщикамъ почти всю свою наличность; затѣмъ издано было воззваніе ко всѣмъ рабочимъ, подписанное 18 извѣстными дѣятелями.

Среди подписавшихся подъ этимъ воззваніемъ находились также члены Интернаціонала; несмотря на свою принципіальную враждебность къ стачкамъ, парижская группа не могла остаться индифферентной къ этой забастовкѣ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ члены бюро бронзовщиковъ входили въ составъ Международной Ассоціаціи. Камелина, Арсенъ Кэнъ, Вальдэнъ, Толэнъ и Фрибуръ отправились въ Англію, обратились съ призывомъ къ солидарности трэдъ-юніоновъ и добились денежной помощи въ нѣсколько тысячъ франковъ. Когда они принесли эти тысячефранковые билеты на одно собраніе въ Менильмонтанѣ, на которомъ присутствовали также предприниматели-диссиденты, впечатлѣніе получилось колоссальное. Послѣ этого стачка продолжалась только нѣсколько дней, и хозяева должны были уступить. Но главнымъ результатомъ этой забастовки была широкая огласка этого событія въ рабочихъ массахъ, среди которыхъ теперь только и шли разговоры, что о милліонахъ Интернаціонала.

Однако осторожные дѣятели парижскаго бюро боялись сыграть роль зачинщиковъ смуты и разжигателей соціальной войны. Когда парижскіе портные черезъ нѣсколько дней объявили стачку, они отказались имъ помочь; если вѣрить Элигону, они оказали также сопротивленіе строительнымъ рабочимъ, давно уже собиравшимся забастовать. Наконецъ, около того же времени, въ концѣ марта 1867 года, они заняли опредѣленную и мужественную позицію по отношенію къ событіямъ, разыгравшимся въ Рубэ.

15 марта фабриканты Рубэ по предварительному между собою соглашенію вывѣсили во всѣхъ фабрикахъ города новыя, чисто драконовскія правила. «Рабочій,—гласила статья 3,—долженъ управлять двумя станками сразу, если хозяинъ считаетъ это нужнымъ и если рабочій обязался это исполнять. — Рабочій, который по доказанной неосторожности сломаетъ или испортитъ какую-либо часть своего станка, обязанъ уплатить стоимость поврежденія (ст. 12). — За плохо сработанные куски (ткани) будетъ дѣлаться вычетъ соразмѣрно серьезности порчи (ст. 13)».

На этотъ произволъ рабочіе дали 16 марта страшный отвѣтъ: въ нѣсколько часовъ цѣлый рядъ фабрикъ былъ разгромленъ и подожженъ, а станки разбиты. Вечеромъ городъ былъ занятъ войсками, и 87 человѣкъ было арестовано.

Въ изданномъ по этому случаю манифестѣ, подписанномъ тремя корреспондентами парижской комиссіи, Толэномъ, Фрибуромъ и Варленомъ, послѣдняя провозгласила «право рабочихъ на пропорціональное повышеніе заработной платы въ случаѣ техническихъ нововведеній, сопряженныхъ съ увеличеніемъ задаваемаго рабочимъ урока»; она заклеймила фабричныя правила, навязанныя рабочимъ Рубэ, «правила, созданныя для рабовъ, а не для свободныхъ людей», и указала, что вмѣшательство жандармеріи въ стачку, протекавшую сначала мирно, должно было только раздражить рабочихъ, которые могли увидѣть въ этомъ вмѣшательствѣ «давленіе и угрозу».

Но затѣмъ, обращаясь къ рабочимъ Рубэ, комиссія заклинала ихъ сохранять спокойствіе.

«Какъ бы справедливы ни были ваши жалобы,—говорила она,— ничто не можетъ оправдать учиненнаго вами разгрома. Подумайте о томъ, что машина, какъ орудіе труда, должна быть для васъ священна; вспомните, что подобное насиліе компрометтируетъ ваше дѣло и дѣло всѣхъ рабочихъ. Подумайте о томъ, что своими дѣйствіями вы дали оружіе въ руки противникамъ свободы и клеветникамъ народа».

Весьма возможно, что по данному случаю можно было высказать другія мысли и извлечь изъ событій другіе уроки; при всемъ томъ нельзя не воздать должнаго искренности этихъ людей, которые, будучи поставлены въ условія крайне неблагопріятныя для пропаганды своихъ идей, никогда не поднимали пустого гвалта и не прибѣгали къ демагогическимъ пріемамъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ заключеніе они не только не отрекались отъ своихъ повинныхъ въ эксцессахъ братьевъ, но даже заявляли, что ихъ связываетъ съ ними «солидарность интересовъ и страданій», и приглашали всѣхъ оказать имъ матеріальную и моральную поддержку.

Всѣ эти событія и манифестаціи, застой въ дѣлахъ, оппозиція протекціонистовъ, стачки и бунты рабочихъ, естественно побуждали императорское правительство ускорить проведеніе тѣхъ немногихъ соціальныхъ реформъ, на осуществленіе которыхъ оно уже почти было согласно. Теперь, послѣ Садовы, когда народный энтузіазмъ 1859 года уже отошелъ въ область преданій, для Наполеона III особенно важно было постараться завоевать довѣріе рабочихъ, ускоряя осуществленіе обѣщанныхъ преобразованій.

Съ того момента, какъ рабочіе получили возможность снова возвысить свой голосъ, они не переставали энергично требовать безплатнаго и обязательнаго народнаго образованія. Въ 1867 году либеральный и истинно-демократическій министръ Дюрюи, единственный министръ Наполеона III, пользовавшійся нѣкоторой популярностью, успѣлъ послѣ цѣлаго ряда сопротивленій провести великій законъ о низшемъ народномъ образовніи. Человѣкъ съ прямой душой и возвышеннымъ умомъ, убѣжденный сторонникъ демократическаго имперіализма, но не способный къ цезаристскому холопству, Викторъ Дюрюи съ вѣрой стремился къ всестороннему образованію народа. «Съ того момента,—говорилъ онъ,—когда въ конституцію внесены были всеобщее избирательное право и народный суверенитетъ, когда въ промышленности введена была свобода конкуренціи, а въ мастерскихъ—машины, и когда соціальные вопросы стали предметомъ обычныхъ бесѣдъ среди рабочихъ, общество взяло на себя долгъ всѣми средствами расширять образованіе и умственное развитіе трудящихся классовъ въ интересахъ національнаго труда, порядка и свободы». Къ началу 1865 года министръ народнаго просвѣщенія подготовилъ всѣ условія для проведенія своего закона, но «всѣ рѣшительно были противъ его проекта», какъ объ этомъ заявилъ ему самъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Этотъ проектъ былъ анонсированъ 6 марта 1865 года и въ маѣ внесенъ въ Законодательный Корпусъ; но комиссія приступила къ его изученію только въ 1866 г., а обсужденіе его началось въ 1867 году. причемъ онъ былъ принятъ единогласно. Законъ 10 апрѣля 1867 года вмѣнялъ въ обязанность всѣмъ коммунамъ съ числомъ жителей не менѣе 500 содержать школу для дѣвочекъ, предоставляя всякой коммунѣ, установившей полную безплатность народнаго образованія, право вотировать добавочное обложеніе въ размѣрѣ четы-

рехъ сантимовъ на каждый франкъ четырехъ прямыхъ налоговъ, и учреждалъ школьную кассу. Этотъ законъ привелъ къ открытію 8 тысячъ городскихъ и 2 тысячъ сельскихъ школъ; въ то же время, благодаря содѣйствію министра, начали широко развиваться курсы для взрослыхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рабочій классъ получилъ другое удовлетвореніе. Онъ по прежнему увлекался кооперативнымъ движеніемъ и ожидалъ отъ своихъ обществъ, въ особенности отъ производительныхъ товариществъ, отмѣны системы наемнаго труда и полнаго освобожденія пролетаріата. Кооперативная дѣятельность далеко не пугала императорскаго правительства; напротивъ, оно могло думать, что рабочая масса, занявшись устройствомъ кооперативъ, не станетъ особенно прислушиваться къ рѣчамъ революціонеровъ. При открытіи сессіи 1865 года императоръ заявилъ, что онъ «считаетъ нужнымъ устранить всѣ препятствія, мѣшающія основанію обществъ, которыя ставятъ себѣ задачей улучшить положеніе рабочаго класса», и анонсировалъ внесеніе законопроекта въ этомъ смыслѣ. Но рабочіе союзы отнеслись къ этой широковѣщательной декларації безъ особаго довѣрія: 19 февраля 1865 г. 50 администраторовъ и членовъ рабочихъ ассоціацій протестовали противъ идеи «спеціальнаго закона для рабочихъ» и требовали примѣненія къ нимъ нормъ общаго права. Веронъ заявилъ въ своей книгѣ, что для обществъ «свобода гораздо важнѣе, чѣмъ самая замысловатая регламентація и самое широкое покровительство». Правительство рѣшило произвести анкету. Большинство обществъ требовали полной свободы организаціи, права собраній и сокращенія расходовъ по публикаціи. 24 іюля 1867 года правительство издало наконецъ этотъ законъ. Правда, его далеко нельзя было назвать совершеннымъ; производительныя товарищества, до сихъ поръ находящіяся подъ его дѣйствіемъ, какъ извѣстно, требуютъ изданія новаго устава; но тѣмъ не менѣе онъ вводилъ нѣкоторыя улучшенія. Отнынѣ анонимныя общества могли составляться безъ разрѣшенія правительства (ст. 21); число пайщиковъ не должно было быть ниже семи (ст. 23), изъ которыхъ каждый подписывался на 50-франковую акцію (ст. 50) и вносилъ десятую часть (ст. 51), такъ что съ этого момента анонимное общество съ непостояннымъ капиталомъ могло конституироваться при наличномъ капиталѣ въ 35 франковъ.

Но если кооперація казалась рабочимъ лучшимъ рѣшеніемъ соціальнаго вопроса и если часть передовыхъ рабочихъ увлекалась мыслью объ уничтоженіи наемнаго труда съ ихъ помощью, то непосредственная проблема, только частично разрѣшенная закономъ 1864 года, по прежнему сводилась къ существующимъ отношеніямъ между капиталомъ и трудомъ, между рабочими и предпринимателями.

Уже при самомъ обсужденіи закона о коалиціяхъ можно было заранѣе предвидѣть ту форму, въ которую долженъ будетъ вылиться этотъ вопросъ. Какъ указывала лѣвая, рабочіе получили право коалиціи, но не получили ни права собраній, ни свободы союзовъ; а такъ какъ при забастовкахъ имъ необходимо было собираться и объединяться въ союзы, то они вправѣ были признавать законъ 1864 года «ловушкой». 8-го іюля 1864 года, т. е. черезъ шесть недѣль послѣ обнародованія закона, благотворительное общество марсельскихъ дрягилей было осуждено за то, что оно вмѣняло своимъ членамъ въ обязанность не поступать на мѣста безъ своего согласія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а именно въ 1865 году сентъ-этьенскіе ткачи бархата, признавая, что постоянные союзы представляютъ болѣе надежное орудіе борьбы, чѣмъ

публичныя собранія, во время стачки организовали секціи и группы съ числомъ членовъ меньше двадцати для того, чтобы выдержанно проводить забастовку; за это шесть членовъ стачечнаго комитета были приговорены къ тюремному заключенію на срокъ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ. Коалиція,— заявилъ судъ,—предполагаетъ только случайное и временное соглашеніе, а не организацію такого рода, какая предстоитъ передъ судомъ, организацію въ нѣкоторомъ смыслѣ постоянную и безсрочную».

Такъ какъ суды яростно преслѣдовали все, что хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ напоминало ассоціацію, то рабочимъ пришлось обратиться къ устройству собраній. На этотъ разъ вмѣсто судебнаго произвола имъ пришлось имѣть дѣло съ капризами административнаго усмотрѣнія: въ однихъ городахъ забастовщикамъ или вообще рабочимъ разрѣшалось собираться для обсужденія условій труда, въ другихъ—они получали отказъ, причемъ послѣднее случалось гораздо чаще. Рабочіе всѣхъ направленій, какъ сторонники «Opinion Nationale» или «Pays», такъ и интернаціоналисты, требовали свободы собраній и свободы союзовъ.

Еще въ концѣ 1864 года правительство, у котораго просили хотя бы простой терпимости, грубо напоминало рабочимъ, что ихъ домогательства противорѣчатъ закону; но мало по малу рабочіе умѣлымъ проведеніемъ стачекъ, а также своей выдержанной, спокойной и упорной тактикой заставили своихъ противниковъ и хозяевъ считаться съ собою. Борьба парижскихъ рабочихъ въ 1864—1866 гг. за десятичасовой рабочій день, а въ особенности стачка бронзовщиковъ произвели сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Сопротивленіе предпринимателей закону 1864 г., казалось, начало ослабѣвать; а съ другой стороны, то единодушіе, съ которымъ всѣ рабочіе, выступавшіе въ печати, требовали свободы союзовъ, оказывало на правительство извѣстное дѣйствіе. Въ концѣ 1866 года оно рѣшило сдѣлать дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи, льстя себя, безъ сомнѣнія, надеждой на то, что такимъ образомъ ему удастся завоевать симпатіи болѣе широкихъ слоевъ рабочей массы.

Къ осуществленію своихъ замысловъ правительство приступило не безъ извѣстнаго такта: цезаризмъ съ каждымъ днемъ совершенствовалъ методы своего дѣйствія.

Выставка 1862 года и поѣздка рабочихъ делегатовъ въ Лондонъ привели къ закону о коалиціяхъ. Въ 1867 году предстояло открытіе новой выставки; и вотъ правительство, желая новыми милостями напомнить о старыхъ благодѣяніяхъ, рѣшилось поощрять умственную самодѣятельность рабочихъ, предложить имъ сформулировать свои требованія и осторожно, но безотлагательно дать имъ нѣкоторое удовлетвореніе. Все искусство должно было заключаться въ томъ, чтобы не задѣть чувство независимости и собственнаго достоинства, присущаго рабочему классу.

29-го ноября 1866 года образована была комиссія для поощренія занятій рабочихъ. Предсѣдателемъ ея назначенъ былъ фабрикантъ Девенкъ, оффиціальный кандидатъ на выборахъ 1863 года; въ составъ ея входило много предпринимателей и сансвниковъ. Императоръ пожертвовалъ комиссіи 15 тысячъ франковъ, а открытая въ пользу ея подписка дала 140 тысячъ франковъ. Между покровителемъ и покровительствуемыми какъ бы протянутъ былъ экранъ, впрочемъ, достаточно прозрачный для того, чтобы послѣдніе могли разглядѣть силуэтъ перваго и почувствовать къ нему признательность! Префекту полиціи приказано было не стѣснять рабочихъ. Комиссія

опредѣлила число делегатовъ, подлежащихъ избранію по профессіямъ, организовала выборы и , чтобы поощрить усердіе избирателей, предоставила каждому рабочему, подавшему голосъ, по входному билету! 112 профессій выбрали 316 делегатовъ, 8 цеховъ отвергли оффиціальное покровительство и избрали на свой счетъ 20 делегатовъ. Теперь главная задача заключалась въ томъ, чтобы побудить рабочихъ формулировать свои пожеланія. Не подлежало сомнѣнію, что делегаты сами по себѣ составятъ доклады, какъ это случилось въ 1862 году; но правительство въ своихъ политическихъ видахъ заинтересовано было въ томъ, чтобы доклады дали общее впечатлѣніе и чтобы оно могло извлечь изъ нихъ конкретныя указанія: если бы оно этого достигло, то проведенныя имъ реформы точно соотвѣтствовали бы пожеланіямъ рабочихъ и не преминули бы вызвать въ трудящихся кругахъ желательное одобреніе.

Этотъ планъ былъ осуществленъ съ поразительнымъ искусствомъ: изданнымъ въ іюлѣ 1867 года и подписаннымъ рабочими циркуляромъ предсѣдатели избирательныхъ бюро и всѣ делегаты различныхъ профессій, даже отказавшіеся отъ покровительства правительственной комиссіи, были приглашены на собранія, на которыхъ должна была обсуждаться редакція наказовъ. Эти собранія, которыя терпѣлись и даже поощрялись администраціей, происходили въ школьномъ зданіи, предоставленномъ въ распоряженіе комиссіи мэромъ XI округа и расположенномъ въ пассажѣ Рауль. Съ сентября 1867 года по августъ 1869 года здѣсь состоялся цѣлый рядъ засѣданій: это былъ какъ бы парламентъ труда, гдѣ по временамъ выступали такія знаменитости, какъ Жюль Симонъ. Происходившія здѣсь пренія касались всевозможныхъ вопросовъ, какъ-то: характера и функціонированія синдикальныхъ камеръ, женскаго труда, ученичества, профессіональнаго образованія, совѣтовъ прюдомовъ, кооперативныхъ обществъ, по отношенію къ которымъ делегаты проявляли особенное сочувствіе, и т. д. Послѣ обсужденія какого-либо вопроса группировались относившіеся сюда документы; плодомъ этихъ засѣданій явился замѣчательный сборникъ протоколовъ, значительно облегчившій составленіе докладовъ.

Прежде даже, чѣмъ опубликованы были эти доклады (они вышли въ свѣтъ только въ 1869 году), правительство обнаружило желаніе обезпечить рабочему классу осуществленіе реформъ, необходимость которыхъ опредѣленно выяснилась изъ дебатовъ въ пассажѣ Рауль. Это былъ послѣдній актъ комедіи.

19-го января 1868 года министръ земледѣлія, торговли и общественныхъ работъ принялъ делегацію комиссіи, представившую ему пожеланія рабочихъ. На своихъ собраніяхъ делегаты единодушно рѣшили добиваться свободы образованія синдикальныхъ камеръ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, распространенія совѣтовъ прюдомовъ и вознагражденія для ихъ членовъ, отмѣны статьи 1781 Гражданскаго Кодекса и уничтоженія рабочихъ книжекъ. 3-го февраля делегаты, по просьбѣ министра, вручили ему записку, перечислявшую требованія рабочихъ, а 30-го марта докладъ министра императору, одобренный Наполеономъ III, объявилъ, что впредь рабочія синдикальныя камеры будутъ пользоваться такой же терпимостью, какая въ теченіе многихъ лѣтъ практиковалась по отношенію къ предпринимательскимъ камерамъ. Казалось, рабочимъ оставалось только придти къ тому выводу, что Имперія немедленно удовлетворяетъ высказанныя ими пожеланія.

Но таковъ ужъ обычный результатъ всѣхъ цезаристскихъ уловокъ и

всѣхъ попытокъ отвести въ желательное русло и развратить рабочее движеніе, что онѣ почти фатально обращаются противъ своихъ виновниковъ. Для того, чтобы привлечь на свою сторону цвѣтъ рабочаго класса, Имперія задумала все лицедѣйство пассажа Рауль и оффиціально провозгласила режимъ терпимости по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ. Послѣдніе, по иниціативѣ самой рабочей комиссіи, начали быстро размножаться (въ Парижѣ за 1868, 1870 гг. ихъ возникло 67) и подготовлять боевыя силы для Интернаціонала.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, императорское покровительство снова поставило передъ рабочими вопросъ чести и помогло имъ окончательно высказаться въ пользу плодотворной политики классовой самостоятельности и пролетарскаго достоинства.

Мы сильно ошиблись бы, если бы вздумали представлять себѣ рабочихъ делегатовъ въ видѣ какихъ-нибудь смиренныхъ холоповъ и «желтыхъ» политикановъ, играющихъ въ руку Имперіи. Подобно членамъ первой комиссіи, подобно Кутану, Блану и даже пріятелямъ принца Наполеона, они искренно преданы были интересамъ своего класса и полагали—это былъ ихъ конекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ заблужденіе,—что только правительство можетъ помочь имъ отстоять эти интересы. Они довѣряли неоднократнымъ обѣщаніямъ императорскаго правительства и только думали, что объ этихъ посулахъ ему слѣдуетъ почаще напоминать; но они не потерпѣли бы ни малѣйшаго посягательства на свою независимость и достоинство.

Приведемъ характерный примѣръ. Въ самомъ началѣ засѣданій въ пассажѣ Рауль, Даво въ статьѣ, напечатанной 30-го іюня 1867 года въ «Кооперації», указалъ на хозяйско-капиталистическій характеръ комиссіи поощренія, заявилъ, что «покровительство», осуществляемое ея членами, носитъ еще болѣе стѣснительный характеръ, чѣмъ въ 1862 году, и упрекнулъ делегатовъ въ томъ, что они «выклянчиваютъ у капиталистовъ деньги, необходимыя для защиты интересовъ труда». Все собраніе единодушно протестовало, и стихійный характеръ этого протеста производитъ сильное впечатлѣніе. Съ другой стороны попытки Шабо, бывшаго президента комиссіи 1862 года и дѣйствительно подлиннаго агента Имперіи, попытки выступить съ прямыми предложеніями «отъ одной извѣстной всѣмъ особы» были встрѣчены довольно холодно. Правда, трое изъ делегатовъ согласились въ январѣ 1864 года принять орденъ Почетнаго Легіона, который имъ предложилъ министръ; но самое содержаніе представленныхъ ими докладовъ доказываетъ, что эти люди говорили громкимъ и свободнымъ языкомъ. Иногда можно было бы даже сказать, что они преднамѣренно повышаютъ тонъ, какъ бы желая рѣзче подчеркнуть свою независимость.

Но и здѣсь обнаружились новые успѣхи въ самосознаніи нѣкоторыхъ слоевъ рабочихъ. Если большинство изъ нихъ соглашались принимать милости правительства безъ благодарности и безъ подчиненія его политическимъ видамъ и просто старались при всякомъ удобномъ случаѣ проявить свою полную независимость (многіе, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи до сихъ поръ не ушли далеко отъ нихъ), то съ другой стороны, среди рабочихъ уже тогда нашлись люди, которые не хотѣли ровно ничѣмъ быть обязанными правительству и рѣшительно отказывались отъ какихъ бы то ни было милостей враждебнаго класса и его представителей. Если Шабо смѣлъ заявить въ рабочемъ собраніи: «мы всѣ бѣдны и не должны отказываться отъ помощи, которой не гнушались другіе люди, гораздо болѣе богатые, чѣмъ мы»

(Протоколы делегатскихъ собраній, стр. 167), то Варленъ и его товарищи полагали, что слѣдуетъ оставить этимъ «другимъ» ихъ безчестье. Переплетчики отказались отъ всякаго покровительства и отъ всякой субсидіи и ихъ примѣру послѣдовали еще нѣкоторыя другія корпораціи. Такимъ образомъ, кромѣ делегатовъ, избранныхъ подъ покровительствомъ комиссіи, имѣлось также нѣсколько другихъ, избранныхъ совершенно самостоятельно: сюда относятся делегаты жестянниковъ, переплетчиковъ (Клемансъ и Варленъ), позолотчиковъ по кожѣ, золотообрѣзчиковъ, столяровъ, занятыхъ въ строительномъ дѣлѣ, чеканщиковъ по бронзѣ, монтеровъ по бронзѣ (Ипполитъ Ландренъ), токарей по бронзѣ (Леонъ Ландренъ). Ихъ доклады были напечатаны отдѣльно на счетъ ихъ обществъ.

Но при этомъ мы должны указать еще на одинъ примѣръ ихъ тактичности. Гордо подчеркивая новое пониманіе полной классовой самостоятельности, активные члены Интернаціонала, которые инспирировали эти цехи и были избраны ими въ качествѣ свободныхъ делегатовъ, въ то же время воздерживались отъ непримиримаго и высокомѣрнаго отношенія къ покровительствуемымъ корпораціямъ. Они не объявили представителей этихъ корпорацій «прирученными» и «продажными тварями», а работали съ ними рука объ руку, поскольку это могло служить интересамъ общаго дѣла. Вмѣстѣ съ «поощряемыми» делегатами они присутствовали на собраніяхъ въ пассажѣ Рауль, принимали активное участіе въ дебатахъ, развивали свою собственную точку зрѣнія,—и испытываешь странное впечатлѣніе, когда среди приложеній, дѣлающихъ изъ сборника протоколовъ такой драгоцѣнный историческій документъ, неожиданно находишь учредительный адресъ и уставъ Интернаціонала или прокламаціи, издававшіяся имъ во время стачекъ. Оффиціальные делегаты, руководимые такой тонкой бестіей, какъ ихъ секретарь краснодеревецъ Тартарэ, не проявляли бо́льшей исключительности, чѣмъ сами принципіалисты, а Тартарэ счелъ даже умѣстнымъ явиться на брюссельскій конгрессъ въ качествѣ представителя «Рабочей Комиссіи».

Благодаря своей разумной тактикѣ, т. е. участію во всѣхъ проявленіяхъ массоваго движенія, Интернаціоналъ началъ пріобрѣтать извѣстную популярность въ кругахъ передовыхъ рабочихъ. И теперь получалась возможность надѣяться на то, что, какъ только обнаружится вся фиктивность и лживость правительственныхъ обѣщаній (а этотъ часъ былъ не далекъ), разочарованные рабочіе естественно устремятся къ ассоціаціи, которая поставила себѣ задачей внушить рабочимъ вѣру въ свои собственныя силы.

Всѣ описываемыя событія происходили отъ іюля до сентября 1867 г. Потребовалось еще нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы брошенныя такимъ образомъ въ землю сѣмена могли взойти пышной жатвой. Къ сентябрю 1867 года, т. е. къ тому моменту, когда делегаты парижской секціи отправились на Лозаннскій конгрессъ, ихъ группа не получила еще особенно широкаго развитія. Отчетъ, представленный Мюра, констатировалъ, что секція насчитывала 600 членовъ, а долгъ ея достигалъ 466 франковъ.

Извѣстно, какое важное значеніе Лозаннскій конгрессъ (2 — 7 сентября 1867 года) имѣлъ въ теоретическомъ отношеніи. На этомъ конгрессѣ впервые столкнулись объ борющіяся теоріи, мютюэлизмъ и коллективизмъ. Столкновеніе закончилось побѣдой мютюэлизма.

Я не могу подробно останавливаться на дебатахъ конгресса. Живую картину ихъ читатель найдетъ въ сочиненіяхъ Джемса Гильома (I, стр. 29 и

слѣд.), а серьезный критическій разборъ въ сочиненіи Густава Іекка («Интернаціоналъ», стр. 55 и слѣд.).

Послѣ разсмотрѣнія средствъ, способныхъ содѣйствовать расширенію пропаганды, и послѣ установленія годичнаго членскаго взноса въ 10 сантимовъ въ пользу центральнаго органа, конгрессъ высказался въ пользу національной организаціи дарового кредита и рекомендовалъ обществамъ взаимнаго страхованія употреблять свои фонды на организацію производительныхъ товариществъ (2-й вопросъ). Онъ указалъ на опасность образованія пятаго сословія, если рабочія ассоціаціи приведутъ къ созданію внутри четвертаго сословія новаго класса привилегированныхъ рабочихъ, и приглашалъ рабочія ассоціаціи прекратить всякую эксплуатацію труда капиталомъ (3-й вопросъ). Замѣтимъ, что именно при обсужденіи этого вопроса Цезаръ-де-Папъ высказался въ пользу общей собственности на землю и за отмѣну наслѣдованія въ нѣкоторыхъ линіяхъ. Нѣмцы и бельгійцы выступили въ качествѣ рѣшительныхъ партизановъ коллективной собственности какъ на землю, такъ и на орудія труда, а французы и итальянцы защищали личную собственность. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса было отложено до слѣдующаго конгресса. По вопросу объ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ (4-й пунктъ), о стачкахъ и безработицѣ Лозаннскій конгрессъ повторилъ постановленіе Женевскаго конгресса. А вопросъ о народномъ образованіи и женскомъ трудѣ снова былъ разрѣшенъ въ прудонистскомъ смыслѣ (5-й пунктъ). Наконецъ, опредѣливши границы государственной власти, опять-таки съ прудонистской точки зрѣнія, конгрессъ приступилъ къ разсмотрѣнію двухъ вопросовъ, которые должны были рѣшить судьбу Интернаціонала во Франціи.

Седьмой пунктъ порядка дня гласилъ: «Не составляетъ-ли отсутствіе политической свободы препятствія къ экономическому освобожденію трудящихся и одной изъ главныхъ причинъ соціальной неурядицы? Какими средствами можно ускорить возстановленіе политической свободы?»

По словамъ Джемса Гильома (I, 36), поставить этотъ вопросъ поручено было женевскимъ делегатамъ; онъ долженъ былъ «послужить какъ бы осколкомъ для испытанія искренности республиканскихъ убѣжденій нѣкоторыхъ парижскихъ делегатовъ». Парижскіе делегаты голосовали за резолюцію въ пользу политической свободы, думается намъ, вовсе не потому, что, какъ нѣкоторые намекали, они хотѣли разсѣять тяготѣвшее на нихъ подозрѣніе, а потому, что она точно отвѣчала ихъ убѣжденіямъ. Вотъ какъ гласила эта резолюція:

«Принимая во вниманіе, что отсутствіе политической свободы препятствуетъ соціальному воспитанію народа и освобожденію пролетаріата,

«Конгрессъ постановляетъ:

«1) соціальное освобожденіе рабочихъ неразрывно связано съ ихъ политическимъ освобожденіемъ;

«2) введеніе политической свободы является мѣрой первой и абсолютной необходимости».

Строго говоря, можно было утверждать, что здѣсь не произошло никакого измѣненія въ прежней тактикѣ. Даже тѣ формулы, которыми пользовались Шестьдесятъ при составленіи своего манифеста въ 1864 г., радикально не противорѣчили этой резолюціи Лозаннскаго конгресса.

Но этого нельзя уже сказать о рѣшеніи Интернаціонала принять уча-

стіе въ Конгрессѣ Мира и Свободы, который долженъ былъ состояться черезъ нѣсколько дней (отъ 9-го до 12-го сентября) въ Женевѣ.

Что это былъ за конгрессъ, привлекавшій въ тотъ моментъ вниманіе всей Европы и почти совершенно отодвигавшій въ тѣнь рабочій съѣздъ? Онъ явился результатомъ того тревожнаго настроенія, которое охватило всѣхъ демократовъ при мысли о возможности европейской войны послѣ битвы при Садовѣ или во время Люксембургскаго дѣла. Въ то время основалось нѣсколько лигъ или союзовъ мира; но они воздерживались отъ всякаго вмѣшательства въ область политики. Было-ли это логично и допустимо? Многіе демократы этого не думали; напротивъ, они вполнѣ основательно полагали, что внутреннее политическое развитіе государствъ является существеннымъ факторомъ мира. Сотрудники «Луарскаго Маяка» выпустили воззваніе; составился тайный комитетъ, къ которому вскорѣ примкнули en masse всѣ герои былыхъ народныхъ движеній и самые извѣстные демократы. Первый же вопросъ программы предстоявшаго съѣзда воочію обнаружилъ республиканское настроеніе конгрессистовъ.

«Примиримо-ли, — гласилъ этотъ вопросъ, — примиримо-ли царство мира, къ которому человѣчество стремится какъ къ конечному этапу цивилизаціи, съ существованіемъ великихъ военныхъ монархій, отнимающихъ у народовъ самыя жизненныя свободы, содержащихъ гигантскія арміи и стремящихся уничтожить мелкія государства въ пользу централизованныхъ деспотій? Или же существенныя условія вѣчнаго мира между націями не заключаются-ли для каждаго отдѣльнаго народа въ свободѣ, а для взаимныхъ отношеній между народами въ учрежденіи конфедераціи свободныхъ демократій, составляющихъ европейскіе Соединенные Штаты?».

Цѣлый рядъ всевозможныхъ манифестацій, состоявшихся до открытія конгресса, не оставлялъ мѣста ни для какихъ сомнѣній: этотъ конгрессъ, какъ говорили газеты, долженъ былъ послужить «ассизами европейской демократіи». Англійская «Лига избирательной реформы» и тредъ-юніоны, бельгійскіе соціалисты, нѣмецкіе рабочіе, итальянскіе и испанскіе демократы съ энтузіазмомъ примкнули къ этому предпріятію, а многіе делегаты Лозаннскаго конгресса Интернаціонала были избраны также делегатами на Женевскій Конгрессъ Мира. Поэтому, когда поднятъ былъ вопросъ объ оффиціальномъ участіи Интернаціонала въ Конгрессѣ Мира, то Лозаннскій конгрессъ принялъ соотвѣтствующій адресъ и поручилъ Толэну, де-Папу и Джемсу Гильому представить его на Женевскій конгрессъ.

Адресъ напоминалъ, что война главной тяжестью ложится преимущественно на рабочій классъ, что система вооруженнаго мира парализуетъ производительныя силы, «что миръ, основное условіе общественнаго благосостоянія, въ свою очередь долженъ быть упроченъ новымъ соціальнымъ устройствомъ, не допускающимъ существованія въ обществѣ двухъ классовъ, изъ которыхъ одинъ эксплуатируется другимъ». А Толэнъ провелъ слѣдующую прибавку: «Принимая во вниманіе, что основной причиной войны является пауперизмъ и отсутствіе экономическаго равновѣсія; что для прекращенія войны недостаточно распустить постоянныя арміи, но что необходимо кромѣ того измѣнить соціальное устройство въ смыслѣ все болѣе равномѣрнаго распредѣленія производства, конгрессъ Интернаціонала ставитъ свое присоединеніе къ Лигѣ мира въ зависимость отъ принятія Конгрессомъ мира вышеприведенной деклараціи». Такимъ образомъ интерна-

ціоналисты готовы были примкнуть къ Конгрессу Мира, но они вносили туда опредѣленное заявленіе, присоединиться къ которому они приглашали самихъ женевскихъ конгрессистовъ. На ихъ взглядъ политическая свобода сама по себѣ не въ силахъ гарантировать миръ; она должна быть дополнена соціальной справедливостью. Но пойметъ ли это буржуазная демократія?

Фрибуръ говоритъ (L'Association internationale, стр. 115), что если Интернаціоналъ вступилъ такимъ образомъ въ оффиціальныя сношенія съ политическимъ обществомъ, то это произошло потому, что въ виду непрекращавшихся нападокъ, которымъ подвергались делегаты, они сочли нужнымъ дать извѣстный «залогъ» республиканской партіи.

Очень возможно, что впослѣдствіи французскіе делегаты и обратили вниманіе на эту, выгодную для нихъ, сторону своего рѣшенія; но не слѣдуетъ забывать отмѣченнаго нами настроенія делегатовъ другихъ секцій. Не слѣдуетъ забывать, что уже въ 1866 г. и даже въ 1867 г. по поводу Люксембургскаго дѣла парижскіе интернаціоналисты, даже раньше буржуазныхъ демократовъ, высказали въ своихъ адресахъ тѣ же самыя мысли, которыя были повторены Лозаннскимъ конгрессомъ. И стоитъ припомнить прогрессивное расширеніе ихъ сношеній съ молодыми политическими революціонерами, чтобы понять ту глубокую эволюцію, которая совершалась въ ихъ головахъ и все сильнѣе побуждала ихъ махнуть рукой на осторожность.

Но весьма характерно также и то обстоятельство, что въ силу логическаго развитія мысли, уже содержавшейся въ манифестѣ 60-ти и получавшей все болѣе злободневный характеръ благодаря развитію республиканской оппозиціи, Толэнъ самъ подумывалъ о томъ, чтобъ поставить передъ буржуазными демократами вопросъ о соціальномъ переустройствѣ. На этотъ разъ противъ парламентскихъ дѣятелей выступаютъ уже не только молодые революціоперы-интеллигенты, какъ это было въ 1865 году, но и сами рабочіе. Раньше, чѣмъ проявиться открыто, ихъ оппозиція заставила себя долго ждать, но это не помѣшало ей произвести тѣмъ бо́льшее впечатлѣніе.

Конгрессъ Мира отличался горячимъ увлеченіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полнѣйшей неразберихой; имѣющіяся въ нашихъ рукахъ описанія конгресса напоминаютъ о недавнихъ международныхъ конгрессахъ «свободной мысли». Гарибальди въ своей рѣчи изрекалъ какіе-то изумительные афоризмы, провозгласилъ паденіе папства, но взамѣнъ предложилъ какую-то естественную религію; присутствовавшіе прощали ему эти наивныя выходки за его искренній энтузіазмъ. Затѣмъ конгрессъ выработалъ основы постоянной организаціи Лиги Мира.

Делегаты Интернаціонала предложили конгрессу высказаться по соціальному вопросу. Въ этомъ отношеніи трое оффиціальныхъ делегатовъ Международной Ассоціаціи не оказались одинокими: Э. Дюпонъ, делегатъ лондонскихъ интернаціоналистовъ, выступилъ съ рѣчью, въ которой онъ доказывалъ, что «для установленія вѣчнаго мира необходимо принять соціальную революцію со всѣми ея послѣдствіями»; Бакунинъ провозгласилъ что Россія можетъ быть возрождена только путемъ осуществленія принциповъ федерализма и соціализма; а Шемалэ заявилъ, что рабочіе и на этотъ разъ (но онъ давалъ понять, что это въ послѣдній разъ) въ знакъ примиренія протягиваютъ счастливымъ міра сего шпагу рукояткой.

Умѣренный прудонистъ Густавъ Шодэ, издатель послѣдней книги Прудона, говорилъ въ примирительномъ духѣ, высказываясь за необходимость союза между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Въ концѣ концовъ приняты были двѣ резолюціи: одна изъ нихъ утверждала, что «существованіе постоянныхъ армій несовмѣстимо со свободой и благосостояніемъ всѣхъ классовъ общества и главнымъ образомъ рабочаго класса»; другая приглашала членовъ Лиги «поставить на очередь во всѣхъ странахъ обсужденіе положенія трудящихся и обездоленныхъ классовъ для того, чтобы упрочить политическую свободу гражданъ личнымъ и общимъ благосостояніемъ». Эмиль Акколя восхвалялъ въ «Temps» союзъ между соціализмомъ и политической свободой: «политика и экономика, — говорилъ онъ, — познали себя и примирились въ справедливости».

Формула звучала красиво, но въ дѣйствительности дѣло поставлено было не такъ широко: вѣдь въ Женевѣ заключили между собою союзъ преимущественно молодые революціонеры и рабочіе, причемъ первые еще сильнѣе заинтересовались соціальными преобразованіями, а вторые готовы были начать политическую борьбу. Пропасть, отдѣлявшая либерально-парламентскую оппозицію отъ представителей новаго революціоннаго направленія, должна была еще расшириться. Кламажеранъ вернулся изъ Женевы, пылая негодованіемъ «противъ болтуновъ, безумцовъ и олуховъ, которые на четыре дня овладѣли трибуной, противъ сброда атеистовъ и прудонистовъ» (Переписка, стр. 292). Такое же чувство досады и гнѣва испытывали Дамэ, Молинари и Шербюлье.

Черезъ нѣсколько недѣль инцидентъ 4 ноября привелъ къ дальнѣйшему обостренію разногласій. Въ моментъ, когда всѣ противники Имперіи рѣшили собраться на манифестацію, которая могла перейти въ возстаніе, парижскіе депутаты блистали своимъ отсутствіемъ.

Тогда интернаціоналисты потребовали отъ этихъ депутатовъ выхода въ отставку, чтобы дать парижскому народу возможность посредствомъ новыхъ выборовъ протестовать противъ римской экспедиціи.

Отвѣчая делегаціи, посланной съ этимъ порученіемъ къ членамъ лѣвой, Жюль Фавръ отказался исполнить это требованіе подъ тѣмъ предлогомъ, что его товарищи на него не согласны.

«Когда мы,—разсказываетъ Фрибуръ (стр. 117),—ребромъ поставили ему вопросъ, можетъ-ли пролетаріатъ надѣяться на то, что въ тотъ день, когда онъ съ оружіемъ въ рукахъ поднимется на борьбу за республику, либеральная буржуазія станетъ во главѣ его, то Жюль Фавръ, несмотря на постановленіе Женевскаго конгресса отвѣтилъ: «только благодаря вамъ, господа рабочіе, Имперія могла установиться, и только вы одни обязаны ее низвергнуть».

Точно ли переданы эти слова или нѣтъ, но они удачно характеризуютъ то сопротивленіе, на которое соціалистическому пролетаріату въ его борьбѣ за республику и соціальную революцію пришлось натолкнуться со стороны парламентской лѣвой. Но это сопротивленіе уже не въ силахъ было остановить движеніе; съ конца 1867 года передовые рабочіе уже не сомнѣвались въ исходѣ борьбы. Спустя 15 лѣтъ Элигонъ еще воображалъ, что еслибы вожди парижской демократіи не отказались принять участіе въ манифестаціи 4 ноября 1867 года, то революціонная борьба началась бы немедленно. «Въ назначенный день,—разсказывалъ онъ,—свыше 20 тысячъ гражданъ собралось у воротъ Сенъ-Дени». Все это происходило только въ воображеніи стараго борца, который разсказывалъ объ этомъ «Тринософамъ» квартала Берси въ 1880 году; масса парижскихъ рабочихъ тогда еще не отличалась

тою боевою готовностью, которую она проявила впослѣдствіи, т.-е. въ первые мѣсяцы 1870 года. Но если Элигону казалось, что борьба могла начаться въ 1867 году и что въ наличности имѣются значительныя боевыя силы, то это объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, что благодаря Лозаннскому конгрессу Интернаціонала и Женевскому конгрессу Мира, благодаря союзу между соціалистическимъ пролетаріатомъ и революціонной молодежью возродился революціонный соціализмъ, возбуждавшій во всѣхъ участникахъ движенія новыя надежды. Таковъ былъ результатъ описанной нами продолжительной эволюціи.

А пока что, первый результатъ этого революціоннаго подъема выразился въ томъ, что императорское правительство рѣшилось принять суровыя мѣры противъ Интернаціонала; а временный разгромъ рабочей организаціи засвидѣтельствовалъ такимъ образомъ ея преданность дѣлу революціи.

30 Декабря 1867 года возбуждено было преслѣдованіе противъ всѣхъ членовъ парижскаго бюро. Пятнадцать гражданъ, въ томъ числѣ Толэнъ, Шемалэ, Элигонъ, Камелина, Мюра и Перрашонъ, обвинялись въ принадлежности къ неразрѣшенному сообществу, состоявшему болѣе чѣмъ изъ 20 человѣкъ; обвиненіе формулировалось, какъ водится, по статьѣ 291 Уложенія о наказаніяхъ и на основаніи закона 10 апрѣля 1834 года. Извѣстно, что въ теченіе первой половины XIX вѣка правительство всегда пользовалось этими законодательными постановленіями для разрушенія всѣхъ рабочихъ организацій.

Обвиненіе было плохо обосновано, такъ какъ Международная Ассоціація открыто дѣйствовала въ Парижѣ уже въ теченіе трехъ лѣтъ. Прокурору пришлось объяснить, почему противъ общества, въ теченіе столь продолжительнаго времени пользовавшагося терпимостью, внезапно возбуждено было судебное преслѣдованіе; и вотъ, онъ обвинялъ ассоціацію въ томъ, что она какъ бы нарушила моральный договоръ, молчаливо заключенный между нею и правительствомъ, своимъ вмѣшательствомъ въ область политическихъ вопросовъ.

Толэнъ, которому товарищи поручили говорить отъ имени всѣхъ обвиняемыхъ, указалъ на невозможноть «провести опредѣленную границу между политикой и экономикой» и остроумно подшучивалъ надъ прокуроромъ, не сумѣвшимъ разобраться въ этомъ вопросѣ. Онъ доказывалъ, что вопросы о постоянныхъ арміяхъ и налогахъ относятся къ области рабочихъ вопросовъ: «Мы постольку занимались политикой,—говорилъ онъ,—поскольку она неотдѣлима отъ подлежавшихъ нашему обсужденію вопросовъ, но чистой политикой мы никогда не занимались».—«Въ Рубэ,—замѣтилъ онъ далѣе,—фабрикантъ одновременно выступилъ въ роли законодателя, судьи и жандарма: въ качествѣ законодателя онъ издавалъ обязательныя постановленія; въ качествѣ судьи онъ выносилъ приговоры за нарушеніе этихъ постановленій, а въ качествѣ жандарма онъ приводилъ эти приговоры въ исполненіе, выгоняя преступниковъ изъ своей фабрики. Мы боролись противъ такого чудовищнаго положенія вещей; но неужели же и это называется политикой?» («Premier procès de l'Association internationale», стр. 48—50). Этотъ вопросъ, по поводу котораго Толэнъ пререкался съ прокуроромъ, до сихъ поръ стоитъ въ самой острой формѣ передъ французскими профессіональными союзами.

20-го марта 15 подсудимыхъ, которыхъ самъ императорскій прокуроръ

призналь «трудолюбивыми, интеллигентными и честными рабочими», были приговорены къ штрафу въ сто франковъ каждый. По апелляціонной жалобѣ обвиняемыхъ дѣло снова разбиралось 22-го апрѣля 1868 года въ судебной палатѣ. На этотъ разъ общую защиту взялъ на себя Мюра. Онъ сдѣлалъ подробный историческій очеркъ Ассоціаціи и показалъ, что по существу Интернаціоналъ, какъ таковой, не могъ заниматься политикой. Въ то время,—заявилъ онъ,—какъ вопросъ о пролетаріатѣ и наемномъ трудѣ имѣетъ одинаковый характеръ, какъ въ Швейцаріи, такъ и во Франціи или въ Америкѣ, политическій вопросъ въ большинствѣ случаевъ ставится въ каждомъ государствѣ въ различной формѣ (стр. 86). Поэтому каждый членъ Ассоціаціи воленъ заниматься политикой, «участвуя въ различныхъ проявленіяхъ, въ которыхъ она выражается въ отдѣльныхъ странахъ»; это обязанность каждаго человѣка и каждаго гражданина (стр. 90). Но Ассоціація, какъ таковая, не должна вмѣшиваться въ политику, и она, по словамъ Мюра, въ нее и не вмѣшивалась.

Прокуроръ апелляціоннаго суда повторилъ положенія, высказанныя его коллегой изъ суда исправительной полиціи. Толэнъ рѣзко возражалъ ему; онъ показалъ, что въ сущности преслѣдованіе направлено не противъ Ассоціаціи, какъ таковой, а противъ политической дѣятельности ея членовъ. Поэтому, такъ какъ данный процессъ былъ тенденціознымъ процессомъ, подсудимые открыто высказывали свои убѣжденія: «Мы, соціалисты,—продолжалъ Толэнъ,—которыхъ разстрѣливали въ іюнѣ и ссылали 2 декабря... мы не довольствуемся словами и внѣшними формами. Мы стремимся измѣнить вещи; въ томъ обществѣ, о которомъ мы мечтаемъ, основой соціальной организаціи будетъ принципъ труда. Вотъ почему мы стремились изслѣдавать и опредѣлить роль государства». Онъ доказывалъ, что въ развращенномъ обществѣ, гдѣ монополисты и тунеядцы предаются самымъ разгульнымъ оргіямъ, одни только рабочіе союзы являются элементами порядка и соціальнаго переустройства, которыми общество сможетъ воспользоваться, когда разразится катастрофа (стр. 114—116. Апелляціонный судъ утвердилъ приговоръ первой инстанціи.

Этотъ процессъ позволялъ судить о той эволюціи и о томъ естественномъ расширеніи рабочаго вопроса, которыя заставили такихъ людей, какъ Толэнъ, заинтересоваться ролью государства и политическими вопросами.

Въ тотъ моментъ, когда болѣе молодые и горячіе люди собирались замѣнить ихъ въ дѣлѣ руководства борьбой, а они сами начали мало по малу утрачивать всякое вліяніе, для насъ важно было отмѣтить послѣдній этапъ, къ которому повседневный опытъ привелъ эти свободные умы.

Итакъ, оружіе было подхвачено другими. Чтобы не допустить разрушенія съ такимъ трудомъ начатаго дѣла и предупредить разбродъ немногихъ уже организованныхъ элементовъ, 19-го февраля 1868 года рѣшено было пригласить членовъ парижскаго бюро избрать новую комиссію. 8-го марта эта комиссія была избрана въ слѣдующемъ составѣ: граверъ Бурдонъ, переплетчикъ Варленъ, красильщикъ Бенуа Малонъ, ювелиръ Комбо, позолотчикъ Молэнъ, чеканщикъ Ландренъ, гранильщикъ хрусталя Эмберъ, щеточникъ Гранжонъ, столяръ по рѣзной мебели Шарбонно.

Не отступая передъ рискомъ судебныхъ преслѣдованій, вторая парижская комиссія открыто объявила о своемъ существованіи, а черезъ нѣсколько дней она снова дала свидѣтельство своего мужества и актив-

ности, выпустивъ воззваніе къ парижскимъ рабочимъ въ пользу женевскихъ забастовщиковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что 23-го марта въ Женевѣ всѣ строительные рабочіе, искусно руководимые слесаремъ-савояромъ Броссэ, начали борьбу за десятичасовой рабочій день (вмѣсто двѣнадцатичасового) и за установленіе заработной платы по тарифу, принятому на общихъ собраніяхъ цеховъ. 5 апрѣля въ «Opinion Nationale» появилось воззваніе парижской комиссіи. Въ нѣсколько дней различные профессіональные союзы послали Варлену свыше 10 тысячъ франковъ; и тогда-то буржуазныя газеты начали разсказывать смѣшныя басни объ «иностранныхъ подстрекателяхъ», о «приказахъ, получаемыхъ изъ Лондона», и о фантастическихъ богатствахъ Интернаціонала. Въ виду того, что интернаціоналисты явно бравировали угрозами правительства, послѣднее отвѣтило на брошенный ему вызовъ: 22 мая 1868 года девять членовъ второй комиссіи въ свою очередь предстали передъ шестой палатой парижскаго исправительнаго суда.

Отъ имени всѣхъ обвиняемыхъ защитительную рѣчь произнесъ Варленъ. Онъ указалъ на то, что новое преслѣдованіе вызвано дѣятельностью Интернаціонала во время стачекъ; онъ призналъ, что стачка представляетъ «варварское средство регулировать заработную плату», къ которому рабочіе принуждены прибѣгать въ силу печальной необходимости, но онъ возлагалъ отвѣтственность за эти нескончаемые конфликты на тѣхъ, кто стѣсняетъ дѣятельность такихъ просвѣтительныхъ ассоціацій, какъ Интернаціоналъ. «Если передъ лицомъ закона,—сказалъ онъ,—вы являетесь судьями, а мы обвиняемыми, то съ принципіальной точки зрѣнія мы представляемъ двѣ партіи: вы партію порядка во что бы то ни стало, партію застоя, мы же — партію преобразованія»; и затѣмъ въ образномъ описаніи онъ заклеймилъ недостатки соціальнаго устройства, «источеннаго неравенствомъ и убиваемаго отсутствія солидарности»; онъ провелъ параллель между радостной жизнью ничтожной кучки богачей и существованіемъ народной массы, «широкой массы, прозябающей въ нищетѣ и невѣжествѣ, въ одномъ мѣстѣ волнующейся подъ давленіемъ неумолимаго гнета, въ другомъ истребляемую голодомъ и повсюду коснѣющую въ предразсудкахъ и суевѣріяхъ, увѣковѣчивающихъ ея фактическое рабство». Съ простымъ и трогательнымъ краснорѣчіемъ онъ подробно нарисовалъ сравнительную картину жизни богача и жизни бѣдняка и указалъ «на глухую ненависть, существующую между классомъ, желающихъ сохранить свое привилегированное положеніе. и классомъ, стремящимся вернуть себѣ утраченныя права», между классомъ паразитовъ и сознательнымъ рабочимъ классомъ. «Когда какой нибудь классъ,— закончилъ онъ, — потерялъ моральное превосходство, доставившее ему господство, то онъ долженъ поспѣшно устраниться, если не хочетъ быть жестокимъ, потому что жестокость составляетъ обычный удѣлъ всякой падающей власти. Пусть же буржуазія пойметъ, что такъ какъ ея стремленія не достаточно широки для того, чтобы вмѣстить въ себѣ требованія эпохи, то ей остается только раствориться въ юномъ классѣ, несущемъ съ собою болѣе могучее возрожденіе: равенство и солидарность черезъ посредство свободы». (Процессъ, стр. 165).

На этотъ разъ судьи вынесли болѣе суровый приговоръ, да Варленъ и не обращался къ ихъ снисходительности: каждый изъ обвиняемыхъ былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію и къ уплатѣ

ста франковъ штрафа. Ихъ апелляціонная жалоба 19 іюня оставлена была безъ послѣдствій.

Итакъ, правительство добилось своей цѣли, и парижская секція Интернаціонала была разгромлена. Уже послѣ перваго процесса число членовъ отъ 500—800 сразу упало до сотни; не всѣмъ хотѣлось попасть въ тюрьму. А послѣ осужденія и заключенія членовъ второй комиссіи положеніе дѣлъ еще ухудшилось. Правда, Мюра продолжалъ поддерживать сношенія съ Дюпономъ, который состоялъ секретаремъ для Франціи при лондонскомъ Генеральномъ Совѣтѣ; правда, небольшая кучка сознательныхъ рабочихъ хранила вѣрность своимъ убѣжденіямъ, но Ассоціація, какъ таковая, погибла. Объ этомъ заявилъ Толэнъ на третьемъ конгрессѣ Интернаціонала, состоявшемся въ сентябрѣ въ Брюсселѣ: отнынѣ французскіе сторонники Ассоціаціи могли служить общему дѣлу только своими личными силами.

Но французскія секціи Интернаціонала должны были вскорѣ возродиться и пробудиться къ новой жизни. Въ тотъ самый моментъ, когда кончался процессъ парижскихъ интернаціоналистовъ и когда члены второй комиссіи входили въ тюрьму Сентъ-Пелажи, въ Парижѣ 20 іюня состоялось первое публичное собраніе. Законъ о печати и законъ о собраніяхъ, жадно использованные рабочимъ классомъ и республиканской партіей, должны были вернуть массамъ смѣлость мысли и энергію дѣйствія, которыя были придавлены долгими годами гнета и которыя до сихъ поръ такъ настойчиво старалась пробудить незначительная кучка самоотверженныхъ революціонеровъ. Теперь на сцену выступила жаждавшая знаній и легко возбудимая масса, которую революціонные дѣятели должны были повести въ бой за низверженіе ненавистной Имперіи и за возстановленіе республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, и за прекращеніе страданій пролетаріата, за соціальную революцію.

ГЛАВА VIII.

Къ соціальной революціи.

Съ 1868 года, собственно говоря, и начинается то широкое республиканское и революціонное движеніе, которое рано или поздно должно было смести Имперію. До тѣхъ поръ небольшія республиканскія группы принуждены были въ бо̀льшей или меньшей степени ограничиваться работой кротовъ, медленно и глухо подтачивавшихъ зданіе Имперіи и пробивавшихъ бреши, черезъ которыя неожиданно проскакивали враждебные правительству кандидаты лѣвой. Рабочія организаціи оставались только центромъ сплоченія сознательныхъ пролетаріевъ; безъимянныя массы, неопредѣленныя и колеблющіяся, тѣ массы, одни уже колебанія которыхъ свидѣтельствуютъ объ испытанныхъ ими вліяніяхъ и указываютъ формы необходимой дѣятельности, не откликались на призывы своихъ передовыхъ товарищей.

Но съ 1868 года картина сразу измѣняется какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Теперь республиканцы и соціалисты могутъ обращаться къ проснувшейся массѣ; теперь для всѣхъ ясно, что Имперія обречена на неминуемую гибель. Ея паденіе составляетъ не болѣе, какъ вопросъ времени; и никто уже не сомнѣвается въ болѣе или менѣе близкомъ крушеніи правительства 2-го декабря. «Близокъ часъ расплаты!» — такова общая мысль, которая до сихъ поръ высказывалась только въ интимной перепискѣ. Съ іюня 1868 года по іюль 1870 г. французское общество жило интенсивной жизнью, оно переживало эпоху лихорадочной дѣятельности, тревогъ и энтузіазма. Тревогу возбуждали парламентскія, министерскія и полицейскія интриги и уловки, съ помощью которыхъ пошатнувшаяся Имперія пыталась упрочить свое положеніе; но особенную тревогу возбуждали слухи о предстоящей войнѣ, возникавшіе время отъ времени, какъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ 1868 г., въ октябрѣ 1868 г., въ мартѣ 1869 г. и напоминавшіе республиканцамъ, что деспотическія правительства, которымъ угрожаетъ паденіе, всегда пытались возстановить свою силу путемъ внѣшнихъ конфликтовъ. Но въ часы народныхъ собраній или въ дни крупныхъ манифестацій, когда Парижъ трепеталъ всѣми фибрами и когда духъ революціи какъ бы носился надъ французской столицей, вѣра возвращалась во всѣ сердца: часъ расплаты близокъ!

Недалеко желанное время! Какое же время? Конечно, время республики. Но какая это будетъ республика? Благоустроенная и благонамѣренная республика, которую стараются опредѣлить и регулировать Гамбетта и его друзья? Якобинская республика, проникнутая духомъ Конвента, о которой мечталъ Делеклюзъ? Или же немедленно водворится соціальная республика, построенная на началахъ справедливости и равенства? Кто

станетъ во главѣ движенія и увлечетъ за собой возставшую массу? Вотъ какіе вопросы занимали представителей всѣхъ революціонныхъ направленій въ борьбѣ, которую пока они вели сообща. Противники Имперіи не хотѣли, чтобы и на этотъ разъ революція застала ихъ врасплохъ, какъ это случилось въ 1848 году; они хотѣли подготовиться къ тому, чтобы взять власть въ свои руки и организовать общество. И въ эти дни порыва и натиска, не ослабляя общаго напора, открылся горячій и плодотворный споръ между соціалистами и узко политическими республиканцами.

Какъ мы уже говорили, законы 1868 года, т. е. законъ о печати, обнародованный 11 мая, и законъ о публичныхъ собраніяхъ, обнародованный 6 іюня, дали сильный толчекъ республиканскому и соціалистическому движенію, до тѣхъ поръ скованному по рукамъ и ногамъ, и доставили массамъ возможность проявить свои искреннія чувства.

Основныя положенія этихъ законовъ заключались въ слѣдующемъ. Новый законъ о печати отмѣнялъ режимъ предварительнаго разрѣшенія; для основанія новой газеты теперь достаточно было простого заявленія. Система предостереженій, а также пріостановка и закрытіе періодическихъ изданій въ порядкѣ охраны были отмѣнены; наказаніе могло налагаться на газеты только по судебному приговору, но такъ какъ императорское правительство прекрасно знало по опыту своихъ предшественниковъ, насколько неудобно предоставлять разсмотрѣніе проступковъ, совершенныхъ путемъ печати, суду присяжныхъ, то оно передало процессы по дѣламъ печати въ вѣдѣніе исправительныхъ судовъ и установило крайне высокія наказанія. Газетамъ по прежнему запрещалось обсуждать конституцію и помѣщать какія-либо сообщенія о парламентскихъ преніяхъ, кромѣ оффиціальныхъ отчетовъ; фискальныя путы, вродѣ штемпельнаго налога и залога, остались въ силѣ. Фактически дискреціонная власть правительства надъ печатью была отмѣнена, но и новый режимъ, которому отнынѣ была подчинена пресса, оставался еще довольно суровымъ.

Законъ о собраніяхъ въ принципѣ допускалъ публичныя собранія; но собраніе могло состояться только послѣ подачи заявленія, подписаннаго семью лицами; оно должно было происходить въ закрытомъ помѣщеніи и подъ надзоромъ полицейскаго комиссара, который имѣлъ право его распустить. Правительство оставило за собой право отсрочивать или запрещать любое собраніе. Законъ ни словомъ не упоминалъ о правѣ союзовъ; свободы союзовъ не существовало: ее замѣняло терпимое отношеніе правительства.

Чѣмъ объяснялось то обстоятельство, что императоръ, который въ теченіе почти полутора лѣтъ всячески оттягивалъ исполненіе либеральныхъ обѣщаній, данныхъ въ январѣ 1867 года, внезапно рѣшился осуществить ихъ? Еще въ началѣ 1868 года Франція находилась какъ будто въ разгарѣ реакціи. Со времени дѣла при Ментанѣ, со времени интерпелляціи и преній по поводу итальянскихъ дѣлъ (декабрь 1867) правительство снова начало вѣрно служить католическимъ интересамъ. Императоръ отвѣчалъ на поздравленія епископовъ благочестивыми рѣчами, призывалъ покровительство Божіе на свое царствованіе и во всеуслышаніе заявлялъ, что «церковь это святилище, въ которомъ сохраняются въ полной неприкосновенности великія начала христіанской морали, возвышающія душу надъ матеріальными интересами» (рѣчь, произнесенная въ Руанѣ въ маѣ 1868). Епископы, заговорившіе повышеннымъ тономъ, заявляли притязанія на руководство государственными дѣлами и не прекращали нападокъ на Уни-

верситетъ за распространеніе безнравственныхъ и превратныхъ лжеученій. Боньшозъ въ сенатѣ высказывался противъ свободы высшаго образованія; орлеанскій епископъ Дюпанлу рѣзко нападалъ на женскія гимназіи, утверждая, что никто не смѣлъ отнимать у духовенства права воспитывать женщинъ на лонѣ церкви; а французскіе епископы явно готовились къ тому, чтобы провозгласить въ Римѣ непогрѣшимость папы и придать принципамъ Силлабуса характеръ католическихъ догматовъ. Чѣмъ же объясняется, что именно въ этотъ моментъ правительство, какъ бы впадая въ противорѣчіе съ самимъ собой, вздумало провести либеральныя реформы?

Извѣстно непостоянство императора. Наполеонъ III всегда былъ человѣкомъ половинчатыхъ рѣшеній, а клерикальное давленіе само по себѣ должно было пробудить въ немъ старые либеральные инстинкты. Въ это-то время искренній демократъ Дюрюи чувствовалъ себя особенно солидарнымъ съ императоромъ даже противъ палатъ и остальныхъ министровъ. Учащавшіеся приступы болѣзни все сильнѣе мучили императора, ослабляли его рѣшимость и заставляли его все живѣе ощущать всю тяжесть падающей на него отвѣтственности; происходившая вокругъ него борьба противоположныхъ вліяній, отъ которыхъ онъ не могъ уже болѣе увиливать и безвольной добычей которыхъ, какъ онъ это чувствовалъ, онъ все болѣе становился, политическія затрудненія, возникавшія одно за другимъ, и почти непрерывныя неудачи, наконецъ, надежда ослабить требовательность одной части общества и привлечь нѣсколькихъ новыхъ сторонниковъ своевременными уступками — все это побуждало императора свалить съ себя часть отвѣтственности. Несмотря на сопротивленіе Руэра, Наполеонъ III обнаруживалъ все бо́льшую готовность прислушиваться къ совѣтамъ Оливье, тѣмъ болѣе, что наивныя и настойчивыя выдумки либеральнаго депутата давали ему возможность попрежнему витать въ мірѣ иллюзій и самообмана. Въ тотъ моментъ, когда его пошатнувшаяся власть колебалась въ самихъ своихъ основаніяхъ, когда благодаря внутреннимъ причинамъ и подъ растущимъ напоромъ оппозиціи режимъ самовластья расползался по всѣмъ швамъ, либеральныя реформы должны были пустить пыль въ глаза и убѣдить все общество, а въ томъ числѣ и самого императора, въ томъ, что съ водвореніемъ порядка пробилъ, наконецъ, часъ свободы и что, по извѣстной формулѣ, наступитъ, наконецъ, «увѣнчаніе зданія». Замѣтимъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ до проведенія либеральныхъ реформъ принятъ былъ законъ о реорганизаціи арміи (въ февралѣ); несмотря на рѣшительное сопротивленіе республиканской партіи, спасавшейся дать своему врагу въ руки новое оружіе, палата утвердила правительственный законопроектъ, которымъ устанавливался девятилѣтній срокъ военной службы, раздѣленный на два періода—пять лѣтъ въ дѣйствующей арміи и четыре года въ резервѣ, что должно было обезпечить составъ арміи въ 800 тысячъ человѣкъ. Проведеніемъ военнаго закона, равно какъ и либеральныхъ реформъ, Имперія пыталась влить новыя силы въ свои жилы.

Но и въ той, и въ другой области реформы явились слишкомъ поздно. Правительство уже не обладало достаточнымъ престижемъ, чтобы заставить націю согласиться на требуемыя отъ нея жертвы; оно сдѣлалось слишкомъ слабымъ для того, чтобы помѣшать народу воспользоваться возвращенной ему свободой для болѣе рѣшительной борьбы противъ господствовавшаго строя.

Правительство скоро могло въ этомъ убѣдиться по тому употребленію,

которое получила полусвобода, предоставленная печати. Немедленно послѣ изданія новаго закона возникло множество республиканскихъ газетъ. Такъ какъ приближалось время выборовъ, которые должны были состояться въ маѣ 1869 года, то республиканцы нуждались въ орудіяхъ пропаганды. На ряду со старыми органами, какъ: «Siècle», «Opinion Nationale» (1859), «Temps» (1861) и «Avenir National», который издавался съ 1865 г. старымъ республиканцемъ и антиклерикаломъ Пейра, появились новыя періодическія изданія: газета «Трибуна», которая редактировалась Пельтаномъ и въ которой сотрудничали Лавертюжонъ, Глэ-Бизуэнъ, Клюзерэ, Накэ и Кларети; «Revue politique», редактируемый Шальмель-Лакуромъ журналъ, который, подобно «Revue encyclopédique» въ началѣ царствованія Луи-Филиппа, ставилъ себѣ задачей памѣтить для будущей правящей партіи, т. е. для республиканцевъ, общія основы политическаго и соціальнаго устройства, соотвѣтствовавшаго ея принципамъ; «Демократія», основанная Шассеномъ, которая, съ цѣлью оживить республиканскую традицію въ ея цѣломъ, пригласила въ число сотрудниковъ Луи Блана и Кинэ, Кантагреля и Накэ, Шемалэ и Феликса Піа.

Но особенно выдѣлялись двѣ еженедѣльныя газеты: «Electeur» (Избиратель) и «Réveil» (Пробужденіе), представлявшія два основныхъ направленія въ республиканской партіи. Первую основалъ Эрнестъ Пикаръ, умѣренный депутатъ и будущій организаторъ «открытой лѣвой». Во главѣ второй стоялъ Делеклюзъ, старый революціонеръ мрачнаго темперамента, вернувшійся въ Парижъ изъ Кайенны и во всякую минуту готовый снова подвергнуться всякимъ преслѣдованіямъ. «Избиратель» ставилъ себѣ задачей завоевать учрежденія, составляющія необходимое условіе политической свободы, и съ этой цѣлью рѣшительно бороться съ оффиціальными кандидатурами и «проводить независимыхъ кандидатовъ въ самыхъ захолустныхъ деревушкахъ». Возвышенныя убѣжденія Делеклюза требовали большаго: по его мнѣнію, республиканская партія своимъ моральнымъ величіемъ и чистотой должна была воздѣйствовать на страну, увлечь ее за собой и одержать побѣду во имя всеобщаго избирательнаго права безъ какихъ бы то ни было компромиссовъ съ орлеанистами или легитимистами. Только при такихъ условіяхъ, заявляло «Пробужденіе», могутъ быть разрѣшены соціальные вопросы, но ихъ нельзя разрѣшить безъ политической свободы.

Эти газеты снова заохотили республиканскую публику къ чтенію, обсужденію и размышленію. Правда, «Избиратель» расходился только въ девятистахъ экземплярахъ, а «Трибуна» въ 2.500; но тиражъ «Пробужденія» достигалъ 12.000 экземпляровъ, причемъ въ иные дни 2.000 требованій оставлялись безъ удовлетворенія (Черновъ, loc. cit., стр. 512).

Но всѣ эти газеты были сразу затерты періодическимъ памфлетомъ, который съ 30 мая началъ издавать подъ названіемъ «La Lanterne» (Фонарь) Анри Рошфоръ. Язвительныя замѣчанія, каламбуры и дерзкія выходки остроумнаго полемиста съ перваго же дня доставили ему огромный успѣхъ, который не переставалъ расти съ каждымъ номеромъ. Черезъ нѣсколько недѣль правительство приняло противъ него репрессивныя мѣры, но уже было поздно: друзья убѣдили Рошфора бѣжать въ Брюссель (въ августѣ), откуда «Фонарь» проникалъ во Францію въ количествѣ 50.000 экземпляровъ, и весь аппаратъ полицейскаго сыска не могъ помѣшать французамъ заучивать почти наизусть оскорбительныя шутки, расточавшіяся Рошфо-

ромъ по адресу императора и императорской семьи. Въ Тюльрійскомъ дворцѣ поднялся величайшій переполохъ.

Съ этого момента между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ возгорѣлась отчаянная война; нѣкоторые представители старшаго поколѣнія, какъ напримѣръ Ледрю-Ролэнъ и Жоржъ Зандъ могли выражать сожалѣніе и смущеніе по поводу того, что въ этой борьбѣ такую рѣшающую роль сыграли лишенный благородства памфлетъ и писатель безъ убѣжденій, но въ дѣйствительности насмѣшки Рошфора достигали бо́льшихъ результатовъ, чѣмъ рѣзкія обличенія и пламенные призывы сотрудниковъ «Пробужденія».

Спустя нѣсколько недѣль новыя проявленія оппозиціи доставили старымъ республиканцамъ болѣе высокое удовлетвореніе. 3 августа, несмотря на оффиціальное давленіе и на циркуляры префектовъ, противопоставлявшіе «консервативный принципъ императорскаго правительства революціоннымъ принципамъ», крестьяне Юрскаго департамента избрали въ депутаты Жюля Греви, радикальнаго демократа 1848 года и противника римской экспедиціи. А 21 августа появилась книга Эженя Тено «Парижъ въ декабрѣ 1851 года», въ которой авторъ далъ сдержанное и добросовѣстное, точное и спокойное изложеніе зарожденія и развитія государственнаго переворота. «Сочиненіе г-на Тено,—писалъ Ранкъ въ концѣ года,—есть нѣчто бо́льшее, чѣмъ книга, это политическій актъ, а для страны это также отправной пунктъ новой ситуаціи. Однимъ эта книга напомнила о прошломъ; другимъ она о немъ повѣдала» («Bilan de l'année 1868», стр. 139).

Тѣмъ, кто не зналъ, и тѣмъ, кто забылъ, книга Тено напомнила о самой выдающейся изъ жертвъ Луи-Наполеона, о Боденѣ. Въ 1867 году въ день поминовенія мертвыхъ республиканцы и рабочіе устроили манифестацію надъ могилой итальянскаго патріота Манина; въ этомъ же году нѣкоторые рѣшили собраться 2 ноября у могилы республиканскаго депутата. Сотрудникъ «Пробужденія» Шарль Кантенъ, Гайаръ-отецъ, сапожникъ-бабувистъ, Гайаръ-сынъ и Пейрутонъ отыскали скромный камень съ полуистертой надписью, указывавшей на то, что здѣсь похоронено тѣло убитаго народнаго представителя.

Надъ могилой произошла маленькая манифестація, а на слѣдующій день газеты «Avenir National» и «Le Réveil», къ которымъ не замедлили присоединиться «Tribune» и «Revue politique», открыли подписку на памятникъ Бодену. 6 ноября правительство возбудило судебное преслѣдованіе противъ участниковъ манифестаціи и журналистовъ; тогда и другія газеты открыли свои столбцы для подписки, и пожертвованія начали притекать въ огромномъ количествѣ: въ числѣ подписчиковъ находился Викторъ Гюго, Луи Бланъ, Жюль Фавръ, Прево-Парадоль и, наконецъ, находившійся при смерти Берье. Правительство поспѣшило ускорить слѣдствіе, а прокуратура выдвинула противъ привлеченныхъ къ суду лицъ обвиненіе во «внутреннихъ происках».

13 ноября Делеклюзъ, Кантенъ, Пейра, Шальмель-Лакуръ, Дюрэ, оба Гайара и Пейрутонъ предстали предъ исправительнымъ судомъ; въ качествѣ защитниковъ выступали Кремье, Эммануэль Араго, Гамбетта и Лорье. Предсѣдатель, въ душѣ сочувствовавшій подсудимымъ, не стѣснялъ адвокатовъ, и вотъ Гамбетта своимъ громовымъ голосомъ швырнулъ въ лицо дѣятелямъ государственнаго переворота грозный обвинительный актъ. Извѣстны классическія фразы его защитительной рѣчи, заучивавшіяся наизусть республи-

канцами: онъ говорилъ о «людяхъ безъ таланта и чести, погрязшихъ въ долгахъ и преступленіяхъ», которые совершили государственный переворотъ; о Парижѣ, покоренномъ, нѣтъ «умерщвленномъ и разстрѣляномъ картечью»; о 2-мъ декабря, національной годовщинѣ, которую праздновать бонапартисты стыдятся, но которую республиканцы не забываютъ и будутъ чествовать «вплоть до того дня, когда страна, вернувши себѣ власть, наложитъ на васъ великое національное покаяніе во имя свободы, равенства и братства».

Делеклюзъ и его товарищи были осуждены, но историческія преступленія Имперіи были заклеймены передъ лицомъ всей страны. Отнынѣ она сдѣлалась не только смѣшной, но и ненавистной; несмотря на обвинительный приговоръ, подписка продолжалась и каждый день обнаруживалъ все новыхъ и новыхъ враговъ правительства. Мы извиняемся передъ читателемъ, что не останавливаемся подробнѣе на этихъ прославленныхъ событіяхъ исторіи республиканской партіи. Они общеизвѣстны и сдѣлались классическими. Мы не думаемъ отрицать ихъ важнаго значенія, но существуютъ другія событія, которыя съ нашей соціалистической точки зрѣнія заслуживаютъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что ихъ значеніе въ общемъ ходѣ исторіи часто отрицалось.

Громкій процессъ 13 ноября и обусловленный имъ новый подъемъ республиканскаго движенія отчасти вызваны были закономъ о печати. Но не менѣе важную роль сыгралъ и законъ 6 іюня о собраніяхъ, облегчившій распространеніе соціалистическихъ идей среди парижскихъ рабочихъ массъ.

Товарищи, съ которыми я говорилъ объ описанной эпохѣ, во время нашихъ бесѣдъ постоянно подчеркивали выдающееся значеніе публичныхъ собраній, до сихъ поръ не достаточно оцѣненныхъ историками. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію Ландрена, все соціалистическое движеніе послѣдняго періода Имперіи вытекло отсюда; и нашъ товарищъ правъ. По выходѣ изъ тюрьмы Сентъ-Пелажи дѣятели Интернаціонала встрѣтили совершенно перерожденный пролетаріатъ.

Слѣдуетъ прочитать описаніе этихъ народныхъ собраній въ книгѣ Молинари о «Соціалистическомъ движеніи и народныхъ собраніяхъ до 4 сентября» или особенно въ забавныхъ «Воспоминаніяхъ» Лефрансэ.

Первое собраніе состоялось 18 іюня 1868 года въ залѣ Vaux-Hall, находившемся за казармами Шато д'О. Несмотря на хорошую погоду и на послѣобѣденное время воскреснаго дня, свыше 3.000 человѣкъ явилось на это первое собраніе, созванное послѣдователемъ Бюше, Форнеемъ, старымъ Ш. Белэ, бронзовщикомъ Дэмэ, экономистомъ Горномъ (который предсѣдательствовалъ) и четырьмя другими лицами на основаніи требованія новаго закона. Дебаты вертѣлись вокругъ женскаго труда, причемъ докладчикомъ выступалъ Горнъ; на слѣдующихъ собраніяхъ начались пренія, тянувшіяся въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Все это носило характеръ рефератовъ вродѣ тѣхъ, которые уже устраивались за послѣдніе годы республиканцами. «Здѣсь только публика нѣсколько менѣе жеманна и не такъ comme il faut, употребляя общепринятое выраженіе.... Но поставленный вопросъ широкъ и чреватъ неожиданными инцидентами» (Лефрансэ, стр. 298). На этихъ собраніяхъ выступали иногда женщины, какъ напримѣръ Андрэ Лео и Марія Дерезмъ, а также прудонисты, защищавшіе свои теоріи.

Вскорѣ собранія были перенесены изъ Vaux-Hall въ залъ la Redoute на улицѣ Жанъ-Жакъ Руссо, въ праздничный залъ шотландскихъ масоновъ; а затѣмъ они начали устраиваться очень часто и въ самыхъ различ-

ныхъ мѣстахъ, въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, на улицѣ Муфтаръ, въ Бельвилѣ и на Монмартрѣ. Въ силу эволюціи, которая впослѣдствіи повторилась съ парижскими народными университетами, буржуазная и полубуржуазная аудиторія скоро исчезла; съ этого момента «залъ былъ переполненъ мужчинами и женщинами съ открытыми лицами, которые дѣлились другъ съ другомъ своими впечатлѣніями» (Лефрансэ, стр. 302). На этихъ собраніяхъ католики и соціалисты спорили о такихъ вопросахъ, какъ бракъ, разводъ и положеніе женщины.

Экономисты и буржуазные республиканцы чувствовали, что ихъ грозитъ захлестнуть революціонная волна. Нѣкоторые изъ нихъ смѣло ринулись въ бой. Начались большіе дебаты объ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ, въ которыхъ приняли участіе Горнъ, Кламажеранъ, Молинари, Фредерикъ Пасси и Курсель-Сенейль. Соціалисты побаивались, какъ бы не ударить въ грязь лицомъ предъ такими учеными противниками; но тѣмъ не менѣе они сочли долгомъ чести отвѣтить на брошенный имъ вызовъ, и мало по малу на всѣхъ собраніяхъ дебаты начали сводиться къ соціальному вопросу.

И вотъ изъ рядовъ народа выдвинулись ораторы, иногда до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстные: они выступали на защиту тѣхъ или иныхъ положеній старыхъ соціалистическихъ школъ, объявляли себя прудонистами, фурьеристами и даже бабувистами, свидѣтельствуя тѣмъ, что долгіе годы гнета не могли угасить ихъ воспоминаній и что въ придушенной, запуганной и забитой массѣ, которая, не рѣшалась даже слѣдовать за умѣренными членами Интернаціонала, соціалистическія чаянія никогда не умирали.

Популярные или безвѣстные дѣятели—всѣ они перебывали тутъ: прудонистъ Лангуа, увеселявшій слушателей своей театральной и обильной жестикуляціей; спокойный и хладнокровный Толэнъ, умѣвшій искусно излагать систему мютюэлизма; пылкій и порывистый механикъ Мюра; Камелина, тоже мютюэлистъ, но уже «не такой доктринёръ, какъ его друзья»; маленькій, сухощавый и нервный Шемалэ, точный и изворотливый, какъ юристъ, хитрый и грубоватый. Изъ коммунистовъ выступали: долговязый Ранвье, говорившій горячо и убѣдительно; Мильеръ съ пріемами апостола, настроенный гуманитарно и мистически вродѣ Пьера Леру; авторитарный коммунистъ Гайаръ старшій, вѣчная мишень буржуазныхъ газетъ; Лефрансэ, ярый сторонникъ свободной любви и отмѣны наслѣдственнаго права, и наконецъ Варленъ, все болѣе и болѣе склонявшійся къ коммунизму. Затѣмъ шли бланкисты: студенъ-медикъ Жакляръ, исключенный изъ университета послѣ льежскаго конгресса, Жерменъ Кассъ, Рауль Риго, Моро и Шовьеръ. Далѣе шли независимые: Лонгэ, который по-ученому пытался примирить бланкизмъ съ прудонизмомъ; старикъ Белэ, также всѣми силами души стремившійся къ такому примиренію, котораго вмѣстѣ съ ними хотѣли всѣ независимые рабочіе, «настоящіе застрѣльщики революціи, не имѣвшіе въ виду никакого практическаго рѣшенія, но также страстно жаждавшіе возникновенія общества, болѣе справедливаго къ труженикамъ, къ обездоленнымъ міра сего»; шляпочникъ Амуру, модельщикъ Дэмэ, бухгалтеръ Козаръ и наконецъ главный герой народныхъ собраній, наканунѣ никому неизвѣстный, а теперь идолъ всей аудиторіи, гражданинъ Бріонъ, человѣкъ тщедушный и истощенный болѣзнью, съ густыми бровями и съ глазами, лихорадочно сверкавшими на измученномъ лицѣ, обрамленномъ черными волосами и бородой; этотъ ораторъ, то остроумный

и сантиментальный, то язвительный и грозный, умѣлъ заставить аудиторію прислушиваться къ своему эклектическому соціализму, который опредѣленно не примыкаетъ ни къ одной школѣ, но такъ удачно выражаетъ настроеніе массъ.

Этотъ могучій напоръ соціализма, это неожиданное возрожденіе всѣхъ старыхъ революціонныхъ ученій изумили буржуазію. «Въ настоящее время, — писалъ Молинари въ 1869 году, — мы не можемъ больше питать никакихъ иллюзій насчетъ убѣжденій и стремленій, господствующихъ въ массахъ. Изъ десяти рабочихъ, интересующихся чѣмъ-нибудь кромѣ ѣды и питья, девять уже соціалисты или готовы сдѣлаться ими, точно такъ же, какъ изъ десяти предпринимателей девять навѣрное протекціонисты, что составляетъ хозяйскую форму соціализма». Противъ наиболѣе смѣлыхъ ораторовъ, излагавшихъ крайнія антирелигіозныя ученія или позволявшихъ себѣ рѣзкія политическія нападки, правительство возбуждало преслѣдованія (въ особенности въ періодъ отъ января до апрѣля 1869 года). Оно считало для себя полезнымъ по старому выступать въ роли «спасителя общества» и вмѣстѣ съ тѣмъ старалось представить всѣхъ своихъ противниковъ солидарными съ выходками крайнихъ соціалистовъ. Нѣкій Витю, писака, состоявшій на казенномъ жалованьѣ, составилъ для деревенскихъ избирателей брошюрку, озаглавленную «Народныя собранія», которая должна была оказать такое же дѣйствіе, какъ и знаменитая брошюра Ромье во время Второй Республики. Умѣренные республиканцы и политическіе революціонеры заволновались; заговорили объ агентахъ-провокаторахъ, подсылаемыхъ Имперіей: «Cloche» Луи Ульбаха и «Avenir National» предостерегали рабочихъ противъ шпіонскихъ ловушекъ; одинъ сотрудникъ «Пробужденія» назвалъ соціалистическихъ ораторовъ «усыпителями», сознательно стремящимися своей пропагандой затормозить успѣхъ республиканскихъ идей. Правда, Делеклюзъ выразилъ неодобреніе своему сотруднику, но въ глубинѣ души онъ самъ былъ не спокоенъ.

Въ конечномъ счетѣ всѣ эти нападки не имѣли особеннаго значенія. Соціалисты, которымъ приходится бороться въ рамкахъ республиканской демократіи, знаютъ, что они всегда рискуютъ сдѣлаться жертвой этой шаблонной клеветы: ее слышалъ Бабэфъ, ее слышали и мы. Соціалисты конца 1868 года питали въ глубинѣ души слишкомъ жгучую ненависть противъ Имперіи, чтобы обращать вниманіе на это презрѣнное обвиненіе; они прекрасно знали, что въ день рѣшительнаго боя именно они будутъ находиться въ первыхъ рядахъ, а ихъ республиканскія чувства во всякомъ случаѣ могли сравняться съ чувствами какого-нибудь Пейра или Жюля Симона. Стоявшій передъ ними вопросъ былъ гораздо серьезнѣе и шире, чѣмъ вопросъ объ отношеніяхъ къ умѣреннымъ; точнѣе сказать, первый включалъ въ себя второй.

Политическая буря разыгралась; республиканскія газеты, даже провинціальныя, несмотря на обвинительные приговоры, открыли свои столбцы для подписки на памятникъ Бодену, а партія въ цѣломъ готовилась дать правительству рѣшительное сраженіе во время ближайшихъ выборовъ. Но въ завываніяхъ этой бури все громче ревѣлъ гулъ соціальныхъ домогательствъ. Окажется ли шквалъ настолько могучимъ, чтобы не только смести Имперію, но и вырвать ея буржуазно-капиталистическіе корни? Приметъ ли предстоящая революція, долженствующая въ недалекомъ будущемъ низвергнуть правительство, непосредственно соціалистическій ха-

рактеръ? Все это новое движеніе, въ которомъ въ болѣе или менѣе смутной формѣ выражались чаянія рабочаго класса, нуждалось въ людяхъ, способныхъ, если не руководить имъ, то по крайней мѣрѣ, понять его и внести въ него элементъ сознательности. На долю какого организованнаго энергическаго меньшинства выпадетъ задача указать массамъ надлежащую дорогу и направленіе? Съ помощью какихъ средствъ и организаціонныхъ пріемовъ это меньшинство сумѣетъ постепенно о р г а н и з о в а т ь текучую и пока аморфную массу? Какимъ образомъ оно сможетъ постепенно пріучить ее къ соціалистической практикѣ? Вотъ какой вопросъ предстояло разрѣшить самымъ развитымъ и сознательнымъ вожакамъ. Въ такой постановкѣ этотъ вопросъ былъ не новъ: въ этой формѣ надъ нимъ билась горячая голова Бабэфа, начиная съ письма къ Купэ (депутату Уазскаго департамента) до заговора Равныхъ, а также живой и ясный умъ Бланки въ 1834 г. и въ февралѣ 1848 года.

Какая же группа окажется способной сгруппировать подъ своимъ знаменемъ рабочія массы и увлечь ихъ за собой?

Нѣсколькими годами раньше это могли бы сдѣлать кооператоры, міровоззрѣніе которыхъ возбуждало наибольшее сочувствіе среди рабочихъ массъ. Но революціонеры раскритиковали ихъ тактику, а Бланки велъ противъ нихъ ожесточенную кампанію. Наконецъ въ 1868 году они потерпѣли жестокую неудачу: «Кредитъ Труду», крупный банкъ, ставившій себѣ задачей поддерживать во всей Франціи кооперативное движеніе и раздававшій ссуды направо и налѣво всякимъ неплатежеспособнымъ обществамъ, обанкротился. Это повело къ крушенію всего движенія; впрочемъ, кооператоры съ большимъ трудомъ могли бы приспособиться къ революціонной атмосферѣ, а ихъ попытки слишкомъ точно напоминали бы несчастные опыты 1848 года.

Кромѣ кооператоровъ имѣлись еще умѣренные дѣятели либеральной лѣвой, республиканскіе депутаты, эти признанные преемники императорскаго правительства; но пожелаютъ-ли они ринуться въ самую гущу жизни, сдѣлать рабочему народу требуемыя имъ уступки и вмѣстѣ съ нимъ обсудить неотложныя соціальныя реформы? Эту тактику имъ слѣдовало бы примѣнить въ интересахъ своей собственной борьбы; если бы они перестали индифферентно или враждебно относиться къ этой жизненной проблемѣ, то имъ удалось бы увлечь за собой болѣе широкіе слои и ослабить предубѣжденіе рабочей массы; стоило имъ только признать справедливость наиболѣе настоятельныхъ требованій, и многіе рабочіе по прежнему продолжали бы вѣрить въ нихъ. Какъ разъ въ это время соціалисты собирались устроить многолюдный и торжественный митингъ, и вотъ Шемалэ, Мюра, Лефрансэ, Бріонъ, Толэнъ, Дэмэ, Бибаль, Комбъ, Лонгэ, Пьеръ Дени и Ланглуа опубликовали воззваніе, въ которомъ они приглашали буржуазныхъ республиканцевъ явиться на это собраніе (ноябрь 1868 года).

Правда, эти соціалисты, которые въ большей или меньшей степени всѣ были проникнуты прудонистскими идеями, не могли считаться представителями коммунистовъ, и послѣдніе дѣйствительно осудили ихъ затѣю. Но сдѣланный ими шагъ остается тѣмъ не менѣе весьма знаменательнымъ: онъ показываетъ, что среди соціалистовъ многіе еще готовы были искать общей почвы съ умѣренными дѣятелями лѣвой, общей компромиссной платформы, на которой могли бы сойтись самые широкіе слои общества.

Въ своемъ манифестѣ («Siècle» отъ 5-го апрѣля 1869 года) они напоминаютъ, что «страхъ передъ соціализмомъ послужилъ во Франціи отъ 1848 до 1851 года главной причиной послѣдовательной утраты политическихъ вольностей, съ такимъ трудомъ завоеванныхъ нашими отцами», и указываютъ, что этотъ страхъ, готовый въ настоящее время возродиться, можетъ скомпрометтировать либеральную оппозицію.

Эту боязнь необходимо разсѣять. Поэтому соціалисты заявляютъ, что, отвѣчая на обращенное къ нимъ требованіе, они готовы «съ полной точностью и безъ всякихъ умолчаній изложить не свои идеи о будущемъ устройствѣ человѣчества, идеи, которыя должны быть тѣмъ болѣе смутными, чѣмъ къ болѣе отдаленному будущему онѣ относятся, но, что гораздо важнѣе, законодательныя мѣры, которыя кажутся имъ необходимыми и достаточными для осуществленія того, что они называютъ соціальной революціей.

«Желая, какъ и вы, граждане депутаты, покончить съ этимъ нелѣпымъ страхомъ, составляющимъ единственное препятствіе торжеству свободы, убѣжденные притомъ, что никакое правительство никогда не сможетъ по своему произволу революціонизировать общество, которое не хочетъ быть революціонизировано, и повести его въ направленіи, обратномъ тому, по которому оно худо-ли, хорошо-ли хочетъ и намѣрено идти, мы по зрѣломъ размышленіи рѣшили пойти навстрѣчу вашему приглашенію.... Если намъ предстоитъ потерпѣть отъ васъ пораженіе на практической почвѣ, если вы убѣдите насъ въ неосуществимости нашей программы,... то соціалистическая партія, къ которой мы имѣемъ честь принадлежать, будетъ тогда, безъ сомнѣнія, отослана на гимназическую скамью; но нація, мы въ этомъ глубоко убѣждены, вмѣстѣ съ нею пошлетъ туда и васъ, поставивъ проблему слѣдующимъ образомъ:

«Выработать совокупность такихъ законодательныхъ мѣръ, которыя, не нарушая свободы труда и свободы сдѣлокъ, привели бы къ прогрессивному и быстрому уравненію положеній безъ грабежа и банкротства».

Мы считаемъ нужнымъ снова отмѣтить, что въ этихъ словахъ выражена основная мысль манифеста 60-ти, которая заключается въ томъ, что рабочій классъ вступаетъ въ качествѣ договаривающейся стороны въ либеральную оппозицію и ждетъ отъ либераловъ осуществленія нѣкоторыхъ своихъ требованій. Но теперь это была уже отсталая точка зрѣнія. Коллективисты заявили, что прудонисты, «подписавшіе возваніе, совершенно неосновательно присвоили себѣ право выступать отъ имени соціализма»: «борцы, побѣжденные въ іюнѣ, говорили они, не входятъ въ переговоры со своими убійцами; они выжидаютъ событій» («Opinion Nationale» отъ 10-го апрѣля). Съ другой стороны, депутаты, желая разъ навсегда порвать съ союзниками, которые слишкомъ ихъ компрометтировали, отказались принять сдѣланный имъ вызовъ, а интернаціоналисты перваго призыва лишній разъ могли убѣдиться въ томъ, что либеральная оппозиція отнюдь не расположена «руководить ими въ соціальной борьбѣ». Это было то время, когда самъ Гамбетта осуждалъ «демагогическую политику» и когда его другъ Ранкъ тревожно спрашивалъ себя, не хочетъ ли его дорогой Гамбетта «быть просто «кандидатомъ». Какое бы сближеніе между различными политическими элементами ни должно было наступить въ послѣдующій періодъ, но въ апрѣлѣ 1869 года парламентская оппозиція, даже въ лицѣ крайнихъ

своихъ представителей, казалась совершенно неспособной объединить весь народъ въ общей борьбѣ.

Итакъ, кто же возьметъ на себя задачу удовлетворить всѣ запросы революціоннаго народа и направить его усилія къ ясной, опредѣленной цѣли? Бланки проявлялъ въ это время лихорадочную энергію. Изъ Брюсселя, гдѣ онъ проживалъ съ 1855 г., онъ часто пріѣзжалъ въ Парижъ и иногда оставался тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ; здѣсь онъ жилъ подъ именемъ Бадюэля. Руководимые имъ сторонники: Гранже, Эд. Жакляръ, Жантонъ и Дюваль, рыскали по революціонному Парижу, пробуждавшемуся и расправлявшему свои члены, и вербовали небольшой отрядъ, который въ одинъ прекрасный день по приказу вождя долженъ былъ совершить рѣшительное выступленіе. Они возобновили старые методы дѣйствія: единицы группировались въ десятки, а десятки въ сотни, причемъ каждая имѣла своего назначеннаго вожака. Предполагалось, что число ихъ скоро достигнетъ 2.500. Но Бланки держался осторожной и выжидательной тактики; можно было подумать, что новый подъемъ выбилъ его изъ колеи. Вѣдь не подлежало сомнѣнію, что императорское правительство въ разсматриваемый моментъ стояло менѣе прочно, чѣмъ іюльская монархія въ 1839 г.; но Бланки считалъ необходимымъ внести новыя усовершенствованія въ свою инсуррекціонную тактику, а его выжидательная политика обезкураживала нѣкоторыхъ его сторонниковъ, какъ напр. Жакляра. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 12 января 1870 г., когда масса парижскаго населенія двинулась въ Нейи на похороны Виктора Нуара, старецъ, прислонившись къ дереву Елисейскихъ полей, стоя въ толпѣ, внимательно смотрѣлъ, какъ его друзья появлялись тамъ и сямъ, мелькая въ молчаливой гущѣ народа, ропотъ котораго каждую минуту переходилъ въ яростные крики. Мимо него продефилировала его небольшая армія, но тщетно онъ ждалъ ея возвращенія. И только впослѣдствіи съ началомъ войны 14-го апрѣля 1870 года, Бланки въ остолбенѣломъ предмѣстьѣ произвелъ нападеніе на казармы Лавилеттъ (см. Жеффруа, «Узникъ», франц. изд., стр. 264—287).

Допустимъ, что его нечаянное нападеніе въ тотъ или иной день увѣнчалось бы успѣхомъ; но пашелъ-ли бы онъ въ небольшой группѣ, состоявшей подъ его начальствомъ, необходимые организаціонные элементы для дальнѣйшаго закрѣпленія революціи, значеніе котораго онъ прекрасно понималъ? И не этимъ-ли соображеніемъ въ сущности объяснялись его колебанія? И дѣйствительно, въ это время передовые рабочіе смутно чувствовали, что измѣненія, внесенныя въ общественную жизнь развитіемъ промышленности, властно диктуютъ примѣненіе новыхъ методовъ борьбы. Съ другой стороны, прежняя заговорщицкая система въ значительной степени утрачивала свое значеніе при всеобщемъ избирательномъ правѣ, пробуждавшемъ массу къ сознательному участію въ политической жизни. Сами бланкисты пытались убѣдить въ этомъ Старика, но въ концѣ концовъ онъ остался при своемъ старомъ методѣ.

Кто же проложитъ русло и отведетъ въ него потокъ? Найдутся-ли вожди, способные объяснить революціонной толпѣ, какими путями она добьется удовлетворенія своихъ стремленій?

За нѣсколько мѣсяцевъ до того существовалъ еще Интернаціоналъ. Правда, въ концѣ 1868 года Толэнъ и Шемалэ еще появляются на народныхъ собраніяхъ и выступаютъ въ защиту своихъ прудонистскихъ идей, но они ограничиваются своими личными усиліями. Въ Руанѣ секція Интерна-

ціонала, основанная Обри, съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе; въ Ліонѣ, гдѣ классовая борьба всегда выливалась въ особенно рѣзкія формы, республиканскія группы убили секцію Интернаціонала въ концѣ 1866 года; Варленъ, Малонъ, Ландренъ, всѣ наиболѣе активные члены второй комиссіи, сидѣли въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи. Но какъ гласитъ старинное средневѣковое изреченіе, «самая мертвая смерть является вмѣстѣ съ тѣмъ самой лучшей». Воскресенье не замедлитъ наступить.

Если французскія группы Интернаціонала сошли почти на нѣтъ, то сама великая Ассоціація продолжала безостановочно развиваться въ другихъ странахъ. Съ 6 по 13 сентября 1868 года въ Брюсселѣ состоялся третій конгрессъ Интернаціонала, на которомъ присутствовало 100 делегатовъ. Изъ Франціи прибыло 18 делегатовъ, въ томъ числѣ Толэнъ, Мюра, Тейсъ, Пенди, Лонге, Альберъ Ришаръ изъ Ліона, Обри изъ Руана и, какъ мы уже говорили, краснодеревецъ Тартарэ, пресловутый Тартарэ изъ рабочей комиссіи парижской выставки.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣлъ Брюссельскій конгрессъ въ исторіи соціалистическихъ идей; здѣсь Интернаціоналъ опредѣленно примкнулъ къ коллективизму. И дѣйствительно, третій конгрессъ принялъ слѣдующую резолюцію:

A. — Относительно рудниковъ, каменноугольныхъ шахтъ и желѣзныхъ дорогъ: принимая во вниманіе, что эти великія вспомогательныя средства труда содержатся въ землѣ, которая представляетъ общее достояніе всего человѣчества, даромъ получаемое отъ природы; что эти средства представляютъ такую важность, что необходимо ставятъ своихъ монопольныхъ владѣльцевъ въ противорѣчіе съ правами людей, которыхъ они эксплуатируютъ; что эти вспомогательныя средства труда необходимо требуютъ примѣненія машинъ, а значитъ и коллективныхъ усилій значительнаго числа людей, конгрессъ постановляетъ: 1) каменоломни, каменноугольныя копи, рудники и желѣзныя дороги должны принадлежать всему обществу, т.-е. государству, построенному на законѣ справедливости, 2) каменоломни, шахты, рудники и желѣзныя дороги должны передаваться не капиталистическимъ компаніямъ, а рабочимъ товариществамъ, при соблюденіи двоякаго условія: государство требуетъ раціональной и научной эксплуатаціи концессіи и контроля надъ счетоводствомъ: съ другой стороны, государство опредѣляетъ взаимныя права членовъ товарищества и всего общества.

B. — Относительно сельскохозяйственныхъ земель конгрессъ, принимая во вниманіе, что крупное хозяйство выгодно и необходимо, и что производительная сила почвы составляетъ источникъ всякаго богатства, не являясь продуктомъ человѣческой дѣятельности, постановилъ, что земля должна быть объявлена государственной собственностью, что этого требуетъ соціальная необходимость, и что должны быть основаны земледѣльческія рабочія товарищества, которымъ государство должно передать землю на условіяхъ, гарантирующихъ интересы отдѣльныхъ лицъ и всего общества.

C. — Относительно каналовъ, дорогъ и телеграфныхъ линій конгрессъ также постановилъ, что они должны принадлежать государству.

D. — Относительно лѣсовъ конгрессъ, принимая во вниманіе, что предоставленіе лѣсовъ частнымъ лицамъ ведетъ къ обезлѣсенію и

гибельно вліяетъ на гидрографическія условія страны, постановилъ, что лѣса должны сдѣлаться собственностью государства.

Спеціальной резолюціей относительно машинъ конгрессъ заявилъ, что машины, которыя въ настоящее время являются могущественнымъ орудіемъ эксплуатаціи въ рукахъ капиталистовъ, составляютъ необходимое условіе созданія истинно-соціальной системы производства, долженствующей замѣнить систему наемнаго труда, что этой цѣли можно достигнуть организаціей кооперативныхъ обществъ и взаимнаго кредита, но что и при настоящемъ строѣ профессіональные союзы должны настаивать, чтобы новыя машины вводились лишь подъ условіемъ опредѣленныхъ гарантій для рабочихъ.

Это было полнымъ торжествомъ коллективизма. Необходимо, впрочемъ, вмѣстѣ съ Джемсомъ Гильомомъ (L'Internationale, I, 66) отмѣтить, что при указаніи средствъ, съ помощью которыхъ можно достигнуть коллективной собственности на орудія производства, большинство конгресса продолжало стоять на точкѣ зрѣнія мютюэлизма. Толэнъ и Шемалэ энергично отстаивали свои взгляды, но были побѣждены. Коммунистическіе члены второй комиссіи, которымъ императорское правительство «помѣшало» поѣхать на конгрессъ, должны были радостно привѣтствовать въ своихъ тюремныхъ кельяхъ принятыя резолюціи: онѣ вполнѣ отвѣчали ихъ желаніямъ и совершенно опредѣленно указывали на цѣль, къ которой должно стремиться революціонное движеніе.

Но они были не такъ уже удовлетворены другой основной резолюціей, принятой брюссельскимъ конгрессомъ. Глубоко убѣжденные, «что главной и постоянной причиной войны является отсутствіе экономическаго равновѣсія», и что, съ другой стороны, такъ какъ общество не въ состояніи существовать, если пріостановлено производство, то «для парализованія затѣй личныхъ и деспотическихъ правительствъ производителямъ стоило бы только прекратить работы», брюссельскіе конгрессисты полагали, что единственнымъ серьезнымъ средствомъ, способнымъ положить конецъ международнымъ войнамъ, является всеобщая стачка, и «рекомендовали рабочимъ пріостановить всѣ работы въ случаѣ, если въ ихъ странахъ вспыхнетъ война». Какой же смыслъ съ этого момента имѣло существованіе Лиги Мира и Свободы? Какія новыя средства могли предложить буржуа для прекращенія войны? Если единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ являлась всеобщая стачка, то организовать ее могъ только Интернаціоналъ, а сторонникамъ мира теперь оставалось только раствориться въ международномъ товариществѣ рабочихъ. На предложеніе послать своихъ оффиціальныхъ представителей на Бернскій конгрессъ, Брюссельскій конгрессъ рабочихъ отвѣтилъ, «что по мнѣнію делегатовъ Интернаціонала, существованіе Лиги Мира не имѣетъ никакого смысла въ виду дѣятельности Международной Ассоціаціи Рабочихъ, а потому члены Лиги приглашаются вступить въ Интернаціоналъ».

Характерно, что Толэнъ, Мюра и Шемалэ не голосовали противъ этой резолюціи: въ нѣсколько иной формѣ она точно выражала ихъ старую мысль о полной обособленности, самостоятельности и самодовлѣющемъ характерѣ рабочей организаціи. Можно сказать, что они поняли урокъ, который имъ дала Имперія и ея полицейскія преслѣдованія.

Но члены второй комиссіи нѣсколько иначе смотрѣли на этотъ вопросъ. Они опредѣленно сознавали, что ни на минуту не прекращая дѣятельности, направленной къ осуществленію специфическихъ цѣлей рабочаго класса, они не

могли обособляться отъ общаго потока революціоннаго движенія. Въ письмѣ, адресованномъ членамъ Бернскаго конгресса, они выражали сожалѣніе по поводу принятаго въ Брюсселѣ рѣшенія и заявляли, «что съ точки зрѣнія свободы, къ завоеванію которой они стремятся, ни одна отдѣльная ассоціація не вправѣ притязать на исключительное выраженіе стремленій извѣстной эпохи». Готовясь возобновить свою дѣятельность, коммунисты второй комиссіи все болѣе убѣждались въ необходимости участія въ общей борьбѣ противъ Имперіи за свободу, безъ которой соціалистическія преобразованія, конечная цѣль ихъ стремленій, всегда останутся половинчатыми и непрочными. Преслѣдованія со стороны императорской администраціи оказали на нихъ совершенно другое вліяніе, чѣмъ на Толэна и Шемалэ; въ ихъ головахъ мало по малу началъ складываться опредѣленный и широкій взглядъ на революціонное движеніе, который вскорѣ развился и конкретизировался.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Брюссельскаго конгресса въ Бернѣ открылся конгрессъ Лиги Мира. Въ теченіе года, протекшаго отъ Женевскаго конгресса, внутри самого комитета Лиги происходила борьба между буржуазнымъ либерализмомъ и радикализмомъ большинства и соціально-революціонными идеями меньшинства, къ которому принадлежалъ Михаилъ Бакунинъ. Здѣсь мы снова принуждены ограничиться бѣглыми указаніями въ виду того, что относящіеся сюда факты извѣстны каждому соціалисту. На Бернскомъ конгрессѣ (21—25 сентября) Бакунинъ внесъ проектъ резолюціи, заявлявшей, что самымъ повелительнымъ вопросомъ является вопросъ «объ экономическомъ и соціальномъ уравненіи классовъ и личностей», и что «безъ этого уравненія, т. е. помимо справедливости, нельзя осуществить свободу и миръ». Шодэ и Фрибуръ выступили противъ этой резолюціи и содѣйствовали ея отклоненію. Тогда 25 сентября соціалистическое меньшинство выступило изъ Лиги: Элизе Реклю, Аристидъ Рей, Ш. Келлеръ, Жакляръ и Альберъ Ришаръ послѣдовали за Бакунинымъ. Меньшинство немедленно основало Международный Альянсъ соціалистической демократіи; послѣдній «сложился въ качествѣ вѣтви Международной Ассоціаціи Рабочихъ, общіе статуты которой онъ принималъ», но онъ намѣренъ былъ самостоятельно открыть свои отдѣлы во всѣхъ странахъ и учредить въ каждой изъ нихъ національное бюро.

22 декабря Генеральный Совѣтъ Интернаціонала отказался принять въ свой составъ Альянсъ въ качествѣ самостоятельной организаціи; затѣмъ 5 марта 1869 года новымъ и болѣе опредѣленнымъ рѣшеніемъ онъ объявилъ, что готовъ допустить въ Международную Ассоціацію отдѣльныя секціи Альянса, превращенныя въ секціи Интернаціонала. Альянсъ подчинился этому постановленію, и центральное бюро его было распущено. Основатели его послѣдовали совѣтамъ Цезаря де-Папа, изложеннымъ въ замѣчательномъ письмѣ къ нимъ; теперь они образовали только женевскую секцію. Но они уже составили программу (Джемсъ Гильомъ, стр. 132), въ которой Альянсъ признавалъ себя атеистическимъ, требовалъ отмѣны наслѣдственнаго права и «признавалъ, что всѣ существующія политическія и авторитарныя государства... должны исчезнуть и раствориться во всемірномъ союзѣ свободныхъ земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій». Теперь между бакунистами и марксистами неизбѣжно должна была начаться борьба, по крайней мѣрѣ, въ теоретической области.

Въ разсматриваемый моментъ, т. е. въ концѣ 1868 г., этотъ едва назрѣвавшій расколъ не могъ оказать вліянія на французскія группы Интер-

національна; но нѣкоторые интернаціоналисты, какъ, напримѣръ, Альберъ Ришаръ и Варленъ, постепенно входили въ сношенія съ Бакунинымъ и его друзьями, а французскія секціи начали отчасти проникаться бакунистскими методами и привычками. Русскій соціалистъ старался имъ разъяснить, что во время широкихъ революціонныхъ движеній энергическое и сплоченное меньшинство, хорошо знающее, чего оно хочетъ, можетъ сыграть опредѣляющую роль.

А со времени Брюссельскаго конгресса такое меньшинство образовалось. Составилась небольшая группа рѣшительныхъ и активныхъ революціонэровъ, которая, основываясь на принципіальныхъ постановленіяхъ Брюссельскаго конгресса, начала совершенно новую организаціонную и пропагандистскую кампанію.

На Брюссельскомъ конгрессѣ встрѣтились ліонскій делегатъ Альберъ Ришаръ и руанскій делегатъ Обри: оба они представляли провинцію. Лонгэ, делегатъ отъ Каана и Кондэ-на-Нуаро, въ сущности былъ больше парижаниномъ, чѣмъ нормандцемъ. Ришаръ и Обри поддерживали письменныя сношенія съ Дюпономъ и твердо надѣялись на то, что въ недалекомъ будущемъ имъ удастся возстановить пришедшую въ упадокъ ассоціацію. Они не поддались чувству уныпія, которое овладѣло Толэномъ и его товарищами, вообще парижскими прудонистами, отнынѣ потерявшими всякое вліяніе.

Альберъ Ришаръ былъ тогда еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ; но съ конца 1865 года онъ уже принималъ участіе въ движеніи вмѣстѣ со своимъ отцомъ. Горячій и убѣжденный идеалистъ, непрактичный, съ развитымъ и нѣсколько путанымъ умомъ, онъ особенно сильно страдалъ отъ крушенія своей давней мечты и не могъ примириться съ постигшимъ всѣхъ революціоперовъ разочарованіемъ. Извѣстна политическая ошибка, на которую его толкнуло въ 1872 г. пораженіе Коммуны: мы говоримъ о его брошюрѣ «Имперія и Новая Франція», въ которой бывшій другъ Бакунина публично примкнулъ къ бонапартистскому соціализму. На Ришарѣ тяготѣло, а отчасти и до сихъ поръ тяготѣетъ сильное подозрѣніе. Я же глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ заблуждался искренно: подробное ознакомленіе съ его взглядами и въ частности съ его пониманіемъ рабочаго движенія, свободнаго отъ всякихъ политическихъ примѣсей, по поводу котораго онъ спорилъ съ парижскими товарищами и марсельскимъ революціонеромъ Бастелика, а также анализъ специфической психологіи ліонской рабочей среды и того настроенія, которое создалось неумолимой и безсовѣстной враждой ліонской буржуазіи, позволяютъ, если не оправдать, то объяснить его мимолетное заблужденіе.

Эмиль Обри, который былъ старше Ришара на нѣсколько лѣтъ (въ то время ему было отъ 32 до 35 лѣтъ), несмотря на всевозможныя затрудненія, сумѣлъ уберечь отъ гибели руанскую секцію, основанную имъ въ 1866 году. Спокойный, уравновѣшенный, неспособный къ крайностямъ и увлеченіямъ, Обри составлялъ полную противоположность Ришару; довольно самостоятельный прудонистъ, но въ общемъ вѣрный доктринѣ мютюэлизма, онъ не вѣрилъ въ близость глубокой соціальной революціи и враждебно относился ко всякимъ теоретическимъ спорамъ, которые казались ему преждевременными. Но онъ былъ убѣжденъ, что путемъ планомѣрной дѣятельности пролетаріатъ приблизитъ моментъ неизбѣжной развязки и «душой и тѣломъ, съ холодной и расчитанной энергіей отдался дѣлу организаціи рабочихъ силъ» (Albert Richard. Revue Socialiste, іюнь 1896).

Альберъ Ришаръ былъ другомъ Бастелика: черезъ его посредство марсельская секція пріобщилась къ новой агитаціонной кампаніи, начавшейся въ Ліонѣ и Руанѣ. Бастелика, человѣкъ съ пламенной душой, настоящій поэтъ, способный такъ же быстро вскипать, какъ и впадать въ унынie, ораторъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и широкими знаніями, способенъ былъ понять все значеніе задачи, которую поставили себѣ Обри и Ришаръ.

Оставался Парижъ, безъ содѣйствія котораго они однако никакъ не могли обойтись. Малонъ и Варленъ только что вышли изъ тюрьмы. Въ концѣ 1868 года Малонъ съѣздилъ въ Женеву, гдѣ познакомился съ Ришаромъ; и оба выдающихся парижскихъ борца вскорѣ начали играть рѣшающую роль въ образовавшейся такимъ образомъ небольшой группѣ. Малону было тогда 26 лѣтъ. Этотъ потомокъ «крѣпкихъ и суровыхъ крестьянъ верхняго Фореза» («Отрывки изъ воспоминаній», Revue Socialiste, январь 1906), спокойный, хладнокровный, вдумчивый и наблюдательный, убѣжденный въ томъ, что онъ принадлежитъ къ поколѣнію піонеровъ, обреченныхъ на гибель, «съ тактичной осторожностью, непогрѣшимой добродѣтелью и скромнымъ мужествомъ» преслѣдовалъ тяжелую, часто неблагодарную, а иногда столь бодрящую задачу рабочей организаціи. Въ 1866—1867 гг. Малонъ принималъ участіе во всѣхъ проявленіяхъ кооперативнаго движенія, которымъ тогда увлекались парижскіе рабочіе; «Revendication» въ Пюто, большая кооператива, процвѣтающая до сихъ поръ, въ значительной мѣрѣ является его дѣтищемъ.

Варленъ, его другъ и неразлучный товарищъ, представляетъ несомнѣнно самую привлекательную фигуру этого періода. Родившись въ Клэ (въ департаментѣ Сены-и-Марны) 5-го декабря 1839 года въ довольно зажиточной крестьянской семьѣ, онъ на тринадцатомъ году былъ отданъ въ ученіе къ переплетчику. Жадно стремясь къ пріобрѣтенію знаній, онъ началъ читать и изучать все, что казалось ему полезнымъ или прекраснымъ, даже латинскій и греческій языки; но суровая матеріальная нужда заставила его прекратить научныя занятія. «Хотя это произошло и не по моей винѣ, — говорилъ онъ впослѣдствіи, — но мнѣ крайне тяжело, что я ничего не знаю». И дѣйствительно, онъ обладалъ меньшими знаніями, чѣмъ Малонъ или Обри. «Онъ не обладалъ ни выдающейся умственной энергіей перваго, ни наблюдательностью и практическимъ смысломъ второго» (Ришаръ, loc. cit., стр. 650); но онъ отличался такой же простотой, мягкостью и преданностью дѣлу, а также вдумчивостью и настойчивостью. Стоило ему появиться въ какомъ-нибудь кружкѣ, чтобы сразу сдѣлаться всеобщимъ любимцемъ; тѣ, кто его зналъ, какъ, напримѣръ, Файе, сохранили воспоминаніе о живомъ взглядѣ его черныхъ глазъ, о широкомъ лбѣ, обрамленномъ густой шевелюрой, о его скромной и привѣтливой наружности. Искусный и цѣнный работникъ, онъ руководилъ въ 1864 году стачкой переплетчиковъ, и его товарищи въ знакъ трогательной благодарности преподнесли ему серебряные часы. Но съ этого момента передъ нимъ захлопнулись двери всѣхъ мастерскихъ; онъ поселился въ небольшой мансардѣ, въ домѣ № 33 на улицѣ Дофинъ и бодро принялся за дѣло, проводя часть ночи за переплетной работой, а днемъ ведя пропаганду и вербуя членовъ для Интернаціонала. Онъ основалъ общество «La Ménagère», а впослѣдствіи небольшой кооперативный ресторанъ «La Marmite», который сдѣлался очагомъ соціалистической пропаганды. Мы уже говорили о его защитительной рѣчи во время процесса второй парижской комиссіи Интернаціонала, рѣчи,

въ которой онъ разоблачилъ несправедливыя стороны современнаго общественнаго устройства; по выходѣ изъ тюрьмы онъ рѣшилъ снова приняться за дѣло. До 1868 г. онъ былъ только кооператоромъ и синдикалистомъ, а Малонъ даже находилъ его человѣкомъ безцвѣтнымъ; по вмѣстѣ съ Интернаціоналомъ онъ продѣлалъ цѣлую эволюцію, мало по малу понялъ, что кооперативная и синдикальная дѣятельность должны перейти къ болѣе высокой и широкой формѣ борьбы, и сдѣлался убѣжденнымъ «коллективистомъ».

Таковы были тѣ люди, которые въ лихорадочный періодъ конца Имперіи стремились посреди общаго разлива революціоннаго движенія осуществить коренное преобразованіе общества. Въ то время, какъ смѣнялись одно другимъ такія бурныя событія, какъ майскіе выборы 1869 г., агитація наканунѣ 26 октября, дополнительные выборы въ ноябрѣ, убійство и похороны Виктора Нуара, стачка въ Крезо, плебисцитъ, — событія, волновавшія общественное мнѣніе, а иногда приводившія въ сильнѣйшее возбужденіе массу, то осторожную, то смѣлую, чутко ловившую слухи, они обдумывали тѣ средства и формы повседневной дѣятельности, съ помощью которыхъ они могли бы ускорить «коренной переворотъ въ современномъ порядкѣ вещей и, если возможно, немедленное примѣненіе коммунистическихъ теорій» (Письмо Малона къ Ришару отъ 28 марта 1869 года). Въ эти дни глубокаго волненія и лихорадочной горячки эта маленькая группа представляла истинно соціалистическія стремленія во всей ихъ чистотѣ; она пыталась дать движенію, исходившему изъ крупныхъ городовъ, сплоченность и единство, которыя помѣшали бы ему сбиться на демагогическій путь или же застрять на стадіи чисто политическихъ стремленій. Такъ какъ и здѣсь мы лишены возможности на нѣсколькихъ страницахъ детально описать массу событій и всевозможныхъ манифестацій, заполняющихъ эти 18 мѣсяцевъ, то мы позволимъ себѣ просто излагать ихъ параллельно съ описаніемъ дѣятельности этой соціалистической группы. Документы, захваченные полиціей и обнародованные во время третьяго процесса Интернаціонала (Troisième procès de l'Internationale, Paris, 1870); документы, собранные Джемсомъ Гильомомъ (L'Internatinale. томъ I); наконецъ и главнымъ образомъ обширная переписка, предоставленная въ наше распоряженіе товарищемъ Альберомъ Ришаромъ, дали намъ возможность взглянуть съ нашей точки зрѣнія на послѣдніе моменты Второй Имперіи.

Приступая къ новой пропагандистской кампаніи въ концѣ 1868 года, интернаціоналисты очутились передъ совершенно новымъ положеніемъ вещей. Старое представленіе объ изолированной и замкнутой рабочей организаціи, составленной изъ постоянныхъ членовъ, словомъ, о такой организаціи, какой хотѣла быть первая парижская группа, теперь оказалось устарѣлымъ. Для того, чтобы оказать воздѣйствіе на революціонную массу, необходимо было прибѣгнуть къ новымъ методамъ дѣятельности.

Народныя собранія, начиная съ іюня, по прежнему оставались въ модѣ: народу не наскучило это новое развлеченіе, дававшее ему возможность говорить, спорить и мыслить. Дѣятели Интернаціонала поняли, что прежде всего необходимо направить свои усилія въ эту сторону. Они буквально разрывались на части. «Немедленно по возвращеніи съ Брюссельскаго конгресса, — пишетъ Малонъ, — они провозгласили грядущее наступленіе соціализма на народныхъ собраніяхъ и развивали его основные принципы.

Коммунизмъ, который буржуазія думала похоронить подъ іюньскими мостовыми, возсталъ въ еще болѣе грандіозномъ видѣ и открыто заявилъ, что будущее принадлежитъ ему». 27 ноября Дюпонъ изъ Лондона писалъ Мюра, по прежнему исполнявшему обязанности парижскаго корреспондента Международной Ассоціаціи: «Я уже зналъ по газетамъ, что митингами руководитъ Интернаціоналъ... Вы хорошо дѣлаете, что не оставляете поля битвы, ваше положеніе людей, пострадавшихъ за дѣло, придаетъ вамъ бо̀льшій вѣсъ въ глазахъ рабочихъ, воспользуйтесь же этимъ преимуществомъ для пропаганды нашихъ идей...».

Итакъ, въ разсматриваемое время интернаціоналисты старались дѣйствовать путемъ пропаганды на народныхъ собраніяхъ. Для такой пропаганды не требуется ни бюро, ни комиссій; достаточно группы активныхъ и стойкихъ товарищей. Правда, Дюпонъ запрашивалъ изъ Лондона, нельзя-ли «найти какой-нибудь зацѣпки для возстановленія бюро», и явно хотѣлъ бы возникновенія во Франціи болѣе правильной организаціи (Третій процессъ, стр. 11); но французы, повидимому, мало этимъ интересовались; въ то время для нихъ важнѣе всего было добиться «революціи въ головахъ», а для этого имъ, кажется, достаточно было народныхъ собраній.

И дѣйствительно, вся эта пропаганда, повидимому, скоро принесла свои плоды. Опредѣленностью своихъ взглядовъ и неослабнымъ вниманіемъ къ повседневнымъ событіямъ рабочей жизни сторонники Интернаціонала вскорѣ добились широкаго вліянія на парижскихъ рабочихъ. 16 марта 1869 года другъ Малона, Комбо, писалъ въ газетѣ Романской федераціи L'Egalité: «Международная Ассоціація рабочихъ никогда съ такимъ успѣхомъ не дѣйствовала во Франціи, какъ послѣ своего распущенія... И дѣйствительно, въ теченіе трехъ лѣтъ, затраченныхъ нами на основаніи нашей Ассоціаціи и на пропаганду ея принциповъ, намъ удалось сгруппировать самое незначительное число сторонниковъ; наше матеріальное и моральное вліяніе всегда оставалось крайне ограниченнымъ. Въ настоящее же время, когда у насъ нѣтъ уже ни организаціи, ни правильнаго существованія, достаточно было одному члену Интернаціонала получить воззваніе отъ базельской секціи, чтобы немедленно начались денежные сборы на народныхъ собраніяхъ и чтобы всѣ корпораціи открыли подписку... Вотъ почему распущеніе парижскаго бюро можетъ быть признано худомъ не безъ добра, такъ какъ оно привело къ распаденію постоянной группы, состоявшей изъ нѣсколькихъ сотъ членовъ, но зато принципіально и фактически привлекло на нашу сторону (правда, въ неоформленномъ видѣ) всѣ мыслящіе и активные элементы парижскаго трудящагося населенія». Въ другомъ письмѣ, помѣченномъ 30 марта, другой парижскій корреспондентъ, вѣроятно Варленъ, писалъ: «восьмимѣсячные дебаты на народныхъ собраніяхъ вскрыли тотъ поразительный фактъ, что большинство рабочихъ, активно стремящихся къ общественному преобразованію, раздѣляютъ коммунистическіе взгляды» (Джемсъ Гильомъ, 1ос. сіі., I, 142). «Народныя собранія въ Парижѣ,— говорилъ еще около того же времени Малонъ,—все время играли революціонизирующую роль. Вначалѣ проникнутыя духомъ буржуазныхъ экономистовъ, затѣмъ окрашенныя мютюэлизмомъ, еще позже неопредѣленнымъ соціализмомъ, они все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ окраску революціоннаго коммунизма» (письмо къ Ришару отъ 28 марта 1869 г.).

Собственно говоря, моментъ, во время котораго велась эта активная пропаганда, былъ не изъ совсѣмъ благопріятныхъ. Приближались выборы,

и многимъ казалось, что пропаганда соціалистовъ способна сыграть въ руку императорскому правительству. Выше мы уже разсказывали о томъ, какъ императорскіе суды съ февраля по май 1869 года сыпали обвинительными приговорами противъ ораторовъ, выступавшихъ на народныхъ собраніяхъ, съ цѣлью опредѣленно подчеркнуть, что правительство Наполеона по прежнему стоитъ на стражѣ порядка и собственности, и какъ г. Витю, этотъ Ромье Имперіи періода упадка, силился раскрыть глаза крестьянамъ на эксцессы, подготовляемые коммунистами. Какъ мы видѣли, самъ Гамбетта выступалъ противъ «демагогической политики», рискуя возбудить подозрѣніе, что и онъ самъ не болѣе, какъ самый заурядный кандидатъ. Итакъ, въ дѣлѣ распространенія своихъ идей соціалисты не могли встрѣтить со стороны республиканцевъ дружеской поддержки, на которую они въ правѣ были разсчитывать. Даже такіе люди, которые, какъ напримѣръ Шассенъ, основатель «Демократіи», повидимому, сочувствовали соціальнымъ идеямъ и любили ссылаться на всѣ старыя школы, исключали изъ своей республики коллективистовъ и коммунистовъ. Это скоро пришлось испытать на своей шкурѣ Альберу Ришару; когда онъ послалъ Шассену отчетъ о Брюссельскомъ и Бернскомъ конгрессахъ, послѣдній отвѣтилъ: «Я получилъ вашу статью и совершенно открыто признаю ее невозможной. Оба конгресса сильно эксплуатировались и до сихъ поръ эксплуатируются нашими противниками. Если вамъ хочется возбудить ненависть противъ республики и снова толкнуть деревни, т. е. подавляющее большинство французскаго народа, въ лагерь бонапартизма, то говорите о коммунизмѣ и о коллективизмѣ. Я заявилъ вамъ это громогласно и повторяю: ошибка большинства соціалистическихъ рабочихъ заключается въ томъ, что они считаютъ только себя жертвами соціальной несправедливости; забывать о земледѣльческихъ рабочихъ и говорить о захватѣ ихъ земли (или о предоставленіи ея въ общее пользованіе, что одно и то же) значитъ возстановлять ихъ противъ революціи» (письмо, сообщенное Альберомъ Ришаромъ и помѣченное 22 октября 1868 года).

Но независимо отъ этого упорнаго недовѣрія республиканцевъ-несоціалистовъ, избирательная компанія, выдвигавшая на первый планъ борьбу противъ ненавистнаго правительства, сама по себѣ должна была причинить ущербъ пропагандѣ, которая съ такимъ успѣхомъ велась въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ.

Рабочій классъ готовился къ выборамъ еще съ бо̀льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ 1863 году: повсюду основывались комитеты; на этотъ разъ избиратели намѣрены были дѣйствовать самостоятельно, выбирать своего кандидата и требовать отъ него признанія опредѣленной программы. Но программа главнымъ образомъ и сводилась къ тому, чтобы прежде всего учинить пакость Имперіи. Сторонники бойкота выборовъ должны были теперь имѣть еще меньше успѣха, чѣмъ въ 1863 году; самоустраненіе (и это слѣдуетъ признать) теперь уже не было настолько умѣстно и не могло привести ни къ какимъ практическимъ результатамъ. «Широкія массы,—писалъ Малонъ Ришару 17 апрѣля 1869 года,—не могутъ подняться до моральной высоты воздержанія. Серьезно разсчитывать можно только на бельвильскихъ коммунистовъ. Либералы (а ихъ много) неисправимы; позитивисты (они пользуются вліяніемъ) по уши погрязли въ своей системѣ, недоступной для профановъ; прудонисты (ихъ также довольно много) полагаютъ, что одна

отмѣна статьи 291 уже дѣлаетъ возможнымъ соціальное обновленіе: вотъ почему буржуазія относится къ нимъ безъ того ужаснаго отвращенія, которое ей внушаютъ коммунисты. Кооператоры (ихъ пожалуй наберется тысячъ тридцать) по прежнему вѣрятъ въ возможность мирной революціи и, подобно прудонистамъ и Бакунину, не вѣрятъ въ дѣйствительность политическаго переворота; во всякомъ случаѣ, если они даже не отрицаютъ его такъ опредѣленно, какъ нашъ несовсѣмъ послѣдовательный казакъ, то не придаютъ ему особеннаго значенія.—Чтобы дать тебѣ болѣе точное представленіе о настроеніи умовъ въ Парижѣ, скажу, что половина рабочихъ требуетъ свободы,тогда какъ четверть болѣе или менѣе рѣшительно требуетъ равенства; послѣдняя четверть, истощенная, забитая или погрязшая въ порокахъ, проявляетъ полнѣйшій индифферентизмъ и примкнетъ къ мнѣнію сильнѣйшей стороны».

Однако выборы приближаются; республиканская партія въ Парижѣ дѣйствуетъ крайне энергично; правительство даже отказывается отъ выставленія оффиціальныхъ кандидатуръ въ столицѣ. Успѣхъ оппозиціи настолько несомнѣненъ, что отдѣльныя фракціи рѣшаются выставлять своихъ кандидатовъ одна противъ другой. Верморель выпускаетъ противъ выходящихъ либеральныхъ депутатовъ свои суровые и горячо написанные памфлеты: «Дѣятели 1848 года» и «Дѣятели 1851 года»; другіе соціалисты вмѣстѣ съ нимъ требуютъ, чтобы неспособные реакціонеры, сидящіе на лѣвой, были замѣнены рабочими депутатами, способными обсуждать рабочіе вопросы. Но не ихъ борьба волнуетъ общество; избирательный корпусъ больше всего мучается вопросомъ, кто одержитъ верхъ: ренегаты, открыто перешедшіе на сторону Имперіи, боязливые республиканцы или «непримиримые». Вечеромъ 24 мая толпа нетерпѣливо будетъ ждать исхода борьбы между Гамбеттой, героемъ Боденовскаго процесса, и Карно; между Жюлемъ Ферри и Геру; между Банселемъ и Оливье; между Рошфоромъ и Жюлемъ Фавромъ.

Можно было бы сказать, что въ этой политической сутолокѣ, гдѣ нѣкоторые изъ наиболѣе прославленныхъ представителей демократической буржуазіи, какъ напримѣръ Гамбетта, вынесенные на гребнѣ народной волны, ясно предвидятъ будущее и точно опредѣляютъ обязанности республиканскаго правительства, дѣятели Интернаціонала, обыкновенно столь практичные и проницательные, чувствуютъ себя какъ бы сбитыми съ толку. Малонъ застылъ на устарѣлой идеѣ бойкота выборовъ: онъ предлагалъ Ришару ограничиться изданіемъ бойкотистскаго манифеста, подписаннаго секціями Парижа, Ліона, Марселя и Руана (17 апрѣля 1869 года). Варленъ же давно уже подумывалъ о возвращеніи къ идеѣ рабочихъ кандидатуръ; такъ, 8 января онъ писалъ Обри: «Что касается рабочей кандидатуры, то я съ удовольствіемъ вижу, что вы рѣшились ее выставить. Ліонъ уже высказался въ этомъ смыслѣ, а Марсель обратился къ намъ съ запросомъ о положеніи дѣлъ. Я надѣюсь, что мы скоро столкуемся по этому предмету и что, несмотря на бойкотистское настроеніе заядлыхъ прудонистовъ, мы начнемъ на избирательной аренѣ борьбу съ буржуазными республиканцами всякихъ оттѣнковъ, для того, чтобы наглядно подчеркнуть разрывъ между народомъ и буржуазіей».

Несмотря на сопротивленіе Малона, который пытался увлечь различныя секціи на путь демонстративнаго бойкота, большинство примкнуло къ мысли Варлена. Но соціалистическіе дѣятели, выставившіе свои кандидатуры въ

различныхъ мѣстахъ, не встрѣтили въ своей избирательной кампаніи того сочувствія и той поддержки, которыя они встрѣчали въ рабочихъ массахъ. напримѣръ, во время стачекъ. Правда, избиратели охотно признавали правоту соціалистической критики, направленную противъ слишкомъ умѣренныхъ изъ выходящихъ депутатовъ, какъ напримѣръ противъ Жюля Фавра, Карно и Гарнье-Пажеса, но, стремясь провалить этихъ людей, они имѣли главнымъ образомъ въ виду открыто подчеркнуть свою непримиримую оппозицію противъ Имперіи, а избирать они намѣрены были *завѣдомыхъ* враговъ Имперіи и даже императора, Гамбеттъ и Рошфоровъ. У рабочихъ кандидатовъ, даже у такихъ популярныхъ, какъ Бріонъ, герой народныхъ собраній, выставившій свою кандидатуру въ Парижѣ. было очень мало шансовъ на успѣхъ.

Вотъ почему чисто рабочая струйка совершенно терялась среди могучаго избирательнаго потока; а дѣятели Интернаціонала слишкомъ хорошо понимали психологію массоваго движенія, чтобы долго оставаться при безплодныхъ методахъ борьбы, какъ напримѣръ бойкотъ или рабочія кандидатуры.

Сторонники того и другого метода не замедлили отказаться отъ рабочихъ кандидатуръ и начали склоняться къ той мысли, что необходимо поддерживать наиболѣе радикальныхъ кандидатовъ, ограничиваясь изложеніемъ своихъ собственныхъ взглядовъ и предъявленіемъ опредѣленныхъ условій кандидатамъ лѣвой. 10 февраля 1869 года Аристидъ Рей писалъ по этому поводу Ришару: «Что слышно о кандидатурѣ? Черкни мнѣ по этому поводу нѣсколько строкъ. Какъ я тебѣ говорилъ, я считаю ее неумѣстной. Мы уже скомпрометтировали себя въ этой исторіи, и теперь намъ слѣдуетъ достойно выбраться изъ нея путемъ какого-нибудь письма или манифестаціи».

А черезъ нѣсколько дней, когда Ришаръ, въ виду совершенно равнодушнаго отношенія публики къ идеѣ рабочихъ кандидатуръ, началъ склоняться къ бойкоту выборовъ, Рей писалъ ему: «Хорошенько взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я прихожу къ тому выводу, что въ настоящее время мы не должны говорить о воздержаніи отъ голосованія,—и это по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, мнѣ кажется, что массу тянетъ къ участію въ выборахъ. По нѣкоторымъ признакамъ можно предполагать, что въ маѣ будетъ имѣть мѣсто общая мобилизація всѣхъ дѣятелей 1848 года. За этимъ движеніемъ пойдетъ старъ и младъ. Теперь въ бой возвращаются люди, побѣжденные двадцать лѣтъ тому назадъ. Дѣло идетъ еще не объ идеѣ нашего времени, а на арену выступаетъ пока еще не молодое поколѣніе. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но не слѣдуетъ забывать, что теперь мужество возвращается въ сердца сомнѣвавшихся, что люди, нѣкогда успокоившіеся въ ожиданіи нашего прихода, но не дождавшись его и не сумѣвши насъ понять, снова хватаются своими старческими руками за шпагу, поднять которую до сихъ не сумѣла ни одна рука со времени іюньскаго пораженія и декабрьской бойни. Къ чему все это приведетъ? По моему, ровно ни къ чему. Эти люди, которые ничему не научились, хотя ничего и не забыли, растратятъ свою страсть въ краснорѣчивой болтовнѣ и напрасныхъ жалобахъ. Оказавшись въ молодости неспособными помѣшать возникновенію Имперіи, они въ старости будутъ безсильны ее низвергнуть. Незнакомые съ современной постановкой общественныхъ вопросовъ, они будутъ ставить ихъ съ той точки зрѣнія, на которой они стояли двадцать лѣтъ тому назадъ. Широкая публика, которая также не располагаетъ достаточными свѣдѣніями, но которая чутьемъ разбирается въ вопросахъ, не станетъ интересо-

ваться ихъ выступленіемъ; и увлечь ее будетъ трудно. Избиратели будутъ оказывать династическую оппозицію, одни въ пользу королевскихъ династій, а другіе въ пользу республиканскихъ династій; что же касается революціи и основныхъ ея принциповъ, то о нихъ не будетъ рѣчи. Либералы-орлеанисты и либералы-республиканцы встрѣтятся на общей почвѣ, фатально объединенные общей борьбой противъ цезаристскаго самовластья. Революція будетъ хранить безмолвіе. Въ маѣ произойдетъ великая мобилизація старыхъ свѣтилъ и новое восхожденіе потухшихъ звѣздъ: Франція схватится за свои старыя флейты и дудки и за свои литавры, чтобы устроить кошачій концертъ Имперіи. Выдвигать соціальный вопросъ въ такой моментъ и въ такой средѣ я считаю невозможнымъ и неумѣстнымъ. Сумѣемъ выждать.

«Такова объективная точка зрѣнія на положеніе вещей, какъ сказали бы нѣмцы. Но объективная точка зрѣнія представляется подъ совершенно другимъ угломъ: массы хотятъ вотировать противъ Имперіи; замѣчается общее пробужденіе общественнаго мнѣнія, въ этомъ невозможно сомнѣваться. Теперь даже самые индифферентные люди начинаютъ интересоваться общественными дѣлами; Франціи паскучило бездѣйствіе.

«Но если мы, никогда не перестававшіе дѣйствовать, настолько сознательны и увѣрены въ самихъ себѣ, что не нуждаемся въ боевой выучкѣ посредствомъ мелкихъ стычекъ и въ искусственномъ возбужденіи посредствомъ трезвона и шума, то того же самаго нельзя сказать о вчерашнихъ индифферентистахъ, о тѣхъ людяхъ, которыхъ мы разбудили, рискуя вызвать съ ихъ стороны свистки, о людяхъ, которые приходятъ въ движеніе только въ эпохи общаго подъема, которые не обладаютъ ни личной мыслью, ни убѣжденіями, укрѣпленными наукой или необходимостью, о людяхъ, страсть которыхъ не имѣетъ индивидуальнаго характера, а энергія лишена иниціативы. Не забудемъ, что такихъ людей необходимо постоянно возбуждать, расшевеливать, увлекать и разжигать, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ. И если когда-нибудь ими овладѣваетъ какая-нибудь страсть или повальное возбужденіе, мы не только не должны ихъ сдерживать, но, напротивъ, мы должны ихъ сильнѣе возбуждать, дать имъ какой-нибудь лозунгъ, какъ бы мало онъ ни интересовалъ насъ самихъ, лишь бы онъ ихъ могъ заинтересовать и не противорѣчилъ бы нашимъ стремленіямъ, хотя бы и не стоялъ на высотѣ нашихъ задачъ. Ибо нѣтъ ничего хуже индифферентизма и бездѣйствія. Имъ хочется дѣйствовать и вотировать, ну и пусть себѣ вотируютъ. Вѣдь сколько бы мы ни пыжились, мы ихъ отъ этого не отклонимъ; постараемся же, по крайней мѣрѣ, обратить ихъ дѣйствія въ пользу республики, направляя ихъ стремленія въ этомъ смыслѣ. Постараемся помѣшать тому, чтобы завтрашній врагъ овладѣлъ передовыми позиціями подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ борется противъ нашего сегодняшняго врага, и чтобы господа орлеанисты и господа республиканцы изъ школы Фавровъ и Симоновъ не могли грызть каштановъ, вытащенныхъ изъ огня нашими руками.

«Второй доводъ: даже наши товарищи, повидимому, сильнѣе склоняются къ участію въ голосованіи, чѣмъ мы думаемъ; такъ напримѣръ, «Ліонскій Прогрессъ» сообщаетъ, что кандидатура Распайля насчитываетъ множество сторонниковъ; совѣтъ воздержаться отъ голосованія былъ бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

«Ты видишь, мой дорогой другъ, что поскольку рѣчь шла обо мнѣ, вопросъ сводился къ личнымъ колебаніямъ, но я прекрасно понимаю, что

люди будутъ вотировать и что ихъ отъ этого не удержишь, такъ какъ они рѣшительно неспособны воздержаться отъ голосованія. Впрочемъ, если бы дѣло обстояло иначе, часъ революціи былъ бы близокъ».

Мы видимъ такимъ образомъ, что, вопреки своимъ личнымъ взглядамъ и симпатіямъ, дѣятели Интернаціонала сознательно принимали ту тактику, которая, по ихъ мнѣнію, должна была скорѣе всего привести пробужденную массу къ соціальной республикѣ.

Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ въ Руанѣ Обри, который, впрочемъ, ограничился выставленіемъ программы рабочихъ требованій. Въ Марселѣ старый эмигрантъ Лебаллэръ-Вилье выставилъ свою кандидатуру противъ Гамбетты, но самъ Бастелика сообщалъ въ своихъ письмахъ, что подастъ свой голосъ за «трибуна». Въ Ліонѣ подумывали было о рабочихъ кандидатурахъ, но вскорѣ Бансель выставилъ свою кандидатуру, и республиканскій энтузіазмъ, который она возбудила среди ліонскихъ избирателей, заставилъ соціалистовъ поколебаться. «Задавши себѣ вопросъ, — разсказываетъ Ришаръ въ своей брошюрѣ «Le Socialisme à propos des élections de 1869» (Lb 56/2333), — должны-ли они совершенно не считаться съ этимъ широкимъ политическимъ движеніемъ и въ случаѣ нужды тормозить его для того, чтобы прямо идти къ своей собственной цѣли, т. е. къ освобожденію труда, они дали на него отрицательный отвѣтъ». Инстинктивно соціалисты сначала хотѣли было сдѣлать такой шагъ, какой подсказывался имъ закоренѣлымъ недоброжелательствомъ и враждой ліонскихъ республиканскихъ вожаковъ; но по здравомъ размышленіи они остановились на лучшей политикѣ, на политикѣ использованія массоваго движенія, которую такъ искусно проводили парижскіе рабочіе. Ліонскіе соціалисты чувствовали такъ же мало расположенія къ воздержанію, какъ и остальные ихъ товарищи. Они помнили, что Бансель представляетъ политическую свободу, и что политическая свобода необходима для развитія соціализма; поэтому они рѣшили поддержать знаменитаго эмигранта, но взамѣнъ потребовали отъ него признанія трехъ пунктовъ ихъ собственной программы, трехъ требованій, которыя казались имъ основными условіями соціальной свободы: прогрессивно-подоходнаго налога, отмѣны государственныхъ монополій и учрежденія третейскихъ судовъ, которые должны были разбирать споры между хозяевами и рабочими, устанавливать размѣръ заработной платы и продолжительность рабочаго дня и, наконецъ, — «обезпечить работу всякому гражданину, если понадобится, даже на счетъ капиталистовъ». Хотя Бансель сдѣлалъ нѣкоторыя оговорки, тѣмъ не менѣе интернаціоналисты могли признать его своимъ кандидатомъ. Наконецъ въ Парижѣ, гдѣ прудонисты еще оставались на точкѣ зрѣнія рабочихъ кандидатуръ, выставивши напримѣръ кандидатуру Бріона, коллективисты заботились только объ одномъ, а именно о томъ, чтобы «соціалистическая партія громко заявила о своемъ существованіи». Главной задачей они признавали формулировку соціалистическихъ требованій и съ этой цѣлью издали манифестъ, подписанный членами Интернаціонала, въ томъ числѣ Бурдономъ, Фрюно, Элиономъ, Параномъ и Варленомъ. Они требовали соглашенія между всѣми соціалистами въ цѣляхъ выработки «общей программы» и въ видѣ матеріала для такой программы сформулировали тринадцать неотложныхъ реформъ, куда входили: отмѣна постоянныхъ армій, уничтоженіе бюджета культовъ, выборность судей, введеніе прогрессивно-подоходнаго налога, «экспропріація всѣхъ финансовыхъ компаній и

передача банковъ, каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, транспортнаго дѣла, страхованія и рудниковъ въ руки націи и превращеніе ихъ въ общественныя службы».

Какъ извѣстно, выборы закончились полной побѣдой республиканцевъ. Въ Парижѣ избраны были Гамбетта, Бансель, Пикаръ, Распайль, Ферри, Жюль Фавръ, Жюль Симонъ и Пельтанъ. Число голосовъ, поданныхъ за оппозицію во всей Франціи, свидѣтельствовало о значительномъ ея усиленіи: во время выборовъ 1863 года правительственные кандидаты получили 5.300.000 голосовъ, а кандидаты оппозиціи 2.000.000; въ 1869 году кандидаты правительства получили только 4.438.000 голосовъ, а оппозиція 3.355.000. Правительство потеряло 662.000 голосовъ, а оппозиція выиграла 1.350.000.

Но враждебная Имперіи оппозиція усилилась не только въ численномъ отношеніи, но и въ смыслѣ энергіи. Въ общемъ орлеанистскіе и либеральные кандидаты были далеко опережены демократической оппозиціей; умѣренные оппозиціонеры поколѣнія Пяти, пытавшіеся приспособиться къ условіямъ неограниченной Имперіи, теперь уступили мѣсто республиканцамъ 1848 и 1851 года или молодымъ «непримиримымъ». Избиратели, на этотъ разъ воспользовавшіеся своимъ избирательнымъ правомъ свободно и самостоятельно, постарались превратить выборы въ торжественный протестъ противъ господствующаго режима, въ революціонную манифестацію (подробности см. у Чернова, loc. cit., Глава XV: «Выборы 1869 года въ Парижѣ и департаментахъ»).

Можно сказать, что соціалисты не добились того успѣха, на который они разсчитывали. Въ общемъ интернаціоналисты чувствовали себя удовлетворенными. Въ цитированной уже нами брошюрѣ о соціализмѣ во время выборовъ 1869 г. Альбертъ Ришаръ писалъ: «Въ общемъ и цѣломъ соціалисты не могутъ быть недовольны достигнутыми результатами. Въ Парижѣ выставлены были опредѣленно радикальныя программы и нѣкоторыя изъ нихъ собрали тысячи сторонниковъ». За отсутствіемъ депутатскихъ мѣстъ соціалисты подсчитываютъ свои голоса; въ особенности же они были довольны успѣхомъ радикальныхъ и непримиримыхъ республиканцевъ, успѣхомъ, въ которомъ они усматривали залогъ своей грядущей побѣды: «Соціалисты-политики,—писалъ Малонъ черезъ нѣсколько дней послѣ перваго избирательнаго тура,—ликуютъ. Либералы уничтожены, они признаютъ себя побѣжденными (см. «La Liberté», «Le Constitutionnel», «Paris», «Le Journal de Paris», «L'Opinion Nationale» и пр.) и упрекаютъ правительство въ томъ, что оно своимъ безтактнымъ и вызывающимъ поведеніемъ доставило побѣду соціалистамъ-революціонерамъ. На мой взглядъ, самой счастливой стороной этихъ выборовъ является полное банкротство либеральной прессы. Парижане такъ же интересовались списками журналистовъ, какъ прошлогоднимъ снѣгомъ, о чемъ наглядно свидѣтельствуетъ провалъ Гарнье-Пажеса, Карно, Жюля Фавра и пр. Что же касается радикальной прессы, то комичное пораженіе Бодена могло бы пойти въ прокъ, если бы эта соціальная язва, которая называется буржуазіей, могла извлекать какіе-либо уроки изъ событій. Но довольно толковать о выборахъ, не правда ли? Если намъ не приходится особенно восторгаться ими, то съ другой стороны, у насъ нѣтъ никакихъ основаній особенно печалиться; революціонный радикализмъ всей тяжестью легъ на чашку вѣсовъ, а *вѣдь мы также прежде всего революціонеры*» (письмо къ Альберу Ри-

шару, 28 мая 1869 года). Таково было общее впечатлѣніе при извѣстіи объ исходѣ выборовъ. Джемсъ Гильомъ также писалъ въ своихъ швейцарскихъ горахъ: «Въ Парижѣ и въ Ліонѣ соціализмъ восторжествовалъ на выборахъ: буржуазная республика побита; Распайль, Бансель и Гамбетта избраны. Вотъ результатъ, способный произвести переворотъ въ судьбахъ Европы; лишь бы только наши друзья проявили достаточно благоразумія («L'Internationale», I, 158). Конечно, ни Бансель, ни Гамбетта не были соціалистами, но соціалисты надѣялись прорваться черезъ пробитую ими брешь.

Рѣчь идетъ о «благоразумныхъ» и сознательныхъ соціалистахъ, по крайней мѣрѣ, о тѣхъ, которые въ самомъ процессѣ буржуазно-революціоннаго движенія внимательно старались открыть средства, способныя ускорить осуществленіе своего идеала. Дѣло въ томъ, что имѣлись еще и другіе соціалисты, обладавшіе болѣе нетерпѣливымъ и рѣзкимъ темпераментомъ, менѣе склонные къ мелкой организаціонной и просвѣтительной работѣ, которыхъ выборы совершенно не удовлетворили. Пораженіе Альтона-Шэ, Распайля и Рошфора во время перебаллотировокъ въ Парижѣ привело многихъ пролетаріевъ въ состояніе крайняго раздраженія. Вечеромъ въ день выборовъ и въ слѣдующіе дни отъ 6 до 12 мая въ городѣ царило сильное волненіе: происходили манифестаціи, опрокидывались кіоски, разбивались фонари; между рабочими и полиціей происходили стычки. Правительство отвѣтило на эти безпорядки возбужденіемъ судебнаго преслѣдованія противъ газетъ: «Rappel» и «Réveil» и высылкой Клюзере.

Въ дни этихъ смутъ появились «бѣлыя блузы», зловѣщіе агенты-провокаторы, которые состояли на жалованьѣ у припертаго къ стѣнѣ правительства и которые съ этого времени вплоть до паденія Имперіи выползали изъ своихъ норъ во время всѣхъ безпорядковъ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что въ этихъ вспышкахъ, дѣйствительно, участвовали многіе озлобленные соціалисты; во время этихъ безпорядковъ въ значительномъ числѣ были арестованы члены Интернаціонала; и есть даже основаніе предполагать, что правительству особенно хотѣлось добраться именно до нихъ. Вплоть до амнистіи 15 августа, какъ это видно изъ переписки Варлена и Обри, семьи арестованыхъ получали пособіе отъ товарищей изъ различныхъ городовъ.

Но наиболѣе проницательные интернаціоналисты прекрасно понимали, что не избирательной борьбой имъ удастся привлечь и рѣшительно направить въ сторону соціализма рабочую массу. Только участіемъ въ стихійной классовой борьбѣ, въ непосредственной борьбѣ между капиталистами и наемными рабочими, какъ она проявлялась въ стачкахъ, только профессіональной организаціей рабочаго класса для этой борьбы соціалисты могли привить свои взгляды пролетарской массѣ. Развѣ въ предшествовавшіе годы Интернаціоналъ не обязанъ былъ началомъ своей популярности организаціи стачекъ, устройству подписокъ и раздачѣ пособій забастовщикамъ? И развѣ сама избирательная кампанія не могла возбудить сомнѣнія въ значеніи народныхъ собраній и въ прочности и глубинѣ вырабатывавшихся на митингахъ соціалистическихъ убѣжденій? Профессіональныя организаціи должны были доставить болѣе твердую почву для соціалистической пропаганды.

Теперь въ рабочемъ движеніи произошелъ поворотъ, неоднократно наблюдавшійся въ исторіи рабочаго класса: послѣ болѣе или менѣе горячаго увлеченія политической борьбой пролетаріи вернулись къ своимъ обычнымъ заботамъ и къ неизбѣжной борьбѣ съ хозяевами. 1869 годъ и особенно по-

слѣдніе его мѣсяцы отмѣчены были сильнымъ подъемомъ стачечнаго движенія. И на этотъ разъ забастовки обусловливались общими экономическими условіями, воздѣйствіемъ промышленнаго расцвѣта на пролетаріатъ, все больше и больше приходившій къ классовому самосознанію. При этомъ стачки наблюдались не только во Франціи; аналогичное движеніе происходило тогда въ Швейцаріи и въ Бельгіи.

Уже въ первые мѣсяцы 1869 года, еще до наступленія избирательнаго періода, разразилось нѣсколько конфликтовъ, привлекшихъ къ себѣ вниманіе общества, какъ напримѣръ, стачка нормандскихъ хлопчатобумажниковъ, которымъ пришли на помощь англійскіе трэдъ-юніоны (январь 1869), стачка прядильщиковъ шерсти въ Вьеннѣ, которымъ парижскіе рабочіе прислали субсидію слишкомъ поздно. Забастовки въ Швейцаріи и въ Бельгіи также сопровождались проявленіемъ международной солидарности.

Въ іюнѣ движеніе приняло болѣе широкіе размѣры. Луарскіе рудокопы, «братская касса» которыхъ, основанная въ 1866 году, не побоялась принять участіе въ избирательной кампаніи, начали борьбу за повышеніе заработной платы и за введеніе восьмичасоваго рабочаго дня. 11 іюня 1869 года стачка охватила почти весь луарскій бассейнъ, а 16 іюня между войсками и забастовщиками произошло кровавое столкновеніе: на Кентенскомъ рудникѣ въ Рикамари рабочіе потеряли 13 человѣкъ убитыми и 9 ранеными.

Черезъ нѣсколько недѣль въ Ліонѣ вспыхнула новая стачка среди сучильщицъ шелка, которая вызвали среди руанскихъ и марсельскихъ рабочихъ, примыкавшихъ къ Интернаціоналу, широкое движеніе солидарности въ пользу своихъ ліонскихъ сестеръ; Парижъ, истощенный многочисленными стачками, къ сожалѣнію, не могъ оказать имъ никакой помощи и выдать ссуды. Но лондонскій Генеральный Совѣтъ черезъ посредство Эженя Дюпона, генеральнаго секретаря для Франціи, послалъ забастовщикамъ адресъ, проникнутый горячимъ сочувствіемъ.

Аналогичные конфликты вспыхивали по всей странѣ, а среди консерваторовъ и имперіалистовъ прошелъ слухъ, что всѣ эти стачки начинаются по приказу какого-то таинственнаго комитета, подготовляющаго ниспроверженіе существующаго строя. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было; и переписка Варлена и Обри ясно показываетъ, съ какой озабоченностью и тревогой дѣятели Интернаціонала слѣдили за этимъ движеніемъ: «при видѣ такого множества вспыхивающихъ одновременно стачекъ,—писалъ Варленъ товарищу Обри 6 августа 1869 года,—мы боялись, что рабочіе въ большинствѣ случаевъ потерпятъ пораженіе. Къ счастью оказалось не такъ, особенно въ Ліонѣ, гдѣ всѣ цехи, проводившіе забастовку, добились десятичасоваго рабочаго дня. Я всегда признавалъ сокращеніе рабочаго времени болѣе важнымъ завоеваніемъ, чѣмъ повышеніе заработной платы; вы знаете почему.

«Что касается вашего предположенія, будто буржуазные элементы не были чужды двумъ третямъ стачекъ, происходившихъ за послѣднее время, то я придерживаюсь противоположнаго мнѣнія; но я не стану навязывать вамъ моего убѣжденія. У меня, какъ и у васъ, нѣтъ свободнаго времени для безконечной переписки по этому поводу. Если мы встрѣтимся въ Базелѣ или въ Парижѣ, то еще поговоримъ объ этомъ. Но если я отрицаю, что буржуа вмѣшивались въ стачки, то я охотно признаю, что они извлекли изъ этого движенія всю возможную выгоду для

того, чтобы взвалить всю отвѣтственность за него на наше политическое и соціальное устройство и, возбудивъ всеобщее недовольство, ускорить политическій переворотъ. Я не могу ни сожалѣть объ этомъ, ни порицать ихъ за это, такъ какъ въ данномъ случаѣ они дѣйствуютъ какъ въ своихъ, такъ и въ нашихъ интересахъ». (Третій процессъ Интернаціонала, стр. 21).

Во время всѣхъ этихъ забастовокъ активные соціалисты не сидѣли сложа руки. Ихъ роль все болѣе выяснилась: въ силу того самого представленія, которое рабочій классъ составилъ себѣ объ Интернаціоналѣ, они должны были поддержать борющихся рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ организовать ихъ и вовлечь въ надвигавшуюся широкую борьбу: «Вы намъ сообщите, — писалъ тотъ же Варленъ Обри (8 января 1869 года), — могутъ-ли ваши попытки воздѣйствовать на рабочихъ остальныхъ ситцевыхъ фабрикъ (чтобы убѣдить ихъ объявить забастовку) позволитъ намъ расчитывать на благопріятные результаты. Растолкуйте имъ, что они должны прежде поддержать другъ друга для того, чтобы заслужить помощь товарищей изъ другихъ странъ въ случаѣ, если борьба сдѣлается всеобщей. Въ особенности объясните имъ, что они должны сплотиться, проявить солидарность и вступить въ международный союзъ рабочихъ для того, чтобы обезпечить себѣ всеобщее содѣйствіе и справиться съ разными печальными случайностями». (Третій процессъ, стр. 18).

Мы видимъ такимъ образомъ, что вмѣшательство Интернаціонала въ стачки выражалось въ стремленіи развить профессіональную организацію рабочихъ. Не слѣдуетъ забывать, что Варленъ, Малонъ, Комбо, Камелина прежде всего были синдикалистами и членами обществъ сопротивленія и что они пришли къ пониманію и проведенію рабочей политики, рекомендованной Интернаціоналомъ, путемъ естественнаго расширенія своей профессіональной дѣятельности.

Въ разсматриваемый моментъ пролетаріатъ, повидимому, особенно склоненъ былъ прислушаться къ ихъ совѣтамъ и понять всю пользу синдикальной дѣятельности. Труды рабочей комиссіи и собранія въ пассажѣ Рауль дали новый толчекъ профессіональнымъ союзамъ. Въ періодъ 1868—1870 они находились въ стадіи сильнаго роста. Въ 1868 году организовались краснодеревцы, портные, маляры и механики; наканунѣ войны союзъ послѣднихъ насчитывалъ пять тысячъ членовъ. Въ 1869 году наступила очередь парижскихъ шляпочниковъ, ліонскихъ ткачей гладкаго бархата, парижскихъ плотниковъ и лиможскихъ гончаровъ (ср. Поль Луи, «Исторія синдикальнаго движенія во Франціи», стр. 126 и слѣд. франц. изд.).

Эти профессіональныя организаціи доставляли соціалистамъ новое поле дѣятельности, болѣе надежное, чѣмъ народныя собранія. Теперь вмѣсто разрозненныхъ рабочихъ они имѣли дѣло съ организованными пролетаріями, которыхъ они могли надѣяться привлечь всей массой къ Интернаціоналу, а значитъ и къ революціонной дѣятельности; теперь они намѣревались вербовать не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлые союзы. Правда, основано было нѣсколько рабочихъ кружковъ, которые имѣлось въ виду превратить въ новыя секціи Интернаціонала, какъ напримѣръ, «Кружокъ соціальнаго самообразованія», кружокъ «Объединенные рабочіе» и пр.; но не имъ принадлежало будущее: теперь задача Интернаціонала заключалась въ томъ,

чтобы постепенно добиться непосредственнаго присоединенія «кооперативныхъ обществъ» или выражаясь точнѣе, синдикатовъ.

Въ августѣ 1869 года союзъ литографовъ рѣшилъ присоединиться къ Интернаціоналу; союзъ переплетчиковъ, руководимый Варленомъ, давно уже входилъ въ составъ Международной Ассоціаціи, а съ теченіемъ времени цѣлый рядъ другихъ союзовъ началъ поговаривать о томъ же. Эта тенденція къ концу 1869 года проявилась съ такой силой, что Варленъ могъ заявить на Базельскомъ конгрессѣ, состоявшемся въ сентябрѣ, что по возвращеніи делегатовъ на родину къ Интернаціоналу, вѣроятно, примкнутъ многіе рабочіе союзы.

Но одного присоединенія союзовъ къ Международной Ассоціаціи было недостаточно; необходимо было создать почву для общихъ дѣйствій и, если такъ можно выразиться, придать солидарности болѣе правильное функціонированіе, чѣмъ устройство подписокъ, открываемыхъ время отъ времени. Типографскіе рабочіе еще прежде взяли на себя иниціативу прочнаго объединенія различныхъ профессій; они основали «Федеративную кассу пяти сантимовъ» или, какъ ее называли, «Кассу гроша (су)», участники которой обязывались вносить еженедѣльно по пяти сантимовъ; задача этой кассы заключалась въ выдачѣ ссудъ примыкающимъ къ ней союзамъ во время стачекъ.

Интернаціоналистамъ хотѣлось создать болѣе сильную организацію. Въ мартѣ 1869 года союзъ рабочихъ по бронзѣ, находившійся подъ ихъ вліяніемъ, представилъ рабочей комиссіи, еще не прекратившей своихъ засѣданій, проектъ устава «Федеральной камеры парижскихъ рабочихъ союзовъ». До конца года Федеральная камера окончательно еще не составилась, но съ мая начались собранія делегатовъ, дававшія парижскимъ союзамъ возможность предпринимать общія дѣйствія. Въ маѣ делегаты секцій и профессіональныхъ союзовъ, собравшіеся по приглашенію Варлена въ театрѣ Фоли-Бельвиль для рѣшенія вопроса о посылкѣ представителей на Базельскій конгрессъ, приняли кромѣ того проектъ синдикальной федераціи. «Это соглашеніе, гласилъ уставъ, имѣетъ цѣлью примѣнить на практикѣ средства, справедливость которыхъ признана рабочими всѣхъ профессій, способныя сдѣлать ихъ владѣльцами орудій производства и доставить имъ кредитъ, для того, чтобы они могли освободиться отъ произвола хозяевъ и отъ требовательности капитала... Федерація имѣетъ также цѣлью обезпечить каждому изъ примыкающихъ къ ней обществъ въ случаѣ стачки моральную и матеріальную поддержку остальныхъ союзовъ посредствомъ займовъ, заключаемыхъ за поручительствомъ занимающихъ обществъ». (Третій процессъ, стр. 30—31).

Представители различныхъ направленій, прудонисты и коллективисты, Толэнъ, Мюра и Варленъ, рука объ руку работали надъ укрѣпленіемъ этой чисто профессіональной организаціи, которая должна была мало по малу увеличить силы Интернаціонала.

20 іюня состоялось новое собраніе, на которомъ уже обсуждались текущія дѣла, какъ напримѣръ, забастовка ліонскихъ бронзовщиковъ. Но власти уже начали волноваться: имъ казалось, что правильно функціонирующій союзъ профессіональныхъ обществъ можетъ послужить удобнымъ прикрытіемъ для соціалистической и революціонной дѣятельности. Собранія были запрещены префектурой; префектъ и министръ не сочли нужнымъ отвѣтить на запросы о причинахъ этого распоряженія: тогда рабочіе обрати-

лись къ общественному мнѣнію (Третій процессъ, стр. 22). 12 сентября въ газетѣ «Siècle» напечатанъ былъ протестъ рабочихъ: «Быть или не быть,— говорили они,—какъ фактически, такъ и юридически—вотъ вопросъ; мы не можемъ дольше сносить это нелѣпое положеніе, которое на насъ—рабочихъ налагаетъ всѣ обязанности, а всѣ права предоставляетъ ничтожной кучкѣ. Поэтому, убѣжденные въ томъ, что никто не можетъ ограничить сферу нашего изученія и нашей дѣятельности, мы громко требуемъ, въ качествѣ изначальнаго и неотъемлемаго права, неограниченной свободы союзовъ и собраній и заявляемъ, что мы рѣшили всѣми средствами, находящимися въ нашемъ распоряженіи, продолжать обсужденіе проекта устава нашей федераціи» (Третій процессъ, стр. 31).

Въ разгаръ всѣхъ этихъ событій и всѣхъ этихъ организаціонныхъ попытокъ открылся четвертый конгрессъ Интернаціонала въ Базелѣ. Онъ продолжался отъ 6-го до 12-го сентября. Парижскіе рабочіе послали на этотъ конгрессъ большую делегацію; не всѣ организаціи, участвовавшія въ ихъ избраніи, примыкали къ Интернаціоналу, но делегаты обѣщали, что ихъ союзы цѣликомъ примкнутъ къ Международной Ассоціаціи, и были допущены на конгрессъ. Такимъ образомъ французская делегація удачно выражала характеръ новаго Интернаціонала, который являлся не столько правильной организаціей, сколько обширнымъ очагомъ пропаганды. Изъ 26 французскихъ делегатовъ слѣдуетъ назвать Обри, пріѣхавшаго съ двумя нормандскими товарищами, делегатами отъ Сотвиля и Эльбефа, Варлена, Ландрена, Мюра, Пенди, Франкена отъ союза литографовъ, прудониста Ланглуа, сапожника Шемалэ, Тартаре, Альбера Ришара и Бакунина, которые вмѣстѣ съ двумя другими товарищами представляли ліонскіе союзы, Будэ отъ лиможской секціи, наконецъ Толэна, который въ качествѣ мютюэлиста не могъ получить мандата отъ Парижа и представлялъ марсельскихъ булочниковъ.

Замѣчательно, что мютюэлисты, вліяніе которыхъ неудержимо падало, дѣлали въ Парижѣ отчаянныя усилія, чтобы добиться отъ рабочихъ обществъ своего избранія въ качествѣ делегатовъ на Базельскій конгрессъ. Въ письмѣ отъ 3 декабря, которое Малонъ переслалъ Ришару черезъ одного участника Базельскаго конгресса и въ которомъ онъ настоятельно рекомендовалъ ему потолковать съ Варленомъ, онъ сообщалъ, что мютюэлисты предлагали большимъ парижскимъ газетамъ назначить ихъ своими корреспондентами и оплатить имъ расходы по поѣздкѣ, надѣясь такимъ образомъ легче добиться мандатовъ отъ рабочихъ союзовъ; но «ихъ проектъ не совсѣмъ удался».— «Я думаю, — заключалъ Малонъ, — что въ концѣ концовъ большинство парижскихъ делегатовъ будетъ состоять изъ коллективистовъ».

И дѣйствительно, среди парижскихъ синдикатовъ коллективисты одержали верхъ, а черезъ нѣсколько дней они одержали также побѣду на самомъ конгрессѣ, гдѣ имъ удалось нанести прудонистамъ рѣшительное пораженіе.

Мы можемъ здѣсь только вкратцѣ привести резолюціи Базельскаго конгресса; впрочемъ, онѣ хорошо извѣстны.

Прежде всего конгрессъ, несмотря на настоянія стараго Риттингаузена, отказался обсуждать вопросъ о прямомъ народномъ законодательствѣ въ виду того, что этотъ вопросъ не стоялъ въ порядкѣ дня, а также въ виду того, что Интернаціоналъ по прежнему не желалъ «принимать участія въ какомъ бы то ни было политическомъ движеніи, которое не имѣетъ непосредственной и прямой цѣлью освобожденіе рабочаго класса». Но развѣ

прямое народное законодательство не стремится къ этой цѣли? Нѣкоторые, какъ напримѣръ Либкнехтъ, готовы были отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ; но большинство конгресса, проникнутое вѣрой въ быстрый ростъ Интернаціонала, этого государства въ государствѣ, полагало вмѣстѣ съ бельгійскимъ делегатомъ Гинсомъ, что недалекъ часъ, когда власть Международной Ассоціаціи займетъ мѣсто всѣхъ буржуазныхъ правительствъ «безъ различія формы и цвѣта», и что обсужденіе чисто политическихъ вопросовъ совершенно безплодно.

Затѣмъ началась схватка между мютюэлизмомъ и коллективизмомъ. Комиссія, выбранная для разсмотрѣнія вопроса о собственности, предложила конгрессу двѣ слѣдующія резолюціи:

«1) Конгрессъ заявляетъ, что общество въ правѣ отмѣнить частную собственность на землю и передать землю въ собственность всего общества;

«2) Онъ заявляетъ далѣе, что превращеніе земли въ коллективную собственность въ настоящее время безусловно необходимо».

Прудонисты снова пытались отстоять свои взгляды: справедливое вознагражденіе личнаго труда, взаимность услугъ и гарантій. Ихъ поводы оспаривались Люкрафтомъ, Лесснеромъ, Эккаріусомъ, Гинсомъ, незадолго до того признавшимъ необходимость коллективной собственности, и въ особенности Бакунинымъ, который въ убѣдительной формѣ развилъ тотъ взглядъ, что «такъ какъ производство возможно только благодаря сочетанію труда прошлыхъ поколѣній и живущаго поколѣнія, то въ сущности такъ называемаго индивидуальнаго труда никогда не существовало» (ср. Джемсъ Гильомъ, loc. cit., стр. 187). Первая резолюція была принята 54 голосами противъ 4, при 13 воздержавшихся и 4 отсутствовавшихъ, а вторая 53 голосами противъ 8, при 10 воздержавшихся и 4 отсутствовавшихъ. Изъ французскихъ делегатовъ Варленъ, Франкенъ, Дерепъ, Тартаре, Бакунинъ, Бурсо, Кутье, Альберъ Ришаръ, Паликсъ, Ш. Монье и Фуро вотировали за обѣ резолюціи; Толэнъ, Пепди, Шемалэ и Фрюно вотировали противъ, а остальные воздержались. Однако Мюра, Ланглуа и Пьетонъ, воздержавшіеся при голосованіи первой резолюціи, вотировали вмѣстѣ съ Толэномъ и его вѣрными сторонниками противъ второй.

Затѣмъ перешли къ обсужденію вопроса о наслѣдственномъ правѣ. Комиссія подъ вліяніемъ Бакунина, входившаго въ ея составъ, предложила конгрессу признать, «что право наслѣдованія должно быть цѣликомъ и радикально отмѣнено и что эта отмѣна составляетъ одно изъ основныхъ условій освобожденія труда». Напротивъ, Генеральный Совѣтъ устами Эккаріуса и подъ вліяніемъ Маркса заявилъ, что право наслѣдованія является простымъ *слѣдствіемъ* существующаго экономическаго строя, а отмѣна наслѣдственнаго права не можетъ послужить исходнымъ пунктомъ коренного преобразованія общества. Это соображеніе, проникнутое духомъ косности, съ тѣхъ поръ приводилось неоднократно.

Какъ бы тамъ ни было, ни одинъ изъ двухъ взглядовъ не получилъ абсолютнаго большинства; а если принять во вниманіе число отрицательныхъ голосованій (37 «нѣтъ» на 62 «вотировавшихъ»), то взглядъ Генеральнаго Совѣта слѣдуетъ даже признать отвергнутымъ.

Наконецъ мы укажемъ на послѣднюю резолюцію, касавшуюся обществъ сопротивленія. Этотъ вопросъ возбудилъ живой споръ (до сихъ поръ не утратившій значенія современности) между Толэномъ и Грейлихомъ, съ одной стороны, и Гинсомъ — съ другой: первые стояли на той точкѣ зрѣнія,

помимо профессіональныхъ отношеній, рабочій стоитъ къ гражданамъ другихъ общинъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, отнюдь не имѣющихъ чисто профессіональнаго характера,а отсюда они дѣлали тотъ выводъ, что союзы рабочихъ организацій не смогутъ превратиться въ правительство; напротивъ, Гинсъ, подобно современнымъ революціоннымъ синдикалистамъ, признавалъ профессіональное общество сопротивленія основной ячейкой будущаго строя. Но всѣ члены конгресса одинаково признавали необходимость энергично стремиться къ организаціи обществъ сопротивленія и къ объединенію ихъ въ національные профессіональные союзы; такъ какъ предложенная резолюція только объ этомъ и говорила, то она была принята единогласно.

Но какъ извѣстно, рабочіе конгрессы могутъ оказывать серьезное вліяніе на движеніе не содержаніемъ своихъ резолюцій и теоретическихъ заявленій, а прежде всего происходящимъ на нихъ сближеніемъ между партійными дѣятелями и пробуждаемыми ими въ сердцахъ чувствами вѣры и надежды. Въ Базелѣ Варленъ завязалъ тѣсную связь съ бакунистами и началъ принимать участіе въ глухой подпольной работѣ, которую эти революціонеры совершали въ нѣдрахъ Интернаціонала. Завязаны были и другія сношенія, убѣдившія французскихъ дѣятелей въ международномъ значеніи ихъ работы. Мютюэлисты и коллективисты одинаково признавали необходимость соціальной ликвидаціи; тѣ и другіе полагали, что она должна начаться во время политическаго переворота, направленнаго противъ Имперіи, въ близкомъ паденіи которой всѣ были увѣрены. Интернаціоналъ постановилъ, что слѣдующій конгрессъ состоится въ Парижѣ въ первый понедѣльникъ сентября. «Намъ не приходится,—писалъ тогда Джемсъ Гильомъ (ср. Интернаціоналъ, I, 195),—настаивать на значеніи этого рѣшенія. Близится часъ великаго политическаго, соціальнаго и религіознаго освобожденія!»

Нетрудно понять, въ какомъ настроеніи французскіе делегаты должны были возобновить свою работу послѣ этихъ встрѣчъ и послѣ долгихъ и страстныхъ бесѣдъ съ заграничными товарищами. Ихъ мужество получило новый толчекъ; ихъ задача казалась имъ тѣмъ болѣе великой и важной для грядущихъ судебъ всего міра, что они сознавали, съ какимъ жгучимъ интересомъ всѣ европейскіе рабочіе слѣдили за широкой революціонной борьбой, начинавшейся тогда во Франціи. Черезъ 27 лѣтъ Альберъ Ришаръ, составляя свою статью о «первыхъ шагахъ французской соціалистической партіи» (Revue politique et parlementaire, 1897, I, стр. 65), еще сохранялъ то впечатлѣніе, что «Базельскимъ конгрессомъ окончательно открылся революціонный періодъ, закончившійся Коммуной».

Въ тотъ моментъ, когда делегаты возвращались во Францію, т. е. въ серединѣ сентября 1869 года, политическая ситуація была неопредѣленной. Имперія по прежнему старалась выпутаться изъ затруднительнаго положенія, то пытаясь пробудить чувства, нѣкогда способствовавшія упроченію ея господства, то со скрежетомъ зубовнымъ соглашаясь на необходимыя уступки. Наканунѣ майскихъ выборовъ она, какъ мы видѣли, пыталась судебными преслѣдованіями, возбужденными противъ митинговыхъ ораторовъ, снова запугать общество краснымъ призракомъ и соціальной революціей. Но если либеральная буржуазія и боялась соціализма, то теперь она чувствовала себя достаточно сильной для его обузданія или залученія, не нуждаясь ни въ какихъ спасителяхъ. Несмотря на кампанію г. Витю,

Имперія насчитывала теперь въ Законодательномъ Корпусѣ около 90 представителей оппозиціи.

Тогда правительство попыталось послѣ выборовъ провоцировать безпорядки въ рабочихъ предмѣстьяхъ и, искусно играя ихъ негодованіемъ, запугать депутатовъ или, по крайней мѣрѣ, привлечь на свою сторону среднюю партію, поселивъ въ ней тревогу передъ излишествами свободы. Съ открытіемъ палатъ (28 іюня) 116 депутатовъ почти немедленно подписали требованіе запроса «о необходимости дать удовлетвореніе чувствамъ страны предоставленіемъ ей возможности болѣе дѣятельнаго участія въ управленіи государственными дѣлами».—«Назначеніе отвѣтственнаго министерства,—говорилось въ мотивировкѣ этого запроса,—предоставленіе Законодательному Корпусу права опредѣлять органическія условія своихъ работъ и своихъ сношеній съ правительствомъ являются мѣрами, существенно необходимыми для достиженія этой цѣли».

Вмѣстѣ съ 40 депутатами лѣвой средняя партія располагала большинствомъ. Поэтому императору волей-неволей приходилось дать ей, по крайней мѣрѣ, частичное удовлетвореніе.

12 іюля Руэръ взошелъ на трибуну и прочелъ посланіе Наполеона III, признававшее основныя положенія программы 116-ти. Законодательный Корпусъ становился дѣйствительнымъ парламентскимъ собраніемъ: онъ получалъ право самостоятельно выбирать свое бюро и вырабатывать свой внутренній регламентъ; право поправокъ, до тѣхъ поръ крайне ограниченное, предполагалось расширить и облегчить, а право интерпеляцій предполагалось расширить; наконецъ, бюджетъ отнынѣ долженъ былъ вотироваться не по большимъ отдѣламъ, а по отдѣльнымъ главамъ.

Итакъ, Имперія готовилась, повидимому, сдѣлать новый шагъ по либеральному пути, проложенному декретами 24 ноября 1860 года и императорскимъ письмомъ отъ 19 января 1867 года.

Но въ тотъ самый моментъ, когда императоръ, повидимому, склоненъ былъ сдѣлать новыя уступки, способныя привлечь къ нему либераловъ, онъ своими колебаніями и невыносимыми ограниченіями дарованныхъ правъ умудрился свести на нѣтъ всю выгоду, которую онъ могъ бы извлечь изъ этой реформы. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не только торжественно заявилъ, что намѣренъ сохранить неприкосновенными «прерогативы, которыя опредѣленно предоставлены ему были самимъ народомъ и которыя составляютъ основное условіе сохраненія порядка и общества»; онъ не только медлилъ призвать къ власти новыхъ людей, опредѣленныя убѣжденія которыхъ могли бы служить гарантіей его либеральной искренности, и составилъ временное переходное министерство, въ которомъ исчезновеніе Руэра и отмѣна должности государственнаго министра компенсировались сохраненіемъ Форкада де-ля-Рокета, этого героя оффиціальныхъ кандидатуръ; но въ тотъ самый моментъ, когда онъ провозглашалъ расширеніе правъ Законодательнаго корпуса, онъ съ поразительной наглостью отсрочилъ 13-го іюля засѣданія палаты, еще не успѣвшей даже закончить провѣрку депутатскихъ полномочій.

Правда, Сенатъ былъ созванъ на экстренную сессію ко 2-му августа; правда также, что предложенный на его обсужденіе проектъ не только не ограничивалъ обѣщаній, содержавшихся въ императорскомъ посланіи, но расширялъ ихъ, и что 6-го сентября въ Сенатѣ противъ этого проекта высказалось только три голоса; но увертки правительства и всѣ оговорки

и противорѣчія сенатусъ-консульта, на которыя во время дебатовъ въ Сенатѣ указалъ самъ принцъ Наполеонъ, отнюдь не могли успокоить республиканцевъ.

Отсрочка засѣданій Законодательнаго Корпуса лишній разъ ясно свидѣтельствовала о презрѣніи правительства къ всеобщему избирательному праву, разсыпанную храмину котораго съ такимъ трудомъ собирали республиканцы, желавшіе возстановить его во всей прежней силѣ. Ссылаясь на основной законъ 1852 года, депутатъ Кератри напомнилъ о томъ, что правительство въ случаѣ распущенія палаты обязано созвать новое собраніе въ шестимѣсячный срокъ; декретъ о распущеніи прежней палаты помѣченъ былъ 27 апрѣля; а такъ какъ сессія, открытая 28 іюня, была чисто фиктивной и не могла идти въ счетъ, то новая сессія должна была открыться не позже 26 октября. Нѣсколько депутатовъ присоединились къ протесту Кератри, а Гамбетта писалъ 1 октября въ «Avenir National», что необходимо «покончить съ препонами, для названія которыхъ нѣтъ словъ». Правительство отвѣтило созывомъ палатъ на 29-е ноября. Эта дата сочтена была вызовомъ; въ рядахъ республиканской партіи волненіе росло; Гамбетта заявилъ, что 26 октября онъ явится въ залъ засѣданій, и населеніе ждало бурнаго дня.

Но этого не случилось; республиканскіе депутаты поняли, что они рискуютъ преждевременно большой ставкой, и отступили. Но послѣ этого самые непримиримые республиканцы потеряли свой престижъ въ глазахъ соціалистовъ и крайнихъ революціонеровъ.

Послѣдніе съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за революціоннымъ движеніемъ, иниціативу котораго взяли на себя республиканскіе депутаты. Вернувшіеся изъ Базеля члены Интернаціонала готовились въ Ліонѣ и въ Марселѣ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. 6 октября, послѣ опубликованія письма Гамбетты, Бастелика писалъ Ришару: «Отвѣтьте мнѣ возможно скорѣе на слѣдующій вопросъ: можно ли разсчитывать на Ліонъ для объявленія всеобщей забастовки только на 26-ое октября?» Мысль о всеобщей революціонной забастовкѣ какъ о специфическомъ орудіи пролетаріата въ области политической борьбы, снова внезапно выдвинулась на сцену; теперь она уже не была случайной выдумкой какого-нибудь кабинетнаго мыслителя или изобрѣтательнаго журналиста, какъ въ 1852 году, но непосредственно вытекала изъ нѣдръ самаго рабочаго движенія.

Вотъ почему соціалисты, болѣе всѣхъ другихъ готовые къ непосредственнымъ выступленіямъ, были особенно глубоко разочарованы неудачей республиканской манифестаціи. День 26-го октября окончательно откололъ ихъ отъ парламентской лѣвой; въ этотъ день они поняли одновременное банкротство Имперіи и буржуазной революціи.

Въ этомъ отношеніи весьма знаменательны два письма, посланныхъ въ то время Бенуа Малономъ Альберу Ришару: «Пятнадцать дней тому назадъ, — писалъ онъ въ моментъ отступленія депутатовъ, — вѣщая дата 26-ое октября слѣпила насъ своимъ свѣтомъ; въ настоящее время она кажется намъ не столь блестящей. Что же случилось? Да просто-на-просто произошло капитальное событіе въ исторіи человѣчества. Буржуазія открыто засвидѣтельствовала свое неотвратимое банкротство. Очутившись внезапно лицомъ къ лицу съ неминуемой революціей, несущей въ своихъ нѣдрахъ соціализмъ, она отшатнулась въ ужасѣ и устами «Opinion Nationale»,

Жюля Симона въ Септъ-Этьенѣ и Банселевскаго комитета въ Парижѣ заявила, что она предпочитаетъ Имперію этому таинственному незнакомцу. Либеральныя газеты, вліятельные буржуа и оппозиціонные депутаты, слившись въ общемъ порывѣ трусости, успѣли внести глубокій разладъ въ ряды демократической партіи и превратить день несомнѣнной побѣды въ сомнительный день. Въ концѣ концовъ намъ незачѣмъ очень печалиться. До сихъ поръ эти люди пользовались еще извѣстнымъ вліяніемъ; теперь они сами отъ него отказались. Съ этого момента народъ будетъ знать, что все покоится на его могучихъ плечахъ, а такъ какъ онъ никогда не переставалъ быть логичнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то онъ станетъ поступать сообразно съ этимъ выводомъ, и если этимъ существованіе Имперіи будетъ продолжено на нѣсколько дней (въ чемъ я сомнѣваюсь), то народъ отойдетъ назадъ только для того, чтобы лучше прыгнуть. Мои многочисленные друзья и я—мы твердо рѣшились, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, *исполнить до конца весь свой долгъ*, что бы тамъ ни было и во что бы то ни стало. Настоящее положеніе требуетъ мужественной рѣшимости и энергичныхъ дѣйствій; за тѣмъ и за другимъ дѣло не станетъ. Это все, что я могу тебѣ сказать, принимая во вниманіе любознательность директора почтоваго правленія, г. Вандаля. Бельвильскія народныя собранія, съ тѣхъ поръ какъ растрѣлъ рабочихъ въ Обенѣ и полицейскія звѣрства на внѣшнихъ бульварахъ довели негодованіе населенія до точки кипѣнія, приняли небывалый видъ. Каждый вечеръ въ огромномъ залѣ Фоли собираются 4.000 человѣкъ, все будущіе борцы. Ихъ поведеніе отличается въ одно и то же время энергіей, рѣшимостью и сдержанностью. На всѣхъ близлежащихъ перекресткахъ сосредоточены безчисленные отряды городовыхъ и муниципальныхъ гвардейцевъ; во дворѣ расположенной по сосѣдству мэріи демонстративно размѣщены два эскадрона кавалеріи. Видано ли было когда-либо правительство, такъ неосторожно шутившее съ огнемъ въ пороховомъ погребѣ? Впрочемъ, частичное возстаніе было бы очень желательно для властей, которыя прямо провоцируютъ какую-нибудь вспышку, но народъ хочетъ только революціи и обнаруживаетъ сдержанность, которая должна наводить на размышленіе всѣхъ этихъ непрошенныхъ совѣтчиковъ. Будетъ ли это 26 октября или пѣтъ, но бой *неизбѣженъ*».

Послѣднія строки этого письма показываютъ, что и соціалисты съ своей стороны сознавали весь рискъ этого предпріятія, съ такимъ трескомъ возвѣщеннаго заранѣе; въ этотъ день они остались бы даже безъ поддержки людей, назначившихъ эту дату. Соціалисты, предоставленные собственнымъ силамъ, не пожелали сыграть въ руку Имперіи; но уже одно то обстоятельство, что и послѣ отступленія либераловъ они упорно продолжали свою агитацію, достаточно ясно свидѣтельствовало объ ихъ силѣ.

«Твоя оцѣнка 26 октября,—писалъ Малонъ Ришару въ началѣ ноября (письмо не помѣчено),—не совсѣмъ вѣрна. Въ дуракахъ-то осталась Имперія, и если бы это не случилось съ нею, то случилось бы съ нами, *революціонерами*, а не съ либеральными *демократами*, которые все время противодѣйствовали манифестаціи. Послѣдствія этого дня, когда сто тысячъ человѣкъ были поставлены на ноги для ареста стараго маньяка (Ганя), уже даютъ себя чувствовать: морально республика провозглашена. Парижъ, такъ сказать, завоевалъ свою свободу. Установилась относительная свобода печати и слова, а свобода собраній входитъ въ общественные нравы. Фактическое правительство, каждый разъ пришираемое къ стѣнѣ, съ прово-

лочками, упираясь и огрызаясь, повинуется моральному правительству, т. е. республиканскому общественному мнѣнію. Здѣсь совершенно открыто раздаются такія рѣчи, что молъ Бонапартъ 29 ноября посаженъ будетъ на скамью подсудимыхъ, и газеты безнаказанно печатаютъ это. Что же касается настроенія парижанъ, то вотъ оно въ двухъ строкахъ: активное меньшинство состоитъ изъ революціонныхъ соціалистовъ, а большинство изъ демократическихъ республиканцевъ. Вотъ къ чему мы пришли. Первый же порывъ народной бури развѣетъ обломки смѣшного монархическаго строенія, которое отвратительно попираетъ почву нашего отечества. Теперь уже нечего опасаться, чтобы надвигающаяся революція, хотя бы она вспыхнула завтра, послужила искупленіемъ для г.г. Гюго и Ледрю. Парижскій народъ уже привыкъ самостоятельно устраивать свои дѣла. А вы что? Я думаю, что ты не ошибаешься, когда откладываешь революцію до ближайшей весны».

Вотъ въ какомъ настроеніи и съ какой революціонной вѣрой парижскіе соціалисты приступали въ ноябрѣ къ новой избирательной кампаніи, обусловленной тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые депутаты были избраны одновременно и въ Парижѣ, и въ провинціи.

Въ Парижѣ предстояло избрать четырехъ депутатовъ. Феликсъ Піа предложилъ выставить во всѣхъ четырехъ округахъ кандидатовъ, отвергающихъ присягу. «Чистота—это твердость,—говорилъ онъ.—Баррикады строятся не изъ грязи, а изъ булыжниковъ. Послѣ революціи презрѣнія въ 1848 году мы должны въ 1869 году совершить революцію совѣсти». Затѣмъ говорили о кандидатурѣ Ледрю-Ролэна, но всѣ эти предложенія ступевались передъ выступленіемъ Рошфора, выставившаго свою кандидатуру въ округѣ, оставленномъ Гамбеттой, и являвшагося живымъ воплощеніемъ самой глубокой ненависти къ режиму Второй Имперіи. Въ остальныхъ округахъ избраны были Эммануэль Араго, Кремье и Глэ-Бизуэнъ; населеніе столицы не хотѣло обращать вниманія на побѣду этихъ умѣренно-буржуазныхъ республиканцевъ и думало только о 17.900 голосахъ, поданныхъ за Рошфора.

Соціалисты, примыкавшіе къ Интернаціоналу, приняли дѣятельное участіе въ избирательной борьбѣ. Они не выставили собственныхъ кандидатовъ и, насколько мнѣ извѣстно, не выпустили какихъ-нибудь особыхъ манифестовъ, но какъ всегда, чувствуя наростающую волну движенія, они пытались воспользоваться обстоятельствами въ цѣляхъ расширенія своей пропаганды: «За послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ,—писалъ по этому поводу Варленъ въ корреспонденціи въ женевскую «Egalité»,—мы пользуемся сравнительно довольно широкой свободой; правда, за нами не признали никакихъ правъ, но къ намъ относятся терпимо... Что касается насъ, соціалистовъ, то мы рѣшительно пользуемся предоставленнымъ намъ просторомъ для увеличенія нашихъ силъ посредствомъ активной пропаганды и для разрушенія престижа всѣхъ этихъ болѣе или менѣе радикальныхъ буржуазныхъ знаменитостей, которыя составляли серьезную опасность для соціальной революціи. Со времени общихъ майскихъ выборовъ мы добились огромнаго успѣха. Соціалистическая партія не выставила кандидатовъ ни во время общихъ выборовъ, ни во время недавнихъ дополнительныхъ выборовъ, но соціалистическіе ораторы заставили радикальныхъ кандидатовъ, которыхъ народъ привѣтствовалъ и избранію которыхъ помѣшать было невозможно, взять на себя опредѣленныя обязательства; этихъ обязательствъ они, конечно, не выполнили, а банкротства одного радикальнаго де-

путата за другимъ дали намъ возможность выяснить ихъ нерадивость и разсѣять иллюзіи народа на ихъ счетъ» (ср. Джемсъ Гильомъ, loc. cit., стр. 242).

Тотъ же Варленъ снова писалъ Ришару наканунѣ парижскихъ выборовъ (20 ноября 1869 года): «Избирательная кампанія дала намъ невиданный образецъ величайшаго кавардака. Почти всѣ наши республиканскія знаменитости воочію обнаружили все свое безсиліе и всю свою неспособность. По моему мнѣнію, результатъ этихъ выборовъ будетъ ничтожный. Въ Законодательный Корпусъ войдутъ еще четыре буржуазныхъ республиканца, вотъ и все. Это было бы къ лучшему, если бы народъ могъ разочароваться въ парламентаризмѣ. Зато соціальное движеніе идетъ хорошо».

Извлекать уроки изъ событій, разоблачать банкротство выдающихся буржуазныхъ радикаловъ и полную неспособность ихъ удовлетворить желанія народа—вотъ какую задачу поставили себѣ соціалисты, стремившіеся воспользоваться избирательной сумятицей въ цѣляхъ политическаго воспитанія массъ.

Но главная сторона ихъ дѣятельности въ эти бурные мѣсяцы конца 1869 года заключалась не въ этомъ. Стачечное движеніе, начавшееся въ первые мѣсяцы года, продолжало поглощать ихъ вниманіе со времени возвращенія съ Базельскаго конгресса.

Въ сентябрѣ и октябрѣ въ Марселѣ бастовали корзинщики и сундучники, а въ Эльбефѣ—ткачи. Въ началѣ октября Варленъ насчиталъ три стачки въ Парижѣ и указывалъ еще на одну въ Ривъ-де-Жирѣ (Третій процессъ, стр. 324). По его остроумному выраженію, «въ ихъ руки неслась цѣлая лавина стачекъ», и онъ не безъ ехидства спрашиваетъ своего корреспондента Обри, продолжаетъ ли онъ по прежнему думать, что ихъ вызываютъ буржуа. 8-го октября войска возобновляютъ свои зловѣщіе рикамарійскіе подвиги: въ Обенѣ въ департаментѣ Авейронъ произошла стачка шахтеровъ; солдаты, испугавшись манифестаціи, стрѣляли въ толпу, убили четырнадцать человѣкъ и около двухъ десятковъ ранили; слѣдствіе установило даже, что нѣкоторые солдаты стрѣляли по нѣсколько разъ.

Но даже когда предприниматели не обращаются къ содѣйствію шассно, они съ небывалымъ упорствомъ сопротивляются требованіямъ рабочихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторымъ изъ нихъ хотѣлось создать затрудненія для господствовавшаго режима; но какъ вѣрно замѣтилъ Варленъ, забастовки вовсе не играли роль такого затрудненія и скорѣе способны были снова толкнуть фабрикантовъ въ объятія Имперіи, этой спасительницы порядка и собственности. Въ Парижѣ столкновенія между капиталомъ и трудомъ принимали варварски рѣзкій характеръ. Предприниматели сопротивлялись до послѣднихъ силъ: въ ноябрѣ рабочіе, изготовлявшіе малярныя кисти, потерпѣли пораженіе послѣ семинедѣльной стачки; ткачи канвы держались свыше десяти недѣль; сыромятники бастовали съ 15-го іюля.

Эта борьба сыромятниковъ особенно волновала парижскихъ рабочихъ въ послѣдніе мѣсяцы 1869 года. Скреблильщики, забастовавшіе въ іюлѣ, требовали повышенія заработной платы; въ октябрѣ отмывальщики въ свою очередь потребовали прибавки въ размѣрѣ одного франка, т. е. 6-ти франковой платы за 10-часовый рабочій день, и присоединились къ своимъ товарищамъ. Такимъ образомъ число забастовщиковъ достигло 800 человѣкъ. Всѣ парижскіе профессіональные союзы оказывали имъ денежную помощь; но члены синдикальной камеры владѣльцевъ кожевенныхъ заводовъ устроили склад-

чину въ цѣляхъ возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ владѣльцами сыромятныхъ заводовъ, а Варленъ даже высказывалъ предположеніе, «что всѣ синдикальныя камеры хозяевъ, составляющія такъ называемый Національный Торгово-промышленный союзъ, объединятся для того, чтобы утопить рабочіе союзы, истощивши ихъ кассы нѣсколькими продолжительными стачками». (Третій процессъ, стр. 29). «Въ данномъ случаѣ,—писалъ онъ Ришару 1 декабря 1869 года,—дѣло идетъ уже не о столкновеніи между хозяевами и рабочими сыромятныхъ заводовъ, а о борьбѣ между рабочими союзами и синдикальными камерами предпринимателей». Въ декабрѣ стачка закончилась пораженіемъ рабочихъ, и та же участь постигла проектъ объединенія профессіональныхъ союзовъ, выдвинутый въ послѣдній моментъ парижскими синдикатами. Вся эта исторія обошлась послѣднимъ болѣе, чѣмъ въ 86.000 франковъ.

Но можно ли было признать эти денежныя затраты и эти усилія безплодными? Ни въ коемъ случаѣ. Если съ матеріальной точки зрѣнія «стачка,—какъ пишетъ Варленъ,—представляетъ порочный кругъ, въ которомъ какъ бы безконечно вращаются усилія рабочихъ», то съ другой точки зрѣнія, а именно съ точки зрѣнія организаціи революціонныхъ силъ труда она представляется превосходнымъ средствомъ». Стачка сыромятниковъ, солидарная борьба рабочихъ и обязательства, публично взятыя на себя всѣми организованными рабочими, въ концѣ концовъ привели въ декабрѣ къ организаціи «Парижской федераціи рабочихъ синдикальныхъ камеръ».

Слѣдовало бы подробно описать тѣ чудныя жертвы, на которыя въ то время добровольно соглашались всѣ юныя организаціи французскихъ рабочихъ. Можно сказать, что ничто такъ наглядно не характеризуетъ общей твердой вѣры въ близость великихъ событій, какъ эта готовность къ самопожертвованію. 8 октября, т. е. въ то время, когда парижскимъ рабочимъ приходилось поддерживать три большія стачки, Варленъ послалъ Обри ссуду въ 800 франковъ,—500 отъ общества типографскихъ рабочихъ и 300 отъ союза жестянниковъ; при этомъ онъ сообщилъ ему, что ювелиры рѣшили ассигновать 200 франковъ, а литографы 500. 16, 17, 20, 29 октября онъ снова послалъ ему 900, 600, 300 и 1.000 франковъ, полученныхъ путемъ подписки и займовъ; 4, 8 и 16 ноября онъ переслалъ ему новыя пожертвованія. Повторяю, что все это происходило въ разгаръ ужасной стачки сыромятниковъ, когда приходилось выдавать забастовщикамъ 8.000 франковъ въ каждую получку. «Въ обыкновенное время,—писалъ Варленъ 8 ноября — эту сумму не трудно было бы достать; но теперь кассы пусты, однако ее удалось почти цѣликомъ собрать и получку можно было выдать, по цѣной какихъ усилій!»

Эта тяжелая борьба и сопряженныя съ ней неслыханныя трудности нагляднѣе выяснили парижскимъ передовымъ рабочимъ всю пользу постоянной организаціи, которую нѣкогда рекомендовали бронзовщики. «Частое повтореніе стачекъ,—писалъ Варленъ Ришару 20 ноября 1869 года,—создаетъ для насъ ужасныя затрудненія, но это заставляетъ насъ организоваться. Можно съ увѣренностью утверждать, что парижская федерація до сихъ поръ не сложилась бы, если бы не то затруднительное положеніе, въ которомъ мы очутились за послѣднее время». Собственно говоря, проектъ федераціи профессіональныхъ союзовъ никогда не оставлялся. На собраніяхъ, посвященныхъ обсужденію устава будущей федераціи, делегаты различныхъ профессій мало по малу привыкли принимать общія рѣшенія; 14 октября они

вмѣстѣ подписали манифестъ, энергически протестовавшій противъ войны въ Обенѣ (см. текстъ этого документа въ брошюрѣ «Третій процессъ Интернаціонала», стр. 32). Они выработали опредѣленныя правила для сбора денежныхъ пожертвованій по подпискамъ. Такимъ образомъ окончательное образованіе федеральной камеры, о которомъ Варленъ могъ наконецъ 1 декабря оффиціально сообщить ліонскимъ рабочимъ союзамъ, явилось лишь формальнымъ закрѣпленіемъ давно установившейся практики.

Впослѣдствіи, во время іюньскаго процесса 1870 года, судьи Второй Имперіи старались свалить въ одну кучу федерацію рабочихъ союзовъ и Интернаціоналъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ эти организаціи, собиравшіяся въ одномъ и томъ же помѣщеніи на площади Ла-Кордери-дю-Тампль и въ большинствѣ случаевъ руководимыя одними и тѣми же людьми, въ послѣдніе мѣсяцы Имперіи постоянно дѣйствовали согласно; но тѣмъ не менѣе обѣ организаціи несомнѣнно существовали отдѣльно. Пожалуй, не было той обособленности между экономической и политической организаціей, которая замѣчается въ настоящее время, но существовала, если такъ можно выразиться, пропагандистская и просвѣтительная организація, стремившаяся все болѣе пропитать своей мыслью всю организацію профессіональныхъ интересовъ. Черезъ посредство федераціи синдикатовъ небольшой революціонный штабъ Интернаціонала располагалъ обширной и сплоченной арміей.

Въ концѣ 1869 года, когда активные соціалисты чувствовали себя въ расцвѣтѣ силъ, вопросъ о характерѣ предстоящей революціи долженъ былъ встать передъ ними въ еще болѣе острой формѣ. Правда, всѣ они единодушно стремились ускорить наступленіе соціальнаго переворота; правда, всѣ они полагали, что на чисто политическій переворотъ, ставящій себѣ цѣлью только низверженіе Имперіи, рабочему классу не стоитъ тратить своихъ силъ; но они расходились по вопросу о формѣ предстоящаго движенія и о взаимныхъ отношеніяхъ между политической и соціальной борьбой.

Одни, какъ напримѣръ Ришаръ или Обри, при всемъ различіи своихъ темпераментовъ и взглядовъ, исключительно озабоченные соціальной революціей, близкаго взрыва которой они ожидали, и представлявшіе въ своихъ городахъ единственный революціонный факторъ, готовы были совершенно вытравить всякій политическій элементъ изъ своего соціалистическаго міровоззрѣнія. Mutatis mutandis, ихъ взгляды выражали во все болѣе революціонной формѣ настроеніе дѣятелей 1864 года, заслуживавшихъ упрека въ игнорированіи политическихъ вопросовъ; съ другой стороны, сама собою напрашивается параллель между ними и нѣкоторыми изъ современныхъ французскихъ синдикалистовъ.

Мы снова просимъ у читателей прощенія за множество приводимыхъ нами цитатъ. За отсутствіемъ глубокаго изслѣдованія, опирающагося на цѣлый рядъ другихъ документовъ, эти цитаты помогутъ товарищамъ составить себѣ точное представленіе о взглядахъ и настроеніи людей, съ поразительной энергіей и самоотреченіемъ руководившихъ тогдашнимъ движеніемъ. Вдобавокъ я напоминаю, что приводимые мною документы впервые появляются въ печати.

Итакъ, дѣйствовавшій въ Руанѣ Обри, изъ всѣхъ интернаціоналистовъ сохранившій наибольшую вѣрность прудонистскимъ взглядамъ, самымъ рѣшительнымъ, пожалуй, образомъ игнорировалъ политическую дѣятельность.

Его единственная забота, какъ онъ писалъ Ришару 26 іюля 1869 года, сводилась «къ организаціи экономическихъ и революціонныхъ силъ труда, организаціи, которую я нахожу гораздо болѣе послѣдовательной, чѣмъ чисто политическую агитацію, которую намѣрены продолжать наши пресловутые демагоги 1848 года, прекрасно понимающіе, какую опасность для нихъ представляютъ наши комитеты въ случаѣ непредвидѣнныхъ событій». Черезъ три дня, 29 іюля, восторгаясь достигнутыми успѣхами и подъемомъ соціалистическаго движенія, онъ возвращается къ своей мысли: «Я полагаю, что, если мы хотимъ ускорить теченіе событій, мы должны постоянно поддерживать въ массахъ чисто соціалистическое настроеніе, временно очищенное отъ всякой примѣси воинствующей политики. Этимъ я не хочу сказать, что массы должны забыть о своихъ правахъ, напротивъ; но имъ нужно хорошенько растолковать, что, организуясь въ цѣляхъ завоеванія соціальныхъ преобразованій, онѣ вѣрнымъ путемъ идутъ къ политическимъ реформамъ, которыя до сихъ поръ не имѣли никакого значенія въ виду отсутствія первыхъ. Вѣрьте мнѣ, дорогой Ришаръ, предразсудки, съ которыми намъ приходится бороться, носятъ чисто политическій характеръ. Они-то и мѣшаютъ намъ идти впередъ. Многіе наши товарищи хотятъ разрушить зданіе, еще не убѣдившись, располагаютъ ли они достаточнымъ количествомъ матеріаловъ, необходимыхъ для новой постройки, и въ особенности работниками, способными заняться возведеніемъ новаго зданія. Конечно, архитекторовъ и инженеровъ теперь хоть отбавляй, но этого недостаточно. Необходимы неотложныя улучшенія, а ихъ-то мы еще не имѣемъ въ достаточномъ количествѣ. Это доказали общіе выборы, а въ особенности Парижъ, который снова отрекся отъ своихъ соціальныхъ упованій и побратался со своими прирожденными врагами изъ опасенія, что иначе онъ недостаточно скоро добьется того, что онъ называетъ своими политическими правами, а между тѣмъ онъ уже обладалъ ими пять разъ, не сумѣвши извлечь изъ нихъ никакой выгоды. Меня огорчило это поведеніе нашихъ парижскихъ товарищей, которые однако обѣщали мнѣ опредѣленно выступить со своей программой противъ буржуазіи. Теперь пусть они полюбуются результатами своей тактики. Одинъ изъ нихъ, которому я высказалъ свои сожалѣнія, отвѣтилъ мнѣ, что они боялись своей тактикой заставить всѣхъ противниковъ правительства соединиться съ нимъ для того, чтобы общими силами приняться за истребленіе соціализма. Вы согласитесь со мною, что поддаваться такимъ страхамъ—это значитъ мало вѣрить въ наше движеніе; но если бы случилось обратное, т. е. если бы соціализмъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, то развѣ на другой день послѣ этого онъ не имѣлъ бы противъ себя ту же коалицію, что и наканунѣ? Будемъ надѣяться, что если придется, какъ многіе думаютъ, возобновить борьбу, то на этотъ разъ мы будемъ вести себя болѣе согласно съ защищаемыми нами принципами. Впрочемъ, я убѣжденъ, что въ данномъ случаѣ вы раздѣляете мою точку зрѣнія».

И дѣйствительно, Ришаръ не очень-то расходился во взглядахъ съ Обри. Во всѣ эпохи французской исторіи, какъ во время Великой Революціи, такъ и въ 1831 и 1834 гг. и наконецъ въ 1848 и послѣ 1852 года, классовая борьба въ великомъ городѣ (Ліонѣ) всегда принимала рѣзкія формы. Нигдѣ буржуазные республиканцы не выступали съ такой яростью противъ Интернаціонала. Въ 1866 году первая ліонская секція была разрушена ихъ усиліями; товарищи, которые вмѣстѣ съ Ришаромъ возстановили организацію и руководили трудными стачками 1869 года, служили мишенью

для всякихъ клеветъ и самыхъ низкихъ интригъ. Неудивительно, что лионскіе соціалисты не могли возлагать никакихъ надеждъ на политическое движеніе республиканцевъ; они чувствовали себя предоставленными своимъ собственнымъ силамъ. «Между вами и вашей буржуазіей,—писалъ имъ Бастелика,—лежатъ бойни пролетаріевъ предмѣстья Краснаго Креста». Этимъ объясняется специфическій оттѣнокъ ихъ революціоннаго міровоззрѣнія. Въ нашихъ рукахъ находится немного писемъ самого Ришара, но отвѣты его корреспондентовъ даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе о его взглядахъ. Ришаръ также знать ничего не хотѣлъ кромѣ соціальной революціи; онъ относился, да и не могъ не относиться иначе, какъ съ презрѣніемъ и ненавистью, къ людямъ, которые называли себя республиканцами и всячески старались подавить въ Ліонѣ всѣ проявленія рабочаго движенія.

Дѣйствовавшій въ Марселѣ Бастелика отличался слишкомъ живымъ темпераментомъ, онъ слишкомъ жаждалъ сильныхъ впечатлѣній и слишкомъ нетерпѣливо рвался къ будущему, чтобы не принять участія (правда, не оставляя своего скептическаго и насмѣшливаго отношенія) во всѣхъ политическихъ выступленіяхъ марсельскихъ демократовъ. Впослѣдствіи Мюра заявилъ во время процесса Интернаціонала, что переписка съ Бастелика доставляла ему много удовольствія. Письма, адресованныя имъ Ришару, обнаруживаютъ въ молодомъ борцѣ живой и чуткій умъ. Въ нашей соціалистической литературѣ немного найдется такихъ изящныхъ страницъ.

Въ мартѣ 1869 г. Бастелика констатируетъ, что всеобщее избирательное право оказывается безплоднымъ въ несвойственной ему средѣ, и что принципъ революціи не страдаетъ отъ того или иного исхода выборовъ. «Тѣмъ не менѣе,—говоритъ онъ,— во имя правоты и искренности моихъ убѣжденій я завтра подамъ голосъ за Гамбетту». Въ іюлѣ онъ сообщаетъ Ришару, что дряблость крайней лѣвой, не посмѣвшей отказаться отъ присяги, возбуждаетъ въ немъ отвращеніе. «Развѣ эти господа,—пишетъ онъ,—не знаютъ, что бойкотъ выборовъ, лишающій насъ услугъ и революціонной энергіи такихъ людей, какъ Барбесъ, Бланки, Гамбонъ, Мартэнъ Бернаръ и другіе, является прямымъ результатомъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой гнусной и стѣснительной формальности? Не хотятъ ли они часомъ возвести свои депутатскія мѣста въ монополію, а пріемлющую присягу демократію въ принципъ? Вотъ какъ! Лѣвая, сопровождая ропотомъ заслуженныя насмѣшки Распайля надъ «королемъ-гражданиномъ», обнаруживаетъ свою настоящую природу и показываетъ, что въ сущности она является передовой стражей буржуазіи... Будемъ же по прежнему держаться на-сторожѣ и поклянемся революціей никогда не присягать ни императору, ни даже народу!»

Въ октябрѣ, когда движеніе расширяется и когда это движеніе кажется способнымъ послужить опорнымъ пунктомъ для соціальной революціи, оба друга продолжаютъ интересоваться политическимъ вопросомъ: «Намъ слѣдуетъ,—пишетъ Бастелика Ришару 6 октября 1869 года,—вполнѣ столковаться насчетъ политическаго вопроса. Правительство, подобно кредиту, монополіи и собственности, является производной функціей, экономической серіей и соціальной категоріей: революція разрѣшаетъ ихъ въ отрицательномъ смыслѣ. Мы хотимъ не-правительства, такъ какъ мы провозглашаемъ не-собственность... и наоборотъ. Человѣческая мораль разрушитъ религію; соціализмъ разрушитъ правительство или политическій вопросъ. Если партія въ настоящее время преимуще-

ственно интересуется политическимъ вопросомъ, то это потому, что съ ея теоретической точки зрѣнія правительство представляетъ общество.

«Неправда! скажете вы; дѣйствительность, — отвѣчу вамъ я. Плебисцитъ еще въ чести у массы. И съ какой стати мы стали бы этимъ огорчаться? Вѣдь народъ, такимъ образомъ, безсознательно утверждаетъ свой коллективный разумъ. Рабочій ждетъ всѣхъ благъ отъ республики; это его desiderata: дадимъ же ему соціальную республику. Испробуемъ in anima vili не-правительство, и крестьянинъ признаетъ не-собственность. Это строго логическое заключеніе. Демократія боится своей тѣни, утопіи, подобно тому какъ нѣкогда она пугалась демагогіи. Я утопистъ и демагогъ, потому что революціонеръ: если бы демократія не рождала утопіи, то она родила бы деспотизмъ. Примѣръ: 1848, 1851, 1792, 1799, 1804. Не станемъ заблуждаться, никогда мы не будемъ правителями. Я предпочитаю линейку циркулю.

«Не подумайте, по крайней мѣрѣ, что въ политикѣ я поддаюсь увлеченіямъ толпы: я сознательно примыкаю къ меньшинству. Развѣ я не республиканецъ?

«Съ научной точки зрѣнія я подчиняюсь народу не больше, чѣмъ Богу.

«Однимъ словомъ, Имперія падетъ какъ разъ во время, чтобы унести съ собою послѣдніе слѣды деспотизма и буржуазіи...»

И наконецъ, 15 февраля 1870 года, т. е. какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, какъ мы увидимъ ниже, противъ интернаціоналистовъ начались преслѣдованія въ Парижѣ и въ Марсели, Бастелика снова писалъ Ришару: «Я допускаю твое пониманіе текущихъ событій до извѣстнаго пункта. Мы не должны выказывать индифферентизма къ политическому разрѣшенію соціальной проблемы; напротивъ, мы должны стремиться взять руководство имъ въ свои руки. Еслибы Маратъ и Бабэфъ пользовались популярностью уже въ 1789 г. или еслибы ликвидація государственнаго долга и собственности произведена была въ 1792 — 1793 гг., то революція восторжествовала бы и разлилась бы по всей Европѣ. Окажемся-ли мы болѣе неловкими, чѣмъ буржуазія? Если мы не хотимъ, чтобы предстоящая революція была политической, сдѣлаемъ ее соціальной и коллективистической. Вотъ какой идеей я руководствуюсь въ своемъ поведеніи. Намъ приходится воздѣйствовать на прихотливый, оригинальный и своенравный народъ: если здѣсь, въ Марсели, я одинъ-одинешенекъ составляю противовѣсъ нѣсколькимъ котеріямъ, болѣе или менѣе проникнутымъ якобинскимъ духомъ, то это потому, что во мнѣ видятъ республиканца, рѣшившаго покончить со всѣми видами деспотизма. Эта тактика, эта логика, говорю я, ведетъ къ успѣху и убѣждаетъ. Я не говорю: нищета создана Имперіей; я говорю: Имперія создана нищетой. А затѣмъ я беру причину и слѣдствіе въ охапку и однимъ ударомъ повергаю ихъ на землю».

Еще съ большей силой и опредѣленностью развивали эту тему парижскіе интернаціоналисты, стоявшія въ самомъ центрѣ революціоннаго движенія. Варленъ и въ особенности Малонъ, кажется, ни на одну минуту не упускали изъ виду политическаго потока, посреди котораго они, напрягая всѣ свои силы, пытались развить соціалистическую пропаганду. Какъ читатель могъ видѣть изъ нѣкоторыхъ цитатъ, приведенныхъ нами выше, отрицательное отношеніе къ парламентаризму у Варлена, повидимому, усиливалось; но и самъ Малонъ не особенно нѣжно относился къ Законодательному Корпусу, который онъ называлъ «ярмаркой парламентскихъ свободъ, не

имѣющихъ ничего общаго съ народной свободой». Впрочемъ, Законодательный Корпусъ Имперіи признавался и политическими революціонерами, съ которыми соціалистамъ приходилось входить въ сношенія, чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ настоящаго парламентскаго собранія. Но и самъ Варленъ сознавалъ необходимость политическаго переворота въ интересахъ соціальнаго преобразованія.

Такъ, напр., въ августѣ 1869 года онъ писалъ Обри: «Вы, повидимому, полагаете, что среда, въ которой я вращаюсь, больше интересуется политической революціей, чѣмъ соціальными реформами. Я долженъ вамъ сказать, что на нашъ взглядъ политическій переворотъ и соціальныя преобразованія переплетаются другъ съ другомъ и не могутъ совершаться отдѣльно другъ отъ друга. Сама по себѣ политическая революція не имѣетъ никакого значенія; но благодаря всевозможнымъ препятствіямъ, на которыя мы въ своей дѣятельности наталкиваемся, мы хорошо сознаемъ, что невозможно будетъ организовать соціальную революцію до тѣхъ поръ, пока мы будемъ жить подъ властью такого деспотическаго правительства, какъ нынѣшнее» (Третій процессъ, стр. 22).

Но изъ всѣхъ парижскихъ дѣятелей Малонъ больше всѣхъ считался со всѣми разнообразными силами, вовлеченными въ борьбу. Обладавшій широкими свѣдѣніями, весьма любознательный и эклектикъ по внутреннему влеченію, онъ не могъ раздѣлять исключительности и непримиримости своего друга Ришара. «Выступая согласно, — говорилъ онъ, — мы можемъ многое сдѣлать, если, конечно, не падемъ подъ первыми же пулями; но одного не слѣдуетъ отъ себя скрывать. Послѣ шести мѣсяцевъ революціи мы рискуемъ разойтись въ разныя стороны. Твоя склонность всегда идти въ первыхъ рядахъ авангарда часто будетъ опережать мою методическую революціонную предусмотрительность, которая готова идти впередъ, только увлекая за собой, насколько это возможно, широкія массы, даже съ рискомъ отстать. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что ты не видишь никого, кромѣ совершенно подготовленной революціонной и насквозь революціонной группы, тогда какъ я, искатель умственныхъ приключеній, встрѣчаюсь съ представителями всѣхъ партій, съ радикальными демократами, прудонистами, позитивистами, фаланстеріанцами, коллективистами (консервативные коммунисты изъ породы государственниковъ), фузіонистами, кооператорами и пр..., оставаясь при всемъ томъ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ коммунистовъ. Вездѣ я встрѣчаю убѣжденныхъ людей, и это пріучаетъ меня къ терпимости» (17 апрѣля 1869 г.).

Обращаясь снова къ Ришару въ тотъ же періодъ конца 1869 г. и начала 1870 г., когда политическій вопросъ всталъ передъ сознаніемъ соціалистовъ въ острой формѣ, онъ писалъ: «Твое письмо по существу является обращеннымъ ко мнѣ требованіемъ изложить свой взглядъ на революцію. Я отнюдь не стою за самоустраненіе соціализма отъ растущаго въ Парижѣ движенія. Революція надвигается съ роковой необходимостью, но пока она еще доступна всевозможнымъ вліяніямъ. При такихъ условіяхъ самоустраненіе было бы для насъ самой гибельной тактикой, такъ какъ оно равносильно было бы предоставленію всего движенія въ руки чистыхъ политиковъ. Вотъ по какимъ соображеніямъ я безъ колебаній бросился въ республиканскую агитацію, убѣжденный въ томъ, что лучшій способъ водрузить свое знамя—это держать его всегда на виду у всѣхъ, въ первомъ ряду. Конечно, не наше слабое содѣйствіе намного ускоритъ наступленіе революціи; но

своимъ вмѣшательствомъ мы поможемъ придать ей дѣйствительно соціальный характеръ».

Можно сказать, что никогда этотъ надежный методъ революціоннаго оппортунизма, классическій методъ французскаго соціализма, впервые примѣненный Бабэфомъ во время первой революціи, продолженный старымъ Буонаротти, возобновленный Бланки во время великаго движенія 1834 г. и до сихъ поръ, въ эпоху развитія новѣйшей демократіи, остающійся для насъ полезнымъ урокомъ, никогда этотъ методъ не проявился съ такимъ блескомъ, какъ въ двѣнадцатимѣсячный періодъ отъ іюля 1869 до іюля 1870 года.

Даже самое основаніе «Марсельезы» въ декабрѣ 1869 г. показываетъ, съ какой увѣренностью и яснымъ пониманіемъ обстоятельствъ дѣйствовали руководители движенія. Ноябрьскіе дополнительные выборы закрѣпили союзъ между крайними демократами и соціалистами. Рошфоръ объявилъ себя соціалистомъ; волей-неволей подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія всѣ сплотились вокругъ этого заклятаго врага императора. Памфлетистъ хотѣлъ сохранить эту популярность и завести собственную газету.

Какъ разъ къ этому времени Интернаціоналъ очутился безъ своего органа. Еженедѣльная газета «Трудъ», въ которой обыкновенно сотрудничали его члены, незадолго до того исчезла; дѣло въ томъ, что союзъ приказчиковъ, поддерживавшій эту газету, перенесъ разорительную стачку и покинулъ ее на произволъ судьбы. Но интернаціоналистамъ нуженъ же былъ какой-нибудь органъ, а такъ какъ Рошфоръ въ это время основалъ «Марсельезу», то Варленъ повидался съ ея редакторомъ Мильеромъ и постарался съ нимъ столковаться.

Почему Варленъ и Малонъ примкнули къ Рошфору? Какъ могло случиться, что эти прямодушные и идейные люди приняли участіе въ движеніи, въ которомъ ужъ тогда не трудно было разглядѣть демагогическія черты? Самъ Варленъ подробно объяснилъ это обстоятельство, и мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь нѣкоторые изъ его аргументовъ.

«Нынѣшнее положеніе Франціи,—писалъ онъ Джемсу Гильому (см. L'Internationale, I, 358),—не позволяетъ соціалистической партіи держаться въ сторонѣ отъ политики. Въ настоящій моментъ вопросъ о недалекомъ паденіи Имперіи перевѣшиваетъ все остальное, и соціалисты подъ страхомъ политическаго банкротства должны стать во главѣ движенія. Если бы мы держались въ сторонѣ отъ политики, то мы теперь не были бы во Франціи ничѣмъ, тогда какъ мы наканунѣ того, чтобы сдѣлаться всѣмъ».

«Марсельеза» должна была, безъ сомнѣнія, быть газетой Рошфора, т.-е. прежде всего «военной машиной противъ Имперіи»; но она не намѣрена была ограничиться ролью тарана.

Во время избирательной кампаніи вокругъ Рошфора сгруппировались «активные граждане соціалистической партіи». «Прямодушно» принявши императивный мандатъ, онъ, конечно, сдѣлался «настоящимъ рупоромъ парижскаго народа»; его сотрудники по политическому отдѣлу обязались неуклонно держаться «вполнѣ революціонной» линіи; но соціалисты имѣли право на нѣчто бо́льшее.

Наряду съ политическимъ отдѣломъ газеты широкій отдѣлъ отведенъ былъ соціальному и рабочему вопросу. Главнымъ редакторомъ этого отдѣла предполагалось назначить Мильера, «одного изъ самыхъ способныхъ соціалистовъ, какихъ я только знаю», какъ писалъ Варленъ. Газета должна была

стоять на точкѣ зрѣнія постановленій Базельскаго конгресса, т.-е. «не-авторитарнаго коллективизма или коммунизма».

«Основатели газеты, — писалъ Варленъ Обри, — имѣютъ въ виду не только вести пропаганду, но и сплотить всѣ европейскія соціалистическія партіи и черезъ посредство газеты установить постоянныя сношенія между всѣми группами, однимъ словомъ, подготовлять всеевропейскую соціальную революцію. Чтобы дать вамъ еще болѣе полное понятіе о настроеніи ея основателей, я долженъ вамъ сказать, что на нашихъ собраніяхъ мы почти единодушно признали свою неподготовленность къ революціи; мы признали, что намъ потребуется годъ, быть можетъ, два года активной пропаганды посредствомъ газеты, публичныхъ и частныхъ собраній и организаціи рабочихъ союзовъ, чтобы сдѣлаться господами положенія и получить увѣренность въ томъ, что революція не ускользнетъ изъ нашихъ рукъ къ выгодѣ не-соціалистическихъ республиканцевъ.

Политическій отдѣлъ газеты—это просто аксессуаръ, такъ какъ газета должна давать разнообразный матеріалъ, если хочетъ имѣть читателей; для насъ важное значеніе представляетъ только соціальный отдѣлъ. Мы должны постараться сдѣлать его интереснымъ и серьезнымъ для того, чтобы онъ съ каждымъ днемъ могъ занимать все болѣе широкое мѣсто въ газетѣ, а для этого мы нуждаемся въ содѣйствіи всѣхъ товарищей, какъ сказалъ мнѣ Мильеръ во время нашей сегодняшней бесѣды» (Третій процессъ, стр. 35).

То, что онъ писалъ Обри, Варленъ писалъ также Гильому и Ришару. Онъ просилъ ихъ всѣхъ вести пропаганду въ пользу «Марсельезы», постараться о томъ, чтобы въ ресторанахъ, посѣщаемыхъ товарищами, «Siècle» былъ замѣненъ этой газетой, присылать корреспонденціи, однимъ словомъ, энергично стремиться къ той «революціи въ головахъ», которая должна была подготовить политическую революцію.

Мнѣ хотѣлось бы привести еще много выдержекъ изъ переписки, которая была въ моемъ распоряженіи, описать лихорадочное настроеніе этого героическаго поколѣнія и его надежды на близкое обновленіе, мнѣ хотѣлось бы показать, какъ въ этой интимной перепискѣ они упорной работой мысли старались орієнтироваться въ надвигавшейся революціи и точно опредѣлить роль каждаго изъ нихъ въ общемъ дѣлѣ. «Какое-то дуновеніе освѣжающаго вѣтра пронеслось надъ пролетаріатомъ,—говорилъ впослѣдствіи Ришаръ.— Иллюзія, заставлявшая вѣрить въ близкое наступленіе великихъ событій, принимала все болѣе прочную и бодрящую форму».

Одушевленная этой надеждой, небольшая группа активныхъ дѣятелей, братьевъ, которые общими силами вели эту борьбу, ни на минуту не переставала интересоваться вопросомъ о завтрашнемъ днѣ революціи и объ ея организаціи. Въ ихъ письмахъ, а въ особенности въ письмахъ Малона къ Ришару до насъ дошли нѣкоторыя отголоски ихъ споровъ. Мы не станемъ подробно на нихъ останавливаться, но мы должны отмѣтить, что всѣмъ имъ присуще было стремленіе отыскать конкретныя формы непосредственной организаціи и заставить замолчать свои разногласія.

Объ этомъ думалъ Бастелика, когда писалъ Ришару, что необходимо выработать планъ французской революціи; объ этомъ думалъ Варленъ, когда констатировалъ, что «разрушить всѣ стѣснительныя учрежденія будетъ не трудно», но что «возведеніе новаго зданія будетъ гораздо труднѣе, такъ какъ рабочіе не имѣютъ еще общихъ взглядовъ на этотъ счетъ», или когда онъ конкретно пытался то посредствомъ установленія связи между рабочими

федераціями различныхъ городовъ, то посредствомъ сотрудничества въ «Марсельезѣ» «приступить къ изученію средствъ организаціи труда на другой день послѣ революціи» (письмо отъ 20 ноября 1869 года). И наконецъ, серьезный и практичный Обри въ свою очередь писалъ изъ Руана, «что соціалисты всѣхъ школъ должны объединиться въ Федерації Труда и подготовить научный планъ организаціи новаго общества».

Въ «Марсельезѣ» напечатанъ былъ рядъ теоритическихъ статей Мильера: всѣ газеты Интернаціонала въ началѣ 1870 года пытались конкретно изслѣдовать условія предстоящей революціи.

Тѣмъ временемъ событія развертывались быстрымъ темпомъ и соціалисты могли съ тревогой задавать себѣ вопросъ, будутъ-ли они имѣть въ своемъ распоряженіи тѣ нѣсколько лѣтъ или нѣсколько мѣсяцевъ, которые казались имъ необходимыми для укрѣпленія своей организаціи.

Открывая 29 ноября очередную сессію Законодательнаго Корпуса, императоръ пригласилъ депутатовъ вмѣстѣ съ нимъ установить свободу. «Франція,—говорилъ онъ,—желаетъ свободы, но вмѣстѣ съ тѣмъ она желаетъ и порядка. За порядокъ я отвѣчаю. Помогите мнѣ, господа, установить свободу». Когда 27 декабря министры подали въ отставку, Наполеонъ III обратился къ «патріотизму» Эмиля Оливье и просилъ его составить «однородный кабинетъ, точно представляющій большинство Законодательнаго Корпуса». Уже нѣсколько мѣсяцевъ императоръ, Эмиль Оливье и Клеманъ Дювернуа тайкомъ подготовляли этотъ театральный эффектъ. Правый центръ и лѣвый центръ всячески интриговали; составленіе министерства подвигалось впередъ съ большими треніями и только 2 января появились декреты, которыми Эмиль Оливье назначался министромъ юстиціи, Дарю министромъ иностранныхъ дѣлъ и Бюффе министромъ финансовъ. Новое министерство располагало въ палатѣ подавляющимъ большинствомъ: оно объявило о своемъ намѣреніи внести проектъ новаго закона о печати, отмѣнить законъ объ общественной безопасности и разрѣшило продажу газетъ на улицахъ.

Эти уступки не могли, конечно, удовлетворить республиканскую лѣвую. Гамбетта и Жюль Фавръ напомнили Эмилю Оливье, что ихъ отдѣляетъ отъ Имперіи, даже либеральной, глубокая пропасть.

Нужно-ли говорить, что революціонная масса нисколько не интересовалась смѣной кабинета и обновленіемъ Имперіи?

Но черезъ десять дней неожиданно произошло трагическое событіе, глубоко взволновавшее эту массу. 10 января принцъ Пьеръ Бонапартъ, настоящій типъ кондотьера XVI вѣка, который по всему свѣту велъ жизнь авантюриста и бандита, убилъ молодого журналиста Виктора Нуара, явившагося къ нему въ качествѣ секунданта Паскаля Груссе потребовать объясненій по поводу статьи, напечатанной въ корсиканской газетѣ «L' Avenir de la Corse». Итакъ, въ тотъ самый моментъ, когда Имперія заигрывала съ націей, Пьеръ Бонапартъ напоминалъ о ея кровавомъ прошломъ, полномъ насилій и убійствъ, среди которыхъ зародился наполеоновскій режимъ.

Извѣстіе объ этомъ событіи вызвало въ Парижѣ взрывъ революціонныхъ страстей. Народныя собранія, состоявшіяся вечеромъ этого дня, закончились призывами къ мщенію. Испуганный Эмиль Оливье, чувствуя приближеніе бури, ночью приказалъ арестовать принца.

11 января «Марсельеза» вышла окруженная черной траурной каймой; напечатанная въ ней статья Рошфора призывала гражданъ къ оружію: «Вотъ уже восемнадцать лѣтъ,—писалъ Рошфоръ,—какъ Франція находится

въ окровавленныхъ рукахъ этихъ разбойниковъ, которые, не довольствуясь разстрѣломъ республиканцевъ на улицахъ, завлекаютъ ихъ въ гнусныя западни, чтобы убивать ихъ у себя на дому. Французскій народъ, неужели ты все еще не находишь, что терпѣть дольше нельзя»?

12 января двѣсти тысячъ человѣкъ, собравшись въ Нейи, гдѣ находилось тѣло Виктора Нуара, засвидѣтельствовали этимъ, что дольше терпѣть они не намѣрены. Аллеи Елисейскихъ полей охранялись войсками, готовыми аттаковать толпу въ томъ случаѣ, если бы похоронный кортежъ вернулся въ Парижъ въ видѣ инсуррекціи. Рошфоръ, отъ котораго толпа ждала лозунга, какъ отъ вождя, отступилъ передъ столкновеніемъ съ войсками, которое почти навѣрно превратилось бы въ бойню.

Тѣло Виктора Нуара было отнесено на кладбище Нейи, а не на Перъ-Лашезъ. Въ тотъ же вечеръ Густавъ Флурансъ, сторонникъ рѣшительныхъ дѣйствій, вышелъ изъ состава редакціи «Марсельезы».

Что же дѣлали въ эти дни члены Интернаціонала? Ихъ письма показываютъ, что они были тогда обуреваемы и надеждой, и тревогой. Всѣ члены Интернаціонала и рабочихъ союзовъ «безъ всякихъ предварительныхъ соглашеній» отправились къ небольшому домику въ Нейи; какъ въ душѣ Флуранса и Рошфора, какъ во всей собравшейся толпѣ, въ ихъ душѣ боролись два чувства: дать немедленно сраженіе или сдержаться (Третій процессъ, стр. 40). Сознательные дѣятели, вродѣ Варлена и Малона, одобряли Рошфора за то, что онъ «не послалъ на бойню лучшихъ солдатъ революціи» (письмо Варлена, тамъ же, стр. 39).

Но съ присущимъ имъ вѣрнымъ глазомѣромъ и пониманіемъ событій они извлекли изъ этого дня надлежащій урокъ. Если бы Рошфоръ сталъ на точку зрѣнія Флуранса, то народъ двинулся бы на Парижъ. «Делегаты Федеральной камеры заволновались при мысли о той опасности, которая грозила бы народному дѣлу, если бы руководство движеніемъ предоставлено было одному или нѣсколькимъ лицамъ». А такъ какъ подобныя обстоятельства могли повториться, то необходимо было приготовиться ко всякимъ случайностямъ. «Нельзя допускать,—писалъ Варленъ,—чтобы рабочее и соціалистическое населеніе было поставлено въ такое положеніе, при которомъ въ одномъ кварталѣ дается лозунгъ «бой», а въ другомъ «ситуація» (sic). Чтобы избѣжать всякихъ компрометирующихъ недоразумѣній, а также помѣшать нѣсколькимъ личностямъ овладѣть движеніемъ, мы постановили съ этого дня внимательно слѣдить за политическимъ движеніемъ и во всѣхъ случаяхъ предварительно обсуждать совмѣстно необходимые шаги. Теперь настроеніе повышено, революція надвигается, и мы не должны допустить, чтобы насъ могла захлеснуть волна стихійности».

Итакъ, соціалисты приняли мѣры предосторожности. Не только делегаты, входившіе въ федеральную камеру, рѣшили впредь давать всѣмъ рабочимъ союзамъ общій лозунгъ, но и самъ Рошфоръ, по предложенію Варлена, обязался не дѣлать никакихъ призывовъ, «не столковавшись предварительно съ ними»; приняты были мѣры къ тому, чтобы удержать ліонскихъ, марсельскихъ и вообще провинціальныхъ товарищей отъ безполезныхъ вспышекъ и обезпечить ихъ усиліямъ максимумъ производительности. «Помощь провинціи,—писалъ Варленъ,—можетъ оказаться очень для насъ выгодной въ смыслѣ отвлеченія силъ и деморализаціи правительства» (Loc. cit., стр. 41).

Они хорошо понимали, что рѣшительная схватка только отсрочена;

борьба же еще болѣе затруднялась страхами буржуазіи. «Мы тѣмъ болѣе принуждены вести себя осторожно,—говорилъ Варленъ въ томъ же письмѣ,—что чувствуемъ себя одинокими. Мы должны будемъ однимъ ударомъ отрубить гидрѣ всѣ головы, но намъ нельзя промахнуться, и вотъ почему мы колеблемся» (19 января 1870).

Черезъ нѣсколько дней парижскимъ соціалистамъ снова пришлось задать себѣ вопросъ, не начинается-ли уже рѣшительный бой.

18 января Законодательный Корпусъ далъ правительству разрѣшеніе на возбужденіе преслѣдованія противъ Рошфора; 22 января 6-ая палата приговорила его къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и къ 3.000 франковъ штрафа. 7 февраля онъ былъ арестованъ въ Бельвилѣ въ тотъ моментъ, когда онъ отправлялся на народное собраніе; а Флурансъ провозгласилъ возстаніе противъ Имперіи «во имя защиты законовъ и всеобщаго избирательнаго права» и призвалъ предмѣстья къ оружію. 8-го утромъ въ «Марсельезѣ» появилось воззваніе, подписанное большинствомъ ея сотрудниковъ (назовемъ имена Дерера, Мильера и Варлена), въ которомъ послѣдніе заявляли, что они по прежнему будутъ высоко и твердо держать «знамя соціалистической демократіи и непоколебимыхъ требованій». Вечеромъ полиція арестовала всѣхъ сотрудниковъ, находившихся въ редакціи газеты.

Въ тотъ же день къ нѣсколькимъ депутатамъ лѣвой явилась рабочая делегація, потребовавшая отъ нихъ, чтобы они сложили съ себя депутатскія полномочія. «Еслибы депутаты послѣдовали этому приглашенію,—писалъ Варленъ на слѣдующій день въ письмѣ къ Ришару,—то это послужило бы сигналомъ къ всеобщему возстанію. Рабочіе готовы. Громкій шагъ буржуазныхъ депутатовъ увлекъ бы буржуазію; въ виду единодушнаго возстанія армія несомнѣнно поколебалась бы и революція удалась бы». Какъ мы видимъ, эта попытка закончилась неудачей.

Но исходъ схватки, опоздавшей на два дня, былъ предрѣшенъ. Вечеромъ 9 января въ демократическихъ газетахъ появился призывъ къ спокойствію, подписанный членами Интернаціонала (Адамъ, Шаленъ, Комбо, Даву, Жуаннаръ, Ландренъ, Бенуа Малонъ, Мартэнъ, Перье, Пепди). «Моральная революція,—говорили они,—уже совершилась. Всѣмъ честнымъ убѣжденіямъ мы говоримъ: разореніе, униженіе и позоръ скоро кончатся. Можно сказать, что мы находимся у пролога революціи... и вотъ мы, твердо рѣшившіеся заплатить своими головами за успѣхъ революціи, мы искренно заявляемъ, что по нашему мнѣнію удобный моментъ для рѣшительныхъ и немедленныхъ дѣйствій еще не наступилъ.

«Революція идетъ широкими шагами; не станемъ же загромождать ея дорогу нетерпѣніемъ, вполнѣ законнымъ, но въ то же время могущимъ сыграть пагубную роль. Во имя той соціальной республики, къ которой мы всѣ стремимся, во имя спасенія демократіи мы приглашаемъ всѣхъ товарищей не компрометтировать такого благопріятнаго положенія».

Послѣ безпорядковъ пошли массовые аресты. Между прочимъ, былъ арестованъ Варленъ, который просидѣлъ нѣсколько дней въ тюрьмѣ и былъ освобожденъ, не будучи ни разу допрошенъ, а также механикъ Межи, который убилъ полицейскаго надзирателя, явившагося его арестовать, и за этотъ подвигъ сдѣлался почетнымъ предсѣдателемъ всѣхъ народныхъ собраній. Правительство искренно или притворно вѣрило въ существованіе обширнаго и грознаго заговора.

Но если въ продолженіе этихъ первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1870 года со-

піалисты, примыкавшіе къ Интернаціоналу, принимали активное участіе въ политической агитаціи, то это не значитъ, что они забросили свою основную задачу т. е. руководство экономической борьбой рабочихъ и въ особенности организацію, безъ которой, по ихъ убѣжденію, революція не могла получить соціальный характеръ.

Отъ января до апрѣля они приняли участіе въ цѣломъ рядѣ экономическихъ конфликтовъ, но главнымъ образомъ въ знаменитой стачкѣ въ Крезо.

Извѣстно, что представляетъ Крезо въ настоящее время; извѣстно, съ помощью какихъ хитроумныхъ пріемовъ удается до сихъ поръ вносить разладъ въ ряды рабочихъ и парализовать ихъ усилія въ царствѣ Шнейдеровъ. Во время Второй Имперіи хозяйскій деспотизмъ былъ не мягче нынѣшняго, но только выступалъ въ еще болѣе обнаженномъ видѣ; тогда капиталистамъ не приходилось еще прибѣгать къ институту «рабочихъ делегатовъ» или къ подобнымъ ухваткамъ, чтобы сломить всякое поползновеніе рабочихъ къ независимости. Въ теченіе полувѣка хозяйскій гнетъ сохранился въ полной неприкосновенности; и старики, обозрѣвающіе всю свою жизнь, съ изумленіемъ констатируютъ, что въ 1870 г., 1881 или въ 1907 году моральное, а часто даже матеріальное положеніе рабочихъ въ Крезо оставалось почти безъ всякихъ измѣненій.

«Въ этомъ городѣ съ почернѣлыми домами,—говорилъ адвокатъ Леонъ Биго, защитникъ рабочаго Асси въ процессѣ Интернаціонала,—эдильская власть, полиція, составленіе протоколовъ предоставлены, подъ надзоромъ государства, одному человѣку, мэру Крезо, единственному заводчику Крезо, почти владѣльцу Крезо, а когда у этого высокаго и могучаго владыки рождается внукъ, его агенты возбуждаютъ въ населеніи энтузіазмъ, раздаютъ фонарики, воздвигаютъ призовыя мачты, на вершинѣ которыхъ развѣваются трехцвѣтные флаги съ надписью: Шнейдеру III» (Третій процессъ, стр. 144).

Какимъ же образомъ случилось, что эта забитая и покорная масса въ одинъ прекрасный день проснулась?

Въ Крезо, какъ мнѣ разсказывалъ товарищъ Ж.-Б. Дюмэ, существовалъ небольшой кружокъ молодежи, въ который входилъ и разсказчикъ и который въ 1868 году основалъ демократическую библіотеку. Извѣстно также, что во время выборовъ 1869 года нѣкоторые жители Крезо, не сознавая, что они играютъ роль пѣшекъ въ чужихъ рукахъ, дѣйствовали по указкѣ нѣкоего Ларока, сотрудника газеты «Le Parlement», который душой и тѣломъ былъ преданъ Руэру и всяческими способами старался подорвать престижъ соперника своего покровителя. Но населеніе Крезо было сразу выведено изъ своей спячки чисто рабочимъ вопросомъ.

Въ Крезо существовала касса пособій, средства которой отчасти составлялись путемъ вычетовъ изъ заработной платы, но которою завѣдывалъ и управлялъ владѣлецъ завода. За послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ рабочіе выражали недовольство этой системой, и нѣкоторые изъ нихъ требовали, чтобы управленіе кассой предоставлено было самимъ рабочимъ. Шнейдеръ, въ своемъ маленькомъ царствѣ подражавшій псевдодемократическимъ ухваткамъ своего государя, задумалъ произвести плебисцитъ по вопросу о томъ, можетъ-ли онъ остаться администраторомъ кассы. Онъ заявилъ, что желаетъ передать управленіе кассой рабочимъ, и предоставилъ этотъ вопросъ рѣшенію всеобщаго голосованія, расчитывая на то, что его покорные рабочіе попросятъ его не отказываться отъ завѣдыванія кассой. Освѣдомленные о намѣреніяхъ

хозяина и хорошо вышколенные мастера бѣгали по мастерскимъ, выкрикивая: «это невозможно! мы съ этимъ не можемъ согласиться! г-нъ Шнейдеръ долженъ остаться администраторомъ кассы».

Однако пропаганда небольшого независимаго ядра, въ соединеніи съ совершенно естественнымъ желаніемъ многихъ рабочихъ самостоятельно завѣдывать собственными деньгами, привела къ голосованію, которое для Шнейдера оказалось сюрпризомъ: изъ 4.798 внесенныхъ въ списки рабочихъ 1.943 высказались за возвращеніе кассы рабочимъ, а 536 за сохраненіе власти заводчика.

Но какъ теперь организовать кассу? Рабочіе Крезо не умѣли даже какъ слѣдуетъ вести собранія, по одинъ монтеръ, прибывшій за нѣсколько лѣтъ до того изъ Парижа въ Крезо, человѣкъ ловкій и умный, но отчасти не освободившійся еще отъ духа военной дисциплины, который онъ вынесъ изъ казармы, преподалъ имъ надлежащія наставленія. Онъ былъ избранъ президентомъ, а въ помощь ему были назначены два помощника. Одинъ изъ нихъ воскликнулъ: «если насъ уволятъ съ завода, то всѣ должны уйти». Товарищу Асси было поручено преобразовать прежнюю кассу въ общество взаимопомощи. Все это происходило 17 января.

19 января, придя въ мастерскую, онъ нашелъ на своемъ мѣстѣ свою рабочую книжку и свои деньги. Онъ уже собирался уходить, не говоря ни слова, но одинъ изъ его помощниковъ Лакайль, работавшій у горна недалеко отъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, также получилъ расчетъ и явился въ мастерскую, чтобы разсказать объ этомъ товарищамъ. 300 рабочихъ, занятыхъ въ этой мастерской, сейчасъ же побросали работу и разбѣжались по заводу; въ часъ всѣ работы на заводѣ были пріостановлены; лежавшій въ постели больной Дюмэ видѣлъ, какъ рабочіе опрокидывали тачки съ углемъ.

На слѣдующій день избранъ былъ стачечный комитетъ. Шнейдеръ принялъ делегатовъ въ театральной обстановкѣ и заявилъ имъ, что онъ предпочтетъ потушить всѣ доменныя печи, чѣмъ уступить давленію забастовщиковъ; въ то же время президентъ Законодательнаго Корпуса призвалъ на помощь правительственныя силы и запялъ свой заводъ войсками: 4.000 солдатъ прибыли для обузданія рабочихъ.

Неужели снова повторится бойня, имѣвшая мѣсто въ Обенѣ и Рикамари? Неужели Имперія безостановочно будетъ проливать кровь пролетаріевъ? Рѣзкій протестъ раздался не только изъ рядовъ секціи Интернаціонала, но изъ всѣхъ республиканскихъ рядовъ. Въ Законодательномъ Корпусѣ Эскиросъ, видавшій англійскія стачки, и Гамбетта, оба побуждаемые требованіемъ марсельскихъ соціалистовъ (ср. письмо Бастелика къ Варлену отъ 2-го февраля 1870 года, Третій процессъ, стр. 44), интерпеллировали министра по поводу посылки войскъ.

Но рабочіе Крезо еще не способны были упорно бороться за свою независимость. Стачка вспыхнула во вторникъ, а уже въ субботу девять десятыхъ рабочихъ просились обратно на заводъ. Шнейдеръ заставилъ ихъ подождать; «работы возобновятся, когда я захочу», гласили его афиши. Онъ захотѣлъ во вторникъ.

«Зачинщики», члены стачечнаго комитета и вообще всѣ подозрительныя лица, хотя бы и не принимавшія участія въ стачкѣ, какъ, напримѣръ, Дюмэ, были уволены съ завода. Спокойствіе возстановилось...

Но это было чисто внѣшнее спокойствіе. Когда рабочій. даже самый согбенный подъ ярмомъ, разъ только поднялъ голову, однажды «увидалъ

солнышко», то онъ объ этомъ уже не забываетъ. Республиканскія газеты, не жалѣвшія чернилъ для нападокъ на имперіалиста Шнейдера, читались съ величайшей жадностью; отправленные ими въ Крезо корреспонденты возбуждали любопытство рабочихъ; въ особенности поразили крезотинцевъ манифесты и воззванія Интернаціонала.

Дюмэ и Асси остались на мѣстѣ, поддерживая сношенія съ различными секціями; ежедневно въ Крезо доставлялось и распространялось 60—80 номеровъ «Марсельезы». Асси продолжалъ свою организаторскую работу; одно время онъ и его товарищи увлеклись даже безумной мечтой и задумали основать кооперативный заводъ въ Крезо! Но такъ какъ жизнеспособнымъ было только общество сопротивленія, то оно и развилось; подъ пепломъ, оставшимся отъ гигантскаго, но мимолетнаго пожара, какимъ и была первая стачка, продолжалъ тлѣть огонь.

Стачка въ Крезо и вызванная ею агитація еще сильнѣе убѣдили дѣятелей Интернаціонала въ необходимости рабочей организаціи. Можно сказать, что никогда они не набрасывались такъ на организаціонную работу, какъ въ февралѣ и мартѣ, когда они все живѣе начинали чувствовать, что они обязаны подготовиться къ надвигающимся событіямъ.

Въ Парижѣ Варленъ неусыпно трудился надъ усиленіемъ и сплоченіемъ экономическихъ организацій, т.-е. обществъ сопротивленія. Соціалисты работали во всѣхъ направленіяхъ и малу по малу имъ удалось пропитать своимъ духомъ многіе рабочіе союзы. Не наступилъ-ли часъ, когда рабочій классъ понялъ, наконецъ, что онъ долженъ не разбрасывать свои силы, а внести планомѣрность и порядокъ въ свою борьбу?

Какъ мы видѣли, въ Парижѣ существовали двѣ федеральныя организаціи; впрочемъ, многіе союзы примыкали одновременно къ обѣимъ. Съ одной стороны, имѣлась «Федеративная пятисантимная касса предусмотрительности», обычно называемая «Кассой гроша», которая оказывала серьезныя услуги бастовавшимъ цехамъ съ 1865 г. Для составленія общаго фонда солидарности, спеціально предназначеннаго для выдачи пособій во время стачекъ, всѣ примыкающія къ кассѣ корпораціи еженедѣльно отчисляли въ ея пользу по пяти сантимовъ со всѣхъ членскихъ взносовъ. Комитетъ, избранный для управленія кассой, прямо назначалъ ссуды изъ этого фонда.

Съ другой стороны, имѣлась Федеральная камера парижскихъ рабочихъ союзовъ, основанная по иниціативѣ бронзовщиковъ и окончательно сложившаяся въ декабрѣ 1869 г. Послѣ продолжительныхъ преній рѣшено было, что произведенные расходы будутъ впослѣдствіи раскладываться между союзами пропорціонально числу ихъ членовъ. Варленъ предпочиталъ финансовое устройство «Кассы гроша» и рекомендовалъ Ришару ввести въ Ліонѣ именно эту систему (письмо отъ 19 февраля 1870 г.). «Такимъ образомъ,—писалъ онъ ему,—въ вашемъ распоряженіи всегда будетъ имѣться достаточный фондъ не только для покрытія всѣхъ расходовъ Федераціи, но и для составленія капитала, обезпечивающаго займы, которые придется заключать вашей Федераціи». А секретарь парижской Федеральной камеры высказывалъ сожалѣніе о томъ, что за отсутствіемъ этой системы онъ не могъ представить брюссельскимъ союзамъ серьезной гарантіи для займа, который предполагалось заключить въ цѣляхъ открытія кооперативнаго кожевеннаго завода. «Всѣхъ этихъ гарантій, безусловно необходимыхъ, если мы хотимъ интернаціонализировать кредитъ, Федеральная камера париж-

скихъ рабочихъ союзовъ не можетъ дать въ виду того, что она основана на чисто моральной связи. Въ этомъ отношеніи Федеральная камера далеко отстала отъ «Кассы гроша». Во время недавней стачки рабочихъ, выдѣлывающихъ хирургическіе инструменты, которая происходила послѣ стачки сыромятниковъ, «Касса гроша» гарантировала заемъ въ тысячу франковъ, сдѣланный у брюссельскихъ типографщиковъ».

Планъ Варлена заключался въ объединеніи и сліяніи обѣихъ этихъ организацій, причемъ у одной слѣдовало заимствовать ея прочное матеріальное устройство, а у другой ея идею согласованнаго и планомѣрнаго публичнаго выступленія рабочихъ союзовъ, какъ таковыхъ. «Союзъ переплетчиковъ, который я представляю,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ,—одновременно входитъ и въ Кассу гроша, и въ Федеральную камеру; точно такъ же дѣло обстоитъ и съ нѣсколькими другими корпораціями. Мы стремимся къ сліянію обѣихъ организацій, которыя дополнятъ другъ друга, такъ какъ одна проникнута чисто практическимъ духомъ, а другая слишкомъ теоретическимъ или вѣрнѣе идеалистическимъ духомъ; я не могу подобрать подходящаго слова».

Федераціи и группы, существовавшія въ различныхъ городахъ, обмѣнивались своими уставами: почти всѣ письма сопровождаются такими приложеніями. Всѣ эти люди прежде всего стремились къ объединенію рабочихъ въ синдикаты, а мѣстныхъ синдикатовъ въ федераціи. По правдѣ сказать, не видно, чтобы въ то время чувствовалась потребность въ организаціи національныхъ профессіональныхъ союзовъ: сношенія между мѣстными федераціями носили настолько постоянный характеръ, что дѣлали излишней національную организацію; связь съ заграничными рабочими союзами поддерживалась черезъ посредство Интернаціонала. Примыкали ли цѣликомъ рабочіе союзы къ великой Международной Ассоціаціи или нѣтъ, все равно она связывала ихъ всѣхъ воедино и одушевляла всю эту великую армію труда общей идеей рабочей солидарности.

Но достаточно-ли одной этой моральной связи? Какимъ образомъ соціалисты, входящіе въ союзы, которые отказываются цѣликомъ примкнуть къ Международной Ассоціаціи, могутъ пріобщиться къ дѣятельности Интернаціонала? Въ какой формѣ могутъ примкнуть къ послѣднему люди, по тѣмъ или инымъ причинамъ не входящіе въ рабочіе союзы? И въ особенности какъ устроить, чтобы въ моментъ выступленій самые рѣшительные и активные люди могли встрѣтиться между собой? Если даже допустить, что рабочіе союзы мало по малу сплотятъ всю рабочую массу, то развѣ эта масса не будетъ нуждаться ну, хотя бы въ иниціативѣ сознательныхъ людей? Въ Англіи существуютъ бокъ о бокъ трэдъ-юніоны и секціи Интернаціонала (Третій процессъ, стр. 183): не полезно-ли будетъ добиться того же во Франціи?

До сихъ поръ интернаціоналисты посвящали главныя силы чисто профессіональной дѣятельности; но въ первые мѣсяцы 1870 г., побуждаемые опять таки мыслью о предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ выступленіяхъ, они, повидимому, стараются главнымъ образомъ основывать новыя секціи или возстановлять старыя и возсоздать самостоятельную организацію французскаго Интернаціонала наряду съ федераціями профессіональныхъ союзовъ. «Силы есть,—писалъ Бастелика 2 февраля 1870 г.,—но движенія нѣтъ: мы представляемъ духъ безъ плоти. Стадію ученичества наши рабочіе про-

шли въ синдикатахъ. Интернаціоналъ—это стадія революціоннаго мастерства; лично и съ точки зрѣнія активнаго дѣйствія я не столько полагаюсь на численность, сколько на закалъ».

Въ это время повсюду начинаютъ основываться секціи Интернаціонала или, какъ нѣкоторые говорятъ, революціонныя секціи. Въ Марселѣ и въ Варскомъ департаментѣ, среди рабочихъ пробочныхъ фабрикъ, дѣятельную агитацію велъ Бастелика; Малонъ завязалъ сношенія съ Сентъ-Этьенскими товарищами (1 марта); въ Ліонѣ федерація была реорганизована на основѣ принциповъ Интернаціонала; изъ Мюльгаузена, изъ Сѣвернаго департамента, изъ Бреста получались письма, свидѣтельствовавшія о томъ, что повсюду дѣятели Интернаціонала проявляютъ новую энергію. Наконецъ, въ Парижѣ въ началѣ марта секціи Интернаціонала объединились въ федерацію для того, чтобы сплотить свои силы и установить болѣе правильныя сношенія съ Генеральнымъ Совѣтомъ. «Это составитъ, — писалъ 8 марта Варленъ, не оставлявшій все-таки своей мысли объ единой организаціи,—это составитъ третью рабочую федерацію въ Парижѣ; конечно, существованіе трехъ отдѣльныхъ организацій достойно сожалѣнія, но упорное нежеланіе парижскихъ союзовъ примкнуть къ Интернаціоналу заставило насъ рѣшиться на такой шагъ. Позже мы посмотримъ, нельзя-ли добиться сліянія. Секцій насчитывается уже теперь тринадцать; изъ нихъ пять корпоративныхъ, пять районныхъ (въ пригородахъ и парижскихъ кварталахъ) и три кружка: кружокъ соціальнаго самообразованія, соціалистическій кружокъ и позивитивистскій кружокъ» (Третій процессъ, стр. 53).

Оставалось наконецъ сдѣлать послѣдній шагъ, т.-е. объединить федераціи и создать національную организацію. Какъ бы тѣсна ни была дружба между Варленомъ, Малономъ, Ришаромъ и Бастелика (чтобы упомянуть только о главныхъ дѣятеляхъ въ крупныхъ городахъ), ихъ переписки было, конечно, недостаточно для приданія рабочему движенію того единства дѣйствій, необходимость котораго французскій пролетаріатъ ощущалъ все живѣе и живѣе. Въ іюлѣ 1869 г. (письмо къ Ришару отъ 26 іюля) Обри, повторяя прудонистскую формулу, заговорилъ о Федераціи труда. 20 ноября Варленъ также въ письмѣ къ Ришару, въ которомъ онъ разсказывалъ о томъ, какъ стачка сыромятниковъ ускорила образованіе Федеральной камеры, писалъ: «Какъ у васъ обстоятъ дѣла въ Ліонѣ? Думаете-ли вы объ образованіи Федераціи? Это крайне необходимо. Мы могли бы сейчасъ основать національную Федерацію путемъ объединенія парижской, руанской и марсельской Федерацій (думается, что и въ Марселѣ можно основать мѣстную федерацію). Такимъ образомъ мы достигли бы значительной силы, которая обезпечила бы намъ вліятельную роль въ подготовляющихся событіяхъ. Что особенно важно,—мы могли бы приступить къ изученію средствъ организаціи труда послѣ революціи; мы должны быть готовы къ этому дню, если мы не хотимъ лишній разъ остаться въ дуракахъ».

Наконецъ Альбертъ Ришаръ и члены ліонской секціи, съ своей стороны, начали подумывать объ организаціи большого съѣзда, который долженъ былъ явиться какъ бы первымъ конгрессомъ французскихъ и швейцарскихъ секцій Интернаціонала.

Въ концѣ концовъ первые осуществили эту идею ліонцы; они пригласили руанцевъ, парижанъ, марсельцевъ и швейцарцевъ прислать по крайней мѣрѣ по одному делегату на большое собраніе, назначенное на 13-ое марта. Малону хотѣлось, чтобы конгрессъ былъ чисто французскимъ и чтобы онъ состоялся въ Буржѣ, «древнемъ Аварикѣ», топографическомъ центрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ центральномъ пунктѣ галльскаго сопротивленія Цезарю; Варленъ предпочелъ бы подождать съ созывомъ съѣзда (письмо Малона къ Ришару отъ 7-го нивоза LXXVIII года; почтовый штемпель указываетъ 26 декабря 1869 года). Но они не настаивали на своихъ возраженіяхъ, и собраніе состоялось.

Марсель, Вьеннь (Изерскій департаментъ), Ла-Сіота, Дижонъ, Руанъ и Парижъ прислали своихъ делегатовъ; представителемъ Парижа былъ Варленъ, а Швейцарію представлялъ Швицгебель. На собраніи присутствовало около 5.000 человѣкъ; предсѣдательствовалъ Варленъ; рѣчи произнесли Бастелика, Обри, Ришаръ, Пачини (изъ Марселя) и Швицгебель. Наконецъ прочитанъ былъ адресъ бельгійскихъ рабочихъ, составленный де-Папомъ, въ которомъ заявлялось, «что дальнѣйшее существованіе политическаго государства не имѣетъ никакого смысла; искусственный механизмъ, называемый правительствомъ, исчезаетъ въ экономической организаціи, а политика растворяется въ соціализмѣ». Близкимъ друзьямъ Бакунина Ришаръ сообщилъ прекрасное и сильное письмо великаго революціонера, въ которомъ послѣдній предостерегалъ ихъ противъ всякаго сотрудничества съ буржуазнымъ радикализмомъ. «Ліонское собраніе,—говоритъ Гильомъ, у котораго мы заимствовали эти подробности (L'Internationale, I, 284 — 85), — открыто засвидѣтельствовало объединеніе трехъ странъ французскаго языка; а коллективисты романскихъ секцій могли убѣдиться, что въ принципіальномъ отношеніи они вполнѣ солидарны съ французскими и бельгійскими секціями Интернаціонала». Но большинство, повидимому, еще не удовлетворялось связью, установившейся между различными французскими федераціями; такъ напримѣръ, Обри въ теченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ не переставалъ напоминать товарищамъ о необходимости созвать настоящій конгрессъ.

Вся эта планомѣрная и непрерывная работа, выполняемая съ неутомимой энергіей, которую ничто не могло ослабить, ни клевета, расточаемая по адрессу Ришара, ни увольненіе съ фабрики мирнаго и безупречнаго Обри, ни охота марсельской полиціи за Бастелика, ни, наконецъ, остракизмъ, примѣненный предпринимателями Парижа и Сѣвернаго департамента къ Малону,—вся эта работа составляла для Имперіи самую страшную угрозу. Рабочая организація смыкалась какъ бы тѣснымъ кольцомъ вокругъ растерявшагося правительства. Интернаціоналъ мало по малу собиралъ подъ свои знамена весь рабочій классъ: въ апрѣлѣ насчитывалось свыше 250.000 его сторонниковъ.

Тѣмъ временемъ политическая агитація не прекращалась. Въ началѣ марта общественное мнѣніе было взволновано турскимъ процессомъ: Пьеръ Бонапартъ, убійца Виктора Нуара, предсталъ передъ судьями и былъ оправданъ.

Вскорѣ послѣ того борьба между Имперіей и республиканской оппозиціей возобновилась по другому, болѣе серьезному поводу. Министерство Оливье, продолжавшее запрещать народныя собранія и преслѣдовать газеты подобно прежнимъ реакціоннымъ министерствамъ и стремившееся,

по его словамъ, обуздать демагогію, съ другой стороны, пыталось доказать свой искренній «либерализмъ» и реформаторскій пылъ. Въ февралѣ, благодаря искусному маневру республиканской лѣвой, оно принуждено было высказаться противъ оффиціальныхъ кандидатуръ и, по крайней мѣрѣ на время, лишилось поддержки правой. Съ другой стороны, связанное своими обѣщаніями осуществить преобразованія, оно должно было предложить пересмотръ конституціи. Въ письмѣ отъ 21-го марта императоръ заявилъ о своей твердой рѣшимости «принять всѣ реформы, требуемыя конституціоннымъ правленіемъ». А черезъ мѣсяцъ, 20 апрѣля, эта реформа была осуществлена: Сенатъ превратился въ верхнюю палату, раздѣляющую законодательную власть съ выборной палатой; учредительная власть предоставлялась народу: отнынѣ ни одно измѣненіе въ конституціи не могло произойти безъ плебисцита.

Могли-ли эти реформы упрочить Имперію и пріостановить ростъ республиканской и соціалистической оппозиціи? Нѣкоторые изъ приближенныхъ императора сомнѣвались въ этомъ; и вотъ всѣ старались придумать средство, способное обезпечить судьбу поколебавшейся династіи. Одни уже подумывали о войнѣ, о новой погонѣ за внѣшней славой; другимъ же и въ особенности императору, усталому, больному и одряхлѣвшему, не хотѣлось прибѣгать къ такому рискованному средству. За послѣдніе два года, въ продолженіе которыхъ затруднительность его положенія не переставала расти, Наполеонъ III мечталъ о возвращеніи себѣ популярности и новой власти съ помощью какого-нибудь громкаго плебисцита. Сенатъ, руководимый Руэромъ, энергично клонилъ къ тому же. Бонапартисты, стоявшіе за сильную власть, льстили себя надеждой найти въ этомъ повтореніи пріемовъ 1852 г. противовѣсъ противъ пускавшаго корни парламентаризма; они разсчитывали превратить плебисцитъ въ апоѳеозъ личнаго правленія и противопоставить его стремленіямъ либераловъ.

Сначала Эмиль Оливье упирался, но въ концѣ концовъ уступилъ; орлеанисты Бюффе и Дарю не хотѣли примириться съ этимъ возвращеніемъ къ цезаризму и подали въ отставку.

23-го апрѣля французскій народъ былъ созванъ въ свои комиціи, чтобы отвѣтить на вопросъ: «одобряетъ-ли онъ либеральныя реформы, введенныя въ конституцію съ 1860 года императоромъ при содѣйствіи высшихъ государственныхъ установленій, и утверждаетъ-ли онъ сенатусъ-консультъ отъ 20 апрѣля 1870 года»?

Голосованіе должно было состояться 8 мая. Съ 23 апрѣля по 8 мая не прекращалась кампанія. Утвердительное голосованіе означало не только одобреніе либеральныхъ реформъ, но и привязанность къ Имперіи; съ другой стороны, оно, какъ и послѣ іюньскихъ дней 1848 года, равносильно было бы выраженію признательности императору, какъ охранителю порядка и собственности. «Дайте мнѣ,—говорилъ Наполеонъ III въ прокламаціи отъ 23 апрѣля,—новое доказательство вашей привязанности. Отвѣтивъ утвердительно на предложенный вамъ вопросъ, вы парализуете угрозы революціи, вы подведете прочный фундаментъ подъ зданіе порядка и свободы и облегчите въ будущемъ переходъ короны къ моему сыну».

При такой постановкѣ вопроса борьба за утвердительный или отрицательный вотумъ превратилась въ борьбу между Имперіей и республикой; но республиканцы шли въ бой разрозненными отрядами: по мѣрѣ того, какъ ихъ сила росла, а конечный успѣхъ становился все несомнѣннѣе, они все

рѣшительнѣе порывали съ тактикой компромиссовъ и начали все болѣе открыто подчеркивать свои частныя стремленія и чаянія.

На квартирѣ Кремье собрался комитетъ, состоявшій изъ лѣвыхъ депутатовъ и журналистовъ. Эрнестъ Пикаръ отказался подписать выпущенныя этимъ комитетомъ прокламаціи: на журналистовъ и на депутатовъ,—говорилъ онъ,—возложены различныя задачи; но на самомъ дѣлѣ онъ, Геноѣъ, и нѣкоторые другіе умѣренные республиканцы просто боялись революціонныхъ и соціалистическихъ манифестацій, отвѣтственность за которыя Имперія взваливала на всю республиканскую партію въ цѣломъ и которыя отталкивали отъ партіи многіе буржуазные элементы. Такимъ образомъ о т к р ы т а я л ѣ в а я впервые заявила о своемъ отдѣльноммъ существованіи отъ з а к р ы т о й л ѣ в о й.

Съ другой стороны, Делеклюзъ пытался, хотя и тщетно, составить новый, болѣе крайній комитетъ. «Марсельеза» и «Rappel» еще прежде отказались принять участіе въ засѣданіяхъ комитета Кремье; они считали нужнымъ продемонстрировать свое враждебное отношеніе къ Имперіи въ болѣе громкой и рѣзкой формѣ.

Попыткамъ республиканцевъ и соціалистовъ бонапартисты противопоставили свою пропаганду. Противъ «Демократическаго Комитета» улицы Сурдьеръ дѣйствовалъ «Центральный Плебисцитарный Комитетъ». Если члены лѣваго центра принимали сравнительно слабое участіе въ кампаніи, то крайняя правая возлагала на эту борьбу всѣ свои надежды.

Она полагала, что если плебисцитъ выскажется за правительство подавляющимъ большинствомъ, то это равносильно будетъ концу либерализма и несомнѣнному возврату къ политикѣ сильной власти.

Теперь правительство не могло остаться въ долгу. Какія бы возвышенныя заявленія Эмиль Оливье ни дѣлалъ противъ оффиціальныхъ кандидатуръ, онъ чувствовалъ слишкомъ сильную тревогу и передъ демократическимъ напоромъ, и передъ надеждами «аркадцевъ», чтобы въ свою очередь не воспользоваться всѣми традиціонными и излюбленными пріемами императорскихъ министровъ. Онъ уже рекомендовалъ всѣмъ агентамъ правительства «проявить снѣдающую дѣятельность», а подъ конецъ кампаніи онъ пригласилъ генеральныхъ прокуроровъ принять строгія мѣры. «Пришло время,—писалъ онъ,—дать почувствовать руку правительства»; а такъ какъ онъ хотѣлъ сохранить, по кайней мѣрѣ, хоть видъ либеральнаго министра, то онъ рекомендовалъ имъ также уважать свободу, но при этомъ присовокуплялъ, что «подстрекательство къ убійству и гражданской войнѣ рѣшительно противорѣчитъ свободѣ».

Такимъ образомъ Эмиль Оливье собирался направить свои главные удары противъ соціалистовъ. И дѣйствительно, своей пропагандой, организаціей и дѣятельностью они все болѣе и болѣе возбуждали опасенія правительства.

Со времени ліонскаго собранія въ теченіе всего марта и апрѣля Интернаціоналъ продолжалъ работать съ неослабѣвающей энергіей.

23 марта въ Крезо вспыхнула новая стачка, на этотъ разъ вызванная пониженіемъ расцѣнокъ, которое администрація завода постановила произвести, даже не предупредивши о томъ рабочихъ. Асси и интернаціоналисты съ января не прекращали своей пропаганды, и очень возможно, что дирекція хотѣла разъ навсегда съ этимъ покончить посредствомъ рѣшительной битвы.

И на этотъ разъ всѣ рабочіе союзы приняли горячее участіе въ этой борьбѣ; парижская секція, а вслѣдъ за нею различныя федераціи и секціи выпустили воззванія. Малонъ отправился въ Крезо въ качествѣ корреспондента «Марсельезы», а, какъ писалъ Варленъ, при «тогдашнихъ обстоятельствахъ эта поѣздка могла только принести пользу Интернаціоналу» (Третій процессъ, стр. 57).

Черезъ нѣсколько недѣль правительственныя и судебныя насилія одолѣли сопротивленіе рабочихъ. Нѣкоторые рабочіе въ началѣ апрѣля были приговорены въ Отенѣ къ различнымъ наказаніямъ за проступки, связанные съ забастовкой; 1 мая арестованъ былъ самъ Асси. Такимъ образомъ борьба была кончена.

Но какъ бы сурова она ни была и какого бы напряженія силъ она ни потребовала, она не могла поглотить всей энергіи членовъ Интернаціонала. Повсюду шла интенсивная работа. Въ Ліонѣ къ концу марта насчитывалось 27 ремесленныхъ корпорацій, примыкавшихъ къ мѣстной федераціи, а 10 апрѣля къ ней примкнула также Сентъ-Этьенская секція. Въ Руанѣ секція благодаря усиліямъ Обри начала издавать газету «Соціальная Реформа» и взяла на себя иниціативу созыва на 15-е мая настоящаго національнаго конгресса. Въ Марселѣ въ мартѣ къ федераціи примыкало 27 рабочихъ союзовъ, и послѣдняя пріобрѣла такую силу, что полиція сочла нужнымъ запутать Бастелика въ какое-то дѣло о заговорѣ. Въ Брестѣ другъ Пенди, нѣкій Ледоре, основалъ секцію. Послѣ большого собранія, имѣвшаго мѣсто въ началѣ апрѣля, Варленъ основалъ секцію въ Лиллѣ и немедленно связалъ ее съ руанцами.

Съ своей стороны, Малонъ также не сидѣлъ въ Крезо сложа руки. «Сколько требуется основать секцій въ провинціи, чтобы заслужить вѣнокъ за гражданскую добродѣтель? — радостно писалъ онъ 19-го апрѣля. — Если для этого требуется основать только двадцать, то я надѣюсь заслужить его. Вотъ что пока удалось сдѣлать: въ Крезо и въ Фуршамбо основано множество секцій, установлены письменныя сношенія съ демократическими группами въ Муленѣ, Неверѣ, Гериньи, Конѣ, Бопѣ, Дижонѣ, Шалонѣ, Турню, Геньонѣ, Тортеронѣ и Кламеси, а вѣдь это только начало.

«Идея Интернаціонала прививается съ поразительной быстротой. Старики, подвергшіеся ссылкѣ въ декабрѣ, со слезами пожимаютъ мнѣ руки и отдаются душой и тѣломъ Интернаціоналу, который является для нихъ настоящимъ откровеніемъ».—«Если бы намъ, интернаціоналистамъ,—писалъ онъ нѣсколькими днями раньше (7-го апрѣля), — удалось завести *постояннаго разъѣзднаго агитатора*, то мы могли бы вполнѣ подготовить почву для соціальной революціи». А 22 апрѣля, по окончаніи своего турнэ, онъ писалъ: «Побольше мужества, и скоро Интернаціоналъ распространится по всей Франціи; *на нашемъ ближайшемъ конгрессѣ у насъ будутъ уже представители отъ крестьянъ*» (Третій процессъ, стр. 87).

Наконецъ въ Парижѣ реорганизованныя секціи окончательно сложились въ федерацію (19 апрѣля) и старались установить болѣе правильныя сношенія съ лондонскимъ Генеральнымъ Совѣтомъ отъ имени всей Франціи, а эта идея также побуждала къ болѣе тѣсному сплоченію всѣхъ силъ.

Тѣмъ временемъ Интернаціоналъ принялъ горячее участіе въ плебисцитарной кампаніи. 11 апрѣля французская вѣтвь въ Лондонѣ рекомендовала опускать въ урну незаполненные бюллетени; вскорѣ парижскій ко-

митетъ послѣдовалъ этому примѣру. Организованъ былъ цѣлый рядъ антиплебисцитарныхъ собраній. 24 апрѣля въ «Марсельезѣ» появился общій манифестъ парижскихъ секцій Интернаціонала и Федеральной камеры рабочихъ союзовъ, манифестъ, обращенный ко всѣмъ французскимъ рабочимъ. «Недостаточно,—говорили авторы манифеста,—отвѣтить на плебисцитъ, который смѣютъ намъ навязывать, чисто отрицательнымъ вотумомъ; недостаточно предпочесть конституцію 1870 года конституціи 1852 г., парламентское правленіе — личному; необходимо, чтобы изъ урны вышло безповоротное осужденіе монархическаго режима и полное, радикальное провозглашеніе единственной формы политическаго устройства, соотвѣтствующей нашимъ законнымъ стремленіямъ, т. е. демократической и соціальной республики».

Со всѣхъ концовъ Франціи генеральные прокуроры, которыхъ Оливье просилъ посылать ему отчеты о плебисцитарной кампаніи, правильно или неправильно отмѣчали происки Интернаціонала. «Для правительства настало время положить конецъ этой революціонной агитаціи».

Началось дознаніе; произведены были обыски и аресты, и консервативная буржуазія могла съ чувствомъ удовлетворенія констатировать, что Имперія еще можетъ энергично расправляться съ зачинщиками соціальной смуты.

Вдобавокъ, чтобы окончательно растрогать ненадежныхъ и легковѣрныхъ избирателей, правительство весьма кстати раскрыло нѣкій маленькій заговорецъ. 30 апрѣля оно сообщило, что удалось арестовать нѣкоего Бори, прибывшаго изъ Лондона въ Парижъ съ цѣлью покуситься на жизнь императора, и что у столяра Русселя найдены были бомбы. 4 мая особымъ декретомъ созвано было засѣданіе суда, рѣшающаго вопросъ о преданіи обвиняемыхъ Верховному Суду, а прокуроръ Гранперре пустился расписывать обширный заговоръ, который былъ составленъ противъ Имперіи и всего общества и въ которомъ замѣшаны были многіе республиканцы. Полиція не изобрѣла этого заговора. «Значитъ ли это клеветать на нее, если сказать, что она его пріукрасила?» — спрашиваетъ г. Де-ла-Горсъ (I, стр. 113). Мы также не намѣрены, конечно, оклеветать Эмиля Оливье, когда отмѣчаемъ, что онъ мастерски воспользовался всей этой театральной обстановкой съ цѣлью терроризовать обывательскую массу. Оффиціальныя и оффиціозныя газеты прозрачно намекали, что Интернаціоналъ не можетъ не быть замѣшанъ въ этомъ заговорѣ. Парижскій федеральный совѣтъ съ негодованіемъ протестовалъ противъ этой инсинуаціи 2 мая: «Совершенно невѣрно,—заявлялъ его манифестъ,—будто Интернаціоналъ имѣетъ какое бы то ни было касательство къ новому заговору, который, по всей вѣроятности, настолько же дѣйствителенъ, какъ и всѣ прежнія выдумки этого рода. Интернаціоналъ слишкомъ хорошо знаетъ, что страданія всякаго рода, которыя приходится испытывать пролетаріату, гораздо больше зависятъ отъ современнаго экономическаго строя, чѣмъ отъ деспотизма нѣсколькихъ мастеровъ государственнаго переворота, онъ слишкомъ хорошо это знаетъ, чтобы тратить свое время на мечтанія объ устраненіи одного изъ нихъ».

8-го мая состоялась подача голосовъ: 7.358.786 избирателей сказали «да», 1.571.939 «нѣтъ», 1.894.681 воздержались отъ голосованія, 113.978 бюллетеней признаны были недѣйствительными. Итакъ, Наполеонъ III снова добился побѣдоноснаго большинства, которое нѣкогда вознесло его на престолъ; Имперія, казалось, была упрочена.

Нѣсколько недѣль іюня—іюля 1870 года, протекшія отъ плебисцита до объявленія войны, составляютъ замѣчательный періодъ въ исторіи Франціи. Наполеонъ III громче, чѣмъ когда-либо, продолжалъ заявлять о своихъ либеральныхъ намѣреніяхъ; онъ приглашалъ французовъ вмѣстѣ съ нимъ «безбоязненно взирать на будущее». Министерство реорганизовалось и пополнилось новыми дѣятелями: профессіональный дипломатъ Грамонъ получилъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ, а католикъ и протекціонистъ Плишонъ сдѣлался министромъ общественныхъ работъ. Въ области внѣшней политики все, повидимому, обстояло благополучно. Когда Жюль Фавръ во время обсужденія закона о контингентѣ интерпеллировалъ министра относительно иностранной политики французскаго правительства, Эмиль Оливье 30 іюня отвѣтилъ ему: «въ какую бы сторону ни посмотрѣть, нигдѣ не замѣтно никакихъ тревожныхъ вопросовъ, и никогда еще сохраненіе европейскаго мира не было болѣе обезпеченнымъ».

Въ области внутренней политики, несмотря на прорывавшееся тамъ и сямъ тревожное чувство, страна переживала какъ бы моментъ сосредоточенія и собиранія силъ. Въ рядахъ республиканской партіи, между революціонерами, изъ коихъ нѣкоторые дѣйствительно дискредитировали себя театральными выходками и ребяческими манифестаціями, и умѣренными, которые по примѣру Пикара изъ-за страха передъ краснымъ призракомъ готовы были уже превратиться чуть ли не въ династическую лѣвую, между этими обѣими крайностями группа Гамбетты, сочетавшая отвагу и выдержку, мало по малу забирала въ свои руки руководство партіей, все болѣе проникавшейся духомъ дисциплины и съ каждымъ днемъ становившейся все болѣе подготовленной къ роли правящей партіи.

Но въ рядахъ революціонныхъ соціалистовъ также замѣчалась нѣкоторая эволюція. Въ водоворотѣ мимолетныхъ агитаціонныхъ вспышекъ все болѣе и болѣе выяснялись прочныя и положительныя стороны организаціоннаго строительства и все его значеніе для будущихъ судебъ революціи. Именно такое впечатлѣніе выносилось изъ всѣхъ преній, имѣвшихъ мѣсто во время происходившаго тогда третьяго процесса Интернаціонала; несмотря на всѣ старанія императорскаго прокурора, силившагося отыскать въ дѣятельности Интернаціонала «безсвязные демагогическіе происки», этотъ процессъ, напротивъ, доказалъ всю послѣдовательность и энергію представителей рабочаго класса.

Процессъ начался 22 іюня въ 6-й палатѣ парижскаго исправительнаго суда. Изъ 38 подсудимыхъ 19 обвинялись въ руководствѣ или основаніи тайнаго сообщества (!), въ томъ числѣ Варленъ, Малонъ, Мюра, Жуаннаръ, Пенди, Комбо, Элигонъ, Авріаль, Асси, Ланжвенъ и пр., а остальные девятнадцать въ принадлежности къ этому сообществу.

Общую защитительную рѣчь произнесъ Шаленъ. Онъ показалъ, что Интернаціоналу вовсе не приходилось провоцировать стачекъ, а что эти конфликты вызываются исключительно «безнравственной и необузданной конкурренціей между фабрикантами, которая повергаетъ рабочихъ въ нищету, растущую съ каждымъ днемъ». Онъ разоблачилъ «священный союзъ» правителей и реакціонеровъ противъ Ассоціаціи рабочихъ, заклеймилъ посылку войскъ, предоставляемыхъ правительствомъ въ распоряженіе фабрикантовъ противъ стачечниковъ, краснорѣчиво опровергъ жалкое и вѣчно повторяемое противъ соціалистовъ обвиненіе въ стремленіи къ грабежу и дѣлежу имуществъ и, наконецъ, указалъ на непобѣдимую силу Интернаціо-

нала, являющагося современнымъ выраженіемъ «высшей формы человѣческаго общежитія, т. е. всемірной соціальной республики».

Императорскій прокуроръ счелъ нужнымъ заявить, что онъ протестуетъ «противъ этой безсодержательной фразеологіи, въ атмосферѣ которой онъ вращается уже цѣлый мѣсяцъ». Напротивъ, интернаціоналисты признали необходимымъ отдать судебныя пренія на судъ рабочей массы, понимая, что она не преминетъ признать всю справедливость этой «фразеологіи». Въ іюлѣ издана была брошюра, содержавшая отчетъ о Третьемъ процессѣ Интернаціонала.

Приговоръ, которымъ Варленъ, Малонъ, Мюра, Жуаннаръ, Пенди, Комбо, и Элигонъ были присуждены къ годичному тюремному заключенію за принадлежность къ тайному сообществу, а ихъ товарищи только къ двухмѣсячному заключенію за принадлежность къ Интернаціоналу, неразрѣшенному союзу, состоящему болѣе, чѣмъ изъ двадцати человѣкъ,—этотъ приговоръ не могъ конечно, затормозить развитіе соціалистическаго движенія. Напротивъ, на той стадіи, на которой это движеніе тогда находилось, онъ могъ только принести ему пользу.

Несмотря на безконечныя придирки, сознательные борцы повсюду съ вѣрой и спокойствіемъ продолжали свою работу. 15 іюля, т. е. въ тотъ самый день, когда рѣшено было объявить Пруссіи войну, Обри еще послалъ Ришару письмо, въ которомъ онъ объяснялъ, какимъ путемъ ему удается обезпечить существованіе «Соціальной Реформы», и доказывалъ, что такія же газеты можно легко завести при различныхъ федераціяхъ. Далѣе онъ сообщалъ, что, несмотря на направленную противъ него травлю, онъ съ непоколебимой вѣрой глядитъ на будущее.

«Несмотря на всѣ эти преслѣдованія,—писалъ онъ,—эти презрѣнныя твари попусту теряютъ свое время; въ настоящее время они только убѣждаютъ самыхъ индифферентныхъ людей, что клеветническія выходки, пущенныя въ ходъ противъ меня и противъ Интернаціонала, лживы отъ начала до конца. А нашъ листокъ за послѣднія нѣсколько недѣль начинаетъ читаться среди буржуазіи, которая въ свою очередь начинаетъ понимать, что рабочее движеніе гораздо серьезнѣе, чѣмъ ей говорили. Я получилъ также три номера «Ліонскаго Прогресса», въ которыхъ помѣщены ваши статьи о развитіи Интернаціонала. Привѣтствую васъ за то, что вы выступили въ защиту нашей святой ассоціаціи. Только я сообщу вамъ, если хотите, свои замѣчанія на теоретическую часть вашей статьи, чтобы доказать вамъ, что вы заблуждаетесь, систематически отвергая относительное равновѣсіе цѣнности...

«Скажите, хотите ли вы, чтобы я отвѣчалъ вамъ публично или въ письмѣ? Не забудемъ, дорогой товарищъ, что теоретическое обсужденіе подготовляетъ то послѣ-революціонное строительство, котораго громко требуютъ отъ насъ противники нашего освобожденія. Если мы столкуемся относительно научныхъ средствъ, то мы обезопасимъ себя отъ жестокихъ разочарованій. Вѣрьте мнѣ, мой дорогой Ришаръ, что въ настоящій моментъ не существуетъ ни прудонистовъ, ни коллективистовъ, ни индивидуалистовъ, ни мютюэлистовъ въ чистой формѣ; теперь могутъ существовать только преданные соціалисты, старающіеся достигнуть разрѣшенія соціальнаго вопроса для того, чтобы на вѣки вѣчные обезпечить благосостояніе и свободу для всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ жить трудами рукъ своихъ».

Какой скорбной грустью звучатъ эти дышащія вѣрой слова, написанныя въ тотъ моментъ, когда уже надвигались неожиданныя событія, которыя однимъ ударомъ должны были разрушить плоды упорныхъ усилій послѣднихъ лѣтъ!

*

* *

Какъ развивалось бы далѣе это замѣчательное движеніе? Какую бы позицію заняли по отношенію къ нему республиканцы? Какой новый союзъ могла бы падающая Имперія заключить съ буржуазіей, снова охваченной консервативными чувствами? Какія фракціи обнаружили бы, быть можетъ, сочувственное отношеніе къ соціализму?.. Какъ бы мы ни фантазировали на эту тему, исходя изъ внимательнаго анализа фактовъ и тенденцій, но дѣйствительность, какъ извѣстно, пошла совершенно опредѣленнымъ путемъ.

Въ тотъ моментъ, когда проснувшійся французскій пролетаріатъ съ юной энергіей и съ полнымъ сознаніемъ возобновилъ борьбу за свое освобожденіе; когда среди общаго демократическаго потока немногіе соціалисты, разглядѣвшіе будущее и «гордо водружая свое знамя въ первыхъ рядахъ», воздѣйствовали на отсталыхъ товарищей и увлекали къ своему идеалу трудящіяся массы, еще не успѣвшія опредѣлить своего направленія; въ этотъ моментъ жизнерадостной и полной надеждъ работы омерзительная борьба между Германіей и Франціей, война, которой искало и сознательно хотѣло прусское правительство для установленія своего господства въ объединенной Германіи, и которую съ легкимъ сердцемъ приняла Имперія, растерявшаяся и неувѣренная въ завтрашнемъ днѣ, несмотря на результаты плебисцита, — эта война перевернула все вверхъ дномъ и замутила чистую и правильную струю рабочаго движенія.

Беря на себя мужественную иниціативу протеста противъ войны, рабочіе-соціалисты протестовали не только въ качествѣ людей и трудящихся, но и въ качествѣ гражданъ, какъ бы уже предчувствуя неизбѣжную реакцію, которую влечетъ за собой звѣрство и варварство военнаго положенія.

«Война,—заявляли они въ своемъ манифестѣ,—означаетъ пробужденіе дикихъ инстинктовъ и національной вражды.

«Война—это уловка правительствъ для подавленія общественныхъ вольностей.

«Война—это уничтоженіе общаго богатства, созданнаго неусыпнымъ трудомъ нашихъ рукъ».

И на этотъ разъ, какъ и въ эпоху буржуазной революціи въ 1792 году, война должна была разбить освободительное стремленіе рабочаго класса. Она должна была на долгіе годы прервать воспитательную работу, начатую соціалистами; она должна была придавить всей тяжестью національныхъ и патріотическихъ чувствъ здравое пониманіе революціонныхъ задачъ; наконецъ, въ лицѣ преждевременнаго и фатально обреченнаго на неопредѣленность возстанія Коммуны, она должна была парализовать или сломить тѣхъ немногихъ людей, которые способны были направить рабочее движеніе къ ясно осознанной цѣли. Какъ сказалъ впослѣдствіи одинъ изъ нихъ, Альберъ Ришаръ, они были какъ бы загнаны въ ловушку всѣми новыми темными силами, всплывшими во время войны.

На слѣдующихъ страницахъ Жоресъ разскажетъ о Франко-Прусской войнѣ, о ея корняхъ, ея ходѣ и ея вліяніи на соціалистическое движеніе.

Наше изслѣдованіе кончается вмѣстѣ съ періодомъ удачной, планомѣрной и плодотворной пропаганды.

Намъ хотѣлось бы, чтобы читатели вмѣстѣ съ нами вынесли то впечатлѣніе, что описанная нами эпоха полна поучительныхъ уроковъ. Но послѣдній изъ нихъ, пожалуй, ужаснѣе и злободневнѣе всѣхъ остальныхъ; онъ гласитъ: только въ обстановкѣ мира, мира, сохраняемаго и поддерживаемаго сознательнымъ пролетаріатомъ, можетъ быть удачно совершена соціалистическая революція.

ЖАНЪ ЖОРЕСЪ.

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА.

(Сокращенный переводъ).

ГЛАВА I.

Общій обзоръ событій.

Въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыми я располагаю, я не могу и думать о подробномъ описаніи великой военной драмы; оно заняло бы безконечно много мѣста. Я предпочитаю въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ отмѣтить основныя ея событія, а затѣмъ разсмотрѣть нѣкоторыя изъ выдвигаемыхъ этой войной проблемъ и, насколько это въ моихъ силахъ, выяснить нѣкоторыя стороны тѣхъ уроковъ, которые она содержитъ въ себѣ.

За послѣдніе годы Второй Имперіи взаимныя отношенія Франціи и Пруссіи разстроились и испортились. Пруссія, разгромившая Австрію при Садовѣ, явно стремилась къ объединенію всѣхъ нѣмецкихъ государствъ подъ своей гегемоніей, а императорское правительство, ослабленное и терзаемое заботами, съ тревогой и завистью взирало на это усиленіе Пруссіи.

Въ началѣ іюля 1870 г. Европа узнала, что генералъ Примъ, желая возстановленіемъ монархіи положить конецъ политической смутѣ, терзавшей Испанію, предложилъ испанскій престолъ прусскому принцу изъ дома Гогенцоллерновъ. Правительство Наполеона III испугалось этой кандидатуры, которая казалась ему чѣмъ-то вродѣ возстановленія монархіи Карла V въ пользу Пруссіи. Оно потребовало, чтобы предложеніе Прима было отклонено; и принцъ Гогенцоллернъ, послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ, согласился снять свою кандидатуру. Прусскій король позволилъ французскому посланнику Бенедетти, спѣшно отправленному къ нему въ Эмсъ, заявить, что онъ, король, одобряетъ рѣшеніе принца. Но герцогъ Грамонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ императора Наполеона III, настаивалъ на томъ, чтобы прусскій король сверхъ того обязался не допускать такой кандидатуры и въ будущемъ; король отказался отъ этого.

Значительная часть нѣмецкаго общества уже начинала возмущаться требовательностью французской дипломатіи. И Бисмаркъ рѣшилъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобы путемъ національной войны разрѣшить наконецъ глухой конфликтъ, существовавшій между Франціей и Пруссіей.

Преступная опрометчивость и безумно-вызывающее поведеніе французской Имперіи доставили Бисмарку желанный предлогъ. Когда прусскій король телеграфировалъ ему изъ Эмса, что онъ не счелъ нужнымъ уважить послѣднее требованіе французскаго правительства и заявилъ Бенедетти, что считаетъ совершенно излишней всякую дальнѣйшую бесѣду объ этомъ предметѣ, Бисмаркъ сообщилъ главнѣйшимъ представителямъ Пруссіи заграницей содержаніе этой депеши, причемъ нѣкоторыми сокращеніями придалъ ей болѣе рѣзкій тонъ.

Императорское правительство, предувѣдомленное своими заграничными агентами, усмотрѣло въ посылкѣ этой депеши оскорбленіе Франціи и обратилось къ Законодательному Корпусу за отпускомъ кредитовъ для мобилизаціи французскихъ военныхъ силъ. Надвигалась война. Она была объявлена 15 іюля 1870 г., вопреки проницательному и патріотическому сопротивленію небольшой республиканской группы и Тьера.

Вторая половина іюля была употреблена обѣими сторонами на мобилизацію и концентрацію армій.

Вся Германія приняла сторону Пруссіи, и къ сѣверо-германскимъ войскамъ, пруссакамъ, ганноверцамъ и гессенцамъ, присоединились южные германцы, баварцы, вюртембержцы и баденцы.

Войска первой очереди, раздѣленныя на три арміи, состояли приблизительно изъ 450.000 человѣкъ; эти три арміи, переправившись черезъ Рейнъ, въ началѣ августа находились въ Баварскомъ Палатинатѣ и рейнской Пруссіи, растянувшись вдоль эльзасской и лотарингской границы сѣверо-восточной Франціи. Первая армія, занимавшая правый флангъ, стояла между Сааромъ и Мозелемъ и находилась подъ командой Штейнмеца. Вторая, самая многочисленная армія, находившаяся подъ командой принца Фридриха-Карла, стояла противъ Саарбрюкена, на правомъ берегу Саара. Третья армія, которой командовалъ наслѣдный принцъ, находилась на Вейсенбургскихъ высотахъ, недалеко отъ лѣваго берега Рейна. Эти три арміи, расположенныя рядомъ, могли легко поддерживать другъ друга, взаимно обмѣниваться свѣдѣніями и въ случаѣ нужды комбинировать свои движенія. Онѣ представляли какъ бы три острія трезубца, приводимаго въ движеніе единой волей. Главнокомандующимъ всѣхъ войскъ былъ прусскій король, при которомъ въ качествѣ начальника главнаго штаба состоялъ Мольтке.

Французская армія была гораздо малочисленнѣе; войска первой очереди едва насчитывали 250.000 человѣкъ, разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ отъ Саарбрюкена до Бельфора, т.-е. по всему протяженію восточной и сѣверо-восточной границы Эльзаса. Какъ замѣтилъ генералъ Ніо, эту армію можно было бы счесть «таможенной заставой».

Эта слабосильная армія дѣлилась на семь корпусовъ. Первый корпусъ, которымъ командовалъ маршалъ Макъ-Магонъ, имѣлъ своимъ центромъ Страсбургъ и стоялъ въ окрестностяхъ Вейсенбурга, противъ арміи прусскаго наслѣднаго принца. Середину, къ сѣверу отъ Меца, занимало сильное войско, состоявшее изъ второго корпуса съ генераломъ Фроссаромъ, третьяго съ маршаломъ Базэномъ, четвертаго съ генераломъ Ладмиро и пятаго съ генераломъ Файи и изъ императорской гвардіи съ Бурбаки. Остальная часть французской арміи не принимала непосредственнаго участія въ боевыхъ операціяхъ. Седьмой корпусъ, которымъ командовалъ генералъ Феликсъ Дуэ, находился на южной оконечности Эльзаса, въ Бельфорѣ.

Шестой корпусъ составлялся въ Шалонѣ подъ начальствомъ маршала Канробера.

Одержимый старческой немощью императоръ, при которомъ въ качествѣ начальника главнаго штаба состоялъ военный министръ, маршалъ Лебэфъ, уже дряхлѣющей рукой давалъ общее направленіе военнымъ дѣйствіямъ.

Французская армія, разстроенная скверной организаціей интендантской части, а также запутанной и плохо подготовленной мобилизаціей, оказалась не въ состояніи перейти въ быстрое наступленіе, которое нѣкоторые предсказывали, переправиться черезъ Рейнъ у Страсбурга и черезъ великое гер-

цогство Баденское проникнуть въ глубь южной Германіи. Напротивъ, съ первыхъ же дней августа французскимъ войскамъ пришлось выдерживать натискъ наступавшихъ нѣмцевъ.

Первая незначительная стычка произошла 2 августа при Саарбрюкенѣ; но настоящія военныя дѣйствія начались 4 августа на другомъ крылѣ прусскихъ войскъ. На крайнемъ флангѣ макъ-магоновскаго корпуса, сосредоточеннаго вокругъ Страсбурга, стояла при Вейсенбургѣ дивизія Абеля Дуэ; послѣдняя подверглась нападенію со стороны арміи прусскаго наслѣднаго принца: 5.000 французовъ храбро сопротивлялись 40.000 нѣмцевъ, но послѣ жестокаго боя, продолжавшагося цѣлый день, принуждены были въ концѣ концовъ отступить. Потерявши значительную часть своего состава и лишившись командира, который былъ убитъ во главѣ своихъ войскъ, дивизія отошла къ главнымъ силамъ Макъ-Магона.

Маршалъ пытался задержать наступленіе непріятеля; онъ расположилъ свои войска въ деревняхъ: Вертѣ, Фрешвиллерѣ и Рейхсгофенѣ, нѣсколько къ югу отъ Вейсенбурга и къ сѣверу отъ Страсбурга. Но его 46.000 солдатъ и 120 пушекъ не въ силахъ были противиться 120.000 человѣкъ и 300 орудіямъ нѣмецкой арміи. Тщетно два кирасирскихъ полка и два эскадрона уланъ ринулись въ героическую аттаку на непріятельскіе ряды; они были уничтожены, а маршалъ, никогда не соразмѣрявшій численности врага и неспособный къ своевременному отступленію, въ концѣ концовъ послѣ пораженія, превратившагося въ полный разгромъ, принужденъ былъ уйти изъ Эльзаса и увести за Вогезы эту несчастную армію, проявившую поразительную храбрость, но теперь разбитую и истекающую кровью, армію, которая, благодаря небрежности всего политическаго и военнаго начальства, въ нѣсколько дней превратилась въ безпорядочную и разбредающуюся орду.

Въ тотъ самый день, когда армія Макъ-Магона на берегахъ Рейна падала подъ ударами непріятеля, подавившаго ее своею численностью, генералъ Фроссаръ былъ разбитъ на Саарѣ, несмотря на то, что въ теченіе, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ часовъ численный перевѣсъ былъ на его сторонѣ. Его войска расположены были на крутыхъ высотахъ Шпихерна. Одна нѣмецкая дивизія, не догадывавшаяся о настоящей силѣ армейскаго корпуса генерала Фроссара, наткнулась на него по неосторожности; но услыхавши орудійные выстрѣлы, ближайшія дивизіи арміи Штейнмеца постепенно начали стягиваться къ полю сраженія, и генералу Фроссару, который не сумѣлъ во-время перейти въ наступленіе, пришлось выдерживать все болѣе усиливавшійся натискъ нѣмцевъ. Маршалъ Базэнъ, стоявшій слѣва отъ Фроссара на разстояніи двухчасоваго перехода, не подалъ ему помощи, то ли по безпечности и неспособности, то ли потому, что, будучи уже одержимъ тщеславіемъ и честолюбивыми замыслами, онъ интересовался только такими дѣлами, въ которыхъ онъ могъ бы играть главную роль и единолично пожать всю славу. Съ приближеніемъ ночи Фроссаръ въ концѣ концовъ принужденъ былъ отступить.

Такимъ образомъ непріятель, овладѣвши Эльзасомъ, получилъ возможность проникнуть въ Лотарингію. Изъ двухъ французскихъ армій одна, находившаяся подъ командой Макъ-Магона, бѣжала, другая, т. е. армія Базэна, почти еще не тронутая, принуждена была начать отступленіе.

Два сильныхъ удара, нанесенные въ одинъ и тотъ же день на Рейнѣ и на Саарѣ, поколебали судьбы Франціи.

Величайшимъ несчастьемъ было то, что теперь обѣ арміи Макъ-Магона и Базэна были окончательно отрѣзаны одна отъ другой. Отнынѣ онѣ не только не въ состояніи были предпринять общихъ дѣйствій и такой концентраціей компенсировать количественную слабость французскихъ силъ, но лишены были также возможности поддерживать другъ съ другомъ сообщеніе, а эта изолированность грозила сдѣлать ихъ жертвой деморализаціи или эгоистическихъ разсчетовъ честолюбиваго генерала.

По свидѣтельству нѣмецкаго главнаго штаба и въ частности его начальника, Мольтке, Макъ-Магонъ послѣ сраженія при Вейсенбургѣ могъ, вмѣсто того, чтобы отходить назадъ вплоть до Невшато, добраться черезъ Люневиль до Меца и соединиться съ арміей Базэна. «9 августа,—говоритъ Мольтке,—желѣзнодорожная линія Люневиль-Мецъ была еще свободна, но—прибавляетъ онъ,—распространился слухъ, что нѣмцы уже показались въ Понтъ-а-Муссонѣ, а моральное состояніе французскихъ войскъ было таково, что Макъ-Магонъ не могъ и помышлять о немедленномъ возобновленіи сраженія съ непріятелемъ».

Во всякомъ случаѣ можно сказать слѣдующее: такъ какъ маршалъ Макъ-Магонъ, перейдя изъ долины Мозеля и Мааса въ долину Марны, началъ сосредоточивать всѣ свои силы въ Шалонскомъ лагерѣ, то объединеніе французскихъ войскъ могло бы еще состояться, если бы маршалъ Базэнъ также привелъ свою армію въ Шалонъ. Она могла легко пройти отъ Меца къ Вердэну, а оттуда до Шалона. Къ этому и сводилась первая мысль Наполеона III и французской императорской главной квартиры. Но съ одной стороны, императоръ несомнѣнно опасался, чтобы общее отступленіе французскихъ силъ окончательно не скомпрометтировало его политическаго кредита, и безъ того уже колебавшагося въ глазахъ французскаго общества, а особенно въ глазахъ парижскаго населенія; съ другой стороны, маршалъ Базэнъ, довольный тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ сдѣлался независимымъ начальникомъ большой арміи, очень мало пострадавшей отъ Шпихернскаго пораженія, не торопился въ Шалонъ, гдѣ ему снова пришлось бы стать подъ верховное начальство императора. Вотъ почему онъ медленно и нерѣшительно началъ отходить къ Вердэну; онъ допустилъ, чтобы его арьегардъ, аттакованный при Борни,—вмѣсто того, чтобы ограничиться прикрытіемъ начатаго отступленія къ Мецу, а отсюда къ Вердэну,—вступилъ въ серьезное сраженіе, въ которое постепенно втянулись новыя силы, повернувшія фронтъ къ непріятелю. Французскіе солдаты дрались съ величайшей энергіей, но отступленіе замедлилось на цѣлый день, а нѣмецкая армія получила въ свое распоряженіе лишній день для подготовленія задуманной ею смѣлой операціи.

Мольтке, сблизивъ и приведя въ соприкосновеніе три свои арміи, рѣшилъ предпринять обходное движеніе слѣва направо, т.-е. захожденіе лѣвымъ флангомъ, имѣя осью правое крыло, такъ, чтобы главныя силы нѣмцевъ обошли Мецъ и отрѣзали маршалу Базэну путь отъ Меца къ Вердэну. Эта операція сулила нѣмцамъ двоякую опасность: съ одной стороны, маршалъ Базэнъ, быстро ускоривъ свое отступленіе, могъ опрокинуть лѣвое крыло нѣмецкой арміи, съ безумной дерзостью выдвинутое на Мецско-Вердэнскую дорогу; съ другой стороны, маршалъ Базэнъ могъ сконцентрировать свои силы для рѣшительныхъ дѣйствій и, воспользовавшись длиннымъ обходнымъ движеніемъ, благодаря которому непріятельскія войска растянулись на длинномъ разстояніи, нанести страшные удары въ наиболѣе слабыя мѣста этой волнистой линіи. Какъ мы видѣли, благодаря безплодной потерѣ времени въ

ненужномъ сраженіи при Борни, маршалъ избавилъ нѣмецкую армію отъ первой опасности; онъ избавилъ ее и отъ второй опасности тѣмъ, что въ великихъ битвахъ, разыгравшихся затѣмъ вокругъ Меца, онъ не развилъ всей той наступательной энергіи, которую онъ могъ бы проявить.

16 августа французскія войска находились за Мецомъ, растянувшись по Вердэнской дорогѣ отъ Резонвиля до Марсъ-ла-Тура. Нѣмцы, стремясь отрѣзать французамъ путь къ Вердэну, переправились черезъ Мозель; такимъ образомъ эта рѣка оказалась у нихъ въ тылу, а пораженіе грозило обратиться для нихъ въ полный разгромъ.

Еще и въ этотъ моментъ маршалъ Базэнъ, несмотря на ошибку, совершенную при Борни, при желаніи могъ бы сохранить для своей арміи свободной дорогу къ Вердэну, иначе говоря,—къ Шалону. Объ этомъ совершенно опредѣленно говоритъ фельдмаршалъ Мольтке, который отнюдь не заинтересованъ въ томъ, чтобы объяснять дѣйствія французской арміи политическими мотивами и такимъ образомъ преуменьшать достоинства нѣмецкихъ военныхъ операцій. «Французы,—пишетъ онъ по поводу сраженія 16 августа,—находились въ исключительно благопріятномъ положеніи; лѣвый флангъ ихъ позиціи прикрывался крѣпостью Мецомъ, а правый флангъ былъ защищенъ сильными баттареями, поставленными на римской дорогѣ, и многочисленной кавалеріей. Они могли въ полной безопасности ждать фронтальной аттаки, направленной противъ нихъ дерзкимъ противникомъ.

«По правдѣ сказать, въ этотъ день они не могли и помышлять о дальнѣйшемъ движеніи къ Вердэну, оставивъ передъ непріятелемъ сильный арьергардъ. Если-бы маршалъ Базэнъ вообще хотѣлъ сдѣлать это отступленіе возможнымъ, то онъ долженъ былъ бы перейти въ наступленіе и отдѣлаться отъ насѣдавшихъ на него прусскихъ корпусовъ. Почему же онъ этого не сдѣлалъ? Съ точки зрѣнія чисто военныхъ соображеній нелегко объяснить себѣ его поведеніе. А между тѣмъ ему легко было съ полной достовѣрностью установить, что на лѣвомъ берегу Мозеля въ разсматриваемый моментъ могла находиться только часть и, по всѣмъ вѣроятіямъ, даже очень незначительная часть нѣмецкихъ войскъ, а когда въ теченіе дня стоявшія позади, подъ Мецомъ, нѣмецкія дивизіи двинулись впередъ, французы численностью превосходили ихъ втрое или вчетверо. Но маршаломъ, кажется, владѣла одна мысль, а именно—не дать врагу отрѣзать его отъ Меца. Вотъ почему онъ почти исключительно интересовался своимъ лѣвымъ крыломъ, такъ что въ концѣ концовъ онъ сосредоточилъ всю императорскую гвардію и часть шестого корпуса насупротивъ Уаньонскаго лѣса, откуда никакой аттаки противъ него не велось. Невольно хочется допустить, что только политическія соображенія побудили въ этотъ день Базэна принять рѣшеніе не отходить далеко отъ Меца».

Въ чемъ же заключался этотъ политическій разсчетъ Базэна?

Онъ ненавидѣлъ императора, который, будучи недоволенъ поведеніемъ маршала въ Мексикѣ, не велѣлъ по возвращеніи воздать ему тѣхъ почестей, на которыя тотъ разсчитывалъ, и не скрылъ своего удовлетворенія, когда Базэнъ покинулъ Рейнскую армію, отправляясь въ Шалонъ. Предвидѣлъ-ли Базэнъ уже въ тотъ моментъ, что наполеоновская династія падетъ подъ тяжестью военныхъ неудачъ? Хотѣлъ ли онъ въ извѣстномъ смыслѣ остаться въ сторонѣ отъ этого краха и, располагая почти нетронутой силой, опирающейся на сильную крѣпость, сдѣлаться хозяиномъ положенія, главой возможныхъ комбинацій и авантюръ? Быть можетъ, его охватилъ также упадокъ

духа и разслабленіе воли. Не подлежитъ сомнѣнію, что страшныя пораженія, понесенныя арміей Макъ-Магона, наполнили его душу ужасомъ, и будучи неспособнымъ самостоятельно управлять большой арміей, онъ не хотѣлъ открыто рисковать рѣшительнымъ столкновеніемъ.

Когда послѣ жаркаго сраженія 16 августа ночь окутала своимъ покровомъ дравшіяся арміи, ни одна изъ нихъ не могла похвастать побѣдой, такъ какъ частичные успѣхи каждой изъ нихъ компенсировались частичными же неудачами. Ни разу въ теченіе всего дня Базэну не удалось сконцентрировать свои силы противъ непріятеля, далеко еще уступавшаго ему въ численности, но французская армія полагала, что сраженіе возобновится на зарѣ слѣдующаго дня. Ничего подобнаго не случилось. Ссылаясь на необходимость пополнить запасы провіанта и боевыхъ снарядовъ, маршалъ Базэнъ приказалъ своимъ войскамъ начать отступленіе къ Мецу. Зато германскій главный штабъ съумѣлъ использовать этотъ день; онъ ускорилъ передвиженіе своихъ войскъ; черезъ Мозель переправлены были подкрѣпленія, и утромъ 18 августа 120.000 нѣмецкихъ солдатъ, снабженныхъ болѣе сильной артиллеріей, выстроились въ боевой порядокъ противъ 120.000 французскихъ солдатъ.

Французская армія была обращена фронтомъ къ западу, а нѣмецкая, закончившая свое обходное движеніе, стояла лицомъ къ востоку. Французы занимали, считая слѣва направо, сильныя позиціи Гравелота, Аманвильера и Сенъ-Прива; ими командовали Лядмиро, Фроссаръ и Канроберъ. Здѣсь, какъ и при Форбахѣ, французскія войска, защищенныя неровностями почвы и траншеями, держались оборонительной тактики, отбиваясь, впрочемъ, съ бѣшеной храбростью. Пруссаки же повели аттаку съ поразительнымъ мужествомъ, пыломъ и упорствомъ.

Эта аттака была бы отбита, если бы маршалъ Базэнъ съумѣлъ слѣдить за общимъ ходомъ сраженія и двинулъ свои резервы на угрожаемые пункты, и въ частности на правый флангъ; но онъ проявилъ полное бездѣйствіе и какъ бы безучастіе. И маршалъ Канроберъ, не получая подкрѣпленій и разстрѣлявшій свои заряды, принужденъ былъ въ концѣ концовъ отдать Сенъ-Прива послѣ одной изъ самыхъ прекрасныхъ и мужественныхъ оборонъ, о какихъ только сохранила воспоминаніе человѣческая исторія.

Французская армія была окончательно отрѣзана отъ Вердэна; или, по крайней мѣрѣ, теперь, чтобы вырваться и не дать запереть себя въ Мецѣ, ей пришлось бы напречь гораздо большія усилія.

Въ то самое время, когда Базэнъ такимъ образомъ медлилъ и бездѣйствовалъ вокругъ Меца, въ Шалонѣ разыгрывалась другая драма. Здѣсь изъ остатковъ арміи Макъ-Магона и подкрѣпленій, прибывшихъ изъ Парижа, составлена была новая армія, печальная и скорбная, но еще могучая и способная быстро воспрянуть духомъ въ случаѣ искуснаго руководства. Это была Шалонская армія. Что же правительство собиралось съ ней сдѣлать?

Такъ какъ Эльзасъ былъ занятъ непріятелемъ, а армія Базэна была почти безвыходно заперта въ Мецѣ, то было ясно, что главныя силы нѣмцевъ спѣшно двинутся на Парижъ.

Осторожность требовала, чтобы Шалонская армія не давала рѣшительнаго сраженія на равнинахъ Шампаньи, такъ какъ она еще не была достаточно реорганизована и усилена. Для нея лучше было передвинуться поближе къ Парижу не для того, чтобы запереться въ немъ или укрыться подъ его стѣнами, а для того, чтобы маневрировать, слѣдить за приближеніемъ не-

пріятеля и внезапными нападеніями не допускать непріятеля обложить столицу или же разстраивать и прорывать блокаду.

Большой городъ, населенный двумя милліонами воодушевленныхъ жителей, почти невозможно взять внезапнымъ штурмомъ или нечаяннымъ нападеніемъ. Его нелегко также обложить, особенно если онъ, подобно Парижу, прорѣзывается рѣкой, раздѣляющей кольцо блокады на два полукруга; а если непріятель расположенъ между такимъ городомъ и значительной, вышколенной и искусной арміей, которая можетъ безпрестанно передвигаться въ дружеской странѣ и привлекать въ свои ряды новыя силы и всѣ резервы, высылаемые ей націею, то у народа, подвергшагося непріятельскому нашествію, имѣется не мало шансовъ вернуть себѣ счастье. Именно эти доводы генералъ Трошю представилъ въ Шалонѣ Макъ-Магону и императору.

На этой же мысли сначала остановился и Макъ-Магонъ, а самъ императоръ въ теченіе короткаго времени высказывался за этотъ планъ въ засѣданіи военнаго совѣта, происходившаго въ Шалонѣ. Но интересы шатавшейся династіи или, по крайней мѣрѣ, тѣ соображенія, которыя охватили обезумѣвшихъ бонапартистовъ, возобладали надъ явными интересами отечества.

Первыя же неудачи французскихъ войскъ, разоблачившія неподготовленность правительства, лживость оффиціальныхъ заявленій и преступную неосторожность императорской политики, повергли Парижъ въ уныніе и страшно возбудили его. Министерство Оливье принуждено было уйти, во главѣ военнаго министерства поставленъ былъ генералъ Паликао, а императрица-регентша чувствовала, какъ наростаетъ мрачная волна горестнаго негодованія. Она полагала, что если императоръ, отказавшись отъ защиты французскихъ границъ, вернется въ Парижъ, то здѣсь его поглотитъ революція.

Впрочемъ, кто знаетъ, что бы произошло? Быть можетъ, Франція, всецѣло увлеченная борьбой съ внѣшнимъ врагомъ, отложила бы сведеніе окончательныхъ счетовъ съ зловредной династіей. Во всякомъ случаѣ принцъ Наполеонъ, присутствовавшій на военномъ совѣтѣ въ Шалонѣ, могъ съ полнымъ основаніемъ сказать императору: «Если намъ суждено погибнуть, то падемъ съ честью, а не станемъ бѣжать изъ столицы». Но императрица требовала напряженія всѣхъ силъ для отвоеванія утраченныхъ позицій и настаивала на томъ, чтобы маршалъ Макъ-Магонъ двинулся на востокъ для соединенія съ Базэномъ.

Послѣдній отъ 16 до 22 августа отправилъ Макъ-Магону или императору нѣсколько депешъ и посланій, изъ которыхъ одно, по меньшей мѣрѣ, дошло до пихъ; въ немъ онъ сообщалъ имъ, что надѣется выбраться изъ Меца и, отступая черезъ Монмеди и сѣверныя крѣпости, соединиться съ Макъ-Магономъ. Эта депеша окончательно разсѣяла колебанія Макъ-Магона. Онъ надѣялся осуществить свое соединеніе съ Базэномъ и притомъ полагалъ, что въ первое время ему придется имѣть дѣло только съ арміей принца Саксонскаго, незадолго до того образованной Мольтке и насчитывавшей всего 80.000 человѣкъ. Армія кронпринца, нанесшая французамъ пораженіе при Вейсенбургѣ, находилась еще позади; по крайней мѣрѣ, Макъ-Магонъ думалъ, что его отдѣляетъ отъ нея двухдневный или трехдневный переходъ. Онъ надѣялся опередить ее, направляясь къ сѣверу. Но онъ не избралъ самого короткаго пути. Армія наслѣднаго принца, предупрежденная о движеніи французовъ, поспѣшно двинулась на сѣверъ. Базэнъ, хотя и извѣщенный о движеніи Макъ-Магона, дѣлалъ лишь слабыя попытки вырваться изъ Меца, а когда Макъ-

Магонъ дошелъ до Бомона, онъ наткнулся здѣсь съ одной своей арміей на объединенныя силы арміи саксонскаго принца и арміи наслѣднаго принца.

Побѣжденная французская армія переправилась съ лѣваго берега Мааса на правый, для того чтобы прикрыться рѣкою, но была сжата на узкомъ пространствѣ между правымъ берегомъ Мааса и бельгійской границей. Нѣмцы, которые въ битвахъ при Форбахѣ и Резонвилѣ уступали французамъ въ числѣ, а при Сенъ-Прива противопоставили французскимъ войскамъ равныя силы, на этотъ разъ имѣли на своей сторонѣ значительный численный перевѣсъ: 200.000 человѣкъ противъ 120.000. Это преимущество позволило имъ произвести сильный и смѣлый маневръ: они переправились черезъ Маасъ съ восточнаго и съ западнаго фланга французскихъ позицій и такимъ образомъ окружили французскую армію.

Нѣмецкая артиллерія скосила французскіе ряды. Макъ-Магонъ, получивши около 6 часовъ утра рану, передалъ главное начальство генералу Дюкро. Послѣдній, замѣтивъ обходное движеніе непріятеля, хотѣлъ передвинуть всѣ свои силы къ западу, на возвышенность Илли, для того чтобы сдѣлать попытку прорваться, хотя бы цѣной величайшихъ жертвъ. Но генералъ Вимпфенъ, имѣвшій при себѣ инструкцію отъ военнаго министра Паликао, призналъ маневръ, задуманный Дюкро, невыполнимымъ и попытался прорваться черезъ кольцо непріятельскихъ войскъ къ востоку, по направленію къ Мецу. Онъ привелъ въ Базей войска, изумленныя этими передвиженіями взадъ и впередъ и уже напоминавшія жалкіе обломки корабля, швыряемаго бурными волнами въ противоположныя стороны.

Въ самомъ Базейѣ завязалась жестокая схватка. Французскіе солдаты сражались съ мужествомъ отчаянія, но, подавленные численнымъ перевѣсомъ, превосходной артиллеріей непріятеля, косившей ихъ ряды, а также бременемъ безконечныхъ ошибокъ и разочарованія, они были отброшены въ Седанъ, какъ бы загнаны вглубь воронки, гдѣ они оказались всецѣло во власти нѣмецкихъ пушекъ. Къ тремъ часамъ этого трагическаго и скорбнаго дня 1-го сентября дѣло было окончательно проиграно для французской арміи. Прижатый къ стѣнѣ Наполеонъ приказалъ выкинуть на Ратушѣ бѣлый флагъ; онъ послалъ прусскому королю слѣдующую записку: «Дорогой мой братъ, такъ какъ я не могъ пасть среди моихъ войскъ, мнѣ остается лишь вручить свою шпагу Вашему Величеству. Остаюсь Вашего Величества добрый братъ». Это означало капитуляцію; она была подписана на слѣдующій день, 2-го сентября.

4-го въ Парижѣ вспыхнула революція. Законодательный Корпусъ былъ наводненъ республиканцами, а также орлеанистами.

Гамбетта, тщетно пытавшійся убѣдить народъ, чтобы тотъ предоставилъ Законодательному Корпусу провозгласить низложеніе, самъ провозгласилъ его съ трибуны. Лѣвые депутаты отправились въ Ратушу, чтобы провозгласить тамъ республику и отнять руководство ею у водворившихся тамъ соціально-революціонныхъ группъ.

Для обезпеченія національной обороны составилось Временное Правительство, образовавшееся изъ парижскихъ депутатовъ подъ предсѣдательствомъ генерала Трошю.

Революціонный пролетаріатъ столицы въ прокламаціи, подписанной Бланки и его сторонниками, заявилъ, что онъ откладываетъ борьбу за свои особыя требованія и готовъ всѣми силами поддерживать новое правитель-

ство, если оно проявитъ энергію и будетъ защищать возникшую республику и угрожаемое отечество отъ реакціонеровъ и чужеземнаго врага.

Одновременно съ Парижемъ республиканская революція вспыхнула также въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ Франціи. Вся страна, напуганная катастрофой, въ которую личная власть ввергла Францію, признала новое правительство въ интересахъ охраны національной независимости.

Оставалась одна еще надежда, а именно, что Базэнъ, о неспособности или измѣнѣ котораго общество еще не догадывалось, будетъ стойко держаться въ Мецѣ и такимъ образомъ свяжетъ часть нѣмецкихъ силъ, а Парижъ, организовавши свое колоссальное населеніе для отчаяннаго сопротивленія, задержитъ и истощитъ врага и дастъ воспрянувшей Франціи время выставить новую армію. Но, несмотря на красивые порывы, несмотря на страстную энергію и непоколебимую вѣру Гамбетты, эта двойная надежда разсѣялась какъ дымъ.

Въ Мецѣ дѣло инерціи и измѣны продолжало идти своимъ ходомъ и привело къ катастрофѣ.

Послѣ паденія Имперіи политическія мечтанія, овладѣвшія умомъ Базэна, начали принимать болѣе конкретную форму. Онъ вообразилъ, что военная драма закончилась и что Франція неспособна къ дальнѣйшей борьбѣ.

Онъ полагалъ, что правительство, установившееся въ Парижѣ, проникнуто демагогическимъ и авантюристскимъ духомъ и въ недалекомъ будущемъ падетъ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ.

Тогда Германія будетъ имѣть дѣло только съ пустотой, но съ пустотой взволнованной и конвульсивно содрогающейся. И останется одна лишь сила, способная ввести жизнь въ опредѣленное русло: это—Мецская армія. Она одна сможетъ составить основу новаго консервативнаго цравительства, успокоить страну и раздавить революціонныхъ агитаторовъ. Германія заинтересована въ томъ, чтобы получить возможность вести переговоры объ условіяхъ мира съ устойчивымъ, прочнымъ и отвѣтственнымъ правительствомъ; поэтому Мецская армія понадобится ей для организаціи государственной охраны, безъ которой нѣмцамъ не удастся пожать плоды своихъ побѣдъ.

Если не таковъ былъ разсчетъ Базэна, если онъ не разсчитывалъ оказать Германіи эту услугу, то нельзя понять, какъ онъ могъ надѣяться на удачный исходъ переговоровъ, которые онъ завязалъ съ Бисмаркомъ. Чего онъ могъ отъ него ждать, не будучи въ состояніи ничего ему предложить? Впрочемъ, преступный характеръ его затѣй явствуетъ изъ записки, врученной имъ генералу Буайе, котораго онъ 12 октября отправилъ въ прусскую главную квартиру въ Версалѣ: «Военный споръ рѣшенъ, и Его Величество король прусскій не можетъ придавать большого значенія безплодному торжеству, котораго онъ добьется разрушеніемъ единственной силы, способной въ настоящее время побороть анархію въ нашей несчастной странѣ. Она возстановила бы порядокъ и дала бы Пруссіи гарантію залога, котораго та могла бы потребовать».

Бисмаркъ развлекалъ маршала этими переговорами. Послѣдній мало-помалу прекратилъ всякія военныя операціи. Провіантъ выходилъ, и къ концу октября для злополучной арміи не оставалось никакого исхода, какъ пасть въ мрачную бездну капитуляціи.

Въ Парижѣ, увы! генералъ Трошю, этотъ болтливый консерваторъ, христіанинъ безъ увлеченія, патріотъ безъ вѣры, честный человѣкъ безъ

добродѣтели, своими разлагающими сомнѣніями парализовалъ порывы обороны; онъ презиралъ массу и боялся толпы, которую онъ не умѣлъ силой идеи и великой страсти превратить въ народъ.

И тѣмъ не менѣе Парижъ отнюдь не хотѣлъ примириться съ мыслью о пораженіи. Осада города началась съ 17 сентября; для прорыва блокады дѣлались недостаточныя и нерѣшительныя попытки въ Шатильонѣ, Вильжюифѣ, Баньэ и Мальмэзонѣ, но правительство не предприняло ни одной общей и широкой операціи, а генералъ Тропю воспользовался первыми частичными неудачами для того, чтобы окончательно убить порывы Парижа. А между тѣмъ народъ со стоическимъ смиреніемъ терпѣлъ голодъ и холодъ и всяческія лишенія. Онъ все продолжалъ надѣяться, что изъ нѣдръ Франціи придетъ на выручку какая-нибудь армія и нападетъ съ тыла на позиціи пруссаковъ.

Правительство Національной Обороны осталось въ Парижѣ, но до начала осады отправило въ Туръ делегацію изъ трехъ своихъ членовъ для того, чтобы организовать сопротивленіе въ провинціи. 9 октября Гамбетта улетѣлъ изъ Парижа на воздушномъ шарѣ; въ Турѣ онъ сдѣлался истиннымъ вождемъ движенія, дѣятельной и пылкой душой обороны. Денно и нощно онъ работалъ надъ дѣломъ вербовки, созыва и вооруженія новыхъ полковъ, онъ заражалъ всю страну лихорадкой активности, гнѣва и надежды, которой онъ самъ былъ охваченъ.

Эти усилія не остались безрезультатными, такъ какъ Германія, которая послѣ Седана одно время считала войну законченной, а Францію совершенно раздавленной, могла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того убѣдиться, на что способенъ великій народъ, ослабленный пораженіями и обезсиленный продолжительнымъ рабствомъ, но въ глубинѣ души сохранившій неистощимый запасъ чести и мужества.

Турская делегація старалась поддержать въ націи духъ бодрости, призвала къ оружію всѣхъ здоровыхъ людей и худо-ли, хорошо-ли, съорганизовала около шестисотъ тысячъ человѣкъ; она собрала, купила и отлила 1400 пушекъ. Жгучій вихрь пронесся надъ Франціей, полузамороженной первыми неудачами. Были наскоро выставлены три арміи: Луарская, Сѣверная и Вогезская. Вогезская армія должна была тревожить непріятеля угрозой диверсіи съ тыла; Сѣверная и Луарская арміи должны были подвигаться къ Парижу, попытаться прорвать линіи осаждающихъ и подать руку парижскому населенію. Первая оказалась готовой къ выступленію Луарская армія; но, вначалѣ не располагая достаточной численностью, она не могла отстоять Орлеана, который 11 октября былъ занятъ пруссаками. Такимъ образомъ наступательное движеніе къ Парижу пока не могло вестись съ надлежащей энергіей. Въ теченіе этого времени столичное населеніе, готовое къ упорному сопротивленію и не переставшее надѣяться на избавленіе, твердо встрѣчало самыя печальныя извѣстія. Изъ нихъ первымъ было извѣстіе о взятіи Страсбурга, который палъ 26 сентября послѣ 46-дневной осады. Затѣмъ въ послѣднихъ числахъ октября началъ распространяться слухъ о томъ, что Мецъ также сдался на капитуляцію. Сначала Правительство Національной Обороны, не располагавшее вѣрными свѣдѣніями, отрицало зловѣщую новость; однако это извѣстіе было справедливо. Базэнъ, въ концѣ августа узнавшій о движеніи Макъ-Магона, пытался 31 августа и 1 сентября выйти со своей арміей изъ Меца. Велась-ли вылазка съ недостаточной рѣшительностью? Проявилъ-ли при этомъ Базэнъ неспособность? Или

же твердое рѣшеніе маршала остаться въ сторонѣ отъ разыгравшейся драмы и сохранить свои силы для будущаго на случай предусматриваемыхъ катастрофъ уже довело его до измѣны? Общее впечатлѣніе офицеровъ и солдатъ сводилось къ тому, что Базэнъ не осмѣливался драться съ надлежащей энергіей. Схватка при Нуасвилѣ была послѣднимъ произведеніемъ его открытыхъ усилій. Съ этого момента Базэнъ началъ тайные переговоры съ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ; онъ надѣялся, что принцъ пощадитъ его армію въ качествѣ будущаго орудія для усмиренія парижской «демагогіи» и въ качествѣ гарантіи мира, навязаннаго побѣдителемъ. Непріятель занималъ его этими переговорами вплоть до того дня, когда дальнѣйшее сопротивленіе сдѣлалось почти невозможнымъ, а 27 октября Базэнъ сдалъ врагу свою огромную злополучную и героическую армію.

Объ этой тяжкой для Франціи катастрофѣ сообщилъ Правительству Національной Обороны Тьеръ. Послѣдній незадолго до того объѣздилъ дворы главныхъ европейскихъ державъ, прося у нихъ вмѣшательства въ пользу Франціи. Онъ не добился ничего, кромѣ уклончивыхъ заявленій, и вернулся глубоко убѣжденный въ томъ, что Франціи, лишенной всякой помощи со стороны и потерявшей свои организованныя военныя силы, ничего другого не остается, какъ начать мирные переговоры. Несмотря на сопротивленіе Гамбетты, онъ внушилъ Турской делегаціи мысль о заключеніи перемирія, въ теченіе котораго слѣдовало созвать Національное Собраніе, а это Собраніе должно было рѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ. Около того времени, когда Тьеръ прибылъ въ Парижъ, населеніе столицы пережило жестокое разочарованіе: оно узнало, что отрядъ французскихъ войскъ, которому 28 октября удалось овладѣть деревней Бурже, принужденъ былъ 30-го снова очистить эту позицію. Такимъ образомъ, въ одно и то же время распространились извѣстія и объ этомъ серьезномъ пораженіи парижской арміи, и объ ужасной капитуляціи Меца, и объ открытіи мирныхъ переговоровъ, которые, начавшись подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ неудачъ, могли привести только къ раздробленію Франціи. Населеніе Парижа рѣшило, что Правительство Національной Обороны не съумѣло надлежащимъ образомъ использовать энергію великаго города и готовность его къ самопожертвованію, и 31 октября революціонеры, шедшіе за Флурансомъ и Бланки, захватили Ратушу, но не могли въ ней удержаться; батальоны «порядка» прогнали революціонеровъ изъ Городского Дома.

Заключить перемиріе не удалось, такъ какъ Бисмаркъ не соглашался допустить свободный подвозъ провіанта въ Парижъ на время прекращенія военныхъ дѣйствій, а въ Турѣ возобладало вліяніе Гамбетты. Итакъ, война продолжалась. Гамбетта, не поддаваясь унынію, усилилъ Луарскую армію, довелъ ея численный составъ до 80.000 человѣкъ и рѣшилъ возобновить наступательное движеніе къ Парижу. Главное начальство вручено было генералу Орелю-де-Паладину. Одно время казалось, что побѣда готова снова улыбнуться Франціи. 9 ноября Луарская армія выбила пруссаковъ изъ Кульмье, но этотъ успѣхъ объяснялся чистой случайностью: 65.000 французовъ очутились противъ 22.000 нѣмцевъ. Во всякомъ случаѣ это сраженіе показало, на что способна была вспомогательная армія, быстро маневрирующая вокругъ столицы, если-бы непріятелю вслѣдствіе всеобщаго подъема въ странѣ пришлось разбросать свои силы. Но паденіе Меца, вызванное измѣной Базэна, освободило армію Фридриха-Карла, которая начала тѣснить Луарскую армію; послѣдняя къ разсматриваемому моменту насчитывала

170.000 солдатъ, но, несмотря на новыя попытки при Ладонѣ, Бонъ-ла-Роландѣ и Луаньи, она не могла удержать за собой Орлеана. 4 декабря началось отступленіе французскихъ войскъ. Правительство перебралось изъ Тура въ Бордо. Но Гамбетта все еще не падалъ духомъ. Во главѣ Луарской арміи поставленъ былъ генералъ Шанзи, который предпринялъ энергическое отступленіе къ Мансу, каждый разъ останавливаясь и давая отпоръ насѣдавшему непріятелю. Въ Мансѣ, поддержанный рѣшительными командирами, какъ Гужаръ, Жорегиберри и Жоресъ, онъ въ продолженіе двухъ дней выдерживалъ натискъ прусскихъ силъ и отошелъ къ рѣкѣ Майеннѣ, готовый продолжать борьбу.

Сѣверная армія, во главѣ которой стоялъ сначала Бурбаки, а вскорѣ послѣ того Федэрбъ, въ декабрѣ произвела энергичныя развѣдки въ долинѣ Соммы; 3 января она дала нерѣшительную битву при Бапомѣ, гдѣ нѣмцы считали себя побѣжденными, но французская армія не могла оставить прикрытія, которое доставляли ей сѣверныя крѣпости.

Столь же безрезультатной оказалась диверсія, произведенная на Востокѣ. Послѣ цѣлаго ряда сраженій при Вилерсекселѣ, Эрикурѣ и Дижонѣ, французская армія принуждена была отступить къ Безансону. Подавленная неудачами и ослабленная суровыми холодами, она въ концѣ января была отброшена въ Швейцарію.

Итакъ, всякія надежды на освобожденіе Парижа и изгнаніе завоевателей были потеряны. Одинъ Гамбетта съ Шанзи хотѣлъ еще продолжать сопротивленіе. Жюль Фавръ, отъ имени парижскаго правительства, 26 января заключилъ съ Бисмаркомъ перемиріе, имѣвшее силу не только для Парижа, но и для всей Франціи. Гамбетта не хотѣлъ подчиниться этому договору, но парижское правительство послало въ Бордо Жюля Симона, для того, чтобы принудить всѣхъ къ заключенію мира.

Такимъ образомъ въ рядахъ обороны наступилъ расколъ. Съ этого момента миръ сдѣлался неизбѣжнымъ. Подвергшаяся непріятельскому нашествію и подавленная страна избрала консервативное собраніе, враждебно относившееся къ республикѣ и не желавшее продолженія войны. Это собраніе, открывшееся 22 февраля въ Бордо, назначило Тьера главой Временнаго Правительства и поручило ему вести мирные переговоры.

1 марта пруссаки вступили въ Парижъ и заняли Елисейскія Поля. Миръ былъ заключенъ на самыхъ тяжелыхъ для Франціи условіяхъ: она должна была выплатить нѣмцамъ контрибуцію въ размѣрѣ пяти милліардовъ франковъ, а главное—уступить имъ Эльзасъ кромѣ Бельфора и часть Лотарингіи съ Мецомъ. Это было ужаснымъ ударомъ для Франціи, а также (несмотря на всѣ ея ошибки) и для всей цивилизаціи.

ГЛАВА III *).

Причины пораженія Франціи; виды на будущее.

Если Франція понесла пораженіе, если въ этомъ великомъ испытаніи она не съумѣла сохранить въ неприкосновенности свою территорію и свою историческую индивидуальность, то это произошло потому, что у нея не оказалось въ распоряженіи ни удовлетворительной силы правительственной организаціи, ни достаточной силы революціоннаго порыва. Имперія, которая объявляла себя и которая, несомнѣнно, серьезно считала себя сильной властью, была самымъ неустойчивымъ изъ режимовъ, такъ какъ она не обладала ни мощью великой исторической традиціи, вродѣ традиціи старой французской монархіи, ни новой мощью демократіи, которую она призывала, но стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ ее обезсилить. Этотъ разбродъ и неустойчивость присущи были наполеоновской дипломатіи, но въ такой же степени они свойственны были военной организаціи Второй Имперіи. Тьеръ, упорно отстаивавшій сокращеніе наличнаго состава арміи съ долгосрочной военной службой, пытался доказать, что ужасныя пораженія, понесенныя французами въ 1870 году, слѣдуетъ приписать не неудовлетворительности военной организаціи, а цѣлому ряду тактическихъ промаховъ, которыхъ можно было избѣгнуть.

Сюда относится, во-первыхъ, разбросанность французскихъ войскъ на слишкомъ растянутой линіи. Далѣе идетъ, послѣ первыхъ неудачъ, ошибка Базэна, который медлилъ въ окрестностяхъ Меца вмѣсто того, чтобы ускорить свое отступленіе къ Шалону, гдѣ онъ могъ бы соединиться съ остатками арміи Макъ-Магона. И наконецъ—пагубное заблужденіе императора и Макъ-Магона, которые предприняли походъ къ Седану вмѣсто того, чтобы отойти къ Парижу и прикрыть столицу свободными и быстрыми движеніями большой арміи. И не подлежитъ сомнѣнію, что даже армія Имперіи, при всей своей малочисленности и неудовлетворительной организаціи, могла бы съ гораздо большимъ успѣхомъ выдержать борьбу, если бы она направлялась устойчивой и твердой мыслью и безкорыстной волей. Но она была отдана подъ команду неспособнымъ или заурядымъ начальникамъ и принесена въ жертву эгоистическимъ разсчетамъ очутившейся въ тупикѣ династіи.

Но если основная причина катастрофы заключалась въ политической и моральной порочности режима, то эти скверные шансы были съ самаго же

---

*) Главу II, разсматривающую вопросъ: „Кого слѣдуетъ признать отвѣтственнымъ за войну?“ и занимающую въ подлинникѣ около 14 печатныхъ листовъ, мы пропускаемъ въ виду того, что приводимыя въ ней детали не представляютъ интереса для широкихъ слоевъ русской читающей публики. *Прим. переводчика.*

начала еще ухудшены технической неудовлетворительностью военной системы. Способъ комплектованія арміи стоялъ ниже всякой критики. Изъ-за страха передъ народомъ правительство назначало рекрутовъ въ мѣстности, чрезвычайно далеко отстоявшія отъ ихъ родины; отсюда въ случаѣ мобилизаціи вытекали всевозможныя проволочки и осложненія, которыя деморализовали армію и дѣлали для нея рѣшительно невозможной всякую попытку, всякую мысль о наступленіи. Безпорядокъ, царившій въ первыя недѣли, не поддается описанію. Слабость численнаго состава, не превышавшаго и половинной численности нѣмецкихъ войскъ, не давала почти никакой возможности поправить положеніе вещей послѣ первыхъ неудачъ. Макъ-Магонъ могъ потерпѣть пораженіе, но онъ, конечно, не былъ бы раздавленъ при Рейхсгофенѣ, если бы располагалъ болѣе значительными силами. При всей своей смѣлости нѣмцы не посмѣли бы вести такъ отважно свое наступательное движеніе, а войска Магъ-Магона и Базэна могли бы, безъ сомнѣнія, отступить и соединиться. Получилось не только пораженіе, а прямо крушеніе и разгромъ: первая армія, будучи побѣждена, полетѣла въ пропасть!

Капитанъ Пикаръ въ остроумныхъ лекціяхъ о войнѣ 1870 г., прочитанныхъ въ Сорбоннѣ, подчеркиваетъ главнымъ образомъ неспособность французскихъ высшихъ командировъ. Генералы обладали мужествомъ, а нѣкоторые даже образованіемъ и умомъ, но у нихъ не было никакихъ общихъ взглядовъ на военное дѣло; они какъ бы не имѣли понятія о самыхъ основныхъ тактическихъ пріемахъ. Они не пользовались кавалеріей для дальнихъ развѣдокъ и предупрежденія нечаянностей, а также не умѣли спѣшить по звуку орудійныхъ залповъ на выручку къ другимъ завязавшимъ бой военачальникамъ. Солдаты авантюристскаго режима, укоренившаго въ сердцахъ одинъ только законъ, а именно эгоизмъ, они были, правда, способны на какой нибудь жестъ, на какое нибудь героическое и блестящее усиліе, но имъ не знакомо было глубокое чувство военной и національной солидарности.

Система общихъ идей о веденіи крупныхъ операцій могла бы до извѣстной степени сгладить эту умственную сумятицу, но этой-то системы у нихъ и не было. Не всѣ они были невѣждами, но даже лучшіе изъ нихъ полагали, что личнаго вдохновенія достаточно для того, чтобы въ любой моментъ справиться со всякой опасностью. Въ дѣйствительности же, парализованные безпорядкомъ въ арміи и незнакомствомъ съ серьезной войной, они не обладали даже тѣми качествами, которыя до тѣхъ поръ считались какъ бы характерными чертами французской расы, какъ-то починомъ, смѣлостью и порывистостью. Въ первыхъ же столкновеніяхъ нѣмецкая армія проявила гораздо болѣе энергіи въ наступленіи, чѣмъ французская. При Форбахѣ Фроссаръ даже въ тѣ моменты, когда численный перевѣсъ былъ на его сторонѣ, не съумѣлъ перейти въ нападеніе. Напротивъ, нѣмцы не дожидались численнаго перевѣса, чтобы пойти на отважный штурмъ Шпихернскихъ высотъ; даже свою кавалерію они бросили на крутые склоны.

Пикаръ полагаетъ, что французскихъ генераловъ погубило ложное представленіе о рѣшающемъ значеніи качества почвы. Они вообразили, что существуютъ позиціи, хорошія сами по себѣ, а если еще прикрыть ихъ окопами, то лучше всего будетъ забаррикадироваться за неприступными укрѣпленіями. Такова была ошибка, сдѣланная при Форбахѣ; возможно, что это было главной причиной ложнаго маневра, который иммобилизовалъ армію Базэна подъ Мецомъ. Такимъ образомъ французскія войска теряли возможность перейти въ наступленіе и свою подвижность. Но не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ тех-

ническій предразсудокъ не возобладалъ бы, если бы духовныя силы военачальниковъ не были парализованы цѣлымъ рядомъ соображеній, отравлявшихъ ихъ ядомъ сомнѣнія, какъ то численная слабость арміи, неудовлетворительность ея организаціи и ихъ собственное невѣжество. Все это было логическимъ послѣдствіемъ и выраженіемъ непрочности режима, который не съумѣлъ ничего ни предусмотрѣть, ни хотѣть, ни организовать.

Смѣшно утверждать, какъ это дѣлаютъ апологеты Имперіи, что именно республиканцы своими заявленіями противъ войны и постоянныхъ армій помѣшали создать сильную организацію національной защиты. Правительство, добившееся господства путемъ государственнаго переворота, сохранявшее власть благодаря постоянному примѣненію репрессій и претендовавшее спасти націю отъ анархіи воли и отъ парламентскаго разложенія, не вправѣ взваливать отвѣтственность за событія на безсильную оппозицію, которая, наперекоръ насиліямъ и плутнямъ оффиціальныхъ кандидатуръ, съумѣла проникнуть даже въ приручennый и безсильный Законодательный Корпусъ.

Притомъ республиканская партія отнюдь не стремилась къ разоруженію націи. Она добивалась политической свободы, дѣйствительнаго контроля страны надъ внутренней и внѣшней политикой правительства; она говорила, что давать Имперіи солдатъ до удовлетворенія этихъ требованій значитъ давать ихъ тираніи и авантюризму. Обезпечить миръ посредствомъ свободы и создать въ интересахъ національной обороны чисто народную армію путемъ широкой организаціи національной милиціи, которая пріучила бы всѣхъ гражданъ владѣть оружіемъ,—вотъ къ чему сводилась программа республиканцевъ. Другой программы они не могли и имѣть. И судить о ней нужно въ общемъ и цѣломъ.

Но такъ какъ правительство не принимало этой общей политики республиканской оппозиціи, то оно само и должно было навязать своему большинству свои собственные организаціонные планы и систему. Планъ Ніеля былъ еще слишкомъ нерѣшительнымъ и сложнымъ, и если бы онъ былъ принятъ даже цѣликомъ, то онъ могъ бы увеличить силу арміи не на много и не скоро. Имперія не посмѣла отстаивать его по существу. Правительственные депутаты, хотя и отказываясь отъ подлинныхъ вольностей и отъ дѣйствительнаго контроля, способныхъ обезпечить сохраненіе мира, ни о чемъ другомъ кромѣ мира не говорили. Имперія, облекавшая ихъ полномочіями и доставлявшая имъ депутатскіе мандаты, заранѣе заготовленные въ кабинетахъ префектовъ, не съумѣла потребовать отъ нихъ проявленія мужества. Сама она уже не располагала всѣми тѣми средствами устрашенія и тѣмъ подавляющимъ престижемъ, которыми она пользовалась послѣ государственнаго переворота, и не могла искренно искать новой опоры въ демократіи и свободѣ; она не обладала достаточнымъ моральнымъ авторитетомъ, чтобы потребовать отъ націи какихъ-либо жертвъ. Послѣ грубаго подавленія высшихъ проявленій человѣческаго духа она должна была бережно относиться къ самымъ низменнымъ инстинктамъ. Вмѣсто воли у нея были поползновенія; и въ сильную бурю она очертя голову ринулась, вмѣстѣ съ Франціей, на корабль, завѣдомо негодный и разсохшійся. Въ теченіе многихъ лѣтъ Имперія была уже не правительствомъ, а авантюрой, вступившей въ періодъ ликвидаціи.

Но если въ разгарѣ этого ужаснаго кризиса Франція, съ одной стороны, не имѣла въ своемъ распоряженіи сильнаго правительства, то съ другой стороны, она не располагала также достаточными революціонными силами.

Къ началу войны республиканская идея еще не пользовалась ни такимъ распространеніемъ, ни такимъ вліяніемъ къ странѣ, чтобы она могла во время овладѣть событіями и вызвать среди націи непобѣдимое массовое движеніе. Всѣ демократическія и освободительныя попытки, терпѣвшія неудачу въ продолженіе истекшаго столѣтія, оставили въ народномъ сознаніи какой-то осадокъ, составленный изъ скептицизма, усталости и тягостнаго недовѣрія. Выразителемъ этого настроенія явился Прево-Парадоль въ своей «Новой Франціи», иныя страницы которой проникнуты глубокой меланхоліей, гдѣ сама надежда проглядываетъ только черезъ траурное покрывало.

Выборы 1869 года, мобилизовавшіе три милліона сторонниковъ оппозиціи, содѣйствовали подъему общественнаго настроенія. Гамбетта предсказывалъ, что дѣйствіе всеобщаго избирательнаго права само по себѣ приведетъ къ близкой побѣдѣ. Въ этой пестрой оппозиціонной арміи преобладала республиканская партія, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ городскихъ центрахъ. Но плебисцитъ подорвалъ воскресшую было вѣру. Когда странѣ пришлось прямо высказаться по поводу Имперіи, она дала ей подавляющее большинство. Какой тяжкій камень рабства тяготѣлъ еще надъ Франціей! Правда, мужество республиканцевъ не было сломлено. Они продолжали вести смѣлую и активную пропаганду; сформировался рабочій и соціалистическій авангардъ, вскорѣ поднявшій республиканскій духъ, который нѣсколько ослабѣлъ было подъ вліяніемъ затяжныхъ ухищреній парламентской оппозиціи. Но какое значеніе имѣла эта кучка въ сравненіи съ многомилліонной массой, лишній разъ санкціонировавшей свое собственное банкротство и всеобщее рабство? И какимъ образомъ народъ и республиканцы, ошеломленные этимъ ударомъ, могли сразу, съ объявленіемъ войны или даже послѣ первыхъ неудачъ и до непоправимаго пораженія, овладѣть событіями? Число людей, готовыхъ совершить республиканскій переворотъ для болѣе дѣйствительной защиты отечества, было ничтожно. Незначительная кучка героевъ, которая 16 августа вмѣстѣ съ Бланки, Эдомъ, Гранье неожиданно напала на полицейскій постъ въ Фобургѣ Лавилеттъ, надѣясь вызвать революціонное движеніе въ Парижѣ, какъ бы потонула въ волнахъ всеобщаго неодобренія и изумленія. Самъ Бланки съ трогательной грустью констатировалъ этотъ результатъ революціонной попытки.

«...Инсургенты... двинулись къ Бельвилю по внѣшнему бульвару. Уже тогда для нихъ стало очевиднымъ, что ихъ предпріятіе обречено на неудачу. Населеніе, казалось, поражено было столбнякомъ. Привлекаемое любопытствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдерживаемое страхомъ, оно стояло недвижимо и молча жалось къ стѣнамъ домовъ по обѣимъ сторонамъ улицы. Бульваръ, по которому проходили инсургенты, опустѣлъ. Тщетно они обращались къ зрителямъ съ кликами: «Да здравствуетъ республика! Смерть пруссакамъ! Къ оружію!» Народъ ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ не отвѣчалъ на эти призывы. Главари предпріятія предполагали, что серьезность положенія и тревоги предшествовавшихъ дней будутъ достаточными мотивами, способными расшевелить массы. Но безсильныя волненія первыхъ дней смѣнились какимъ-то упадкомъ духа; мысли приняли иное направленіе: умы начали склоняться къ подозрѣнію, къ чрезмѣрному опасенію передъ прусскими шпіонами».

Но могъ ли бы народъ впасть въ такое заблужденіе, если-бы почва для республиканско - революціоннаго движенія была серьезно подготовлена? Развѣ онъ немедленно послѣ битвы при Рейхсгофенѣ и Форбахѣ не восполь-

зовался бы потрясеніемъ первыхъ пораженій для низверженія Имперіи и спасенія отечества? Мѣсяцъ спустя, Бланки писалъ:

«Парижъ понимаетъ, что эти люди хотѣли совершить 16 августа то, что осуществилось 4 сентября. Они, конечно, ошиблись, такъ какъ время еще не наступило; нужно умѣть угадывать подходящій моментъ, и въ такихъ важныхъ вопросахъ промахъ, ошибка въ разсчетѣ сопряжены съ тяжкой отвѣтственностью. «Я думалъ», никогда не можетъ служить оправданіемъ».

«Рисковать на свой страхъ свободой, быть можетъ, цѣлой націи—это ошибка, часто непоправимая, которую ничѣмъ нельзя оправдать». Бланки добавляетъ, что попытка 16 августа была сдѣлана или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Слишкомъ рано потому, что народъ не былъ еще достаточно освѣдомленъ и возбужденъ колоссальными размѣрами катастрофы. Слишкомъ поздно потому, что уже съ 14 августа Базэнъ началъ доставлять нѣмцамъ возможность запереть себя въ Мецѣ. Однако, еслибы республика была провозглашена въ этотъ день, Макъ-Магонъ не могъ-бы двинуться къ Седану, а «его 150.000 солдатъ, опираясь на Парижъ, превратились бы въ непобѣдимую армію». То обстоятельство, что парижское населеніе выжидало такъ долго, свидѣтельствуетъ о слабости и непрочности революціоннаго настроенія. Народъ не только не провозгласилъ во-время республики, но и не поддержалъ уличными движеніями робкихъ попытокъ лѣвыхъ депутатовъ низложить регентство и побудить Законодательный Корпусъ взять въ свои руки государственную власть во имя угрожаемой Франціи.

Когда наступилъ день 4 сентября, всѣ организованныя силы Франціи находились на днѣ пропасти, а Республика въ дѣлѣ призыва, организаціи и воспитанія новыхъ силъ не могла опереться хотя бы на малѣйшіе остатки старыхъ армій. Армія Макъ-Магона находилась въ плѣну; армія Базэна была блокирована, дважды связана — во-первыхъ, непріятелемъ, а во-вторыхъ—измѣной. И тѣмъ не менѣе, еслибы Правительство Національной Обороны было проникнуто рѣшимостью и если-бы оно могло разсчитывать на республиканскій духъ Франціи, то тяжелое положеніе могло бы еще быть поправлено. Бисмаркъ опасался двухъ вещей: онъ боялся, что созванное немедленно Національное Собраніе возбудитъ упавшую энергію страны. Правительство Національной Обороны колебалось. Сначала оно подумывало о созывѣ Собранія; затѣмъ отложило осуществленіе этого плана и, наконецъ, отказалось отъ него по той причинѣ и подъ тѣмъ предлогомъ, что часть національной территоріи была занята пруссаками.

Было, конечно, величайшимъ несчастіемъ, что дѣятели революціи 4 сентября не могли аппелировать къ Франціи съ твердой увѣренностью, что она дастъ отвѣтъ, проникнутый одновременно и республиканскимъ, и національнымъ духомъ. Если-бы великое Собраніе, избранное въ это бурное время, провозгласило республику законной и окончательной формой государственнаго устройства, если-бы оно объявило всему міру, что оно готово заключить миръ и обязуется не тревожить Германію и признать ея объединеніе, если-бы оно во всеуслышаніе заявило, какъ это сдѣлалъ Жюль Фавръ отъ своего собственнаго имени и безъ всякаго авторитета на свиданіи въ Ферьерѣ, что оно готово на будущее время заключить съ Германіей договоръ о рѣшеніи взаимныхъ недоразумѣній третейскимъ судомъ, но если-бы оно въ то же время добавило, что не согласится ни на какое раздробленіе оте-

чества, эффектъ получился бы, безъ сомнѣнія, очень сильный и во Франціи, и въ Европѣ, а прусскіе министры очутились бы въ весьма затруднительномъ положеніи. Но широкіе слои націи настолько еще были пропитаны духомъ рабства, что Франція, по всей вѣроятности, избрала бы ненадежное Собраніе, республиканское по имени, но безъ рѣшимости и вѣры.

Но способенъ ли, по крайней мѣрѣ, Парижъ развить значительное напряженіе? Къ этому сводилось второе опасеніе Бисмарка. Одно время послѣ Седана онъ подумывалъ о томъ, что лучше было бы не нападать на Парижъ, отчасти для того, чтобы предоставить борющимся партіямъ перегрызть другъ друга, а отчасти изъ страха, чтобы осада не толкнула эту великую силу на самое революціонное и отчаянное сопротивленіе.

Но Правительству Національной Обороны съ перваго же дня недоставало вѣры ни въ самого себя, ни въ Парижъ. Назначеніе главнокомандующимъ заядлаго реакціонера, не вѣрившаго даже въ возможность сопротивленія, было своего рода политической капитуляціей, которая позволяла догадываться о предстоящей военной капитуляціи. Оно смотрѣло на рабочій классъ, какъ на анархическую и ни къ чему не годную массу. И не только Бланки разоблачалъ эту дряблость и реакціонныя симпатіи Правительства Національной Обороны; самъ Гамбетта также заявилъ, что это правительство совершило величайшую ошибку, отказавшись управлять страной вмѣстѣ съ какой-нибудь опредѣленной партіей, со своей партіей. То обстоятельство, что посреди всеобщаго распада Гамбетта продолжалъ борьбу въ провинціи, а парижское населеніе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ поддерживало героическое, хотя и пассивное и вялое сопротивленіе, было замѣчательнымъ подвигомъ, не прошедшимъ безслѣдно.

Завоеватели убѣдились, что не легко справиться съ Франціей, даже дезорганизованною, даже лишенною той силы натиска, которая создается или сильнымъ правительствомъ, или единодушной и проникнутой энтузіазмомъ революціей. Бисмаркъ переживалъ тревожные дни, а воспоминаніе о продолжительной и трудной борьбѣ до сихъ поръ хранитъ Францію; тѣ, кто вздумалъ бы покуситься на ея самостоятельность или территоріальную неприкосновенность, прекрасно знаютъ, что имъ пришлось бы имѣть дѣло съ грозной силой, если бы энергія французскаго народа была возбуждена какой-нибудь великой идеей. А эта увѣренность является гарантіей всеобщаго мира и спокойнаго развитія международнаго соціализма. Война, разгорѣвшаяся благодаря взбалмошности Наполеона и интригамъ Бисмарка, принесла Европѣ глубокую рану: она повела за собой раздробленіе одного народа, всеобщее недовѣріе и развитіе всемірнаго милитаризма. Какъ разсѣять этотъ печальный хаосъ злобы и насилія? Какимъ образомъ установить миръ на основѣ права и вернуть всѣмъ народамъ свободу самоопредѣленія, не вызывая при этомъ новыхъ конфликтовъ? Вотъ въ чемъ заключается тайна будущаго; такова грозная загадка, разрѣшить которую въ состояніи только международный соціализмъ. Въ печальной драмѣ, о которой я повѣствую, человѣческая совѣсть утѣшается тѣмъ, что уже здѣсь чувствуется содроганіе рабочаго класса, которому суждено сдѣлаться великимъ освободителемъ и великимъ умиротворителемъ человѣчества. Вотъ что придаетъ глубокій смыслъ и неизгладимое значеніе возстанію Коммуны. Она была въ одно и то же время и протестомъ оскорбленнаго національнаго правосознанія, и провозглашеніемъ пролетарскаго идеала, который примиритъ всѣ народы въ справедливости.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе I

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исторія Второй Имперіи до франко-прусской войны (1852--1870) Альбера Тома.

Глава I.—**Отъ Елисейскаго дворца до Тюильрійскаго.**

Государственный переворотъ.—Сопротивленіе перевороту.—Бойня въ Парижѣ.—Поведеніе рабочихъ.—Возстанія въ провинціи.—Гоненія на республиканцевъ и соціалистовъ.—Смѣшанныя комиссіи.—Плебисцитъ.—Новая конституція 1852 года.— Законодательная дѣятельность правительства въ періодъ военной диктатуры. — Оцѣнка государственнаго переворота Прудономъ и Марксомъ.—Выборы въ Законодательный Корпусъ.—Первая сессія.—Плебисцитъ и провозглашеніе Имперіи. 1

Глава II.—**Расцвѣтъ Имперіи.**

Политическая организація Имперіи.—Мнимый конституціализмъ.—Правительственное давленіе на выборы; оффиціальные кандидаты.—Безсиліе оппозиціи.—Законъ о печати.—Полицейская вакханалія.—Армія и духовенство.—Ультрамонтанство.—Удовлетвореніе матеріальныхъ интересовъ буржуазіи.—Грюндерство; биржевая игра.—Роль сенъ-симонистовъ.—Развитіе кредита, желѣзнодорожнаго строительства и промышленности.—Общественныя работы; „османизмъ"; переустройство Парижа и другихъ городовъ.—Попытки подкупить рабочій классъ филантропіей.—Судьба рабочихъ обществъ.—Законы о совѣтахъ прюдомовъ и рабочихъ книжкахъ.—Умственное порабощеніе народныхъ массъ; развитіе монашескихъ школъ.—Упадокъ общественнаго настроенія.—Блескъ двора.—Погоня за національной славой.—Клерикальный націонализмъ.—Крымская война.—Парижскій конгрессъ.—Торжество Наполеона III. . 38

Глава III.—**Первые симптомы крушенія.**

Стойкость республиканцевъ.—Ссылка и эмиграція.—Бланки, Барбесъ, Луи Бланъ, Ледрю-Ролэнъ, Феликсъ Піа, Эдгаръ Кинэ, Викторъ Гюго.—Литературная дѣятельность эмигрантовъ.—Контрабандный ввозъ революціонной литературы.—Выработка республиканской молодежи.—Кружки.—Демонстраціи.—Рабочіе.—Живучесть республиканскихъ и соціалистическихъ идей среди рабочихъ.—Раздоры среди эмигрантовъ.—Заговоры и покушенія.—Бойкотъ выборовъ.—Выборы 1857 г.; избраніе пяти кандидатовъ оппозиціи.—Итальянскій вопросъ.—Покушеніе Орсини.—Законъ объ общественной безопасности; травля республиканцевъ.—Итальянская война.—Выступленіе „Группы Пяти".—Амнистія.—Фритредерскіе торговые договоры.—Мнимыя либеральныя мѣры . . . 80

Стр.

Глава IV.—**Обманутый расчетъ.**

Служеніе католическимъ интересамъ.—Китайская экспедиція.—Сирійская экспедиція.—Вмѣшательство въ румынскія и сербскія дѣла.—Мексиканская экспедиція, „самая блестящая идея царствованія".—Римскій вопросъ.—Клерикальная оппозиція.—Польское возстаніе; нерѣшительность Наполеона III; ссора его съ русскимъ царемъ.—Завоеванія политической свободы.—Расширеніе бюджетныхъ правъ Законодательнаго Корпуса.—Дѣятельность „Группы Пяти".—Измѣна Эмиля Оливье.—Новое поколѣніе.—Гамбетта. — Бланкисты и революціонеры. — Выборы 1863 года.—Успѣхи оппозиціи. 125

Глава V.—**Выступленіе новой силы.**

Утопическія системы и рабочій классъ.—Традиціи бабувизма и бланкизма.—Развитіе французской промышленности.—Ростъ промышленныхъ центровъ, машинизма и индустріальнаго пролетаріата.—Положеніе рабочаго класса.—Заработная плата и цѣны на предметы потребленія.—Броженіе среди рабочихъ по донесеніямъ генеральныхъ прокуроровъ.—Ростъ классоваго самосознанія.—Стремленіе къ самодѣятельности и профессіональной организаціи.—Союзы, стачки, саботажъ, бойкотъ.—Судебныя и полицейскія преслѣдованія.—Полицейскія попытки овладѣть рабочимъ движеніемъ.—„Рабочія брошюры".—Пале-Рояль и рабочее движеніе.—Посылка делегаціи отъ парижскихъ рабочихъ на Лондонскую Выставку 1862 года.—Выступленіе Толэна и его товарищей.—Признаки возрожденія рабочаго движенія.—Стачка парижскихъ наборщиковъ.—Встрѣча французскихъ рабочихъ съ англійскими трэтъ-юніонистами и съ политическими эмигрантами.—Расколъ среди передовыхъ парижскихъ рабочихъ.—Рабочія кандидатуры.—„Манифестъ Шестидесяти".—Стремленіе сознательныхъ пролетаріевъ освободиться отъ опеки буржуазныхъ демократовъ.—„Манифестъ Восьмидесяти".—Кандидатура Толэна.—Уступки правительства растущему рабочему движенію.—Законъ о коалиціяхъ; его недостаточность.—Оживленіе европейскаго и въ частности англійскаго рабочаго движенія.—Митинги протеста по поводу американской междоусобной войны и польскаго возстанія.—Сближеніе англійскихъ и французскихъ рабочихъ.—Митингъ въ Сентъ-Джемсъ-Холлѣ.—Основаніе Международной Ассоціаціи Рабочихъ.—Послѣднее произведеніе Прудона „О политической зрѣлости рабочаго класса". 156

Глава VI.—**Начало конца** (1864—1867).

Изолированное положеніе Франціи въ концѣ 1863 года.—Вопросъ о герцогствахъ и австро-прусская война.—Конецъ мексиканской авантюры.—Оппозиція въ Законодательномъ Корпусѣ.—Тьеръ.—Силлабусъ.—Образованіе „средней партіи".—Слухи о войнѣ.—Антимилитаристическая пропаганда революціонеровъ; „стачка народовъ противъ войны".—Литературная дѣятельность Вермореля, Лонгэ, Лафарга и друг.—Люксембургскій вопросъ.—Дипломатическое пораженіе Наполеона III.—Казнь Максимиліана въ Мексикѣ.—Упадокъ французскаго престижа въ международныхъ дѣлахъ. 237

Глава VII.—**Борьба съ Имперіей.**

Парламентская жизнь въ 1864—68 гг.—Разрывъ революціонной молодежи съ умѣренными либералами.—Новое поколѣніе склоняется къ атеизму, республиканству и соціализму.—Интернаціоналъ.—Учредительный адресъ и статуты.—Начало спора о взаимоотношеніи экономической и политической борьбы.—Пропаганда интернаціоналистовъ.—Женевскій конгрессъ Интернаціонала; докладная записка французской секціи.—Прудонизмъ первыхъ французскихъ интернаціоналистовъ.—Ихъ борьба съ бланкистами.—Вмѣшательство Интернаціонала въ экономическую борьбу рабочихъ.—Мѣры правительства.—Законъ о народномъ образованіи.—Поощреніе кооперативнаго движенія, какъ способъ борьбы съ революціонными тенденціями пролетаріата.—Засѣданія рабочихъ дале-

Стр.

гатовъ въ пассажѣ Рауль.—Лозаннскій конгрессъ Интернаціонала.—Женевскій конгрессъ Лиги Мира и Свободы.—Отношеніе интернаціоналистовъ къ буржуазной демократіи.—Первый и второй процессы Интернаціонала.—Рѣчь Варлэна.—Упадокъ Интернаціонала во Франціи въ 1868 году. 269

Глава VIII.—**Къ соціальной революціи.**

Подъемъ общественнаго настроенія въ 1868 году. — Либеральныя уступки правительства.—Законъ о свободѣ печати. — Новые органы прессы; „Фонарь“ Рошфора.—Демонстрація на могилѣ Бодена; процессъ Делеклюза и другихъ.—Народныя собранія; ихъ вліяніе.—Прудонисты и бланкисты.—Брюссельскій конгрессъ Интернаціонала.—Торжество коллективизма и пораженіе прудонистовъ.—Бернскій конгрессъ Лиги Мира.—Выступленіе Бакунина; „Альянсъ соціальныхъ революціонеровъ“.—Новые дѣятели французскаго Интернаціонала: Варлэнъ, Обри, Альберъ Ришаръ, Бастелика, Малонъ.—Возрожденіе Интернаціонала во Франціи.—Выборы 1869 года.—Самостоятельное выступленіе соціалистовъ.—Побѣда республиканцевъ и неудача рабочихъ кандидатуръ.—Массовое экономическое движеніе пролетаріата и участіе въ немъ членовъ Интернаціонала.—Профессіональные союзы.—Базельскій конгрессъ Интернаціонала.—Значительная часть французскихъ интернаціоналистовъ примыкаетъ къ Бакунину.—„Либеральная Имперія“.—„День 26 октября“ и окончательный разрывъ революціонеровъ съ парламентской оппозиціей.—Федерація профессіональныхъ союзовъ.—Наростаніе революціонной волны.—Ожиданія соціальнаго переворота.—Похороны Виктора Нуара.—Арестъ Рошфора; Флурансъ призываетъ народъ къ возстанію.—Борьба интернаціоналистовъ противъ частичныхъ вспышекъ.—Забастовочное движеніе.—Ліонскій съѣздъ.—Плебисцитъ.—Третій процессъ Интернаціонала.—Безостановочный ростъ соціалистическаго движенія. . . . 304

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Франко-прусская война и паденіе Имперіи (1870—1871) Жана Жореса.

Глава I.—**Общій обзоръ событій.**

Вопросъ объ испанскомъ престолѣ.—Эмская депеша.—Объявленіе войны.—Сила нѣмецкой и французской арміи.—Пораженіе Макъ-Магона и Базэна.—Вліяніе политическихъ расчетовъ на дѣйствія французскихъ военачальниковъ.—Измѣна Базэна.—Седанъ; капитуляція Наполеона III.—Революція 4-го сентября; провозглашеніе Третьей Республики.—Правительство Національной Обороны.—Осада Парижа.—Турская делегація и дѣятельность Гамбетты.—Капитуляція Базэна въ Мецѣ.—Возстаніе 31 октября.—Національная оборона.—Перемиріе.—Бордосское Національное Собраніе.—Заключеніе мира. 367

Глава II.—(Пропущена).

Глава III.—**Причины пораженія Франціи; виды на будущее.**

Слабость правительственной власти.—Тактическія ошибки французскихъ стратеговъ.—Растлѣвающее вліяніе бонапартизма.—Невѣжество и неспособность императорскихъ генераловъ.—Программа республиканской оппозиціи: милиція.—Слабость революціонеровъ.—Мнѣніе Бланки.—Ложная политика правительства Національной Обороны.— Значеніе народнаго сопротивленія.—Установленіе всеобщаго мира, какъ слѣдствіе побѣды международнаго соціализма. 381